В.В. Алексеев

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URALS BRANCH
INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY
URALS INSTITUTE OF HUMANITIES

V.V. Alekseyev

SOCIAL POTENTIAL OF HISTORY

Ekaterinburg
2004

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

В.В. Алексеев

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИИ

Екатеринбург
2004

Предисловие

Многие из нас любят историю, увлекаются книгами на разные исторические темы, но мы привыкли воспринимать ее как давно минувшее, мало связанное с настоящим, а то и просто как занимательное чтение. Иной ракурс предлагает в своей новой книге академик В.В. Алексеев. Он пытается доказать, что прошлое оказывает самое непосредственное влияние на настоящее, часто держит его в цепких объятиях, а потому требует своего внимательного изучения и извлечения из него позитивных и негативных уроков. Более того, такой подход может иметь прогностическое значение. Тем самым общественный потенциал истории, его значимость для современников значительно расширяется.

Свои многолетние размышления по данному вопросу автор представляет в четырех разделах книги, где раскрывается практическая значимость исторического опыта, определяется место России в мировом цивилизационном процессе, показывается роль ее индустриального наследия, в том числе такого непростого как атомное, оценивается суть последнего царствования, парадоксы жизни и гибели императора Николая II, общественный резонанс дискуссии о подлинности останков царской семьи. По этим проблемам излагаются оригинальные точки зрения, с которыми может быть не все согласятся, но они, как правило, основательно фундированы и дают богатую пищу для собственных размышлений читателя.

Книга демонстрирует широкий кругозор автора, его умение тонко связать прошлое с настоящим, способность сделать из этого практически полезные выводы. Она отличается живостью изложения, полемичностью не в ущерб научности, легко с интересом читается. Рекомендую ее всем, интересующимся историей, ее связью с современностью.

Б.В. Литвинов, академик РАН,
заместитель научного
руководителя Российского
федерального центра
технической физики

PREFACE

Many of us like history and are fond of reading books illuminating different pages of the past. Yet, we usually perceive it as the bygone past inconsequential with the present days or even as a purely entertaining reading. It is foreshorten in the other way in the new book by academician of the Russian Academy of Sciences V.V.Alekseyev. His effort is to convince the reader that the past makes a direct impact on the present, often folds it strongly in its arms and consequently is worth of thorough research aimed at the learning of its positive and negative lessons. More than this, this approach may be of prognostic character. Thus, it considerably enlarges social potential of history for the contemporaries.

The author presents his many years' thoughts on the subject in four parts of the book, where he displays the practical significance of historical experience; defines Russia's place in the world civilization process; reveals the role of its industrial heritage, the nuclear heritage including; evaluates the essence of the last tsardom, the paradoxes of Emperor Nicholas II's life and death, public resonance of discussion on the tsar's family remains authenticity. Dealing with these problems, the author expounds original points of view, which if even arguable, are mostly well substantiated and provide rich soil for a reader's proper reflections.

The book demonstrates the author's broad horizon, his ability to connect finely the present and the past, his aptitude to draw the conclusions of practical value. It is distinguished with vivid exposition, polemic character not to the detriment of science, and is an easy and pleasant reading. I recommend it to everybody feeling interest in history and its links with our days.

B.V. Litvinov, academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy of the scientific head of the Russian Federal Center of Technical Physics

Введение

История – это запечатленная в сознании общества судьба народов Земли. Она делится на мифологическую и научную, материальную и духовную, континентальную и локальную, религиозную и политическую, этническую и государственную, военную и гражданскую, а также другие составляющие, обнимая все стороны жизни Человечества, его эпох и цивилизаций, взаимодействия с окружающей средой, что составляет гигантский кладезь знаний, отложившихся в артефактах, устных традициях, письменных и печатных сочинениях, на аудио, видео, электронных носителях.

История – наука социальная, не только потому, что она изучает прошлое общество, но и потому, что отвечает на запросы настоящего, фактически каждого нового поколения в той мере полноты, в какой сохранились для этого источники. Поэтому историк обладает лишь относительной истиной. Всей правды истории не знает никто. Однако для Человечества важно понять хотя бы основные ее движущие силы, для того, чтобы заглянуть в свое будущее, которое есть результат сплава прошлого и настоящего. В этом огромная значимость общественного потенциала истории.

История как область человеческого знания, представляет собой синтез науки и искусства. Науки потому, что она требует выявления и глубокого осмысления огромного количества фактов, приведения их в систему, установления причинно-следственных связей в развитии общества, установления влияния на него исторических личностей и титанических усилий народных масс по обеспечению своего существования в различных природно-климатических и социальных условиях. Искусства потому, что история по природе своей отражает героизм и трагизм человеческой личности и, в отличие от других наук, требует живого образного восприятия и эмоционального воз-

действия на людей с целью подвигнуть их на те или иные свершения.

Историков нередко упрекают в том, что они переписывают свои труды. Если история наука, то она должна развиваться, как другие отрасли знания, а потому совершенствоваться и уточняться по мере поступления дополнительной информации, возникновения новых запросов общества и продуцирования свежих идей. К сожалению, историю иногда переписывают в угоду политической конъюнктуре, что ничего общего с наукой не имеет и рано или поздно отторгается.

По мере ускорения исторического процесса, перехода к информационному обществу и совершенствования научного познания возрастает роль исторического знания, необходимость использования его в современной социальной практике. Чтобы сохраниться и занять достойное место в новом обществе, исторической науке предстоит перестроиться от описательности к аналитичности. Такой путь уже проделали практически все науки. Наряду с воспитательной и идеологической функциями ей предстоит развить прогностическую, обеспечивающую повышение обоснованности решения проблем современности на основе исторического опыта.

Для перестройки историческая наука имеет богатейшую базу – общественный потенциал исторического процесса, который пока еще слабо используется Человечеством, предпочитающим идти вперед, без оглядки на свое прошлое, таящее массу грозных предупреждений для настоящего и будущего. Отсюда бесконечное повторение трагедий, новых по форме, но фактически старых по содержанию. Это прежде всего относится к войнам, социальным потрясениям, экологическим катастрофам.

Достаточно напомнить, что две мировые войны прошлого века начинались на Балканах, а сегодняшние события там же должны служить предупреждением об опасности развязывания третьей. Предпосылкой многих социальных потрясений являлось неблагоприятное соотношение демографических циклов и обеспеченности продовольствием. В европейской истории выделено восемь таких циклов. Некоторые из них предшествовали

английской, французской, да и русской революциям. С определенной долей осторожности данную тенденцию можно распространить и на распад Советского Союза. По причине быстрого роста населения в XX в. и недостатка собственного продовольствия в связи с насильственной коллективизацией деревни он вынужден был покупать значительную часть хлеба за рубежом на нефтедоллары, а когда противоборствующие державы резко обрушили цены мирового рынка на нефть, то пришлось просить кредиты, которые привели к политической зависимости. Опасаясь хлебных бунтов, аналогичных Новочеркасскому при Хрущеве, Горбачев пошел на уступки. В результате потерял власть и целостность страны. Конечно, для этого было много других причин, но названную исключать не приходится. В настоящее время Россия находится еще в большей зависимости от Запада в области продовольственного обеспечения, и не трудно предположить, чем это может кончиться. Примеров экологических катастроф вследствие необдуманных действий людей не перечесть. Они хорошо известны нашим современникам, но из этого нечасто делаются правильные выводы.

Все это побудило нас четверть века назад обратиться к проблеме практического использования общественного потенциала истории, прежде всего исторического опыта[1], разработать теоретические подходы к ней, получить конкретные результаты как на общероссийском, так и на региональном уровне. Данная публикация преследует цель представить их в концентрированном виде, поскольку ранее они были разбросаны по многочисленным отечественным и зарубежным изданиям, а некоторые не печатались вовсе. В первом разделе сгруппированы работы по историческому опыту, во втором – по модернизации России, в третьем – по сохранению индустриального наследия, в четвертом – по вопросам гибели царской семьи, получившем широкий общественный резонанс в России и за рубежом в связи с противоречивостью данных о ее судьбе. Отбор произведен не по хронологическому, а по проблемному принципу. В каждом разделе сначала помещаются общетеоретические или общеисторические тексты, а за ними – конкретно исторические или региональные.

В совокупности они освещают крупный пласт проблем практической значимости, которые активно обсуждаются в обществе.

Хотелось бы выразить надежду, что данная публикация послужит актуализации общественного потенциала истории, привлечет внимание к совершенствованию исторической науки, ее повороту к нуждам современной социальной практики, а читатель пополнит свои знания ранее неизвестными ему суждениями и фактами.

Примечания

[1] Алексеев В.В. Исторический опыт освоения Сибири – в современную практику // Изв. СО РАН СССР. Серия общественных наук. 1981. №11. Вып. 3. С. 10-14. Он же (научный руководитель). Целевая научно-исследовательская программа: Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1987; Он же (научный руководитель). Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории). Свердловск, 1989 и др.

I. Исторический опыт

Наиболее полно общественный потенциал истории проявляется в историческом опыте Человечества, однако до сих пор не разработан способ извлечения уроков из этого опыта. Политики и ученые много говорят и пишут о необходимости и важности использования опыта прошлого при решении проблем современности, но, как правило, эти призывы не идут дальше политической и идеологической полемики. Конкретное применение исторического опыта постоянно наталкивается на неумение делать это. Проблема заключается в том, чтобы выяснить причины такой трудности и попытаться найти пути ее преодоления.

Овладение историческим опытом необходимо прежде всего для России, которая на протяжении многих столетий не делает правильных выводов из своих бед, повторяя разные по форме, но однотипные по содержанию ошибки. При этом она пытается ухватиться за "фалды" чужого опыта, не соизмеряя возможности его адаптации к своим специфическим условиям. Короче, важнейшая проблема сочетания инноваций и традиций в российской истории может быть успешно решена только на основе соотнесения отечественного и зарубежного опыта общественного развития. Попытаемся это сделать хотя бы в первом приближении.

Исторический опыт как предмет изучения

Раскрытие этой темы начинается с сакраментального вопроса: учит ли чему-нибудь история? Наши великие предшественники, в частности "отец истории" Геродот, признавали за историей воспитательную функцию и призывали учиться у предков мудрости, мужеству и благородству. Многие поколения историков, писателей, художников и музыкантов обращались к героическому и трагическому прошлому с

тем, чтобы восславить или осудить его, найти образцы для подражания молодому поколению.

Исторические знания использовались и продолжают использоваться в политической, идеологической и религиозной борьбе. С особой остротой, изощренностью и даже ожесточением эта функция истории применялась в эпохальном противостоянии между буржуазной и марксистской идеологиями. Исторические аргументы пускают в ход не только мировые религии и крупные политические силы, но и мелкие фракции, секты, отдельные политики и проповедники.

А может ли история выполнить **эвристическую функцию**? На этот счет было и остается много сомнений. Великий немецкий философ *Г Гегель* писал: "Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее" На этом цитату часто обрывают. Между тем он продолжает: "В каждую эпоху оказываются так же особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния... В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего" Следовательно, дело не в том, что история ничему не учит, а в том, что в сутолоке спешных решений и бледных воспоминаний (плохих знаний) о прошлом ее поучения не умеют соотносить с настоящим и правильно использовать.

Такое положение объясняется как объективными, так и субъективными причинами. **Главная объективная причина** заключается в том, что исторические процессы растянуты во времени, не всегда удается точно соотнести причины и следствия, которые к тому же еще осложняются специфическими чертами характера исторических деятелей и случайными обстоятельствами. Субъективная причина объясняется краткостью человеческой жизни по сравнению с длительностью исторического про-

цесса и ограниченностью возможностей людей извлекать уроки из прошлого в силу недостаточной подготовленности к этому. Между тем вечно лишь прошлое. Оно может оказаться более существенным для выработки жизненно важных решений, чем сиюминутные коллизии.

По мере усложнения политических и социальных отношений, особенно с **переходом от традиционного общества к современному**, возникла потребность учета исторических корней многих явлений. Некоторые крупные мыслители пришли к выводу о необходимости использования исторических знаний в текущей социальной практике. "История – это для нас все, – писал один из основателей марксизма *Ф. Энгельс*, и она ценится нами выше, чем каким-либо другим более ранним философским учением." Его конкретизировали русские марксисты *Г Плеханов* и *В. Ленин*. Первый категорично заявлял: "Будущее способен предвидеть тот, кто понял прошедшее" Второй говорил: "Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов"

На аналогичную точку зрения встали не только марксисты. "Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, – утверждал русский революционный демократ *В.Г Белинский*, – чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло нам о нашем будущем" Выдающийся историк конца XIX – начала XX века *В. Ключевский* был более категоричен: "История учит даже тех, кто у нее не учится. Она их проучивает за невежество и пренебрежение" В начале XX в. один из наиболее оригинальных русских философов *Н. Бердяев*, размышляя о философии истории, записал: "Если бы для индивидуального человека не существовало путей приобщения к опыту истории, то как жалок, пуст и смертен по всему своему содержанию был бы человек" В середине века крупнейший немецкий философ К. Ясперс сформулировал тезис о том, что "настоящее совершается на основе исторического прошлого, воздействие которого мы ощущаем в себе" Он обратил внимание на необходимость учета исторического опыта, его передачи, транслирующую роль поколений в этом деле.

В конце XX в., когда многие аспекты человеческой деятельности многократно усложнились, как никогда в тугой узел переплелись вопросы прошлого, настоящего и будущего, со всей

остротой встала проблема осмысления исторического опыта предшествующего развития, поиска в нем корней нынешних бед, альтернатив прогресса и духовного возрождения. С одной стороны, ушло время, когда человек ограничивался романтическим восприятием истории, размышлял о пользе ее традиций, использовал их в религиозной борьбе и идеологических баталиях. Теперь пустое занятие взирать на прошлое, "добру и злу внимая равнодушно" Его надо осмыслить, понять влияние на настоящее и будущее, извлечь позитивные и негативные уроки. С другой стороны, современная наука так далеко продвинулась вперед по сравнению с эпохами Геродота и Гегеля, что ей пора дать квалифицированные ответы на поставленные вопросы. Беда, однако, в том, что если естественные науки шагнули в XXI век, то общественные в силу длительного идеологического противостояния споткнулись на его пороге. Отсюда гигантский разрыв между техническим и социальным прогрессом, который поставил на грань выживания современную цивилизацию.

Не имея возможности ответить за все общественные науки, остановимся на "задолженности истории" С нашей точки зрения она слишком долго задержалась на описательной стадии, когда другие науки, даже родственная ей география, широко используя современные методы, перешли к аналитической, прогностической функциям. Такую роль историческая наука может выполнить на основе новых парадигм и нового инструментария, в частности, изучения исторического опыта и внедрения его результатов в социальную практику.

Нам представляется не случайным, что мыслители античности и средневековья писали о поучениях истории, а в двадцатом веке заговорили об историческом опыте. В данной связи уместно поставить вопрос о соотношении исторического знания и исторического опыта. Любопытно, что попытка дать ответ на него была предпринята в России в канун перестройки (1985–1991 гг.). Тогда на страницах журнала "Вопросы истории КПСС" состоялась широкая дискуссия на заданную тему, которая высветила как сильные, так и слабые стороны отечественной историографии. В конечном же счете она не дала искомых результатов, поскольку вся дискуссия свелась к абсолютизации опыта КПСС, подмене российских и мировых закономерностей исторического

процесса историко-партийными догматами. В потоке нарастающих перемен, а затем развала партии и государства дискуссия была свернута без каких-либо заключительных итогов.

Между тем проблема изучения исторического опыта для России остается очень важной, так как страна переживает один из труднейших этапов своей истории. Вопрос стоит так: либо продолжать идти "вслепую", ухватившись за чьи-то фалды, путем гигантских растрат человеческой энергии, природных ресурсов, финансовых средств, путем скачков и попятных движений, зигзагов; либо научиться извлекать опыт из своей богатейшей истории, соотносить его с общечеловеческим на этой основе выработать оптимальные пути развития.

Вернемся к принципиальному для нас вопросу о **соотношении объемов понятий "историческое знание" и "исторический опыт"** Их нельзя стихийно отождествлять. Имея единое объективное основание в реальном историческом процессе, эти категории предполагают различные целевые подходы к его осмыслению и, следовательно, различные результаты исследования. Исторический опыт можно рассматривать как составную часть исторического знания, ретроспективную оценку прошлого в его отношении к последующему развитию и итогам этого развития с позиций современной социальной практики. Такой подход позволяет осмыслить историческую ситуацию не просто как свершившийся факт, а как сложную вероятностную взаимосвязь между возможностью и действительностью, между прошлым и настоящим, то есть исследовать объективно заложенные в историческом процессе альтернативные варианты, позитивные и негативные решения, прогрессивные и регрессивные тенденции, возможность их проявления в будущем. Для наглядности можно привести несколько конкретных примеров. С точки зрения исторического знания важно и интересно проследить все перипетии падения Римской империи. С позиций же исторического опыта существенны основные закономерности могущества и гибели империи, так как их можно соотнести с положением в других государствах, сделать выводы о закономерностях распада и последовательности действия его механизма, на основе чего возможно прогнозирование соответствующих ситуаций. При этом изучающего исторический опыт меньше интересуют идео-

логические или историографические традиции в оценке случившегося. Для него важны прежде всего технология процесса, его механизм, движущие силы, сроки осуществления. Или другой пример из той же Римской империи – бои гладиаторов. Здесь не существенны многочисленные аксессуары, важны психология насилия, тактика ее культивирования, а потом отторжения. Возможны примеры иного свойства. Вряд ли для концепции звездных войн интересны технология производства каменных орудий первобытных охотников или тактика дружины Ермака при покорении Сибири, но то и другое важно при изучении адаптации человека к условиям обитания. Отсюда главный вывод – для исторического опыта в отличие от исторического знания необходим прежде всего практический результат исследования.

Устоявшегося определения самого понятия "исторический опыт" не существует. Оно нередко опять-таки отождествляется с историческим знанием или сводится к идеологическим штампам. Для того чтобы выйти из порочного круга тавтологии, необходимо взять за основу четкие отправные параметры, которые могут составить концептуальную базу определения. С этой целью предлагаем, рассматривать исторический опыт как: объективную реальность исторического процесса, отраженную в сознании человека, причем в той ее части, которая имеет прямое отношение к проблемам современности, концентрированное выражение социальной практики прошлого; систему закономерностей, отражающих функционирование социума в окружающей среде; преемственность знаний и умений поколений.

В связи с первой позицией можно вспомнить высказывание *Ф. Броделя*, который считал, что "история – это прежде всего ответ на вопросы ..., которые нам ставит каждое новое поколение" Это отнюдь не конъюнктура, а реалистическая оценка выдающимся историком современности запросов новых поколений о своем месте в жизни. В том же контексте стоит учесть рекомендацию *В. Ленина* сосредоточиваться "не столько на описании того, что мы пережили, сколько на тех указаниях опыта, которые мы получили и должны получить для нашей непосредственной практической деятельности" Если Бродель акцентирует внимание на требованиях современности к историкам, то Ленин

задает практический ракурс реализации этих требовании. Вторая и третья позиции с нашей точки зрения не требуют особых доказательств, потому что изначально речь идет об историческом опыте социума и его взаимодействии с окружающей средой, а не истории природы или техники.

Четвертая позиция фиксирует носителя и транслятора исторического опыта. Эту роль даже основоположник классовой теории *К. Маркс* отводил не классу и не партии, а естественному человеческому поколению. Каждое новое поколение, по его мнению, с одной стороны, наследует и осваивает опыт предшествующего, то есть "продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности" Такой подход не только определяет субъекта исторического опыта, но характеризует диалектику трансляции этого опыта.

Синтезируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что **исторический опыт – это преемственность знаний и умений поколений, концентрированное выражение социальной практики прошлого и функционирования социума в окружающей среде, ориентированные на выявление закономерностей общественного развития, на получение знаний, обеспечивающих повышение обоснованности решений проблем современности.**

Типология исторического опыта связана со временем, местом и субъектом действия. Типология по времени может строиться от конкретного исторического события до исторической эпохи. Наиболее распространенными являются периодизации по цивилизациям или формациям. Типология по месту столь же широка – от конкретного региона до части света. Чаще всего фигурируют природно-климатические зоны или страны. Типология по субъекту еще шире – от личности и коллектива до государства, класса. Поскольку для изучения опыта приходится брать объект на пересечении всех трех координат, то возникают большие трудности для комплексной типологии.

В этой связи целесообразно обратиться к ее упрощенному варианту – опыт в широком и узком смысле слова. Под исторический опытом в широком смысле можно понимать цивилиза-

ционные или формационные закономерности отдельных государств или группы государств. Исторический опыт в узком смысле слова касается прежде всего локально-исторических процессов, ограниченных в пространстве и времени. Нередко исторический опыт в широком и узком смысле слова в силу диалектического единства переплетается, локально-исторический опыт при определенных условиях перерастает во всемирно-исторический. Поэтому, изучая местный опыт, историк не только выясняет общее и особенное, но иногда выходит на общеисторические закономерности.

Исторический опыт по своей сути полифункционален. **Из большой совокупности функций мы выделяем в первую очередь три: экспертную, компаративную и прогностическую**, что связано с их особой актуальностью в современных условиях. **Экспертная** функция предполагает оценку уровня развития государства, региона, институциональной структуры или человеческого сообщества на предмет их соответствия современным требованиям, выявления неиспользованных альтернатив развития и оправдавших себя форм деятельности, а также негативных факторов, уяснения корней близких и дальних ошибочных решений, различного рода пережитков, тормозящих прогресс. В совокупности такой подход позволяет сформулировать долговременные тенденции развития, учесть закономерности их проявления, показать причины устойчивости или нарушения сложившихся форм деятельности, проследить реакцию населения на сохранение или уничтожение старых форм жизнедеятельности и внедрение новых.

Компаративная функция должна обеспечить сравнение уровня, путей и методов развития сопоставимых объектов как внутри страны, так и за ее пределами с тем, чтобы учесть, позаимствовать опыт соседей и отдаленных территорий. Такая конвергенция опыта имеет принципиальное значение, особенно для отстающих стран и регионов. Причем, сравнение приходится иногда проводить между заметно различающимися природно-климатическими, социально-политическими и временными условиями, что чревато ошибочными заключениями, которые необходимо избегать.

Прогностическая функция исторического опыта тесно связана с двумя предшествующими и вытекает из них. Она наиболее ответственна, сложна и менее отработана на практике. Тем не менее имеются прецеденты удачных социально-политических прогнозов, основанных на глубоком знании основополагающих тенденций исторического процесса. Существуют такие ситуации, которые в подавляющем числе случаев разрешаются только так, а не иначе. Их необходимо учитывать, тщательно просчитывать и своевременно предупреждать для того, чтобы оптимально уменьшить негативные последствия.

А теперь рассмотрим названные функции на конкретном историческом материале. Экспертную функцию, с одной стороны, можно иллюстрировать бесчисленными примерами, а с другой стороны, через нее надо пропустить многие, казалось бы, хорошо известные факты для того, чтобы уловить их новое звучание, извлечь из них необходимые уроки. Чем шире исторический диапазон экспертизы, тем выше уровень обобщений, более того по Ясперсу: "Лишь история человечества в целом может дать масштаб для осмысления того, что происходит в настоящее время" На первый взгляд это невыполнимая задача, но если учесть, что на протяжении известной нам истории человечества прошла лишь сотня поколений, которые не очень изменились по своим биологическим и психофизическим свойствам, то ее можно считать в принципе решаемой.

При всем многообразии и специфических проявлениях исторического опыта общественного развития выясняется, что ряд закономерностей действует с некоторыми коррекциями относительно постоянно. К их числу относятся взаимодействие между обществом и природой, между производительными силами и производственными отношениями, взаимосвязь между поколениями и политическими режимами, между уровнем благосостояния и культуры.

Попытаемся это проследить на примерах России, отталкиваясь от самых горячих точек недавней перестройки и нынешних реформ. Само понятие "перестройка" фигурирует в русском политическом лексиконе давно. *В. Ключевский* в "Курсе русской истории" утверждает, что она началась в нашем отечестве в XV в. и прошла несколько этапов, главным содержанием которых

была борьба между отживающими национальными традициями и западными инновациями. Он же предупреждал: "Природа нашей страны при видимой простоте и однообразии отличается недостатком устойчивости: ее сравнительно легко вывести из равновесия" На практике так случалось неоднократно, многие районы переживали экологические кризисы. Сведение лесов и безоглядная распашка полей ставили на грань экологической катастрофы не одну этническую общность. Если бы советские политики и экономисты знали это – печальный опыт не понаслышке, вряд ли бы они пошли на столь непродуманное освоение целины, уничтожение лесов и водоемов в XX в.

Во взаимодействии между производительными силами и производственными отношениями одну из ключевых позиций занимает рынок. Нынешние жаркие споры вокруг него могли быть более продуктивными, если бы тщательней учитывался исторический опыт России. В отличие от Западной Европы здесь всегда было сильно государственное начало в руководстве экономикой и, что очень существенно, господство натурального, нетоварного по сути хозяйства. Сталинская командная система волевым путем сломала складывающийся рынок, но надо иметь в виду, что для этого были очень серьезные естественно-исторические предпосылки, которые и сейчас не стоит сбрасывать со счетов.

Прогресс в России часто насаждался силой, путем революций сверху, нередко более кровавых, чем снизу. Через определенное время они сменялись глубоким застоем, что ставит под вопрос эффективность такой политической практики. Достаточно вспомнить преобразования Ивана Грозного, Петра I и Сталина, чтобы убедиться в этом. Объяснить такой феномен не просто. Видимо, надо учитывать срединное положение мировой державы между европейской и азиатской цивилизациями, необходимость оперативно реагировать на изменения то с одной стороны, то с другой стороны (эффект буфера) в ситуации инерционности огромной страны с многообразием природно-климатических и социально-экономических условий, а также с недостаточно высоким уровнем политического и культурного развития значительной части населения.

Советский исследователь *А. Ахиезер* подметил, что длительное существование на российской почве типологически различных цивилизаций привело к состоянию перманентного раскола в обществе, как следствие хронически незавершенных модернизаций. Раскол выступает как этнокультурный конфликт, свидетельствующий о наличии нескольких субкультур, обладающих своими ценностями, тяготеющими к разным путям общественного развития. В результате общество шарахается из одной крайности в другую, попадая на историческое бездорожье и обрекая своих членов на постоянное воспроизводство нищеты и разрухи. Получается так, что кризис отсталости сменяется либеральными реформами, затем наступает всеобщий кризис, который так или иначе вырождается в диктатуру.

Широко известно, что политическая надстройка в России веками держалась на мощном чиновничьем аппарате. С одной стороны, это следствие слабости экономических и юридических рычагов управления, с другой стороны – привычка народа к подневольному труду (надсмотрщику), начиная с татаро-монгольского ига, через крепостничество к сталинскому внеэкономическому принуждению. Глубоко укоренившаяся покорность администрации до сих пор сковывает творческие силы народа, его инициативу и деловую сметку. Очевидно, что истоки советской ведомственности надо искать не в большевистских наркоматах, а гораздо глубже. Еще в допетровские времена существовали Посольский, Хлебный приказы, Приказ тайных дел. Все это сильно напоминает Агропром, КГБ и другие коммунистические организации.

Замечено, что крутые повороты в русской истории происходят через 20–30 лет: 1801 (убийство Павла I и принципиальные изменения во внешней и внутренней политике), 1825 (восстание декабристов), 1856–1866 (подготовка и проведение буржуазных реформ), 1881 (начало контрреформ), 1905–1907 (первая российская революция), 1917 (Февральская и Октябрьская революции), 1937 (сталинские репрессии), 1953–1956 (смерть Сталина и начало десталинизации), 1982–1985 (смерть Брежнева и вступление в перестройку), т. е. при смене поколений, что можно объяснить авторитарностью политического режима, когда одна генерация руководителей заменялась другой. В странах с боль-

шими демократическими традициями столь резких колебаний не наблюдается. И тем не менее с историческим интервалом в одно поколение нельзя не считаться.

Печальные параллели можно провести между уголовщиной начала и конца XX века. Временное правительство, выпустив в марте 1917 г. из тюрем сотни тысяч заключенных, не подозревало, что значительная часть из них быстро приспособится к новому режиму, вольется в него. Уголовники, признавшие большевиков, врастали в партию и даже ЧК. Кто не сделал этого, тот был уничтожен тем же ЧК. Так слилось политическое и уголовное. Часть криминала стала чиновничеством, а часть чиновничества стала криминалитетом. Нечто похожее происходит в современной России.

Если посмотреть на Россию с геополитической точки зрения, то значительную часть своей истории она была уравновешивающей силой не только в Европе, но и в Азии. Называя ее жандармом Европы, советские историки набрасывают тень на то обстоятельство, что в большой степени благодаря ее влиянию на протяжении ста лет (1815–1914 гг.) в Европе поддерживался мир (за исключением кратких вспышек войны, которые она опять-таки помогала локализовать). Даже азиатское соперничество России и Англии, по определению *И. Ильина*, было самым парадоксальным "сотрудничеством в мировой истории" Почему это делалось? Да потому, что по расчетам *В. Ключевского* предшествующие две трети истории русский народ воевал, отстаивая свою независимость от агрессивных соседей с Востока и Запада, и одновременно занимал вмещающее пространство Евразии, тормозя хозяйственный и культурный рост Отечества. Аналогичная ситуация сложилась в середине XX в., когда сломив германскую, да и японскую агрессию, добившись военного паритета с США, Россия объективно содействовала мировому равновесию, которое нарушилось с развалом Советского Союза, что чревато непредсказуемыми последствиями. Из приведенных примеров вытекает непреложный вывод о том, что в преддверии крупных социально-экономических преобразований необходимо не только понять их своевременность и соответствие мировому опыту, но и правильно оценить свой собственный предшест-

вующий опыт, историческую обусловленность и причины живучести как позитивных, так и негативных явлений.

Компаративная функция лучше всего прослеживается в длинных волнах исторического времени. Убедительно это делает *К. Ясперс* в своей концепции осевого времени, (800–200 гг. до н. э.) сравнивая синхронность основополагающих исторических процессов в Индии, Иране, Китае, Палестине и Греции, которые до сих пор активно проявляются в жизни многих народов, прежде всего в религиях, оказывающих и поныне огромное влияние на все стороны жизни населения планеты. С таких же позиций можно посмотреть на выводы, вытекающие из великих географических открытий, образования централизованных государств в Европе, переход от традиционного к современному обществу. Особенно важно последнее, поскольку оно до сих пор определяет основополагающие параметры жизни многих стран и народов. С позиций исторического опыта во всем этом важны не отдельные явления и факты, имена, а генеральные закономерности процессов, одновременно протекающих в разных странах, для того чтобы оценить позитивный и негативный опыт, понять его влияние на последующее развитие, получить возможность обмениваться им.

На каждом историческом этапе, в каждой стране, в каждом конкретном деле есть необходимость сравнения, соотнесения своих результатов с аналогичными в другой эпохе, в другой стране, у другого исполнителя, для того чтобы проверить правильность избранного пути, а при необходимости позаимствовать у соседа лучшие решения. К числу таких неотложных задач в сегодняшней России относятся: оптимальное государственное устройство, соответствующее чаяниям народа и современным реалиям; эффективная экономика, учитывающая особенности географического положения и предшествующего этапа развития страны, отвечающая мировым стандартам; духовное возрождение народа, основанное на национальном менталитете и достижениях мировой культуры. Наибольшего успеха в их решении можно добиться только умело сочетая свой и мировой опыт. Следовательно, без компаративных исследований не обойтись.

Убедиться в прогностической функции исторического опыта труднее, поскольку мы привыкли к тому, что свершив-

шееся не повторяется, оно принадлежит только прошлому, а не будущему. А если посмотреть с другой стороны – все ли альтернативы прошлого исчерпали себя к настоящему, не может ли какая-то из них пробить себе дорогу в новых условиях. От своевременного и правильного ответа на этот вопрос, имеющего значение прогноза, может зависеть многое. Яркий пример тому – возрождение частной собственности в России после того, как в течение трех четвертей века она считалась отжившей и была уничтожена. По-другому, видимо, и не могло быть, потому что названная категория человечеством не изжита. Она рано или поздно должна была дать знать о себе, несмотря ни на какие административные запреты. А сколько еще таких или аналогичных явлений не только в России, но и в других странах? Их надо знать, предвидеть, чтобы не быть застигнутым врасплох, вовремя ответить на вопрос: какие возможности или опасности для современного развития таит в себе прошлое?

Читатель вправе спросить: а известны ли конкретные примеры исторических прогнозов? Да, известны. Первым, разработавшим такой прогноз, называл себя известный немецкий философ *О. Шпенглер*. В 1835 г. американец *А. Токвиль* писал: "В настоящее время существуют на земле два великих народа, которые начав с различных точек, приближаются, по-видимому, к одной цели: это русские и англо-американцы. Оба они выросли незаметно; и когда взоры людей были обращены в другую сторону, они вдруг заняли место в первом ряду между нациями, так что мир почти в одно время узнал и об их появлении, и об их величии для одного главное средство действия есть свобода, для другого – повиновение. Их исходные точки различны; и одинаково каждый из них предназначен, по-видимому, тайной волею провидения держать когда-нибудь в своих руках судьбу половины мира" Это предвидение сбылось к середине следующего века. Менее чем через треть века оправдалось предупреждение *Ф. Энгельса* об опасности первой мировой войны.

Стали реальностью трагические пророчества о судьбе России в XX в. В 80-х гг. XIX в. русский философ *К. Леонтьев* предсказал грядущую революцию в России, которая, по его мнению, должна была быть не либеральной, а коммунистической. Она низвергнет либерально-буржуазную интеллигенцию, а русский

коммунизм увлечет народы Востока и начнет истреблять буржуазный мир Запада. Чувствуя неотвратимость такого развития событий, их прорицатель предложил русскому царю ввести коммунизм сверху. Прав оказался историк *В. Ключевский* в том, что Алексей (сын последнего российского императора Николая II) править не будет. Отречение Николая II от престола за себя и за сына, дальнейшее уничтожение династии Романовых в 1918 г. стало прологом самого страшного кровопролития в истории России.

В. Ленин на рубеже веков обосновал возможность победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране и подтвердил это на практике Октябрьского переворота 1917 г., а *Г Плеханов* доказал невозможность построения реального социализма в ней. *Л. Толстой* предупреждал, что если в России рухнет вера, то она на долгие годы превратится в царство денег, водки и разврата. Так и случилось, когда дважды рушилась вера, сначала в православие и царя, а затем – в социализм и коммунизм. У этих прогнозов не было современного научного инструментария, но они опирались на прочный фундамент исторического опыта России.

Поражают реалистичностью прогнозы выдающегося мыслителя XX в. *И. Ильина*, относящиеся к середине века. Приведем один из области внутриполитической, другой – внешнеполитический. В первом случае он предупреждал: "... если что-нибудь может нанести России, после коммунизма новые, тягчайшие удары, то именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании демократический строй. Ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии..." В другом случае *И. Ильин* акцентировал внимание на том, что посткоммунистическое расчленение России "явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная..."

Последовательное использование вышерассмотренных функций, а в конечном счете синтез их методов способны обеспечить высокий уровень изучения исторического опыта в разных областях человеческой деятельности. При этом надо иметь

в виду, что абстрактного, застывшего опыта, пригодного на все случаи жизни, не существует, потому что сам он по мере развития человечества постоянно обогащается, видоизменяется, дифференцируется.

Со сменой приоритетов общественного развития меняется ракурс осмысления предшествующего опыта. В период возрождения из античной культуры заимствовалось одно, в новое время – другое. Русские декабристы высоко ценили опыт американской конституции и пытались его адаптировать к России начала XIX в., а большевики через сто лет отвергли его как пройденный этап буржуазного развития. В современных условиях Россия снова обращается к ней, накапливая опыт парламентаризма.

Отсюда следует, что необходимым требованием исследовательской процедуры является анализ конкретного опыта истории, соотнесенного с условиями места и времени, с определенным субъектом, с реальным уровнем социальных возможностей в конкретную историческую эпоху. Некритическое перенесение современных представлений о возможностях общества на прошлые эпохи может привести к модернизации исторического процесса, неверной оценке самого содержания исторического опыта. И, наоборот, попытки применения использовавшихся в прошлом подходов без учета кардинального изменения условий развития будут неизбежно носить искусственный, отвлеченный от действительных проблем характер.

Средством освоения опыта являются уроки истории. Они позволяют глубже понять прошлое, его позитивные и негативные результаты, связь с настоящим, воздействие на будущее. Чтобы урок исторического опыта был предметным, он в отличие от исторического знания, задающегося вопросами: что и кто, где и когда? (что свершилось, кто это сделал, где и когда произошло?), должен отвечать на два главных вопроса: почему и как? (почему произошло именно так, а не иначе, как эго отразилось на настоящем и повлияет ли на будущее?). Следовательно, исторический опыт идет от знания факта и события к исторической закономерности. Если историческое знание ограничивается объяснением явлений и тенденций исторического процесса, то исторический опыт ставит задачу выявления стабильных зако-

номерностей этого процесса, механизма их действия для того, чтобы учесть в практике совершенствования настоящего и будущего.

Процедура извлечения уроков исторического опыта предусматривает соотнесение целей и результатов деятельности, оценку оптимальности конкретного выбора субъектом целей развития и средств их реализации, а также степени их адекватности назревшим общественным потребностям. Структура предмета исследования исторического опыта зависит от конкретного объекта, а задачи его изучения предусматривают выявление социальных потребностей развития; характеристику процесса осознания этих потребностей; выбора целей развития; уяснения средств и способов их достижения; исследование деятельности по регулированию и управлению развитием; определение итогов, основных тенденций и этапов развития; оценку эффективности управления этими процессами.

Результаты изучения исторического опыта могут быть оформлены в виде монографий, аналитических обзоров для заинтересованных организаций, специальных моделей. Однако по причине того, что исторический процесс неповторим, а историческое время необратимо, создание моделей очень сильно затруднено. Важно иметь в виду и то, что исторический опыт не может дать готовых рецептов для современности. Как правило, его обобщение предполагает не столько проведение прямых аналогий или воспроизведение прошлых моделей социальной деятельности, сколько использование аналогий позитивных и негативных путей решения данной проблемы. С этой точки зрения особую ценность представляет нахождение закономерных связей исторических явлений, определение характера взаимодействующих сил исторического процесса на различных этапах. На этой основе есть возможность оценить средства и механизмы прогрессивных социальных изменений, а также факторы, влияющие на отклонение результирующих итогов деятельности от первоначально намеченных целей.

Работа по изучению исторического опыта в силу своей неординарности, масштабности и оперативности требует **новой организации**. Она не может ограничиться традиционным написа-

нием кандидатских и докторских диссертаций по стародавнему пименовскому принципу "еще одно последнее сказание – и летопись окончена моя" Наш многолетний опыт изысканий в данной области показывает, что наиболее перспективным является программно-целевой подход. На его основе разработана научно-исследовательская программа "Исторический опыт регионального развития", которая реализуется Институтом истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук. Из программы вытекает несколько конкретных исследовательских проектов. Особый интерес вызывает сравнительно-историческое исследование социальной организации российской и шведской металлургии в условиях протоиндустриализации, исторический опыт русского казачества по освоению Азиатской России, социокультурное развитие российского Севера.

В условиях глобального кризиса, который переживает современное человечество, когда опасности и возможности его самоуничтожения очень высоки, одним из важных факторов выживания может стать исторический опыт, который аккумулирует в себе мудрость и трагические ошибки предшествующих поколений, народов и целых цивилизаций, ставших жертвами пренебрежения к своему великому прошлому. В этом смысле исторический опыт можно уподобить водителю современного автомобиля – едет вперед, но постоянно смотрит в зеркало заднего вида.

Historical Experience as a subject for Study. 18th International Congress of Historical Sciences Montreal, 1995. Montreal-Ekaterinburg, 1995. P. 3-18.

Прогностика Ивана Ильина

Иван Александрович Ильин – один из немногих философов и политических мыслителей, чьи прогнозы столь часто сбывались. Эта сторона его таланта и творчества заслуживает самого пристального внимания с позиций исторического опыта, тем более в современной России, которая переживает критический период своей истории и нуждается в глубоком понимании происходящего, верных прогнозах на будущее. Попытаемся обозначить подходы к изучению данного феномена.

Основное внимание оригинального мыслителя и великого патриота своей Родины было сосредоточено на оценке постреволюционной России и перспективах ее выхода из глубочайшего национального кризиса. Удивительно, что Ильин не только умело предсказывал ближайшее будущее большевистской России, но и с потрясающей точностью спрогнозировал последствия посттоталитарного распада СССР.

Оценивая ситуацию в России после революции, Ильин понимал, что "реставрация прежнего невозможна", но не исключена реакция и диктатура[1] Для него "революция, – всегда *массовый психоз*, душевная судорога, а всякий психоз имеет свой предел и влечет за собой реакцию, то есть *обратную судорогу*. Эта судорога в России будет по всем видимостям – стихийная, мстительная и жестокая... страна вскипит жаждою мести, крови и нового имущественного передела, ибо поистине ни один крестьянин в России не забыл ни своей "надельной", ни своей купчей земли"[2] Последующие события, особенно сталинские репрессии и коллективизация, полностью подтвердили этот прогноз.

Сразу после октябрьского переворота Ильин сделал вывод, что "Россия несется на всех парах под сень самодержавия, и "направляет" ее "партия большевиков"[3] Фактически так и произошло, когда эта партия стала правящей в тоталитарном государстве. Пророческими оказались его слова о том, что "русскому народу предстоит дожить до Учредительного собрания и разочароваться в нем. Вера в работоспособность русского "революционного" Учредительного собрания может жить только в

совершенно наивной душе"[4] Политическая беспомощность этого собрания и его разгон в январе 1918 г. с удивительной быстротой подтвердили прогноз тонкого знатока российской действительности. Дважды, в первый раз в 1917, второй – в 1993 г., оказался прав Ильин, когда писал, что "истинная демократия требует, чтобы народ деятельно и *сознательно* участвовал в выборах и в учреждении нового строя. Всякое говорение *вместо* народа, *за* народ, *про* народ – нарушает самую сущность демократии..."[5] Аналогичное произошло и с другим прогнозом мыслителя: "Инстинкт самосохранения всегда подскажет народной массе: "Лучше жить *как-нибудь*, чем совсем не жить" В результате дело освобождения придет к горестному концу: разрушители погибнут жертвою собственного слепого неистовства, а народные массы вернутся в состояние рабства и распыления, бессильного скрежета и шкурного страха"[6] То и произошло в ходе так называемых социалистических преобразований! Сбылось предсказание русского пророка о существе того строя, который был установлен в России большевиками: "Социализм несет людям не братство, а классовую ненависть; не новую справедливость, а худшую несправедливость; не свободу, а свирепый зажим"[7]

В середине 30-х гг. Ильин предостерегал: "Во-первых, час революционной ситуации и мирового психоза еще не пробил, но возможно, этот час близок? Во-вторых, не хватает *талантливого полководца, коммунистического Тамерлана*, который вполне еще может подняться из будущей мировой войны..."[8] Час мирового психоза действительно оказался близок и вылился в ужасы второй мировой войны с последующими гигантскими социальными катаклизмами, которые возглавил новый Тамерлан — Сталин.

Подводя итоги революционных потрясений в России, Ильин в 1949 г. пророчески писал, что "русская революция есть величайшая катастрофа — не только в истории России, но и в *истории всего человечества*, которое теперь слишком поздно начинает понимать, что советский коммунизм имеет *европейское происхождение* и что он теперь ломится назад – на свою "роди-

ну"[9] Установление коммунистических режимов в Восточной Европе – бесспорное тому подтверждение.

Размышляя о будущем своей Родины, Ильин пришел к выводу о том, что "ожесточенным ломом, ревом и погромом *без цели и без идеи* Россию не спасешь. Необходима идея"[10] При этом он резко критиковал тех политиков, которые исходят не из духовного опыта России, а из личной потребности выдумать злободневный политический "лозунг", именно поэтому они в большинстве случаев безыдейны и рано или поздно проваливаются в "национал-большевизм"[11] Так случилось с русскими большевиками в середине XX в., а в его конце с либералами. С его точки зрения России нужна "ответственная идея на десятилетия, на века... Идея не отрицательная, а положительная; государственная; но и не формальная, то есть не ограничивающаяся простым указанием на голую форму правления, то есть, например, "на монархию" или "республику" Эта идея должна быть государственно-*историческая*, государственно-*национальная*, государственно-*патриотическая*, государственно-*религиозная*. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из их духовного склада... Она должна светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь и вливая в них бодрость..."[12]

Однако, "наивно думать, – писал Ильин, – что кто-то за нас и для нас родит *идею восстановления и возрождения нашей Родины* и ее культуры; что кто-то другой откроет и выговорит идею новой России"[13]. Весь вопрос в том, что "*России полезны только те политические и хозяйственные формы, которые верно учитывают наличный уровень национального характера и которые способны воспитывать, укреплять и одухотворять национальный характер в интеллигенции и в массах...*"[14]

В чем же суть российской национальной идеи? По Ильину "Это есть *идея воспитания в русском народе национального духовного характера...* Без этого России не быть... Все выстраданные нами унижения, коим, кажется действительно нет меры и числа, могут и должны пробудить в нас инстинкт *национального* самосохранения..."[15] На первый взгляд это обыденное дело, но

за ним скрывается глубокое политическое, хозяйственное, интеллектуальное, нравственное и религиозное обновление Родины, что ведет к укреплению государственного инстинкта и гражданского правосознания народа.

Всякого рода реформы в данном направлении лишь средство для осуществления великой цели. Важная роль на пути к ней отводилась армии, как части государства и надежде народа, а также народному образованию, которое не должно отделяться от духовного воспитания. "Для русского народа, – по утверждению Ильина, – нет выбора: если он не вступит на этот путь, то он вообще не может удержаться на исторической арене. Тогда он будет отвеян в пространство, как историческая мякина, или затоптан другими народами, как глина"[16] Дальновидная позиция Ильина по поводу национальной идеи исключительно важна в современных условиях, когда в муках ведется ее поиск на постсоветском пространстве.

Вершиной прогностики Ильина, гениальным предвидением можно считать распад Советского Союза и удивительную прозорливость в оценке его последствий, относящуюся к середине прошлого века. Приведем один пример из области внутриполитической, другой – внешнеполитический. В первом случае он предупреждал: " если что-нибудь может нанести России, после коммунизма, новые, тягчайшие удары, то именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании – демократический строй. Ибо эта тирания *успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии*, без которых возможно только *буйство черни, всеобщая подкупность и продажность* и всплывание на поверхность все новых и новых антикоммунистических тиранов, наподобие того, как это было в древней Греции во время Пелопонесской войны, в Риме в эпоху так называемых "цезарей" и в Италии в эпоху Возрождения с его свирепыми "кондотьерами", лишенными патриотизма, чести и совести..."[17]

В другом случае акцентировалось внимание на том, что посткоммунистическое расчленение России "явилось бы невиданной еще в истории *политической авантюрой*, гибельные по-

следствия которой человечество понесло бы на долгие времена *в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная*. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и *гражданскими войнами*, которые будут постоянно перерастать в *мировые* столкновения" По его подсчетам в этом случае возникнет "до двадцати отдельных государств", не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армии, ни бесспорного национального населения. До двадцати пустых названий. Но природа не терпит пустоты. И в эти образовавшиеся политические ямы, в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: во-первых, вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями; во-вторых, наймиты соседних держав; в третьих, иностранные искатели приключений, кондотьеры, спекулянты и "миссионеры" (Перечитайте "Бориса Годунова" Пушкина и исторические хроники Шекспира)" "Не умно это, – подводит он итог. Не дальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века. Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть, прежде всего, *великий народ*, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!"[18]

Причину крушения российской государственности, наряду с большевистской порочностью, Ильин видит в том, что "русский человек имеет слабое, поврежденное чувство собственного духовного достоинства, и благодаря этому корень его гражданственности немощен и хил... в нем не выросли и в него не вросли те *внутренние грани государственного разумения и правовой мотивации*, без которых свобода есть разнузданность, власть – доходное место, государство – общественный пирог, а выборы – подкуп слабого обманщиком..." На почве такого исконно дефектного правосознания сложилась эта *слабость национально-государственной скрепы*: эта недооценка взаимного доверия – и гражданина к гражданину, и класса к классу и граждан к власти,

и власти к гражданину, – уважения и доверия как зиждущего, драгоценного начала государственности; и вместо этого: господство *системы взаимного подозрения*, исключения, враждования, презрения – системы, насыщающей историческую атмосферу, *скрытою гражданскою войной*[19]

Поэтому непременной составляющей современной национальной идеи России должно стать повышение чувства национального достоинства и гражданственности. "Возродить Россию, – по убеждению Ильина, – может только новая идея: ее могут воссоздать только обновленные души"[20]

Задумываясь о будущем России, Ильин считал, что она "нуждается больше всего в *самостоятельном национальном творчестве*... в творчестве идейном, программном и тактическом, политическом и социальном"[21] Ему было чуждо механическое заимствование рецептов других народов, и он исключал возможность того, "что Россия спасется какой-нибудь новою смелою формой западничества"[22] С его точки зрения "мечта о социально-политической "панацее", то есть о всеисцеляющем средстве всегда была наивна и беспочвенна – достояние полуобразованного ума"[23]

Россия по Ильину "есть живой духовно и исторически сложившийся *организм*, который при всякой попытке раздела и из всякого распада вновь восстановится таинственной, древней силой своего духовного бытия"[24], а "русский народ справится с историческим бременем и опасностями только тогда, если это бремя будет несомо всеми... В этом – основная задача будущего русского государственного устройства"[25] Условием такого итога должна быть сильная государственность. "Русская государственная власть, – считает глубокий знаток России, – или будет сильной, или ее не будет вовсе"[26]

Таким образом, краткий анализ прогностики И.А. Ильина свидетельствует о ее поразительно точном совпадении с действительностью, как в ближней, так и дальней перспективе, что подтверждает возможность достоверного исторического прогнозирования. Оценки, суждения и прогнозы выдающегося русского мыслителя, блестящего знатока России заслуживают са-

мого пристального внимания в наши дни, поскольку они с удивительной очевидностью доказывают правоту его взглядов на прошлое и будущее нашей Родины.

Примечания

[1] Ильин И.А. Собрание сочинений. М., 1998. Т.7. С. 453.
[2] Там же. С. 455.
[3] Там же. Т. 9-10. С. 189.
[4] Там же. С. 183-184.
[5] Там же. С. 78.
[6] Там же. С. 93.
[7] Там же. С. 352.
[8] Там же. Т. 8. С. 328.
[9] Там же. Т. 2. С. 129-130.
[10] Там же. Т. 7. С. 456.
[11] Там же. С. 457.
[12] Там же. С. 457-458.
[13] Там же. С. 455.
[14] Там же. С. 459.
[15] Там же. С. 458.
[16] Там же. С. 464.
[17] Там же. Т. 2. С. 449.
[18] Там же. С. 327, 336, 340.
[19] Там же. Т. 9-10. С. 208-210.
[20] Там же. С. 393.
[21] Там же. Т. 7. С. 453.
[22] Там же. С. 454.
[23] Там же.
[24] Там же. Т. 9-10. С. 323.
[25] Там же. С. 329.
[26] Там же. С. 330.

Русский экономический вестник. Специальный выпуск. Материалы Всероссийских научно-богословских чтений, посвященных 120-летию со дня рождения И.А. Ильина. Екатеринбург, 27-28 июня 2003 г. Екатеринбург, 2003. №2. С. 39-45.

Энергетика в истории общества: масштабы и характер воздействия

Производительные силы общества, являющиеся главным способом связи социального с природным, чаще всего рассматриваются в плане вещественных факторов производства. Весьма характерна в этом отношении общепринятая периодизация начальных ступеней общественной эволюции, основанная на учете различия материалов, из которых изготовлялись орудия. Деление древней истории на каменный, бронзовый, железный века зафиксировано в тысячах книг на многих языках мира. Однако исторический прогресс определяется также видом применяемой энергии, но это положение не нашло глубокой разработки в обществоведческой литературе. Если классификация исторических эпох по видам применяемых материалов осуществлена четко, то классификации по видам используемой энергии – нет, между тем как прогресс общества все больше зависит от уровня ее потребления. Важной задачей поэтому является изучение исторического опыта воздействия энергетического фактора на общество, установление связи между общественно-экономической формацией и ее энергетической базой.

Зачатки присвоения энергии природы можно отнести к тому времени, когда человек начал применять огонь, который согревал его, помогал в обработке предметов труда (плавка, обжиг), способствовал совершенствованию способов приготовления пищи. Открытие огня, по словам Ф. Энгельса, "впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства"[1] Следовательно, энергетический фактор сыграл важную роль в становлении человека как разумного существа. Он позволил ему выжить в условиях ледникового периода, проникнуть в северные районы и тем самым заселить всю планету.

По мере совершенствования производительных сил общества энергетический фактор приобретал все более существенное значение и со временем превратился в один из решающих. Исходным пунктом возрастания роли энергетики следует считать становление производящей экономики и зарождение классового общества. Именно в этот период для развития производитель-

ных сил уже недостаточно было вовлечения в хозяйственный оборот новых материалов и потребовалось усиление энергетического потенциала. При рабовладельческом способе производства в силу ограниченности научно-технических знаний, неспособности расширить энергетические возможности огня и овладеть другими видами энергии общество прибегло к превращению в массовый источник энергии себе подобных – рабов. Наряду с домашними животными они стали основным поставщиком мускульной энергии. Их трудом создавались дороги, военные укрепления, ирригационные сооружения, грандиозные дворцы, пирамиды и т. д. Так, на строительстве одной пирамиды Хеопса в течение 20 лет было занято 100 тыс. человек[2] Энергетическая функция рабства была настолько значительна, что даже гениальные мыслители античности не представляли себе без него развитие производства.

Феодализм, пришедший на смену рабовладению, изменил форму эксплуатации человека человеком и ограничил рекрутирование энергетических возможностей его организма. Исчезли огромные армии иноплеменных рабов. Между тем развитие производства требовало все больших энергетических затрат. В этих условиях человечество вновь обратилось к силам природы и на этот раз более удачно, чем прежде. Оно овладело энергией воды и ветра. В средневековье совершенствуются и доводятся до относительно высокой степени эффективности водяные и ветряные двигатели, появившиеся в рабовладельческий период. Они широко используются как в городе, так и в деревне. Особенно важное значение в силу большей надежности и мощности приобрел водяной двигатель, который стал материальной базой феодального производства. На основе водяного колеса создавались различные молоты, меха, подъемники, жернова. Орудия, которые раньше приводились в действие вручную или силой животных, теперь перешли на гидравлические колеса. Водяное колесо оказалось в 30 раз производительней мускульных усилий человека[3] Оно вызвало глубокие изменения в технике и привело к подъему многих производств, прежде всего горного, металлургического, что имело важное значение не только для гражданской экономики, но и для военного дела.

В качестве мобильного источника энергии в период феодализма служила в основном лошадь. Тот, кто владел большим числом лошадей, часто оказывался сильней в военном отношении. Поэтому, видимо, не случайно кочевники, например татаро-монголы, нередко становились вершителями судеб народов целых регионов. Следовательно, энергетический фактор приобрел не только мирное, созидательное, но и военное, разрушительное значение. Этому способствовало изобретение в средние века огнестрельного оружия, в котором использовалась энергия пороховых газов.

Переход от феодализма к капитализму, особенно создание рабочих машин, потребовали изобретения универсального двигателя, который мог бы обеспечить развертывание производства в любом месте. Водяной двигатель, жестко связанный с источником энергии, несмотря на все попытки его усовершенствования, не отвечал этим требованиям. Необходимо было принципиально новое решение вопроса. Скачок в развитии энергетики был сделан в середине XVIII в., когда начали действовать первые паровые машины. В XIX в. на них полностью перешла капиталистическая промышленность, причем темпы перехода были быстрыми. Если к началу века мощность паровых двигателей в мире составляла 5210 л. с., то в 1840 г. она достигла 830 тыс., в 1860 г. – 2220 тыс., в 1880 г. – 7670 тыс. л. с.[4] В общей сложности XIX век включил в работу двигатели мощностью 120 млн. л. с.[5]

Став основой энергетической базы капитализма, паровой двигатель обеспечил невиданные ранее темпы развития. Впервые в истории общество получило массовый мощный и относительно мобильный источник энергии, что привело к бурному росту производительных сил. Объем мирового промышленного производства в течение века возрос в 125 раз. Среднегодовой темп технического прогресса почти в 50 раз превысил достижения эпохи феодализма[6] В связи с увеличением энерговооруженности заметно изменился характер труда, резко выросла его производительность.

Паровой двигатель обеспечил развитие мобильной энергетики, что привело транспорт в соответствие с нуждами машинного производства. Изобретение паровоза и парохода открыло неви-

данные ранее возможности совершенствования средств передвижения. За 30 лет, с 1840 по 1870 г., мировая протяженность железных дорог увеличилась в 14 раз[7] В последующие годы масштабы железнодорожного строительства еще более возросли. К 1917 г. в мире действовало уже 1146 тыс. км железных дорог[8] "*Пар*, – указывал Ф. Энгельс, – не только произвел революцию в средствах сообщения на суше, он придал им новый облик и на воде"[9] Паровой флот, вытеснив парусный, занял к концу XIX в. господствующее положение на морях и океанах. Если в 1871 г. тоннаж парового флота составлял лишь 2,5 млн. т, а парусного — 15,3 млн., то в 1901 г. наоборот, тоннаж паровых судов вырос до 13,9 млн. т, а парусных судов сократился до 8,2 млн. т[10]

Интенсивный прогресс мобильной энергетики открыл широкие просторы для заселения и освоения ранее слабообжитых территорий Земного шара, развития их производительных сил. Вместе с тем он сопровождался усилением колониальной экспансии, чему способствовало мощное развитие военного флота. Мобильная энергетика наряду с увеличением разрушительной силы взрывчатых веществ усугубляла негативное значение энергетического фактора, что проявилось в гибели миллионов людей во время колониальных войн, уничтожении материальных и культурных ценностей.

Невероятно возросшие масштабы использования энергетических ресурсов стали сказываться на окружающей среде. Были уничтожены лесные массивы в районе промышленных центров Англии, Франции, Швеции, России. Поверхность земли изуродовали угольные копи и нефтяные вышки. Все более стала проявляться загазованность индустриальных районов. Еще Ф. Энгельс, анализируя условия труда и быта английских рабочих, отмечал загрязненность воздуха в пролетарских кварталах Лондона, Ливерпуля, Манчестера и других городов. При этом он подчеркивал классовый характер проблемы загрязнения среды обитания[11]

Паровая энергетика, обеспечившая бурное развитие капитализма, вместе с тем способствовала обострению его противоречий. В этой связи Ф. Энгельс писал: "Люди, которые в XVII и XVIII веках работали над созданием паровой машины, не подоз-

ревали, что они создают орудие, которое в большей мере, чем что-либо другое, будет революционизировать общественные отношения во всем мире и которое, особенно в Европе, путем концентрации богатств в руках меньшинства и пролетаризации огромного большинства, сначала доставит буржуазии социальное и политическое господство, а затем вызовет классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, борьбу, которая может закончиться только низвержением буржуазии и уничтожением всех классовых противоположностей"[12]

С вступлением капитализма в империалистическую стадию паровая энергетика превратилась в тормоз развития производства. В силу ограниченности радиуса передачи паровой энергии, трудности ее дробления и значительного усиления мощности сдерживался технический прогресс, тормозилась концентрация промышленности, возникали препятствия на пути механизации и автоматизации. Назрел новый скачок в производстве и распределении энергии. Он был совершен в последней четверти XIX в. и ознаменовался переходом к промышленной электроэнергетике. Электрическая энергия с ее бесконечной делимостью, способностью трансформироваться в любой другой вид энергии, возможностью концентрации крупных мощностей стала универсальным энергоносителем и создала предпосылки для гигантского роста производства. Однако XIX в. все же оставался веком пара. К его концу на долю электростанций приходилось не более 10% мощности всех стационарных двигателей мира, а если учесть транспортные двигатели, то и того меньше[13]

Активное использование электрической энергии началось в XX в. Ее мировое производство с 1900 по 1970 г. увеличилось в 333 раза и составило 5 трлн. кВтч[14] Среднегодовые темпы мирового производства электроэнергии в настоящее время составляют более 7%[15] Предполагается, что общая выработка электроэнергии в 1980 г. приблизится к уровню 10 трлн. кВтч, а в 2000 г.— 30 трлн. кВтч[16]

Характерно, что выработка электроэнергии сильно опережает производство других видов продукции. Если с 1913 по 1953 г. выработка электроэнергии увеличилась в 33 раза, то производство стали возросло только в 3 раза. По сведениям ООН, производство электроэнергии в мире существенно обгоняет в целом

рост валового общественного продукта[17] Электричество стало основой механизации и автоматизации производства в невиданных масштабах, коренным образом изменило его технологию. Оно оказывает огромное влияние на развитие экономики, а через нее — и на социальные отношения.

В XX в. чрезвычайно возросло значение мобильной энергетики, что было связано с изобретением двигателя внутреннего сгорания. Незаменимыми средствами передвижения стали автомобили, теплоходы, самолеты, которые в высшей степени интенсифицировали не только транспорт, но и весь уклад жизни человека. Уже в 1920 г. мощность двигателей внутреннего сгорания достигла 600 млн. л. с. и составила 75% суммарной мировой мощности первичных двигателей[18] В дальнейшем рост двигателей внутреннего сгорания шел еще более стремительно. В конце 50-х годов во всех государствах мира насчитывалось приблизительно 100 млн. автомобилей общей мощностью двигателей около 10 млрд. л. с.[19] В некоторых странах, например в США, по неполным данным, на начало 1973 г. суммарная мощность автомобильных двигателей составляла 23 029 млн. л. с., или 95% общей мощности всех первичных двигателей в стране. Автомобильные двигатели по мощности превышали первичный силовой аппарат всех электростанций общего пользования страны почти в 43 раза, промышленных предприятий — в 374 железнодорожного транспорта — в 462 раза[20] К середине XX в. теплоходы составляли около трети мирового тоннажа торгового флота. Тепловозы и электровозы практически полностью заменили паровозы. Аэролинии протянулись над всеми районами Земного шара.

В связи с массовым строительством электростанций и широким внедрением двигателей внутреннего сгорания гигантски выросли масштабы использования энергоресурсов. С 1900 по 1972 г. мировое потребление основных видов энергии увеличилось в 8,2 раза и достигло 7900 млн. т. у. т. Наиболее активизировался этот процесс после второй мировой войны. Так, за первые сорок лет XX в. потребление энергии выросло в 3,2 раза, а за двадцать послевоенных лет (1950—1970 гг.) — в 2,6 раза. Характерно, что из 85 млрд. т. у. т., потребленного человечеством за всю его историю (до 1965 г.), 42 млрд. т. у. т., т. е. половина,

приходится на 1940—1965 гг.[21] Это следствие развертывания современной научно-технической революции.

Темпы роста потребления энергии значительно опережают темпы роста населения. Если за последние 100 лет (1860—1960 гг.) население Земного шара увеличилось в 2,5 раза, то потребление энергии на душу населения — более чем в 4 раза[22] Прогрессивно возрастающая энерговооруженность человечества — фактор, облегчающий труд. Доля же мускульной энергии человека в экономике на начальной стадии развития общества, составлявшая 100%, стала менее 1% [23] Однако потребность общества в энергоресурсах растет настолько быстро, что ее все труднее удовлетворить. В современных условиях темпы добычи топлива удваиваются каждые 20 лет. Хотя среди ученых нет единодушия в оценке сроков исчерпания экономически эффективных источников энергии, большинство из них сходится на том, что эти сроки не превышают 100 лет. Мир глубоко озадачен углубляющимся энергетическим кризисом и поиском новых, достаточно емких и надежных источников энергии.

Энергетическому кризису сопутствует экологический кризис, который в значительной степени связан с издержками энергетического производства. Массовое сжигание топлива приводит к ежегодному выбросу в атмосферу 10 млрд. т. углекислоты. К 2000 г. ее содержание возрастет на 20% и за счет так называемою парникового эффекта может вызвать глобальное повышение температуры планеты, что чревато опасными последствиями. Сжигание топлива ведет к большому расходу кислорода. Каждая тонна сожженного угля забирает годовой запас кислорода у десяти человек. Автомобили США потребляют в 2 раза больше кислорода, чем его образуется над территорией этой страны. По некоторым подсчетам, в 2000 г. доля кислорода, необходимого для нужд промышленности мира, составит 95% от годового продуцирования фотосинтеза наземных растений[24]

В условиях империализма резко возросло военное разрушительное значение энергетического фактора. На базе двигателей внутреннего сгорания создано многочисленное оружие массового уничтожения: крейсеры, линкоры, авианосцы, ракетоносцы, подводные лодки в морском флоте; танки, бронетранспортеры, самоходные артиллерийские установки в сухопутных войсках;

истребители, бомбардировщики в авиации, ракетные войска. Изобретение атомной, водородной и нейтронной бомб поставило под вопрос само существование человечества. Используя мощную энергетику XX в., империализм развязал две кровопролитные мировые войны, в которых погибли десятки миллионов людей, уничтожены огромные материальные и духовные ценности.

Энергетический и экологический кризисы, опасность новой мировой войны показали неспособность современного общества разрешить противоречие между неимоверно возросшими масштабами потребления энергии и способами ее получения и использования, что свидетельствует о назревании нового скачка в развитии энергетики. Это противоречие разрешается на пути совершенствования способов получения и потребления энергии.

Еще В.И. Ленин акцентировал внимание на том, что "век пара — век буржуазии, век электричества — век социализма"[25] Он расценивал электрификацию как основу материально-технической базы социализма и гарантию его окончательной победы. Именно таков смысл знаменитого ленинского высказывания на VIII Всероссийском съезде Советов: "*Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны.* Иначе страна остается мелкокрестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали... Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно"[26]

Плановая экономика социализма открыла для энергетического производства большие возможности. В Советском Союзе и других социалистических странах электроэнергетика получила бурное развитие. Если дореволюционная Россия по выработке электроэнергии находилась на 15 месте в мире, то через 30 лет СССР вышел на второе место после США. В настоящее время он производит около 1/5 мировой выработки электроэнергии. По темпам развития энергетики социалистические страны значительно превосходят капиталистический мир. Как свидетельствуют данные ООН, мировой топливно-энергетический баланс с 1951 по 1960 г. ежегодно увеличивался в среднем на 5%, а

среднегодовые темпы прироста потребления энергетических ресурсов за 1955—1960 гг. в социалистических странах составили 11,9%[27]

На базе электроэнергетики не только решаются задачи современной экономики, но и вызревают контуры будущего. В.И. Ленин, называя электрификацию основой материально-технической базы социализма[28], считал, что она послужит предпосылкой для создания экономики коммунистического общества: "Завершение электрификации явится первой важной ступенью на пути к коммунистической организации экономической жизни общества"[29] Развивая эту мысль, В.И. Ленин указывал, что "электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма в нашей стране"[30]

Следовательно, по Ленину, электрификация — это первая ступень на пути к коммунистической организации экономической жизни общества, она обеспечивает победу основ коммунизма, является стержнем строительства его материально-технической базы. Однако обеспечение коммунистического принципа "от каждого по способности, каждому по потребности" представляется невозможным на современной энергетической базе. В соответствии с ускоряющимися темпами научно-технического прогресса и логикой исторической эволюции энергетической базы общества для него необходима принципиально новая энергетика, которая неизвестно когда будет создана, что ставит под сомнение ближайшее коммунистическое будущее.

Только на принципиально новой энергетической базе возможно покончить с многовековым энергетическим голодом и обеспечить изобилие благ для новой экономической формации. Сейчас трудно представить последствия этой грандиозной энергетической революции. Ясно одно: она преобразует человеческую жизнь не менее кардинально, чем открытие огня в древности.

Таким образом, исторический опыт свидетельствует, что каждой общественно-экономической формации соответствует своя специфическая энергетическая база. Энергетика — мощный катализатор социально-экономического развития общества.

Уровень ее достижений является одним из ведущих критериев общественного прогресса.

Примечания

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 117.
[2] Кинк Х.А. Как строились египетские пирамиды. М., 1967. С. 105.
[3] Зворыкин А.А. и др. История техники. М., 1962. С. 87.
[4] Социально-экономические проблемы технического прогресса. М., 1961. С. 32.
[5] Белкинд Л.Д. и др. История энергетической техники. М.; Л., 1960. С. 19.
[6] Подсчитано по данным следующих работ: Социально-экономические проблемы технического прогресса. М., 1961. С. 31; Белкинд Л.Д. и др. Указ. соч. С. 19.
[7] Зворыкин А.А. и др. Указ. соч. С. 188.
[8] Там же. С. 243.
[9] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 256.
[10] Зворыкин А.А. и др. Указ. соч. С. 243.
[11] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 296.
[12] Там же. Т. 20. С. 497.
[13] Социально-экономические проблемы технического прогресса. С. 32.
[14] Зворыкин А.А. и др. Указ. соч. С. 358; Народное хозяйство СССР в 1970 г.: Стат. Ежегодник. М., 1971. С. 105.
[15] Энергетика мира (Доклады XIII Мировой энергетической конференции). М., 1973. С. 8.
[16] Там же. С. 8-9.
[17] Энергетика мира и перспективы ее развития (Доклады VII Мировой энергетической конференции). М., 1970. С. 14.
[18] Зворыкин А.А. и др. Указ. соч. С. 413.
[19] Там же. С. 416.
[20] Энергетический кризис в капиталистическом мире. М., 1975. С. 71.
[21] Лисичкин С.М. Энергетические ресурсы и нефтегазовая промышленность мира. М., 1974. С. 7.
[22] Там же. С. 8.
[23] Там же.
[24] Белкинд и др. Указ. соч. С. 67.
[25] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 108.
[26] Там же. Т. 42. С. 159.
[27] Лисичкин С.М. Указ. соч. С. 25.
[28] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 9.
[29] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 155 – 156.
[30] Там же. С. 148.

Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 125-135.

Чему учит русская история

Август девяносто первого подвел черту под последними тремя четвертями века русской истории. И не только русской. Надо полагать, он внесет серьезные коррективы в интерпретацию событий всего двадцатого столетия. В этих условиях на новую отметку поднимается значение исторических исследований, причем не идеологизированных, а подлинно научных.

Сейчас во всех слоях русского общества горячо обсуждается вопрос о возрождении России, возникло немало научных и общественных программ, но пока не совсем ясно, что надо, а чего не надо возрождать. Ведь в нашей истории всякое бывало. Были преобразования Петра Великого и "отца народов" Сталина. Те и другие на какое-то время двинули страну вперед, но весь вопрос в том, какой ценой. Если дорогая цена первых в конечном счете оправдалась, то вторых не совсем. Но это не значит, что их можно вычеркнуть из истории. При всем желании не удастся, потому что, видимо, еще не одно поколение будет нести на себе печать их деструкции. Чтобы уйти от того лихолетья, мало его осудить, необходимо изучить, что, в какой степени и насколько деформировало естественный исторический процесс.

Заостренное ныне понятие "перестройка" фигурирует в русском политическом лексиконе давно. В.О.Ключевский в "Курсе русской истории" утверждает, что она началась в нашем Отечестве в XV веке и прошла несколько этапов, главным содержанием которых была борьба между отживающими национальными традициями и инновациями. Прогресс в России нередко насаждался силой, путем революций сверху, чаще более кровавых, чем снизу. Через определенное время они сменялись глубоким застоем. Достаточно вспомнить преобразования Ивана Грозного, Петра I и Сталина, чтобы убедиться в этом. Объяснить такой феномен непросто. Видимо, надо учитывать срединное положение мировой державы между, европейской и азиатской цивилизациями, необходимость оперативно реагировать на изменения то с одной, то с другой стороны (эффект буфера) в ситуации инерционности огромной страны с недостаточно высоким уровнем политического и культурного развития значительной части населения.

Широко известно, что политическая надстройка в России веками держалась на мощном чиновничьем аппарате. С одной стороны, это следствие слабости экономических и юридических рычагов управления, а с другой — привычки народа к подневольному труду, начиная с татаро-монгольского ига, через крепостничество к сталинскому внеэкономическому принуждению. Только глубоко укоренившейся покорностью можно объяснить практически полувековое господство бесчеловечного сталинского режима и довольно широкую мировую поддержку недавнего августовского путча. Очевидно, что истоки нынешней ведомственности надо искать не в советских наркоматах, а гораздо глубже. Еще в допетровские времена существовали Посольский, Счетный, Хлебный приказы, приказ тайных дел. Все это сильно напоминает Агропром, КГБ и другие современные организации. Когда на наших глазах рушатся большевистские сатрапии, миллионы чиновников остаются без власти и хлеба насущного, мы являемся свидетелями глубочайшей революции сверху. Но не возродится ли вновь "крапивное семя", как это случилось после Октября семнадцатого? Исторический опыт России свидетельствует, что подобные кардинальные проблемы нельзя решать "государевым рескриптом" Нужны глубокие социально-экономические преобразования с опорой на такой социальный слой, который бы не позволил сесть себе на шею неочиновникам.

Специфической особенностью русского общества на протяжении столетий была его иерархическая структура с доминированием ведущего класса, его иерархов и верховного правителя. С незапамятных времен эту роль исполняло дворянство во главе с царем. Удивительным парадоксом истории является то, что даже Октябрьская революция не сломала сложившуюся структуру. На смену дворянству пришел рабочий класс, от имени которого правила партийная бюрократия во главе с Генеральным секретарем ЦК ВПБ (б), обладающим властью куда большей, чем российский самодержец.

Конечно, демократические тенденции набирают силу, за ними будущее, но пока что назначаются главы администрации регионов, потому что без этого сегодня не обойтись. Потребуется время и, видимо, немалое, пока на русской почве естественно вызреют новые политические и экономические реалии. Чтобы ускорить

этот процесс, а главное — сделать его необратимым, необходим тщательный учет исторического опыта России, а он непрост. По мнению того же Ключевского, "природа и судьба вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее—только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу"

Исторический опыт целесообразно изучать не столько для того, чтобы знать, как поступали наши предки в прошлом, а для того, чтобы научиться тому, как надо и не надо поступать в будущем.

Новые подходы к истории России требуют совершенствования методов ее изучения и внедрения в социальную практику, сознание народа. Если в условиях идеологизации истории главной формой ее разработки было написание кандидатских и докторских диссертаций по стародавнему пименовскому принципу "еще одно последнее сказанье — и летопись окончена моя", то на современном этапе целесообразно перейти к проектной организации работ с итоговой выплатой по конечному результату. Сегодня нужен не пропагандистский подход к теме и узколичная заинтересованность в ее реализации, а общественно значимый результат, полученный на контрактной основе и внедренный в сферу социального управления, представленный широкой читающей публике внутри страны и за ее рубежами.

В нашем институте подход к такой форме организации исторических исследований начался с разработки целевой комплексной программы "Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)", предметом изучения которой является социальная деятельность, социальная практика освоения региона, что, в частности, предполагает соотнесение целей и результатов деятельности.

Из программы вытекает несколько конкретных исследовательских проектов. Особый интерес вызывает сравнительно-историческое изучение уральской и шведской металлургии, социально-экономическое развитие Урала и Рура, а также специальное задание, выполняемое по заявке Тюменского облисполкома "Социокультурная ситуация в Тюменской области: исторический опыт и альтернатива выхода из кризиса" Его целью является раз-

работка теоретических основ практических действий, направленных на наращивание культурологического потенциала области и превращение его в действенный фактор разрешения кризисной ситуации в регионе.

Нетрадиционная постановка целей задания охватывает область знания, которая находится на стыке ряда наук, изучающих историю, региональную экономику, социологию, демографию. Оно ориентировано на поиск эффективных организационных решений, координацию и кооперацию деятельности коллективов различных научных направлений и ведомств. В разработке задания и его реализации занято около 250 специалистов разных областей знания из различных академических учреждений и вузов, сферы социального управления, депутатского корпуса. Среди них 7 членов-корреспондетов РАН, более 50 докторов и свыше 100 кандидатов наук. Теоретические коллективы, созданные под эгидой Межрегиональной ассоциации Урала, Сибири и Поволжья свободны от старых управленческих пут. Они мобильны, легко реформируются в ходе корректировок подпрограмм, требуют минимальных затрат на организацию работы, гарантируют от отвлечения средств на разработки, находящиеся за пределами данного задания. В мировой практике подобный опыт финансирования исследований многократно апробирован и его бесспорные преимущества очевидны.

А пока же, пока... Беспокойное двойственное чувство возникает при чтении современной литературы на исторические темы. С одной стороны, публицистика захлебывается в мутном потоке гнусностей последних десятилетий общественного развития. С другой стороны, профессиональная историческая наука пытается удержать на плаву, нерешительно отступая со старых догматических позиций. История должна наконец очиститься от идеологии — неважно от "правой" или "левой" Предназначение науки История — добросовестно осмысливать и профессионально описывать прошлое. Это раз. А второе — делать из него выводы, практически значимые сегодня.

Российская газета. 1992. 10 января.

Промышленная политика, ее исторический опыт как объекты изучения

Экономической истории России посвящена огромная литература. Место же в ней исследований по проблемам промышленной политики явно непропорционально их объективному значению. Достаточно сказать, что едва ли наберется более десятка названий монографий по истории России в широкой хронологии от начала XVIII до конца XX вв., где само это понятие фигурирует. Весьма ограничено и общее количество исследований, где промышленная политика являлась бы объектом изучения. Соответственно лишь первые шаги делаются в осмыслении ее исторического опыта, постановке данной проблемы во всей ее сложности и многогранности[1]

В историко-экономической литературе промышленная политика рассматривается, как правило, в глобальных рамках, детерминированной значительным спектром условий российской экономической политики в целом. С другой стороны, в освещении проблемы нельзя не отметить того, что из претендующей на известную целостность сферы промышленной политики нередко *изымаются, рассматриваемые как самодостаточные*, отдельные ее составляющие. Все это негативно отражается на спектре и характере предлагаемых обществоведами выводов.

В толковании сложившейся историографической ситуации заслуживающими внимания представляются следующие положения. Во-первых, несомненно, самой высокой оценки заслуживает стремление к *многомерному представлению экономической политики, расширению спектра объясняющих переменных* – макроэкономических, хозяйственно-экономических, технико-технологических, социокультурных, политических, институциональных, личностных, экстернальных. В этом – стратегия и конечная цель разработки проблемы. Такой подход позволит, избегая искусственной изолированности представления промышленной политики, определить ее роль в модернизационной динамике, структурных изменениях национальной экономики, что в условиях ее сложной, с точки зрения секторной, отрасле-

вой, а также так называемой "многоукладной" структуры представляется принципиально важным.

С другой стороны, все новые и новые аргументы обретает вывод о необходимости "*вычленения*" промышленной политики из экономической, наполнения этого понятия *конкретным содержанием, в его хронологической и сущностной определенности*. К сожалению, приходится констатировать, что, обращаясь к проблеме, историки и экономисты, как правило, оперируют весьма ограниченным, переходящим из публикации в публикацию, набором фактов, что неминуемо приводит к их "стилизации", а также увлечению теоретизированием и схоластической эконометрикой в аргументации. Проблема нуждается в серьезном продолжительном изучении, привлечении новых массивов источников и методов исследования.

Промышленная политика представляет собой определенным образом мотивируемую и организованную деятельность государства по созданию, развитию и использованию промышленного потенциала. Традиционно рассмотрение ее в так называемом "широком" и "узком" смыслах. Первый предполагает понимание промышленной политики как совокупности разных мероприятий государственной власти, оказывающих существенное прямое или косвенное, целенаправленное или непреднамеренное воздействие на промышленное развитие, а также как отношение правительства к промышленности вообще. Второй нацеливает на понимание ее как деятельности, "имеющей специальной задачей оказать то или иное воздействие на развитие промышленности"[2]

Поскольку экономический прогресс в этой сфере нельзя рассматривать исключительно как ***функцию*** от "набора" факторов производства, политика должна пониматься и как *высшая научно-творческая характеристика* деятельности государства. Не случайно традиционное определение политики как "*образа действий*" и даже *искусства*, что подразумевает в качестве ее ***критериев*** стратегическую и тактическую продуманность; верную расстановку приоритетов, сбалансированность предпринимаемых мер, их соответствие объективным законам экономического развития, достижениям науки, интересам наиболее значимых в перспективе групп субъектов производства, адекватность распо-

знавания и характера реагирования на различные экономические сигналы и т. д.

Изучение промышленной политики предполагает *комплексный анализ*, во-первых, принципиальных *основ* и логики ее выработки; во-вторых, непосредственного *содержания* предпринимаемых мер; в-третьих, *методов и механизмов* осуществления; в-четвертых, *результатов*, оцениваемых в кратко- и долгосрочной перспективе с точки зрения степени адекватности потребностям развития как промышленности, так и национальных интересов в целом.

Такое *абстрактно-логическое структурирование*, по мнению авторов, наиболее полно намечает проблематику, концентрирующуюся в т. н. "взаимодействиях" названных элементов, последние *и* представляют собой процесс "реализации" промышленной политики. Подобный подход позволяет учитывать также внутреннюю логику эволюции промышленной политики, ибо *результаты* осуществления того или иного курса, в свою очередь, на новом витке служили *исходными посылками* формирования задач и методов, они же *определяли механизмы* и конкретный ход осуществления. В плоскостях названных "взаимодействий" – *соотношения* теоретических представлений и конкретных программ действий, их содержания и методов, лежат и ***принципиальные оценочные суждения, как основа генерации исторического опыта***.

Исторический опыт *не стоит отождествлять с обычным историческим знанием*. Имея единое объективное основание в реальном историческом процессе, эти категории предполагают разные целевые подходы к его осмыслению и, естественно, различные результаты исследования. Исторический опыт надо рассматривать как часть исторического знания, *ретроспективную оценку прошлого в его отношении к последующему развитию и итогам этого развития с позиций современной социальной практики*[3]

Предлагаемый подход позволяет осмыслить историческую ситуацию не просто как *данность, а как сложную вероятностную взаимосвязь* между возможностью и действительностью, то есть объективно заложенные в историческом процессе альтернативные и прочие варианты общественного развития. Принци-

пиально важно оценить, какие из них несущественны, отмирают, а какие могут пробить себе дорогу в будущем.

Исторический опыт может выполнять *прогностическую функцию* при условии правильного понимания взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим. Хорошо известно, что в общественном процессе всегда содержатся "остатки" прошлого, развивающееся настоящее и зачатки будущего. Весь вопрос в том, *как оценить, насколько долго остатки прошлого влияют на развитие настоящего, какие зачатки будущего и с какой интенсивностью будут перенесены в грядущее.* Кстати, сам процесс не стоит представлять однолинейно. В условиях общего кризиса нашего общества важно посмотреть на то или иное явление не только с позиций бесконечного прогресса, но и с точки зрения *бесконечной приспособляемости к экстремальным условиям существования.*

Чтобы вырваться из порочного круга, обрекающего страну на стадиальное отставание, *необходим тщательный анализ сочетания инноваций и традиций, позволяющий улавливать переход первых во вторые.* Печально ярким примером непродуманных "поворотов" модернизационных изменений России XX века является отказ от традиционных ценностей цивилизованного мира и переход к новым ценностям социализма, а затем еще более мучительный поворот от них к ценностям далеко ушедшего за это время вперед постмодернизационного общества.

Изучение исторического опыта требует *системного подхода к социальной практике,* что предполагает решение следующих познавательных задач: выявление внешне- и внутриполитических потребностей осуществления конкретной экономической (промышленной) политики, характеристику процесса осознания этих потребностей, выбора целей, средств и способов их достижения, исследования главных направлений деятельности по ее реализации, оценку результатов. Осмысление такого параллелограмма сил позволит представить многие подспудные причины сегодняшних трудностей и наметить пути их преодоления.

Понимание подлинных исторических закономерностей и механизмов, несомненно, важно для государственной политики, поскольку у деятелей, чья память ограничена недавним прошлым, – "суженное представление о возможном"[4] Между тем,

исторический опыт повсеместно обобщается в ряде стилизованных фактов. *Псевдо*исторически мыслящие политики оказываются в *рабстве у исторических аналогий* – поверхностных, порой и просто ложных. С другой стороны, нередки политики, бесцеремонно отрицающие историческую обоснованность современных явлений, они также оказываются не защищенными от "попадания впросак", повторения былых ошибок. Опыт показывает, что текущая политическая практика, как правило, принимает во внимание лишь те процессы, которые доступны наблюдению без достаточно глубокой проработки их исторических корней. *Между тем, эти корни как раз и проявляются систематически, камнем преткновения для многих "практикующих" политиков*[5]

В теории и практике последнего десятилетия они (корни), как правило, сводятся к *советскому* прошлому, что трудно подвергать сомнению, но почему-то забывается или игнорируется прорастание этих корней из имперского, а также совсем недавнего постсоветского времени. Там, несомненно, лежит мощный пласт нераскрытого как позитивного, так и негативного опыта решения социально-экономических проблем. Хотелось бы особо подчеркнуть что сегодня *нет, пожалуй, ни одного принципиального вопроса, формирующего правительственную политику по отношению промышленности, который не был бы значимым и не рассматривался в последней трети XIX – начале XX вв.* Речь в данном случае идет, прежде всего, об ***аналогиях постфеодального и постсоциалистического вхождения российской экономики в рынок***. Этот аспект анализа представляется особенно важным.

В силу невозможности осветить в данном тексте, намеренно кратком и концентрированном, все многообразие проблем промышленной политики, авторы выделили лишь наиболее значимые, имеющие принципиальное значение в современных условиях. *Это такие проблемы как:* место и роль промышленной политики в эволюционной динамике российской экономики; институциональные и теоретико-научные ее основания; самоидентификация в процессе развития мировой хозяйственной практики; важнейшие направления и инструменты промышленной политики – кредитование, привлечение иностранных капи-

талов, налоговое регулирование; развитие региональных компонент; влияние на промышленную политику субъектов производства, механизмы их социально-экономической адаптации.

Анализ исторического опыта задает определенный ракурс рассмотрения конкретно-исторических сюжетов индустриального развития страны: прерывность и континуитет истории, ее цикличность, многоуровневость процессов должны быть сфокусированы в неких *аналитических схемах*, *событийных символах*. Различны *уровни* представления исторического опыта промышленной политики – ***от обобщений о глубинных особенностях тех или иных процессов, оказывающих влияние на ее природу и развитие (1), ее собственной специфике* в динамично менявшемся российском социально-экономическом пространстве *(2), аналогий* различных этапов и явлений *(3), до неких моментов, близкого к прикладному, прочтения решения тех или иных проблем (4)***. Анализ содержания и итогов деятельности государства по развитию промышленного потенциала позволяет говорить о своеобразных явных, а также требующих определенных допущений и аналитического инструментария, "уроках" национального исторического опыта.

Примечания

[1] См.: Промышленная политика России на пороге XXI века. Всероссийский круглый стол. М., 1997.

[2] См., напр.: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 11-12.

[3] См. подробнее: Алексеев В.В. Исторический опыт как предмет изучения. XVIII Международный конгресс исторических наук. Монреаль, 1995. С. 34.

[4] Д. МакКлоски. Полезно ли прошлое экономической науки? // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 130.

[5] См. подробнее: Алексеев В.В. Регионализм в России. Екатеринбург, 1999.

Исторический опыт промышленной политики России (Краткий научно-практический очерк). Екатеринбург, 2000. С. 15-19 (совместно с Л.В. Сапоговской).

Новации и традиции в российской экономике

Чтобы вырваться из порочного круга, обрекающего страну на бесконечный кризис, необходим тщательный анализ сочетания новаций и традиций в русской жизни. Пора научиться улавливать переход первых во вторые. Ни одна реформа и даже революция утонули в трясине нашей "самобытности" Выдающийся отечественный историк В.О. Ключевский, характеризуя буржуазные реформы второй половины прошлого века писал: *"Любуясь как реформа преображала русскую старину, не доглядели, как русская старина преображала реформу"* Нечто подобное произошло и с последними либеральными реформами. Следовательно, *главный вопрос не только в том, какую модель взять для преображения России, а в том, как ее адаптировать к российской действительности,* как, выражаясь словами М.В. Ломоносова *"соединить Восток с Западом" Новации должны сочетаться с национальными традициями.*

Прежде чем приступать к преобразованиям следует уяснить на каком этапе *цивилизационного развития находится государство.* В то время как передовые страны, вступив в XX век, пошли по пути *завершения модернизации* (перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими, правовыми и культурологическими последствиями, приведшими к экономическому процветанию и свободе), *Россия под руководством большевиков подменила это магистральное направление теорией и практикой классовой борьбы, являющейся издержкой модернизационного перехода, и оказались на перепутье между реальным прогрессом и утопией социальной справедливости.*

Позднее, в 30-е гг., Сталин изменил тактику и начал *форсировать модернизацию*, которая осуществлялась в контексте социалистических преобразований, шла в русле перманентной революции в стране, с тяжелейшими социальными издержками. В результате к 50-м гг. СССР стал одним из двух государств мира, способных производить любой вид промышленной продукции, доступной в данное время человечеству. Тем самым *было преодолено стадиальное отставание России от передовых стран*

планеты. Из этого вытекает однозначный вывод о том, что страна шла по пути модернизации, в русле мирового цивилизационного процесса, и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в сегодняшней России и за рубежом.

Однако в 90-е гг. эти завоевания были сданы без боя. В ходе перестройки и рыночных реформ возобладало скоропалительное заключение о необходимости ускоренного перехода к постиндустриальному обществу. В результате начался резкий промышленный спад, переросший в экономический хаос и приведший к гибели половины промышленного потенциала страны.

Отсюда напрашивается *вывод двойного плана. С одной стороны*, индустриализация трудно адаптировалась на русской почве, а с *другой стороны* поспешный отказ от нее привел к развалу экономики и откату назад. *Практически при жизни одного поколения социально-экономический уклад государства поменялся реверсивно, что не может выдержать никакое общество.* Такие эксперименты погубят страну. Необходим теоретически более грамотный, взвешенный подход к ее реформированию.

На сегодня вопрос стоит так: или Россия вернется на путь модернизации в обновленном варианте и останется в числе цивилизованных государств, или превратится в колонию. Первую альтернативу реализовать теперь не просто. Развитые страны за последние десять лет ушли далеко вперед и догнать их вряд ли удастся. Это можно сделать только на путях самых совершенных высоких технологий, и тут *придется обратиться к глубинам исторического опыта.* Известно, что народы, первые осуществившие доместикацию растений и животных, очень быстро обошли в своем развитии соседей. Позднее, Англия, одной из первых совершившая промышленную революцию, надолго обогнала остальной мир. США, первыми овладевшие энергией атома, уже полвека диктуют миру свою волю. Аналогичное решение приходится искать России, для чего имеются надежные предпосылки: богатейшие природные ресурсы; высокий уровень образования населения; уникальные разработки двойных технологий в военно-промышленном комплексе; выдержка и неприхотливость народа, привыкшего перманентно преодолевать экстремальные ситуации. Не последнюю роль при правильном под-

ходе может сыграть уникальный опыт конвергенции социализма и капитализма в одной стране.

Нынче много говорят и пишут о *российской цивилизации*, но кто видел ее в натуре? О ней можно рассуждать лишь применительно к допетровской эпохе. Реформы Петра I, Александра II, да и сталинские преобразования включили ее в мировой модернизационный процесс, и от былой самобытности мало что осталось. Ее предстоит создавать заново. Нам представляется, что России пока еще не грозит и потребительское общество. Бездонный рынок обнищавшей страны наполнится не скоро. Для того чтобы выйти на столбовую дорогу прогресса в XXI в., России предстоит избавиться от ряда своих деструктивных традиций, которые от века к веку господствовали в ней, меняя форму, но не содержание. Во внешнеполитическом плане несколько веков прошло под лозунгом "Москва — третий Рим", который сменился в XX в. на "Пролетарии всех стран, соединяйтесь" При всем внешнем различии существо оставалось практически одинаковым. Теперь оно потеряло всякий смысл. В этом контексте неплохо бы обратиться к опыту Швеции, которая после поражений в начале XVIII в. решительно пересмотрела свое место в мире и принципы внутренней политики, которыми руководствуется до сих пор, что дает огромные социально-экономические преимущества.

Во внутриполитическом плане стоило бы отказаться от бесконечного "раскулачивания", которое обескровливает экономику. При всей несхожести таких российских явлений как опричнина, закрепощение, раскрепощение крестьян, коллективизация, национализация, приватизация у них как один общий корень — непрекращающаяся грубая смена формы собственности, которая сжирает все накопления общества. Такая же практика "раскулачивания" господствовала и в политической сфере. Взойдя на престол, Анна Иоанновна собственноручно выковыряла бриллианты из короны Екатерины I, Свердлов прибрал к рукам сокровища трехсотлетней династии Романовых, Хрущев вытряхнул Сталина из мундира генералиссимуса великой Победы, Горбачев сдал завоевания своего народа в Великой Отечественной войне, а Ельцин, чтобы лишить Горбачева власти, прекратил существование СССР Такое возможно только в стране с

низкой политической культурой. Аналогичное наблюдалось и в других государствах, но они давно отказались от подобного варварства.

Авторитаризм долго культивировался в российских гимнах. При Романовых пели: "Боже, царя храни" В советское время: "Нас вырастил Сталин — на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил" В нынешнем гимне вообще нет слов, а стоило бы отразить такое принципиальное положение как, "*Державностъ и социально-национальная солидарность*"

Во все времена *бедствием для России было чиновничество*, "крапивное семя", как его называли в народе. Если в имперский период чиновники служили определенным классам, под их жестким контролем, то теперь они сами превратились в привилегированный класс, никому не подотчетный. В этом отношении страна вернулась едва ли не в постпетровское безвременье, когда в правительственном манифесте от 9 января 1727 г. признавалось, что "умножение привилегий и канцелярий во всем государстве не токмо служит к великому отягощению штата, но и к великой тягости народной... Разные управители имеют свои особливые канцелярии и канцелярских служителей, и особливый свой суд, и каждый по своим делам бедный народ волочит"

Порождением чиновничьего произвола, "болевой точкой" российской экономики всегда были *непомерные, неупорядоченные налоги*. Известный русский мыслитель Н. Тургенев выводил из *"дурной системы налогов" все революционные потрясения*. Времена "медных бунтов" давно миновали, но при нынешней налоговой системе страна не гарантирована от серьезных неприятностей, тем более, если вспомнить что *на протяжении четырех последних столетий начало каждого века омрачалось национальной катастрофой*: смутой 1598–1613 гг.; Северной войной 1700–1721 гг.; Отечественной войной 1812 г.; революцией 1917 г.

Ретроспективный анализ развития отечественной финансово-денежной и банковской системы, начиная с ее зарождения, показывает, что началу каждого из *этапов предшествовало реформирование промышленности*. Затухание процесса преобразований в индустриальной сфере оказывало негативное, сдерживающее влияние на деятельность банков, стагнация индуст-

рии делала "непрозрачными", мало предсказуемыми ее стратегические потребности, что лишало перспектив инновационного развития банковского дела.

Предложенные заметки конечно же не претендуют на роль прямых рекомендаций по дальнейшему реформированию России, но они ясно дают понять, как не надо это делать, для того чтобы избежать типичного российского парадокса — *"созданное вчера считалось дурным завтра и создавалось сегодня то, что было уничтожено вчера"*

Налоги России: экономика и политика. Екатеринбург, 2000. апрель. С. 15-17.

Государственная служба России: исторический опыт и современность

(специфические черты)

Человечество с древнейших времен ищет оптимальные формы управления обществом. Поиск наиболее рациональных форм идет и сейчас во многих странах. Не случайно, что в сложноорганизованных государствах столь возросла роль чиновников — профессионалов, понимающих цели, *стоящие перед обществом; эффективно управляющих с помощью различных технологий; владеющих определенными качествами, знаниями, умениями и способных быть посредниками в разрешении многих конфликтов, возникающих в гражданском обществе.*

Особенно велика потребность в такого рода специалистах в периоды преобразований. Поэтому для России столь актуальным на сегодняшний день является изучение проблемы становления, существования и развития системы государственной службы: чтобы исследовав собственный и зарубежный опыт, понять как более целесообразно подходить к реформированию этой системы.

Из разнообразия трактовок и подходов в научной литературе в толковании дефиниции "бюрократия" (в буквальном переводе *власть канцелярии*) выделяются три:

1 — система управления и система государственных институтов (управление по вертикали);

2 — группа профессиональных назначаемых лиц, занятых в данной системе;

3 — один из активных социальных слоев в политической элите любой страны.

На специфику исторического развития бюрократии достаточно сильное влияние оказывает наличие традиции управления. В одних государствах доминируют централизм и строгая административная иерархичность, замкнутость системы на столицу (классический пример — Франция). В других традиционно превалируют региональные административные учреждения, а система управления полицентрична (как в Германии, например). В третьих система управления и государственных институтов выросла из местного коммунального самоуправления (ярким примером здесь могут послужить США и Англия). В России, а нами будет рассмотрена специфика развития системы государственной службы через общий российский исторический контекст, традиционно управление сводилось к различным модификациям государевой службы.

Менялось политическое устройство страны, но глубинные основы — системы управления, определяющие облик российской государственности, не изменялись или, если и менялись, то несущественно. Спецификой развития России являлся мобилизационный характер управления обществом. Мобилизационная модель развития предполагала и особый механизм формирования политической элиты через государственные структуры. Поэтому состав политической элиты страны во многом совпадает с высшим эшелоном административно-политической бюрократии.

Практика рекрутирования в политическую элиту России обусловила специфичный принцип — так называемый "служебный", когда высшая и средняя бюрократия, будучи доминирующим слоем в элите, сама оставалась в принципе бесправной и зависела от воли государя. Воля императора, его политическое влияние на процессы в обществе определяли показатель эффек-

тивности бюрократии. Сильная зависимость от верховной власти предусматривала и соответствующее состояние, которое многими авторами было отмечено, как "рабы рабов" (были "рабы государевы" и "рабы помещичьи", слой административной элиты принадлежал к "рабам государевым"). Это состояние и сильная централизация управления накладывали отпечаток на взаимоотношения в среде лиц, занятых в государственной сфере. Такие патрон-клиентарные отношения влияют и сегодня на экономическую и политическую сферы, так как господство бюрократии определяет и перенос особого типа отношений начальник — подчиненный в другие сферы общества.

Становление системы государственной службы в России стоит разделить на ряд периодов.

Первый (I половина XVIII в.) обусловлен возникновением государственной службы; изменением основ государственного управления по западному образцу (шведская модель); заменой принципа местничества (сословных привилегий) на принцип выслуги, закрепленный в "Табели о рангах" (1722 г.).

Второй (II половина XVIII — I половина XIX вв.) — это сравнительно большой временной интервал в развитии государевой службы. В своем начале, в основном, связан с укреплением абсолютной монархии и стабилизацией системы управления при Екатерине II. Окончание периода ознаменовано реформами М.М. Сперанского в структуре управления и в области государственной службы.

Третий (II половина XIX в. — до 1917 г.) определяется окончательным оформлением бюрократической традиции управления государством, где ведущей силой, обуславливающей движение всей системы, стал чиновник. Таковым был оформленный еще в последней трети предыдущего периода и развившийся в этом "николаевский чиновник"

Четвертый (1917—1991 гг.) обусловлен существованием Советского государства и особой системой управления, где главной силой становится номенклатура со своим набором политических технологий и привилегий.

Пятый (после 1991 г. — до наших дней) — современный постсоветский период, по-прежнему характеризуется доминированием в политической элите бюрократии, обменом привилегий,

полученных в предыдущем периоде, на экономический капитал (с помощью приватизации), переносом патрон-клиентарных связей в сферу рынка.

Остановимся более подробно на выделенных периодах и охарактеризуем черты каждого из них.

В первом периоде ключевой позицией является реформа государственного управления Петра I и "Табель о рангах": документ, устанавливающий новые отношения между правящей элитой, армией и бюрократией. Четырнадцать рангов, определенных в "Табели о рангах", заложили основу для развития профессиональной государственной службы в Российской империи.

Классом, на который изначально возлагались полномочия служения государству, было дворянство. Однако не оно стало многочисленным "служилым сословием" Дворянство занимало лишь командующие высоты: высшую и среднюю группу должностей. Остальную же массу составляли дети канцеляристов, представители из духовенства и податного сословия. Собственно они определяли облик имперской бюрократии. В рассматриваемый период "чиновничье сословие" лишь только формируется.

В начале второго периода права и полномочия духовенства закрепляются Указом Екатерины II (1774), предусматривающим превращение приказной службы в наследственную для данной категории лиц. Таким образом, высшую группу служилых людей составляли дворяне, а среднюю и низшую — представители из духовенства (бывшие семинаристы, исключенные "за леность" или "за малозначительность успехов").

Определенной вехой в развитии государевой службы во втором периоде стали реформы М.М. Сперанского, реорганизовавшего коллегии Петра I в Министерства, изменив тем самым структуру управления, и окончательно оформившего организацию бюрократической системы в Империи с обеспечением для монарха возможности лично и непосредственно руководить ходом дел через министров.

Сперанским также была предпринята попытка рационализировать государственную службу. Это выразилось, например, во введении системы экзаменации служащих, что должно было улучшить профессиональную подготовку кадров. С созданием

Министерств появляется особый тип гражданского служащего — министерский чиновник.

На протяжении всего третьего периода до падения империи этот тип управленца претерпевает эволюционные изменения. Своего наивысшего расцвета он достиг в правление Николая I (1825—1855). Черты министерского чиновника: высокомерие, холодность в обращении, низкопоклонство, взяточничество — обусловили и характер взаимодействия как с гражданами, так и с низшими по званию чиновниками.

Наряду с вышеизложенным типом сформировался и другой, объединенный такими чертами как: деловитость, опытность, знание тонкостей делопроизводства. Этот так называемый "николаевский тип чиновника" приводил в действие машину управления империей. Без него, как профессионала в своем деле, не мог обойтись ни один министерский руководитель. Однако тяжелейшие обстоятельства, в которые был поставлен чиновник-специалист в Российской империи (низкая оплата труда, моральные унижения со стороны высших чинов, условия службы, выхода на пенсию, статус чиновника в обществе и многое другое), толкали его на различные злоупотребления. К тому же взяточничество не презиралось в общественном мнении. Наоборот, чиновник не берущий взяток, считался в глазах общественности бесполезным, малодушным, сухим и неспособным помочь в решении дела. Поэтому так ценилось в рассматриваемый период "искусство казнокрадства", передаваемое в чиновничьей среде из поколения в поколение. Нужным качеством для "хорошего" чиновника была способность отписаться от вышестоящего начальства. Процветали волокита, поклонение бумаге и прочее. Однако несмотря на все это, бюрократия, в указанные периоды, достаточно сильно влияла на политические процессы, в том числе и на различного рода преобразования.

Четвертый период во многом связан с глубиной бюрократического управления обществом в предыдущие эпохи, что позволило многим зарубежным авторам трактовать исторический эксперимент построения коммунистического общества как модификацию старой имперской модели управления. Так, еще М. Вебер отмечал, что в условиях социалистической системы необходима столь же жесткая бюрократическая организация, как и

при капитализме. В связи с этим управление национализированными предприятиями осуществляется группой людей, лучше всего подготовленных к подобной цели, то есть бюрократией, которой "чуждо чувство солидарности с пролетариатом"

Отсутствие естественных соперников для бюрократии в виде частного предпринимателя, владеющего теми же техническими приемами управления, позволило Уолтеру Пинтеру, исследователю русской бюрократии, говорить о советском обществе как и о "супербюрократическом, в котором бюрократы ответственны только пред бюрократами"

В условиях супербюрократического государства, советская номенклатура (nomen (лат.) — список имен, наименований, лиц, назначенных на должности) обрела черты группы, которую в любом другом обществе можно было назвать элитой: иерархичность, отсутствие самовоспроизводства, географическая мобильность, внутренняя ротация и система привилегий. Хотя о профессиональных управленцах говорилось и писалось еще В. Лениным, оформление советского типа государственной службы относится ко времени правления И. Сталина. Именно он, создавая "партию в партии", разработал основные правила поведения, секретные принципы власти, нормативно-правовую основу для советской бюрократии. Идеальные характеристики номенклатурного работника были определены и обнародованы Сталиным на XII съезде партии. Чиновник должен был умело осуществлять директивы (понять их и провести в жизнь). Для этого серьезные требования предъявлялись к кадрам.

Советская бюрократия была более или менее однородной лишь в социальном отношении, но в правовом ее можно было разделить на две категории: 1) ведущие и командующие бюрократией профессиональные аппаратчики; 2) вся остальная служилая ведомственная бюрократия — или чиновники-специалисты. По А. Авторханову, советскую бюрократию можно разделить на ряд подтипов: ленинского комитетчика, маленького Сталина, хрущевский, брежневский тип (а также, по аналогии — горбачевский тип).

Все вышеперечисленные типы различаются по уровню образования, наличию профессиональных навыков, психологических качеств и других элементов. Если, например, в сталинский пе-

риод ценилась преданность вождю, партии, убеждениям, то в 80-е годы XX века — уровень образования, характерные психологические черты (амбициозность, самоутверждение в группе и так далее).

Как уже упоминалось выше, серьезные требования в управлении предъявлялись к кадрам. Однако в 70—80-е годы все более набирал силу отрицательный отбор кадров — не с точки зрения профессионализма, а исходя из личной преданности, протекционизма, семейственности. Этот фактор значительно снизил качество управления, что не смогло не сказаться на общем развитии страны в 70-е годы XX века (так называемый период застоя).

В брежневский период начинают складываться так называемые протокланы, что привело к кадровой стабильности, замкнутости территориальных групп, пожизненному руководству областью "удельных князей" — секретарей обкома.

Еще в первые годы советской власти начинает зарождаться система привилегий класса номенклатуры (специальное обслуживание, дача, автомобиль, квартира, спецпайки и прочее). В поздний период своего развития советская бюрократия все больше начинает отличаться на региональном и центральном уровнях в зависимости от объема коллективной собственности и количества привилегий. По мнению американского советолога Г Дергульяна, перед распадом СССР произошло освобождение от центральной суперкорпорации территориального и внетерриториального типов бюрократии. Территориальная номенклатура представляла собой 15 национальных республик, 20 этнических автономий и 100 обычных провинций, а кроме того была и внетерриториальная номенклатура — это представители производственных агломераций, разнообразных министерств, "ведомственных сатрапий"

Приход М. Горбачева к власти ознаменовался чисткой кадров в высшей номенклатуре. Его шаги: выборы народных депутатов СССР, отбросившие многих партийных руководителей; наступление на бюрократические институты радикальных слоев интеллигенции под лозунгами демократического доступа и подотчетности; политизация национально структурированных гражданских обществ, движений — все они бросали вызов прежде

всего высшей и средней правящей номенклатуре. Крушение государственного социализма, по мнению Г Дергульяна, было революцией не сверху или снизу, а скорее из середины.

Прежде чем М. Горбачеву удалось создать новый режим, слои номенклатуры, находящиеся в его подчинении, предали его и, нарушив основополагающие запреты номенклатурного поведения, приняли участие в национальных движениях и в частном накоплении. Вобрав в себя отдельных аутсайдеров из числа местной интеллигенции, обеспечившей новые символы и идеологию, бюрократия в начале 90-х годов XX века преобразовала свои корпорации территориального типа в независимые государства. Тем самым окончился советский период в истории государственного управления.

Определенно о пятом — современном этапе еще достаточно сложно говорить в полной мере, так как он находится на начальной стадии формирования. Но уже можно упомянуть две тенденции, которыми он охарактеризован. Одна тенденция выражена в стремлении государственного аппарата осуществлять управление по-старому; другая — основывается на понимании того, что необходимо обновление кадрового потенциала, технических приемов и методов, следуя веяниям времени.

Сложившаяся сегодня в России система управления эклектична и неэффективна. Многие авторы называют ее номенклатурной и кланово-бюрократической. Передел собственности как панацея от стагнации в позднесоветский период не только не спас, а еще более усложнил и запутал перераспределение ресурсов через бюджет.

Таким образом, анализируя исторический опыт развития государственной службы в России приходим к выводу о том, что ее становление и оформление тесно связано с общим историческим опытом государства, для которого характерна управленческая традиция, основанная на жесткой иерархичности, строгой подчиненности верховной власти и обусловленная мобилизационным фактором развития общества. Такой тип патронклиентарных отношений для эффективного взаимодействия требует сильного, влиятельного патрона-лидера, способного формулировать цели и задачи, и исполнительного, но профессионального чиновника-клиента, который реализует поставлен-

ные цели и задачи. Только при таких условиях возможно оптимальное управление в данной системе. Если же этого не происходит, то бюрократия становится малоэффективной, она далека от общественных интересов и гонится за собственным обогащением, ей чуждо чувство ответственности за происходящие события. Не учитывая эту специфику исторического опыта, сложно моделировать новый тип отношений, основанный на инновационной, рационализаторской составляющей профессиональной деятельности чиновника.

Реформирование государственной службы в России: проблемы и пути их решения. Материалы Международной научно-практической конференции в Уральской академии государственной службы. 20-21 ноября г. Екатеринбург, 2002. С. 5-13.

Формирование современной налоговой системы России: истоки и уроки

Современный этап рыночных реформ в России требует дальнейшего совершенствования налоговой системы, которая играет важнейшую роль в экономике страны. Выступая на совместном Заседании Министерства финансов и Министерства экономического развития и торговли вскоре после переизбрания на новый срок, Президент В.В. Путин подчеркнул: "Мы обязаны довести до конца налоговую реформу" При этом он предложил "сделать все эти вопросы предметом широкого обсуждения в научной среде" [1].

Существенное значение в данной связи имеет осмысление исторического опыта реформирования налоговой системы, поскольку многие сегодняшние проблемы уходят своими корнями в недавнее прошлое, когда началось это реформирование. Попытаемся проанализировать его истоки и уроки.

Ситуация в российской налоговой системе в начале 90-х годов

К концу 1991 г. СССР в целом и отдельные его республики (в том числе и Россия) оказались на грани финансового коллапса. Контроль над оптовыми ценами был утрачен почти полностью, над розничными же – хотя и сохранялся, но существенно ослаб. Оптовые и розничные цены все быстрее сближались, из-за чего таял налог с оборота – одна из важнейших статей доходов бюджета. Госбанк СССР оказался бессилен по отношению к республиканским центральным банкам (и прежде всего российскому), которые вопреки действующему союзному законодательству активно занялись кредитной эмиссией, чтобы хоть как-то попытаться закрыть все расширявшиеся бреши в республиканских бюджетах. Нарастала экономическая война между республиками. Отдельные республики в одностороннем порядке начали повышать розничные цены и доходы своих граждан. Защищая таким образом внутренние рынки, власти одновременно подталкивали население к массовым закупкам потребительских товаров на более дешевых рынках соседей. Быстрая коррозия базовых принципов построения союзного государства не могла не отразиться на всех сферах социально-экономической жизни России, и, в первую очередь, на таком системоообразующем элементе любого государства как налоговое законодательство. Стала очевидной необходимость радикальных решений. Оставалось лишь понять – каких [2].

Распад Советского Союза дал столь мощный импульс экономическому сепаратизму, что угроза распада уже не Союза, а самой России стала быстро приобретать реальные очертания. Пытаясь оседлать плохо поддающуюся контролю волну центробежных тенденций, Президент Б.Н. Ельцин выдвинул намятый лозунг "Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить" В области налогового законодательства лозунг выразился в том, что в конце 1993 года указом Президента региональным и местным органам власти было предоставлено право вводить любые налоги на любых налогоплательщиков, с любых объектов и в любых размерах. Местные власти не преминули воспользоваться неожиданно открывшимися возможностями, и уже скоро никто в России с уверенностью не мог сказать, сколько же

в стране действует налогов. Заместитель министра финансов Российской Федерации С.Д. Шаталов оценивал количество действующих на территории РФ налогов в 150 (150 – в целом по России. Нигде все 150 налогов не действовали одновременно. Ряд регионов ввели до 25 дополнительных налогов, некоторые ограничились 2–3 налогами не предусмотренными законом "Об основах налоговой системы в РФ"). Количество нормативных актов, регулирующих вопросы налогообложения, приблизилось к 800.

Часть из этих налогов при всей их экстравагантности была вполне безобидна: например, налоги на содержание футбольных команд, часть просто безнравственна – налог на погребение, часть – довольно странна с экономической точки зрения, например, налог на сокращение производства, а часть откровенно разрушала Россию как федеративное государство. К последним относились различные сборы, плата за ввоз той или иной продукции (в первую очередь продовольствия). Следующим шагом на пути дезинтеграции России стали налоги на вывоз капитала за пределы своей республики, акцизы на вывоз своего минерального сырья соседям. Ситуация начала меняться лишь с распадом СССР, когда Россия "национализировала" Госбанк и Госзнак СССР. Это дало руководству страны уверенность в том, что теперь оно хозяин рублевой денежной системы и, следовательно, появились возможности решения задач следующего этапа финансовой стабилизации.

Начиная с 1993 г. правительство, которое возглавил В. Черномырдин, во главу угла поставило борьбу с инфляцией. В 1993 г. темпы инфляции снизились почти втрое, в 1994 г. – еще больше. По мере решения острейшей проблемы того времени – инфляции, представлялось все более очевидным, что следующая проблема – ситуация в налоговой сфере становится все более нетерпимой. Налоговая система стала тормозом развития страны. Необходимость ее незамедлительного реформирования уже ни у кого не вызывала сомнений. Выход виделся в создании Налогового кодекса.

Проект первого российского Налогового кодекса

Идея его разработки витала давно. Однако приобретать конкретные очертания она начала весной 1992 г., когда секретарь

Совета безопасности Ю. Скоков поставил задачу разработать концепцию экономической безопасности России и предложил нескольким независимым группам экспертов представить свое видение этой проблемы.

Одну из групп экспертов возглавил В.Н. Фролов, Президент Ассоциации "Налоги России", доктор экономических наук, профессор. Начав с работы над концепцией национальной безопасности, он и его коллектив впоследствии сконцентрировались на проблемах налоговой реформы. Уже в 1992 г. ими были представлены основные положения налоговой реформы [3], а в 1994 г. опубликован первый в постсоветской России проект Налогового кодекса [4]. Он предлагал несколько революционных новаций по отношению к действующему на тот момент времени налоговому законодательству. Важнейшие из них: резкое – почти вдвое – снижение налоговых изъятий из экономики, еще более резкое – в пятнадцать раз (со 150 до 10) – снижение количества действующих налогов, наконец, принципиальное изменение самой структуры взимаемых налогов. Собственно, на философии последнего тезиса и строилась концепция кодекса.

Разработчики кодекса исходили из единства триады целей любой налоговой системы: осуществлению ее фискальной, регулирующей и стимулирующей функций. В России начала 90-х годов реально оказалась востребована единственная – фискальная – функция налоговой системы. Гипертрофированность фискальной функции действующей в России налоговой системы закономерно вела к свертыванию производства, параличу хозяйственной жизни. В кодексе В.Н. Фролова "равноправность" этих функций была не просто восстановлена, а, скорее, даже смещена в пользу стимулирующей функции. Налоговая среда выстраивалась таким образом, чтобы собственник был заинтересован использовать имеющиеся ресурсы предельно эффективно и интенсивно. За счет чего это достигалось?

Авторы кодекса считали, что введенная с 1 января 1992 г. Правительством Российской Федерации налоговая система превысила предельно допустимое налоговое давление на экономику, результатом чего стала невозможность осуществления не только расширенного, но и простого воспроизводства. К счастью, "инстинкт самосохранения" у российской экономики ока-

зался достаточно силен, но форма его реализации стала весьма далекой от той, которая ожидалась "младореформаторами" С одной стороны, начала стремительно увеличиваться доля бартера в расчетах между предприятиями, что, по-видимому, и предотвратило полный коллапс экономики, а с другой, значительная часть хозяйственной деятельности усилиями государства была "выдавлена в тень"

В проекте налогового кодекса подчеркивалось, что простое снижение ставок действующих налогов важный, но далеко не главный шаг в направлении создания эффективной налоговой системы. В нем фиксировался новый подход к классификации действующих налогов и на его основе другое видение организации налоговой системы. Все налоги делились на две большие группы: ***условно постоянные*** и ***условно переменные*** налоги.

К ***условно постоянным налогам*** были отнесены налоги прямо не зависящие от уровня производства, продаж и иных экономических показателей, связанных с деловой активностью (например, налоги на имущество, за использование трудовых ресурсов, фиксированный налог на лиц, занимающихся индивидуальной предпринимательской деятельностью и т. п.). Их экономическая сущность рассматривалась как аналогичная условно постоянным затратам в себестоимости продукции и состояла в том, что позволяла снижать удельный вес налоговых платежей пропорционально росту объемов производства. Такие налоги не наказывают производителя за его успех, а напротив, побуждают к наращиванию выпуска продукции. К ***условно переменным налогам*** относились налоги, напрямую взаимосвязанные с деловой активностью (например, НДС): чем выше деловая активность, тем выше налог.

Налоговая система "от 1 января 1992 г." во главу угла ставила переменные налоги и лишь постольку, поскольку опиралась на постоянные налоги. В кодексе В.Н. Фролова предлагалось в перспективе поменять роли этих двух групп налогов местами. Идея заключалась в следующем. ***Условно постоянные*** налоги являются структурообразующими:

• Поощряют переток капиталов из менее эффективных областей применения в более эффективные.

• Стимулируют деловую активность и не позволяют налогоплательщику "залечь на дно", покрывая лишь свои минимальные жизненные потребности, "проедая" весь доход.

• Создают гарантию наполняемости определенной части бюджета, поскольку они взимаются вне зависимости от результатов деятельности налогоплательщика.

В ***условно постоянных*** налогах одновременно присутствует как мягкость, так и жесткость. Их *мягкость* заключается в том, что они создают для всех налогоплательщиков одинаковую (пропорциональную уровню деловой активности) и ограниченную нагрузку, и в этом смысле смягчают социальные контрасты и напряженность. С другой стороны, эти налоги непосредственно не влияют на сложившуюся структуру капитала, являясь, в некотором смысле, консервативными (стабилизирующими). *Жесткость* же ***условно постоянных*** налоговых платежей обусловлена тем, что они не учитывают отраслевой специфики, безжалостны к низкорентабельным и ресурсоемким производствам, не принимают во внимание, насколько объективны те или иные обстоятельства, определяющие их низкую эффективность.

Авторы проекта отдавали себе отчет в том, что жесткости в ***условно постоянных*** налогах, вообще говоря, больше, чем мягкости. Форсированное введение этих налогов ускорит разорение "лежачих" производств, что не могло не обострить и без того не простой социальный фон того времени. Однако если всерьез исходить из необходимости глубоких структурных изменений в экономике, то нельзя не признать, что достигнуть этой цели, ничем не поступаясь, в принципе невозможно. Повышение же роли ***условно постоянных*** налогов обеспечило бы дополнительную свободу и преимущества наиболее эффективным секторам и задало бы "правильное" направление структурного сдвига в экономике страны.

Предложенная классификация налогов вела к принципиальным изменениям самой конфигурации налоговой системы. Наиболее ярким явлением здесь стал отказ от ***налога на прибыль*** и замена его ***налогом на средства предприятий, направляемые на потребление***. Логика была следующей. Прибыль – основной источник расширенного воспроизводства (а в высокоинфляционной среде первой половины 90-х годов и простого тоже). Чем

выше налогообложение источника для осуществления инвестиций тем, соответственно, ниже эти инвестиции. С другой стороны, технологии ухода от декларирования прибыли к тому времени уже достигли такого расцвета, что "спрятать" практически любую прибыль для хорошего финансиста не составляло труда. Таким образом, налог на прибыль, с одной стороны, плохо выполнял фискальную функцию, а с другой, – "хорошо" подавлял инвестиционный процесс.

Решение указанных проблем виделось во введении (модификации) следующей системы налогов:

• ***Налог на средства предприятий, направляемые на потребление***. По сути, это был несколько модифицированный подоходный налог, только привязанный не к отдельному работнику, а к юридическому лицу в целом. Ставку но этому налогу трудно было назвать щадящей. Разработчики предложили ее на уровне 70%

• ***Налог на добавленную стоимость***. Несмотря на то, что к этому налогу авторы проекта относились с некоторой настороженностью, предлагалось его сохранить, хотя и резко снизить ставку (до 13%)

• ***Налог на имущество***. В рамках идеологии условно постоянных налогов, этому налогу в проекте кодекса уделялось особое внимание. Авторы проекта считали, что заметное увеличение ставок по данному налогу заставит предприятия более эффективно распоряжаться имеющимися ресурсами. Если же менеджмент предприятия не справляется со стоящими задачами, то высокие ставки налога на имущество будут, как минимум, стимулировать переток ресурсов от неэффективных собственников к эффективным

• ***Подоходный налог***. Подоходный налог с граждан предлагалось отменить, точнее включить его в состав ***налога на средства предприятий, направляемые на потребление***. Но главная интрига была в другом. В кодексе В.Н. Фролова выдвигалась революционная по тем временам идея ***отказаться от прогрессивного налогообложения в принципе***. Мотивировка была следующей: прогрессивное налогообложение сдерживает деловую активность населения, собирать прогрессивную часть налога

чрезвычайно дорого, методов ухода из-под прогрессивной шкалы столь много, что сбор налога превращается в фарс

• ***Акцизы***. Роль акцизов (как и всех условно постоянных налогов) в проекте кодекса резко повышалась. По сути, акцизы компенсировали выпадающее из налоговой системы прогрессивное налогообложение и выполняли социальную функцию последнего.

• Довольно много внимания в кодексе уделялось ***сбору государственной пошлины, налогу на имущество физических лиц***

• Проектом кодекса также предусматривалось взимание ***налогов на использование трудовых ресурсов и налога на сокращение рабочих мест***.

В целом, предложенная система налогов и сборов была проста, справедлива, компактна, эффективна, лишена таких пороков действующей на тот момент времени налоговой системы как то, что сбор многих налогов обходился государству дороже, чем приносимые ими в бюджет деньги. Например, в Свердловской области сбор по шести налогам превысил 99,8%, в то время как на оставшиеся (более тридцати), пришлось в сумме менее 0,2%. Налицо ситуация, когда налог не выполняет одной их своих основных функций – фискальной (сбор по ряду мелких налогов в тысячи, а иногда и в десятки тысяч раз меньше расходов на их обслуживание). Чем больше вводилось налогов, тем быстрее пустела казна. Авторы проекта кодекса ***полностью отказались от оборотных налогов***. В рамках проекта предполагалось существенно снизить налоговое бремя и, главное, в той мере в какой это вообще возможно, сместить акценты с фискальной на стимулирующую функцию налогообложения.

Сильной стороной проекта было и то, что налоговая система в нем выстраивалась не только на основе общетеоретических соображений и здравом смысле, но и подкреплялась модельными расчетами. В качестве информационной базы специалисты ассоциации "Налоги России" взяли данные по 75 тысячам предприятиям и более, чем 3 миллионам физических лиц Свердловской области и показали, что уровень налогового давления по проекту кодекса по отношению к фактически действующему составляет 81,1%, наблюдается заметное изменение структуры бюджетных поступлений и – предмет особой гордости разра-

ботчиков кодекса – налоговая нагрузка на инвестиции снижается почти в пять раз.

Наконец, у разработчиков кодекса был ответ на самый сложный вопрос по существу предлагаемой налоговой системы: "Кодекс снижает налоговую нагрузку на экономику. Это означает, что доходная часть бюджета неминуемо сократится. Как объяснить российскому обществу снижение социальных и иных бюджетных расходов?" Ответ был следующим. Производство в России устойчиво сокращается. Один из решающих факторов, определяющий нарастание кризиса, – действующая налоговая система. В условиях падения производства снижение налоговых поступлений неизбежно. Чем сильнее действующая налоговая система будет подавлять производство, тем быстрее оно будет свертываться. Этот порочный круг должен быть разорван. Вопрос заключается в том, на каких принципах это следует делать. Простое снижение налогового давления в рамках действующей налоговой системы, возможно, облегчит ситуацию на какое-то время, но не решит проблему в принципе. В предлагаемом же проекте налоговой системе придавалось новое качество, конституирующим свойством которого являлось стимулирование инвестиций и, на этой основе, роста производства. Рост доходной части бюджета в этих условиях уже неизбежен.

***

В 1994 году В.С. Черномырдин объявил конкурс на проект налогового кодекса. Поскольку к этому времени в стране был только кодекс, разработанный группой В.Н. Фролова, Правительство оказалось в довольно сложном положении. Выносить на обсуждение в Думу единственный реально существующий вариант кодекса оно не сочло нужным, других же альтернатив не существовало. Поэтому было принято "соломоново" решение: проект В.Н. Фролова пока не обсуждать, а ждать появления альтернативных вариантов. В действительности проблема заключалась в том, что тогда у Правительства не было собственного варианта Налогового кодекса. Как только он появился, а произошло это не очень скоро – только зимой 1996 г., дело сдвинулось с мертвой точки.

Правительственный вариант Налогового кодекса

Обсуждение в Государственной Думе 24 апреля 1996 г.

Правительственный проект Налогового кодекса разрабатывался три года. Его разработчики исходили из тех же вызовов существующей налоговой системе, что и авторский коллектив кодекса В.Н. Фролова. Во многом основные положения кодекса Правительства и кодекса В.Н. Фролова совпали. Оба проекта были кодексами федеративного государства: со вступлением их в силу "вольница на местах" с ее 150 налогами и соответствующим количеством фактических внутренних таможен прекращалась. В правительственном варианте предполагалось оставить 30 налогов (у Фролова – 10), действующими на всей территории России с четко определенным распределением средств между бюджетами всех уровней. Оба кодекса декларировали отказ от оборотных налогов. Более того, при формальных различиях в структуре предлагаемых налогов – в первую очередь это относится ***к налогу на прибыль*** в правительственном варианте и налогу на ***средства предприятий, направляемые на потребление*** в кодексе Фролова – просматривалось определенное единство взглядов в идеологии этих налогов: и тот и другой налог в конечном счете был направлен на обложение потребления предприятий.

Отличий в проектах кодекса, впрочем, было не меньше, чем сходства. Если в основе кодекса В.Н. Фролова лежало деление налогов на ***условно постоянные и условно переменные***, что задавало логику построения налоговой системы, направленную на стимулирование эффективного использование имеющихся у предприятия ресурсов, то в правительственном варианте просматривался более простой принцип – кодификация и ревизия уже существующих налогов. Да, количество действующих налогов в правительственном варианте предлагалось сократить в разы, но функции оставшихся сохранялись прежними. Правительственный вариант также не решал и острейшую на тот момент времени проблему чрезмерного налогового давления на бизнес.

На момент обсуждения в Думе проект все еще был "сырым" Отсутствие расчетов изменения налогового бремени при принятии проекта общей части Налогового кодекса не позволяло произвести необходимую экономическую оценку предлагаемых в

проекте изменений. В представленном виде проект был принят даже не в первом чтении, а лишь за основу [5].

Обсуждение в Государственной Думе 19 июня 1997 г.

Дума вернулась к обсуждению Налогового кодекса лишь через год и два месяца. Если на 1 января 1997 г. в стране действовало 75 групп налогов, а общее количество налогов доходило уже до 200, то предложенные в правительственном варианте кодекса 28 налогов были, конечно, существенным шагом вперед. При этом предполагалось, что представленный в проекте кодекса список налогов будет исчерпывающим.

Предусматривалось, наконец, отказаться от оборотных налогов. Проект кодекса предполагал, что налоговая нагрузка, составляющая в 1997 г. 35,1 процента к ВВП, снизится на 2,7 процента. Сэкономленные на налоговых платежах деньги пойдут на инвестиционные цели, причем "инвестиционный эффект, намного больше, и его можно смело удвоить по той простой причине, что пересматривается и система льгот" [6].

Довольно гибко в правительственном варианте рассматривался вопрос налогообложения прибыли. Саму ставку налога на прибыль предлагалось оставить без изменений (35% в то время), но зато планировалось сузить налоговую базу за счет расширения прав предприятий по отнесению расходов на себестоимость. Проект предусматривал новую амортизационную политику. Предлагалось отказаться от начисления амортизации на каждое основное средство в отдельности, а разбить все амортизируемое имущество на семь групп, составить суммарные балансы по каждой такой группе и амортизировать уже суммарные балансы. При этом примерно в 1,35 раза по сравнению с действующими увеличивались и нормы амортизации. Наконец, предлагалось разрешить относить на затраты производства расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, затраты на экологические цели, затраты, связанные с разведкой и подготовкой к освоению месторождений полезных ископаемых. По проекту предполагалось, что налоги будут уплачиваться только по фактическим результатам, а не исходя из действующей в то время нормы некой гипотетической прибыли, которая будет заработана в течение квартала.

Не был забыт и малый бизнес. Вместо так называемых налоговых каникул предлагался механизм поддержки малого бизнеса, при котором для предприятий малого бизнеса устанавливались повышенные нормы амортизации и пониженные ставки налога для первых 100 миллионов заработанной прибыли. Для самых малых предприятий предполагалось сохранить упрощенную систему учета и налогообложения по патентам.

Пересматривались подходы к налогообложению доходов граждан и налогообложению фонда оплаты труда у предприятий. Вместо пяти ставок действующего подоходного налога предлагалось установить только две – 12 и 30 процентов. Одновременно предполагалось снизить и отчисления в государственные внебюджетные фонды, выплачиваемые работодателями. Предполагалось также отменить все региональные и местные налоги, которые уплачивались с фонда оплаты труда. Количество этих налогов было огромным и провоцировало предприятия пользоваться всевозможными обходными схемами вместо того, чтобы честно платить заработную плату.

Предвидя дискуссию о социальной направленности перехода от пяти – к двухступенчатой шкале подоходного налога Правительство предложило три средства борьбы с этой "социальной несправедливостью": ввести налог с продаж, установить акцизы на дорогие автомобили и ввести налог на недвижимость с пакетом компенсационных мер для малообеспеченных граждан. В рамках введения налога на недвижимость предполагалось отказаться от налога на имущество и вывести из-под налогообложения основные средства и товарные запасы, что не могло не приветствоваться крупным бизнесом.

Депутаты, впрочем, довольно сдержанно отнеслись к перспективе, очерченной правительственным проектом. Причем те положения проекта, где Правительство видело достоинство кодекса, многими депутатами как раз трактовались как его недостатки. Например, докладчик [С.Д. Шаталов] утверждал, что "права налогоплательщиков существенно расширяются" Выступающий же следом за ним Г.В. Боос (фракция "Наш дом – Россия"), говорил прямо противоположное: "Весь Налоговый кодекс пронизан па самом деле презумпцией виновности или, если хотите, налоговой недобропорядочности налогоплатель-

щика. Его права значительно ущемлены, а права налогового органа значительно расширены" Столь же противоположны были мнения о снижении/увеличении налоговой нагрузки на экономику и по многим другим вопросам. В целом же, суть претензий депутатов к правительственному варианту кодекса свелась к следующему:

1. Кодекс написан сложным для понимания языком, который, к тому же, не применяется в других областях законодательства.

2. Ряд норм кодекса входит в конфликт с Гражданским и Таможенным кодексами, а также Гражданским процессуальным.

3. Кодекс не может рассматриваться как закон прямого действия. В нем признается необходимость принятия различных налоговых инструкций. И издавать эти инструкции, имеют право не только федеральный законодатель, не только представительные органы местного самоуправления, но и Госналогслужба, органы исполнительной власти, даже ведомства.

4. В Налоговом кодексе продекларировано право органов местного самоуправления по своим законам издавать законодательные акты. На это уйдут годы.

5. Расширение прав налогоплательщика является недостаточным: Налоговый кодекс пронизан презумпцией виновности налогоплательщика.

6. Кодекс не снижает, а, наоборот, увеличивает налоговую нагрузку на экономику.

7. Кодекс предполагает перераспределение налоговой нагрузки между отраслями экономики. Депутаты, представлявшие интересы сельского населения, естественно, были против нарушения сложившегося status quo.

Острая полемика, однако, завершилась ничем. Фракции "Наш дом Россия", ЛДПР, депутатская группа "Российские регионы", представитель Президента поддержали принятие правительственного проекта. Этой поддержки оказалось достаточно, чтобы проект правительственного Налогового кодекса был принят в первом чтении.

Отзыв Налогового кодекса из Государственной Думы

Проект Налогового кодекса готовился ко второму чтению не без детективной интриги. 24 сентября 1997 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин поручил Правительству РФ отозвать проект на доработ-

ку. Депутаты Думы оказались в двусмысленном положении: сначала они приняли в первом чтении правительственный вариант кодекса, а потом само Правительство инициировало его отзыв. Однако Дума, воспользовавшись ситуацией, постаралась "переиграть" ее в свою пользу. Депутаты заявили, что:

• Правительственный вариант кодекса требует серьезной переработки – именно это они и говорили, когда проект обсуждался в первом чтении.

• Дорабатывать или разрабатывать новый Налоговый кодекс надо в Думе – при таком подходе принципиально изменялась расстановка сил: думцы управляют процессом, а не являются простыми регистраторами.

• Доработанный вариант кодекса необходимо рассматривать в первом чтении — требование Президента РФ выполнено без "потери лица"

• Наряду с доработанным правительственно-думским вариантом рассмотреть все альтернативные варианты налоговых кодексов, которые будут представлены к 15 января 1998 г.

• Создать комиссию (в нее войдут представители Президента, Правительства и Думы), которая подготовит заключения по всем представленным проектам налогового кодекса, в том числе и доработанного правительственного.

По итогам обсуждения кодекс был возвращен в первое чтение. Было принято принципиальное решение о рассмотрении в феврале 1998 г. всех альтернативных проектов налогового кодекса, внесенных в порядке законодательной инициативы к 15 января 1998 г. [8]

Альтернативные проекты Налогового кодекса

Обсуждение представленных в Государственную Думу проектов налоговых кодексов состоялось не в феврале, а только **16 апреля 1998 г.** Всего было представлено десять вариантов (в том числе правительственный). По результатам рейтингового голосования в первом чтении мог быть принят только один из них.

Первым обсуждался **проект, разработанный ассоциацией "Налоги России"** (группа "Народовластие" – *см. раздел "Проект первого российского налогового кодекса)*. С.Ю. Орлова, заместитель председателя межфракционной комиссии, представ-

лявшая заключение по всем проектам, вынесенным на обсуждение, отметила, что "это самый проработанный законопроект Он был разработан в 1992 году, и в связи с тем, что он никак не мог быть нигде представлен, он был представлен как альтернативный вариант" Межфракционная комиссия, однако, не поддержала основную идею проекта – отказ от ***налога на прибыль***. Полное неприятие вызвало и предложение отказаться от ***прогрессивного налогообложения доходов***.

По остальным основным положениям проекта расхождений оказалось меньше. Комиссия признала, что ***налог на недвижимость*** "нужен" Была поддержана и концепция ***налогов во внебюджетные фонды***. Не просматривалось принципиальных разногласий и в отношении ***оборотных налогов***, только тактика Правительства в их отношении была иной: единовременно отменять дорожный налог нельзя, но "будет постепенное снижение этого налога"

В общем, отношение к проекту оказалось двойственным. С одной стороны, "члены комиссии считают, что есть нормальные, принципиальные вещи в этом Налоговом кодексе, представленном ассоциацией" А с другой, "мы сегодня стоим перед дилеммой: либо мы двигаемся дальше и все просто полностью как бы отодвигаем, либо мы находим компромиссный вариант и в специальной части Налогового кодекса отрабатываем те детали, которые сегодня есть" За этой несколько туманно сформулированной фразой просматривается явное желание дистанцироваться от серьезного конкурирующего варианта и "двигаться дальше" по пути, предложенном в правительственном кодексе.

Следующим обсуждался ***проект, подготовленный фракцией "Яблоко"***. Он имел сильную правовую часть, разработчики уделили особое внимание минимизации возможных правовых коллизий с Гражданским кодексом. Экономическая программа кодекса была весьма радикальна. Предлагалось оставить пять (или немногим больше) налогов. Основным из них должен был стать минимальный налог на доход предприятий (по сути, оборотный налог). НДС предлагалось упразднить, а широкий список льгот, наоборот, оставить. Предусматривалось ввести социальные сборы без ограничения их количества, но с установлением суммарного предельного уровня в размере 75 процентов от

ставки подоходного налога, что было в несколько раз меньше, чем действующие отчисления в государственные социальные внебюджетные фонды. Проект предусматривал введение открытого перечня налогов и сборов, разрешенных к применению на территории Российской Федерации. Это положение, правда, вступало в противоречие с решением Конституционного Суда, делало налогоплательщиков заложниками органов государственной власти субъектов Федерации и местного самоуправления и могло привести к появлению различных режимов налогообложения. Существенно меньше вопросов и больше одобрения вызвала часть кодекса, касающаяся налогообложения малого и среднего бизнеса. Авторы проекта не отрицали, что серьезных расчетов последствий введения налоговой системы, предусмотренной кодексом, они не проводили, объяснив свою позицию тем, что "цифры, которые дает Министерство финансов, не позволяют провести нормальные расчеты"

Третий **проект** также представлялся от **фракции "Яблоко"** и идеологически был близок к предыдущему. В нем предусматривалось резкое ограничение прав налоговых органов по нормотворчеству, а самих налоговых органов даже в доступе к налогоплательщику. Проектом не предусматривалось большинство из действующих на тот момент времени прямых налогов, в т. ч. налога на прибыль, Предлагалось вывести из списка подакцизных товаров нефть и газ. Видимо предчувствуя возражения оппонентов о том, что российская экономика не выдержит потрясения при единовременном переходе на предлагаемую систему налогообложения, авторы кодекса предложили поэтапный пятилетний период перехода на новую систему.

Предложения, представленные депутатом В.В Похмелкиным (не состоящим в депутатском объединении), заметно выделялись на фоне остальных проектов кодекса. Сформулированные как альтернативные, они довольно быстро трансформировались по сути в правительственный вариант кодекса. Сам В.В. Похмелкин считал, что "концепция, которая была альтернативной правительственному варианту, сегодня на 70 процентов воспринята в новом проекте, представленном Правительством Российской Федерации" Позднее, в апреле 1998 г., с мотивировкой "учитывая, что душа моего законопроекта уже присутст-

вует в теле ряда других законопроектов, и не желая осложнять сегодняшнее голосование" В.В. Похмелкин снимет свой проект с закрытого рейтингового голосования.

Проект, разработанный ассоциацией "Черноземье". Концепция налогообложения проекта состояла в полном отказе от налогообложения результатов труда, выручки и прибыли и предполагала переход к налогообложению производственных ресурсов. Любая производственная деятельность рассматривалась как взаимодействие производственных ресурсов структурно состоящих из: "а) основных производственных фондов, предметов труда; б) живого труда в виде заработной платы; в) природных ресурсов (земля, недра, вода, леса и тому подобное)" Так как валовой внутренний продукт является результатом этого взаимодействия, то "остается только определить долю влияния каждого вида ресурсов, чтобы перейти к построению налоговой системы. Расчет налоговых ставок представляется чисто технической операцией"

Главным аргументов межфракционной комиссии против данного варианта кодекса стало то, что предлагаемый проект фактически перекладывал всю налоговую нагрузку на российскую промышленность.

Проект, представленный ЛДПР, заметно отличался от других предложений. Причем отличия носили концептуальный, а не косметический характер. Суть предложений состояла в том, что какой именно будет действовать кодекс, значения не имеет (ЛДПР, кстати, исходила из правительственною варианта). Имеет значение, кто будет отвечать за исполнение плана сбора налогов. Ответственность предлагалось возложить на губернаторов, а Федеральной налоговой службе спрашивать за исполнение налоговой дисциплины не с 2,5 миллионов предприятий и 100 миллионов физических лиц, а с 89 губернаторов.

Реализовывать эту ответственность предлагалось через введение двух "отчетных" налогов: территориального и подушного. На федеральном уровне устанавливались, строго говоря, всего две ставки: за 1 квадратный километр и за одного человека. Сумма соответствующих произведений и являлось той величиной налоговых сборов, которую регион должен был внести в федеральный бюджет. При этом будет ли введен в конкретном

субъекте федерации Налоговый кодекс, предложенный ассоциацией "Налоги России", правительственный вариант, или какой-нибудь другой, принципиального значения, с точки зрения ЛДПР, не имело.

Интересно, что одним из основополагающих принципов проекта было убеждение, что налоговая система должна опираться в первую очередь на ***условно постоянные*** налоги. Налогоплательщик извещается о сумме, которую ему предстоит внести в качестве налогового платежа. Если же при этом он сумеет повысить эффективность использования имеющихся у него ресурсов, то эффект от его предпринимательских усилий достанется ему, а не будет изъят государством, как это происходит в условиях действия условно переменных налогов. Именно этот принцип лежал в основе предложений, представленных ассоциацией "Налоги России", а, несколько позже, и ассоциацией "Черноземье"

Проект был отвергнут межфракционной комиссией без обсуждения деталей на том основании, что для его реализации потребуется в дополнение к уже существующей федеральной налоговой службе создавать местные налоговые органы; территориально-подушное налогообложение не совместимо с действующими принципами организации бюджетного процесса, проект слишком явно демонстрирует "секрет полишинеля" – наличие регионов доноров и регионов реципиентов.

Другой альтернативный кодекс был представлен довольно оригинальным образом: депутат И.М. Братищев весьма высоко оценивая свой **проект**, подчеркнул, что это проект двадцать первого века, что он прекрасно выполняет функции регулирования экономики и контроля за движением финансовых средств, имеет ярко выраженный стимулирующий характер для отечественного производителя. В завершение докладчик предложил снять проект с голосования, что, хотя и с некоторым недоумением, и было сделано.

Проект федерального закона "Об основах налогообложения и сборов в Российской Федерации" разрабатывался с участием двух институтов Екатеринбурга – Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук и Уральского института регионального законодательства. Сами

авторы не называли проект своего закона Налоговым кодексом, а позиционировали его как "альтернативный подход к проблемам становления налоговой системы в Российской Федерации" Более того, само принятие Налогового кодекса они считали преждевременным, так как убедительными экспериментальными данными, подтверждающими, что в результате введения какого-либо из предложенных кодексов станет лучше, а не хуже авторы проекта не располагали.

Основная идея законопроекта заключалась в предоставлении прав субъектам Федерации самостоятельно устанавливать налоги в своих регионах. Некоторые из этих налогов устанавливаются в обязательном порядке, некоторые – в зависимости от ситуации в регионе. Таким образом, предусматривалась "не система жесткой регламентации всех налогов сверху, а возможность создания в перспективе саморегулирующейся системы"

Проект закона был подвергнут жесткой критике межфракционной комиссией. "Оргвыводом" же стало: "предлагаемая концепция налоговой системы характеризуется неопределенностью, усложненностью, нестабильностью и поэтому она не может быть принята в первом чтении"

Проект федерального закона "О спасении отечественного товарного производства", строго говоря, не рассматривался как альтернативный вариант Налогового кодекса. Пафос законопроекта сводился в основном к двум вещам: отмене НДС и предложению заморозить все долги российских предприятий (переоформлению их в кредитные обязательства со сроком погашения в десять лет и кредитной ставкой три процента). Законопроект не вызвал особого отклика у депутатов. Было отмечено, что отменить НДС, существующий во всех странах СНГ совершенно невозможно. Что касается реструктуризации долгов, то для этого потребуется пересмотр законодательства по банкротству, которое уже принято.

Последним – десятым – обсуждался **проект**, предложенный **Правительством**. Новый вариант заметно отличался от своего предшественника, который обсуждался в Думе весной 1996 г. Кодекс классифицировался уже не столько как проект Правительства, сколько как результат совместной деятельности Правительства, депутатов и членов Совета Федерации. При пред-

ставлении проекта подчеркивалось, что при его доработке было взято все лучшее, что имелось в девяти альтернативных проектах и в поступивших четырех с половиной тысячах поправок. Из логики выступления следовало, что лучше сосредоточиться на предлагаемом варианте и не терять времени на дискуссии по другим альтернативам, которые как бы являются уже пройденным этапом в истории создания российской налоговой системы.

Предложения, содержащиеся в кодексе, трактовались как налоговая реформа. Разработчики проекта, фактически вступая в дискуссию с авторами альтернативных проектов кодекса, подчеркивали, что "Представленный проект предлагает эволюционный путь совершенствования налоговой системы на основе накопленного опыта применения базовых для российской бюджетной системы видов налогов, в отличие от многих альтернативных проектов, которые построены на отказе от таких видов налогов, как подоходный налог, налог на прибыль, налог на добавленную стоимость, и введении новых, не апробированных и не применявшихся ни у нас в стране, ни в других странах видов налогов. Революционный подход к изменениям в налоговой системе может привести к непредсказуемым последствиям для бюджетов всех уровней, создать значительные сложности для налогоплательщиков и налоговых органов"

Поставленный последним на обсуждение, правительственный вариант кодекса создавал ощущение, что именно им подводится некоторый естественный итог длительным дискуссиям по проблемам совершенствования налоговой системы. Принятие кодекса отменит около тысячи действующих нормативных актов, регулирующих налоговые отношения: налоговая система станет стабильной, определенной и прозрачной. В проекте был представлен исчерпывающий список налогов, которые налогоплательщик обязан заплатить государству. Кодекс отменит душащий производство оборотный налог. Для легализации заработной платы в первый же год действия кодекса на пять процентных пунктов снизится нагрузка на фонд заработной платы, отменятся многие налоги на заработную плату. Отменится примерно половина действующих в стране налогов и сборов. По ряду налогов предусматривается их поэтапная отмена (например, с введением налога на недвижимость отменяются три иму-

щественных налога), снижаются ставки налогообложения (например, ставка налога на прибыль снижается с 35 до 30%). Рационализируется сама налоговая система, повышается се стимулирующая роль за счет снижения ограничений по отнесению расходов на затраты по производству, новой амортизационной политики, существенно сужающей налогооблагаемую базу по прибыли и, соответственно, стимулирующей инвестиционную активность. Резко снижается перечень налоговых льгот, разъедающих существующую налоговую систему; устанавливаются цивилизованные отношения между налоговыми органами и налогоплательщиками [8].

Принятие Налогового кодекса

Из десяти представленных в Думу проектов налогового кодекса до рейтингового голосования дошли восемь: С.С. Сулакшина – ассоциация "Налоги России" (под номером 1), Е.С. Савченко (2), И.Д. Грачева (3), А.Г Голова (4), Ю.П. Паршакова (5), А.В. Лобашева — Законодательного собрания Свердловской области (6), В.И. Машинского (7) и Правительственно-думский вариант (8). Результаты голосования оказались следующими:

	С.С. Сулакшин	Е.С. Савченко	И.Д. Грачев	А.Г Голов	Ю.Н. Паршаков	А.В. Лобашев	В.И. Машинский	Правительственно-думский
№ при голосовании	1	2	3	4	5	6	7	8
За	**148**	81	**84**	36	50	23	29	**303**
Против	**78**	**64**	47	60	**97**	43	40	28
воздержалось	7	6	4	2	4	6	2	5
Голосовало	233	151	135	98	151	72	71	336
не голосовало	217	299	315	352	299	378	379	114

С большим отрывом "***победил***" правительственно-думский вариант. По этому же варианту приняло участие в голосовании

и наибольшее число депутатов. Минимальное количество депутатов проголосовало "против" ***Второе место*** "занял" проект, подготовленный ассоциацией "Налоги России" под руководством В.Н. Фролова. Участие в голосовании по этому проекту приняло значительно больше депутатов, чем по всем остальным проектам (кроме правительственно-думского). ***На третьем месте*** с существенным отрывом оказался проект И.Д. Грачева, немногим уступил ему проект ассоциации "Черноземье" Наименьший интерес вызвали проекты А.В. Лобашева и В.И. Машинского – значительная часть депутатов вообще проигнорировала голосование, а из тех, кто голосовал, большинство было "против" Наибольшее неодобрение у депутатов вызвал проект фракции ЛДПР: при довольно большом количестве голосовавших, "против" было почти вдвое больше, чем "за"

В первом чтении правительственный проект Налогового кодекса был принят. Выбор "основных направлений" развития российской налоговой системы сделан. Несмотря на то, что принятое по итогам голосования постановление допускало внесение поправок вплоть до концептуальных, формат налоговой системы России фактически был задан. Принятие правительственного налогового кодекса в своем роде определило "ширину колеи железной дороги", которою можно долго обсуждать, но после того как построена первая ветка, как известно, изменить практически невозможно. В дальнейшем прохождении Налогового кодекса по "коридорам власти" был свой драматизм, но период обсуждения альтернативных вариантов кодекса закончился.

Уроки становления российской налоговой системы

Если начинать отсчет времени, которое понадобилось для принятия российского Налогового кодекса только в первом чтении с появления первых публикаций на тему, какой быть налоговой реформе в России, то на это потребовалось 6 лет. Напрасно ли было потрачено это время? Можно ли было идти быстрее? Возможно ли было решить проблему лучше? Какие из идей, сформулированные в середине 90-х гг. уже "в работе", а какие еще только ждут своего часа?

Результаты исследования показывают, что основные принципы, которые много позже легли в основу современной налоговой системы России, были сформулированы еще в 1992–1994 гг. Таким образом, теоретическая основа современного Налогового кодекса была разработана задолго до его фактическою принятия. Да, окончательная конфигурация российской налоговой системы оказалась не тождественной той, которую видела группа В.П. Фролова – авторов первого проекта кодекса, но большая часть базовых принципов все же совпала. Более того, российская налоговая система и сегодня продолжает развиваться в соответствии с вектором движения, заданным проектом первого кодекса. Растет регулирующая роль акцизов, частично взявших на себя функции ушедшего в прошлое прогрессивного налогообложения (отказ от которого, кстати, был предусмотрен еще первым проектом кодекса). Последовательно реализуется и основной принцип проекта первого Налогового кодекса – растет роль ***условно постоянных налогов*** и, соответственно, уменьшается ***условно переменных***. Так, роль основного условно-постоянного налога – налога на имущество в современной налоговой системе возрастает, ставки же по таким условно-переменным налогам как НДС – уменьшаются (проект ассоциации "Налоги России", кстати, изначально предполагал уменьшение ставки именно НДС).

Можно ли было прийти к современной конфигурации налоговой системы быстрее? Наверное, нет. Даже краткий обзор альтернативных налоговых кодексов показывает, насколько поляризовано в своих устремлениях российское общество, как трудно ему прийти к единому видению своего будущего. Однако именно жесткое противостояние групповых интересов в ходе обсуждения различных моделей налоговой системы привело к выработке взаимоприемлемого компромисса об ее характере.

Как любой компромисс, принятый правительственный вариант Налогового кодекса оказался далеким от идеала. Он, конечно, вобрал в себя многие конструктивные идеи, сформулированные в альтернативных вариантах. Тем не менее, каждый из этих вариантов имел свою внутреннюю логику и заменить ее простой комбинацией даже лучших идей из разных источников

невозможно. Таким образом, Налоговый кодекс "обречен на дальнейшее улучшение" до тех пор, пока его внутренняя логика не придет в соответствие с логикой экономического развития. Именно поэтому, как это ни парадоксально, чем дальше во времени отстоит проект первого кодекса от его современного аналога, тем больше между ними общего. С другой стороны, сама история формирования современной налоговой системы России дает ясный ответ на вопрос, почему Президент В.В. Путин, спустя 10 лет после представления первого кодекса вынужден в очередной раз уже перед другим Правительством ставить все ту же задачу "представить целостный, полный, логично связанный между собой пакет по изменениям в налоговую систему" [1].

Примечания

1. www.kremlin.ru/text/appears/2004/03/62091.shtml
2. Алексеев А.В., Некипелов А.Д. Политические и экономические преобразования в России и Украине. Российские экономические реформы. М., 2003.
3. Какой быть налоговой реформе в России. Екатеринбург, 1992, Ассоциация "Налоги России"
4. Налоговый кодекс Российской Федерации. Проект Екатеринбург, 1994, Ассоциация "Налоги России"
5. О проекте общей части Налогового кодекса Российской Федерации. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. Второй созыв. Заседание 24.04.1996. Бюллетень № 23 (165).
6. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. Второй созыв. Текст стенограммы заседания. Заседание 19.06.1997. Бюллетень № 108 (250).
7. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. Второй созыв. Текст стенограммы заседания. Заседание 19.11.1997. Бюллетень № 134 (276).
8. О проекте Налогового кодекса Российской Федерации (Общая часть). Государственная Дума Федерального Собрания РФ. Второй созыв. Заседание 16.04.1998. Бюллетень № 170 (312).

Публикуется впервые (совместно с А.В. Алексеевым)

Атомный комплекс в истории России

Введение

Проблемы советского атомного комплекса в последние годы активно дискутируются в отечественной и мировой литературе, высказано немало противоречивых точек зрения. Однако из всей совокупности вопросов чаще всего вычленяются только три: научно-технический, военно-стратегический, футурологический. По первому вопросу существует огромная литература, в которой обсуждаются приоритеты американских и советских ученых в области овладения ядерной энергией. По второму вопросу пишут больше всего военные и политики, сопоставляя главным образом планы взаимного уничтожения супердержав в условиях атомного противостояния. Третий вопрос активно обсуждается в условиях развала советской державы и опасности неконтролируемого использования ее ядерного потенциала. Но это только вершины айсберга. Главный вопрос гораздо шире – в чем значение атомного комплекса для судьбы России в XX веке? Он небезынтересен и с позиций мировой истории уходящего столетия.

Ответить на этот вопрос не просто потому, что он очень противоречив, касается многих незавершенных процессов нашего времени, по причине засекреченности ряда материалов не имеет достаточно надежной источниковой базы для своего решения. Отмеченные трудности необходимо преодолевать во имя понимания не только сути данного явления, но и его влияния на жизнь великой страны и ее окружения в условиях ядерного противостояния со всеми вытекающими отсюда последствиями, как ушедшими в историю, так и оставшимися в наследство нынешнему и будущим поколениям.

Поставленный вопрос имеет две стороны: внешнюю и внутреннюю. Внешняя предполагает решение широкого круга геополитических проблем таких как перманентный конфликт разных типов цивилизаций: морской (атлантической) и континентальной (евроазиатской), который постоянно воспроизводится в истории: Карфаген–Рим, Британия–Франция, США–СССР, но эта тема специального рассмотрения. Остановимся на внутренней стороне вопроса, которая предусматривает выяснение исторических предпосылок и методов создания комплекса, способов

руководства им, его влияние на социально-экономическое и морально-политическое положение страны, воздействие на окружающий мир. Комплексное освещение этих проблем и составляет нашу задачу. Она решается как на опубликованных материалах, так и неопубликованных, прежде всего Архива Президента Российской Федерации.

Предпосылки создания комплекса

Создание атомного комплекса СССР имеет глубокие исторические предпосылки. Весь предшествующий путь России полон труднообъяснимыми парадоксами, которые большей частью связаны с рубежами веков. В начале XVII в. она едва не погибла в Смуте. Чудом вырвавшись из нее, страна обрела новую династию, в короткий срок преодолела разруху и начала набирать темпы развития. В начале XVIII в. под руководством Петра Великого Россия преодолела многовековое отставание от передовых стран Европы и встала на путь модернизации. В начале XIX в., растоптанная Наполеоном, она не только сумела выжить, но и превратилась в ведущую державу, без которой не могла "тявкнуть" ни одна пушка в Европе. В начале XX в., разрушенная мировой войной и революцией, страна сумела начать новый виток модернизации, а потом выиграть одну из самых страшный войн в истории человечества, навязанную фашизмом. В этом же контексте необходимо рассматривать атомную гонку, которая имела для нее не менее судьбоносное значение. Этот исторический опыт свидетельствует, что Россия способна в экстремальных ситуациях собираться с силами и в короткий срок решать принципиально важные задачи общенациональной важности.

Теперь попытаемся определить конкретные предпосылки решения атомной проблемы в СССР. С нашей точки зрения их пять.

1. Национальные интересы великого государства, только что выигравшего одну из самых кровопролитных войн в мировой истории и опасавшегося нового более страшного нападения, требовали овладения новым оружием огромной разрушительной силы.

2. Экономический потенциал большой страны с богатыми природными ресурсами, широко развитой индустрией, прежде

всего обороной, мобилизационным типом экономики позволял решить задачу исторической важности.

3. Научно-технический базис государства, резко поднявшийся в первой половине века за счет мобилизации собственных интеллектуальных ресурсов нации и привлечения зарубежного опыта, в том числе в области зарождающейся ядерной физики и других отраслей знания, служил надежным плацдармом для создания необходимых технологий.

4. Беспрецедентный охранно-репрессивный аппарат, обеспечивающий сверхсекретность оборонных работ и возможность получения нужной информации из-за рубежа, создал необходимое прикрытие и результативность сложнейших работ.

5. Стойкость, мужество и неприхотливость народа, привыкшего ради национальных интересов идти на любые трудности и лишения гарантировали политическую стабильность в условиях беспрецедентных сложностей борьбы за новое оружие. Важную роль в этой связи играло национальное сплочение и патриотический подъем народа в результате Великой Отечественной войны и перед лицом новой глобальной опасности.

Раскрыть детально эти предпосылки в одном тексте невозможно. Поэтому кратко остановимся только на некоторых из них по ходу изложения конкретных мероприятий по созданию атомного комплекса СССР.

Первоначальным толчком для создания американской атомной бомбы была фашистская угроза, но после того как вскоре выяснилось, что Германия до завершения войны не успеет создать своего оружия возмездия, оно стало предназначаться для сдерживания Советского Союза, который в ходе Второй мировой войны создал пугающую запад военную мощь и приобрел мировой авторитет своими победами. Соединенные Штаты видели в атомной бомбе решение политических проблем, прежде всего борьбы с коммунизмом. Дочь президента Г Трумэна, сопровождавшая его на Потсдамскую конференцию, записала слова отца накануне испытания атомной бомбы 16 июля 1945 г.: "Если она взорвется, а я думаю, что это случится, у меня будет управа на этих парней"[1] (имелись в виду И. Сталин и возглавляемое им коммунистическое движение). Символично, что американская атомная бомба взорвалась тогда, когда в Потсдаме

подводилась черта под Второй мировой войной. Она давала старт новой "холодной" войне. Хотя в обострении международной обстановки во многом был повинен и СССР, первыми применили атомное оружие все-таки США, от этого исторического факта никуда не уйти.

Советский Союз вынужден был принять вызов. И хотя государство смертельно истощила Отечественная война, оно имело определенный потенциал для ответных действий. В 30–40 гг. XX в. в ходе модернизации страны была создана мощная индустриальная база. Если по объему валовой продукции промышленности накануне первой мировой войны Россия занимала пятое место в мире, а ее доля в мировом промышленном производстве составляла 2,6%, то СССР к началу второй мировой войны вышел по объему валовой продукции на первое место в Европе и второе в мире, его удельный вес в промышленности всего мира достиг 14%[2] Военное разрушение промышленности быстро ликвидировалось. Объем промышленного производства превзошел довоенный в 1948 г. Основные производственные фонды народного хозяйства выросли в 1950 г. по сравнению с 1940 г. на 23%, из них производственные фонды промышленности на 58%[3] СССР стал одной из двух стран мира, способных производить любой вид промышленной продукции, доступный в данное время человечеству. Все это создало индустриальную базу для решения атомной проблемы.

Советская модернизация 30-х гг., сопровождаемая культурной революцией, подготовила условия для резкого подъема образования и науки в стране. Были созданы десятки новых образовательных и научных институтов, в которых широким фронтом готовились кадры, велись актуальные научные исследования, в том числе и по ядерной физике. В 1933–1939 гг. состоялись научные конференции по данной проблеме с участием иностранных ученых. В 1939–1940 гг. Ю. Харитон и Я. Зельдович рассчитали цепную реакцию деления ядер урана и опубликовали результаты своих исследований. В июле 1940 г. по предложению академика В. Вернадского проблемы использования атомной энергии рассматривались на заседании Президиума Академии наук СССР, была создана специальная комиссия, которая

подготовила почву для разворота работ по методам разделения изотопов урана.

В те годы начиналась деятельность тех, кто через десяток лет решил атомную проблему в СССР: И.В. Курчатова, Ю.Б. Харитона, А.И. Алиханова, Я.Б. Зельдовича, А.И. Лейпунского, Г.Н. Флерова и др. Важную роль сыграло и то, что российская одаренная молодежь в свое время прошла стажировку в лучших европейских лабораториях: П. Капица, Ю. Харитон, К. Синельников в лаборатории Резерфорда в Англии, Л. Ландау – в Институте Нильса Бора в Дании.

Организация комплекса и его функционирование

Американцы делали бомбу в тайне от своего союзника по антигитлеровской коалиции – Советского Союза, хотя представляется странной значительная утечка атомных секретов, что наводит на мысль о каких-то пока не раскрытых причинах этого явления. О западных усилиях по созданию атомного оружия Сталину стало известно в первой половине 1942 г., но тяжелое положение на фронтах не дало возможности сразу активно включиться СССР в столь сложную и дорогостоящую работу. В отечественной и зарубежной литературе довольно подробно освещено начало атомной гонки. Не касаясь деталей этого вопроса, сосредоточим внимание на организационных основах советского атомного проекта, которые недостаточно изучены, хотя представляют огромный интерес не только с точки зрения создания атомного оружия, но и понимания советской системы в целом.

Они были заложены серией постановлений Государственного комитета обороны (ГКО) в 1942–1945 гг. за подписью И.В. Сталина. Всю работу по реализации советского атомного проекта можно разделить на два главных этапа. Первый своего рода подготовительный (сентябрь 1942 – июль 1945 гг.), начинается с постановления ГКО от 28 сентября 1942 г. "Об организации работ по урану" В нем предусматривалось возобновление прерванных войной работ по исследованию и использованию атомной энергии, предписывалось подготовить специальный доклад к 1 апреля 1943 г., а Академии наук СССР вменялось в обязанность создать лабораторию атомного ядра. Распоряжением от 11 февраля 1943 г. обязанность повседневного руководства работами по урану была возложена на Н.Г Первухина, а научное

руководство – на И.В. Курчатова. Итогом этого этапа стали первые разведочно-исследовательские работы в данной области.

Начало второму этапу (август 1945 – август 1949 гг.) положило испытание атомной бомбы в США и бомбардировка Хиросимы, Нагасаки. 20 августа 1945 г. Сталин подписал историческое постановление ГКО "О Специальном комитете ГКО", в который вошли ключевые фигуры партийного и государственного аппарата. Возглавил комитет Л.П. Берия. Будучи заместителем председателя правительства, он сосредоточил в своих руках огромную власть – как политическую, так и социально-экономическую, включая разведывательно-репрессивную. Это давало ему возможность системно решать широкий круг задач, что в значительной степени обеспечило успех дела.

На Спецкомитет возлагалось руководство всеми исследованиями по использованию атомной энергии, а так же строительством атомных реакторов и установок, разработками и производством атомных бомб. Ему было предоставлено право принимать оперативные меры по решению всех атомных проблем. Он имел полномочия издавать распоряжения, обязательные к выполнению для наркоматов и ведомств, что имело принципиальное значение в системе советской бюрократии.

Для предварительного рассмотрения научных и технических вопросов при Спецкомитете был создан Технический совет во главе с Б.Л. Ванниковым, куда вошли известные ученые: А.И. Алиханов, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, И.К. Кикоин, И.В. Курчатов, Ю.Б. Харитон, В.Г Хлопин. При СНК СССР было образовано Первое главное управление (ПГУ), подчиненное Специальному комитету при ГКО, которое определяло размер потребных для Спецкомитета денежных ассигнований, рабочей силы и материально-технических ресурсов. Все это Госплан СССР включал в баланс как "спецрасходы ГКО" Начальником ПГУ и вместе с тем заместителем председателя Спецкомитета был Б.Л. Ванников. Никакие организации (без особого разрешения ГКО) не имели права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность ПГУ[4]

Если внимательно присмотреться к материалам Спецкомитета, который проработал почти 8 лет и провел около 150 заседаний (он ликвидирован в июне 1953 г., сразу после ареста Берии),

то бросается в глаза, что это был орган с очень широкими полномочиями, укомплектованный высококвалифицированными специалистами, которые демонстрировали редкое для советской эпохи, единство правящей элиты и науки. Комитет работал очень напряженно, четко и результативно. Его распоряжения реализовывались с точностью до дня и часа под покровом строжайшей секретности. Заседания быстро доводились до сведения не только министерств и ведомств, но и конкретных предприятий, отдельных лиц. Правда, в отличие от американского атомного проекта советские ученые работали практически в одиночку, за исключением небольшой помощи пленных и добровольных поставщиков американской информации из-за океана.

Механизм управления атомным проектом действовал следующим образом. На основе отечественных научно-технических разработок и зарубежной разведывательной информации Первое главное управление СНК СССР готовило материалы для Спецкомитета, которые Берия докладывал Сталину. Они анализировались системно и распределялись, как правило, в широкой иерархии оценок. Следует иметь ввиду, что система оценок не была линейной, а зависела от политического контекста, определяемого логикой глобального конфликта и конкретных нужд проекта в каждый данный момент.

Специальный интерес представляет транслирование задач с уровня на уровень: высшее политическое руководство (Сталин), куратор проекта (Берия), научный руководитель проекта (Курчатов), обеспечивающие отрасли экономики (Ванников), а часто и наоборот, так как стремительный ход событий и катастрофический вал технических и экономических проблем давили на высшее руководство снизу. Бывало и так, что политическое руководство на основе собственного анализа ставило задачи перед учеными, те в свою очередь, на базе новейших изысканий озадачивали верховное руководство неожиданными вопросами.

Проследить всю управленческую цепочку на конкретных примерах из-за засекреченности материалов трудно. Сверхжесткий режим секретности позволял лишь отдельным высшим руководителям проекта осознавать в целом картину атомной гонки. И, тем не менее, рискнем утверждать, что советский атом-

ный проект представлял собой интересный опыт программно-целевого планирования.

В целях повышения оперативности работ по решению атомной проблемы, контроля за выполнением принимаемых решений и их секретностью был создан институт уполномоченных Совета Министров СССР при важнейших научно-исследовательских институтах. Они назначались из числа генералов и офицеров Министерства внутренних дел и Министерства госбезопасности с очень широким кругом полномочий. Чтобы предотвратить разглашение сведений, в частности о заводе № 813, было предписано всех рабочих, служащих и инженерно-технических работников строительного управления как вольнонаемных, так и заключенных, а также военнослужащих строительных полков и батальонов по окончании работ переводить на другие объекты строительства МВД. Многие в результате таких распоряжений оказывались на Колыме, не провинившись ни в чем, а только ради сохранения атомных секретов.

В реализации советского атомного проекта были задействованы миллионы людей. Точное количество пока не подсчитано. До и вряд ли это теперь можно сделать, поскольку с одной стороны, на него работала практически вся страна, а с другой стороны, по причине строжайшей секретности итоговые данные трудно вывести из множества разрозненных и нарочито не стыкуемых источников. В проект были привлечены самые выдающиеся ученые, такие как легендарный академик И.В. Курчатов, талантливые инженеры и высшие руководители государства типа Л.П. Берия, о котором П.Л. Капица в письме к Сталину от 25 ноября 1945 г. наряду с резкой критикой писал: "Он очень энергичен, прекрасно и быстро ориентируется, хорошо отличает второстепенное от главного, поэтому зря время не тратит, у него, безусловно, есть вкус к научным вопросам, он их хорошо схватывает, точно формулирует свои решения"[5] Вся работа велась под общим руководством и контролем Верховного главнокомандующего И.В. Сталина, которым подписаны все основные документы по историческому проекту. Его неограниченная власть, авторитет и воля к победе обеспечили успех дела.

Для создания атомной бомбы, американцы, по утверждению академика П.Л. Капицы затратили 2 млрд долларов (примерно

30 млрд руб.)[6] А сколько стоил советский атомный проект? Московский историк Н.С. Симонов называет цифру 14,5 млрд руб. (за 1947–1949 гг.)[7], что не соответствует полным затратам. Во-первых, эти цифра охватывает только 3 из 10 лет (1942–1951 гг.) работ по советскому атомному проекту. Во-вторых, учитывается не весь объем работ. В третьих, вряд ли эффективность советских затрат была выше американских. Ясно, что на атомную программу работала вся страна, проблемы решались любой ценой, и она, по всей видимости, была очень высока. В те годы только две страны – США и СССР – решились на огромные расходы ради обладания ядерным оружием и сумели найти необходимые средства ради своих национальных интересов.

Совершенно очевидно, что сверхзадача – создание атомной бомбы в СССР – могла быть решена в экономике мобилизационного типа. В широком смысле феномен мобилизационной экономики это стратегия выживания и сохранения национальной независимости в условиях противостояния двух экономико-политических систем – капиталистической и социалистической. Этот феномен – результат ориентации на построение социалистического общества в отдельно взятой стране при опоре на свои ресурсы и возможности. В условиях ядерного противостояния использовались ресурсы всех стран социалистической ориентации, а также новейшие достижения мирового научно-технического прогресса. Отсюда масштабные образовательные программы, беспрецедентные по размаху и результативности операции, подчиненные главной цели – овладению секретами ядерного оружия.

В узком смысле феномен мобилизационной экономики – это серия конкретных мероприятий, прежде всего экономического и социально-политического характера. Именно в них наиболее ярко проявились усилия командно-административной системы по концентрации ресурсов государства на решение важнейшей задачи – создания мощного ракетно-ядерного щита, что слишком дорого обошлось народу. Впрочем, в решении атомной проблемы и демократической Америке тоже пришлось пойти на фактическое государственное планирование, на строжайшую секретность во всем.

Мобилизация ресурсов для атомной промышленности в условиях войны была трудным делом. Архивные документы свидетельствуют, как по личному распоряжению Сталина изыскивались и распределялись на стройки атомной индустрии каждая тонна металла, кубометр леса, моток провода и кусок мыла. Катастрофически не хватало продовольствия, поэтому появились распоряжения, которые сегодня тяжело читать. По постановлению ГКО от 8 декабря 1944 г. за подписью Сталина в качестве льготы за трудные условия труда 2 тыс. рабочих, занятых поисками урановой руды, позволялось выдавать второе блюдо и 200 г. хлеба без вырезки талонов из карточки.

Постановлением Совета Министров СССР от 21 июня 1946 г., опять таки за подписью Сталина с грифом совершенно секретно, для работников объекта № 550 устанавливались следующие нормы питания на один день (в граммах): хлеб из ржаной и обойной муки – 400; крупа разная – 90; картофель – 500; свекла – 40; мясо – 350; яйцо – 0,5 (штук); сахар – 80; чай (в месяц) – 40; перец – 0,3; соль – 30; папиросы – 25 штук для курящих, спички – 10 коробок в месяц; мыло туалетное – 300 и некоторые другие продукты, а так же предметы первой необходимости[8] В этом перечне поражает не только скудность рациона (отдельные продукты назывались, но это не означало, что они непременно были в наличии и ежедневно выдавались), но скрупулезная калькуляция вплоть до грамма соли и перца.

Не менее трудно, но строго конкретно решались бытовые проблемы. Строители секретных объектов месяцами, а некоторые годами жили в палатках и землянках. Постоянные физические и эмоциональные перегрузки в изолированных и строго засекреченных поселках за колючей проволокой плохо сказывались на здоровье людей. Они преждевременно умирали или становились инвалидами. Даже для руководящего состава и ученых выделялись очень скромные жилища, причем под строгим контролем самых высоких инстанций. В совершенно секретном (особая папка) Постановлении Совета Министров СССР от 10 июня 1948 г. "О дополнительных заданиях по плану специальных научно-исследовательских работ на 1948 год", подписанном Сталиным, значилось: "Представить в первоочередном порядке квартиры в Москве члену-корреспонденту АН СССР Агееву

Н.В., члену-корреспонденту Тихонову А.Н. кандидату физико-математических наук Сахарову А.Д. (комнату)"[9]

Вместе с тем советское руководство принимало важные меры по материальному стимулированию работников атомного комплекса, прежде всего научно-технического и руководящего состава. 27 марта 1946 г. состоялось совершенно секретное постановление Совета Министров СССР "О премиях за научные открытия и технические достижения в области использования атомной энергии и за работы в области космического излучения, способствующие решению этой проблемы" Было выделено 8 приоритетных проблем, за решение каждой из них руководителю работ назначалась первая премия в размере 1 млн руб. Он представлялся Советом Министров к званию Героя Социалистического труда, получал звание "Лауреата Сталинской премии" первой степени, дачу-особняк с обстановкой за счет государства в любом районе СССР, а так же легковую машину, имел право на заграничные научные командировки, финансируемые государством через каждые три года сроком от 3 до 6 месяцев, получал двойной оклад на все время работы в данной области и право бесплатного проезда в пределах СССР железнодорожным, водным и воздушным транспортом для себя и своей семьи, мог обучать своих детей в любых учебных заведениях СССР за счет государства.

Группе основных научных и инженерно-технических работников (3–5 чел), принимавшей участие в работе, удостоенной первой премии, выплачивалась денежная премия в сумме 500 тыс. руб. Для премирования остальных научных и инженерно-технических работников, рабочих и служащих, трудившихся в коллективе, удостоенном первой премии, выделялось тоже 500 тыс. руб. Наиболее отличившиеся представлялись к награждению орденами и медалями СССР. За решение проблем последующего уровня сложности устанавливались вторая, третья, четвертая и пятая премии с несколько меньшим, но тоже очень существенным вознаграждением[10]

Эти условия были выполнены после испытания атомной бомбы. Постановлением Совета Министров СССР от 29 октября 1949 г. "О награждении и премировании за выдающиеся научные открытия и технические достижения по использованию

атомной энергии" группа ученых и инженерно-технических работников получила с некоторым уточнением те поощрения, о которых речь шла выше. Среди них И.В. Курчатов, Н.А. Доллежаль, В.Г Хлопин, А.А. Бочвар, Ю.Б. Харитон. Очень многие участники атомного проекта получили другие поощрения. 33 человека стали Героями Социалистического Труда, а трое (Б.Л. Ванников, Б.Г Музруков, Н.А. Духов) удостоились этого звания второй раз[11]

Создание атомного комплекса породило особую форму производственно-бытовой инфраструктуры – закрытые города-заводы. В глухих мордовских лесах, где 600 лет назад Московская Русь строила земляные укрепления для обороны от татарского нашествия, а позднее располагался знаменитый Саровский монастырь, куда ездили молиться в случае больших несчастий высшие сановники Российской империи, на площади 100 квадратных километров возник главный закрытый город советских атомщиков, неоднократно менявший свои названия, больше известный под именем Арзамас-16.

Наибольшее скопление таких городов отмечалось на Урале. Они воспроизводили опыт его металлургической промышленности еще демидовских времен (Невьянск, Нижний Тагил, Кушва, Кыштым, Касли, Златоуст и др.), когда эти социально-производственные структуры являлись наиболее типичными для горнозаводской промышленности края. Правда, у городов-заводов XVIII–XIX и XX веков имелись существенные различия. Если первые были широко открытыми индустриально-аграрными центрами, то вторые строго закрытыми интеллектуально-производственными анклавами.

В Советском Союзе таких атомградов насчитывалось 10 (Арзамас-16, Челябинск-70, Челябинск-65, Златоуст-36, Свердловск-45, Пенза-19, Красноярск-26, Томск-7) с населением 732 тыс. чел. (1994 г.)[12] В них в соответствии со специализацией каждого разрабатывались конструкции ядерного оружия, производились опытные образцы и серии, нарабатывался плутоний, обогащался уран, складировались ядерные отходы. Поначалу жизнь в атомградах была трудной, но постепенно они превращались в привилегированные центры, куда стремились попасть

лучшие специалисты в данной области. В них сконцентрировался научно-технический потенциал высочайшего класса.

В итоге 4-летнего напряженного труда атомная бомба была создана, в то время как американцы отводили русским для этого 10–15 лет. 29 августа 1949 г. в степном районе Казахстана, в 170 км., западнее г. Семипалатинска состоялось ее наземное испытание. В заключительном докладе Л.П. Берия И.В. Сталину о результатах испытания сообщалось, что температура светящейся области взрыва достигала 25000 градусов (при температуре на поверхности солнца – 6000 градусов). Радиоактивными продуктами оказалась зараженной почва на площади 50 гектаров, не считая территории за пределами опытного поля. Тротиловый эквивалент бомбы составил 11000 тонн. Коэффициент полезного действия оказался на 50% выше, чем ожидалось по расчетным данным[13]

Тогда мало кто знал, что советская атомная бомба почти точно копирует американскую. Теперь признано, что один из участников американской атомной программы Клаус Фукс передал Советам достаточно подробную схему первой американской бомбы. После тщательной проверки этих данных и подтверждении их достоверности советским руководством было принято решение для начала воспользоваться уже проверенной работоспособной американской схемой. Иного быть не могло в условиях чрезвычайного обострения отношений между СССР и США, а также опасения ответственности отечественных ученых за возможную неудачу перед Сталиным.

При этом надо отчетливо понимать, что для воплощения в жизнь американской схемы необходимо было иметь атомную промышленность, соответствующие технологии и кадры. Именно их наличие в Советском Союзе обеспечило успех дела. Более того, советские ученые продолжали работу над своей оригинальной конструкцией, которая была испытана в 1951 г. Это было второе испытание атомного оружия в СССР. Советская бомба, будучи почти в два раза легче американской, получилась в два раза мощнее ее[14]

В дальнейшем русские стали обходить американцев. 12 августа 1953 г. был взорван реальный водородный заряд, готовый к применению в виде бомбы, а 30 октября 1961 г. осуществлен

непревзойденный доныне по мощности взрыв 50-мегатонной бомбы, чем была доказана возможность конструирования водородного заряда практически неограниченной мощности[15]

Так была ликвидирована монополия США на ядерное оружие. Их надежда, на то что, СССР сможет иметь атомную бомбу после американской через 10–15 лет не оправдались. СССР получил гарантию национальной безопасности, которая долгое время находилась под вопросом, так как из рассекреченных в 1978 г. американских материалов явствует, что с 1945 г. против него готовились планы войны с применением атомного оружия. Если бы Советский Союз не овладел этим оружием, то мы бы теперь имели совсем другую историю.

Суммарная ядерная мощь СССР была очень большой. По заявлению одного из видных советских военачальников маршала Н.И. Крылова "....ракетно-ядерное оружие, имеющееся в распоряжении советских вооруженных сил, беспредельно по силе разрушения. Одна ракета с мощным ядерным зарядом выделяет энергию, которая превосходит энергию всех взрывчатых веществ, произведенных во всем мире за годы Второй мировой войны" Последствия такого взрыва невозможно вообразить, еще труднее осознать значимость подобного энергетического потенциала для истории. Это невиданный прогресс человечества, или его конец. Масштабы атомной энергетики измеряются уже не планетарными, а космическими мерами, что во весь рост ставит вопрос о роли энергетического фактора в истории, который совсем не изучен.

Атомная мощь Советского Союза не только гарантировала его от внешней агрессии, но и соблазняла некоторых политиков ее использовать, по крайней мере в политических целях. Советский премьер Н.С. Хрущев стучал ботинком в ООН и грозил похоронить империализм. Во время Карибского кризиса осенью 1962 г. по его указанию на Кубу доставили 164 ядерных боеголовки, которые были готовы к боевому применению[16] И только беспрецедентные дипломатические усилия спасли мир от ядерной катастрофы, в результате чего как СССР, так и США пришли к выводу о бессмысленности использования ядерного оружия на данном этапе.

Влияние комплекса на общественно-политическое и социально-экономическое развитие страны

Решение атомной проблемы в СССР оказало мощное влияние на его общественно-политическое и социально-экономическое развитие. Страна почувствовала защиту от возможных нападений, получила уверенность в надежной безопасности, подняла свой авторитет на международной арене, обрела многочисленных союзников, которые ориентировались на защиту с ее стороны. Советский Союз стремился овладеть лидерством в борьбе за мир, что привлекло многочисленных сторонников как внутри державы, так и за ее пределами. Атомный проект в определенной мере стал "локомотивом" технической революции, мощным двигателем науки в стране, колоссального роста ее авторитета, подъема уровня образования, прежде всего технического (МФТИ, физико-технические факультеты во многих политехнических институтах). Успешное решение атомной проблемы спасло советских физиков от разгрома, аналогичного тому, которому подверглась генетика. Физики, особенно такие авторитетные как Курчатов, Иоффе, Капица, стали арбитрами между государством (точнее бюрократией) и научной общественностью, интеллектуальной элитой, что особенно заметно проявилось в дискуссиях о генетике и кибернетике. Произошла заметная интеллектуализация военных, политиков и хозяйственников, поскольку в условиях отчаянной ракетно-ядерной гонки без нее невозможно было быть на уровне требований времени и сохранять соответствующие посты.

Еще большее влияние атомный комплекс оказал на экономику. С одной стороны, он изнурял ее непомерными затратами, сдерживал рост благосостояния народа, а с другой стороны подталкивал прогресс старых отраслей и привел к возникновению многочисленных новых, обеспечивал высокую занятость населения. Принципиальное значение имело использование атомной энергии в мирных целях. В 1954 г. под Москвой была пущена первая в мире атомная электростанция. К середине 80-х гг. СССР имел 18 таких станций, которые не только облегчали решение энергетических проблем, но и являлись предшественниками энергетики будущего. Советские атомщики немало сделали для овладения термоядерной энергией. Доклад на эту тему,

прочитанный И.В. Курчатовым, в Харуэлле (Великобритания) в 1956 г. произвел огромное впечатление на западный мир и оказал существенное влияние на улучшение отношений между социалистическим и капиталистическим миром.

Наряду с позитивным значением атомного комплекса СССР необходимо видеть и его негативные последствия, прежде всего экологические. Первый и самый большой урон экологии нанесли наземные и воздушные ядерные испытания. Поскольку они велись главным образом на двух полигонах: Семипалатинском и на Новой Земле, то наибольший вред причинили восточным районам страны. С 1949 по 1962 гг. на Семипалатинском полигоне произведено 113 воздушных взрывов, которые оставили свой опасный след в южных районах Сибири. Весной 1962 г. после серии мощных взрывов на Новой Земле радиоактивному заражению подверглись обширные территории Севера Восточной Сибири и Якутии. Кроме того, состоялось 115 мирных подземных взрывов по заказам десяти Министерств на территории Поволжья, Урала и Восточной Сибири[7]

Для того, что бы скрыть ядерные испытания от других государств, Министерство обороны запрашивало у синоптиков такой прогноз метеорологических условий для планируемых взрывов, который бы позволил находиться ядерному облаку внутри собственной страны 3–5 суток. В случае, если радиоактивное облако проходило через атмосферу крупных городов и дозиметрическая служба фиксировала высокий уровень радиоактивного загрязнения, информация об этом должна была миновать местные органы власти и поступать срочно в Москву. Под прямое воздействие ядерных следов отдельные территории попадали много раз, например Новосибирская область не менее 23 раз. Плотность радиоактивных осадков ядерного облака, прошедшего над Новосибирском 18–19 сентября 1961 г. превышала суточную плотность октября 1993 г. в 4 000 раз. Ученые Сибирского отделения РАН пришли к выводу, что на широте Новосибирской области содержания стронция-90 и цезия-137 в пшенице ряда урожаев в сотни раз выше, чем в Австралии. А содержание стронция-90 в костях крупного рогатого скота почти в 140 раз выше, чем в костях северных оленей[18]

Страшными трагедиями стали аварии на крупных атомных объектах: Челябинске-40 (1956 г.) и Чернобыльской АЭС (1986 г.). Об этом написано очень много и в данном тексте нет никакой возможности рассматривать их хотя бы коротко. Ограничимся только некоторыми и ключевыми данными. Радиационное загрязнение от Чернобыльской аварии, по сведениям Госагропрома от 8 мая 1986 г., распространилось на 10,9 млн га сельхоз. угодий, были выведены из строя большие площади на Украине, в Белоруссии, Российской Федерации. Радиационный шлейф достиг Прибалтики, Урала и Зауралья, распространился на Польшу, Болгарию, Югославию, Скандинавские страны.

Подводя итоги краткого анализа последствий создания атомного комплекса СССР, необходимо подчеркнуть, что они практически не изучены за некоторым исключением экологических. Предстоит большая и напряженная работа в этом направлении, без ее результатов невозможно понять масштабы и значение этого монстра как для судеб страны, так и мира.

Заключение

Советский атомный проект вошел в историю как способ защиты от смертельной опасности, нависшей над страной в ходе идеологического и вооруженного противостояния двух великих держав – США и СССР. Успех этого проекта был подготовлен богатыми природными ресурсами государства, необходимым уровнем развития экономики, технического прогресса, образования и науки. Сыграла свою роль высокая степень централизации экономики и ее мобилизационные возможности по использованию всех материальных и духовных ресурсов. Немаловажное значение имел моральный авторитет страны, разгромившей фашизм, что привлекло к ней интеллектуальные силы Запада, поделившиеся секретами создания американского атомного оружия.

Атомный комплекс сыграл значительную роль в истории России второй половины XX в., более того он существенно определял ее политическое и социально-экономическое развитие. В политическом отношении он долгое время оставался опорой тоталитарного режима. В социально-экономическом плане комплекс являлся одним из основных стержней народного хозяйства, потребляя значительную часть государственного бюджета,

обеспечивая заказами многие отрасли экономики, науки и социальной сферы, гарантировал занятость населения и престижность его труда. Вместе с тем, содержание атомного комплекса в период его наибольшего размаха оказалось тяжелым делом, а, в конце концов непосильным бременем для советской экономики.

Атомный комплекс явился важнейшей страницей российской истории, продемонстрировавшей ее как сильные, так и слабые стороны. Он доказал способность страны решать в кратчайший срок самые масштабные и сложные задачи. Такая способность является некоторым залогом успешного выхода из нынешнего крайне затруднительного положения государства. Исторический опыт, приобретенный во время осуществления советского атомного проекта исключительно ценен независимо от правящего в то время режима и идеологии. Более того, этот опыт раскрывает самые закрытые стороны функционирования того режима, наглядно демонстрирует причины его побед и поражений, располагает к более глубокому пониманию сущности не только советской, но и всей российской истории.

Еще шире международный аспект значимости советского атомного комплекса. Добившись ядерного паритета с Соединенными Штагами, Советский Союз сделал невозможным развязывание атомной войны, что имело принципиальное международное значение и вошло в анналы мировой истории второй половины XX в. Однако, после распада СССР этот фактор в определенной степени потерял свое значение. Усилия, потраченные на создание атомного комплекса СССР, не смогли уберечь его от гибели, оказались недостаточно эффективными с точки зрения национальной безопасности. В новых реалиях конца XX века мировое равновесие пошатнулось, что грозит непредсказуемыми последствиями.

Примечания

1. Daniels J. The Man of Independence. Philadelphia; N. Y., 1950. P. 266.; Корниенко Г.М. Холодная война: свидетельство ее участника М., 1995. С. 25.
2. История советского рабочего класса М., 1987. Т. II. С. 426–427.
3. Народное хозяйство СССР М., 1956. С. 29, 32.
4. Атомный проект СССР. Документы и материалы. Под общей редакцией Л.Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 1. М.; Саров, 1999. С. 11–13.
5. Там же. С. 618.
6. Там же. С. 6, 14.
7. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономическою роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. С. 242.
8. Атомный проект СССР... С. 446.
9. Там же. С. 498.
10. Там же. С. 421–428.
11. Там же. С. 530–563.
12. Тихонов В. Закрытые города в открытом обществе. М , 1996. С. 6.
13. Атомный проект СССР..., С. 647, 656.
14. Человек столетия. Юлий Борисович Харитон. М., 1999. С. 130–131.
15. Там же. С. 143.
16. Пихоя Р.Г Советский Союз. История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 218, 233.
17. Гуманитарные науки в Сибири. 1999, № 2. С. 95.
18. Там же. С. 96, 98.

Atomic Complex in the Context of Russian History 2nd International Symposium on the History of Atomic Projects (Hisap'99) the 1950 s: Sociopolitical, Environmental and Engineering Lessons Learning. Laxemburg, Austria. October 4–9, 1999. Ekaterinburg,-Laxemburg, 1999. P. 3–18.

Гибель Советского Союза в контексте истории социализма

Распад великой социалистической державы, Советского Союза, стал одним из самых впечатляющих событий истории XX века, грандиозной драмой, изменивший судьбы миллионов людей. Эта драма не оставила никого равнодушным – но суждения современных социологов подчинены интересам политических партий и не могут считаться объективны-

ми. Большинство участников событий еще не остыло от борьбы, которая продолжается на страницах прессы и научных изданий. Очевидно, что столь грандиозные события нельзя здраво оценить с такой короткой исторической перспективы – ведь большое видится только на расстоянии. Эта статья представляет собой попытку взглянуть на социализм в контексте исторического опыта веков и тысячелетий – только так можно сформировать объективный подход к подобной проблеме.

Историкам, изучающим истоки марксизма, хорошо известно, что социалистическое учение создано не К. Марксом и даже не Ж.-Ж. Руссо. Известный марксист К. Каутский посвятил много лет жизни доказательству того, что корни идеи социализма – в древности, что ее истинными создателями были еще Платон и Иисус Христос [Каутский, 1924]. В своем фундаментальном труде "Происхождение христианства" он внимательно разобрал возражения, которые приводились в противовес идее о существовании социализма в раннехристианской общине, и признал их "рядом недоразумений, отговорок и построений, не имеющих никакой опоры в действительности" [Каутский, 1930, с. 286]. Нельзя не признать, что в его рассуждениях есть доля истины: известно, что первые последователи Христа жили социалистическими коммунами. "Все же верующие были вместе, – говорится в "Деяниях апостолов", – имели все общее; и продавали имения и *всякую* собственность и разделяли всем, смотря по нужде каждого" (Деян., 2, 44–45). Очевидно, что истоки социалистической идеологии, ценностей уравнительности, коллективизма, централизованного распределения берут начало в глубине веков. Ее влияние на государственное устройство и социальную организацию можно обнаружить еще в древности.

Однако, приступая к рассмотрению этой темы, нужно сначала уточнить, что именно понимается под социализмом вообще и социалистическим государством в частности. При этом, естественно, мы не можем ограничиться изучением признаков современных, существующих или недавно еще существовавших социалистических государств. Необходимо учитывать и то общее, что роднило последние с государствами Востока, в разной степени сохранившими коллективистские идеалы, общинные осно-

вы хозяйствования и стремившимися воплотить в управленческой практике принципы социальной справедливости.

Что такое социалистическое государство?

В экономической сфере формальным признаком социалистического государства как ныне, так и в древности является *господство государственной собственности* – прежде всего государственной собственности на землю. До недавнего времени земля была основным средством производства, и характер социального строя определялся, в первую очередь, отношениями в аграрном секторе. В условиях преобладания государственной собственности эти отношения могли выглядеть по-разному. В некоторых странах существовали государственные хозяйства с коллективной обработкой земли, в других случаях принадлежавшая государству земля передавалась в обработку группам крестьян, живущих по соседству, индивидуальным или большим семьям. Крестьянские наделы иногда переделялись, иногда передавались по наследству – однако общим правилом была недопустимость продажи наделов и концентрации земли в руках помещиков.

В ремесленном (или промышленном) секторе для социалистических государств характерно существование крупных государственных предприятий и монополизация властью отдельных, особо важных отраслей промышленности. В менее важных отраслях допускается мелкое ремесленное производство и даже крупные частные предприятия. Но деятельность формально независимых предпринимателей регулируется с помощью системы целевых субсидий, дифференциации налогообложения, фиксации пределов колебания цен, принудительных государственных закупок. Таким образом, определяющим признаком социалистической экономики является всеохватывающее *государственное регулирование*.

В политической сфере для социалистических государств во все эпохи характерно преобладание наемного чиновничества, строго контролируемого центральной властью. В качестве платы за труд чиновникам и воинам в прошлом иногда передавали право на получение налогов с группы крестьянских хозяйств, однако при этом государственные служащие не должны были

вмешиваться в жизнь крестьян, которые оставались свободными людьми.

Мы не фиксируем в качестве определяющего признака характер центральной власти; теория социализма говорит о возможности различных форм правления, в том числе и диктатуры. Как мы знаем по собственному опыту, на практике эта диктатура иногда принимала формы, близкие к самодержавной монархии.

В идеологической сфере признаком социалистического государства является господство коллективистской идеологии, провозглашающей, что "все люди братья"и должны помогать друг другу. Общим правилом традиционно выступает принцип "социальной справедливости", который находит выражение в вознаграждении по заслугам: "от каждого — по способностям, каждому — по труду"

Возможно, что сформулированные нами общие признаки социалистических государств покажутся кому-то слишком широкими, размывающими устоявшееся в отечественной научной литературе представление о социализме. Действительно, в данном случае мы говорим о социализме в *широком смысле этого слова*, стараясь отвлечься от специфики эпохи или особенностей региона. Наша цель – выделить главное, общее для социалистических государств самых разных эпох. А главное, на наш взгляд, заключается в том, что такого рода государство основано *на государственной собственности, государственном регулировании и управляется наемными чиновниками*.

По существу, эта интерпретация совпадает с понятием *государственного социализма*, которое широко использовалось – и продолжает использоваться – в западной историографии так называемого "модернизаторского" направления, применяющего для интерпретации источникового материала о далеком прошлом исследовательские модели, построенные на основе анализа современных социально-политических и экономических явлений. Именно таким образом понятие государственного социализма употребляли в своих трудах такие классики исторической и социологической науки, как Р. Пельман, М. Вебер, М. Ростовцев, Ф. Хайхельхайм, К.-А. Витфогель [Wittfogel, 1957; Rostovtzeff, 1928; Вебер, 1925; Heichelheim, 1938].

В работах этих и многих других исследователей признавалось, что социалистические государства существовали как в Древнем мире, так и в Средневековье. В качестве классических примеров ученые приводили Египет времен Древнего царства и Шумер конца III тысячелетия до н.э. – это были общества с весьма сложной и совершенной организацией государственного хозяйства[1] В Шумере огромные государственно-храмовые хозяйства владели почти всей землей; крестьяне работали в составе "рабочих отрядов" и получали за работу продуктовые пайки [Шарашенидзе, 1986; Козырева, 1988]. Однако с течением времени в государствах древности происходил переход от крупных государственных хозяйств к обработке земли индивидуальными арендаторами – что, впрочем, не меняло существа социальной системы.

В Египте государства социалистического типа сменяли друг друга до времен Птолемеев (305–30 годы до н. э.). Крупнейший исследователь эпохи эллинизма Ростовцев описывал Египет эпохи Птолемеев как "просвещенную социалистическую монархию", обладавшую развитой плановой экономикой. Египетские крестьяне хозяйствовали на выделенных им государством (и регулярно переделяемых) землях, они получали от государственных управляющих высококачественное семенное зерно и производили работы в соответствии с разработанным агрономами "посевным расписанием" Весь собранный урожай свозился на государственные тока, где проверялось качество зерна, после этого крестьянину передавалась положенная ему доля [Rostovtzeff, 1928; 1941].

Характерно, что Ростовцев находил в Древнем мире не только социализм, но и капитализм. Как известно, эта точка зрения характерна для многих западных историков, начиная с Э. Мейера, который усматривал наличие буржуазных отношений как в Древней Греции, так и в республиканском Риме. При этом греческое и римское рабовладение рассматривалось как естественное дополнение буржуазного общественного строя – подобно рабовладению, процветавшему в американских южных штатах вплоть до Гражданской войны во второй половине XIX века. Таким образом, получалось, что капитализм и социализм являлись реальностью не только Нового времени, но и Древнего ми-

ра. В 20–30-е годы XX века, когда развернулось интенсивное исследование эпохи эллинизма, крупнейшие историки, такие как М. Ростовцев, Ф. Хайхельхайм, В. Тарн, были буквально заворожены сходством эллинистического времени с реалиями окружавшего их мира. "На первый взгляд, этот мир просто удивительно похож на наш мир", – писал Тарн [Тарн, 1949. С. 21]. Ростовцев пошел дальше других историков в проведении параллелей: он прямо сравнивал птолемеевский Египет с Советским Союзом. Более того, так же как Хайхельхайм, Ростовцев *рассматривал всю историю человечества как историю борьбы капитализма и социализма.*

Воплощение идей социализма в истории

В одной статье невозможно проследить все перипетии борьбы социализма и капитализма в мировой истории. Можно отметить, что птолемеевский Египет был завоеван Римом, но после революции III века Рим, в свою очередь, превратился в социалистическую империю, скопировавшую многие черты Египта и проводившую беспрецедентно широкую политику государственного распределения. Характерно, что идеологической опорой этой империи впоследствии стала социалистическая религия Иисуса Христа, а Юстиниан Великий, император Византии, ставшей наследницей Древнего Рима, повсеместно насаждал монашеские общины-коммуны. Римская империя пала в результате нашествия варваров. Но арабы, атаковавшие Византию с юга, в свою очередь оказались носителями новой мировой социалистической религии – ислама. Пророк Мухаммед говорил, что "все люди – братья", по мусульманскому праву земля была общей, т. е. государственной собственностью. "Социализм есть учение, присущее исламу с первых дней", – писал один из основоположников исламского фундаментализма Джамаль ад-Дин аль-Афгани (1839–1897) (цит. по [Иванов, 1982, с. 56]).

Порядки Египта после мусульманского завоевания, и в частности во времена Фатимидов (X–XII века), по существу, оставались теми же, что и во времена Птолемеев – господствовала регулируемая государственная экономика. Нашествия тюрок и монголов нанесли новый удар мировому социализму, но позже он возродился под красными знаменами Османской империи. В этой империи вся земля считалась государственной, крестьян-

ские семьи обеспечивались стандартными наделами ("чифт" – надел, который можно обработать парой быков; если у крестьянина не было быков, то их предоставляли власти). "Примеры, взятые из образа действий Пророка, вместе с некоторыми местами Корана послужили основой странному учению, стремящемуся не больше не меньше, как к полному отрицанию даже самого принципа личной частной собственности", – писал известный правовед И. Нофаль [Нофаль, 1888. С. 4, 7]. Все земли, недра и другие источники богатства рассматривались как общее достояние мусульманской общины. Воины получали право на сбор налогов с небольших поместий, "тимаров", однако они не имели никакой власти над крестьянами, а собираемые налоги были весьма скромным вознаграждением за тяжелую службу. Османская империя долгие века оставалась могущественным государством, и ее порядки были заимствованы многими соседними странами, в том числе Ираном и до некоторой степени Россией [Алексеев, Нефедов, Побережников, 2000].

В XVIII веке нарушение принципов государственного регулирования привело к разложению Османской империи, проявившемуся, прежде всего, в распространении крупного частного землевладения. В XIX столетии египетский правитель Мухаммед Али предпринял попытку восстановления традиционного государственного социализма. Помещичья собственность была уничтожена, крестьяне стали арендаторами государственной земли, создана крупная государственная промышленность. Характерно, что в процессе подготовки и проведения реформ Мухаммеда Али принимали участие французские социалисты во главе с Б. Анфантеном. Однако усиление Египта вызвало мощное противодействие европейских "великих держав"; подчиняясь военному диктату, Мухаммед Али был вынужден открыть страну для иностранного капитала; вслед за этим последовало разорение государственной промышленности и развитие частной собственности в деревне.

Социалистическая традиция вновь проявилась на Ближнем Востоке в середине XX века, во времена Г.А. Насера. В период его правления наблюдались попытки к сближению марксизма и исламской традиции социальной справедливости, что проявилось в широком распространении понятия "исламский социа-

лизм" [Игнатенко, 1988]. Хотя несколько позже лидеры "исламской революции" в Иране отвергали на словах внутреннюю связь ислама с марксизмом, на деле они, точно так же как Насер, призывали к социальной справедливости и национализировали крупные промышленные предприятия. Аятолла Хомейни в речи, посвященной первой годовщине исламской революции 1979 года, говорил, что она означала "победу обездоленных над угнетателями" (цит. по [Иванов, 1982, с. 40]).

Государства социалистического типа существовали и на Дальнем Востоке. Великий апостол конфуцианства Мэн-цзы некогда предложил ввести систему равных наделов, "цзиньтянь"; в соответствии с этой системой вся земля считалась государственной, и всем крестьянам выделялись одинаковые участки в 100 му. В самом начале новой эры император Ван Ман пытался претворить эту идею в жизнь, но неудачно.

Позднее, в эпохи Цзинь и Тан, система равных наделов была реализована на практике и на несколько столетий стала экономической основой китайского государства. Воспетая великими поэтами, эпоха Тан вошла в дальневосточную культурную традицию как символ справедливого и процветающего общества, где крестьяне избавлены от угнетения и обеспечены землей, а чиновники отличаются познаниями и высокой моралью, так как их выдвижение связано с победой на экзаменах, открытых для любого желающего. Окружающие страны брали пример с империи Тан – в Корее и в Японии были проведены реформы, преобразовавшие эти страны по китайскому образцу. Империя Тан многие века оставалась идеалом конфуцианских "ученых-чиновников" "Династия Тан поровну дала народу землю и владела Поднебесной 300 лет... – писал корейский реформатор Чо Джун. – Нужно начать все снова (и повторить эти преобразования – *прим. ред.*), чтобы были достаточны доходы государства и зажиточна жизнь народа, чтобы стали еще лучше придворные сановники и были обеспечены воины [армия]" (цит. по (История... 1974, с. 237]).

В XIV веке порядки империи Тан в основных чертах возродил "красный император" Чжу Юаньчжан, но основанная им новая империя Мин впоследствии переродилась в общество, в котором господствовали помещики. В XVII веке вождь кресть-

янской революции Ли Цзычен пытался снова переделить землю, но революция была подавлена помещиками с помощью маньчжурских завоевателей. Ученые-конфуцианцы дискредитировали себя поддержкой иноземцев, захвативших власть в стране. Поэтому, когда в середине XIX веке китайские крестьяне снова поднялись на восстание, на их знаменах были написаны лозунги одной из западных версий социализма: "Все же верующие были вместе и разделяли всем, смотря по нужде каждого..." Восставшие тайпины были христианской сектой, они изгнали помещиков, разделили земли между крестьянами и пытались создать коммуны, подобные коммунам ранних христиан. Революция тайпинов была подавлена, но через семьдесят лет началась новая революция – теперь уже под знаменами марксизма. И эта революция в Китае одержала победу.

Таким образом, одна и та же идея принимала различные формы. "Марксистский социализм", "христианский социализм", "конфуцианский социализм", "исламский социализм" – все это различные проявления одного учения, в основе которого – государственная собственность и социальная справедливость. Однако в истории форма столь же важна, как и содержание: человек не может одновременно поклоняться Христу и Мухаммеду, Марксу и Конфуцию. Это привело к тому, что социалисты разных направлений, как правило, не признавали друг друга, а иногда и вступали в ожесточенную борьбу.

Таким образом, социализм присутствовал в истории всегда, но он одевался в разные одежды, говорил на разных языках, и его приверженцы часто не понимали друг друга. Вся история человечества, по нашему мнению, была историей борьбы социализма и капитализма, социалистические государства рождались на свет, одерживали победы и погибали, сраженные внешними врагами или внутренними социальными болезнями. Можно ли обнаружить в этой череде рождений и смертей закономерность, которая объясняла бы причины событий? Каковы были причины социальных революций, порождавших социалистические государства?

Демографические предпосылки социальных революций

Один из вариантов ответа на этот вопрос был предложен двести лет назад Т. Мальтусом. Ученый считал причиной восстаний

и революций *перенаселение*. "До сих пор сущность и действие закона народонаселения не были поняты, – писал в свое время Мальтус. – Когда политическое неудовольствие присоединяется к воплям, вызванным голодом, когда революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания, то следует ожидать постоянных кровопролитий и насилий, которые могут быть остановлены лишь безусловным деспотизмом" [Мальтус, 1908, с. 93].

Мнение о том, что именно перенаселение и голод приводят к социальным революциям, получило широкое распространение на Западе. Угроза голода стала особенно актуальной в 60-х годах XX века, в условиях демографического взрыва, охватившего "Третий мир" В 1972 году "Римский клуб" – собрание крупнейших ученых Европы – опубликовал подготовленный Д. Медоузом доклад "Пределы роста", в котором на основании анализа математической модели утверждалась неизбежность голода и социального кризиса в XXI веке. Доклад "Римского клуба" произвел большое впечатление на мировую общественность. ООН объявила 1974 год "Всемирным годом народонаселения". Он ознаменовался проведением Всемирного конгресса народонаселения и организацией "Института наблюдения за миром" во главе с известным экономистом Л. Брауном. Этот институт призван следить за "мировой продовольственной безопасностью" и формулировать условия оказания продовольственной помощи "в целях предотвращения голода и революции" [Фактор, 1989, с. 12]. Обследования уровня и структуры питания населения позволили определить страны, которым угрожает голод. Исследование показало, что между голодом и социальными конфликтами существует причинная связь. Из 20 хронически голодающих стран мира – а это Мали, Эфиопия, Уганда, Чад, Гаити, Индия, Бангладеш, Непал, Гана, Зимбабве, Гватемала, Кения, Южный Йемен, Ангола, Замбия, Мозамбик, Сомали, Афганистан, Камбоджа, Лаос – половина стала впоследствии ареной восстаний и революций [Атлас... 1986, с. 171].

Смысл социальных революций в перенаселенных и страдающих от голода странах вполне очевиден: речь идет о стремлении к нормированию продовольствия, о попытках решить проблему за счет более равномерного его распределения, о той

самой социальной справедливости, которая лежит в основе социализма. Первый и самый главный шаг к справедливому распределению продовольствия – это аграрная реформа и ликвидация помещичьего землевладения. "...Борьба с голодовками невозможна без устранения крестьянского малоземелья... без конфискации помещичьих земель – *без революции*", – писал В. Ленин (курсив наш. – *В.А., С.Н.*) [Ленин, т. 21, с. 120]. Если мы вернемся к списку голодающих стран, то обнаружим, что аграрная реформа была проведена практически везде – даже в тех странах, которым "в целях предотвращения революции" оказывалась масштабная экономическая поддержка, например в Индии и в Бангладеш. В Индии аграрную реформу провел Дж. Неру, который, как известно, провозгласил лозунг построения социализма в течение двух пятилеток.

Таким образом, взаимосвязь между социальными революциями, голодом и перенаселением в современном мире не секрет для политиков; известна она и историкам. Перенаселение и голод не принадлежат к исключительным чертам нашего времени – они были характерны для многих обществ в различные исторические периоды. В благоприятных условиях рост численности населения может быть очень быстрым, к примеру в 1950–1980-х годах общемировой коэффициент естественного прироста составлял 1,8% в год. При таких темпах роста население за 50 лет возрастет в 2,5 раза, за 100 лет – в 6 раз, за 300 лет – в 220 раз! Очевидно, в обществах, существовавших сотни и тысячи лет, в конце концов наступало перенаселение; оно проявлялось, прежде всего, в измельчании крестьянских наделов, которые уже не могли прокормить своих владельцев; разоренные крестьяне продавали свою землю ростовщикам, в деревне росло помещичье землевладение. Многие крестьяне уходили на заработки в города, но ремесла не могли прокормить массы "излишнего населения", катастрофически росло число безработных и нищих. В конечном счете, перенаселение порождало голод, восстания и социальные революции. В результате революций часто происходили экспроприация имений помещиков и передел или обобществление земли, но и помимо передела, голод, эпидемии и гражданские войны были причиной гибели большой части населения и появления свободных земель. Таким образом, проблемы перенаселения и нехватки земли на время теряли свою актуаль-

ность. Но затем население вновь начинало расти, возникало перенаселение и вновь наступало время голода и революций. История развивалась в ритме демографических циклов: "Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, – писал Ф. Бродель, – это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет – но не до конца! – вторые. *В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным*" [Бродель, 1986, с. 42–44].

Теория циклов была разработана, в первую очередь, представителями знаменитой французской исторической школы "Анналов"; у ее истоков стояли такие известные ученые как Э. Лабрусс, Ф. Бродель, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню [The Cambridge... 1967; Histoire... 1977]. Большую роль сыграли работы английских и немецких исследователей М. Постана, В. Абеля, К. Хеллинера. Ученые называли циклы исторического развития поразному: "демографическими циклами", "общими циклами", "большими аграрными циклами", "вековыми трендами", "логистическими циклами". Мысль о том, что завершающей стадией цикла является революция, была обоснована Лабруссом на примере Великой французской революции. Позднее в рамках исторической социологии появилась "теория революции" и Дж. Голдстоун детально показал роль перенаселения в революциях XVII–XIX веков [Goldstone, 1991].

Таким образом, социалистические государства появлялись на свет в результате победы социальных революций, когда народ, выведенный из себя перенаселением и возникшим в результате голодом, поднимался на борьбу за хлеб и землю. Похожая ситуация сложилась и в России, где в конце XIX века в центральных районах в результате демографического взрыва и малоземелья сформировалось "колоссальное аграрное перенаселение" [Анфимов, 1980, с. 229], и половина трудоспособного населения деревни относилась к числу "лишних людей" [Дубровский,1975; Хромов, 1960]. Крестьянское малоземелье порождало нищету и постоянные голодовки: из шестнадцати последних лет XIX века шесть были голодными годами; голод 1891 года унес 700 тыс. жизней. "Речь шла о фактах голодания много-миллионных масс населения, – пишет Р. Белоусов. – Именно чувство голода, а не

разум стали направлять поведение и действия этих масс. Начались крестьянские волнения, переросшие в крестьянскую революцию 1904–1906 годов..." [Белоусов,1999, с. 21,49].

В конечном счете аграрный кризис привел к социальной революции и возникновению Советского Союза. Демографическая подоплека этого социального взрыва была ясна уже современникам. На нее указывал, в частности, Дж. Кейнс. "Население европейской России увеличилось еще в большей степени, чем население Германии. В 1890 году оно было меньше 100 млн, а накануне войны оно дошло почти до 150 млн; в годы, непосредственно предшествующие 1914 году, ежегодный прирост достигал чудовищной цифры в 2 миллиона... *Великие исторические события часто бывают следствием вековых перемен в численности населения*, а также прочих фундаментальных экономических причин; благодаря своему постепенному характеру эти причины ускользают от внимания современных наблюдателей... Таким образом, необычайные происшествия последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным... являются, быть может, гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности Ленина или заблуждений Николая..." [Кейнс, 1924, с. 6,104].

В настоящее время западными исследователями выделено 8 демографических циклов в истории Южной и Западной Европы: 1) цикл Римской республики, закончившийся "революцией Юлия Цезаря" и переделом земли в Италии; 2) цикл Римской империи эпохи принципата, завершившийся "революцией III века" и новым переделом земель; 3) цикл поздней, т. е. (христианской) Римской империи, прерванный нашествиями варваров; 4) цикл средневековой империи Каролингов, прерванный норманнским нашествием; 5) цикл развитого Средневековья, завершившийся Великой чумой; 6) первый цикл Нового времени, завершившийся Английской революцией и Фрондой; 7) второй цикл Нового времени, завершившийся Великой французской революцией; 8) третий цикл Нового времени, завершившийся Русской революцией, революцией в Германии и Второй мировой войной. Социальный кризис в конце второго из названных циклов породил христианский социализм, кризис в конце седь-

мого цикла породил социализм Руссо, кризис в конце восьмого цикла породил "марксизм-ленинизм". Однако далеко не все европейские демографические циклы завершились социальными революциями, некоторые из них были прерваны вторжениями внешних врагов, а цикл развитого Средневековья завершился экологической катастрофой, Великой чумой XIV века.

История Ближнего Востока началась на два тысячелетия раньше, чем история Европы; именно Ближний Восток был родиной земледельческой цивилизации, и именно здесь впервые стало ощущаться аграрное перенаселение. С начала истории на Ближнем Востоке имело место более 20 демографических циклов; так же, как в Европе, далеко не всегда их следствиями были социальные революции. В Китае имело место 13 демографических циклов [Нефедов, 2001, с. 103–109]. Половина из них завершилась социальными революциями или народными восстаниями, породившими государства социалистического типа.

Причины гибели социалистических государств

Таким образом, социалистические государства появляются на свет в результате победы социальных революций, когда народ, движимый последствиями перенаселения, и прежде всего голодом, поднимается на борьбу за социальную справедливость. Почему же они в конце концов гибнут?

Во многих случаях гибель социалистических государств была вызвана вторжением извне, в других случаях – внутренним разложением государства. Причиной тому, как правило – неспособность государства справиться с последствиями роста населения в ходе демографического цикла. В условиях существования надельной системы такой рост приводил к измельчанию крестьянских хозяйств; в годы голода крестьяне (несмотря на запреты) продавали свои земли, чиновники, пользуясь властью и положением, их скупали и, таким образом, снова возникало помещичье землевладение – иногда в скрытых, "теневых" формах. Разложившееся и коррумпированное чиновничество фактически приватизировало земли и доходные должности; социалистическое общество разлагалось, на смену коллективизму и взаимопомощи приходили индивидуализм и стремление к обогащению. Помещики-чиновники сдавали свои земли в аренду или нанимали батраков для их обработки; полученную продукцию они прода-

вали на рынке; эта деятельность была не чем иным, как частным предпринимательством. Таким образом, процесс разложения социалистического государства был тесно связан с зарождением буржуазии. "Теневая", не имевшая легальных прав, буржуазия нуждалась в защите своей собственности, помещики и ростовщики вооружали слуг, создавали "отряды самообороны" или подчиняли своему контролю местные полицейские формирования. Используя подкуп, представители буржуазии проникали в центральную администрацию, где всегда находились люди, стремившиеся к личному обогащению. В конечном счете новая буржуазия добивалась легализации своего положения, и социалистическое общество превращалось в буржуазное. Такова была эволюция Империи Тан и Османской империи.

В Советском Союзе земля находилась во владении коллективных хозяйств и не могла продаваться. Однако проводимая государством политика форсированной индустриализации, прежде всего за счет аграрного сектора, угнетающе подействовала на развитие отечественного сельского хозяйства, которое чем дальше, тем больше не поспевало за ростом запросов населения. Тем самым в экономике складывалась ситуация, аналогичная той, которая возникает в результате перенаселения. Все более усугублялся диспаритет между потребностями сельскохозяйственного производства и искусственно поддерживаемыми низкими ценами на продовольствие. Правительство Н. Хрущева попыталось поднять цены, но начались волнения, приведшие к кровавым событиям в Новочеркасске. После этого власти уже не решались увеличивать цены. Таким образом, они лишились основного рычага экономического регулирования. Диспропорция между спросом и предложением постепенно росла, продовольственные, а затем и многие промышленные товары постепенно исчезали с прилавков государственных магазинов, появилась проблема товарного дефицита.

Государство отпускало большие средства на развитие сельского хозяйства, и по официальной статистике сельскохозяйственное производство на душу населения росло вплоть до начала 1980-х годов. Однако официальные цифры не учитывают приписок и потерь, которые, по некоторым оценкам, достигали 30% [Кудров, 1998]. Большее доверие вызывают данные о закупках

зерна. Поскольку этот продукт предназначался, в основном, для снабжения городского населения, включая, впрочем, и продукты животноводства, на нужды развития которого шло закупочное фуражное зерно, то имеет смысл рассмотреть показатель закупок зерна на душу городского населения.

Здесь мы наблюдаем такую картину. Оказывается, что уровень потребления зерна в городах, в общем, оставался почти постоянным. Он снизился в 1960–1965-х годах, когда разразился кризис, вызвавший повышение цен и народные волнения. После этого кризиса цены на продовольствие и многие промышленные товары были зафиксированы, правительство не решалось их увеличивать, и в дальнейшем это породило постоянно обострявшийся дефицит, спекулятивный рынок и теневую экономику.

После кризиса государство резко увеличило капиталовложения в сельское хозяйство. В 1966–1970-х годах был достигнут заметный рост производства, но резервы незанятых посевных площадей оказались исчерпаны, и в следующей пятилетке темп развития сельскохозяйственного производства замедлился. Характерно, что из-за растущих потерь рост душевого производства зерна не приводил к соответствующему росту внутренних закупок. В городах появилась нехватка продуктов питания, и правительство было вынуждено закупать продовольствие за границей.

Советская власть стремилась во чтобы то ни стало обеспечить хлебом растущее население и увеличивала капиталовложения в сельское хозяйство. Это было состязание между демографическим ростом и ростом урожайности (посевные площади уже не увеличивались). Однако капиталовложения давали все меньший эффект: во-первых, в силу мальтусова закона убывающего плодородия почвы и, во-вторых, из-за того, что к 1980-м годам система командной экономики была в корне подорвана. Ни одно государство в мире никогда не могло долгое время поддерживать фиксированные цены. Попытки подобного рода (Диоклетиан в Римской империи, Ван Ман в Китае, Ала уд-дин в Индии) неизбежно приводили к расцвету "черного рынка" и к экономическому хаосу. Мелкие чиновники, директора заводов и магазинов, все, кто имел доступ к распоряжению товарами, постепенно стали пользоваться создавшимся положением для лич-

ной наживы, перепродавая дефицитную продукцию по двойной или тройной цене. Таким образом, происходило то же, что в империи Тан: разложившееся чиновничество приватизировало доходные должности и объекты управления, социалистическое общество разлагалось, на смену коллективизму приходили индивидуализм и стремление к обогащению. Возникла теневая экономика, быстро росли спекулятивные капиталы; постепенно появился целый класс мелких (и крупных) торговцев-спекулянтов, занимавшихся частным предпринимательством. Таким образом, в советской экономике сформировался капиталистический сектор, зародилась советская буржуазия.

В 60-х годах XX века в СССР практически не было "черного рынка" и теневой экономики, ее обороты в это время оцениваются всего в 5 млрд рублей. К концу 1980-х годов эти обороты возросли в десятки раз, они составляли по разным оценкам от 100 до 250 млрд руб. (15–25% национального дохода). По некоторым оценкам в этом секторе оказалось занято около 40 млн человек. Большинство из них считало себя вполне порядочными, законопослушными гражданами, лишь вынужденными немного "ловчить" Однако по оценке советских правоохранительных органов, деятельность 10 млн из них находилась в явном противоречии с уголовным законодательством; таким образом, они представляли собой "профессиональных преступников" Эти люди, оказавшиеся в остром конфликте с законом, кровно заинтересованные в свержении преследующей их советской власти, были готовой армией для баррикад – кадрами будущей буржуазной революции [Корягина, 1990, с. 117; Козлов, 1990, с. 121, 124, 126].

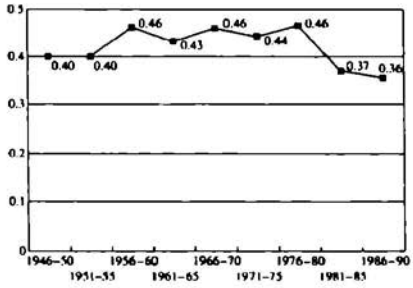

Рис. Государственные закупки зерна на душу городского населения (в т) [Сельское... 1988; Народное... 1990, с. 17, 423; Народное... 1991, с. 460]

Однако вернемся к проблемам сельского хозяйства. В условиях внутренней дезорганизации советская власть проиграла "битву за урожай" В 1980–1985-х годах капиталовложения в этот сектор экономики увеличились по сравнению с предыдущим пятилетием на 10%, а сбор *упал на 10%*. Закупки на душу населения снизились до уровня более низкого, чем послевоенный. Положение было даже хуже, чем показано на рисунке: за счет государственных закупок приходилось кормить быстро растущее сельское население Средней Азии и, к тому же, население Афганистана. Опасаясь продовольственных волнений, правительство стало в огромных масштабах закупать хлеб за границей, используя для этого валютные ресурсы, полученные от продажи нефти. В 1984 году закупки внутри страны составили лишь 56 млн т, а закупки заграницей (пришедшиеся на следующий год) – 44 млн т [Народное... 1990, с. 653].

Это и был тот кризис, который побудил руководство КПСС начать "перестройку". Капиталовложения в сельское хозяйство еще раз резко увеличили, что привело к некоторому росту душевого производства. Однако эти меры не улучшили продовольственного снабжения. Командная экономика и система государственных закупок разваливались на глазах: в 1988–1989-х годах планы закупок выполнялись лишь на 2/3 – при том, что зерно в стране имелось. Так как цены на нефть на международном рынке резко упали, для продовольственного обеспечения городов государство было вынуждено во все больших масштабах занимать деньги за границей. Советская власть постепенно оказывалась не только в должниках, но и в заложниках у евро-

пейских и американских капиталистов. Ведь стоило прекратить кредитование закупок зерна, и в городах СССР начались бы массовые беспорядки. Вследствие растущей финансовой зависимости М. Горбачев был вынужден идти на постоянные политические уступки Западу.

Между тем, внутри страны росла численность буржуазии и ее сила. Миллионы людей мечтали легализовать свою экономическую деятельность и незаконно нажитые богатства; другие стремились приобщиться к спекулятивной торговле, общество оказалось пропитано буржуазными настроениями. Поскольку государство не охраняло богатств теневой буржуазии, то ей приходилось нанимать охранников или искать защиты у криминальных группировок; отсюда проистекает характерная для современной России связь бизнеса и криминала. Разложение социалистического общества происходило на фоне растущих экономических трудностей и пустых прилавков; дефицит необходимых товаров вызывал массовое недовольство населения. К концу 80-х годов XX века в стране почти не осталось людей, которые могли бы встать на защиту существующей власти: о переменах мечтали все, общество требовало реформ.

Начатые Горбачевым преобразования быстро вышли из-под контроля коммунистов, инициатива оказалась в руках идейных представителей буржуазии, которые пользовались скрытой (и открытой) поддержкой Запада. В конечном счете, "буржуазная революция" и сопровождавший ее рост националистических настроений, охвативших в том числе руководящие слои компартий союзных республик, привели к гибели Советского Союза и образованию на его территории целого ряда государств.

Конечно, демографический фактор не был единственным среди причин, предопределивших распад Советского Союза. Современный мир гораздо сложнее, чем мир в эпоху китайской династии Тан, и порой трудно учесть многообразие всех взаимодействующих факторов. Несомненно, свою роль сыграли и революция в средствах массовой информации, облегчившая идеологическое наступление Запада, и революция в сфере компьютерной техники, которая продемонстрировала научное и техническое превосходство капиталистических стран. Кризис СССР имел комплексный характер, и социалистическое общест-

во подвергалось мощному давлению разнородных сил. Но, как показывает опыт истории, даже одного из этих факторов – демографического – было, в принципе, достаточно, чтобы разрушить Советский Союз как социалистическое государство[2]

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что с точки зрения мирового исторического опыта Советский Союз был *одним из многих* социалистических государств, известных из истории различных эпох. Эти государства рождались, жили и умирали, повинуясь одному общему закону – закону демографических циклов. В то же время нет оснований утверждать, что так будет продолжаться в будущем: теория Мальтуса, на которую опирается эта циклическая модель, относится к прошлому.

Промышленный переворот и следующие одна за другой научно-технические революции до неузнаваемости изменили жизнь людей. Демографический кризис и контроль за рождаемостью нарушили ход процессов, которые прежде считались естественными. В последних строках своей знаменитой книги "Крестьяне Лангедока" Ле Руа Ладюри назвал Мальтуса "пророком прошлого" [Le Roy Ladurie, 1990, p. 370]. Поэтому на современном этапе развития наших знаний нельзя достоверно предсказать, как демографические факторы скажутся на дальнейшем развитии драматических процессов преобразований в нашей стране.

Литература

1. Алексеев В.В., Нефедов С.А., Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средне-вековая история России в контексте теории диффузии // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6.
2. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980.
3. Атлас географический справочный. М., 1986.
4. Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. Кн. I. М., 1999.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. Т. 1. Структуры повседневности. М., 1986.
6. Васильев Л.С. История Востока. Т. 1. М., 1994.
7. Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1925.
8. Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.
9. Иванов Н.А. О некоторых социально-экономических аспектах традиционного ислама // Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1982.
10. Игнатенко А.А. Халифы без халифата. М., 1988.

11. История Кореи. Т. 1. М., 1974.
12. Каутский К. Предшественники новейшего социализма. Т. 1. М., 1924.
13. Каутский К. Происхождение христианства // Каутский К. Соч. Т. X. М.-Л., 1930.
14. Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского договора. М.-Л., 1924.
15. Козлов Ю. Теневая экономика и преступность // Вопросы экономики. 1990. № 3.
16. Козырева Н.В. Древняя Ларса. М., 1988.
17. Корягина Т. Теневая экономика в СССР (анализ, оценки, прогнозы) // Вопросы экономики. 1990. № 3.
18. Кудров В. Так что же погубило советскую экономику? // Вопросы экономики. 1998. № 7.
19. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21.
20. Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. М., 1908.
21. Народное хозяйство СССР в 1989 году. Статистический ежегодник. М., 1990.
22. Народное хозяйство СССР в 1990 году. Статистический ежегодник. М., 1991.
23. Нефедов С.А. О демографических циклах и фракталах // Фракталы и циклы развития систем. Томск, 2001.
24. Нофаль И.Г Курс мусульманского права. О собственности. СПб., 1886.
25. Сельское хозяйство СССР. Статистический ежегодник. М., 1988.
26. Стариков Е.Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск, 1999.
27. Шарашенидзе Дж.М. Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера I-й пол. III тыс. до н.э. Тбилиси, 1986.
28. Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
29. Ульянов В.М. Кризис СССР. Причины и последствия. М., 1999.
30. Фактор Г.Л. В петле голода. Трагедия развивающихся стран. М., 1989.
31. Хромов П.А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960.
32. The Cambridge Economic History of Europe. Vol. IV The Economy of Expending Europe in the 16-th and 17-th Centuries. London-New York, 1967.
33. Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the East Modern World. Berkeley, 1991.
34. Heichelheim F. Wirtschaftsgeschichte des Alterturns. Bd. I–II. Leiden, 1938.
35. Histoire economique et sociale de la France. T. I. Paris, 1977.
36. Le Roy Laduire E. Les paysans de Languedoc. Paris, 1990.
37. Rostovtzeff M. Ptolemaic Egypt // The Cambridge Ancient History. Vol. VII. London, 1928.
38. Rostovtzeff M. The Social Economic History of the Hellenistic World. Vol. I–III. Oxford, 1941.
39. Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.

Примечания

1. В последнее время на типологическую схожесть этих обществ с социалистическими обществами XX века обращают внимание и российские ученые. Известный востоковед Л. Васильев называет эти общества "казарменно-коммунистическими" [Васильев, 1994, с. 96, 117]. Подробнее см. также [Стариков, 1999].
2. Близкая точка зрения была высказана ранее В. Ульяновым, который считает причиной кризиса СССР" нарастающий дефицит природной среды" [Ульянов, 1999, с. 24].

Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 66–77 (Совместно с С.А. Нефедовым)

Регион – нация – культура: грани евразийской парадигмы

В условиях современного системного кризиса России принципиально важно изучить предшествующий опыт осмысления ее основополагающих проблем. С этой точки зрения особый интерес представляет евразийство, идеи которого не потеряли своей значимости до наших дней. Из всей совокупности его теоретического наследия сегодня особенно актуально проследить триумвират тесно связанных проблем: регион – нация – культура, поскольку именно они являются камнем преткновения нынешних реформ. В нашу задачу входит анализ взглядов евразийцев по данным проблемам, определение адекватности данных ими оценок историческим реалиям и выявление возможности использования их концепций в современной политической практике.

Теоретическое наследие евразийства богато и многогранно. Эта многогранность подчас создает впечатление пестрой эклектики и скрывает немало внутренних противоречий. Под знаком искания новых социальных и политических форм российского будущего евразийцы беспощадно критиковали коммунизм как разновидность интегрального доктринерства, втискивающего многоликую эмпирию жизни в "прокрустово ложе" узкопартийной идеологии.

Сами евразийцы многократно заявляли, что они стремятся слушать жизнь, учиться у жизни, глубоко осмысливая ближайшие и отдаленные во времени причины, вызвавшие гибель Российской империи и победу большевизма. Точно также в области социального проектирования они стремились встать на почву исторического опыта, отбирая для своей "системы строительства будущего" лучшие элементы всех учений и практических подходов, которые когда-либо примеряли на себя Россия, страны Запада, восточные цивилизации.

Идеал продуктивного самобытного синтеза, способного возвысить Россию над крайностями коммунизма и буржуазного индивидуализма, паневропеизма и паназиатизма, казалось бы, должен был постоянно проблематизировать саму возможность создания какого-либо цельного мировоззрения на основе евра-

зийских оценок и исторических экскурсов. Эти опасения не были чужды и самим евразийцам.

В 1926 г. один из виднейших идеологов евразийства Н.С. Трубецкой в письме своему соратнику, известнейшему историку и экономисту евразийского направления П.Н. Савицкому, с тревогой писал: " Мы изворачиваемся и ловчимся, чтобы оправдать, санкционировать и присвоить себе как можно больше фактов и явлений, самых разнородных и не имеющих между собой ничего общего. Мы оказываемся и подлинными корниловцами, и подлинными большевиками. За этой пантеистически-хамелеоновской способностью все в себя вместить и со всеми отождествлять исчезает вся наша собственная индивидуальность. Мы оказываемся лишь особым методом объединения противоречивых понятий и представлений. Происходит это от того, что наше внимание с самого начала сосредотачивалось не на выведении собственной системы, а на отношении этой нашей еще не достроенной системы к другим, уже существующим"[1] Впрочем, способность вбирать в себя различные представления и концепты сочеталась в евразийстве и с всеобщим критицизмом по отношению к существующим течениям политической мысли, в том числе ко всему социально-творческому опыту русской интеллигенции (как "эгоистическому" и "разрушительному"), и ко всем известным течениям русской эмиграции (как реставраторским, а не творчески-созидательным).

В то же время, сами евразийцы в мыслимой ими системе взглядов на русское прошлое, настоящее и будущее хотели видеть ни больше, ни меньше, форму "истинной идеологии", единое, цельное, столь же интегральное мировоззрение, непротиворечивое в отдельных своих составляющих. Удалась ли эта сверхзадача и сегодня остается спорным вопросом. Евразийство было представлено выдающимися светилами российской науки и политической мысли, так что и его основные эволюционные линии несли живой отпечаток этих индивидуальностей во всей их мировоззренческой и концептуальной противоречивости.

Уже с конца 1920-х годов евразийство распадается на ряд течений, в 1930-е годы можно говорить о кризисе собственных доктринальных основ евразийства. Одна его часть поглощается советским коммунизмом, другая явно тяготеет к "новым соци-

альным движениям" типа итальянского фашизма, третья уходит из политики в область философских и научных исканий.

Нечто подобное мы наблюдали в последнее десятилетие: современное "неоевразийство" еще более многолико и противоречиво. По мере удаления от своего генетического первоисточника евразийские идеи становятся предельно широким в оттенках и интерпретациях спектром осмыслений уникальной сущности российского исторического опыта и российской цивилизации, особого отношения России и населяющих ее народов к другим цивилизационным ареалам, прежде всего, к европейскому Западу. И при этом евразийство остается для нас совершенно четким, узнаваемым социально-философскими культурогическим маркером. Самое главное то, что и сейчас оно сохраняет способность питать мощную интенцию, нацеленную на поиск самобытных путей развития России, ее самоопределения в мировом сообществе.

Хотелось бы заострить эту проблему, прежде всего, для того, чтобы подчеркнуть, во-первых, исторический характер евразийства, во-вторых, предостеречь от попыток искусственно "притягивать" это учение к какому-либо из политических течений, придавать ему определенную политическую окраску, помещать в тиски примитивных классификаций. Евразийство должно пониматься именно как мировоззрение, как социально-философская интенция, как ценностная система, не исключающая парадоксов и самоотрицаний (на этом строил свою критику евразийства Н.А. Бердяев). Целостность евразийскому мировоззрению придает то, что оно строится на более глубоких сущностных основаниях геополитических, исторических и культурных, чем любая политическая система или политическая идеология. Лишь в таком понимании евразийства можно уяснить и осознать относительность более частных понятий и представлений в каждой конкретной исторической ситуации и под каждым особым, прагматическим углом зрения, а в кажущейся эклектике евразийских построений увидеть определенную, вполне логично выстроенную систему отбора.

Совершенно прав известный исследователь евразийства, современный российский философ Александр Сергеевич Панарин, когда пишет о том, что нельзя историческую судьбу редуциро-

вать из неких более общих понятий, таких, например, как "прогресс" или "демократия" Эта судьба самоценна, и в отношении к ней все общие понятия выступают как относительные, как "рабочие" вспомогательные[2]

Если проанализировать программные документы евразийцев, то в них явственно прослеживается такой подход. Это, например, последовательно проводимое евразийцами разделение духовного и материального начал жизни, которое предполагает в частности, что в экономической области потребности хозяйственной прагматики, рациональности, в наибольшей степени могут подчеркивать полезность западноевропейских форм, но они не должны с неизбежностью, в духе плоского детерминизма, влиять на формы религии и культуры, которые остаются подчеркнуто самобытными, евразийскими[3] В построении российской "системы будущего", ее основной идеи, соответственно, необходимо двигаться к предельным основаниям, которые объединяют более частные основания.

В этом отношении особенно показательна евразийская трактовка ряда ключевых понятий, которые чрезвычайно важны при формулировании подходов к государственному строительству. Это "нация", "регион", "культура" Мы зачастую, вполне четко осознавая семантическую разницу этих понятий, их специфическое содержание, склонны в практической политике атрибутировать их друг с другом, искать для них самой простой, монолитной формы единства. В евразийских же подходах (которые в прямом смысле можно характеризовать как футуристические, поскольку они проницательно угадывают сложность и многомерность нашего настоящего мира) для каждого из этих понятий мыслится своя контекстуальная форма.

Критикуя национальную политику большевиков, евразийцы акцентировали внимание на том, что красные в огне гражданской войны сумели прагматически использовать стремление народов России к "национальной самобытности", но почти сразу блокировали реализацию этой идеи "подчинением ее высшей проблеме коммунизму" как началу, по существу, не столько интертернациональному, сколько безнациональному[4] Виднейший представитель евразийства, правовед Н.Н. Алексеев писал в этой связи: "Кривда советской национальной политики сводит-

ся, прежде всего, к громадному внутреннему противоречию, которое в ней содержится. Марксистское мировоззрение есть типичный интернационализм, не признающий нации как самостоятельной ценности. По существу своему марксизм стремится к созданию пролетарского интернационала, а вовсе не союза национальностей. Идея союза народов искусственно пришита большевиками к марксизму, из которого она никак не вытекает и не выводится... Коммунисты, в конечном счете, хотят обезличить все народы, лишить их всех индивидуальности, постричь их под одну, интернациональную скобку"[5] Таким образом, узость национальной программы, подчиненность национальной идеи социальной (т. е. только одного пролетарски-классового сегмента национального бытия) это то, что, согласно евразийским выводам, делает эфемерным самораскрытие нации, ее развитие на подлинно самобытных началах. (Евразийцы особенно подчеркивали необходимость обеспечения духовного самоопределения народов России на "религиозной и личнохозяйственной основе", которую советский строй не допускал).

Несомненно, евразийцы ошибались, считая, что большевики искусственно разбудили демона национализма, насаждая методами агитации идеи национального самоопределения среди народов, которые ранее не помышляли ни о какой автономии (реальная историческая картина, как известно, была очень неоднозначной), но они были недалеки от истины, предрекая поражение коммунизма перед национализмом. Этот итог с высоты нашей действительности может рассматриваться как свидетельство принципиальной нерешенности национального вопроса в условиях господства коммунистического строя.

Евразийцы предельно заострили проблему проблем российской государственности: как при полном расцвете национальной самобытности и подлинной свободе самоопределения обеспечить прочный союз национальностей, единство исторически сложившегося многонационального государства. Эта проблема в 1920–1930-х годах находила в русском зарубежье заинтересованный отклик, порождала острые дискуссии, как и разного рода утопические проекты. Один из таких проектов принадлежал народному социалисту В.Д. Станкевичу, который программу создания не только единой, но и "объединенной" России видел в

доведенной до предела самостоятельности каждого народа как во внутренних, так и во внешних делах, а искомое единство — не в наличии единого центрального правительства, а в своеобразном созвучии политической воли и интересов всех населяющих Россию народов[6] Идея симфонизма Евразии, коренного, органического единства интересов народов России, как известно, разделялась и евразийцами, но что принципиально важно они гораздо более вдумчиво подошли к поиску интегрирующих, объединяющих народы России начал.

Одно из таких начал евразийцы усматривали в следовании продуманным принципам построения федерации, которая должна была основываться "на началах широкой автономии входящих в ее состав земель и народов" Право автономии должно было распространяться и на "своеобразные в бытовом и историческом отношении группы" населения[7] Мысля будущую федерацию как образование в высшей степени эластичное, допускающее разные формы и уровни автономии, евразийцы вместе с тем подчеркивали, что районирование (говоря современным языком, регионализация) России должно приобрести несколько иные очертания, в большей степени соотносимые с хозяйственно-географическим разделением территории страны на отдельные крупные области, причем эти отдельные регионы должны быть "скроены" таким образом, чтобы между ними возникало взаимное хозяйственно-целесообразное сцепление, сознательный интерес к сближению и сотрудничеству.

В силу противоречивости евразийской доктрины (как известно, заметно эволюционировавшей) и известных разночтений в части ее интерпретаций трудно считать любую реконструкцию взглядов евразийцев законченной, единственно допустимой и содержательно исчерпывающей, но в данном контексте ясно, что решение национального вопроса в форме создания федерации автономий не было у них полностью тождественным проблеме районирования России. "Нация" и "регион" у них приобретали территориальную форму выражения, но, что существенно, это были сущности, отвечавшие разным целям и задачам. Административное деление России в этом случае виделось как многослойная реальность, где каждый уровень, сегмент и масштаб территории отвечал своему определенному назначению,

имел свою качественно определенную проекцию экономическую, политическую или культурно-бытовую.

То же самое можно сказать о понятии "культура", которое у евразийцев приобретает многозначное выражение и достаточно эластичную форму. Культура в евразийской интерпретации соотносится с религией. Вместе с тем, культура может обусловливать "этнологическое единство" В культуре также может отражать себя география и история местности. Принципиально важно, что органическая связь всех этих измерений культуры не столько причинная, сколько конвергентная, то есть имеющая тенденцию к сближению и тождеству, но никогда полностью его не достигающая[8] Но самое существенное, по-видимому, состоит в том, что культура это та субстанция, которая способна активно осуществлять взаимообмен разных элементов (в том числе и прежде всего, этнических) и достигать высших ступеней своей эскалации в формировании наднациональных функций каждой национальной культуры, а затем и в наднациональной, симфонической культуре. Последняя служит потребностям всех народов России–Евразии, но при этом не стесняет их национальных своеобразий. В отличие от торговли, взаимообмен в области культуры (не культурная экспансия, а именно добровольный взаимообмен культурными достижениями) всегда взаимовыгоден для его участников.

Расширительное толкование культуры позволило евразийцам поставить вопрос об "общеевразийском национализме" как идейной основе объединения народов Евразии[9] Но содержание "общеевразийского национализма", конечно же, не этнократическое, но, прежде всего, культурное. И если продолжить логику евразийских исканий, то и опыт исторического сосуществования народов России (каким бы драматичным он ни был) неизбежно имеет свой мощный культурный пласт, свой, так сказать, культурный "осадок", одинаково принадлежащий русской, башкирской, татарской и любой другой национальной культуре. Культурологическая концепция евразийства это, безусловно, тот важнейший компонент их учения, который позволяет гибко и конструктивно подходить к проблеме сближения и объединения наших народов, но который сегодня, к сожалению, идеологически и политически использован в наименьшей степени.

Выявленные нами оттенки в евразийской интерпретации понятий "нация", "регион", "культура", различные содержательные и смысловые их конфигурации призваны подчеркнуть одну важную, актуальную для нашего времени мысль: на разности объемов и проекций этих концептов, на их пересечениях и взаимных наложениях желательно строить сегодня и всю систему общежития народов России–Евразии, поскольку в этом случае любой случайный конфликт или разрыв по одной линии будет компенсироваться сохраняющейся общностью интересов по другой. Именно так формировалась чрезвычайно сложная ткань исторической жизни народов России, и понятно, что разорвать ее всегда будет дороже и опаснее (в силу непредсказуемых последствий такого разрыва), чем сохранить.

Теперь посмотрим, как соотносятся концепции евразийцев с реальной действительностью России XX века. Создание Союза Советских Социалистических республик в начале 1920-х годах было крупным шагом на пути демократического решения национального вопроса, но на практике равноправия не получилось. В условиях тоталитарного государства советские республики были подчинены диктату Кремля. В результате, с одной стороны, они получили крупные капиталовложения для развития своей экономики и культуры, что должно было отвечать общегосударственным интересам, а с другой стороны, ущемление национального достоинства стало питательной средой для нарастания недовольства со стороны быстро развивающихся местных элит. Парадокс заключался в том, что чем больше средств Москва вкладывала в развитие республик, тем дальше они отходили от нее, и, в конечном итоге, выйдя из состава СССР, разрушили его. Конечно, рассматриваемый процесс был на практике много сложнее, но нам достаточно ограничиться констатацией того, что большевистская идея права наций на самоопределение в условиях тоталитарного государства не оправдала себя и привела к его развалу, о чем предупреждали евразийцы.

Другая крайность произошла после распада СССР. В ходе либеральных реформ 1990-х годов, которые ознаменовались безудержной "суверенизацией" территорий Российской Федерации, призыв Президента "брать столько суверенитета, сколько

они могут проглотить" поставил национальные республики России в преимущественное положение перед "рядовыми" регионами, не имеющими национально-государственного статуса, и привел к противостоянию между этими группами субъектов Федерации. Особую остроту приобрел вопрос о масштабах налоговых отчислений в Федеральный бюджет. Региональные политики неоднократно поднимали вопрос о том, что эти отчисления должны быть одинаковыми для всех субъектов Федерации. Между тем, по утверждению, например, уральцев, Татарстан платил 14% своих доходов в федеральный бюджет, Башкортостан 26%, а Свердловская область 51%. Легко представить, в какие громадные суммы это выливалось. Коллизии подобного рода являлись питательной средой для противопоставления этнических и региональных интересов.

Регионально-политические и регионально-экономические проблемы постоянно взаимодействуют с этническими и культурными. Они тесно связаны и дополняют друг друга, составляя единое поле региональной политики. Попытаемся проследить их взаимодействие. В 1920-е годы в связи с национализацией земли автохтоны лишились собственности на хозяйственные угодья, а затем в ходе коллективизации собственности на основные средства производства. Политика огосударствления деформировала механизм традиционной культуры. Болезненными для традиционных культур явились меры по введению всеобщего обязательного среднего образования. Интернаты и неадаптированные к этническим культурам учебные программы нарушили механизм межпоколенной передачи опыта. Традиционные системы жизнеобеспечения коренных жителей были разрушены, что явилось причиной снижения адаптивных возможностей. В результате в 1960–1970-е годы резко сократился удельный вес (до 40%) трудоспособного населения Сибири, занятого в сфере традиционного хозяйства, составляющего основу этнокультурных комплексов. Продолжительность жизни коренного населения этого региона стала на 10–15 лет короче, чем в целом по стране. Следовательно, шел процесс "люмпенизации" и дезэтнизации северных народов[10]

Негативное влияние на автохтонов, так же как и на русское население, оказали геополитические акции, связанные с индуст-

риально-ресурсным, транспортным освоением северных территорий, отчуждением земель под нужды обороны и карательных ведомств (система ГУЛАГа и др.), что вызвало значительное сокращение площади хозяйственных угодий, нанесло ущерб биоресурсам, создало условия для неупорядоченных миграций новопоселенцев и утраты коренными жителями реальных прав владения и пользования исконными территориями.

Массовые политико-экономические кампании по созданию индустриальных и аграрных комплексов во вновь осваиваемых районах вызвали деформации местных этно-территориальных структур, появление в их среде иноэтнических анклавов, серию миграционных бумов. В ряде регионов сформировались совершенно новые этно-территориальные образования, не отличающиеся прочностью и стабильностью.

Все это требует целенаправленного и глубокого изучения, для чего необходимы специальные исследовательские процедуры. С этой целью еще в 1991 г. мы предложили в качестве объекта исследования культуру регионального сообщества[11] Культура в данном случае понимается как способ жизнедеятельности, а предмет ее исследования интерпретируется как процесс его развития в длительной исторической ретроспективе. В качестве выхода из создавшейся критической ситуации предлагается активизация культурологического фактора, под которым понимается деятельность лиц, играющих роль в производстве и распределении духовных ценностей, задающих образцы поведения в общественной жизни, определяющей содержание социальных институтов.

В связи с активным вхождением в научный и политический оборот понятия "единое экономическое, политическое, военно-стратегическое и экологическое пространство" встает вопрос и о единстве историко-культурного пространства. Он упирается в противоречивый характер формирования российской государственности, сочетающего в себе моменты единства и многообразия. Россия интегрировала в себя не только ряд относительно самодовлеющих локализованных этнических общностей, но и историко-географические ареалы, связанные цивилизационным комплексом отношений с иными мировыми культурными центрами, лежащими за пределами границ России. Для ряда ира-

ноязычных и тюркских народов подобными центрами историко-культурного тяготения является ближневосточное исламское общество. Некоторые народы Нижней Волги, Южной Сибири, Забайкалья принадлежат в историкокультурном отношении к центрально-азиатской ламаистской традиции. Надо реально смотреть на то, что это закладывает в межэтнические отношения синдром культурной (а в нынешней ситуации и политической) центробежности ряда территорий России.

В составе самого русского этноса, составляющего более 84% населения Российской Федерации, выделяются и более или менее самоидентифицируются различные этнокультурные сообщества, специфика которых определена исторически. Например, признаки обоих культурно-исторических общностей до сих пор сохраняют территории бывших казачьих "войск" Еще большей спецификой обладают национально-государственные образования, созданные на территории компактного проживания нерусскоязычных этносов. С "коренными" жителями себя идентифицируют всего 42% населения автономных республик и 21% населения автономных областей. Все это позволяет говорить о формировании в Российской Федерации ряда региональных историко-культурных комплексов. Они есть результат взаимодействия природно-климатических, этно-демографических, историко-генетических, социально-экономических, политических факторов. Совокупность культурно-региональных комплексов, которые в силу общности исторических судеб и длительного взаимодействия обладают устойчивыми этно - демографическими связями, а социальные институты, общественное сознание, культура труда и быта их населения имеют сходные черты, и составляет единое историко-культурное пространство, создающее препятствие на пути деструктивных процессов в политической сфере. Под воздействием внешних факторов и внутренних особенностей развития его характерные черты, структура и границы подвержены изменениям. Более того, при стечении неблагоприятных обстоятельств историко-культурное пространство может распасться, о чем предупреждали евразийцы.

При таком подходе признание реальности единого историко-культурного пространства России зависит от того, в каком соответствии находятся между собой факторы дифференциации и

историко-культурного единства. В недавнее время оно связывалось не столько с процессом реального духовного сближения народов, сколько с их взаимодействием в единых политических границах, т. е. с государственным принципом. К чему это привело, хорошо известно. Поэтому задача заключается в том, чтобы основательно изучить эти процессы и целенаправленно на них воздействовать, учитывая предложения евразийцев.

"Природа евразийского мира, по утверждению П.Н. Савицкого, минимально благоприятна для разного рода "сепаратизмов", будь то политических, культурных или экономических. Недаром над Евразией веет дух своеобразного "братства народов", имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различных рас от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-манжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это "братство народов" выражается в том, что здесь нет противоположных "высших" и "низших" рас, что взаимное притяжение здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко прослеживается воля к общему делу"[12] Эта оценка как никогда актуальна и принципиально важна сегодня. Она концентрирует исторический опыт многих веков, подчеркивает исторически преходящий характер последнего десятилетия и вселяет надежду на единство народов Евразии в обозримом будущем.

Примечания

1. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы. М., 1999. С. 257.
2. Панарин А.С. Западники и евразийцы // Общественные науки и современность. 1993. № 6. — С. 61.
3. Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Политическая история русской эмиграции. С. 267–268.
4. Степанов И. Белые, красные и евразийство. Брюссель, 1927. С. 10.
5. Алексеев Н.Н. На путях к будущей России. (Советский строй и его политические возможности). Париж, 1921. С. 73–74.
6. Никитин Д.Н. Национальный вопрос в СССР в литературе русского зарубежья. 1920–1930-е годы // Вестник московского университета. 1996. № 4. (История). С. 7–8.
7. Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 74.
8. Евразийство (Опыт систематического изложения). Париж, 1926. С. 28.

9. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 417–427.
10. Перспективы социокультурного развития Российского Севера. Екатеринбург, 1992. С. 52–53.
11. См. подробнее: Алексеев В.В., Артемов Е.Т., Дубнов А.П. Исторический опыт развития национально-территориальных образований: культурологический аспект. Свердловск, 1991.
12. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М, 1997. С. 513–514.

Евразийство: проблемы осмысления. По итогам международной научной конференции 14–15 сентября. 2000 г. Уфа, 2002. С. 121–131

Введение к монографии "Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике"

Столетие назад выдающийся русский историк В.О. Ключевский, характеризуя исходный базис русской истории, поставил сакраментальный вопрос: "Сколько Азии в Европейской России"[1], на который историческая наука до сих пор не дала внятного и полного ответа. Со временем он трансформировался в проблему исторической взаимосвязи развития двух составных частей Российского государства – Европейской и Азиатской. В самом деле, как и насколько глубоко повлияла Азиатская Россия на развитие европейской части страны, на всю российскую историю, в какой степени она определяет перспективы России в XXI в.?

В условиях децентрализации постсоветского политического пространства в начале 1990-х годов экономическая и социальная ситуация на востоке страны предельно обострилась, и инерция

этих негативных тенденций дает о себе знать вплоть до настоящего времени. Рыночные реформы 1990-х годов поставили в чрезвычайно тяжелое положение, прежде всего, отдаленные восточные и северные районы страны, которым трудно выживать без достаточной государственной поддержки при колоссальном росте транспортных затрат. Только за 1990–1994 гг. железнодорожные тарифы в стране выросли в 5 тыс. раз, усугубляя изоляцию восточных окраин от Европейской России.

Между тем после распада СССР и утраты Россией благоприятных для жизни человека южных районов основное "жизненное пространство" страны как бы сдвинулось на северо-восток. Ныне районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, устойчиво расширяющиеся по мере движения на восток, составляют 70% территории государства. Они катастрофически быстро теряют свое население. По некоторым оценкам, за 1990-е годы "самые азиатские" части России – Восточная Сибирь и Дальний Восток – покинули более 1 млн. человек. Урал и Западная Сибирь в эти годы получили небольшой приток населения только за счет его убыли в еще более восточных регионах и миграции из стран СНГ[2] Если учесть и без того слабую заселенность регионов Азиатской России, то станет очевидной сложившаяся здесь критическая демографическая ситуация, которая сама является чутким индикатором общего экономического и социального неблагополучия. Населенная территория страны продолжает сжиматься в западном направлении.

В связи с этим сегодня со всей остротой встает вопрос о судьбе Азиатской части России. Существует немало влияющих на "траекторию" этой судьбы сложных вопросов, на которые затрудняются дать ответ экономисты и политологи, привлекаемые в настоящее время к разработке моделей будущей стратегии участия России в экономических и политических процессах Азиатско-Тихоокеанского региона — региона, имеющего, по общему признанию, большие перспективы в XXI в. Во многом это связано с тем, что стремление заглянуть в ближайшее будущее недостаточно опирается на исторический подтекст современных проблем, на сложившиеся стереотипы и модели восприятия Азиатско-Тихоокеанского региона в России и самой России в странах Восточной Азии. Столь же мало осмыслены пока что

и исторические уроки, касающиеся опыта позиционирования Российского государства в своих азиатских владениях, приобретенных, по историческим меркам, не столь уж давно.

А вопросы эти сегодня должны формулироваться предельно остро: готова ли интеллектуальная и политическая элита России в действительности (на уровне традиционного сознания, внутренней убежденности, а не на словах) признать Азиатскую Россию родиной россиян? Легко отказавшись от Украины, четыре столетия входившей в состав Российского государства, не продемонстрировала ли она готовность легко согласиться с теми, кто считает, что не только дальневосточное побережье, но и Сибирь для России – это "чужая земля", "осколок" российско-советской колониальной империи и слишком тяжкая ноша для государства, стремящегося вернуться в респектабельное сообщество европейских государств? Что, помимо абстрактных экономических расчетов, неоформленных политических амбиций и смутно проецируемых национальных интересов, может служить для России стимулом в борьбе за ее признание "своей" в Центральной и Восточной Азии, на берегах Тихого океана?

Эти вопросы далеко не праздны и впрямую касаются дальнейшей судьбы Российского государства. В 1990-е годы, как идейная капитуляция перед тенденциями кризиса и территориального распада, настойчиво раздавались голоса о необходимости "сжатия" эффективно используемого пространства страны. Вот один из них: "Мы отдаем нашим необъятным просторам больше, чем мы получаем от них, они как бы высасывают соки из организма страны, постоянно подталкивая ее на путь экстенсивного развития. И если бы за Уралом плескался океан, то, скорее всего, Россия уже давно была бы полноправным членом сообщества цивилизованных стран"[3] Конечно, в условиях системного кризиса трудно обеспечить достойную жизнь российским гражданам на "задворках" бывшей империи. Но и бросать их в волны разбушевавшейся стихии нельзя. В противном случае эти волны вскоре докатятся до исторических границ Московского княжества.

Где же выход? Разумеется, он лежит в оптимизации использования нашего огромного пространства. И здесь встает первостепенный вопрос: как им распоряжались в исторической ретро-

спективе, что государство от этого приобретало, а что теряло, каков баланс побед и поражений? Только получив объективный ответ на данные вопросы, мы сможем правильно определить перспективу. Следовательно, задача заключается в том, чтобы проанализировать исторический опыт освоения и развития Азиатской России в геополитической и цивилизационной динамике.

Первым же условием такого анализа должно стать определение самого концепта "Азиатская Россия" Несмотря на известный "географизм" этого понятия (в основе которого привычное, во многом формализованное, деление территории страны на Европу и Азию), за ним, на наш взгляд, стоит вполне определенное и значимое историческое содержание.

Прежде всего Азиатская Россия представляет для Российского государства такой же "Новый Свет", каким для европейских держав являлась Америка. Во многом открытие Америки и покорение Урала и Сибири синхронизированы и качественно сходны, как процессы, принадлежащие эпохе Великих географических открытий и расцвета международной торговли (так называемая первая глобализация). Утвердившийся и здесь, и там переселенческий характер колонизации не вызывает сомнений. Граница между "Старым" и "Новым" Светом России определяется достаточно точно. Течение Волги и Русский Север – это территории если не русские изначально, то входившие в круг известных земель и "царств", с которыми Российское государство имело тесные, давние и политически непростые исторические связи. Но уже строгановское Приуралье и Югра представляют собой нечто другое: это, как правило, редко населенные, в государственном отношении практически не оформленные "пустые земли", а само русское продвижение на эти земли во многом являлось "выходом в неизвестность"

Специфика Азиатской России в этом отношении выясняется относительно просто: это вся сумма видоизменений, которые претерпевает русская культурно-цивилизационная "матрица" в процессе колонизации под влиянием новой природно-географической среды, новых хозяйственных возможностей и новых исторических задач. Сохраняющийся русский характер освоения Азиатской России не подлежит сомнению, и в этом отношении она, будучи продуктом исторического "исхода" из

Европейской России, оказывала на последнюю обратное влияние – геополитическое, экономическое, культурное. Это влияние следует рассматривать не как внешний фактор, но как момент внутренней трансформации.

Однако отличие освоения Азиатской России от освоения Америки заключается в том, что на всем протяжении от Урала до Тихого океана русская колонизация "новых" земель территориально очень плотно сопрягалась с ареалами влияния других цивилизаций Старого Света, которые также осуществляли экспансию на территорию сибирского "Нового Света" Отсюда переплетение задач освоения и заселения Азиатской России с задачами военной обороны и геополитики. Русская колонизация на территории Азиатской России, если не уничтожала и не вытесняла "анклавы" влияния других цивилизаций, то, несомненно, подчиняла, интегрировала или ассимилировала их, утверждая при этом отчетливую доминанту русско-православной культурно-цивилизационной идентичности.

Таким образом, южная граница Азиатской России определяется в этом контексте достаточно четко: это граница между областью бесспорного демографического, социально - экономического и культурного преобладания русского населения и теми областями, где русская экспансия не смогла изменить фундаментально основы экономики, культуры и быта коренного населения (Казахстан и Средняя Азия). Последние сохранили свои исходные культурно-цивилизационные параметры.

Отвечая на вопрос о том, что специфически "азиатского" несет в себе исторический опыт Азиатской России, можно констатировать следующее. Азиатскую Россию можно было бы считать механически перенесенным в Азию "слепком" России Европейской, если бы освоение восточных регионов сопровождалось полным вытеснением антагонистически "чуждых" ей цивилизационных начал и неспособностью найти способы конструктивного взаимодействия с ними, как это имело место в Северной Америке. Тогда мы имели бы классическую модель европейской колонизации со свойственным ей высокомерием "европоцентризма"

Азиатская же Россия дает нам несколько другой, адаптивно более гибкий и конструктивный вариант взаимодействия с ази-

атскими цивилизациями, при котором она более или менее успешно принимает в себя многообразные влияния Востока, но "переформатирует" и синтезирует их в соответствии с исходной культурно-цивилизационной доминантой. В этом отношении опыт развития Азиатской России имеет целый ряд замечательных совпадений с формированием столь же "симбиотической" по своему происхождению иберо-американской цивилизации.

В понятие "Азиатская Россия" изначально вкладывается более емкий и содержательный смысл, чем допускает анализ исторического развития этой части России в разрезе отдельных составляющих ее фрагментов-регионов: Урала, Сибири и Дальнего Востока. В последнем случае, следуя традициям русской "государственной" школы историографии XIX в. (как и ее советских "модификаций"), указанные регионы могут и неизбежно будут рассматриваться лишь как пространственные и ресурсно-силовые факторы "прирастания" российского могущества (и прежде, и теперь отождествляемого главным образом со "столичным" сегментом национального развития и политическим азимутом европеизма). Во всемирно-историческом масштабе, при обращении к "соразмерным" этому видению исторического процесса концепциям, данная "точка отсчета" практически не изменяется: восточные регионы России по-прежнему будут осмысливаться как этапы или вехи экспансии европейской цивилизации (пусть даже в "перекодированном" русском варианте) на мировую периферию. Преодоление сложившегося стереотипа, вероятно, возможно на путях не столько отдельных историографических уточнений, сколько основательной историософской инверсии всего российского исторического опыта.

Речь идет о принципиально новом, глубоком историософском переосмыслении одной из двух относительно самостоятельных сущностей исторической России, участвовавших в формировании того оригинального цивилизационного феномена, который описывается в терминах так называемой евразийской идентичности" В работах "евразийцев" 1920–1930-х годов были сделаны лишь первые, во многом полемически поспешные, попытки "открыть" и полноценно, на равноправных основаниях, ввести в русскую историю азиатскую тему во всем ее интегральном значении. Как жесткая геополитическая и социо-

культурная антитеза западнической, "европейско петербургской" концепции истории России, это "азийство" либо выливалось в изощренную, почти модернистскую, игру в восточные мотивы и реминисценции, либо страдало искусственным "симфоническим" синтетизмом (вроде идеи об органическом "славяно-тюркском" симбиозе, о северном тюркском исламе как "потенциальном" православии и т.п.).

В XX в. в историографии – причем западной, а не русско-советской — были сделаны попытки радикально переосмыслить доминирующую историческую схему развития Азиатской России, применив к российским реалиям разработанную Ф. Тернером концепцию "фронтира" (А. Лобанов-Ростовский, Д. Даллин, А. Малоземофф, В. Вусинич, М. Хаунер, М. Бэссин и другие)[4] Концептуальная новизна подхода заключалась, прежде всего, в двух аспектах: во-первых, в рассмотрении Азиатской России как самостоятельного центра "кристаллизации" российской исторической жизни, воспроизведенного не столько "московско-петербургскими" замыслами и стратегиями, сколько принципиально новым – азиатским – природным, этническим, геополитическим и цивилизационным окружением континентального масштаба; во-вторых, в попытке исследования того, как уралосибирский "фронтир" инверсивно (возвратным образом) воздействовал на российское общество и его институты, на культурно-психологический склад россиянина, на национальные цели и приоритеты. Метафорически этот взгляд предполагает, что российская цивилизация, ее сущностные свойства формировались в пространстве пересекающихся геополитических импульсов и культурно-цивилизационных иррадиации, исходящих от двух обращенных друг к другу исторических "зеркал" — европейского и азиатского.

Разумеется, такой подход далеко не прост. С нашей точки зрения, существует несколько порогов, которые необходимо преодолеть исследователю для того, чтобы по-новому взглянуть на историческую роль азиатских владений России – как их необходимо преодолеть и самой России для того, чтобы считаться не только европейской, но и полноценной восточноазиатской и тихоокеанской державой. В значительной степени эти пороги — интеллектуально-психологического и культурно - цивилизаци-

онного, а не географического, политического или экономического свойства. И корни их — в исторических традициях, инерции исторического мировосприятия, культурных стереотипах нашего общества.

Новый взгляд на второй, азиатский, исторический лик России требует аналитически тонкой и концептуально осмысленной сепарации исторических тенденций, событий и фактов, помещения их в совершенно иные, чем прежде, контексты и структурные построения. И если за европейски-ориентированными концептуализациями российской истории сегодня стоит вся мощь сложившегося историографического стереотипа, то азиатски-центрированная "программа" исследований угадывалась до сих пор лишь в общих очертаниях – в большей степени в широком спектре общественных и литературно-публицистических опытов (расколоучители, сектанты, местные историки, общественные деятели областнического направления, просвещенная часть местной бюрократической элиты и торгово-промышленных кругов, "евразийцы" и другие), чем в регулярном потоке исторических исследований.

Есть здесь трудности и другого порядка. Известно, что на Тихом океане Россия вела себя исключительно как "великая держава" с глобальными, но не региональными интересами и сознательно не использовала преимущества своего регионального положения. Азиатские владения России в основном воспринимались и эксплуатировались в режиме избирательного освоения отдельных провиденциально богатых источников сырьевых ресурсов или в виде передового стратегического форпоста, держащего оборону перед лицом таинственной, неведомой Азии. Использовать их иначе означало ставить во главу угла своей политики регионализм, т.е. видоизменение основных функций и задач государственного управления сообразно особенностям азиатского геополитического и цивилизационного контекста, что неизбежно влекло бы за собой предоставление определенной степени самостоятельности (главным образом экономической) сибирским и дальневосточным областям. А это зачастую рассматривалось как смертельная угроза централизованной структуре управления, неважно — в XVIII, XIX или XX вв. Но не становятся ли в этих условиях отраженные в исто-

рии темы и сюжеты, связанные с подъемом регионализма восточных окраин, более ценными в их современном, эвристическом звучании, пусть даже в виде слабых ростков самосознания и исторических альтернатив?

Политика России в Азии и особенно на Тихом океане всегда была предметом критики как в самой России, так и за ее пределами. Существует широко распространенное мнение, что, за исключением очень коротких отрезков истории, Россия в основном пренебрегала Азией и азиатским направлением в политике, отчего и в самой Азии ей платили тем же. Объяснений тому существует много, начиная с географической отдаленности территорий и кончая традиционным европоцентризмом русских. Как, например, констатировал крупнейший американский специалист по истории российского Дальнего Востока Дж. Стефэн, "Азия традиционно занимала низкое место в иерархии российской внешней политики. Действительно, монголы привлекали главное внимание в средневековых Киеве и Москве, но с XVI века азиатская угроза была погребена волнами успешной экспансии на восток и юг. Европа стала главным военным, политическим и экономическим приоритетом в российской политике, который в последние четыре столетия постоянно поддерживался вызовами со стороны Польши, Швеции, Франции и Германии"[5]

Можно доказывать, что и в дальнейшем исторические ситуации складывались так, что Россия действовала на азиатских направлениях и на Тихом океане в основном в пассивном режиме (т.е. не столько отстаивая свои интересы в Азии, сколько реагируя на внешние импульсы и угрозы интересам Европейской России, исходившие из Азии). В этой связи встает ряд вопросов. Какова же все-таки функциональная роль азиатских территорий России в развитии мировой цивилизации? Мифический "мост" между Европой и Азией, о котором грезят экономисты и политики? Буфер между цивилизациями? Демпфер для смягчения китайской экспансии на запад? Способна ли Россия переключиться на режим активного поиска своего места в Азиатско-Тихоокеанском регионе как "евразийской" державы, и есть ли к тому исторические основания?

Разумеется, при всех критическим выпадах (даже вполне оправданных), азиатскую сцену русской истории нельзя считать

только бледным отражением европейской и отрицать за ней всякое влияние на корневые основы российского цивилизационного типа. Например, уже исторический по своему значению переход русской цивилизации за Урал в 80-е годы XVI в. положил начало не только тому, что мы называем сегодня Азиатской Россией, но и глубокой трансформации сложившегося за предшествующие два столетия русского государственного типа — переходу от национального государства европейской периферии к "евразийской" многонациональной империи, строительство которой в основных чертах завершилось при Петре I. По-видимому, данный факт нельзя упрощенно сводить к географическим изменениям государственной территории и этнического состава страны – он оказал влияние на весь культурно-политический и социальный строй России. Можно сказать, что переваливший через Уральский хребет русский колонизационный поток одновременно открыл процесс трансляции определенных социокультурных моделей и установок в обратном направлении — уже с восточных окраин в Европейскую Россию.

Геополитически также было бы не вполне верным рассматривать зарождение Азиатской России исключительно в категориях формирования ресурсного тыла, подкреплявшего базисную архитектонику европейской внешней политики России. Первичным фактом относительно оформления основных векторов европейской политики России следует, по-видимому, считать ту новую интегральную геополитическую конфигурацию силы, в которую Азиатская Россия – по крайней мере с эпохи Петра I до эпохи Сталина – вписывалась не только ресурсно-силовым дополнением, но и стратегически важным соединительным звеном.

Проблемный ракурс, связанный с выявлением многоаспектного вклада Азиатской России в могущество нашей страны, возможен, на наш взгляд, только при соблюдении двух основополагающих условий.

Во-первых, он связан с постановкой в центр исторической субъектности (а следовательно, и исследовательской "точки отсчета") именно Азиатской России, а не России в целом, и, коль скоро такая достаточно выраженная субъектность будет обнаружена, с прорисовкой из этого центра основных геополитиче-

ских и культурно-цивилизационных проекций и векторов влияния, распространяющихся не только на российскую историческую сцену, но и на мировую (Значение данных проекций — как внутринациональных, так и внешних, — с точки зрения жизненно важных основ существования самой Азиатской России, может вполне уравновешиваться и даже обретать обратные соотношения). История Азиатской России не менее богата неповторимыми, яркими событиями, чем история России Европейской. На протяжении последних полутора столетий Урал, Сибирь и Дальний Восток были для России и зоной перманентно повышенной политической конфликтности, и ареалом интенсивного культурно-цивилизационного взаимодействия, и ареной противостояния, полигоном идеологических войн и конфликтов, исключительно уязвимой – с военно-политической и экономической точек зрения — территорией, а в силу этого — зоной, безусловно, одностороннего, но стратегически важного для страны экономического развития, нестабильного и мигрирующего, но, безусловно, социально-активного и патриотично настроенного населения, затратной и постоянно проблемной, но необходимой для России территорией.

История Азиатской России – величина, несомненно, амбивалентная. Соседство и периодическое обострение враждебных отношений с такими державами, как Китай, Япония, США, сложности с поддержанием контроля над территориями Центральной Азии ставили на первое место для России, а потом и СССР задачи защиты его политических и экономических границ. В условиях превращения СССР в "осажденный военный лагерь" Азиатская Россия фактически стали хорошо укрепленным оборонительным рубежом и территорией с повышенным уровнем милитаризации экономики и всей жизни, а дальневосточные границы — еще и зоной перманентной политической конфликтности. В советское время Дальний Восток стал и ареной идеологических войн и конфликтов (против "японского милитаризма", "китайского экспансионизма", "американского империализма"). Каждый из этих шаблонов нес не только идеологическую, но и определенную этнокультурную нагрузку. Хотя в то же самое время территории Сибири воспринимались в национальном самосознании как территории с более высоким

уровнем личной свободы и меньшими бюрократическими препонами, а особый статус того же самого Дальнего Востока как морских ворот СССР придавал ему функцию своеобразного информационного канала, впускного клапана, через который шла передача "западной идеологии", разрушавшей устои тоталитарного государства.

Вся тонкость нового концептуального подхода к анализу истории Азиатской России заключается как раз в возможностях выявления неявного, скрытого, существовавшего в виде устойчивых, но недостаточно сильных по своей энергетике тенденций. Исторический опыт убеждает нас, что реальность этих процессов и влияний, превращавших Азиатскую Россию в самостоятельный центр исторической активности русских людей, должна определяться не только и не столько в количественных параметрах силы, сколько в категориях исторической инициативы, и не столько, может быть, в санкционированных Петербургом или Москвой приращениях имперской территории, сколько в создании совершенно новых региональных "миров" (от мистического Беловодья до экзотической маньчжурской "Желто-России" и Русской Америки) и перспективных геополитических проектов.

Во-вторых, очевидно, что предлагаемая концепция исследования принципиально реализуема только при целостном ретроспективном взгляде на историю Азиатской России в протяженности нескольких столетий. Здесь геополитическому масштабу охвата событий и сюжетов, мышлению категориями континентов и океанов, наилучшим образом соответствуют исключительно продуктивные импликации броделевской концепции "длительного времени" (longue duree), открывающей простор для многоаспектного структурного анализа. Только при таком масштабном взгляде возможно выявление исторических ритмов развития Азиатской России, которые, как показывает даже первое, беглое обозрение тенденций и событий, существенно разнились с общероссийскими (особенно на исходе XIX – начале XX в.), в ряде случаев опережали их, подчас в большей степени сближая Азиатскую Россию с окружающей ее Азией, чем с собственно "коренной" Россией. Вместе с тем, историческая ретроспектива — это, вероятно, единственное вполне специфическое

историческое "пространство", в котором исследователь может двигаться максимально свободно, закономерно переходя к рассмотрению перспективы.

На примере Азиатской России можно обнаружить, что даже при доминировании отчуждения и конфликтности история продвижения России "встречь солнца" имела и замечательные образцы глубокого понимания Востока и теснейшего вхождения в контекст азиатских реалий. Раннее историческое развитие восточноазиатских и европейских цивилизаций шло по принципиально разным путям. Это было осознано уже при первых достаточно тесных контактах Китая, Японии и Кореи с морскими державами Европы на прибрежных территориях и с Россией на севере в XVI–XVII вв. Следствием этих контактов стала самоизоляция конфуцианских стран, что можно считать их неосознанной реакцией на угрозу подрыва устоев собственных цивилизаций. Однако последние полтора столетия – с 40-х годов XIX в. до 90-х годов XX в. – в Восточной Азии прошли под знаком не столько цивилизационного, сколько политического и идеологического противостояния, и лишь окончание "холодной войны", новые веяния в мировой политике вновь вывели на передний план старые (и извечные) ценностные ориентиры.

Беспрецедентным историческим феноменом во всем восточно-азиатском регионе во второй половине XX в. стало смешение западной и восточной культур. Происходило оно на основе мощного экономического спурта, предпринятого странами Восточной Азии в 1970–1980-х годах, сближения уровней технологического развития и усиления экономической взаимозависимости стран различных частей света. Его составляющими стали: влияние политической (идеи демократии) и отчасти духовной ("массовой") культуры Запада, с одной стороны, и восприятие последним элементов духовных ценностей, личностных и общественных ориентиров стран Восточной Азии, с другой. Наибольший интерес Запада вызывает высокая степень социальной стабильности и организованности восточноазиатских обществ.

Взаимодействие цивилизаций всегда происходит очень трудно. По мнению С. Хантингтона, предрекающего не их слияние, а столкновение, экономический регионализм может быть успешным лишь в том случае, если он проистекает из общей цивили-

зации. Поэтому, например, определенные проблемы с созданием экономической общности в Восточной Азии возникают не только у Австралии, как типично западного по происхождению общества, но и у Японии, представляющей уникальную, но все же в основе азиатскую цивилизацию[6] Культурные отличия Японии не только от Европы, США и России, но и от других восточноазиатских стран препятствуют региональной экономической интеграции, подобной той, что сложилась в границах Европейского Союза как выразителя европейской цивилизационной общности.

Однако в истории были и периоды тесного взаимодействия славянской и восточноазиатской культур, которые охватывает всего лишь полтора столетия (с середины XIX в.). Первый период (до середины 30-х годов XX в.) был открыт для широких межэтнических и межцивилизационных контактов. Зоной наиболее тесного взаимодействия стали Северо-Восточный Китай и российский Дальний Восток. Тогда обнаружилась очень слабая адаптивность народов региона друг к другу, однако это не становилось непреодолимым препятствием к общению народов и цивилизаций. В период перед Первой мировой войной зона китайской трудовой иммиграции в Россию простиралась до Урала, а русские экономические инициативы совершенно определенно запечатлели себя в истории Маньчжурии. Во второй период "дистанционного" взаимодействия (40–80-е годы XX в.) контакты между двумя цивилизациями поддерживались преимущественно на уровне межгосударственных связей и регулировались политическими и идеологическими мотивами. С начала 1990-х годов вновь возникли возможности для прямого межкультурного обмена, однако стереотипы предшествующего периода конфронтации, накладываясь на объективно существующие этнокультурные различия между народами, оказывают сильное влияние на всех его участников.

Особенно явственно культурно-цивилизационные отличия соседних народов проявились в процессе их взаимодействия в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России и вылились в постоянно присутствующий в умах его славянского населения и бюрократии синдром "желтой опасности", по сегодняшний день

существенно влияющий на взаимоотношения с соседями как на региональном, так и на межгосударственном уровнях.

По мнению многочисленных экспертов, с культурно-цивилизационной точки зрения Россия сегодня мало что может предложить для того, чтобы быть принятой в Восточной Азии. Православное христианство может сосуществовать и взаимодействовать с конфуцианством, буддизмом, даосизмом, синтоизмом, но не более того. России трудно вписаться в общество, где более всего ценятся рабочая этика и деловая квалификация, стабильность и социальная гармония, приверженностью которым россияне никогда не отличались. И хотя в России так же, как и на большей части территории Азии, существует глубокая традиция уважения сильного правительства и общественного порядка, а в социально-психологическом плане, как считают некоторые исследователи, рассматривающие проблему со стороны, японский внутрифирменный коллективизм россиянам ближе, чем европейский либеральный индивидуализм[7], попытки зарезервировать за россиянами право быть "азиатами" (с чем могла бы согласиться цивилизованная Европа) всегда будут восприниматься в Азии как искусственные и недобросовестные (вроде конъюнктурной попытки атамана Семенова отделить сибиряков от русских, объявив их "азиатами").

Одного только наличия общих черт, конечно, недостаточно, чтобы преодолеть барьеры, отделяющие Россию от Азии. Тем более что сама Азия сегодня уже не настроена на восприятие ценностей славянской цивилизации. Более 100 лет назад в Японии Россия была отнесена не к цивилизованным, как США или Голландия, а к просвещенным (наряду с Италией и Португалией) странам, которым не должно подражать. Сегодня говорят о перспективах создания новой азиатско-тихоокеанской цивилизации на основе сочетания ценностей китайской и индокитайской цивилизаций с японской и американской. О славянской вновь не вспоминают, и это очень тревожно. Обращение к позитивному историческому опыту взаимодействия славяно-русской цивилизации с Востоком в этих условиях становится исключительно важным.

Сегодня тот разрыв (если не сказать "вакуум" перспективы), который образуется между степенью государственного безраз-

личия к интересам населения Азиатской России и предсказываемым "контрнаступлением" восточноазиатских цивилизационных моделей прогресса в XXI в., может рассматриваться как одна из самых серьезных геополитических угроз если не государственному существованию России, то, по крайней мере, ее позициям в Азии и на Тихом океане. Это незримо, но властно диктует необходимость формирования той особой "системы координат", той самостоятельной "точки отсчета", в которой Азиатская Россия может черпать свое собственное достоинство и жизнеспособную философию развития.

Теоретико-методологические подходы к исследованию истории Азиатской России в таком новом прочтении смыслов заложены уже в самой формулировке проблемы. Предстоит соотнести пространственные и цивилизационные координаты в длительной исторической ретроспективе, или динамике. Геополитика позволит осмыслить взаимодействие человека и пространства, географические, межэтнические и межгосударственные аспекты анализируемого объекта, его управляемость, а цивилизационный критерий даст возможность проследить сменяемость господствующих культурных парадигм (в самом широком смысле этого слова), их взаимодействие в процессе исторического развития. Особого внимания требует тема модернизации, под которой понимается переход от традиционного (аграрного) к современному (индустриальному) обществу. Существенная часть обозначенных выше хронологических рамок приходится именно на этот модернизационный переход, который в значительной степени определяет нынешнее состояние изучаемого объекта и позволяет делать вывод о его соответствии мировым стандартам нашего времени, что принципиально важно для определения перспектив дальнейшего развития.

С окончанием холодной войны и открытием российских границ напряженность в отношениях с соседними странами заметно спала, но стратегическая значимость восточных рубежей для России возросла по причине потери ею части южных и западных выходов к океану. Кроме того, на сегодняшний день окончательно не разрешены пограничные споры России с Китаем (острова на Амуре) и Японией (Курильские острова), возможна реанимация претензий на юг Приморья со стороны объединен-

ной Кореи, много "подводных камней" таят в себе проблемы шельфа и морских экономических зон. В свете трудных вопросов, которые ставит новое геополитическое положение страны, значение территорий Азиатской России для судеб страны становится во многом определяющим, учитывая и перспективы международной экономической кооперации в потенциально самом богатом на Земле Азиатско-Тихоокеанском регионе, и роль сибирских и дальневосточных ресурсов в поддержании российской экономики и государственного бюджета. Но есть и благоприятные шансы на успех нового "восточного азимута" современной российской политики: овладев в свое время Тихоокеанским побережьем, Россия стала единственным европейским государством, имеющим общую границу с восточноазиатскими цивилизациями, обширную естественно-географическую зону прямых контактов.

Такой подход к интерпретации феномена Азиатской России был заявлен нами в конце прошлого века[8] Теперь наступило время его реализации.

Примечания

1. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. I: Курс русской истории. Ч. I. М., 1987. С. 65.
2. Исследования и подготовка программных мероприятий и нормативно-правовых актов по социально-экономическому развитию регионов, расположенных в пределах прохождения железнодорожных транспортных магистралей Сибири и Дальнего Востока. Этап 2 / Центр проблем интеграции. М., 2001. С. 16.
3. См.: Трейвиш А., Шупер В. Теоретическая география, геополитика и будущее // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 23–33.
4. См.: Lobanov-Rostovsky A. Russia and Asia. N. Y., 1933; Dallin D.J. The Rise of Russia in Asia. New Haven, 1949; Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy, 1881–1904: with Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. Berkeley, 1958; Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples. / Ed. W.S. Wucinich. Stanford, 1972; Hauner M. What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. Boston, 1990; Bassin M. Visions of Empire: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, 1999; etc.

5. Stefan J.J. Asia in the Soviet Conception // Soviet Policy in East Asia / Ed. D.S. Zagoria. New Haven; London, 1982. P. 37.
6. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y., 1996. P. 133, 152–153.
7. Zigler Ch.E. Russia in the Asia–Pacific. A Major Power or Minor Participant? // Asian Survey. 1994. June. Vol. XXXIV. № 6. P. 543.
8. Алексеев В.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. Постановка проблемы // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1998. № 3. С. 63–66.

Публикуется впервые

Заключение к монографии "Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике"

При рассмотрении исторического развития Азиатской России анализ ее основной проблематики в категориях геополитики и цивилизационной теории является в высшей степени уместным и продуктивным, поскольку анализ этот касается коренных предпосылок и условий национально-государственного развития России. Исторически это обусловлено прежде всего огромным – и все более нараставшим по мере расширения государственной территории России – значением пространственно-географических зависимостей в определении динамики экономического, социального, политического и духовно-культурного развития страны. При этом в отличие от государств Запада, чье самоопределение в качестве геополитических "центров силы" принимало форму строительства обширных заморских империй, в истории России доминирующим фактом геополитики является географическая связность национально-государственной территории, отсутствие глубоких, четко выраженных культурно-исторических различий между метрополией и колонией. Поэтому для России геополитика исторически служила не только средством укрепления ее мировых позиций, но и – что самое главное – способом нацио-

нального бытия. Если для государств Запада имперская фаза развития осмысливается в русле формирования фундирующих внешнюю политику геополитических "ансамблей", то в России имперская система воспроизводила сам национально - государственный организм. Даже при гипотетическом обсуждении возможных альтернатив развития России невозможно отвлечься от фундаментального факта целостности и качественной определенности ее территории. Невозможно обсуждать вопрос о том, чем могла бы быть Россия, если бы ее национально-государственная территория замыкалась Уральскими горами, поскольку исторический путь России, как и сама возможность ее государственного существования, ее влияние на мировые процессы, неразрывно связаны с ее выходом на просторы Азии, с ее продолжением в Азии, достигающим берегов Тихого океана.

Формирующаяся с конца XVI в. Азиатская Россия неизменно обеспечивала ту сумму условий, которая позволила Российскому государству укреплять свою экономику и государственность, свои позиции в международной торговле и политике не только на самом Азиатском континенте, но и в Европе. Не остается сомнений, что именно освоение азиатских территорий позволило Московской Руси в XVI—XVII вв. не оказаться вытесненной на периферию исторического развития, более того, приобрести такой мощный резерв развития, как включение в систему торговых взаимодействий между Западом и Востоком — систему, которая в универсальном мировом измерении по праву считается важнейшим импульсом модернизации. Созданные на Урале и в Сибири очаги развития горно-металлургической промышленности позволили осуществить петровскую модернизацию и обеспечить победу в Северной войне, фундаментально изменившей европейские позиции России. Самое существенное, пожалуй, состоит в том, что движение России в Азию не может рассматриваться ни как цепь произвольных решений, ни как стихийное "расползание" национальной территории: геополитический анализ ранних этапов русской колонизации Урала, Сибири и Дальнего Востока ясно показывает, что имела место довольно серьезная конкуренция между различными геополитиче-

скими "центрами силы" за обладание таким внушительным территориально-экономическим ресурсом, каким являлась на рубеже нового времени Северная Азия.

Важность геополитического осмысления истории Азиатской России определяется также тем, что само историческое существование России как государства демонстрировало на всех этапах фактическое слияние задач хозяйственного развития с задачами обеспечения стратегической обороны. Ресурсные источники и импульсы экономической модернизации, которые обеспечивали России движение в Азию, невозможно анализировать в отрыве от стремления открытой со всех сторон света страны к достижению геополитически безопасных рубежей. Значительные сегменты развертывания и продолжения русской экспансии в Азии в XVIII–XIX вв. следует рассматривать сквозь призму этих закономерностей. Достижение геополитического оптимума территории становилось в этом случае условием и гарантией стабильности социально-экономического развития, хотя его поддержание накладывало и ощутимое бремя на экономику страны. Именно на это "равновесие" факторов экономики и геополитики необходимо, как нам думается, опираться при оценке исторических достижений и просчетов России на всех этапах ее развития, а также при характеристике специфики русского "фронтира" в Азии, который базировался не столько на уничтожении или вытеснении иноэтничных хозяйственно-культурных комплексов, сколько на их интеграции в экономику страны в соответствии с единым административно-политическим проектом.

На рубеже XIX–XX вв., в рамках так называемой второй глобализации, геополитическое измерение истории Азиатской России фокусируется на проблеме размещения производительных сил — проблеме, критически определяющей как динамизм и устойчивость развития внутреннего рынка, так и оборонительные возможности страны в эпоху начинающихся мировых войн. С этого времени отчетливо прослеживается взаимозависимость между укреплением геополитических позиций Российского государства на мировой арене и формированием его региональной экономической структуры. История XX в. ясно показывает, что Азиатская Россия формирует в этот период не только подлинное ресурсно-экономическое "сердце" страны (факт принципиально

значимый для устойчивого, независимого от колебаний мировой конъюнктуры развития экономики!), но и ее военно-стратегический тыл, а наличие последнего в бурном XX в. становится для России главным условием выживания. Как бы это ни ставило под сомнение чисто экономическую детерминацию развития России, но факт остается фактом: геополитические (и оборонные, и внешнеэкономические) задачи в XX в. формировали столь мощные императивы для сбалансированного регионального развития, что по результативности с ними не идет в сравнение никакое ординарное экономическое планирование.

Геополитический анализ истории Азиатской России в XX в. вскрывает и другую существенную особенность развития страны в целом: — это страна, имеющая не один, а целых два мощных и протяженных фланга взаимодействия с внешним миром, причем сам этот факт может становиться как бременем, так и громадным преимуществом с точки зрения перспективного развития. В этом отношении присутствие России на побережье Тихого океана, подключение ресурсов всей Азиатской России для эшелонированного продвижения страны к более тесному взаимодействию с мощным Азиатско-Тихоокеанским экономическим сообществом становится фундаментальной задачей, которую России необходимо решать для того, чтобы остаться в ряду ведущих мировых держав. Поэтому уроки геополитического развития Азиатской России в XX в. становятся крайне важными, определяющими будущее страны.

Значимым было место Северной Азии в контексте процессов цивилизационной динамики. Восточные регионы России с древнейших времен являлись ареной широких этнокультурных, межцивилизационных взаимодействий. При этом, несмотря на культурные достижения и рост контактов с более развитыми центрами мировых цивилизаций, Северная Азия длительное время оставалась в известном смысле мировой периферией. С XVI—XVII вв. здесь встречаются и тесно взаимодействуют различные духовные традиции и цивилизационно-культурные векторы: православие, ислам, буддизм, традиционные системы верований, что послужило основой формирования практики межконфессиональных и межкультурных отношений, не всегда

складывавшихся нормально, но в то же время не доходивших до состояния религиозных войн.

Славянская колонизация Северной Азии создала цивилизационно-культурную скрепу данной территории, включенной благодаря этому в состав единой восточно-христианской цивилизации и в общеевропейский культурный контекст. При этом контакты славянской цивилизации с азиатскими культурными мирами на ранних этапах ее становления облегчили взаимодействие ее носителей с представителями иных культур и цивилизационных начал в пределах Северной Азии. Освоение славянами восточных земель сопровождалось расширением ареала распространения православия как в результате миграций носителей данной конфессии на новые территории, так и благодаря крещению ряда аборигенных народов. Несмотря на стимулирование властью распространения христианства в XVII—XIX вв. в Северной Азии, имело место и расширение ареалов и численности носителей ислама и буддизма-ламаизма. Взаимодействие последних с православно-христианским культурным массивом осуществлялось преимущественно в симбиотиче-ской форме, способствовавшей сохранению разнообразных культурно-этнических идентичностей. Определенное значение для цивилизационно-культурного развития восточных регионов России, особенно Дальнего Востока, имели контакты с представителями дальневосточной цивилизации — китайцами, корейцами, японцами. Широкие возможности для межцивилизационных взаимодействий существовали во второй половине XIX – первой трети XX в. (в частности, трудовая миграция в Россию из Китая и Кореи) и вновь приобрели основания в 1990-е годы.

Политика, проводимая центральной властью Российского государства по отношению к нерусским народам восточных регионов на протяжении XVI–XIX вв. отличалась известной терпимостью и гуманностью, была пронизана патерналистскими тенденциями. Стержнем данной политики являлась консервация форм социальной организации, быта и хозяйствования аборигенного населения. Последнее сохраняло собственные соционормативные системы, языки, хозяйственные и бытовые традиции, системы верований, что позволяло нерусским этническим общностям благополучно существовать на исторически зани-

маемых ими территориях и даже расширять их. Этнонациональная политика государства результировалась в благополучной демографической динамике этнических сообществ, по темпам естественного прироста не уступавших русскому населению. Многоэтнический состав населения Урала, Сибири, Дальнего Востока способствовал этнокультурным контактам, которые обогащали культуры народов, вступавших во взаимодействие, укрепляли возможности их адаптации к условиям не всегда благоприятной природно-климатической среды.

Социалистическая модернизация, сопровождавшаяся насаждением единой для всего общества социалистической идеологии, нанесла серьезный урон социокультурному плюрализму "старой России" Революция 1917 г. способствовала изменению правительственной политики в отношении всех народов России, в том числе и народов Сибири. Ориентированная на ускорение развития, приобщение всего общества к своеобразно отобранным ценностям индустриальной цивилизации, данная политика была связана с систематическим вмешательством в жизнь коренных народов, призванным обеспечить их переход от традиционной культурно-хозяйственной модели к общественному и бытовому устройству индустриального общества. Реализация данной политики имела как положительные, так и отрицательные последствия. Существенно то, что она деформировала культуру народа, способствовала забвению традиционных норм морали, прерывала межпоколенную трансляцию этнической культуры.

При этом необходимо признать, что в определенной степени процессы стирания межнациональных различий, разрушения автохтонных культур носили объективный характер, являлись неизбежными следствиями становления индустриальной культуры. Технический прогресс способствовал нивелированию этнонациональных различий, унификации культур везде – в этом плане Россия, и Азиатская Россия в частности, не являлись исключением. И все же цивилизационно-культурная унификация в период социалистической модернизации не была доведена до конца. Социокультурные и этно-национальные различия в обществе сохранились, традиционная культура многих народов Азиатской России не исчезла полностью, что дает надежды на

возможность системного восстановления этого наследия. Современные процессы возрождения духовных традиций православия, ислама, буддизма, других религий, рост цивилизационно-культурного самосознания подкрепляют эти надежды.

Интересные результаты дало проведенное в монографии сравнительное исследование исторического опыта освоения Азиатской России и США, показавшее, в частности, что в обоих случаях задачи колонизации новых территорий определялись стремлением к увеличению национального дохода и решению геополитических задач. Однако английская эмиграция в Америку изначально диктовалась модернизационными процессами — экономическими, политическими, культурными, интенсивно разворачивавшимися в метрополии, а главным стимулом к началу переселения в Америку послужила возможность создать "новый мир" в соответствии с идеалами английского протестантизма. В России лишь со второй половины XIX в. буржуазное развитие стало оказывать заметное влияние на темпы и мотивации переселения за Урал. Азиатская Россия, как и вся Россия, вплоть до XX в. существовала преимущественно в парадигме традиционного общества.

Обстоятельства, способы и результаты колонизации новых территорий России и США коренным образом различались. Если американский "фронтир" был подобен череде колонизационных “волн”, отделенных друг от друга географическими рубежами, то русское продвижение на восток шло непрерывным, относительно мирным и быстрым (хотя и не очень мощным) потоком. Лишь Русская Америка, сформировавшаяся за морским "барьером" как специфический управленческий и социально-экономический феномен, с полным правом может считаться русским восточным "фронтиром" В отличие от русских, проделавших путь от Урала до Тихого океана менее чем за 70 лет, Соединенные Штаты Америки более полутора веков осваивали узкую 400-километровую прибрежную полосу и лишь в XIX в. стали быстро прирастать крупными фрагментами в результате аграрной колонизации, захватов и покупок территорий.

В то же время сравнение продемонстрировало, что американская территория развивалась много интенсивнее Азиатской России. Русские смогли быстро охватить огромную территорию,

поставить на ней опорную сеть острогов, но в силу недостаточности людских и организационных ресурсов, суровости природно-климатических условий осваивали новый край медленно, запаздывая по сравнению с американцами почти на полвека в создании условий для его интенсивной колонизации и по многим другим показателям развития. В значительной степени этому способствовало то обстоятельство, что экономика американских колоний изначально ориентировалась на рыночные отношения. В Сибири же товарные отношения были развиты слабо. Азиатская Россия оставалась мало интегрированной в жизнь европейской части страны, а ее население – немногочисленным.

В отличие от "плавильного котла" США Сибирь заселялась преимущественно единой русской нацией, сохранившей здесь свои национальные черты и оказавшей глубокое и плодотворное влияние на развитие духовной и материальной культуры аборигенов края. В Америке индейцы большей частью были вытеснены со своих земель и практически уничтожены. В основе этого процесса находилось представление об аборигенах как о "диких тварях", не способных подняться до понимания сущности христианства и не предназначенных к Спасению. В Сибири отношение к коренным народам, несмотря на неизбежные при встрече разных цивилизаций вооруженные столкновения, факты насилия и вероломства, было более гуманным и конструктивным по сравнению с Америкой. Местные жители многое восприняли из русской культуры, оказав, в свою очередь, заметное встречное воздействие. Коренное население Азиатской России не истреблялось целенаправленно, но, напротив, имело высокие темпы прироста. В немалой степени синтез культур в Сибири в отличие от Америки достигался благодаря смешанным бракам русских землепроходцев с женщинами-аборигенками.

Общей чертой и для американского "Дикого Запада", и для Сибири было ощущение периферийности этих территорий, их глубоких отличий от районов давнего заселения как средоточий власти, промышленного капитала и просвещения. Однако, если естественные в этих условиях автономистские тенденции западных окраин США находили выход в федерализме — образовании штатов с широкими возможностями местного самоуправления, то движение сибирских областников в России подавлялось

административным путем как одна из форм недопустимого свободомыслия. Географические факторы – Атлантический океан и природа Североамериканского континента — повлияли на формирование специфики американского общества, стремившегося к самостоятельному, независимому развитию и добивавшегося его. Единство же евразийского континентального пространства и целостность менталитета русских людей, верных Отечеству, вере, традиции, предопределили многовековое государственное единство России.

Несмотря на коренные отличия и в принципах, и в условиях колонизации, сам непосредственный процесс освоения новых территорий в разных странах оказывается во многом похожим, а жизнь в периферийных районах США и России, по сравнению с их историческими центрами, характеризовалась не только трудностями, но и относительно высокими показателями уровня жизни. В обеих странах поселения основывались в ключевых природных и стратегических пунктах, подчиняя себе транспортную систему колонизуемой территории. В России, как и в США, на расширяющейся границе ощущался недостаток правительственного контроля, переселенцы опирались преимущественно на собственные силы. Возникали специфические группы населения, особый хозяйственный уклад, своеобразные правовые отношения, формировался региональный менталитет, многие черты которого у сибирского населения и жителей американского "фронтира" были схожими.

Эмиграция в Америку и дальнейшее расселение прибывавших внутри страны являли собой потоки, состоявшие из миллионов человеческих судеб, индивидуально ответственных за свои решения и рассчитывавших при снятии с места только на собственные силы и поддержку своих семей. Заселение Сибири осуществлялось в значительной степени с помощью государства. Эта "помощь" могла приобретать разные формы: от конвоирования заключенных по этапу до денежных ссуд и организации горячего питания для столыпинских переселенцев, но в любом случае государственное участие в судьбе переселенцев в Азиатскую Россию было несравнимо более значительным, чем в Америке.

За описанием истории приращения американской территории, продвигавшейся подобно волне на запад континента, стоит идея экспансии как смысла, сущности и основного двигателя американской нации. Подвижная граница, плотной волной преобразований прошедшая по землям, исконно принадлежавшим индейцам, и оттеснившая их на бесплодные участки резерваций, имеет мало общего с процессом медленного, но органичного "врастания" урало-сибирских территорий в политическое "тело" России, в ее хозяйственный организм.

Таким образом, открытие и освоение Сибири превратило не слишком устойчивое Московское государство в мощную, богатую природными ресурсами, многонациональную и мультикультурную Российскую империю. Генезис и динамика колонизации Азиатской России и США имели совершенно разную природу. Тем не менее при всех различиях хода и результатов освоения американского Запада и Азиатской части России в XVII–XIX вв. можно утверждать, что именно вследствие приращения данных государств этими территориями США и России в конечном итоге удалось стать могущественными мировыми державами современности.

В качестве значимого критерия "взросления" изучаемых территорий может выступать формирование и развитие региональных структур. Складывание восточных регионов происходило исторически, на протяжении длительного времени. До русского освоения отдельные территории Урала и Сибири входили в состав тех или иных политических образований, преимущественно кочевых, с центрами, нередко располагавшимися за пределами рассматриваемых регионов. Наиболее успешной попыткой интеграции отдельных территорий Северной Азии, вероятно, следует считать опыт монгольской державы Чингисхана и его потомков, сумевших на время установить свой контроль над значительной частью Азиатского континента. (Не случайно в "евразийской" историософии эта держава рассматривалась как геополитический прототип позднейшей Российской империи.)

Однако только с приходом русских процесс административного устройства края приобретает необратимый и устойчивый характер. Первоначально, в XVII в., русская система управления, складывавшаяся на восточных территориях, не отличалась

стройностью и единообразием, предполагала множество локальных особенностей. Политика государства по отношению к восточным территориям отличалась сложностью и динамизмом, вариативностью, которая обусловливалась ролью и местом, отводившимися той или иной территории в решении задач общегосударственного масштаба на разных этапах развития страны. При этом неизменным оставалось то первоочередное внимание, которое центральные органы государственной власти уделяли вопросам административного устройства и управления восточными территориями. Это богатство вариантов, проявившееся в приспособленной к региональным и локальным особенностям дифференциации систем административно-территориального управления, до сих пор в отдельных аспектах может представлять интерес для современных поисков оптимальных параметров административной реформы в России.

С эпохи петровских преобразований административно-территориальное обустройство Азиатской России проводилось в контексте политики модернизации, предполагавшей в конечном итоге рационализацию и унификацию системы управления. При этом недостаточная интегрированность большинства восточных территорий обусловливала сохранение специфических черт в их административном устройстве на всем протяжении имперского периода истории России. К важнейшим последствиям административного устроения следует отнести ускорение процессов регионообразования в рамках Азиатской России. На протяжении XVIII–XIX вв. произошло оформление уральского горнопромышленного региона. Серединой XVIII в. можно датировать начало постепенного процесса административного разделения Сибири на Западную и Восточную, в основном завершившегося ко второй четверти XIX в. Административно-территориальное выделение Дальнего Востока происходит во второй половине XIX в.

Уже в ранний советский период регионы Азиатской России становятся полигоном для отработки новых моделей регионального управления на основе естественной экономической "самоорганизации" территорий вокруг сложившихся индустриально-экономических и административно-политических центров. Задачи рационализации управления в этой период сливаются с во-

просами стабилизации новой политической власти, которая сделала ставку на ведущую роль индустриального рабочего класса и городов в организации огромной по территории страны. В соответствии с этим подходом, именно на территории Азиатской России старое губернское деление подверглось существенному усовершенствованию. Политика районирования 1920-х годов положила в основу административно-территориального устройства страны крупномасштабные схемы комбинирования и рациональной кооперации производств. На востоке страны создание крупных областей и краев (организация Уральской области в 1923 г. была первым в стране опытом районирования на основе критерия рациональной промышленной организации) имело пионерный характер и особенно заметное позитивное значение, дав мощные импульсы складыванию здесь в перспективе региональных территориально-экономических комплексов. Однако применение экономико-географических подходов в практике административно-территориального устройства испытывало в 1920–1930-х годах давление с двух сторон: с одной стороны, его положительный эффект снижался параллельным процессом конституирования национально-государственных образований, создаваемых на основе этнополитических критериев, в русле реализации идеи национального самоопределения; с другой, само существование относительно самостоятельных крупных региональных образований бросало вызов централистской модели политического руководства, создание которой на рубеже 1920—1930-х годов мыслилось в качестве необходимого условия форсированной индустриализации и коллективизации. Эти противоречия достаточно остро проявляли себя на востоке страны, где удаленность от центра и слабая освоенность территорий делали сохранение действенных структур регионального управления абсолютно необходимым (в связи с чем на отдаленных территориях Азиатской России в конечном итоге были сохранены крупные сложно-составные административно-территориальные единицы — края).

Расформирование в начале 1930-х годов крупных краев и областей на административно-территориальные единицы меньшего масштаба усилило, с одной стороны, централизацию экономической и политической жизни, а с другой, хозяйственно-

функциональную специализацию регионов, которые в этом качестве становились объектами централизованного руководства и никогда уже не обрели прежней силы и влияния. Как бы то ни было, в результате сложился адекватный условиям России определенный оптимум, который позволил административно-территориальной системе, сложившейся в 1930–1940-х годах, просуществовать без больших изменений до сегодняшнего дня. Однако опыт развития регионов Азиатской России, особенно в периоды их интенсивного освоения, наглядно показывал, что эта система регионального управления не является безупречной и нуждается в дальнейших преобразованиях в соответствии с новыми хозяйственными и политическими задачами. В этом отношении Азиатская Россия — в силу условий и проблем своего развития – является территориальным объектом и своеобразной индикаторной системой, в целом более "чувствительной" к позитивным и негативным последствиям административно-территориального переустройства, а потому может служить своего рода лабораторией для административно-территориального реформирования страны.

В Азиатской России возникли наиболее развитые форм политического и культурного регионализма из когда-либо появлявшихся в российской истории. Важно при этом отметить, что этот регионализм существенно отличался как от остатков былой "областной" самостоятельности эпохи русского средневековья, так и от заимствуемых на идейно-литературной почве "романтизированных" новоевропейских версий. В Азиатской России регионализм развился как естественный продукт значительной социально-территориальной дифференциации национально-государственной территории, нараставшей в процессе колонизации, и, отражая крупные, принципиальные сдвиги в социально-культурных способах жизнедеятельности населения восточных окраин, являлся реакцией на его практические интересы и нужды. По существу регионализм Азиатской России, сам будучи далеко неоднородным явлением, в разных своих формах представал важным компенсаторным механизмом преодоления периферийности и фрагментированности социального бытия, характерных для осваиваемых окраин и усиливаемых бюрократическим централизмом. И это восстановление "полноты" соци-

ально-исторического бытия во многом происходило на новой, более прогрессивной по сравнению с устоявшимися "европейско-русскими" традициями, основе, поскольку вбирало в себя всю гамму самостоятельных жизненных проявлений и тенденций развития хозяйственно-культурного быта и самосознания народа. Поэтому формам регионализма, утвердившимся в Азиатской России, абсолютно чужд реакционно-ретроспективный пафос; они всецело обращены в будущее и предвосхищают перспективные линии социальной эволюции российского общества. В этом качестве регионализм Азиатской России – явление цивилизационное и цивилизующее.

Так, сибирское областничество — как наиболее раннее и достигшее зрелых политических форм регионалистское культурно-политическое движение — воплощало в себе широкий спектр развивавшихся на окраинах "свободных" форм жизнестроения и формировавшихся социальных интересов сибирского крестьянства, местной интеллигенции, торгово-предпринимательских групп и в известной части просвещенных групп "инородческого" населения. Прогрессистский, "американский", акцент в идеологии и практике сибирских областников весьма симптоматичен. В этом отношении сибирское областничество предвосхищало и в какой-то степени подготавливало программу "Великих реформ" 1860–1870-х годов. Уральский регионализм как менее оформленная, но все же ясно проявившая себя идеологическая "программа" возникает в более поздний период и отражает дух и пафос набравшей силу капиталистической модернизации. "Индустриально-технократический" уклон, характерный для уральского регионализма, целиком связан с отстаиванием интересов и перспектив прогрессивной трансформации уральского горнозаводского хозяйства, его спасения от уничтожающей конкуренции быстрорастущих промышленных центров Европейской России и правительственного небрежения. В этом отношении уральский регионализм воплощал в себе широкий, видоизменяющийся спектр социальных интересов — от крупно-предпринимательских групп и местного чиновничества до технической интеллигенции и рабочих. Именно поэтому "программа" уральского регионализма могла после 1917 г. плавно перетекать в новый социально-идеологический контекст развития.

Можно с полным основанием говорить о том, что во всех своих проявлениях регионализм восточных окраин являлся заместителем структур гражданского общества, которые в Европейской России не могли развиваться вполне свободно при том громадном институциональном давлении, которое было обусловлено традициями государственно-бюрократической опеки над общественной жизнью.

Воплощая в той или иной форме глубину народного инстинкта, урало-сибирский регионализм, как правило, откликался на запросы российской жизни более чутко и более верно, чем это в массе случаев могла делать российская власть. Исследование регионализма восточных окраин существенно ломает традиционные стереотипы восприятия феномена регионализма, в частности его отождествление с проявлениями отсталого партикуляризма и сепаратизма. По самому факту своего рождения регионализм Азиатской России настолько же оппозиционен, насколько и конструктивен. За исключением самого раннего периода развития, утвердившийся на восточных окраинах России регионализм никогда всерьез не смыкался с идеями политического сепаратизма и дезинтеграции Российского государства. По преимуществу он представлял общественную силу, стремящуюся преобразовать российскую государственность на более справедливых и прогрессивных началах, но неизменно в ее целостном воплощении. Эта – попытка приблизить власть к интересам населения, уравновесить чудовищную центростремительность российской жизни, которая в тенденции означала забвение властью законных интересов окраинных регионов и их деградацию, а значит, и конечное крушение самого исторически сложившегося государства. В этом отношении исторические уроки, которые дает регионализм Азиатской России, бесценны для осмысления современного этапа развития России. Этот опыт, в частности, показывает, что для России социально-территориальные неравенства и противоречия представляют не менее, а, возможно, гораздо более значимую и актуальную проблему, чем традиционно понимаемое неравенство социальных статусов и состояний.

Азиатская часть Россия имела огромное значение для страны в целом в экономическом, социокультурном, институционально-политическом плане. Она внесла неизмеримый вклад в укрепле-

ние экономического фундамента российской государственности. На первоначальных этапах освоения промысловая колонизация сыграла решающую роль в пополнении государственной казны за счет торговли мехами. Сибирские меха пользовались большой популярностью во всем мире и способствовали сохранению аборигенного населения как их основного поставщика.

Аграрное освоение необозримых просторов востока, с одной стороны, обеспечило продовольствием их население, что способствовало его закреплению в экстремальных природно-климатических условиях региона, а с другой, излишки сельскохозяйственной продукции давали большой доход казне. В 1913 г. в Сибири он превысил крупную по тому времени сумму — 600 млн руб. Только одно маслоделие превосходило стоимость продукции угольной промышленности в 8 раз, а золотопромышленности в 4 раза, что свидетельствовало о его высочайшей эффективности и доказывало возможности сибирского села, которые после революционных событий начала века были в значительной степени утрачены и требуют своего восстановления в современных условиях

Мировую славу принесла Азиатской России ее промышленность, которая не только снабжала страну своими изделиями, но и являлась мощным арсеналом вооружений, особенно в годы военных потрясений. Уральское и сибирское оружие играло определяющую роль в многочисленных войнах, а нередко, как, например, во Второй мировой войне, решало судьбу страны. Промышленное освоение переродило Азиатскую Россию, превратив ее из аграрной в индустриальную, что имело принципиальное значение на этапе модернизационного перехода страны.

В годы кризиса советской системы и начала либеральных реформ масштабы и темпы индустриального развития Азиатской России пошли на убыль. Она попала в тяжелый и затяжной кризис. В первые годы реформ в результате резкого сокращения капиталовложений их не хватало для простого воспроизводства основных фондов, что привело к их "проеданию", т. е. они перешли в стадию разрушения.

Несмотря на тяжелое экономическое и социальное положение, сложившееся в ходе перестройки и рыночных реформ, Азиатская Россия продолжает играть роль донора страны и смягчает удары системного кризиса. Она остается главной топливно-

энергетической базой страны, дает более половины экспорта и обеспечивает ее валютными ресурсами, в очередной раз спасая Отечество в новое "смутное" время.

Наличие в составе страны огромных территорий (пространственный резерв), богатых разнообразными, в том числе уникальными, ресурсами, в целом способствовало укреплению и сохранению существующих режимов как в социально-политическом (в этом следует видеть одну из решающих причин длительного существования абсолютистского самодержавия, а затем советского порядка), так и в геополитическом смыслах (например, крах многочисленных иноземных вторжений на протяжении XVII–XX вв.). В социально-политическом плане восточные регионы с их редким населением и слабой администрацией выполняли функцию удобного пристанища для недовольных из Европейской России. Возможность перемещения (как добровольного, так и принудительного) на восток из Европейской России позволяла до поры до времени решать некоторые проблемы центра страны за счет окраин, снижала остроту социальных отношений, замедляла переход от экстенсивных к интенсивным методам хозяйствования. Удаленность от центров бюрократического контроля позволяла развиваться на восточных окраинах жизнестойким росткам гражданского общества.

Особость восточных регионов (удаленность от центра страны, слабость и протяженность коммуникаций, малочисленность и низкая плотность населения, относительно низкий уровень развития экономических связей, неравномерность развития территорий и населяющих их народов) оказывала воздействие на характер политико-административной культуры страны в целом, усиливая тенденцию к росту ее гетерогенности (например, вследствие нераспространения или запоздалого распространения на территории Азиатской России некоторых норм общероссийского законодательства, общероссийских институтов управления; длительное сохранение на различных уровнях особых, в том числе традиционных, форм управления; использование специфических регионально-отраслевых органов управления). В огромности территории страны, в значительной степени обеспечиваемой именно азиатскими ее частями, следует видеть одну из основных причин затрудненности проведения реформ, реформирования – отчасти отсюда вечная "драма российских ре-

форм" Восточные регионы укрепляли такую черту российской культуры и цивилизации, как "пограничность" с присущими ей атрибутами (социодинамическая напряженность, соединение в едином "открытости" и "закрытости", интеграции и дифференциации, центребежности и центростремительности). Необъятность пространства России—"Евразии" нашла отражение в особенностях российского менталитета, закрепившего, с одной стороны, требование жертвенности, а с другой, давшего русскому человеку ощущение безопасности.

Исторический опыт доказывает, что вклад Азиатской России в развитие Российского государства огромен и многосторонен, как велики и разнообразны исторические риски, сопутствовавшие врастанию России в Азиатский континент как в свое новое, еще не до конца освоенное геополитическое и цивилизационное измерение. Уже одно это сопоставление заслуг и жертв, достижений и их цены заставляет рассматривать Азиатскую Россию не как "осколок" или случайный "придаток" Российского государства, но как важнейший оплот и резерв его развития.

Публикуется впервые

Исторический опыт регионального развития

(Урал и сопредельные территории)

В условиях коренной перестройки всех сторон российской жизни, ее последовательного обновления перед исторической наукой встают качественно новые задачи. Их новизна определяется прежде всего решительным поворотом всего фронта обществоведения лицом к социальной практике. От пассивной фиксации событий и явлений прошлого, догматического толкования цитат историческая наука переходит к глубокому критическому осмыслению пройденного нашим обществом пути. В этих условиях важнейшей и неотложной задачей историков является анализ действительных, объективных противоречий в развитии обще-

ства, выработка обоснованных рекомендаций по их разрешению. Ее решение возможно лишь в ходе преодоления сложившейся отдаленности историков от запросов жизни.

Умение извлечь и осмыслить предшествующий опыт выступает одной из важнейших гарантий перестройки, мощным фактором приращения ее теоретического арсенала и средством выхода научных знаний на решение практических задач революционных преобразований, происходящих в нашем обществе. Без всестороннего анализа и усвоения уроков прошлого невозможно разработать и осуществить комплекс мер по демонтажу механизма торможения, расчистить путь в будущее, сохранив при этом все ценное наследие предшествующих этапов общественного развития.

Постановка изучения исторического опыта в качестве самостоятельной исследовательской задачи предполагает решение ряда методологических проблем. Прежде всего необходимо соотнести понятия "исторический опыт" и "историческое знание" Как правило, в исследовательской практике эти категории стихийно отождествляются. Между тем, такой подход не вполне правомерен. Имея единое объективное основание в реальном историческом процессе, эти категории предполагают различные целевые подходы к его осмыслению и, следовательно, различные результаты исследования. Исходя из этого представляется возможным рассматривать исторический опыт как часть исторического знания, ретроспективную оценку прошлого в его отношении к последующему развитию и итогам этого развития с позиций современной социальной практики.

Такой подход позволяет с большей объективностью оценить реальное значение того или иного исторического события для последующего хода истории, выявить открыто не зафиксированные в нем закономерности и связи явлений. Извлечение информации об исходных посылках и последствиях исторического события, его реальных возможностях и пределах воздействия на ход общественного развития составляет важнейшую характеристику исторического опыта как постоянно переосмысливаемой социальной практики прошлого. Это переосмысление касается в первую очередь целей, средств и способов, результатов соци-

альной деятельности и имеет итогом оценку целесообразности или, напротив, необоснованности того или иного исторического действия. Такой подход позволяет исследователю постигать исторические ситуации не только и не столько как однозначнонеобходимое развитие событий, но, прежде всего, как весьма сложную, вероятностную взаимосвязь между возможностью и действительностью. Следовательно, категория исторического опыта должна охватывать исследование объективно заложенных в историческом процессе альтернативных вариантов общественного развития.

Конечно, историку трудно проследить и просчитать все нереализованные последствия возможных вариантов развития. Но он должен видеть в истории эти несостоявшиеся альтернативы, исследовать и оценивать их содержание и потенциальную направленность. И в тех случаях, когда историческая оценка сопряжена с проблемным видением ситуации на современном уровне, возможность и действительность выступают как равноправные компоненты опыта истории. Поэтому взгляд на прошлое с позиции извлечения опыта существенно расширяет аналитический материал, который может быть использован для решения задач в сфере современной социальной практики.

Другой важной особенностью исторического опыта является наличие определенной общественно значимой проблемы, через призму которой исследователем анализируются исторические ситуации, обобщаются наиболее ценные элементы социальной практики прошлого. Эта проблема, как правило, выражает объективные противоречия в общественной жизни. Конкретноисторически они могут проявляться в нарастании трудностей развития, стагнации и кризисах социальных систем, в острой необходимости ускорения общественного прогресса. Поиск эффективных средств и приемов их преодоления существенно облегчается использованием социального опыта предшествующих поколений, поскольку они могут быть новыми лишь в контексте текущей социальной практики, но объективно присутствовать в предшествующей.

Ракурс изучения опыта задается при этом современной ситуацией. Следовательно, исторический опыт не носит абстракт-

ного или универсального характера, взятого безотносительно к актуализировавшей его социальной потребности. Его можно определить как обобщение, теоретическое осмысление практики прошлого, ориентированные на получение знаний, обеспечивающих повышение обоснованности решений в сфере управления демографическими, социально-экономическими, политическими, культурными и др. процессами.

При таком определении исторический опыт рассматривается как субъективная категория, поскольку он предполагает отражение исторического процесса в сознании людей и значим лишь с позиций оценивающего субъекта. Действительно, одни и те же события прошлого могут по-разному оцениваться в зависимости от личных предпочтений исследователя, его принадлежности к определенным социальным группам и классам, различным поколениям. Иначе говоря, в основе субъективности оценок исторического процесса лежит реальная множественность существующих в обществе социальных интересов. Однако субъективность исторического опыта отличается от традиционно понимаемой субъективности исторического познания вообще со всеми присущими ей гносеологическими и идеологическими аберрациями. Помимо неизбежного присутствия последней, субъективная природа опыта проявляется открыто, в виде сознательно полагаемой интерпретации и оценки результатов исторического развития в соответствии с интересами субъекта, его специфически ориентированными практическими запросами и, в конечном итоге — с наличными потребностями общества на данном этапе развития.

Следовательно, оставаясь частью исторического знания и не утрачивая объективного содержания, исторический опыт приобретает статус осмысленной общественно-преобразующей практики. "Кристаллизуясь" в сознании масс, классов, партии, отдельных людей как субъектов исторического процесса, отражаясь в программах, интерпретируясь в трудах ученых и идеологов, он по сути представляет собой предпосылку их деятельности. Учет этой роли исторического опыта способствует получению более адекватного представления с конкретных путях общественного развития, а также открывает возможность опреде-

ленного построения гипотез относительно исторического будущего.

Вместе с тем, правомерен и другой подход к определению исторического опыта. Он не ограничивается признанием его вторичности, производности по отношению к объективной реальности. В этом случае опыт — не только феномен сознания, а и практическое воздействие человека на исторический процесс. В таком понимании он непосредственно сливается со всей совокупной социальной практикой, основанной на накоплении, использовании и трансляции от поколения к поколению определенных знаний, умений, навыков, нормативных систем.

Процесс изучения исторического опыта носит достаточно сложный характер. Исторический опыт не всегда может подсказать законченное решение насущных проблем современности, еще в меньшей степени он содержит готовые рецепты и возможности прямого сопоставления прошлого с настоящим. Как правило, обобщение исторического опыта предполагает не столько проведение прямых аналогий или воспроизведение прошлых моделей социальной деятельности, сколько использование аналогий позитивных и негативных путей решения данной проблемы. С этой точки зрения особую ценность представляет нахождение закономерных связей исторических явлений, определение характера взаимодействия движущих сил исторического процесса на различных этапах. На этой основе представляется возможным определить средства и механизмы прогрессивных социальных изменений, а также факторы, влияющие на отклонения результирующих итогов деятельности от первоначально намеченных целей.

Важнейшим требованием исследовательской процедуры является анализ конкретного опыта истории, соотнесенного с условиями места и времени, с определенным субъектом, с реальным — и потому неизбежно ограниченным — уровнем социальных возможностей в конкретную историческую эпоху. Некритическое перенесение современных представлений о возможностях общества на прошлые эпохи ведет к модернизации исторического процесса, неверной опенке самого содержания исторического опыта. И, наоборот, попытки применения ис-

пользовавшихся в прошлом подходов без учета кардинального изменения условий развития будут неизбежно носить искусственный, отвлеченный от действительных проблем характер.

Вместе с тем богатство и многообразие исторического развития в каждую конкретную эпоху подчас может односторонне, обеднение фиксироваться при изучении исторического опыта — лишь с точки зрения настоящих потребностей и представлений. То, что сегодня представляется несущественным с точки зрения исторического опыта, завтра может стать актуальным. Поэтому от историка требуется известная проницательность в оценке явлений прошлого, опережающие текущую социальную практику теоретические выводы.

Обобщение исторического опыта, фундированность научных выводов в данной сфере исторических исследований может базироваться лишь на последовательном накоплении и обобщении конкретно-исторического материала, относящегося к различным эпохам и периодам человеческой истории, к различным социально-экономическим формациям и их локально-историческим вариантам. В этой связи целесообразно различать исторический опыт в широком и узком смысле слова. Так под первым В. И. Ленин понимал "опыт всей истории", "опыт всех капиталистических стран", "опыт всех революционных событий в мире" и т. д. Исторический опыт в узком смысле слова — есть отражение локально-исторических процессов[1] В основе их проявления лежит разделение мира на органически связанные между собой территориальные образования. Их динамика и поведение, взаимное влияние во многом определяют прогресс развития человеческого общества как системы. Поэтому важнейшей предпосылкой изучения и обобщения исторического опыта развития системы в целом становится выявление общих закономерностей регионального развития, изучение специфики исторического процесса на отдельных территориях.

Именно за счет этого создаются условия для оптимизации направлений поступательного развития общества в целом, для того, чтобы "двигать дело вперед, расширяя — после надлежащей проверки — местный опыт до размеров всероссийского"[2] При изучении отдельных регионов необходимо принимать во

внимание исторически локализованное взаимодействие множества факторов — природно-климатических условий, демографической ситуации, особенностей социально-экономического развития и социально-политического устройства, сложившиеся культурные традиции и т. д. Их выявление и оценка позволяют на основе анализа местного опыта выходить на понимание глубинных закономерностей общественно-исторического процесса. Следует также отметить, что исследование исторического опыта развития крупных территориальных общностей открывает возможность построения теоретических моделей регионального развития, обладающих многими универсальными свойствами, а в силу этого — научно-обоснованным потенциалом реализации в сходных конкретно-исторических условиях на другой территории.

Богатый и чрезвычайно ценный материал такого рода исследований дает история Урала и сопредельных территорий. Чем определяется своеобразие и значение истории этого региона? Прежде всего ролью Урала и тяготеющих к нему районов Европейского Севера, Приуралья и Зауралья в решении народнохозяйственных задач, стоящих перед страной в настоящее время. Они обладают значительными природно-экономическими ресурсами, многочисленными квалифицированными кадрами промышленности и сельского хозяйства, мощным научным потенциалом. Успешное решение задач ускоренного развития производительных сил региона требует научного обоснования, а, следовательно, глубокого изучения пройденного им исторического пути развития.

Являясь естественной границей и связующим "поясом" между Европой и Азией, Урал непосредственно участвовал в древнейших этнических, социально-экономических и культурных процессах, восходящих к истокам мировой цивилизации. Здесь исторически сложились экономические, социальные, культурные связи народов трех больших этно-языковых групп: финно-угорской, тюркской и славянской, накоплен большой опыт межнациональных отношений. Его изучение приобретает сегодня особую актуальность, поскольку способствует выявлению роли этнокультурных контактов в развитии общественного прогресса.

История Урала хранит уникальный опыт сотен поколений в освоении полезных ископаемых, развитии техники, технологии, организации промышленного производства от древности до наших дней, в наращивании интеллектуального потенциала, в решении социально-политических проблем. Эти особенности исторического процесса на Урале и сопредельных с ним территориях дают чрезвычайно ценный материал для познания общих закономерностей регионального развития, их изучение тесно сопряжено с решением неотложных задач в сфере современной социальной практики. Представляется, что анализ ее предшествующих моделей будет весьма полезен при разработке концепции демографического, социально-экономического и культурного развития региона на перспективу. Оценка эффективности ранее реализовавшихся подходов, извлечение уроков из достижений и ошибок прошлого должны серьезно обогатить современную практику социального управления.

Объект исследования и его структура

В целях успешного решения поставленной задачи необходима однозначная интерпретация основных понятий, посредством которых осуществляется обобщение исторического опыта развития Урала и сопредельных территорий (в дальнейшем для краткости будем называть все эти районы Уралом). В данной целевой программе их история отождествляется с историей формирования, развития и использования социального потенциала региона. Понятие "социальный потенциал" интерпретируется как совокупность ресурсов, возможностей и средств, которые находятся в распоряжении общества и используются им для своего воспроизводства и развития. Он представляет собой систему определенным образом связанных между собой потенциалов. Их число соответствует числу областей (сфер) социальной жизни. "Ядром" социального потенциала является потенциал общественного производства, которое включает материальное и духовное производство, органически связанное с распределением, обменом и потреблением произведенного, а также воспроизводство людьми себе подобных[3] В совокупности с потенциалом сферы социально-политической регуляции ему принадлежит ведущая роль в жизни общества. Это позволяет в рамках данной

программы ограничить анализ рассмотрением развития названных компонентов.

Следует также учитывать, что современная структура, функции отдельных компонентов социального потенциала региона, связи и отношения между ними являются результатом длительного развития. Социальный потенциал — понятие историческое, в каждый определенный период оно имеет свои характерные черты и особенности. Исследование его развития и использования в условиях различных способов производства имеет свою специфику.

Предмет, цель и задачи исследования

В ходе реализации данной программы предполагается сосредоточить главное внимание на изучении деятельности общества, направленной на накопление и использование социального потенциала региона, на выявление основных тенденций и этапов его развития. Деятельностный подход обусловлен в данном случае спецификой содержания исторического опыта. При всей детерминированности направлений общественного развития объективными, материальными условиями жизни людей, их прошлой опредмеченной деятельностью, история не может мыслиться иначе, как целеполагающая деятельность человека.

С этой точки зрения социальная практика "принимает характер преднамеренных, планомерных действий, направленных на достижение определенных, заранее известных целей[4], а ее основные моменты в целом соответствуют логике раскрытия сущностных характеристик исторического опыта. Это, в частности, предусматривает соотнесение целей и результатов деятельности, оценку оптимальности конкретного выбора субъектом целей развития и средств их реализации, а также степени их адекватности назревшим общественным потребностям. Эта социальная деятельность и является предметом исследования. Его структура в свою очередь задается объектом исследования. Такое определение предмета исследования позволяет интерпретировать цель программы — обобщение исторического опыта регионального развития как ретроспективный анализ деятельности по формированию, развитию и использованию социального потенциала региона, выявление основных направлений и факторов этого

процесса. Ее достижение осуществляется посредством реализации промежуточных целей. Они задаются структурой предмета исследования (см. схему 1).

Схема 1

Дерево целей программы "Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)"

Обобщение исторического опыта развития выделенных сфер общественной жизни предполагает решение следующих познавательных задач:

1. Выявление социальных потребностей развития каждой из этих сфер.

2. Характеристика процесса осознания потребностей, выбора целей развития, определения средств и способов их достижения.

3. Исследование деятельности по регулированию и управлению развитием той или иной сферы общественной жизни.

4. Определение итогов, основных тенденций и этапов развития каждой сферы, оценка эффективности управления этими процессами.

Представляется, что такой подход позволяет провести обстоятельный анализ процессов социально-демографического, экономического, политического и культурного развития региона за длительный исторический период. При этом следует иметь в виду следующее. Поскольку потенциал материального и духовного производства, потенциалы социальной, социально-

демографической и политической сфер в свою очередь членятся на относительно самостоятельные компоненты, то для решения поставленных задач необходимо выполнение предварительного условия. Оно заключается в проведении ретроспективного анализа деятельности по формированию, развитию и использованию каждого из этих потенциалов. Формулировка соответствующих целей и задач дана в специальных разделах программы.

Примечания

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 331; Т. 17 С. 378, 415; Т. 21. С. 240; Т 23. С. 46; Т. 41. С. 3, 256.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 325.
3. См.: Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 26—27.
4. Там же. Т. 20. С. 494.

Целевая научно-исследовательская программа "Исторический опыт регионального развития" (Урал и сопредельные территории). Свердловск, 1989. С. 3–12. (Руководитель авторского коллектива)

Программно-целевой подход к изучению исторического опыта индустриального развития

Многовековой опыт индустриального развития, особенно таких промышленных регионов, как Урал, имеет непреходящее значение для осмысления современных процессов в сфере материального производства, которое под влиянием научно-технической резолюции быстро меняет свой облик и ставит все новые и новые задачи по его совершенствованию. В условиях крутой ломки социально-экономических императивов под влиянием перестройки, возвращения к рыночным отношениям в активизации сотрудничества с иностранными предпринимателями проблема обмена опытом выходит на передний край экономического развития,

Для того, чтобы извлечь из этого опыта практические результаты, его не стоит отождествлять с обычным историческим зна-

нием. По своей сути исторический опыт представляет собой преемственность знаний и умений поколений, целесообразно отобранные и системно проанализированные сведения, необходимые для осмысления непосредственных практических задач, стоящих перед обществом на данном этапе.

Такой подход позволяет осмыслить историческую ситуацию не просто как данность, а как сложную вероятностную взаимосвязь между возможностью и действительностью, то есть исследовать объективно заложенные в историческом процессе альтернативные варианты общественного развития. Более того, исторический опыт может выполнять прогностическую функцию при условии правильного понимания взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим.

Важной предпосылкой изучения и использования исторического опыта функционирования крепких индустриальных систем является локализация во времени и пространстве их составных частей, что имеет принципиальное значение для построения теоретических моделей регионального развития. Богатейший материал для этого дает индустриальный Урал, который с древнейших времен до наших дней является одним из ведущих мировых центров промышленного производства. На его примере убедительно прослеживается как общегосударственные закономерности, так и региональные особенности индустриального роста, а также его социальных последствий. История Урала хранит уникальный опыт сотен поколений в освоении полезных ископаемых, развитии техники, организации промышленного производства, формирования и подготовки кадров, решения социальных проблем.

Сформулированный выше новый подход к изучению исторического опыта требует новых методов его изучения. Лучшим средством для этого являются целевые исследовательские программы, которые предполагают наличие проблемы и определенные цели, выделение целеобразующей системы, разработку комплексной программы развития системы, создания особого механизма реализации этой программы. Такая программа ("Исторический опыт регионального развития") разработана в Институте истории и археологии Уральского отделения АН СССР. Она сосредотачивает главное внимание на изучении деятельно-

сти общества, направленной на накопление и использование социального потенциала региона, на выявление основных тенденций и этапов развития, что в частности предполагает соотнесение целей и результатов деятельности, оценку оптимальности конкретного выбора целей развития и средств их реализации, степени адекватности назревшим общественным потребностям. Намечено решение главных познавательных задач: выявление социальных потребностей развития соответствующей сферы деятельности; характеристика процесса осознания потребностей, выбора целей развития, определения средств и способов их достижения, исследование деятельности по регулировании и управлению развитием той или иной сферы, определение основных тенденций и этапов; оценка эффективности управления и регулирования этих процессов.

Исторический опыт развития сферы индустриального производства - многогранная проблема как во времени и пространстве; так и по внутреннему своему содержанию. Для того, чтобы сосредоточиться на её ключевых вопросах, необходимо правильно выбрать ракурс исследования, оптимально сформулировать его цель, что является непременным условием программно-целевого подхода. А при многомерности и разнохарактерности индустриального развития в различные исторические эпохи свести его к определенному алгоритму очень трудно. Тем не менее тщательное взвешивание многовариантных альтернатив целеполагания привело к выводу, что *наиболее оптимальным является эволюция технологического способа производства, поскольку она проходит через все эпохи, является главным содержанием индустриального развития и отражает как производственные, так и социальные его стороны*. Кроме того, дозволяет сравнивать не только временные, но и территориальные параметры, что дает возможность по единой методике соотнести индустриальное развитие Урала в любую историческую эпоху с соответствующими показателями других регионов не только нашей страны, но и мира.

Взять к примеру возникновение металлургии в различных частях света, основополагающие изменения в технологии производства металлов и сопутствующие им сдвиги в социальной организации, или серию более общих технологических революю-

ций, особенно переход от доиндустриального к индустриально-техническому способу производства, а от него к научно-технической революции. В этой связи большой научный интерес представляет до конца не осмысленный промышленный переворот в уральской промышленности в XIX в., его сущность и хронологические рубежи, альтернативные варианты последующего развития. Давно пора ликвидировать искусственно созданный барьер между феодально-капиталистической и социалистической индустриализацией Урала. Это был единый исторически обусловленный процесс, на примере которого ярко прослеживается последовательная эволюция технологического способа производства со всеми социальными и экологическими следствиями, которые легко коррелируются с историческим опытом классических индустриальных районов мира, таких как германский Рур и американские Аппалачи.

В отличие от предшествующей историографической традиции, рассматривавшей преимущественно событийную сторону создания и развития индустриального потенциала Урала, изучение его исторического опыта предусматривает исследование механизма формирования и реализации целей экономического развития, соотнесение их с итогами развития, извлечение позитивных и негативных уроков, выработку на этой основе рекомендаций для современной социальной практики.

Индустриальные сюжеты в освоении природных богатств Урала уходят корнями в седую древность. На протяжении столетий неоднократно менялись причины и следствия этого процесса, средства и способы достижения целей, направления деятельности общества по их реализации, но при всем том проявлялись некоторые общие закономерности, как позитивные, так и негативные, которые следует учитывать в современной и будущей социальной практике не только в этом, но и в других районах.

Конкретные задачи исследования можно свести к четырем основополагающим блокам. Первый – выявление природных, экономических, политических и социальных факторов развития индустрии региона. На разных этапах истории освоения Урала эти факторы проявлялись по-разному, составляя исключительное разнообразие их взаимодействия. Даже такой, казалось бы,

незыблемый фактор, как природный, нередко круто поворачивался своими гранями. Тот же металл, определявший индустриальную специализацию региона с глубокой древности, то далеко выходил вперед по сравнению с другими природными ресурсами, то несколько отступал, например, во времена Строгановых. Исследование природного фактора с позиций исторического опыта особенно важно в двух ракурсах. Первый ориентирован на осмысление поисков полезных ископаемых как учеными, так и простым народом, извлечение из этого опыта сведений, имеющих практическое значение сегодня. Второй ракурс связан с исследованием веками складывающейся практики разумного природопользования, охраны природы от антропогенного воздействия.

Урал – энциклопедия народного опыта взаимодействия человека и природы на поприще использования его ископаемых богатств в разные исторические эпохи. В доиндустриальный период существовали жесткие правовые и нравственные нормы охраны окружающей среды, которые не стоит сбрасывать со счетов в наш угрожающий век. В результате все расширяющейся хозяйственной деятельности катастрофически выросло воздействие человека на природу. Оно приблизилось к геологическим масштабам, а по вредоносному воздействию, пожалуй, превзошло их. В поисках экологической защищенности определенную роль могут сыграть исследования историков, которым предстоит изучить сокровищницу народной мудрости и здорового нравственного начала в вопросах рационального природопользования, Целенаправленная работа историков и экологов даже без больших материальных затрат может дать ощутимые результаты.

Экономические факторы развития уральской индустрии перманентно определялись балансом взаимодействия между его природными ресурсами и спросом общества на определенные виды этих ресурсов в разные исторические эпохи. Почти каждый период Урал поставлял какой-то свой специфический ресурс, прежде всего горного происхождения. Из всей многогранности экономических проблем хотелось бы выделить две, наиболее актуальные сегодня. Первая – это уральская индустрия на внутреннем и внешнем рынках. Были периоды, когда она играла

решающую роль в России и не последнюю в Западной Европе, даже Америке. Вообще изучение уральского рынка – богатейший кладезь опыта для предстоящего перехода нашей страны к рыночным отношениям.

Вторая проблема – спасение "старейших", депрессивных районов, выведение их из кризисного состояния. Теперь, видимо, мало кто сомневается, что к их числу относится нынешний Урал. Такое положение он переживает не первый раз. Достаточно вспомнить пореформенный период, когда складывалась аналогичная ситуация. Из того кризиса он выходил долго, до социалистической индустриализации, которая кардинально изменила его промышленный потенциал и социальную структуру. Видимо, целесообразно посмотреть на позитивы и негативы этого процесса, сделать из них соответствующие выводы.

Немалый опыт выведения депрессивных районов из их тяжелого состояния накоплен в странах Запада, и его тоже надо учесть. В США,например, в таком положении оказались штаты Новой Англии, район Великих озер, Аппалачи. Одна из причин бедственного положения этих районов, как и Урала, состоит в том, что раньше они вносили повышенный вклад в национальный бюджет, который перераспределяется в пользу районов нового освоения. Старые же индустриальные центры оказались запущенными не только в экономическом, но и в социальном, экологическом отношении. Они представляют собой потенциальный источник замедления темпов развития экономики страны и социального напряжения в обществе.

Программа выведения этих районов из депрессии составлялась "снизу вверх", исходя из потребностей местных административных единиц, затем штатов, а потом уже региона в целом. Это позволило оптимально увязать главные проблемы, сформулировать цели развития, схемы финансирования. Суть антидепрессивных мероприятий сводилась к гибким формам сочетания централизованного и местного руководства с прямым бюджетным финансированием и отраслевой разбивкой, созданию четкой юридической основы регионального регулирования и стимулирования капитальных вложений и т. д.

Политические факторы развития можно условно разделить на внешние и внутренние. Отдать предпочтение тому или дру-

гому трудно, поскольку индустрия в равной мере зависела от них, но в отличие от других регионов страны в связи с высоким удельным весом в ней металлургии она часто служила интересам военных ведомств, которые обслуживали внешнеполитические цели. Так было во времена петровских, наполеоновских и сталинских войн, как горячих, так и холодных.

Задача историка заключается в том, чтобы в широком геополитическом контексте осмыслить влияние этих факторов на индустриальное развитие, понять их позитивную и негативную роль, что принципиально важно в современных условиях, особенно в связи с конверсией оборонной промышленности Урала. Богатый материал для этого дает перевод промышленности на мирные рельсы после второй мировой войны, его обобщение будет способствовать повышению обоснованности ныне принимаемых решений. Следует учесть и мировой опыт, прежде всего американский. Важно установить взаимосвязь между глубиной конверсии и развитием внутриполитической, а также внешнеполитической обстановки, изучить механизм управления процессом конверсии, определить действенные меры по эффективному использованию высвобождаемых ресурсов, оценить эффективность предпринимаемых мер по преодолению негативных социальных последствий конверсии (проблемы занятости, льгот, ломка сложившихся стереотипов хозяйствования и определенной производственной культуры и т. д.).

Второй блок – характеристика процесса осознания потребностей развития индустрии, выбора его целей и приоритетов, определение сил и средств их достижения. Решение этих проблем зависело от задач, стоящих перед обществом в конкретную историческую эпоху, его возможностей, а также степени изученности региона, но в связи со спецификой Урала они по ряду позиций нередко перекликались. Осознание потребностей индустриального развития проходило в разных слоях общества посвоему. Правящие классы и соответствующие государственные структуры исходили из стремления возможно большего расширения производства для внутреннего и внешнего рынка, всевозможных военных кампаний. Народ видел источник заработка в дополнение к сельскохозяйственному труду, а то и без всякой выгоды для себя принуждался заводчиками к работе на казну

или хозяина. В советский период осознание потребности индустриального прогресса региона вышло на иной уровень. После Октябрьской революции оно связывалось с заманчивыми перспективами создания более совершенного общества и на какой-то период соединило интересы государства и народа.

Выбор целей и приоритетов индустриального прогресса – одна из важнейших, сложнейших актуальных проблем для изучения исторического опыта, поскольку от них зависят темпы и пропорции индустриального развития, его цена. Цели уральской индустрии формулировались отдельными лицами, частными и государственными ведомствами, иногда в этом процессе принимали участие иностранные представители. Сегодня очень важно знать механизм принятия решений регионального развития, согласование целей и средств его осуществления, понять сочетание и противоречие государственных и территориальных интересов.

Известно, что на заре Советской власти была провозглашена прогрессивная идея рационального размещения производительных сил, но она не была достаточна глубоко научно проработана, уперлась в политические догматы и не дала на практике ожидаемых результатов. Её не удалось оптимально применить к условиям многонационального государства, раскинувшегося на огромной территории. Закономерности рационального размещения производства и комплексного социально-экономического развития регионов были подменены административным диктатом, интересы территорий и ведомств не совпали, не работал механизм их совмещения. В результате освоение и развитие окраинных территорий шло трудно, с большими экономическими и моральными издержками.

Определение сил и средств индустриального развития связано с выявлением источников финансирования, получения орудий и средств труда, привлечения рабочей силы. Эффективность капитальных вложений всегда была критерием индустриального прогресса, тем более в современных условиях. Предстоит изучить на богатом уральском материале пути её оптимизации. Наиболее профессионально историк может подойти к решению социальных проблем индустриального развития: привлечению

рабочей силы, формированию трудовых коллективов, подготовке кадров, совершенствованию стимулов к труду.

На уральских предприятиях изначально применялся как вольный, так и подневольный труд, начиная с предприимчивых промышленных людей и крепостных до стахановцев и заключенных сталинских лагерей. Крупные масштабы индустриального развития и его трудности обусловила большой оборот рабочей силы. Особенно высокими темпами этот процесс шел в годы советской индустриализации. Только за 1929–1930 гг. на Урал переселилось около 2 млн. чел. При этом надо иметь в виду, что не все они прибыли сюда добровольно. По состоянию на 1 июля 1938 г, в Свердловской области находилось свыше 170 тыс. так называемых трудопоселенцев, в Челябинской – 57 тыс., в Башкирии – 12 тыс. В 50–70-е гг. в связи с многочисленными просчетами в индустриальном развитии региона, ухудшением экологической обстановки начался отток населения. За 1959–1979 гг. из Уральского экономического района выехало свыше 2 млн. чел, то есть мигрировал каждый десятой житель. Эти и другие историко-демографические и социальные проблемы требуют тщательного изучения, извлечения из них уроков для современной социальной практики.

Третий блок – исследование деятельности по развитию индустрии региона, управление этим развитием. Весь спектр деятельности по индустриальному освоению Урала рассмотреть в рамках одной статьи невозможно даже схематически. Поэтому назовем только её составляющие: проектирование предприятий, их строительство и эксплуатация, управление, технический прогресс, обеспечение кадрами. Эту деятельность вели: правительство, специальные ведомства, компании и фирма, отдельные личности, нередко выдающиеся. Обобщение такого опыта, особенно знаменитого уральского предпринимательства, может дать очень интересные результаты в условиях разнообразия форм собственности, многим из которых необходимо возродиться практически заново.

В свое время феодальная организация металлургического производства на Урале затормозила технический прогресс, что правело к его упадку. Нынешняя экстенсивная экономика с её командно-административными методами руководства также ве-

дет к тому, что Урал оттесняется на второй план районами нового освоения, превращается в стагнирующий регион не только в экономической, но и особенно в социальной сфере, в то время как его огромный потенциал может иметь куда более эффективную отдачу при условии изменения системы хозяйствования. При этом необходимо учитывать уникальность исторического опыта. С одной стороны, нельзя недооценивать его инертность, формулируемые из поколения в поколение представления, традиции, навыки. На разрушение самобытного экономического строя Урала ушли многие десятилетия, и было бы наивно полагать, что наследие командно-административной системы сгинет в одночасье. С другой стороны, не стоит преувеличивать возможности имплантирования чужого опыта. Это опять-таки доказала мучительная перестройка экономики Урала во второй половине XIX – начале XX веков. Видимо, и сегодня нас не спасут простое копирование некоторых капиталистических форм ведения хозяйства или атрибуты югославских и китайских форм.

В связи с переходом на региональный хозрасчет небезинтересно обратиться к опыту уральских горных округов, которые включали в себя предприятия по добыче руды и топлива, выплавке и переработке металлов, снабжению рабочих кадров продовольствием, сбыту готовых изделий и т. п. Жизнеспособность, устойчивость и эффективность этих территориально-производственных образований подтвердила двухсотлетняя история их существования. Речь, конечно, не идет о бездумном копировании такой системы, она была порождением своего времени и вместе с ним канула в лету. Сегодня можно было бы попытаться использовать аналогии с прошлым.

Нелишне вспомнить в данной связи и западный опыт управления территориями, в частности, концепцию "полюсов роста", рассчитанную на то, что ключевые центры роста "вытянут" ближайшие к ним периферийные территории. Такая попытка сделать взаимодополняемыми регионы Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии была сделана на рубеже 70–80-х гг. XX в., но она оказалась нереализованной. Эти регионы вместо объединения в рамках единого хозяйственного комплекса по-прежнему развиваются в русле изолированных экономиче-

ских зависимостей от центра и, судя по нынешним тенденциям, такое "разбегание" даже усиливается. Между тем, на базе рыночных отношений у них есть благоприятные естественные интенции к экономической интеграции. Тем более, что такие структурно "стареющие" районы, как Урал накладывают тяжелое бремя на центральный бюджет, который и без того находится в чрезвычайно трудном положении. Региональный хозрасчет для него, в отличие от районов, специализирующихся на производстве товаров народного потребления и обеспечивавших "изголодавшийся" рынок, чреват тяжелыми осложнениями. Поэтому взаимное тяготение полюсов мощного индустриального роста и крупного сельскохозяйственного производства, товаров народного потребления взаимовыгодно в перспективе.

С позиций изучения предшествующей деятельности по организации крупного промышленного производства и исследования механизма управления им полезно посмотреть на опыт создания атомной промышленности на Урале, поскольку она продемонстрировала эффективность концентрации научных, технико-технологических, инвестиционных и социальных ресурсов. Данный опыт может быть использован для решения задач технической модернизации советской индустрии, обновления ее производственного аппарата. В наши дни он выступает необходимым компонентом реалистического, достоверного взгляда на прошлое и настоящее региона, позволяет по-новому осветить важные тенденции в советской политике размещения производительных сил, место и роль Урала в мировом геополитическом контексте. Такая работа настоятельно необходима, поскольку из жизни уходят участники и крупные организаторы атомного производства, стоящие у истоков этого проекта, остается невостребованными их опыт и знания, которые практически не отложились в архивах. Расширение гласности, снятие секретности со многих аспектов оборонной политики делает возможным раскрытие этой темы.

Четвертый блок – определение тенденций, этапов и итогов индустриального развития, их соотнесение с первоначальными целями и потребностями общества в производстве индустриальной продукции. Обстоятельно рассмотреть первую половину задач данного блока в силу их широты и ограниченного объема

статьи невозможно да они и не представляют большой трудности в понимании, сосредоточим внимание на второй половине задач, которые более сложны в интерпретации.

Соотнесение целей и результатов индустриального развития сопряжено с серьезными трудностями ввиду большой дистанции между ними как во времени, так и в пространстве. Нередко цели ставились в одних условиях, а результаты получались в других. Промышленная продукция производилась на Урале, а потреблялась как правило в других частях страны или за рубежом. Поэтому трудно судить о том, что это давало региону, хотя государству – безусловно очень много, особенно в стратегическом отношении и в освоении Азиатской России. Главный вопрос здесь в том, чтобы правильно соотнести цели, пути их достижения, удовлетворенность общества в их результатах, а также цену побед и поражений. Выразить все это в строгих цифрах трудно, хотя бы потому, что их невозможно получить за многие столетия. Экспертным путем можно установить соотношение между затратами и результатами, между производственными и социальными издержками, между благами общества и ущербом природе. Такие расчеты необходимо прежде всего провести за последние три четверти века для того, чтобы основательно разобраться в предшествующих причинах того, что мы сейчас переживаем. Иначе трудно преодолевать то тяжелое положение, в котором оказался современный Урал.

Таким образом, развиваемый в данной статье программно-целевой подход к изучению истории индустриального развития, наряду с практически необходимыми сегодня результатами, может дать важные теоретические выходы на основе сформулированных выше новых целевых установок и специального электронного банка данных, созданного под эту программу. Важно подойти к изучаемому процессу широко и свободно, без втискивания его в прокрустово ложе идеологических догматов и надуманных схем, в том числе искусственных периодизаций, которые сами по себе может быть и неплохие, но они часто разрабатывались совсем по другому поводу и не учитывают интересующих нас сюжетов. В исследовании надо идти от внутренней логики естественного процесса, а не от апологетической его канонизации или нигилизма по отношению к нему. Конкретной

реализацией такого видения проблемы может стать история индустриального развития Урала с середины XIX в. не сквозь призму загнивания капитализма и предпосылок социалистической революции, а в ракурсе эволюции технологического способа производства со всеми вытекающими отсюда экономическими, социально-политическими и экологическими последствиями. Так станет виднее место Урала в мировой индустриальной цивилизации, его роль в геополитическом контексте и мирохозяйственных связях, понятней альтернатива прогресса, суть депрессивности и пути выхода из нее, "догонявший" тип развития и многие другие глобальные проблемы, высвеченные с позиций компаративной истории.

Изучение исторического опыта и исследование генеральных закономерностей индустриального прогресса должно предусматривать сохранение индустриального наследия, его музеефикацию. В последнее десятилетие этой проблеме уделяется повышенное внимание во многих странах мира. Возникла даже специальная отрасль знания – индустриальная археология, которая в условиях становления информационного общества относится к промышленным объектам XVI–XX вв. как к материальным памятниках "уходящей" цивилизации. Объекты индустриальной археологии становятся важнейшей частью общекультурного наследия. Она способствует воспитанию исторического сознания всей нации или определенного регионального сообщества. В ряде стран памятники индустриального наследия преобразуются в привлекательные туристические объекты, а это нередко дает новую жизнь депрессивным районам, увеличивает занятость населения, стимулирует развитие социальной инфраструктуры. Такой путь обещает хорошую перспективу Уралу с его многочисленными к уникальными памятниками индустриального наследия, которые имеют далеко не местное, а часто мировое значение, например, Нижнетагильский металлургический завод. Их сохранение и музеефикация – патриотический долг и профессиональная обязанность историков.

Рабочий класс и общественное обновление: итоги и задачи изучения. Уфа, 1991. С. 29-40.

Исторический опыт управления российским городом: структура и механизмы

Введение

Управление современным городом представляет собой сложный, многоцелевой процесс. Он получил относительно широкое освещение как в отечественной, так и в зарубежной литературе. *При всей значимости этих публикаций в них как правило упускается вопрос о том, как связано прошлое, настоящее и будущее города.* Конечно, любого управленца прежде всего волнуют проблемы сегодняшнего дня, но нельзя забывать, что прошлое постоянно прорастает в настоящее, а нередко держит его в цепких объятиях, не давая прорваться в будущее. Многочисленные новации увязают в трясине старых нерешенных проблем и не позволяют двигаться вперед. *Вместо того, чтобы найти корни этих проблем, которые тянут нас назад, и избавиться от них относительно недорогой гиеной, мы нередко прилагаем титанические усилия к рывку в неизведанное будущее, а фактически пробуксовываем на месте.*

Выдающийся русский историк *В.О. Ключевский* утверждал: "История учит даже тех, кто у нее не учится. Она их проучивает за невежество и пренебрежение" Однако, ни одно поколение российских политиков и управленцев не приняло в расчет эти мудрые слова и пыталось кавалерийской атакой взять новые рубежи, не понимая того, что коварная русская история держит их в своих цепких объятиях.

В течение XX века Россия металась от монархии к советскому тоталитаризму, а от него к постсоветскому декларативному демократизму. При этом взаимоотношения центральной и местной власти, государственного и муниципального управления перманентно вращались в треугольнике: кризис—реформа—контрреформа. В этом "Бермудском треугольнике" утонули благородные порывы, смелые начинания, благие ожидания, огромные средства и людские судьбы. *На пороге XXI века, после попыток либеральных реформ, страна вновь оказалась на распутье.* И тут снова приходится обратиться к *В.О. Ключевскому,* который писал: "Любуясь, как реформа преображала русскую старину, не доглядели, как русская старина

преображала реформу" Видимо, и мы не доглядели как современная российская действительность преобразила либеральную реформу. Хочется кому-то или нет, а уроки истории рано или поздно придется извлекать.

В задачу данного доклада входит попытка тезисно осмыслить исторический опыт управления российским городом за последние три века[1] Особенность работы заключается в использовании двойного исследовательского фокуса: *исторического* (ретроспективного) и *перспективного* (ориентирующего на выявление и оценку исторического опыта), — что накладывает отпечаток на ее характер и требует соблюдения осторожного баланса между историческими и "футурологическими" оценками исторического прошлого. С исторической точки зрения развитие городского управления и самоуправления, связанное с такими понятиями как прогресс, модернизация, индустриализация, урбанизация, расширение участия населения в политическом процессе, рост общественной инициативы и организационной самодеятельности, безусловно заслуживает положительной оценки, несмотря на присущий историческому процессу циклизм и возможность сбоев, возвратов, регресса на определенных стадиях истории.

Ориентация на извлечение исторического опыта требует постоянного сопоставления анализируемого исторического прошлого с настоящим и будущим. В этом плане *наибольший интерес представляет анализ разнообразных моделей организации социальной жизни и механизмов, связанных с их функционированием.* Непременной составляющей такого анализа должно стать выявление позитивных и негативных сторон в организации деятельности исторических институтов. При этом негативный исторический опыт оказывается актуальным не в меньшей, а может быть и в большей степени, чем позитивный.

Имперский период

В конце XVII столетия обнаруживает себя тенденция к ограничению вмешательства коронной администрации в дела городской (посадской) общины. По реформе 1699 г. функции воеводской канцелярии (коронная администрация), относящиеся к

[1] Использованы материалы Е.Ю. Апкаримовой, А.В. Иванченко, И.В. Побережникова.

городскому населению, перешли целиком к органам самоуправления (земской избе). Члены земской избы должны были избираться посадским населением (купцами, ремесленниками). Земские избы российских городов были подчинены центральной Московской земской избе, которая получила наименование Бурмистерской палаты, или Ратуши, члены которой также избирались посадскими Москвы. Данная реформа способствовала консолидации посадских в общегородские общины и отделению коронной администрации от городского (посадского) самоуправления.

Впоследствии, *в первой четверти XVIII столетия (1708—1721), ратуша как центральный орган управления была упразднена, и органы городского самоуправления были вновь подчинены местной коронной администрации (губернаторам) В 1721—1724 гг. вместо земских изб в городах были созданы магистраты — коллегиальные учреждения,* состоявшие из выборных, но несменяемых президента, бурмистров и ратманов. Магистраты ведали финансами и сбором податей, управляли городским хозяйством, народным образованием, полицией, судом, призрением. Они были изъяты из ведения местных воевод и подчинены Главному магистрату в С.-Петербурге (в его состав наряду с выборными входили и коронные чиновники). *В 1727—1743 гг. городские самоуправления вновь подчинялись местной коронной администрации — губернаторам и воеводам,* Главный магистрат в данный период упраздняется. В 1743 г. основы городской реформы 1721 г. были вновь восстановлены. Подобное положение сохранялось до областной реформы Екатерины II (1775—1785 гг.).

Необходимо заметить, что на всем протяжении указанного периода *существовали как бы две структуры местного городского самоуправления.* Сохранялась традиционная городская община, избиравшая мирское управление и земских старост. Был учрежден магистрат во главе с президентом. *Традиционная община* преимущественно осуществляла неофициальные, общественные функции социальной защиты городского населения и его интересов. *Магистратское же управление* в большей степени ориентировалось на выполнение государственных, официальных функций. При этом имело место тесное взаимодействие

(но порой и конфликты). Конечно, местное самоуправление в 1700—1770-е гг. было еще крайне несовершенно (постоянные реформы, порой спазматические, атмосфера поиска оптимальной структуры местного самоуправления свидетельствуют, что в обществе существовало понимание этого).

Структура его была дуалистичной, что вело к постоянным противоречиям, напряженностям между институтами и функциями городского самоуправления. *С перспективной точки зрения представляет интерес наличие в данный период центрального органа, смешанного по своему составу (и выборные, и назначаемые члены), которому подчинялись местные самоуправления. Данный орган выполнял координирующие функции применительно к институтам городского самоуправления всей страны.*

Существенные изменения в организации городского управления произошли в ходе *областной реформы Екатерины II.* Было осуществлено четкое размежевание города и уезда, горожан и селян в административном плане, *состоялось окончательное выделение города в самостоятельную административную единицу.* Согласно Жалованной грамоте городам 1785 г., город, все городское население, рассматривались как юридическое лицо, как самоуправляющееся общество со своими особыми, отличными от государственных интересами и нуждами. В соответствии с реформой создавались общесословные городские органы из представителей всех сословий, за исключением военных и крестьян: общее собрание цензовых горожан — Собрание общества градского; представительное собрание всего городского населения — Общая городская дума; исполнительный орган городского самоуправления — Шестигласная городская дума. Необходимо признать, что структура органов городского самоуправления была излишне усложнена — реальность в дальнейшем ее несколько упростила.

Компетенция указанных органов распространялась на весь город. При этом были сохранены губернские и городовые магистраты. Функции магистратов и новых органов самоуправления были дифференцированы не слишком четко. Думы должны были заниматься общественными финансами, общегородским хозяйством и общегородскими текущими делами. За магистратами

оставлялись: сословный суд, казенные сборы и налоги, управление делами, касавшимися купцов, мещан, ремесленников. Таким образом, *магистрат становился органом суда и самоуправления только для городских сословий, а дума — органом самоуправления всех горожан.* В руки государства перешла полицейская функция и в значительной степени культурно-воспитательная.

В дальнейшем — до Великих реформ XIX столетия — организация общественного управления городов изменилась мало. В первой половине XIX в. происходило некоторое сужение компетенций городских самоуправлений в связи с созданием в рамках коронных учреждений особых ведомств (специальных комитетов и комиссий), специализированных на отдельных сторонах местного хозяйства и благоустройства (санитария, коммуникации, социальное призрение).

Распределение полномочий между думами и магистратами, сложившееся в конце XVIII в., вряд ли можно считать рациональным, но оно возникло исторически, в условиях господства сословной парадигмы в сознании как населения, так и самих законодателей. Собрания городского общества не стали в реальности общесословными — военные и крестьяне, проживавшие в городах, были лишены избирательных прав; дворянство, духовенство и разночинцы не участвовали в них, считая это ниже своего достоинства; слишком высоким был имущественный ценз для участия в городских собраниях. Имела место бюрократизация деятельности исполнительных органов городского самоуправления, непосредственные отношения между членами которых и избранниками прекращались после процедуры выборов, вся деятельность городских дум и магистратов проходила за закрытыми для рядовых горожан дверями. В 1775—1785 г. городские магистраты и думы были официально включены в систему местного государственного управления, то есть, будучи органами городского самоуправления, они одновременно становились и государственными учреждениями. После образования в 1802 г. Министерства внутренних дел они были подведомственны ему.

Дела "общего благоустройства" — "по охранению тишины и порядка среди городского общества" — городские самоуправления должны были осуществлять в тесном контакте и под кон-

тролем коронной администрации, а дела "общего благосостояния" и "общественного хозяйства" — находились в полном и исключительном ведении органов общественного управления. *За исполнение государственных функций городские самоуправления отчитывались перед коронной администрацией, а за исполнение общественных дел — перед избирателями и общиной.* Служба на общественных должностях приравнивалась к государственной службе, деятелям общественного управления присваивались чины соответственно их должности, но без привилегий — жалованья, пенсий, орденов, которыми располагали чиновники.

Городская реформа 1870 г. привела к созданию всесословного городского общества. Однако имущественный ценз лишил 95% горожан избирательных прав. Из числа избирателей были исключены все не платящие городских сборов. Изменилась система голосования, которое теперь осуществлялось не по сословным группам, а по трем имущественным куриям (так называемая куриальная система), формировавшимся в соответствии с размером уплачиваемых сборов. Каждая курия, независимо от численности ее состава, избирала равное количество гласных в городскую думу.

Реформа трансформировала характер отношений между городским сообществом и коронной администрацией. Проведенная в соответствии с общественной концепцией самоуправления, согласно которой местное общество и государство имеют различные цели и сферы деятельности, реформа размежевала государственные и общественные функции. Коронной администрации были переданы фискальные и полицейские функции; судебным органам — судебные функции; городским думам — вопросы городского хозяйства (транспорт, водоснабжение, связь, канализация и т. д.), общественное призрение, здравоохранение, культура и образование. Таким образом, компетенция городской думы была в определенной мере сужена, но при этом она получила автономию от коронной администрации. За последней (губернатор, губернское по городским делам присутствие) сохранялось только право надзора за законностью решений и действий муниципальных органов; лишь немногие ка-

тегории постановлений городских дум должны были утверждаться администрацией.

Куриальная избирательная система создавала массу неудобств в реальной жизни, поэтому она была отменена Городовым положением 1892 г., которое нередко интерпретируется как контрреформа. Одновременно был увеличен ценз. Исследователи отрицательно оценивают усиление правительственной опеки над органами местного самоуправления, санкционированное положением 1892 г. Если ранее губернатор и губернское присутствие должны были лишь осуществлять надзор за законностью действий городского самоуправления, то после 1892 г. надзору были подчинены правильность или целесообразность постановлений и распоряжений городского самоуправления.

К числу недостатков пореформенной системы городского самоуправления можно отнести: совмещение руководства исполнительным органом (городской голова) и председательства в распорядительном органе (думе); наличие антагонизма между городскими думами и управами (служебная карьера членов исполнительных органов в большей степени зависела от администрации, а не от распорядительного органа, что определяло их поведение); бюрократизм; недостаточное количество гласных.

По-прежнему сохраняет актуальность *дихотомия общественной и государственной концепций местного самоуправления.* Согласно первой под местным самоуправлением понимается осуществление местными жителями или их избранными представителями тех обязанностей и полномочий, которые им предоставлены законодательной властью или принадлежат по общему праву. По государственной концепции, местное самоуправление трактовалось как часть государственного управления, лишь осуществляемого посредством самих заинтересованных лиц не являвшихся профессиональными государственными служащими (бюрократией). Классическое определение местного самоуправления в русле государственной концепции предложил в свое время Н. Лазаревскии: *"Местное самоуправление есть децентрализованное государственное управление, где самостоятельность местных органов обеспечена системой такого рода юридических гарантий, которые, создавая действительность децентрализации, вместе с тем обеспечивают и тесную*

связь органов местного государственного управления с данною местностью и ее населением"

На большем протяжении истории имперской России учреждения городского самоуправления строились в соответствии с принципами, составлявшими основу государственной концепции (с XVIII до 1870 г., в определенной степени с 1892 по 1917 гг.). *Несмотря на присущие данному подходу недостатки (в частности, ограничение самодеятельности граждан), он имел и свои плюсы - более гармоничные отношения между государственным управлением и общественным самоуправлением обеспечение управляемости обществом; широкие ресурсы для мобилизации масс.* Общественная концепция была воплощена в организации местного самоуправления пореформенного периода. Противопоставление государственного управления общественному самоуправлению (даже в теоретическом плане создающее значительные затруднения), проистекавшее из данной концепции, в значительной степени уравновешивалось положительными моментами, присущими общественной концепции местного самоуправления – а именно: оптимальное обеспечение самодеятельности граждан, общественной инициативы; дисперсия власти, которая является обязательным условием для развития предпринимательства, экономического роста.

Обращаясь к историческому опыту управления и планирования развития уральских городов, следует *особое внимание уделить Екатеринбургу.* Становление самоуправления в местных городах происходило по-разному: в одних (Чердынь, Соликамск) оно восходило к давним традициям собственно городского самоуправления, в других, образованных из слобод (Шадринск, Камышлов) долгое время сохраняло облик сельского самоуправления, в некоторых развивалось под более жестким и многосторонним контролем горнозаводской администрации (Екатеринбург, который продолжительное время имел даже особый статус горного города). В XVIII — XIX вв. на Урале параллельно с общероссийской губернской управленческой системой существовала особая система горного управления, которая не только регламентировала развитие и размещение горнозаводской администрации, но и осуществляла административно-хозяйственные, финансовые и судебные функции. Это отрази-

лось и на истории городов (в частности, на городском самоуправлении Екатеринбурга). *С самого момента его основания уральская столица стала резиденцией региональной горнозаводской администрации (Обер-бергамта).*

В 1734 г. Обер-бергамт был преобразован в канцелярию Главного правления сибирских и казанских заводов. В том же году канцелярией главного управления заводов была учреждена должность полицмейстера Екатеринбурга. Он был обязан надзирать за частной жизнью рабочих. Тогда же в помощь полицмейстеру была учреждена контора судных и земских дел.

16 октября 1750 г. Главный магистрат принимает решение о создании ратуши, а в январе 1751 г. проводятся выборы в неё. Первым бургомистром становиться Иван Харчевников. После его смерти в июле 1753 г. бургомистром стал Иван Долгоруков, который раньше являлся ратманом. С этого времени купцы и цеховые получили определенные права самоуправления, пытались противостоять горнозаводской администрации, отстаивая собственные интересы.

В соответствии с Указом от 27 января 1781 года на Урале было образовано Пермское наместничество в составе Пермской и Екатеринбургской областей. В 1783 г. Екатеринбург получает свой официальный герб — символ самостоятельного областного центра. Меняется статус города (Екатеринбург получает статус уездного и областного города), изменяется и система его управления. В сентябре 1784 г. органами его управления становятся магистрат с двумя бургомистрами и четырьмя ратманами, дворянская опека и нижний земский уездный суд.

Введение Жалованной грамоты городам (1785 г.) стало новым этапом в истории городского самоуправления Екатеринбурга. Это произошло в 1787 г. *Городская дума была открыта 12 ноября 1787 г.,* а в 1790 г. открывается ремесленное управление. Это был период "сословного" городского самоуправления. Вместе с тем наблюдалась определенная преемственность. Отныне городское управление состояло из общей думы, шестигласной думы, сиротского суда. Сохранялся городовой магистрат. Лидирующие позиции в городском самоуправлении Екатеринбурга принадлежали купцам. Представители купечества сменяли друг друга на посту городского головы.

С 1807 по 1851 годы начинается период подчинения города двум властям: горному начальству и гражданской администрации. Горный начальник имел право утверждать избранных людей на общественные должности, наиболее важные статьи городского бюджета, в целом контролировать общественную жизнь города и его органов управления. На эти права претендовала и губернская администрация, которая, в свою очередь, пыталась регламентировать деятельность городских властей (например, она обладала правом ревизии городского бюджета).

25 сентября 1851 г. на рассмотрение Государственного совета было внесено дело о подчинении Екатеринбурга исключительной власти начальника горных заводов. Этот вопрос был решен положительно. 19 ноября 1851 г. решение Государственного совета было утверждено царем. С этого времени и по август 1863 г. город стал полностью подчиняться горной администрации. В дальнейшем вновь встал вопрос о передаче города Екатеринбурга из горного ведомства в гражданское. Победа оказалась на стороне представителей буржуазии, купечества, мещанства и цеховых, которые отстаивали необходимость подчинения Екатеринбурга гражданской администрации.

Передача Екатеринбурга под начало губернатора, а затем — введение Городового положения 1870 г. превратили его "в относительно самостоятельную, самоуправляющуюся административно-хозяйственную единицу" Вместе с тем подчеркивалась "антидемократическая направленность Городового положения 1870 года", которое "признано царизмом слишком либеральным" и была проведена новая реформа 1892 г., которая еще более урезала избирательные права населения и городской думы.

Городские реформы 1870 и 1892 гг., которые следует рассматривать как звенья одной цепи, внесли значительные изменения в систему *городского самоуправления Екатеринбурга.* Они предусматривали всесословное избирательное начало, буржуазный имущественный ценз. С принятием этих законов стал более четко реализовываться принцип разделения городских властей (распорядительной и исполнительной). Вместе с тем характер реформ существенно отличался и был обусловлен различием во взглядах реформаторов двух разных эпох (Александ-

ра II и Александра III). Это отчетливо видно при анализе избирательных законов — закон 1892 г. отличался еще большей недемократичностью.

Согласно закону 1870 г., учреждениями городского общественного управления Екатеринбург стали: избирательные собрания, городская дума (распорядительный орган) и городская управа (орган исполнительный). Председателем в них являлся городской голова. Городские избирательные собрания созывались один раз в четыре года для избрания членов городской думы (гласных). Время созыва определялось думой. *По Городовому положению 1870 г.,* далеко не все екатеринбуржцы получили избирательное право. Что касается активного избирательного права, то по ст. 17 Положения 1870 г., непосредственно избирать гласных могли только российские подданные, не моложе 25 лет. Помимо возрастного, закон устанавливал также ценз оседлости (2 года в данном городе) и имущественный ценз.

В целом ситуация в Екатеринбурге после реформы 1870 г. напоминала процессы, происходившие, в других уральских и вообще российских городах: избиратели здесь также составляли небольшой процент от общего числа горожан. В отличие от других городов Среднего Урала в Екатеринбурге более успешно функционировала трехразрядная избирательная система.

В результате городской реформы 1892 г. численность избирателей в Екатеринбурге сократилась в 11 раз. Отныне упразднялась трехразрядная избирательная система и вводилось единое избирательное собрание. После реформы 1892 г. до 44 человек сократилось число гласных Екатеринбургской городской думы (по предыдущему законодательству оно составляло максимально возможное по закону число —72 человека). Лидером в городском самоуправлении Екатеринбурга на протяжении всей его истории было купечество. Чаще всего именно представители купечества сменяли друг друга на посту городского головы. Городскими головами, как правило, избирались из среды гласных более состоятельные люди уже с определенным опытом работы в городских властных структурах. Вместе с тем, в отличие о других городов Среднего Урала, в Екатеринбурге после преобразования 1892 г. возросло влияние представителей дворянско-чиновничьей (точнее инженерно-технической элиты) прослойки

в городском самоуправлении. В городской думе и управе Екатеринбурга были слабо представлены мещане, тогда как в других уральских городах им наряду с купцами принадлежали доминирующие позиции в городском самоуправлении. Несмотря на изменения в численности и другие социальные последствия городских реформ, в целом состав городского самоуправления Екатеринбурга по ряду критериев оставался довольно стабильным, что во многом объясняется несменяемостью гласных на протяжении долгого времени (правда, к концу XIX в. несколько повысился средний образовательный уровень гласных Екатеринбургской городской думы).

Городовое положение 1870 г. провозглашало самостоятельный характер деятельности городского общественного управления, одновременно оставляя за правительственными властями право контроля. К сфере компетенции органов городского самоуправления, согласно *Городовым положениям 1870 и 1892 гг., относились самые различные хозяйственные вопросы.* Сфера компетенции городских властей была довольно широкой. Ситуация на практике соответствовала той, что устанавливалась законом. Эффективность деятельности органов самоуправления во многом зависела от их состава. Несмотря на определенную регламентацию городского бюджета, предусмотренную законодательством, городские органы власти могли проводить собственную финансовую политику, достаточно независимую от вышестоящих управленческих структур.

Пореформенные органы городского самоуправления сыграли положительную роль в хозяйственном развитии Екатеринбурга, его благоустройстве, расцвете местной торговли и промышленности, способствовали совершенствованию народного образования и здравоохранения, улучшению санитарного и противопожарного состояния и т.п. В конце XIX в. результаты этой деятельности стали еще заметнее. Екатеринбургская городская дума, возглавляемая "просвещенными" коммерсантами и общественными деятелями "новой волны", стала более усердно заниматься проблемами благоустройства, выделять больше средств на народное образование, медицину, ветеринарию и организацию социальной помощи. И все же в связи с финансовыми трудностями (весьма острой в отдельные периоды была пробле-

ма бюджетного дефицита) городская дума не всегда могла своевременно решать многие хозяйственные проблемы.

Таким образом, самоуправление Екатеринбурга имеет длительную историю, на протяжении которой оно неоднократно реформировалось. Исторический материал свидетельствует, что во все исторические периоды развития Екатеринбурга оно являлось важным социальным институтом с довольно широкими и разнообразными функциями, было необходимым и закономерным фактором организации развития и воспроизводства городской субкультуры. Можно видеть, что *Екатеринбург еще на заре своей истории обладал значительным административно-управленческим потенциалом,* необходимой экономической основой (муниципальной собственностью и бюджетом). Эффективность городского самоуправления зависела непосредственно от конкретных его представителей (прежде всего его руководящего состава). Не смотря на различные формы и методы контроля над городским самоуправлением, городским властям удавалось отстаивать интересы горожан. Вместе с тем, органы городского самоуправления, будучи инкорпорированными в общую систему государственного управленческого аппарата одновременно являлись проводниками политики центральной и губернской власти.

Говоря об опыте муниципального управления, нельзя анализировать историческую реальность, однозначно позитивно или негативно. В то же время анализ исторического материала с точки зрения долговременных тенденций развития города и системы его управления позволяет выявить те принципы, которым должно соответствовать городское самоуправление: демократический принцип выборности, разделение властей (не всегда этот принцип реализовывался достаточно четко); самостоятельность деятельности органов городского самоуправления в пределах определенной законом сферы компетенции, контроль со стороны других властных структур только за законностью этой деятельности.

Советский период

Февральская революция привела к кризису всей системы государственной власти в России. *В этих условиях объективно повышалось значение местного самоуправления,* которое само

по себе представляет собой важнейшую составляющую конституционного устройства любого демократического государства, а в обстановке "переходного периода", значительного ослабления высших государственных институтов могло бы стать определенным гарантом социальной стабильности в обществе. В то же время было очевидно, что налаживание действительно эффективной работы местного самоуправления было возможно только при условии его демократизации, ликвидации сословных пережитков и расширении управленческих функций.

Весной 1917 г Министерство внутренних дел подготовило пакет документов, большинство из которых было одобрено Временным Правительством Основополагающими моментами данной концепции преобразования местного самоуправления применительно к городам являлись: реформирование процедуры выборов в городскую думу на основе всеобщего прямого, равного и тайного голосования с введением в ряде городов Городового Положения (прообраз Устава города); укрепление финансовой самостоятельности городов; учреждение в крупных городах мелких городских единиц; расширение полномочий городского самоуправления в области поддержания правопорядка, организации охраны труда и социальной опеки населения. С позиций сегодняшнего дня можно отметить, что предложенная Временным Правительством модель в значительной степени созвучна ныне действующим принципам организации местного самоуправления, что свидетельствует о ее перспективном характере и практической ценности, прорастании идей начала века в современную действительность

В то же время, в условиях общероссийского системного кризиса и лихорадочной политизации общества разработанные центральной властью теоретические положения и конкретная организация практической деятельности местного самоуправления не всегда согласовывались между собой. Екатеринбург здесь не был исключением. На работу городской думы оказывали постоянное влияние и давление различные общественные силы, зачастую очень неопределенного характера и направленности: Комитет общественной безопасности, Совет рабочих и солдатских депутатов, фабзавкомы, политические партии и т.д. Иногда это вмешательство было целесообразным. Так, еще до проведе-

ния выборов в городскую думу состав этого представительного органа был по решению Комитета общественной безопасности расширен на 58 человек за счет представителей фабрично-заводских комитетов, профсоюзов и т.д. Реальным свидетельством более демократического характера новой думы стало включение в ее состав 4 женщин.

Исключительная пестрота общественно-политической картины Екатеринбурга и важное влияние, которое оказывали на организацию местного самоуправления общественно-политические структуры, сказались при организации в Екатеринбурге выборов в городскую думу. В соответствии с разработанными Временным Правительством "Временными правилами о производстве выборов в гласные городских дум" от 15 апреля 1917 г. подготовка и проведение муниципальных выборов полностью передавалась городским думам. На деле же в Екатеринбурге проведением выборов фактически занимались общественные организации. В апреле 1917г. было создано Бюро по выборам, реально исполнявшее роль городской избирательной комиссии по "передоверию городской управы" Все это существенно подрывало значимость легитимного городского самоуправления.

Отмена пермским административным судом результатов выборов от 30 июля 1917 г. сильно ударила по авторитету городской думы и способствовала усилению влияния городского Совета, который постепенно становился реальным центром власти в городе. Это привело к фактическому двоевластию, которое продолжалось до февраля 1918 г., когда городская дума была ликвидирована, и ее функции перешли к исполкому Совета рабочих и солдатских депутатов. Таким образом, неудачная попытка в 1917 г. осуществления на практике идеи организации демократического местного самоуправления свидетельствует о том, что реализация даже самых передовых с точки зрения демократических принципов идей оказываются невозможной в отрыве от реально существующей общественно-политической ситуации.

Структура местной власти в советский период принципиально отличалась от той, что существовала прежде. Если применительно к дореволюционному времени можно было го-

ворить о местном самоуправлении как об автономной форме административно-хозяйственного устройства, чьи функции были достаточно обособлены от целей и задач вертикали государственной власти, то в послеоктябрьский период действовала многоуровневая система Советов, в каковую была инкорпорирована представительная и исполнительная власть на уровне города.

Конституция РСФСР 1918 г. возлагала на местные советы в хозяйственной области: 1) принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношении; 2) разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное значение. На деле же самостоятельность муниципальных органов управления с самого начала носила достаточно ограниченный характер. Применительно к периоду 1918—1920 гг. не приходилось говорить даже о каком-либо подобии самостоятельности городских органов управления, так как в условиях "военного коммунизма" и так называемой "главкократии" практически все хозяйственные вопросы как в Екатеринбурге, так и в других городах России решались центральными органами и их представителями — главками.

Ситуация несколько изменилась в 20-е гг., в период НЭПа, когда шел мучительный поиск путей создания рациональной системы, в которой бы государственный сектор экономики сочетался с рыночным хозяйствованием, а мощная центральная власть — с демократией и самоуправлением. В этот период руководством советского государства осуществлялась значительная работа по созданию оптимальной формы управления. Данный процесс нашел свое отражение, в частности, в решении VI Всероссийского съезда Советов, принявшего курс на децентрализацию и по "вертикали", и по "горизонтали" В дальнейшем децентрализация по "горизонтали" нашла свое отражение в образовании особых административно-территориальных единиц — областей, которые создавались на основе регионов, обладавших исторически сложившимся экономическим комплексом (первая такая область — Уральская была создана в 1923 г). Органы управления новых административно-территориальных единиц обладали достаточно широкими властными полномочиями. Так специальный орган Облисполкома — Уралплан

осуществлял систематическую работу по планированию развития всего промышленного комплекса Урала.

Децентрализация по "вертикали" нашла свое отражение в существенном расширении компетенции и функций местного, прежде всего городского, управления. Одним из первых решений, принятых советской властью по вопросу определения функций и статуса городского самоуправления, стало решение ВЦИКа об отнесении к ведению городской власти всех работ по созданию проекта планировки города. В соответствии с "Положением о городских советах", принятым ВЦИК в 1925 г., городские Советы признавались "высшими органами власти на территории соответствующего города или поселка" К компетенции горсоветов относилось "общее управление" (что подразумевало под собой организацию выборов, борьбу с правонарушениями, регистрацию актов гражданского состояния и т.д.), эксплуатация подведомственных им промышленных и торговых предприятий, коммунальное хозяйство, охрана труда, организация здравоохранения и социального обеспечения граждан. Обращает на себя внимание существенное расширение в этот период хозяйственной самостоятельности городского самоуправления. Специальным декретом в его ведение передали государственные функции местных органов ВСНХ и СТО, которые постепенно упразднялись. Существенно увеличились и возможности для пополнения городского бюджета: помимо отчислений из центра, городские органы власти получили право пополнять бюджет за счет коммерческого использования муниципальных предприятий, собственных городских налогов и сборов.

Таким образом, можно говорить об осуществлявшейся в данный период попытке найти некую самобытную модель местного самоуправления, которая, однако, не могла быть полностью доведена до конца ввиду самого характера политической системы, существовавшей в СССР. Что, пожалуй, наиболее ярко характеризует реальное место горсоветов в системе государственной власти и управления советского государства, сохранявшееся за ними фактически *до конца 80-х гг., так это законодательно оформленная за ними обязанность всецело подчиняться решениям вышестоящих органов и нести ответственность перед ними за все свои действия.* В конце двадцатых го-

дов один из виднейших советских разработчиков теории местного самоуправления академик Велихов признавал, что оно в значительной степени еще мало дифференцировано и находится "под сильным общегосударственным воздействием"

Даже в этот период существование вполне определенной властной вертикали и зависимость нижестоящих органов от вышестоящих приводили к тому, что многие важные вопросы организации городского хозяйства решались на уровне вышестоящих Советов. Применительно к Свердловску 20-х — 30-х гг., когда он являлся центром обширной Уральской области, следует отметить, что на решение многих значимых вопросов перспективного планирования и развития Свердловска оказывал значительное влияние совет и исполком наиболее крупной структурной единицы области — округа, чьи функции и полномочия были идентичны губернскому. Так, именно президиум окружного исполкома принял в 1925 г. решение о планировании центральной части города, с которого и началась работа по созданию первого перспективного плана развития Свердловска, завершившаяся в 1927 г. появлением первой общей схемы развития города.

Роль окрисполкома была весьма велика и в решении других, более частных вопросов. Именно президиум исполкома окружного Совета принял в 1927 г. решение о строительстве в Свердловске трамвайной линии. Кроме того, исключительно важное экономическое и политическое значение Свердловска обусловило повышенное внимание (и систематическое вмешательство в решение общих проблем развития города) руководства партии и государства. Вместе с тем городской совет иногда выходил на более высокий властный уровень с предложениями, которые имели, несомненно, весьма значительный общественный резонанс. Таковым, например, являлась поддержанная Политбюро ЦК ВКП(б) инициатива о переименовании города Екатеринбурга в Свердловск.

С начала тридцатых годов наметилась жесткая линия партийного руководства на свертывание находящейся в зародыше системы местного самоуправления и замену ее государственно-партийным диктатом, основанном на жестком соподчинении всех уровней власти. (Упразднение крупных областей, в том

числе и Уральской, в первую очередь объяснялась политическими мотивами — недовольством Сталина слишком большой самостоятельностью, предоставленной этим административно-территориальным образованиям). Городское управление лишилось каких-либо признаков экономической самостоятельности и оказалось полностью инкорпорировано в сложившуюся властную вертикаль, чьей специфической чертой являлось ведомственное управление всеми сферами жизнедеятельности страны. Ведавшие различными отраслями городского хозяйства отделы городских исполкомов находились в двойном подчинении — собственно городского совета и соответствующего органа отраслевого управления (наркомата, а в последующем министерства), чья воля была решающей. На протяжении всей последующей истории советского государства концентрация финансовых ресурсов в министерствах и ведомствах приводила к экономической недееспособности городского управления: горсоветы и исполкомы хронически не справлялись даже с теми функциями, которые на них были непосредственно возложены (жилищное строительство, развитие коммунальной сети, транспортной инфраструктуры и т.д.).

В связи с этим одной из немногих предоставленных городским советам реальных возможностей проявить свою способность, к активному участию в управлении процессом долгосрочного развития сложного комплекса городского хозяйства оставалось закрепленная за ними функция составления генерального плана развития города. Все противоречивые тенденции, присущие городскому планированию в советский период, ярко прослеживаются на примере развития Свердловска.

Создание Уральской области в середине 20-х гг. являлось одним из звеньев в реализации плана руководства советского государства по созданию на Урале крупнейшей промышленной базы страны, опирающейся не только на традиционное для Уральского района металлургическое производство, но и на новые перспективные отрасли, в первую очередь машиностроение. В связи с этап и в самом Свердловске развернулось форсированное промышленное строительство (реконструкция ВИЗа, строительство Уралмаша и Эльмаша), сопровождавшееся интенсивной застройкой, развитием коммуникаций и социально-

бытовой сферы города. Именно развернувшееся в Свердловске широкомасштабное промышленное строительство легло в основу градостроительного принципа, определившего современный облик и структуру города.

В соответствии с первой общей схемой развития Свердловска 1927 г. предусматривалась расчлененная структура плана города, состоящая из ряда элементов (промышленных предприятий и прилегающих к ним жилых массивов), которые группировались вокруг исторически сложившегося городского ядра. В перспективе это обеспечило бы развитие города как относительно компактного образования путем размещения застройки между этими структурными элементами. Данная схема представляла собой первую значительную попытку стратегического планирования развития города. Именно она легла в основу всех последующих генеральных планов Свердловска.

30 мая 1931 г. Президиум ВЦИК СССР специально рассмотрел вопрос о состоянии хозяйственного и социально-культурного строительства в Свердловске и поставил задачу: обеспечить решительный сдвиг в развитии городского хозяйства. Горсовет в директивном порядке обязали в кратчайшие сроки разработать генеральный план развития города. *Именно с этого момента можно говорить о планировании развития города как о непрерывном процессе, являвшемся* одной из важнейших сфер деятельности городского совета, который добился в этой области значительных успехов. В то же время, данная работа всегда находилась в тесной зависимости от внешних политических и экономических факторов: осуществления общесоюзных планов развития народного хозяйства страны, выполнения постановлений партии и правительства по развитию строительства и социальной сферы в городах СССР, общераспространенных в различные исторические периоды подходов к практике градостроительства и т. д. Данные обстоятельства имели достаточно двойственное значение для развития Свердловска.

Несомненным достижением градостроительного планирования 30-х гг., прошедших под знаменем ускоренной индустриализации страны, стал городок Уралмаш, функционально привязанный к машиностроительному гиганту. Он может считаться

удачным образцом комплексной жилой застройки громадного масштаба — на 60 тыс. жителей. Здания отличаются четкой планировкой квартир, одновременно с жилыми домами возведено достаточное количество сооружений общественного назначения — кинотеатров, школ, детских садов, магазинов.

Вместе с тем следует отметить, *что в ходе процесса городского жилищного, коммунального и социально-культурного строительства 30-х гг. было допущено немало серьезных градостроительных ошибок.* Часто некоторые дома, даже части города, возводились без учета перспективы роста Свердловска. Нарушался принцип районирования (городки Эльмаша, Уралмаша, мясокомбината были оторваны от основного города на несколько километров), затруднялось комплексное формирование города, решение транспортных задач, объединение инженерных сетей, обслуживающих жилые районы. Кроме того, сохранялись проблемы в области развития коммунального хозяйства, строительства жилья и объектов социально-бытового назначения.

Причины данных диспропорций были достаточно очевидны. Развитие общей структуры города и совершенствование жилищно-коммунального хозяйства шло в некотором смысле в "догоняющем" темпе по отношению к выполнению поставленных центральной властью задач форсированного развития промышленного комплекса города. Прилагавший немалые усилия для улучшения ситуации в Свердловске городской совет не имел ни реальных властных рычагов, ни достаточных источников финансирования для того, чтобы осуществлять свою деятельность на полностью адекватном ситуации уровне.

Кардинального разрешения данная проблема не нашла и в первое послевоенное десятилетие, так как действовавшей в тот период схеме генерального плана развития Свердловска в полной мере были присущи все недостатки градостроительной практики позднего сталинизма. В период 40-х — начала 50-х гг. осуществлялась поквартальная застройка "парадной" части города помпезными и дорогостоящими зданиями, в то время как общее состояние в области жилищного строительства, развития коммунальной, социально-бытовой сферы и инфраструктуры Свердловска из-за хронической нехватки финансовых средств находилось на достаточно убогом уровне.

Значительные подвижки в решении социально-бытовых аспектов развития города наметились в середине 50-х гг., что в первую очередь было вызвано определенным поворотом в социальной политике советского государства, сопровождавшимся более пропорциональным распределением средств между промышленностью и социальной сферой. В соответствии с постановлениями партии и правительства по индустриализации городского строительства в СССР в Свердловске получает развитие соответствующая индустриальная база — строятся заводы железобетонных конструкций и керамических изделий, четыре кирпичных завода и т.д. Все это придало новый импульс жилищному строительству и развитию коммунальной сферы, которое приняло в конце 50-х — 60-е гг. невиданный ранее размер.

Соответственно вносились изменения и в генеральный план развития города: шел активный процесс разработки и реализации проектов комплексной индустриальной застройки крупных жилых районов на новых принципах микрорайонных схем функциональной организации обслуживания и планировки. Вместе с тем, сложившаяся структура генерального плана продолжала сохранять в себе многие недостатки планирования и застройки предыдущего периода: в результате хаотического заполнения "пустых пространств" промышленно-складскими объектами северные жилые районы оказались отрезанными от центра обширной промышленной зоной, структура генплана стала расчлененной, в связи с чем осложнилось решение проблем транспорта и создания благоприятных санитарно-гигиенических условий.

Характеризуя практику, сложившуюся в области планирования городского строительства и общего развития Свердловска на начало 70-х гг., можно сделать вывод, что развитие генерального плана города шло по принципу механической реакции на внешние политические, экономические и социальные тенденций, носило схематический характер и не было основано на глубоких технико-экономических расчетах и социально-экономических прогнозах.

На этом фоне исключительное прогрессивное значение приобрел новый генеральный план развития города до 2000 г., утвержденный в 1972 г горсоветом и предусматривавший меры по ограничению роста промышленной базы, вывод за террито-

рию Свердловска экологически неблагоприятных предприятий, ликвидацию барачного и аварийного жилья. В то же время, согласно плану, полностью сохранялся лесопарковый пояс, поэтому жилищное строительство намечалось осуществить за счет сноса ветхого жилья и проведения мелиоративных работ на торфяниках и болотах. Благодаря новому генеральному плану город приобрел административно-территориальное деление на 7 районов, сохраняющееся до сих пор.

В ходе реализации данного плана были предприняты значительные меры по восстановлению и реконструкции исторического центра города, построены новые благоустроенные жилые районы — Академический, Юго-Западный и Новая Сортировка. В целом, концептуальные основы генерального плана 1972 г. в силу своего прагматизма и грамотного учета объективных потребностей города не потеряли своего позитивного значения и поныне, могут учитываться в ходе текущего планирования основных направлений развития Екатеринбурга. В то же время, объективные внешние трудности, прежде всего, отсутствие достаточных финансовых средств не позволили горсовету осуществить все намеченные разработки: не реализованным остался проект застройки Академгородка за юго-западным лесопарком. Кроме того, с большим отставанием от жилья вводились объекты социальной инфраструктуры.

Последующая история управления городом в условиях конца советской власти и либерально-демократических реформ требует специального рассмотрения. Она крайне запутана, противоречива, не имеет законченных результатов и достаточно надежной источниковой базы для своего освоения. Кроме того, эти события проходили на глазах ныне действующих руководителей, которым легче и удобнее описать происходившие процессы, с тем, чтобы сделать более практические выводы из нынешнего переходного периода.

Заключение

Краткий анализ управления российским городом на протяжении последних столетий показывает, что *местное самоуправление, хотя и имело некоторую самостоятельность, находилось в жесткой зависимости от государственных органов как в центре, так и на местах.* Это нашло отражение как в законодательстве, так и в повседневной практике, даже в менталитете

горожан. *Учитывая такую практику, не приходится удивляться перманентному противостоянию по всей современной России губернаторов и мэров областных (краевых) центров.*

Современная демократизация общества, усложнение задач управления городом в условиях рыночных реформ настоятельно требуют совершенствования законодательства в пользу расширения прав городских администраций. Конечно, в нынешних условиях необходимо укрепление властной вертикали, но усиление роли государства не противоречит локальному самоуправлению, не означает ослабления муниципальных органов. *Исторический опыт свидетельствует, что в России были неплохие зачатки местного самоуправления, и они давали положительные результаты.* В современных условиях их необходимо расширять и укреплять в соответствии с требованиями времени.

В противном случае произойдет то, о чем говорилось во введении к этому тексту и о чем предупреждал В.О. Ключевский. Крутые меры государственной власти на какое-то время могут загнать болезнь внутрь, но затем она вспыхнет эпидемией. *Уроки истории предупреждают, что нереализованное прошлое рано или поздно прорастет в настоящее, и никакому самому могущественному правителю еще не удавалось остановить этот процесс.* Властители приходят и уходят, а жизнь продолжается. История в конечном счете выносит им суровый вердикт, чаще всего посмертно, но почему же от их прижизненного произвола должны страдать ныне живущие и будущие поколения. Время большого и малого абсолютизма кончилось, и с этим придется считаться в XXI веке.

В данной связи любопытен опыт Швеции. После поражений, нанесенных Петром I в начале XVIII в. и потери статуса великой державы она решительно пересмотрела свое место в мире и принципы внутренней политики. На международном симпозиуме в Гисленхамне (1998 г.) "Местное самоуправление — "замаскированная" центральная власть" было убедительно доказано, как совершенствование местного управления, расширение его полномочий, вплоть до санкционирования с его стороны королевских налоговых ставок для конкретных территорий в зависимости от их экономической конъюнктуры обеспечило стабильное развитие экономики и рост благосостояния населения.

Такая практика используется до сих пор и дает большой эффект. Не мешало бы и нашей стране после сокрушительных поражений 90-х гг. задуматься над своими перспективами и перенять реальный исторический опыт стран, переживших аналогичные ситуации.

Примечания

1. Алексеев В.В. Регионализм в России. Екатеринбург, 1999 г.
2. Алферов Н.С., Белянкин Т.И., Козлов А.Т., Коротковский А.Э. Свердловск. Свердловск, 1980.
3. Анимица Е.Г., Тертышный А.Т. Местное самоуправление: история и современность. Екатеринбург, 1998.
4. Апкаримова Е.Ю. Городское самоуправление на Среднем Урале в последней трети XIX — начале XX в. Екатеринбург, 1999.
5. Велихов Л. Основы городского хозяйства. М.; Л., 1928.
6. Горловский М.А. Горный город Екатеринбург. 1807—1863. Свердловск, 1948.
7. Екатеринбург. Исторические очерки. (1723—1998). Екатеринбург, 1998.
8. Екатеринбург в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции, посвященной 270-летию города. Екатеринбург, 1993.
9. Екатеринбург — вчера, сегодня, завтра: Материалы научно-практической конференции, посвященной 275-летию города, 21–22 апр. 1998 г. Екатеринбург, 1998.
10. Корепанов Н. В раннем Екатеринбурге (1723–1787 гг.). Екатеринбург, 1998.
11. Лазаревский Н. Самоуправление. / Мелкая земская единица. СПб., 1903–1904 гг.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX в.). Т. 1. СПб., 1999.
13. Очерки истории Свердловска. 1723—1973. Свердловск, 1975.
14. Урбанизация Советской Сибири. Новосибирск, 1987.

Исторический опыт управления российским городом: структура и механизмы. Научный доклад на межрегиональном научно-практическом семинаре "Стратегия развития Екатеринбурга: цели, задачи, направления, механизмы развития". 6–7 апреля 2000 г. Екатеринбург, 2000. С. 2–26.

Урал в контексте национальной безопасности России

(стенограмма)

Начать хотелось бы с общих вопросов. Может быть, они окажутся острыми, но я, как ученый и гражданин, не могу промолчать. Прежде чем говорить о национальной безопасности, необходимо определить – что это такое? С моей точки зрения, национальная безопасность – это охрана государственных интересов страны от посягательства извне и поддержание внутренней стабильности в политической, социально-экономической, экологической, научно-образовательной и морально нравственной сферах. Раскрыть все эти понятия в одном выступлении нет возможности. Хочу подчеркнуть только одно: без четкой формулировки национальной идеи говорить о национальной безопасности бесполезно.

На современно этапе она должна отвечать требованиям модернизационного перехода. Западный мир пришел к своему благоденствию в результате именно такого 500-летнего перехода. Данный процесс не минул и Россию. Весь вопрос заключается в том, чтобы определить – на каком этапе этого перехода мы остановились и к чему стремимся теперь? Пока не сделаем этого, все мелкотравчатые разговоры ничего хорошего дать не могут. Под модернизационным переходом понимается переход от традиционного, аграрного общества к современному индустриальному и постиндустриальному. В отличие от Европы, советские лидеры пытались его совершить в две пятилетки, а нынешние демократы вознамерились сделать это за 500 дней. Такого в истории не бывает. Всему миру это хорошо известно. В противном случае получается убогий гибрид, от которого предостерегал нас еще в середине 50-х гг. XX в. выдающийся русский мыслитель Иван Ильин. Он говорил: "Если что-нибудь может нанести России после коммунизма новые тягчайшие удары, то именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании демократический строй. Ибо тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность, всплывание на поверхность все новых и новых антикоммунистических тиранов"

Я привел эту цитату для того, чтобы показать, как политическое мышление России зациклилось на двух понятиях: демократия и рынок. Но они же не самоцель, а только способ решения задач. Вся совокупность модернизационного перехода (институциональные, ментальные, социальные процессы и т. д.) у нас не воспроизводятся. Не учитывается у нас эта концепция. Пора ученым и политикам как-то осмыслить такую ситуацию и, исходя из этого, теоретически решить принципиальные вопросы: где мы находимся и что нам нужно делать? Только тогда четко можно определить задачи национальной безопасности. А сейчас, когда экономика пробуксовывает и с каждым днем положение становится труднее, мы вынуждены обращаться к крупным западным инвесторам. О какой безопасности может идти речь в такой ситуации?

А коррупция. Приведу такой пример, который меня глубоко потряс. Мы, историки, долго боролись, чтобы получить доступ к закрытым документам. А когда произошли принципиальные изменения в политике, и, казалось бы, проблема была решена, документы пошли на сторону. Конкретный пример. Известный демократ Волкогонов, который написал несколько книг о Ленине и Сталине, оставшиеся документы Политбюро ЦК КПСС уступил США. Речь идет о столь серьезных документах, что даже Америка не решается их показывать. О какой национальной безопасности можно серьезно говорить, если у нас происходит такое?

Теперь вопрос национальной экономической безопасности. Мы сейчас один к одному пожинаем то, что было почти две сотни лет назад в России. В 1816–1819 гг. Александр I снял таможенный барьер, западные товары хлынули в Россию, они затопили русскую промышленность. Царь вынужден был в 1822 г. отменить так называемое "вхождение в рынок" Жизнь заставила внести коррективы. И сам он настолько был этим потрясен, что впал в депрессию. Сегодня мы наблюдаем примерно такую же ситуацию, когда безбрежная открытость губит собственную экономику. Поэтому с более серьезных позиций следует подходить к национальной безопасности, прежде чем решать ее частности.

Если говорить о региональной безопасности, то хотелось бы обратить внимание на роль Урала как стратегического центра

страны. На Западе много пишут о том, что Урал это балкон, с которого прекрасно наблюдается как Азия, так и Европа. Это центр России, именно сюда должны быть направлены главные удары со стороны наших противников. Вы прекрасно знаете ту роль, которую сыграл Урал во II мировой войне, не меньшее значение он имел и в I мировой войне, об этом почему-то не пишут. Но и, разумеется, в холодной войне. Если посмотреть на ту роль, которую он играет сейчас с позиции геополитики, то это сильно настораживает. Уральский регион в силу депрессивности экономики, заметного исчерпания своих ресурсов, в силу экологических проблем и уменьшения населения превращается в черную дыру. Урал получал огромное количество ресурсов из Средней Азии и Казахстана и отправлял туда свою продукцию. Этот поток резко уменьшился, что ведет к той же самой геополитической нише. Если посмотреть на опыт ряда подобных ситуаций в западном мире и глубинных корней истории, то может возникнуть опасность того, что, как бы в результате расширения этой ниши, страна не переломилась по уральскому хребту как эсминец на мине. Тогда есть опасность, что одна половина начнет дрейфовать в сторону Москвы, а вторая – в сторону Тихого океана. Если в ближайшее время не будут приняты самые серьезные меры, то не исключен дрейф в сторону сильных держав тихоокеанского региона. В этом случае Россия может вернуться к границам Московского княжества.

В заключение предлагаю подумать о координации исследований в области региональной безопасности. Уральская академия государственной службы многое делает для этого, есть и другие центры, которые работают в данном направлении. В частности, наш Институт издал книгу на русском и английском языках, которая называется: "Региональное развитие в контексте модернизации". Она с огромным интересом встречена в Европе. В ходе нашей конференции необходимо создать комитет или координационную комиссию, где бы можно было объединить усилия разных наук, чтобы эти проблемы разрабатывать более систематически, а не кампанейски.

Региональный аспект безопасности России. Материалы международной научной конференции "Актуальные проблемы региональной политики и национальной безопасности". Екатеринбург, 1998. с. 45-49.

Освоение Сибири: исторический опыт и современность

Актуальность изучения данной проблемы объясняется тем, что в панораме мировых событий динамичного XX в. все чаще и ярче мелькают кадры периферийных районов планеты. Они активно выходят на авансцену истории. В отличие от эпохи великих географических открытий эти районы уже никого не удивляют своей отдаленностью, а прочно входят в повседневную жизнь миллионов людей давно обжитых территорий. Они поставляют нефть, газ, металлы, нередко благородные, древесину и пушнину, а иногда и просто чистую воду. Глобальные общечеловеческие проблемы все туже переплетаются с региональными.

Экономическая, политическая и стратегическая роль таких районов широко известна, но их социально-экономическое развитие исследовано слабо. Между тем, все большая зависимость населения цивилизованных стран от поставок сырья и энергоносителей из районов нового освоения настоятельно выдвигает задачу их всестороннего изучения с целью прогнозирования перспектив. К тому же, интенсивное вовлечение таких районов в хозяйственный оборот, как правило в экстремальных природно-климатических условиях, требует обобщения исторического опыта их освоения и обмена им между заинтересованными странами.

Важной предпосылкой изучения и использования исторического опыта функционирования крупных социально - экономических общностей является локализация во времени и пространстве их составных частей, что в частности имеет принципиальное значение для построения теоретических моделей регионального развития. С точки зрения обобщения исторического опыта районов нового освоения ценнейший, во многом уникальным материал предоставляет Северная Азия, конкретнее – Сибирь. Занимая около 10 млн. квадратных километров, она составляет почти четверть территории самой обширной части света. Это регион суровых климатических условий и богатейших природных ресурсов, мощного индустриального развития. Его освоение прошло долгий, трудный и поучительный путь.

Общепризнанного понятия "освоение" в исторической литературе не существует. Чаще всего под ним понимается приобщение к активному экономическому развитию ранее отсталых районов. Но этим общим положением нельзя ограничиться, потому что не может быть полноценного освоения без создания социальной инфраструктуры. Видимо, правильнее утверждать, что освоение – это овладение регионом и сохранение его под определенной юрисдикцией, разностороннее изучение, интенсивное вовлечение в хозяйственный оборот природных ресурсов, заселение и обживание территории мигрантами, культурные инновации.

Какую территорию можно считать освоенной? Однозначный ответ на данный вопрос затруднен. Он зависит от масштабов территории, времени и уровня освоения. Одно дело – освоение территории Бельгии или Дании, другое дело – США и России в разные исторические эпохи. В наши дни американский запад можно считать освоенным. Несмотря на большую территорию, к настоящему времени он сильно развит в экономическом отношении и оптимально заселен. А Сибирь? В определенной степени освоена, и по некоторым показателям превосходит даже американский запад. Однако это касается только отдельных очагов – Кузбасса, Братско-Усть-Илимского территориально производственного комплекса и некоторых других промышленных узлов, которые по своей территории превосходят целые государства. Между тем, существует немало столь же крупных районов, которых пока не коснулась современная цивилизация.

Для того, чтобы объективно оценивать уровень освоения, необходимо дать его типологию. Исторический опыт освоения новых районов свидетельствует, что большинство из них последовательно прошло три стадии: промысловую, аграрную, индустриальную. Конечно, на разных исторических этапах, да и в современных условиях можно наблюдать переплетение этих стадий, но, как правило, одна из них была наиболее типичной для определенного периода. С точки зрения плотности хозяйственного освоения и заселения, выделяется два типа: сплошной и очаговый. Чаще всего очаговый переходит в сплошной, но не всегда. В некоторых особенно отдаленных и труднодоступных

районах надолго остаются разрозненными очаги хозяйственной деятельности.

Задача данного доклада заключается в том, чтобы с позиций программно-целевого подхода проанализировать основные черты исторического опыта освоения такого крупного и интенсивно развивающегося региона как Сибирь, сосредоточив главное внимание на свершениях XX в., поскольку они оказали решающее влияние на этот процесс. Объект исследования в целях однозначной интерпретации основных понятий, рассмотренных выше, можно отождествить с историей формирования, развития использования социального потенциала региона, то есть как совокупность ресурсов, возможностей и средств, которые находятся в распоряжении общества и используются для своего воспроизводства и развития. В силу ограниченности объема данного текста не представляется возможным расчленить названный потенциал на его составляющие и детально их охарактеризовать.

Предметом анализа является социальная деятельность, социальная практика по освоению региона, что в частности предусматривает соотнесение целей и результатов деятельности, оптимальности конкретного выбора целей развития и средств их реализации, а также степени их адекватности назревшим общественным потребностям. Такое определение предмета исследования позволяет интерпретировать цель доклада как ретроспективный анализ основных закономерностей формирования исторического опыта освоения Сибири, деятельности общества по формированию, развитию и использованию социального потенциала региона. Это предполагает решение следующих познавательных задач.

Во-первых, выявление внутриполитических и внешнеполитических потребностей освоения региона. Во-вторых, характеристика процесса осознания потребностей, выбора целей, средств и способов их достижения. В-третьих, исследование главных направлений деятельности по освоению и оценка ее результатов.

Освоение Сибири в широком смысле этого слова, или ее колонизация, началась с конца XVI века со времени присоединения к России. За четыре столетия неоднократно менялись при-

чины и следствия этого процесса, средства и способы достижения целей, направления деятельности общества по их реализации, но при всем том проявлялись некоторые общие закономерности, как позитивные, так и негативные, которые следует учитывать в современной и будущей социальной практике, не только в Северной Азии, но и в других новоосваиваемых регионах мира.

Потребность освоения Сибири зависела как от внутриполитических, так и внешнеполитических обстоятельств, но в отличие от многих других новоосваиваемых районов мира и России, в частности, здесь преобладали внутриполитические причины. Конечно, одним из первоначальных толчков к освоению Сибири послужила необходимость обезопасить восточные границы государства от угрозы со стороны Сибирского ханства Кучума, которое представляло собой осколок татаро-монгольской Золотой Орды. В дальнейшем восточные рубежи России, пролегающие вдоль сибирской территории, приходилось неоднократно защищать от Китая и Японии. Сама Сибирь иногда служила плацдармом для экспансии в восточном направлении. В середине XVIII в. русские землепроходцы вышли к берегам Северной Америки и основали там свои поселения. Даже высказывалась идея сделать Тихий океан внутренним морем России. В конце XIX в. она вторглась в Маньчжурию. Однако не эти единичные и недолговечные прецеденты определяли суть освоения Сибири. Главное заключалось в использовании ее природных богатств, сначала мехов, затем драгоценных металлов и земельных угодий, а в настоящее время преимущественно сырьевых и энергетических ресурсов. В 40–50-е гг. XVII в. среднегодовая добыча соболя в Сибири равнялась 145 тыс. штук. Пушнина составляла 20% доходной части государственного бюджета России. По мере истребления пушных зверей их промысел уменьшался, падал удельный вес пушнины в доходах казны. И, тем не менее, Сибирь оставалась крупнейшим в мире поставщиком мехов. По данным всемирной выставки в Вене (1910 г.), на ее долю приходилось свыше 2/5 стоимости мировой добычи пушнины.

Плодородные земли Сибири располагали к хлебопашеству и скотоводству. Уже к концу XVII в. здесь собиралось почти 4 млн пудов хлеба в год. По мере расширения посевных площадей

и совершенствования агротехники сибирское крестьянство не только удовлетворяло потребности в хлебе местного населения, но и создало резерв для его вывоза за пределы края. В начале XX столетия ежегодно вывозилось 20 млн пудов. По количеству скота на душу населения Сибирь в начале XX в. вдвое, а по некоторым видам втрое превосходила европейскую Россию и занимала одно из первых мест в стране.

С давних пор одним из главных мотивов освоения Сибири было овладение богатствами ее недр. На первых порах внимание сосредоточивалось на извлечении драгоценных металлов. В первой половине XIX в. один Алтайский горный округ получал серебра больше, чем Англия, Франция, Швейцария, Пруссия и Бельгия вместе взятые На смену "серебряному" веку пришел "золотой" В середине XIX в. среднегодовая добыча золота в Сибири приблизилась к полуторам тысячам пудов. К концу века она поставляла 90% российского золота. В XX в., преимущественно со второй его половины, главное внимание сосредоточилось на получении сырьевых и энергетических ресурсов в особо крупных размерах. Сибирь превратилась в одного из главных поставщиков руд черных и цветных металлов, нерудных ископаемых, угля, нефти и газа, а также леса. Особый размах получило развитие топливно-энергетического комплекса. В настоящее время здесь обеспечивается 2/3 общесоюзной и 1/5 мировой добычи нефти и газа.

Несмотря на явный приоритет внутригосударственных потребностей освоения Сибири, важную, хотя и подспудную роль играли внешнеполитические факторы. В XVII, да и последующих веках крупное значение во внешней торговле и дипломатии имели сибиряке меха. В XVII и XIX вв. сибирское золото и серебро играли не последнюю роль в оплате военных расходов Российской империи, на рубеже XIX и XX вв. транспортное освоение Сибири получило заметно выраженный внешнеполитический акцент, что прежде всего связано с сооружением Транссибирской магистрали, которая сыграла важную роль в войне с Японией.

Еще более выраженный внешнеполитический подтекст носило индустриальное освоение Сибири в XX в. С 30-х гг., когда начали обостряться отношения СССР с Германией на западе и

Японией на востоке, Сибири стала отводиться роль внутреннего бастиона советской власти. Наиболее ярко это проявилось в создании Урало-Кузнецкого комбината, который в годы второй мировой войны принял на себя основное бремя поставки вооружений и стратегических материалов для военной экономики.

Война явилась катализатором экономического развития региона. Его доля в общесоюзном объеме капитальных вложений поднялась с 7% в 1940 г. до 18% в 1942 г. В суровом и ответственном для судеб страны 1942 г. Сибирь дала около трети общесоюзного производства чугуна, свыше четверти стали и проката, почти половину кокса и треть марганца, а вместе с Уралом почти полный объем этой ценнейшей продукции. В целом за годы войны промышленное производство в Западной Сибири увеличилось почти в три раза, а в Восточной – в полтора раза. Рост происходил главным образом за счет военных отраслей и тяжелой индустрии. Только один из сибирских авиационных заводов дал 15 тыс. самолетов, т. е. каждый десятый советский самолет военных лет. Для сравнения можно заметить, что США и Англия поставили в СССР за годы второй мировой войны 18 тыс. самолетов.

В условиях "холодной войны", когда СССР добивался стратегического паритета с США, советская экономика, работающая с большим напряжением, значительную часть ресурсов черпала в Сибири. Резко интенсифицировалась добыча черных и цветных металл в, особенно редкоземельных. Широкое развитие получили энергоемкие и химические производства, развернулась крупномасштабная добыча алмазов, что сыграло важную роль в увеличении валютных поступлений. Еще большее значение в этом плане имели поставки за рубеж сибирской нефти и газа. Выразить все это в конкретных достоверных цифрах пока еще трудно, но совершенно очевидно, что огромные сибирские ресурсы оказали существенное влияние на выработку и осуществление внешней политики советского государства. Особенно рельефно это проявилось во время мирового энергетического кризиса начала семидесятых годов, событий вокруг Персидского залива и, конечно же, в связи с гигантскими поставками сибирского газа в Европу. Место Сибири в мирохозяйственных связях будет недостаточно полно определено, если не учесть

снабжение ее сырьем и готовой продукцией стран третьего мира.

Наряду с советско-американским противостоянием на процесс освоения Сибири заметное влияние оказала ситуация в азиатско-тихоокеанском регионе, прежде всего отношения с Китаем. На первых порах, когда эти отношения носили дружественный характер, социально-экономическому развитию восточных районов СССР ничто не препятствовало, более того, намечались совместные проекты, например, строительство гидростанций на Амуре. По мере обострения отношений проявлялись две противоположные тенденции, С одной стороны, в связи с претензией маоитского руководства на сибирские и дальневосточные территории ускорялся процесс их промышленного и транспортного освоения, а также заселения. В определенной мере этому способствовало строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и осуществление некоторых других проектов, хотя сами по себе они возникли задолго до того, как мир узнал имя Мао Цзе-дуна, и исходили из внутренних потребностей государства. С другой стороны, огромные средства, которые потребовались на укрепление советско-китайской границы, отвлекали капитальные вложения, необходимые для освоения и обживания восточных территорий СССР. В результате этот процесс шел трудно, с большим напряжением и сбоями.

Ретроспективный анализ взаимодействия внутриполитических и внешнеполитических потребностей освоения Сибири показывает, что преобладали первые, но они почти всегда осложнялись вторыми, что вело к значительным издержкам. Важным уроком изучения исторического опыта определения потребностей освоения Сибири является то, что оно во внешнеполитическом плане чаще проходило на фоне конфронтации, чем экономического сотрудничества, а когда такое и проявлялось, то вело к парадоксам. Если в начале XX в. Россия за сибирское масло на мировом рынке получала больше золота, чем его добывалось в знаменитых сибирских рудниках, что сильно стимулировало данное производство, то в конце века огромные поступления валюты за сибирские углеводороды не только не способствовали развитию экономики, в частности сельского хозяйства, а на-

оборот, привели к его упадку в определенной степени за счет беспрецедентных закупок хлеба за границей.

Осознание потребностей освоения Сибири, выбор целей, средств и способов их достижения зависели от задач, стоящих перед обществом в конкретную историческую эпоху, его возможностей, а также степени изученности региона, но в связи со спецификой края они по ряду позиций нередко перекликались. Осознание потребностей освоения Сибири проходило в разных слоях общества по-своему. Правящие классы и соответствующие государственные структуры исходили из необходимости увеличения территории страны, обороны ее рубежей, расширения внутреннего и внешнего рынка. Народ видел в движении за Урал путь к свободе. Примечательно, что, несмотря на меняющиеся социально-экономические уклады, такая поляризация мнений сохранялась практически на всем протяжении освоения региона.

Правительство на начальном этапе освоения, стремясь обезопасить восточные границы государства, без большого труда захватило огромные территории, которые никому, кроме мелких раздробленных племен, не принадлежали. За первые три четверти века движения за Урал оно отодвинуло восточные рубежи России более чем на 7 тыс. верст, или на три четверти расстояния от столицы. Этот процесс шел настолько стремительно, что его не успевали осмысливать правительственные чиновники.

Со временем стало ясно, что удержать эти земли военной силой не удастся, потому что они слишком обширны и далеко отстоят от метрополии. Со всей остротой встал вопрос о необходимости их заселения и хозяйственного освоения. Дальнейшая судьба Сибири была тесно связана с развитием российского рынка. Её роль на этом рынке проявлялась по-разному в зависимости от конъюнктуры, но в конечном счете определялась поставкой сюда готовых изделий и вывоза сырья.

С установлением советской власти была сделана попытка принципиально переосмыслить роль Сибири в общественном разделении труда. Исходной посылкой в этом процессе стала концепция рационального размещения производительных сил и выравнивания уровня экономического развития ранее отсталых районов. Путем последовательного приближения к цели в ре-

зультате борьбы мнений в высшем эшелоне власти, научных дискуссий и массированной пропаганды она дала свои результаты. В общественном сознании прочно укрепилась мысль о том, что природные богатства региона позволяют создать здесь мощную индустриальную базу, которая превратит его из сырьевого придатка центра в процветающий, гармонично развивающийся район. На этом поприще были достигнуты значительные успехи, но преодолеть сырьевую направленность экономики, достигнуть гармоничного развития Сибири пока не удалось.

В настоящее время в условиях нового политического мышления предпринимаются шаги к переосмыслению путей развития региона. Речь идет о гармонизации добывающих и перерабатывающих отраслей промышленности, производства и социальной инфраструктуры, отношений между странами азиатско-тихоокеанского региона, замене политической и экономической конфронтации международным сотрудничеством на поприще использования сибирских ресурсов.

Народ пронес через многие поколения представления о Сибири как о суровом, но благодатном крае, где можно реализовать свои возможности, добиться большей экономической, политической и интеллектуальной свободы. Первыми обратили свой взор к Сибири казаки – люди свободолюбивые, решительные, нередко находившиеся в неладах с законом и официальной властью в европейской части страны. За ними последовали промысловики-охотники. Затем в поисках земли и воли, спасаясь от помещичьей кабалы, устремилось крестьянство, которое стало основной силой освоения Сибири. По мере открытия полезных ископаемых предпринимателями и мастеровыми людьми осмысливалась перспективность освоения ее недр. Этот процесс шел с подъемами и спадами, приобретая нередко формы "золотых" и иных лихорадок. Сибирь манила людей независимых суждений, несогласных с официальной политической или религиозной доктриной. Сюда по доброй и недоброй воле отправлялись интеллектуалы и религиозные фанатики. Яркий пример тому – старообрядцы, раскольники. Все это вместе взятое явилось основой осознания вольной колонизации Сибири в XVI–XIX вв.

А имел ли место аналогичный процесс в XX в., особенно после революции в России? На первый взгляд создается впечатление, что в условиях тотального огосударствления такого не могло быть. На самом деле народный интерес к Сибири оставался. В революцию и гражданскую войну сюда двинулись тысячи людей, не согласных с новым режимом, стремящихся укрыться в таежной глуши и найти новое применение своим силам. В начале 20-х гг. Сибирь приютила множество беженцев из голодающих губерний центральной России. В период индустриализации на сибирские стройки прибывали десятки тысяч людей, движимых романтикой новой жизни, о то и просто бежавших от насильственной коллективизации. В годы второй мировой войны сотни тысяч граждан искали укрытие в Сибири от фашистского нашествия. Разумеется, здесь они работали, способствуя её освоению. В послевоенную эпоху, когда развернулось массовое строительство промышленных объектов, началась целинная эпопея, миллионы людей, особенно молодежи, были увлечены Сибирью, стремясь найти здесь хорошие заработки, получить жилье, утвердиться в жизни, уйти от бюрократического, а нередко и политического гнета. Сюда стремились не только рабочие и крестьяне, но и интеллигенция, в частности научная, которая создала один из выдающихся мировых центров науки – Сибирское отделение АН СССР.

Выбор целей освоения определялся потребностями и возможностями общества в конкретный исторический период, но их осуществление всецело зависело от реальности этого выбора. Рассмотреть в одном докладе механизм выбора и реализации целей на протяжении столетий не представляется возможным. Ограничимся наиболее важными, выделив три сферы: военно-стратегическую, экономическую и духовную.

Первоочередной целью всякого освоения является надежное закрепление завоеванных или относительно мирно присоединенных территорий. Она присутствовала на всех этапах освоения Сибири, но проявлялась в специфических формах, соответствующих конкретным ситуациям. Для более четкого рассмотрения этой проблемы разделим цели на реальные и нереальные. Несмотря на чрезвычайно трудные ситуации в отдельные периоды, России на протяжении более четырехсот лет удалось

держать за собой территории собственно Сибири, потому что этому содействовали естественно-географические, конкретно-политические и экономические причины. Цель оказалась вполне реальной. Но как только она переходила границы реальности, так обрекалась на провал. Неудачей окончились попытки раздвинуть границы русского фронтира до Американского континента в XVIII – первой половине XIX вв., в сторону Китая " конце XIX в.

В экономической области первоначальной целью было получение пушнины. Она тщательно осуществлялась в хорошо подготовленных и в конечном итоге оправдавших себя формах. Затем встала цель обеспечения края продуктами питания, которая реализовалась значительно шире, что позволило не только снабжать местное население, но и вывозить в большом количестве хлеб, масло и мясо за пределы региона. В XX в. на первый план вышли цели индустриального освоения. Наиболее ярко они воплотились в четырех крупных программах национального значения – Урало-Кузнецкой, Ангаро-Енисейской, Западно-Сибирской нефтегазовой и Байкало-Амурской. Борьба идей вокруг этих программ, определение приоритетов и механизма их реализации, итогов осуществления требуют специального рассмотрения.

Настала пора поставить вопрос о целях духовного освоения края. Они тесно увязывались с господствующими в свое время идеологиями: до 1917 г. – с христианством, а после – с коммунизмом. Обращение народов Сибири в христианскую веру не только подчиняло их государственной религии и соответствующим структурам власти, но и приобщало к более высоким культурным ценностям, что имело прогрессивную направленность для своего времени. Коммунистическая идеология проводила идею социального и национального равенства, пролетарского интернационализма, что имело принципиальное значение в условиях исключительных трудностей широкомасштабного освоения многонациональной Сибири в советское время.

Способы освоения в широком смысле слова условно делятся на две большие группы: добровольные и насильственные, главным образом, в зависимости от характера присоединения территории и пути привлечения рабочей силы. Присоединение Сиби-

ри шло как насильственным, так и мирным путем. Первые шаги русских казаков в Западную Сибирь встретили отчаянное сопротивление Сибирского ханства. Восточная Сибирь была присоединена практически без сопротивления ее народов. Особенность колонизации Сибири заключалась в том, что здесь, в отличие от многих районов мира, коренное "туземное" население физически не истреблялось и принудительно не ассимилировалось, не загонялось в резервации. В этом не было необходимости, так как наличие огромного фонда свободных земель не создавало ограничений в их пользовании. Кроме того, аборигенное население являлось ведущим поставщиков пушнины, и его вековой опыт в этом специфическом деле приходилось ценить.

Заселение Сибири на первых порах осуществлялось главным образом служилыми людьми и вольными хлебопашцами. К началу XVII в. численность русского населения достигла 300 тыс. человек, сравнявшись с количеством аборигенов. В дальнейшем население края пополнялось главным образом за счет различного рода переселения добровольного характера. Только за 1906–1917 гг. сюда прибыло около 4 млн. человек, однако это не означало, что в Сибирь люди не водворялись силой. К началу XX в. здесь насчитывалось свыше 250 тыс. ссыльных. Они использовались на самых тяжелых работах. Царская ссылка сыграла заметную роль в освоении региона.

В XX в. заселение Сибири резко интенсифицировалось. Во второй половине 20-х гг. сюда прибыло около 1 млн. малоземельных крестьян центральной полосы СССР. В 30-е гг. с началом индустриализации поток переселенцев увеличился в несколько раз. Между переписями 1926 и 1939 гг. население региона выросло более чем на четверть. Серьезные коррективы в этот процесс внесла вторая мировая война. На фронт ушло свыше 3 млн. человек или пятая часть от общей численности жителей Сибири накануне фашистского нашествия, Навстречу хлынула волна беженцев из оккупированных районов европейской части страны. К началу 1943 г. прибыло около 1 млн. эвакуированных, но к концу войны они почти все вернулись назад. В конечном итоге война не способствовала приросту населения Сибири.

Характеризуя вольный наплыв населения за Урал, нельзя забывать о заключенных. Уже в конце 1932 г. на Колыме их насчитывалось 10 тыс., а к 1 января 1939 г. этот контингент вырос до 117 тыс., причем рост осуществлялся в значительней мере за счет политических. Если на начало 1937 г. лагерники с бытовыми статьями составляли 48%, то к концу 1938 г. этот процент снизился до 12%. В начале войны количество заключенных поднялось до 148 тыс. (на 1 января 1942 г.), а к ее концу снизилось до 90 тыс. (на 1 января 1945 г.). С 1949 г. снова начался рост. По отчету Дальстроя НКВД СССР, на 1 апреля 1953 г. в исправительно-трудовых лагерях значилось 145 тыс. человек.

В декабре 1953 г. в Хабаровском крае отбывали срок наказания 52 тыс. человек, осужденных за контрреволюционное преступления, в Иркутской области – 47 тыс., Красноярском крае – 33 тыс., Омской области – 15 тыс.. Кемеровской – 8 тыс. Кроме того, находились в ссылке в Красноярском крае – 30 тыс. человек, Новосибирской области – около 4 тыс. человек. Принудительный труд, разумеется, сыграл свою роль в освоении восточных районов, особенно труднодоступных с тяжелыми климатическими условиями. Но надо иметь ввиду, что он применялся только на отдельных предприятиях горнодобывающей и лесозаготовительной промышленности, на строительстве. Абсолютное большинство заводов и фабрик, других промышленных заведений и учреждений использовало труд свободных людей. Следовательно, ни до, ни после Октябрьской революции 1917 г. принудительный труд не играл решающей роли в освоении восточных территорий государства.

За столетия накоплено множество способов хозяйственного освоения, но рассмотреть их подробно в нашем докладе на представляется возможным. Поэтому остановимся не столько на способах, сколько на типах освоения. Прежде всего приходится констатировать, что освоение Сибири от одной эпохи к другой идет больше экстенсивно, чем интенсивно. Сначала беспредельно расширялись охотничьи, потом сельскохозяйственные, а затем лесные угодья. Из недр поэтапно до полуистощения извлекались драгоценные металлы, уголь, нефть и другие полезные ископаемые. При этом, как правило, требовались крупные капитальные вложения. В наши дни с каждым годом интенсифици-

руется выпуск готовой промышленной продукции, причем сложной и высокого качества, пользующейся большим спросом на внутреннем и внешнем рынке, но экстенсивный характер экономики пока ещё не преодолен. Так же как не до конца изжиты элементы колониального подхода к использованию природных ресурсов.

Освоение Сибири изначально несет печать автаркичности. Сначала московское правительство не допускало иностранцев к сибирской пушнине, затем – к серебру, а потом и к другим природным ресурсы. В наши дни масштабы международного сотрудничества на почве использования природных ресурсов региона долгое время сдерживались догматическим подходом с советской стороны и дискриминацией — с западной.

Главные направления деятельности по освоению Сибири, её итоги и результаты необходимо рассматривать как сложный и противоречивый процесс, с подъемами и спадами, удачными решениями и явными просчетами, реализованными и упущенными возможностями, сегодняшними свершениями и завтрашними проблемам. Намеченные цели реализовывались правительством, специальными ведомствами, например, Сибирским приказом, позднее министерствами, компаниями и фирмами, советами, отдельными выдающимися личностями, такими как предводитель казацкой дружины, начавшей присоединение Сибири и русскому государству, Ермак, землепроходцы С.Дежнев, И.Похабов, Е.Хабаров, предприниматели Второвы и Сибиряковы, выдающийся исследователь края академик В.А.Обручев, председатель сибирского совнархоза П.И.Воеводин, начальник строительства Братской ГЭС И.И.Наймушин и многие другие. Их деятельность требует специального изучения, как и в целом проблема обеспечении кадрами вновь осваиваемых территорий.

Весь спектр деятельности по освоению Сибири можно условно разделить на пять основополагающих сфер: материального производства, демографическую, социальную, духовную, социально-политической регуляции. Для рассмотрения каждой из них потребуется специальная монография и ни одна. Поэтому мы ограничимся лишь принципиальным подходом к их освещению. Его суть заключается в том, что при всей детерминированности направлений общественного развития объективными, ма-

териальными условиями жизни людей, их прошлой опредмеченной деятельностью, история не может мыслиться иначе как целеполагающая деятельность человека.

Подводя итоги четырехсотлетнего опыта освоения Сибири, можно сделать вывод, что в среднем полвека ушло на присоединение, два с половиной – на заселение и обживание и лишь последнее столетие ознаменовалось интенсивным экономическим прогрессом. Начался он с проведения Транссибирской железнодорожной магистрали, но современное звучание получил под влиянием социалистических преобразований в стране и современной научно-технической революции в мире.

В настоящее время Сибирь занимает одно из ведущих мест в экономике СССР, превосходя по объему производимой продукции все союзные республики, за исключением Украинской ССР и уступая в Российской Федерации лишь Центральному экономическому району. Располагая менее чем 9% населения, она производит 11% общественного продукте и около 12% национального дохода страны. Сибирь дает две трети советских углеводородов, более трети угля, свыше четверти древесины и пиломатериалов, значительную часть цветных и редких металлов, машиностроения и химического волокна.

Вместе с тем ее развитие характеризуется серьезными противоречиями. При несомненном усилении ее экономического потенциала и роли в общесоюзной экономике растут межотраслевые, территориальные и социальные диспропорции. Она теряет былое преимущество в темпах своего развития по отношению к СССР в целом. Если в восьмой пятилетке коэффициент опережения среднегодовых темпов прироста промышленной продукции Сибири над среднесоюзными составлял 1,21, то в одиннадцатой пятилетке они сравнялись. А без учета развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса можно констатировать отставание от среднесоюзных показателей. Причины такого положения в основном те же, что и для всей страны.

Если попытаемся соотнести цели и результаты деятельности по освоению Сибири, то получим параллелограмм сил, где равнодействующей будет эффективность освоения. Её трудно выразить в строгих цифрах, хотя бы потому, что их невозможно получить за многие столетия. Экспертным путем можно устано-

вить соотношения между затратами и результатами, между производственными и социальными издержками, между благами общества и ущербом природе.

Масштабы и уникальность природных богатств Сибири на всех этапах её освоения обеспечивали значительное превосходство полученных результатов над понесенными затратами. В 80-е гг. XX в. произведенный национальный продукт примерно на 18 млрд. руб. превышал используемый. Производительность труда в Западной Сибири на 40% превосходила среднесоюзный уровень, что объяснялось в первую очередь благоприятными условиями эксплуатации сырьевых ресурсов.

Производственные издержки также всегда были значительно выше, чем социальные. Несмотря на отдаленность и суровые природно-климатические условия, расходы на социальную инфраструктуру Сибири от одной эпохи к другой остаются непропорционально малыми по сравнению с производственными, что ведет к социальной напряженности и моральным издержкам, выливающимся прежде всего в обратную миграцию. Из 3,7 млн. человек, переселившихся в Сибирь в 1906–1914 гг., назад вернулось около 1 млн. человек. После большого паломничества на стройки Сибири в 50–60-е гг. в связи с неблагоприятными социально-бытовыми условиями начался значительный отток населения. За 1961–1973 гг. она "потеряла" более 1 млн. человек. Такой маятник с большой амплитудой колебаний дорого обходится правительству и народу. В результате регион остается слабонаселенным.

При жизни многих поколений Сибирь оставалась резервной территорией российского государства не только из-за наличия свободных земель и богатств её недр, но и как край девственной природы. Ныне ситуация круто меняется. Хозяйственное освоение все больше приходит в противоречие с окружающей средой. Масштабы воздействия человека на природу приближаются к геологическим. Для заполнения Братского водохранилища пришлось удержать двухлетний сток такой могучей реки как Ангара. Плотина Иркутской ГЭС подняла уровень самого крупного в мире пресноводного озера Байкал почти на метр, что привело к переформированию береговой линии на большом протяжении со всеми негативными последствиями для его обитателей. Осо-

бую остроту приобрела охрана Байкала, в котором сосредоточена пятая часть мировых запасов пресной воды. Основным источником его загрязнения являются промышленные стоки и атмосферные выбросы Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. По ориентировочным подсчетам ущерб от комбината много превышает стоимость его продукции. В настоящее время по всей Сибири развернулась мощная компания в защиту природы, которая в условиях расширяющейся гласности и демократизации советского общества начинает приносить свои плоды.

Несмотря на естественные трудности и допущенные ошибки в освоении Сибири, все возрастающую цену и экологическую угрожаемость, оно до определенной черты остается оправданным. В настоящее время результаты освоения региона в принципе адекватны назревшим общественным потребностям. Конечно, Сибирь может дать значительно больше, и в этом есть потребность, но при современном технологическом уровне советского производства и степени развития социальной инфраструктуры региона, большего достичь трудно как по условиям финансирования, так и экологической безопасности.

The Development of Siberia: Historical Experience and the Present. 10th International Economic History Congress. Leuven, 1990. P.1–16.

Историческое наследие Югры как ресурс социально-экономического развития

В последнее время на фоне глобальных экономических проблем России в отдельных регионах наметилась тенденция возвращения в разработке планов социально-экономического развития, что в рыночной экономике представляет непростую задачу. Для более успешной реализации этой тенденции, необходимо обратиться к изучению исторического опыта предшествующего развития, чтобы снова не оказаться в плену старых представлений.

Рассмотрим данную проблему на примере Ханты - мансийского автономного округа (Югры), который находится на севере евразийского материка и обладает уникальными природными ресурсами, обеспечивающими мощный индустриальный комплекс мирового значения. Его не омывает теплое течение Гольфстрима, а столица даже не связана железнодорожной колеей с внешним миром. Это относительно замкнутый анклав, не имеющий выходов к океану, а, следовательно, и к центрам мировой торговли и культуры. Перед ним стоит задача выживания в неестественных для Крайнего севера рыночных условиях. Главными проблемами являются: обеспечение стабильного развития; пути экономического и социального прогресса; межэтнические отношения. Посмотрим, какую роль в их решении может сыграть историческое наследие Югры.

Древность

Древнюю историю Северо-Западной Сибири следует рассматривать в сочетании глобальных и региональных явлений. В этногенезе края в разных долях приняли участие представители двух больших рас (монголоидной и европеоидной) и трех языковых семей (уральской, алтайской и индоевропейской). Таким образом, праистория Обь-Иртышья оказывается не затерянным медвежьим углом, а перекрестком значительных этнокультурогенетических процессов. Для иллюстрации современной значимости древней и средневековой истории как актуального наследия можно ограничиться характеристикой двух феноменов: (1) устойчивости культуры в условиях таежной зоны Западной Сибири, (2) опыта межэтнического взаимодействия в процессе освоения Обь-Иртышья.

Феномен устойчивого развития

В современной зарубежной и отечественной гуманитарной науке принцип устойчивого развития служит основным критерием для любого социально ориентированного проекта. Зачастую поиски моделей устойчивого развития северных территорий ведутся на Западе. Между тем, северные территории России и населяющие их народы обладают собственным историческом ресурсом подобного опыта. Изучение праисторических моделей устойчивого развития имеет особое значение для современно-

сти, если речь идет о той же территории и тех же естественно-географических условиях.

Археологические источники по северу Западной Сибири свидетельствуют о плотном заселении юго-западной части региона с середины VII тыс. до н.э. Высокий уровень домостроительства, разнообразие типов построек и микропластинчатой индустрии показывает, что у населения западносибирского Севера уже в этот период сложился необходимый механизм культурной адаптации к окружающей природной среде. Кроме того, примечательно, что основной поток первопоселенцев края шел с запада, из-за Урала, из сходных в экологическом отношении лесных районов Восточной Европы.

В дальнейшем заселенность края существенно возрастает. При этом, несмотря на обновление технологий, стратегия освоения региона остается прежней, и субъектами этого освоения являются те же группы прауральцев, предков самодийцев и угров. В подобных случаях нередко заходит речь о консерватизме и застойности традиций. Так долгое время оценивали и историю Обь-Иртышских культур. Однако последние археологические открытия вносят в эти представления существенные коррективы. Например, в бассейне р. Казым (Белоярский район ХМАО) обнаружено древнейшее в северной Евразии неолитическое городище Амня I. Этот памятник уникален, поскольку укрепленные поселения в других районах Северо-Западной Сибири известны лишь с нач. I тыс. до н. э.

Одним из ярких памятников эпохи бронзы в Западной Сибири является городище Малый Атлым I, расположенное на окраине одноименного посёлка (Октябрьский район ХМАО). Древние атлымцы освоили металлургическое производство, создали самобытное декоративно-прикладное искусство, известное по орнаменту на керамике. Наиболее примечательно явление, ставшее следствием высокого развития таежных культур: в начале I тыс. до н. э. фиксируется экспансия атлымского населения на юг, в лесостепь, бывшей в ту пору зоной влияния развитых скотоводческих и земледельческих культур.

В эпоху раннего средневековья Западносибирская тайга была представлена устойчиво развивавшейся Обь-Иртышской культурно-исторической общностью. Примечательно, что Евразий-

ская степь в это время характеризовалась крайней политической нестабильностью и высокой миграционной динамикой. За вторую половину I тыс. н. э. в бурлящей войнами и переселениями степях Сибири и Урала сменилось не менее шести политических образований: 1-й и 2-й Тюркские, Уйгурский каганаты, объединения кыргызов, кимаков, киданей.

Феномен устойчивости культурных традиций в таежной зоне Западной Сибири обусловлен системой экологической и социальной адаптации, гармонично соотнесенной с географической и популяционной средой. Адаптационная модель соответствовала стабильной и разнообразной экосистеме тайги, на основе которой развивался комплексный тип экономики. В тайге человек имел возможность встроиться в ценозные цепи на множестве различных уровней. Более того, он приобрел умение встраиваться в них на многих уровнях одновременно, чем и обеспечил, с одной стороны, постоянство потребления биоресурсов, с другой, их сохранность и воспроизводство. Кроме того, тайга представляла собой естественный щит от кочевников степей и тундры.

Обь-Иртышскую модель устойчивого развития можно охарактеризовать следующими основными признаками: (1) комплексное и сбалансированное освоение биоресурсов с элементами природовосстанавливающих технологий (например, сезонная регламентация промыслов, создание сакрализованных территорий-заказников); (2) автохтонность и ориентация адаптационной модели на региональные ресурсы и самообеспечение; (3) отработанность механизмов внешних контактов и защиты социокультурной среды от иноземной агрессии и зависимости. Все эти критерии, несмотря на их древность, вполне соотносимы с современными нуждами и перспективами развития округа, и в этом смысле новейшие концептуалисты могут позаимствовать много ценного в опыте тысячелетней давности, а современные менеджеры найти союзников в лице коренных жителей — хранителей древних традиций.

Опыт межэтнического взаимодействия

Имея целью показать прежде всего позитивный опыт истории, мы, вместе с тем, не можем обойтись без сопоставительного анализа различных, в том числе деструктивных, тенденций,

особенно при взгляде на столь сложную проблему, как межэтнические контакты. При всей своей устойчивости адаптационная модель коренных жителей края испытала в разные периоды мощное инокультурное воздействие. Таежное Обь-Иртышье — не остров, а территория, со всех сторон окруженная различными природными и этнокультурными средами. Если до предела схематизировать картину поздней (средневековой) фазы этногенеза таежного Обь-Иртышья, то в ней обозначатся четыре (по сторонам света) окружающих этнокультурных ареала: самодийский север, эвенкийско-кетский восток, тюркский юг и финно-славянский запад. При всей сложности, иногда драматичности, взаимоотношений с севером и востоком, наиболее значимыми были западный и южный источники миграций и влияний. Эти направления преобладали, как уже отмечалось, с глубокой древности, а в средние века на южной и западной границах Обь-Иртышского мира сложились мощные государственные образования.

Несколько слов о северном и восточном направлениях взаимодействия. Контакты таежных жителей с северными оленеводами-ненцами, как можно судить по фольклорным и письменным источникам, носили многоплановый характер, включая торговлю, военные столкновения, брачные и соседские связи. Несмотря на вспыхивавшую подчас вражду, угорско-самодийские взаимоотношения имели вид устоявшегося и сбалансированного диалога (тем более что самодийские группы лесных ненцев и селькупов населяли и таежную зону). Специализация хантов и манси на рыболовстве и охоте вполне органично сочеталась со специализацией самодийцев на оленеводстве, и оба этнических сообщества уживались на смежных территориях: угры осваивали прежде всего долины крупных рек и нижнее течение их притоков, самодийцы господствовали на водоразделах и открытых безлесных пространствах. В этом соотношении развивались торговля и межкультурные заимствования. В менее интенсивной форме те же процессы характерны для восточного направления, где западносибирские угры и самодийцы вступали в контакты с подвижными охотниками-оленеводами эвенками. В целом северное и восточное направле-

ния можно охарактеризовать как ареалы долговременного и сбалансированного межэтнического взаимодействия.

Южное и западное направления выглядели заметно импульсивнее в связи с неустойчивостью военно-политического климата и жестким взаимным противоборством политических сил в степях Евразии и Восточной Европе. По хронологии и характеру влияния можно различить два основных периода и типа внешнего воздействия: (1) новгородско-булгарский и (2) ордынско-московский. Оба в этническом отношении представляют собой комбинацию тюркских и славянских традиций, однако механизм и последствия их воздействия на население Обь-Иртышья выглядят неодинаково.

В эпоху развитого средневековья возрастает доля участия таежных территорий в международной торговле. С упадком Великого шелкового пути в VIII–IX вв. валютой на европейских рынках вместо шелка становится мех ценных пушных зверей — соболя, бобра, чернобурых лисиц. Возникают новые торговые магистрали — Балто-Каспийский (Волжский) и Балто-Черноморский пути. На них вырастают крупные торговые, культурные и политические центры, соответственно Великий Булгар и Великий Новгород. Именно с ними связаны первые письменные известия о Югре и ее вовлечение в международную торговлю.

Несмотря на то, что Югра числилась среди даннических областей Новгорода, известий о том, что эта зависимость побуждала туземцев к миграциям и бегству, нет. Югра по-прежнему располагалась в Северном Приуралье, а самоеды в XI–XV вв. даже расширили свои миграции в западном направлении, что не в последнюю очередь было вызвано торговым притяжением Русского Севера. Примечательно, что ни Новгород, ни Булгар не пытались в буквальном смысле завоевать территорию югры и покорить местных жителей, оставаясь главным образом торговыми партнерами.

В отличие от новгородской "торговой" колонизации, московская была основана на военно-административной экспансии, и ее результатом стал значительный отток коренных жителей за Урал и вглубь Сибири, а также интенсивное миграционное движение внутри региона, приведшее к исчезновению одних этни-

ческих сообществ (в том числе летописной югры) и появлении новых: вогулов, остяков, позднее северных групп манси, селькупов, восточных ненцев. Силовой стиль управления включал военное давление и христианизацию, с одной стороны, создание зависимой местной элиты и тактику налоговых льгот, с другой. Подобный тип взаимоотношений не отличался стабильностью, изобиловал открытыми и скрытыми проявлениями протеста туземцев, находился в тесной зависимости от персональных склонностей, иногда капризов, администраторов и не способствовал развитию местной экономики.

Сопоставление новгородского и московского типов колонизации приведено не для расстановки положительных или отрицательных оценок. В данном случае примечателен эффект восприятия или отторжения местными жителями двух вариантов внешнего воздействия. Вариант торговой колонизации вызвал встречное позитивное действие со стороны коренных жителей, вариант административно-военной колонизации — сопротивление и противостояние. В дальнейшей истории Западной Сибири эти две традиции взаимоотношений местного и пришлого населения в разных пропорциях продолжали развиваться. Пожалуй, в оптимальной для российского управления форме они проявились в "Уставе об управлении инородцами" М. М. Сперанского 1822 г. и последующей административной практике. И в наши дни актуальна проблема выбора ключевых критериев диалога между властью и жителями округа, между коренным и пришлым населением. В этом отношении инструментарий действий новгородцев и москвичей, а также запечатленные в истории последствия этих действий, представляют обширный спектр характеристик и явлений, более точно отражающий реалии Сибири, чем иные зарубежные, австралийские или скандинавские, образцы.

В целом, исторический опыт освоения Югры русскими свидетельствует, что это была важная фаза развития ее производительных сил, которая способствовала заселению края и накоплению капиталов для последующего освоения. В отличие от многих других осваиваемых территорий мира, где коренное население сгонялось со своих земель и в значительной степени уничтожалось, сибирские аборигены как главные поставщики

пушнины сохранялись и выполняли важную функцию по освоению районов с экстремальными природно-климатическими условиями.

Отличительным признаком начальных этапов российской колонизации Югры был ее относительно сбалансированный характер. Русские поселения здесь (Березов, Пелым, Сургут) развивались как комплексные административно-хозяйственные и культурные центры. Наряду с административной и производственной создавалась надежная бытовая инфраструктура, которая на уровне требований того времени обеспечивала необходимые условия жизнедеятельности: заселение, обживание, хозяйственное освоение суровых пространств Севера. Это оказывало благоприятное воздействие на социальную обстановку, устойчивость которой в свою очередь создавала хорошие предпосылки для экономического и культурного роста, что стоило бы учитывать при освоении нефтяного Приобья[1]

Современность

Основополагающим фактом в новейшей истории Югры стало открытие на ее территории нефтяных и газовых месторождений мировой значимости, чему предшествовали почти 300 лет упорных поисков, редких находок, больших надежд и горьких разочарований. На пути к цели русскими землепроходцами, промышленными людьми, горными инженерами и рабочими преодолевались не только тысячи километров глухой тайги и непроходимых болот, но и дебри противоречивых концепций, столкновение научных школ, государственных, ведомственных и частных интересов, обманчивых иллюзий и упорный скептицизм.

Приведем некоторые из многочисленных примеров, для того, чтобы глубже осмыслить мировую значимость открытия новой нефтегазовой провинции. Вскоре после присоединения Сибири к русскому государству (последняя четверть XVI в.) о выходах в бассейне Оби битумных сланцев — спутников нефти — писал сосланный в Тобольск хорватский общественный деятель Юрий Крижанич. "Каменное масло" на берегах Иртыша обнаружило посольство Ивана Унковского, направленное Петром Великим в 1722 г. в Джунгарию. Позже сибирское "каменное масло" описал великий русский ученый М.В. Ломоносов.

В первой четверти XVIII в. крупную экспедицию в Сибирь совершил немецкий исследователь Д.Г Мессершмидт. В ее составе работал пленный шведский капитан Ф. Табберт, который, вернувшись на родину, опубликовал в 1730 г. под фамилией Ф. Иоганна фон Страленберга книгу "Северная и Восточная часть Европы и Азии" В ней указывалось: "По реке Иртыш между соленым озером Ялишево и Семью Палатами находится битуминозный материал, который загорается, если его подержать на свету" Более того, он утверждал: "Нефть так же имеется в Сибири в Уральских горах"

Любопытно, что знаменитый французский писатель-фантаст Жюль Верн в конце XIX в. в малоизвестном в России романе "Михаил Строгов", как бы предвосхищая грандиозную нефтяную будущность Сибири, писал: "Почва Центральной Азии, как губка, напитана углеводородными соединениями... Источники нефти бьют ключом, тысячами на поверхности земли"

С начала XX в. развернулся своеобразный нефтяной референдум о возможной нефтеносности Запада Сибири, особенно после неожиданного заявления академика И.М. Губкина (1932 г.). Истина рождалась в ожесточенных спорах представителей различных школ нефтяников, пока так же неожиданно на территории Югры были обнаружены промышленные запасы нефти и газа (50–60-е гг.)[2]

Остановимся подробней на двух животрепещущих сюжетах современной Югры: проблемах индустриального освоения Севера и опыте его социального развития.

Некоторые проблемы индустриального развития Севера

Наиболее эффективные из найденных месторождений Сибирской нефти располагались на территории Югры. Среди них мировая жемчужина — Самотлор. Темпы нефтедобычи росли стремительно. Уже через 13 лет после начала промышленной разработки был добыт первый миллиард тонн нефти, что является не только российским, но и мировым рекордом. К концу века из югорских недр извлечено более 7 млрд. т. нефти. Сегодня здесь добывается около 60 % российской нефти. Югорская нефть, с одной стороны, сыграла спасительную роль для слабо эффективной экономики СССР последних лет его существова-

ния, а с другой стороны, способствовала эрозии этой экономики, заведшей страну в тупик зависимости от экспорта энергоносителей. Позитив заключается в том, что продажа нефти за рубеж обеспечивала большую часть валютных поступлений для страны, давая возможность закупать за границей высокие технологии и удовлетворять элементарные потребности населения, прежде всего в продуктах питания. Только за 1974–1984 гг. за нефтепродукты, главным образом сибирского происхождения, было получено 176 млрд. долларов.

А негатив выразился в том, что СССР, рассчитывая на импорт дефицитной продукции, не принимал должных усилий по развитию своего производства, что привело к стагнации технического прогресса и пренебрежению нуждами сельского хозяйства. Как только США добились резкого снижения мировых цен на нефть, так Советский Союз оказался в очень сложном положении, что, в конечном счете привело к его гибели и нынешним трудностям России. Произошло примерно то, что случилось с Испанией после великих географических открытий, когда некогда могущественная держава, уповая на приток дешевых колониальных товаров, перестала развивать свое производство и оказалась в аутсайдерах Европы, уступив пальму первенства Британии, ставшей "мастерской мира"

Этот исторический урок должен быть усвоен не только новой Россией, но и Югрой, в частности. Рано или поздно фонтаны "черного золота" иссякнут и что тогда будет с ее населением, городами, всей гигантской северной инфраструктурой. Задумываясь над этим, группа ученых из Уральского и Сибирского отделений РАН предлагает расширить сферу развития производительных сил Югры за счет использования всей совокупности ее природных ресурсов, не ограничиваясь добычей углеводородов. Актуальной задачей ближайшего времени является развертывание дополнительных поисково-разведочных работ в Приполярном Урале в целях подготовки промышленных запасов. Как показывают исследования Института экономики УрО РАН с позиций экономической эффективности наиболее обоснованными направлениями разработки минерально-сырьевой базы на первом этапе освоения являются месторождения бурых углей Сосьвинского бассейна, рассыпного и коренного золота, бетонито-

вых глин и железных (скарно-магнетитовых) руд в Харасюрском рудном поле Березовского административного района. Эти месторождения находятся в радиусе 220–400 км от ближайших железных дорог Ивдель–Обь и Полуночное–Ивдель–Серов[3]

Не стоит забывать и о другой крайности развития производительных сил региона — попытках затопления поймы Оби в результате создания на ней каскада гидроэлектростанций, которые активно дебатировались в 50–60-х гг. Водохранилище самой крупной из них, Нижне-Обской ГЭС, должно было затопить свыше 100 тыс. кв. км низменности. При реализации проектов строительства всех станций каскада общая территория зон затопления могла составить величину, близкую к акватории Балтийского моря. На месте бескрайних болот Обь-Иртышского междуречья проектировщикам виделось громадное внутреннее море, воды которого предполагалось направить через Тургайские ворота в засушливые районы Казахстана и на хлопковые плантации среднеазиатских республик. В результате напряженной и упорной борьбы мнений удалось принять правильное решение. Проектирование гидроэлектростанций было приостановлено, а затем снято с повестки дня, что обеспечило успешную разведку и последующую эксплуатацию нефтяных и газовых месторождений. Казалось бы, это дела давно минувших дней. Однако, совсем недавно к забытой идее вернулась группа политиков во главе с мэром г. Москвы Ю.М. Лужковым, которая, шельмуя противников стародавнего проекта, настаивает на необходимости переброски вод Оби в те же самые южные районы. Думается, что позитивный исторический опыт решения данного вопроса позволит избежать непоправимой ошибки и в наши дни, по крайней мере, найти приемлемое решение в новой ситуации.

Исходя из прошлого опыта, не может не беспокоить также ведомственная разобщенность в освоении региона. Если в годы Советской власти индустриальные сатрапии, отражая интересы центральных министерств, не считались с его нуждами, то теперь вертикально-интегрированные нефтяные компании проявляют нечто подобное. Проблема заключается в том, чтобы нивелировать такие устремления путем координирующей роли администрации Ханты-Мансийского автономного округа, что представляется вполне реальным в нынешних условиях.

Из опыта социального развития

Советская социальная политика, реализованная в практике крупных строек базировалась на двух незыблемых принципах. Сущность первого определялась фразой "сначала" и "потом", то есть утверждалось, что объектом первоочередного строительства являются промышленные предприятия, а сооружения социальной инфраструктуры должны возводиться после их завершения. Другой принцип основывался на психологическом стереотипе, прочно утвердившемся в 50–60-е годы. Суть его заключалась в признании бытовой неустроенности своеобразным проявлением "романтики будней", "спутником героизма" Поэтому отсутствие элементарных объектов социального обеспечения рассматривалось неотъемлемым атрибутом "новостроек"

Эти элементы социальной политики были присущи и освоению Средней Оби, особенно на начальном этапе. За основу создания нефтегазодобывающего комплекса был взят принцип одновременного создания отраслей специализации, производственной и социальной инфраструктуры, строительства городов. Специфические условия Севера: малоосвоенность, отдаленность от промышленных центров, отсутствие транспортных магистралей круглогодичного действия, затрудняли реализацию предложенного варианта освоения. Поэтому с первых шагов в теории и на практике с переменным успехом шла борьба двух мнений: основательно обживать Север или ограничиваться временными поселениями, вахтовым методом.

Поучительным, дающим серьезную информацию к размышлению, является сопоставление отечественного опыта освоения Севера Западной Сибири и зарубежного Севера. Мировая практика к середине 60-х годов имела интересный опыт освоения северных территорий Канады и Аляски. Схожесть природно-климатических и географических факторов дает возможность провести параллели, сравнить как характер, так и конечные результаты процессов освоения малообжитых районов.

По утверждению исследователей зарубежного Севера, в процессе его освоения следует выделять два этапа — 30–40 и 60–80-е годы. Освоение севера Канады в 30-40-е годы привело к созданию так называемых "городов-компаний", где компания-владелец практически всего поселка ограничивалась созданием

минимальных удобств для проживания работающего персонала. В 60-е годы начинается новый этап, связанный с созданием "образцовых городов" При планировке и застройке новых городов использовались последние достижения градостроительства, позволяющие создать максимальные удобства для проживающего населения. Более того, социальная инфраструктура во всех районах освоения создавалась значительно раньше самих промышленных объектов, а уровень ее услуг был не ниже, а зачастую выше, чем в городах освоенной части страны. Высокий уровень социальной инфраструктуры, комфорта, современный облик новых городов — все это позволяло их отнести к категории "образцовых"

В чем же причины столь разительного контраста 2-х этапов в процессе освоения зарубежного Севера? Изменение модели освоения было во многом обусловлено развертыванием научно-технической революции. Максимальное использование достижений научно-технического прогресса позволяло увеличить мощности производства при снижении численности работающих и тем самым достигнуть оптимальных размеров центров освоения. Для таких производственных центров характерна численность населения около 1-2 тыс., редко свыше 5 тыс. человек. В то же время для них было характерно высокое соотношение выпуска продукции к численности населения. Изменение условий не повлияло на сам характер освоения, оно по-прежнему носило очаговый характер, но архитекторы могли позволить "роскошь": применять самые последние достижения в области градостроительства с учетом специфических условий Севера.

Градостроительная практика на севере Западной Сибири принципиально отличалась от зарубежной. В отличие от нее, где положительным считался сам факт проектирования и застройки необжитой территории, что давало возможность архитекторам использовать новые неординарные градостроительные решения, в условиях Западной Сибири применить их было достаточно сложно. Преградой на этом пути было два обстоятельства: во-первых, отсутствие достаточно обоснованной градо - строительной концепции (в связи с неопределенностью геологических прогнозов и недостаточной геологической изученностью самой территории на начальном этапе), во-вторых, недостаток времени

на подготовку проектной документации, которая бы учитывала специфику природно-климатических условий Севера. Последнее считалось "роскошью" Это приводило к тому, что при подготовке генеральных планов новых городов использовались проекты районов Поволжья, Татарии и Башкирии.

К началу формирования нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири был накоплен и отечественный опыт строительства городов на малообжитой территории, который мог быть использован при застройке северных городов. Это пример строительства Братска и Ангарска. Если "уроки Братска" продемонстрировали, как не следовало строить, то иной пример показывал опыт сооружения Ангарска. Ангарск застраивался по генеральному плану целыми микрорайонами с умелым использованием рельефа местности. Жители Ангарска не знали ни землянок, ни бараков. Строительство осуществлялось комплексно: школы, детские дошкольные учреждения, предприятия сферы обслуживания сооружались одновременно с жилыми домами. Город был хорошо распланирован, жилая часть от промышленных районов была отделена лесопарками. Это позволило стать Ангарску одним из наиболее благоустроенных городов Сибири. К сожалению, при строительстве городов Югры не был использован ни отрицательный опыт Братска, ни положительный — Ангарска.

В результате в районах нового промышленного освоения обеспеченность жильем на начало 1986 г. составляла в среднем 82%, магазинами — 86,6, предприятиями общественного питания — 44%. Наиболее уязвимым местом во вновь осваиваемых районах было бытовое обслуживание и жилищно-коммунальное хозяйство. Услугами службы быта население было обеспечено на 30-40% от нормы. Дефицит по водоснабжению новых городских поселений достигал 50%. Во многих городах Севера отсутствовали водоочистка и канализационные сооружения. В целом обеспеченность объектами социально-бытового назначения северных городов в середине 80-х годов была в 1,5-2 раза ниже, чем в европейских районах страны.

Следовательно, к середине 80-х годов сложилось явное противоречие между темпами промышленного и социального развития районов освоения Причины сложившейся ситуации были

многообразны. Они заложены прежде всего в самой стратегии освоения, которая несмотря на декларации о комплексном развитии региона и первоочередном строительстве объектов социального назначения, повторила негативный опыт строек 50-60-х годов. Характерной чертой подобного опыта являлось первоочередное строительство промышленных объектов. Социальная инфраструктура изначально формировалась в усеченном виде: сначала строилось жилье, а значительно позднее сооружались объекты жизнеобеспечения. Следствием этой политики был "остаточный" принцип финансирования социальной сферы. В социальную инфраструктуру Западно-Сибирского нефтегазового комплекса за двадцатилетний период было вложено 6 млрд. рублей, что в среднем составляло 12–13% от общей суммы капиталовложений и было почти вдвое ниже, чем по РСФСР. При этом доля капиталовложений в промышленное производство достигала почти 90%.

Отставание социальной инфраструктуры от потребностей населения обернулось огромными миграционными процессами, в которых за период с 1964 по 1989 гг. участвовало 15 млн. человек. По оценкам экономистов в результате высоких миграционных процессов в регионе народнохозяйственные потери за 15 лет составили 114 млрд. руб.[4] Таким образом, если промышленный потенциал Западной Сибири обеспечивал как внутренние потребности страны, так и экспортные поставки, то социальная сфера существенно отставала от потребностей населения. Поэтому одной из самых серьезных проблем нефтегазодобывающих районов к середине 80-х годов стало противоречие между значимостью региона в экономике страны и недопустимо низким уровнем обеспечения его населения социальной системой жизнедеятельности. К сожалению, нефть и газ, принесшие славу югорской земле, не превратили ее в оазис богатства и процветания. Рыночные реалии наших дней заставляют в корне пересмотреть неудачи советского опыта социального развития.

Возможно, какие-то положения этой статьи покажутся слишком очевидными, или наоборот спорными. Не претендуя на особую оригинальность и бесспорность, автор тем не менее убежден в том, что из опыта освоения Севера необходимо извлекать

уроки, чтобы не повторять трагических ошибок прошлого и оптимизировать движение в будущее.

Примечания

1. Рассмотрено на материалах Института истории и археологии УрО РАН.
2. См. подробнее: Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометеи сибирской нефти. Свердловск, 1989.
3. См. подробнее: Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция европейского Северо-Востока и Сибири. Новосибирск, 2002.
4. См.: подробнее: Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.) Тюмень, 2002.

Уральский исторический вестник, № 9. Екатеринбург, 2003. С. 6–16.

Из сердца Азии – к порогу Европейской Арктики

Россия – евразийская держава. Много веков через ее территорию перекатывались волны различных завоеваний. В кровопролитных войнах она теряла население, достижения экономики, темпы прогресса. На рубеже XXI в. ситуация в мире и стране круто изменилась. В этих условиях евразийское положение России может играть важную геополитическую роль, превращаться в мощный экономический ресурс мирохозяйственного значения, прежде всего в формировании трансконтинентальных транспортных коридоров, что становится важнейшей тенденцией нового тысячелетия. Особое значение в этой связи приобретает Российский Север, составляющий после распада СССР 2/3 территории страны и сосредоточивающий основные запасы полезных ископаемых.

Положение на Российском Севере в ходе рыночных реформ крайне осложнилось. С одной стороны, здесь в отличие от центральных районов страны формируется продукция преимущественно реального сектора экономики, Север стал основным по-

ставщиком валютных поступлений для пустой государственной казны. С другой стороны, страна в нынешних условиях не может обеспечить его самые необходимые потребности. Хуже того, северная инфраструктура деградирует на глазах. По оценке академика В.П. Казначеева ее потери уже составили более 500 млрд. долларов[1] В результате тысячи людей покидают Север, и без того слабо обжитый. Наибольший отток населения зафиксирован в Чукотском автономном округе – 53,9%, Магаданской области – 39,2%, Камчатской области – 18,5%; число жителей Таймырского и Эвенкийского автономных округов уменьшилось соответственно на 22 и 28%[2]

Советская модель освоения Севера перестала соответствовать нынешним реалиям, поскольку он превращается в часть "глобального мира", и его сырьевые источники включаются в технологические цепочки мировой экономики, конкурируют с ней. В этой связи возникает множество трудноразрешимых проблем. Среди них – транспортная. Значительная доля грузопотоков, сформировавшихся в советский период, прежде всего встречные перевозки, оказалась невостребованной в условиях рыночных реформ. Опережающий рост тарифов на транспорте (вдвое по сравнению с общим ростом цен) стал важным фактором снижения конкурентоспособности промышленной продукции. Наряду с недогруженностью широтных железнодорожных магистралей проявляется явная нехватка надежных транспортных артерий меридионального направления, что затрудняет решение проблем социально-экономического развития северных территорий.

С целью преодоления создавшегося положения по инициативе Института Истории и археологии УрО РАН, специализирующемся на изучении исторического опыта, разработана специальная научная программа "Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири", в которой представлены цели и условия интеграции сопредельных, но транспортно разобщенных регионов. В качестве основных объектов исследования выбраны проблемные регионы Республики Коми, Свердловской и Тюменской областей, Красноярского края, Ненецкого, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Таймырского автономных округов, а также

Арктический и Транссибирский транспортные коридоры. Проведенные исследования демонстрируют до сих пор редкий в науке глубокий синтез исторического и экономического анализа интеграционных региональных процессов в мощном ресурсно-индустриальном континентальном ядре России. Обстоятельный исторический анализ оказался в высшей степени полезным в структуре этой работы, поскольку исторический опыт и сегодня говорит о реальной подоплеке региональных интересов и особенностей российского пространственного мышления гораздо больше, чем самые смелые, но отвлеченные проекты.

Идея выхода урало-сибирских ресурсов в экономическое пространство Западной Европы восходит к деяниям Петра Великого. Именно тогда уральский металл сыграл едва ли не решающую роль в Северной войне и в выходе России к Балтийскому морю. Уже в 1718 г. из Петербургского порта было вывезено за границу 2 тыс. пудов железа. Во второй половине XVIII в. в Европу ушло 2/3 всей продукции уральских заводов, что имело важное значение для осуществления промышленного переворота во многих европейских странах[3] К 1720-м годам относится идея водного сообщения между бассейнами Камы и Вычегды/Северной Двины для вывоза продукции уральских заводов через Архангельский порт в Западную Европу. С реализацией этой идеи связаны строительство и функционирование (1785–1838 гг.) Северо-Екатерининского канала между реками Северная и Южная Кельма. До 1860-гг. сохранило значение и речное сообщение уральских заводов с Архангельским портом по р. Вятке с выходом на Сухону и Северную Двину.

В начале 1850-х гг. возникли первые инициативы железнодорожного строительства в Сибири. Построенная в 1891–1904 гг. Транссибирская железнодорожная магистраль сыграла исключительно важную стратегическую и социально-экономическую роль в освоении уникальных природных богатств Азиатской России. Она обеспечила надежную связь с Европейской частью страны и открыла выход к бассейну Тихого океана. С начала XX в. стали возникать проекты железнодорожного строительства на Севере. В 1906 г. для выхода на западноевропейский рынок предлагался проект Обь–Северной (Полярной) магистрали от Березова (или Обдорска, т. е. Салехарда) через Северный Урал к

одной из бухт на арктическом побережье Европейской России, или к Архангельску. Практической реализацией идеи транспортного строительства на Севере стала скоростная прокладка в условиях первой мировой войны Мурманской железной дороги и обустройство морского порта. В результате этих мер удалось существенно продлить навигацию и дублировать замерзающий Архангельский порт[4] После революционных потрясений, когда молодая Советская республика искала новые контакты с внешним миром, широкие дискуссии велись по проекту Обь–Мурманской линии, соединяющей северные порты Мурманск и Архангельск с Сибирью и Уралом вместе с возможными ответвлениями от нее к удобным для мореплавания пунктам на побережье, таким как Индигская губа. Со временем эта идея трансформировалась в замысел сооружения Великого Северного железнодорожного пути (ВСП), соединяющего будущие порты Ледовитого и Тихого океанов[5]

Проблемы создания морского порта на Индиге, соединение его железнодорожным сообщением с Уралом и Сибирью активно дискутировалась в 1920–40-е гг. В первой половине этого периода предпочтение отдавалось Архангельскому порту по причине многовекового опыта его эксплуатации, а также ограниченности технико-экономических возможностей страны по созданию дополнительного транспортного узла. При всей предпочтительности Архангельского варианта даже его убежденные сторонники соглашались с тем, что со временем создание морского порта, обслуживающего экспортный потенциал Урала, Сибири и Северо-востока России, станет экономической необходимостью. С началом второй мировой войны повторилась ситуация первой мировой войны. Пришлось срочно искать страховочные варианты и вновь обратиться к идее строительства порта в Индигской губе, что весьма поучительно. Однако построить новый порт и железную дорогу к нему в военных условиях не удалось[6]

Через полвека новое геополитическое положение России после распада СССР снова поставило ту же проблему. Пришлось обратиться к историческому опыту вековой давности и решать старую задачу новыми методами. Отталкиваясь от предшествующих проектов, уральские и сибирские ученые предлагают

свое решение задачи. Ее организующей идеей является геостратегическое и технико-экономическое обоснование прокладки железной дороги Урал-Коми-Баренцево море (Индига), или Баренцкомур, которая способна не только объединить в мощный макрорегиональный экономический комплекс богатейшие нефтяные и газовые запасы Сибирского Севера, уникальные металлургические производства Урала, рудные, угольные и лесные богатства Республики Коми, но и открыть этим ресурсам прямой кратчайший экспортный маршрут из континентальных глубин Азиатской России к побережью Баренцева моря. Эта дорога, сближая сердце континентальной Азии с Западной Европой, создаст совершенно новую геоэкономическую конфигурацию и межцивилизационную перспективу для того комплекса стратегических проблем, который сегодня характеризуется как "северное измерение" европейской интеграции.

Предлагаемый вариант Баренцкомура (Северного хода) предусматривает строительство недостающей новой железнодорожной линии длиной 412 км между ст. Троицко-Печорск в Республике Коми и ст. Полуночное в Свердловской области с пересечением Уральского хребта. По ней пойдут руды и концентраты с Полярного и Приполярного Урала, бокситы Тимана, уголь из Воркуты, конденсат и нефть из Ямало-Ненецкого автономного округа, лесопиломатериалы, а также миллионы тонн грузов для нефтегазовых промыслов на Ямале. Общая величина экономии на стоимости перевозок по северному ходу до 2030 г. оценивается в 2,23 млрд. долл. в расчете на минимальный объем грузов. В перспективе Баренцкомур станет звеном будущих железнодорожных магистралей соответственно меридиональной Восточно-Уральской и широтной Северо-Российской Евразийской магистрали, которая обеспечит связь портов Баренцева моря (Индига) и Тихого океана (Ванино) и пересечет многие проблемные регионы ресурсного типа Российского Севера.[7]

В рассматриваемом капитальном труде представлены также другие транспортные, региональные и межрегиональные проблемы северных территорий, в том числе международные транспортные коридоры на территории России. В частности, диагональный транспортный коридор Белое море–Пермь–Оренбург в составе строящейся магистрали Белкомур и по су-

ществующим дорогам может получить выход на Финляндию, а позднее в страны Северной Европы, которые, кроме связи с Россией, получат магистральный путь в страны Центральной Азии и далее в Китай или Восточный Иран и Афганистан. Уральский трансконтинентальный коридор Ямал-Центральная Азия пересечет Азиатский континент от Северного Ледовитого океана до Персидского залива[8].

Примечания

1. Казначеев В. Россия XXI века прирастает приполярными цивилизациями // Человек и Север. 2002. № 1(2). С. 20.
2. Стратегия для России: 10 лет СВОП. М., 2002. С. 738.
3. Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Под ред. академиков В.В. Алексеева, В.В. Кулешова и проф. М.К. Бандмана. Новосибирск, 2002. С. 22, 26, 27.
4. Там же. С. 64–66.
5. Там же. С. 68.
6. Там же. С. 100.
7. См. всестороннюю подробную проработку этой проблемы: Проблемные регионы ресурсного типа... С. 212–239.
8. Там же. С. 242.

From the Heart of Asia – to a Threshold of the European Artic Region // Northern Research Forum. Northern Veche Proceedings of the Second NRF Open Meeting. Veliky Novgorod, Russia, September 19–22, 2002. Akureyri, 2004. P. 154–156.

II. Модернизация России

Для понимания проблем современной России принципиально важно правильно оценить ее место в мировой цивилизации. Политики же, да и многие ученые, как правило, исходят лишь из недавнего "социалистического" прошлого страны, тогда как вопрос гораздо глубже – в уровне ее цивилизационного развития, которое не измеряется только категориями капитализма или социализма. Суть вопроса в том, что в России не завершен процесс цивилизационного масштаба – переход от традиционного аграрного к индустриальному, а теперь уже и к постиндустриальному обществу, он застопорился на уровне массового использования высоких технологий в гражданских отраслях экономики, а также формирования гражданского общества со всеми вытекающими отсюда общественно-политическими и социально-экономическими последствиями

Содержащиеся в этом разделе тексты дополняют и развивают положения по данному вопросу, выдвинутые в нашей книге "Опыт российских модернизаций XVIII–XX века" (М.: Наука", 2000) и подводят к более глубокому пониманию причин распада СССР. Здесь же сделана попытка оценить нынешнее положение страны с точки зрения геополитических и цивилизационных факторов и предложить на этой основе подход к формированию современной национальной идеи России.

Россия сквозь призму теории модернизации

(вместо предисловия)

С точки зрения кардинальной смены парадигм технологического способа производства человеческая история знает две величайшие революции. Первая связана с заменой собирательства и пастушества земледелием (неолитическая), вторая — с переходом от аграрного общества (традиционного) к индустриальному или современному (модернизация).

Следовательно, модернизация — явление цивилизационного масштаба, глобальный феномен мировой истории.

Зарубежная историография породила огромную литературу о модернизации. В мировом обществоведении создан значительный теоретико-методологический багаж изучения проблем модернизации и развития. Разрабатывались критерии, определялись фазы, этапы и типы модернизации, агенты модернизации и модернизаторские элиты, их влияние на темпы и характер самого процесса модернизационного перехода (У Ростоу, Ш. Эйзенштадт, Д. Лернер, Х. Даадлер, Д. Эптер, С. Блэк, Г Терборн, А. Турен, Д. Гусфильд, С. Хантингтон и др.)[1]

Российский опыт модернизации в определенной степени привлекался зарубежными специалистами: экономистами, политологами, социологами, историками (А. Гершенкрон, С. Казнец, С. Блэк, Д. Норт, М. Манн, Т. Шанин, Т. Скокпол, П. Готрелл, Д. Патнам, Т. фон Лауэ и др.), – многие наблюдения которых представляют несомненный интерес. Однако односторонний подход, присущий указанным авторам (макроэкономический или макроисторический; акцентирование внимания на отдельных аспектах модернизации: экономическом, политическом, институциональном развитии и т. д.), приводил их к различным, зачастую диаметрально противоположным выводам даже по ключевым вопросам: о характере российской модернизации; роли государства; механизмах воздействия государственных и институциональных структур на модернизацию и общество[2]

В последние годы, в связи с ростом интереса отечественных обществоведов к цивилизационному подходу интерпретации исторического процесса, усилилось внимание к проблемам модернизации в России. Концентрированным выражением этого интереса явилась публикация материалов "круглого стола" журнала "Вопросы философии" под общим названием "Российская модернизация: проблемы и перспективы"[3] Там высказаны различные, подчас полярные точки зрения на суть модернизации, ее периодизацию и перспективы, значение для России.

Большинство авторов едины в том, что модернизация есть переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Это комплексный процесс, который охватывает все стороны общественной жизни: экономическую,

социальную, правовую, политическую, культурную. В ходе модернизации менее развитые общества приобретают черты более развитых. С таким подходом нельзя не согласиться, но есть ряд позиций, которые наводят на размышления.

Некоторые ученые, например А.С. Ахиезер, рассматривают модернизацию как переход от традиционной цивилизации к либеральной[4] С такой трактовкой трудно согласиться, поскольку, во-первых, вряд ли можно ставить знак равенства между либеральными режимами и цивилизациями, а во-вторых, всем странам не либерального толка придется отказать в модернизации, хотя это очень трудно сделать.

Непременным атрибутом модернизации многие авторы считают частную собственность и рынок, особенно мировой. Безусловно, что именно они дали толчок модернизации и сопутствовали ее успеху. Однако, возникает вопрос: имела ли место модернизация в тех странах, где названные компоненты не получили классического развития, но состоялась индустриализация (стержень модернизации). К этим странам в первую очередь относится Россия. Прошла она стадию модернизации или только вступает в нее, интегрируясь в мировой рынок? Нам представляется, что нельзя игнорировать ни петровский, ни сталинский этапы модернизации. Тот и другой были ответом на вызов своего времени, носили характер догоняющей и незавершенной модернизации, но они имели место в истории, и с этим необходимо считаться.

Вообще еще предстоит предпринять значительные шаги по теоретическому размежеванию таких феноменов, как модернизация, капитализм, социализм. Как нам представляется, капитализм и социализм можно идентифицировать как социально-экономические системы, которые находятся в различных отношениях к рыночным механизмам. Если капиталистическая экономика ориентирована на производство для обмена через рынок, то социалистическая регулируется плановыми, политическими методами (хорошо известные попытки модификации индустриального социализма путем внедрения рыночных механизмов всегда наталкивались на политические и экономические барьеры; гипотетически можно утверждать, что существуют определенные пределы введения "рынка" в "социализм", превышение

которых приводит к необратимой трансформации самой социалистической системы). Модернизационный процесс сам по себе относительно независим от капитализма и социализма, то есть он может протекать как в капиталистическом, так и в социалистическом контексте, что, конечно, не снимает вопроса о социокультурной цене использования "капиталистических" или "социалистических" методов модернизации, а также об их экономической и организационной эффективности.

Данный вывод подтверждается многочисленными наблюдениями и теоретическими моделями. В качестве примера можно привести так называемую "кривую Казнеца", предложенную в качестве гипотезы известным экономистом С. Казнецом в 1955 г. членам Американской экономической ассоциации. Суть гипотезы сводится к тому, что распределение дохода и богатства можно представить в виде кривой, которая демонстрирует первоначально резкий рост имущественного неравенства в период модернизационного развития и последующее постепенное сглаживание. Данная гипотеза нашла подтверждение в историческом плане на материале и капиталистических стран Европы и Северной Америки, и промышленно развитых бывших социалистических государств, и стран "третьего мира" с различными социально-экономическими ориентациями[5]

Силы науки и техники, новые технологии преобразуют жизнь людей повсюду, вне зависимости от конкретного социально-экономического и политического контекста, поэтому отнесение различных аспектов человеческого бытия на счет модернизации или социальных, экономических, политических систем является одной из ключевых теоретических проблем.

В данной связи придется обратиться к формуле А.С. Ахиезера об "антимодернизационном взрыве" в России в 1917 г.[6] Взрыв действительно был. С одной стороны, он нарушил естественное течение модернизационных процессов, а с другой – сильно их катализировал. В течение жизни одного поколения страна превратилась из аграрной в индустриальную. Это не антимодернизация, а сверхмодернизация с тяжелейшими последствиями для народа и государства.

Трудно также согласиться с концепцией Л.С. Васильева о псевдомодернизации Советской России, поскольку де она доби-

лась "немалых результатов в весьма специфической сфере, в сфере того, что работает на войну и насилие"[7] Во-первых, результаты касались не только войны, а переустройства всего социально-политического уклада страны на базе индустриализации. Во-вторых, эти результаты спасли не только Россию, но и Европу от фашистского варварства во второй мировой войне. В-третьих, следуя логике Васильева, Германию, развязавшую две мировые войны, тоже надо обвинить в псевдомодернизации. Наконец, в-четвертых, если исходить из самодовлеющего значения военного фактора, то и петровские преобразования придется объявить псевдомодернизацией. Тогда выходит, что Россия вообще не имеет никакого отношения к модернизации, отстала от мира по крайней мере на 500 лет.

Такие крайности А.С. Ахиезера и Л.С. Васильева демонстрируют обратную сторону недавней политизации исторической науки и не служат выяснению истинной роли России в процессе модернизации, хотя многие другие их суждения заслуживают самого пристального внимания. Они правы в том, что между модернизацией России и западных стран существуют глубокие отличия. На Западе она прокладывала пути как результат внутреннего развития на своей собственной базе, в России же во многом использовался опыт других стран, который силой авторитарного режима навязывался не всегда удачно. На наш взгляд, задача заключается не в том, чтобы переоценивать модернизацию России или отлучать страну от нее, а основательно изучать мучительный и противоречивый модернизационный процесс в нашем отечестве.

Итак, XVI–XX вв. мировой истории прошли под знаком модернизации, понимаемой нами как всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов: индустриализации, урбанизации, демографического роста, эрозии традиций, бюрократизации, профессионализации и т. д.

В мировом модернизационном процессе выделяют три главные фазы, а иногда пишут о трех модернизациях (В.А. Красильщиков)[8] Первая модернизация в странах Запада (XVI–XVII вв.) осуществила переход от естественных производительных

сил, когда преобладало индивидуальное аграрное и ремесленное производство, к общественным – таким, которые, во-первых, могли использоваться людьми только сообща, что предполагало кооперацию и разделение функций в процессе труда; во-вторых, представляли собой результат самого общественного развития (мануфактура). Эту модернизацию часто называют доиндустриальной или протоиндустриализацией. В социальном плане на смену отношениям личной зависимости пришли отношения личной независимости на основе рыночных отношений.

Второй крупной модернизацией в истории Запада было преобразование самих общественных производительных сил — переход от мануфактуры к машинному или фабрично-заводскому производству (промышленный переворот или раннеиндустриальная модернизация). Ее исходный пункт — превращение орудия труда из ручного в механическое, появление машин, что сопровождалось полным общества на буржуа и пролетариев и развитием классовой борьбы. Отчуждение человека от труда и собственности привело к возникновению радикальных проектов переустройства общества, в частности в России.

В западных же обществах разрешение острых социальных конфликтов раннеиндустриального общества осуществлялось на путях проведения третьей крупной модернизации — позднеиндустриальной (США, 1914—1929 гг.; Западная Европа, 1930—1950 гг.; Япония, 1950—1960 гг.). Ее исходный пункт в технологическом отношении — преобразование процесса труда на основе научной инженерной организации. Возникает поточно-конвейерное производство, ориентированное на массовый выпуск стандартной продукции. Позднеиндустриальная модернизация позволила заметно преодолеть отчуждение трудящихся от средств существования. Она существенно сгладила классовые противоречия раннеиндустриального капитализма, превратив их в основу поступательного развития западного общества в 1930—1970 гг. Позднеиндустриальная модернизация привела к первому этапу НТР — соединению производительного труда с научным знанием.

Процессы модернизации приобретали удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места: геополитического положения региона, его исторического наследия,

уровня социально-экономического, политического и культурного развития, национального менталитета и т.д. Это особенно значимо для России, огромной страны, которая всегда характеризовалась существенной вариацией исторической динамики составляющих ее регионов и социокультурных ниш. Предварительный анализ позволяет утверждать, что даже в пределах одной страны и одного региона ритмы субпроцессов не совпадали, модернизация протекала неравномерно, в различной степени охватывая экономические и социальные фрагменты общества, территориальные единицы. Это обычно приводило к серьезным противоречиям и конфликтам между отраслями производства, социальными слоями, территориальными сообществами и, конечно же, накладывало отпечаток на характер модернизации в целом и на ее темпы, в частности. Без основательного изучения пространственных характеристик невозможно получить целостного и истинного представления о модернизационном переходе.

Показательно, что западные исследователи российской модернизации признают в качестве существенного недостатка собственных построений игнорирование огромных различий в социальной и экономической области между регионами Российской империи и Советского Союза. Так, ученый из университета Боулинг (США, Огайо) Д. Роуни констатирует: "Правда, Шанин и фон Лауэ обсуждают региональные различия в типах экономики и культуры. Но я здесь говорю о подходе, при котором можно было бы систематически дифференцировать отношения между государством и экономикой, возникающие из-за различий в уровне экономического и культурного развития. При таком подходе следовало бы принимать во внимание различия в уровнях урбанизации, индустриализации или грамотности между, скажем, Северо-Западом и Закавказьем. Следовало бы также учитывать различный характер накопления человеческих и социальных ресурсов"[9]

Обладающие всеобъемлющим характером модернизационные перемены преобразуют облик общества. Взаимодействие технико-технологического и социального прогресса резюмируется в росте грамотности, профессионализации, обновлении социальных институтов, что требует специального изучения.

Примечания

1. См.: Rostow W. The Stages of Economic Growth. Cambridge, Mass., 1960; Ater D. The Politics of Modernization. Chicago, 1966; Levi M. Modernization and the Structure of Society. Princeton, 1966; Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N. Y., 1966; Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change. New Jersey, 1967; Social Change. Sources, Pattern and Consequences. N. Y., 1964; Wrigley E.A. People, Cities and Wealth. The Transformation of Traditional Society. N. Y., 1987; Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 620—625; Историографический обзор см.: Крупина Т.Д. Теория "модернизации" и некоторые проблемы развития России конца XIX—начала XX в. // История СССР. 1971. № 1. С. 191—205,
2. См.: Development of USSR. Wash., 1964; Imperial Russia after 1861: Peaceful Modernization or Revolution? Boston, 1965; Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia. 1861—1917 // The Cambridge Economic History of Europe. L.; N. Y., 1965; Crisp O. Studies in the Russian Economy Before 1914. L., 1976; Gregory P.R. Russian National Income. 1885—1913. Cambridge, 1982; Gatrell P. The Tsarist Economy, 1850—1917. L., 1986; Историографические обзоры см.: Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194—207; Роуни Д. Отношения между государством и экономикой в России в период индустриализации: взаимодействие теории и количественных методов // История. Статистика. Информатика. Материалы научного семинара "Статистическое программное обеспечение для историков" Барнаул, 29—31 мая 1994 г. Барнаул, 1995. С. 211—235.
3. Российская модернизация – проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993, № 7.
4. Там же. С. 4.
5. См.: Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М , 1994. С. 55–60.
6. Российская модернизация – проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993 №7.
7. Там же. С. 12.
8. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7 С. 44–46.
9. Роуни Д. Отношения между государством и экономикой в России в период индустриализации... С. 216.

Российская модернизация XIX–XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Сб. науч. ст. Уфа, 1997. С. 3–10.

Ключевая проблема Российской истории XX века

Среди ученых и политиков нет недостатка в интерпретации трагической судьбы России в XX в. Здесь и социализм, и тоталитаризм, и либерализм, а также прочие "измы", но истина – то одна и всегда конкретна. Так в чем же она? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо подняться над суетностью политических страстей современности, отказаться от модных "измов" и обратиться к конкретике исторического процесса. У каждой эпохи свой колорит, свое лицо, свои проблемы и адекватные им решения. Что же определяло лицо России в двадцатом столетии? С нашей точки зрения модернизация, то есть переход от традиционного, патриархального, аграрного общества к современному, индустриальному, городскому. Следовательно, речь идет о явлении цивилизационного масштаба. Все остальное было причинами или следствиями, а иногда и попутными событиями главной закономерности эпохи. Именно на этом пути надо искать ключ к пониманию судьбы России в XX в., тем более что она вошла в него аграрной страной, а вышла индустриальной. При всей разноликости ее оценок, последнюю трудно опровергнуть, хотя вокруг российской модернизации ведутся жаркие дискуссии. К сожалению, среди публикаций по данной проблеме преобладают работы философов, экономистов, социологов и явно недостаточно обобщений на конкретном историческом материале, прежде всего XX в.[1]

Мировой процесс модернизации начался 500 лет назад и привел к относительному благополучию многие страны Запада. Однако боготворить ее не стоит, поскольку она принесла много бед всему человечеству, особенно в результате острейшей борьбы, кровопролитных войн за источники сырья и энергии, навязывания массового бессмысленного сверхпотребления, нарушения равновесия между природной средой и человеком. Достаточно заметить, что по расчетам российского экономиста М.Я. Лемешева 80% совокупного общественного продукта человечество производит абсолютно бесполезно, прежде всего для военных целей. Но и отрицать ее бессмысленно, потому что это свершившийся факт цивилизационной значимости. Необходимо лишь снять с оценки модернизации идеологический флер, кото-

рый затуманивает сознание не только широкой общественности, но и ряда ученых как советской, так и постсоветской эпох.

Российская модернизация началась реформами Петра Великого, но к XX в. по темпам и масштабам она сильно уступала передовым странам Запада. В 1913 г. Россия по объему промышленного производства отставала в 4,6 раза от Англии, в 6 раз от Германии, в 14,3 раза от США[2] В промышленности и строительстве было занято только 9% населения, тогда как в сельском хозяйстве – 75%. Доля промышленности и строительства в национальном доходе составляла 29%, а сельского хозяйства – 54%[3] С такими показателями страна не могла рассчитывать на успех в новом веке.

Дело не только в формальной статистике отставания, а в его социально-экономической сути. Тысячелетнее российское аграрное общество на рубеже веков переживало глубокий кризис. Несмотря на важные реформы второй половины XIX в., оно оставалось в основе своей традиционным, не отвечающим требованиям нового времени. Самодержавная форма государственного правления, помещичье землевладение, крестьянская община, значительный удельный вес натурального хозяйства, общинно-патриархальный уклад жизни, с одной стороны, препятствовали модернизации, а с другой стороны, сверхвысокие темпы капитализации отдельных секторов экономики обостряли социальное напряжение, питали революционные настроения.

Выбор же оптимального пути развития в этих условиях был осложнен старыми разногласиями о перспективах развития России, что наиболее ярко проявилось в спорах западников и славянофилов. Их дискуссии сводились преимущественно к общественно-политическому переустройству страны и ее культуре, почти не касаясь технологических новаций, в связи с чем В.О. Ключевский заметил, что трудности России заключались в отставании от зарождающейся буржуазной индустриализации[4] Продолжатели этого спора – народники, исповедовавшие теорию аграрного (крестьянского) социализма, не видели особых перспектив для крупной промышленности в России. Позднее, критикуя западную практику первоначального накопления капитала и форсированной индустриализации, они высказывались за так называемую самоиндустриализацию, основанную не на

массовом разорении крестьянства, а улучшении его жизненных условий. Их противники – социал-демократы признавали значимость индустрии, но рассматривали ее прежде всего сквозь призму формирования рабочего класса и его классовой борьбы на пути к социализму.

Официальная самодержавная власть не препятствовала развитию промышленности, но и не ставила ее в основу экономики страны. Сложившееся положение кардинально не изменили реформы С.Ю. Витте, тем более П.А. Столыпина. В итоге Россия вступила в двадцатое столетие не только со слаборазвитой индустрией, но и без определенных перспектив ее будущего, что обрекало страну на дальнейшее отставание от цивилизованного мира, твердо ставшего на позиции индустриализации со всеми вытекающими отсюда модернизационными последствиями.

Тупиковое положение России со всей убедительностью продемонстрировали поражение в первой мировой войне и революция начала XX века, которая прежде всего преследовала цель устранения главных атрибутов традиционного общества – самодержавия, помещичьего землевладения, крестьянской общины и др. Однако, она четко не ставила задач классической модернизации – создания индустриально-городской цивилизации; формирования гражданского общества; дифференциации культурных систем и ценностных ориентаций; секуляризации образования; массового распространения грамотности; в целом коренных преобразований цивилизационной значимости.

Поэтому задачей первостепенной важности является выяснение взаимодействия между модернизацией и революцией, прежде всего ее большевистским этапом. Только ответив на этот вопрос, можно будет понять, двигалась ли Россия в колее мирового прогресса или прозябала на обочине, на каком полустанке она становилась в конце века и в каком направлении ей идти дальше?

Как известно, в отличие от многих государств мира, особенно европейских, Россия до XX в. не знала революции, но, начав ее в 1905 г., не смогла завершить до конца столетия. В истории России принято выделять три революции: 1905–1907 гг., февральскую и октябрьскую 1917 г. Это взгляд, идущий с начала века. По его завершению необходимо смотреть на проблему

шире, с позиций не только начала событий, но и их следствий. При таком подходе выясняется, что все три революции имели сходные черты и одинаковую незавершенность, приведшую почти к вековому перманентному революционному процессу[5]

Революция, возглавляемая большевиками, преследовала одновременно две противоположные цели с точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу. С одной стороны, она уничтожала феодальные пережитки, которые тормозили модернизационный переход, а с другой стороны свергала нарождающиеся буржуазные отношения и тем самым нарушала естественное течение этого перехода. В первом случае было историческое завоевание, во втором – историческая ошибка. Такой парадокс порождался тем, что большевики приняли побочное противоречие эпохи (классовую борьбу, острота которой впоследствии была преодолена в значительной мере за счет технического прогресса), за основное (переход от традиционного общества к современному).

Под знаменем классовой борьбы в России прошел почти весь XX в. Она унесла десятки миллионов человеческих жизней, истощила демографические и природные ресурсы страны, обанкротила ее духовно-нравственный потенциал. Начав с разрушения экономики своей страны, становящейся после буржуазных реформ второй половины XIX в. на путь модернизации, большевики замахнулись на крушение западного общества, призывая к мировой революции. "Дело не в России, – утверждал В.И. Ленин, – на нее мне наплевать – это только этап, через который мы проходим к мировой революции"[6]

Ответом на попытку развязать мировую революцию стала иностранная интервенция, которая едва не погубила отечество. Проблема не только в том, что Запад пытался задушить коммунизм в колыбели. Это был повод для вторжения. Главная цель заключалась в том, чтобы раздробить некогда могущественную империю, овладеть ее богатейшими сырьевыми ресурсами, необходимыми для завершения модернизации развитых стран в условиях передела мира.

После краха мировой революции в стане большевиков начался разлад, развернулись острейшие дискуссии о путях развития России, ее модернизации, которая оказалась в эпицентре идей-

ной борьбы, хотя конфронтирующие стороны до конца и не осознавали этого, поскольку продолжали мыслить революционными категориями. На практике же вопрос сводился к тому, как из аграрной страны сделать индустриальную и тем самым преодолеть ее отсталость, закрепить новый режим, защитить его от посягательств извне. В ходе идейных баталий, замешанных на властных интересах, и последующих репрессий погибли тысячи партийных лидеров разного уровня, миллионы ни в чем не повинных рядовых партийцев и беспартийных граждан. Об этой кровавой драме написано слишком много, и в данном тексте нет смысла к ней возвращаться.

Важнее другое – правильно оценить победу в конце 20-х гг. курса на ускоренную модернизацию страны. При всей его жестокости он объективно отвечал насущным интересам государства в ту эпоху и стал на три четверти века стратегией его развития, которой были подчинены все усилия народа. Впрочем, не надо забывать о том, что и в западных странах путь к модернизации не был усыпан розами. Стоит только вспомнить английскую и французскую революции, движение луддитов и многие другие кровавые события европейской истории эпохи модернизации. Не случайно миллионы жителей старого света покинули континент в поисках лучшей доли.

Основой советской модернизации стала мобилизационная экономика, которая имела высокоцентрализованную системы управления, жесткое подчинение экономических задач политическим целям, чрезвычайные меры по достижению этих целей, сочетание благородных идеалов с грубым принуждением, наличие специальных компенсаторов экономического и социального плана, крайнюю идеологизированность проводимых мероприятий. Последнее обстоятельство в советской модернизации играло особую роль, поскольку ускоренный переход от аграрного общества к индустриальному в условиях социально - экономической отсталости государства требовал мобилизации всех, не только экономических, но и духовных сил общества. Он, в отличие от капиталистической модернизации, проводился под знаменем социального равенства, великого будущего.

Стержнем модернизации России стала ее индустриализация, что нашло отражение в многочисленных публикациях. Не воз-

вращаясь к их сюжетам, нам предстоит осмыслить роль индустриализации в процессе модернизации страны. Не имея возможности в кратком тексте проследить весь ход этого процесса, попытаемся соотнести главные результаты, полученные в СССР, с основными критериями модернизации.

Создание тяжелой промышленности требовало огромных средств, современного сложного оборудования и высококвалифицированных кадров. Ничего этого в стране, разрушенной мировой войной и революцией, не было. Стартовый уровень индустриального развития оказался как нигде в мире низким. Однако мобилизационная экономика с большим напряжением преодолела его.

В результате первых двух пятилеток (1929–1937 гг.) СССР существенно продвинулся по пути индустриализации. К концу второй пятилетки уровень промышленного производства 1913 г. был перекрыт в 8,2 раза. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала пятое место в мире, а ее доля в мировом промышленном производстве составляла 2,6%, то СССР к концу второй пятилетки вышел по объему валовой продукции на первое место в Европе и второе место в мире, его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13,7%. В 1937 г. на промышленность приходилось 77,4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции[7] Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, а в 1939 г. уже 50,2%[8] Индустриализация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18% населения СССР, то к началу 1938 г. горожанами стали 30%. За 1929–1940-е гг. среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве сократилась на 19,6 млн. чел. (36%), а в промышленности и строительства выросла на 8,9 млн. чел. Вышеприведенные цифры советской статистики, возможно, нуждаются в уточнении, но их порядок убедительно доказывает принципиальные изменения в экономической и социальной структуре государства, что свидетельствует о крупных шагах на пути модернизации России, переходе от традиционного аграрного к индустриальному обществу.

В подтверждение этой тенденции можно привести факты из других сфер общественной жизни. В политической области произошла централизация государства, превзошедшая даже известные ранее аналоги. Состоялось разделение властей, но оно носило формальный характер и не отвечало требованиям модернизации. Широкие массы населения активно включались в политический процесс, но со временем их энтузиазм был узурпирован тоталитарной властью. Гигантские изменения состоялись на поприще культуры. Ярко выраженный характер получила секуляризации культурных систем и ценностных ориентиров, правда, с однобокой социалистической ориентацией. По темпам и масштабам побили мировые рекорды секуляризация образования и распространение грамотности. Если в 1918–1928 гг. среднее образование, полное и неполное общее и специальное, получили 738 тыс. чел. (немного больше 67 тыс. в среднем за год), то в 1929–1932 гг. – уже 577 тыс. (144 тыс. в год), в 1933–1937 – 1 млн. 109 тыс. (222 тыс. в год), в 1938–1940 – 1 млн. 405 тыс. (468 тыс. в год)[9] Правда, начатая в ходе модернизации "культурная революция" осталась незавершенной в значительной степени в связи с постоянными гонениями на интеллигенцию по идеологическим соображением.

Названные успехи позволили совершить гигантский экономический рывок. За двенадцать лет масштабы экономики страны возросли в 4 раза. Среднегодовые темпы прироста национального дохода составляли в среднем 12,2%, продукции промышленности – 14,5% в год. Советский Союз превратился в страну с современным производственно-техническим и научно-образовательным потенциалом[10]

Модернизация сыграла решающую роль в укреплении обороноспособности страны, что имело принципиальное значение накануне и в годы второй мировой войны. В 1937–1940 гг. темпы роста военной продукции второе превышали общепромышленную динамику. В то время как производство боеприпасов для наземных систем вооружений и авиации в Германии в период второй мировой войны в 2,6 раза превышало тот же показатель во время первой мировой войны, объем советского военного производства в 1941–1945 гг. был в 24,5 раза выше, чем в Российской империи в годы первой мировой войны[11] Именно

модернизация спасла Россию от фашистского рабства, что сыграло решающую роль в ее судьбе. Она обеспечила централизацию государства, восстановила историческую преемственность великой державы. "Изумительные достижения сталинизма" в области модернизации признал даже такой ненавистник советской России и апологет западного мира как З. Бжезинский[12]

Из приведенных фактов вытекает однозначный вывод о том, что страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса, и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в сегодняшней России и за рубежом. Другое дело, что модернизация насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Она носила очевидный военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации, таких как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости процессов модернизации, не создала механизм саморазвития.

Успехи модернизации были достигнуты слишком дорогой ценой, прежде всего за счет крестьянства. В конце 20-х гг. его вклад в национальный доход был близок к 50%. Деревня стала главным источником "первоначального социалистического накопления" для нужд индустриализации, а ее коллективизация создала постоянно действующий и надежный механизм перераспределения средств из сельского хозяйства в промышленность[13] Действовал стародавний принцип "недоедим, но вывезем" В 1930 г. экспорт зерна составил 4,8 млн. тонн, а в 1931 – уже 5,2 млн. тонн. Затем в связи с коллективизацией он начал резко снижаться, дойдя в 1933 г. до 1 млн. тонн[14]

Коллективизация и ликвидация кулачества как класса были подпроцессами советской модернизации на селе, проводились в форме настоящей революции, иначе нельзя назвать кардинальную смену форм собственности. Это дает основание утверждать, что революция продолжалась и после формального завершения. Полукрепостные колхозники влачили жалкое существование, что вело к деградации и депопуляции сельского хозяйства. За счет миграции из деревни в город и вымирания численность занятых в сельском хозяйстве сократилась в 1929–1940 гг. с 53,7

до 34,1 млн. чел., то есть почти та треть[15] Все это наложило неизгладимый след на судьбу России в первой половине двадцатого столетия.

Тяжелое положение российского крестьянство в ходе советской модернизации необходимо соотнести с судьбой его европейского собрата в аналогичном процессе. Массовая экспроприация крестьянских земель в связи с огораживанием и бурным развитием суконной промышленности во время модернизации Англии привела к практически полному исчезновению класса крестьян в этой стране. Крестьяне, лишившиеся земельных участков, превращались в пауперов. Их многочисленные толпы наводняли дороги и города. Бродяг и нищих бичевали, клеймили, отрезали пол-уха, отдавали в рабство на время, а в случае побега, пожизненно и, наконец, при третьей поимке – казнили. Только при Генрихе VIII Тюдоре (1509–1547 гг.) было повешено 72 тыс. нищих и бродяг. Закон о бедняках и бродягах действовал в Англии до 1814 г. В ходе модернизации Голландии и обнищания крестьянства в XVI в. число нищих и бродяг достигло 41% всего населения страны[16] Следовательно, крестьянство везде, где шел модернизационный процесс, попадало в тяжелое положение. Разница лишь только в масштабах и скорости преобразований.

Глобальные цивилизационные изменения Россия не могли не породить острую конфронтацию в обществе. Поскольку русская революция начала XX в. не решила модернизационных задач, то ее многочисленные жертвы в значительной степени оказались напрасными. Предстояла полоса новых острых социальных конфликтов, и они стали нарастать по ходу большевистской модернизации тридцатых годов, но не переросли во второе издание открытой гражданской войны, а обрели форму массовых репрессий, которые унесли дополнительные миллионы человеческих жизней, что было эквивалентно продолжению революции.

Принято считать, что сталинские репрессии являлись следствием внутрипартийной борьбы и особых черт его личного характера. В какой-то степени это так, но на данный вопрос необходимо смотреть глубже. Очевидно шла борьба не за социалистические преобразования и их различные толкования, а за неклассическую скоропалительную советскую модернизацию, ко-

торая и породила скрытую форму гражданской войны. Крестьянство и частично рабочие (выходцы из села) преследовались и тысячами уничтожались за отстаивание деревенского образа жизни. Интеллигенция, духовенство, часть военнослужащих карались за сопротивление варварским методам модернизации, разрушающей многовековой уклад русской жизни, а представители новой бюрократии – за недостаточное, а иногда и излишнее рвение по осуществлению карательных мер. По существу шла гражданская война всех против всех. Руководящую роль в ней играла большевистская партия. Это была кровавая драма борьбы аграрной и индустриальной цивилизаций.

Вторая половина века тоже прошла под знаменем модернизации, ее качественно нового этапа, масштабы и темпы которого задавали уже не только внутренние, но и внешние обстоятельства. Перед страной встали две группы двухуровневых задач высокой сложности и исключительной исторической важности. Первая группа задач была связана с внутренними проблемами, вторая – с внешними.

Решение внутренних проблем требовало, с одной стороны, выйти на мировой уровень технического прогресса, который очень сильно подстегнула вторая мировая война, для того, чтобы снова не оказаться в аутсайдерах модернизации, а с другой стороны, предстояло обеспечить значительное повышение жизненного уровня населения, компенсировать социальный долг, накопленный за годы довоенных пятилеток, поскольку социально-политическая обстановка послевоенного времени настоятельно требовала этого (острейший дефицит продуктов питания, товаров первой необходимости, жилья, медицинского обслуживания, затянувшееся ожидание улучшения жизненных условий после лишений индустриализации и коллективизации, массовых репрессий, отечественной войны).

Вторая группа задач тоже состояла из двух уровней: обеспечение военно-стратегического паритета с США и активное военно-экономическое сотрудничество со странами социалистической ориентации, возникшими после второй мировой войны. Это были принципиально новые задачи огромной геополитической важности. К их оценке можно относиться по-разному, но бесспорно одно – история поставила Россию в такое положение,

а насколько правильно она выходила из него – это уже другое. По крайней мере, пришлось с гигантским напряжением форсировать новый виток модернизации для того, чтобы выполнить свою историческую миссию.

В целом решать столь крупные задачи в пределах жизни одного поколения было также тяжело, как и преодолеть экономическую отсталость в ходе довоенной модернизации, тем более в рамках прежней мобилизационной модели и уменьшения ресурсов доверия к существующему режиму. Пришлось корректировать соотношение между накоплением и потреблением, между городом и деревней, переходить от трудоемких к трудносберегающим технологиям. При этом надо было совместить несовместимое в условиях острого дефицита финансовых ресурсов – огромные затраты на оборону и подъем жизненного уровня населения.

Новый этап модернизации оказался не менее результативным, чем предшествующий, но был глубже технологически и благотворнее для населения страны. Экономический рост, хотя и замедлился по сравнению с довоенными годами, оставался устойчивым и динамичным. Его темпы в 50–60-х гг. оставляли 7–10% (6–8% с учетом скрытого удорожания продукции) за год, заметно превышая соответствующие показатели большинства развитых стран Запада[17]

По утверждению Г Ханина, автора в свое время нашумевшей статьи "Лукавая цифра", в 50-е гг. советская экономика переживала подлинный расцвет. За счет роста производительности труда обеспечивалось 80% прироста ВВП, что было значительно выше, чем в Великобритании и США. По потреблению основных продуктов питания и продолжительности жизни населения СССР достиг уровня развитых стран мира. Расходы бюджета на просвещение и здравоохранение за эти годы выросли вдвое. В военном, научном и экономическом отношении СССР стал супердержавой, уступавшей только США[18]

Эти годы отмечены крупными достижениями научно-технического прогресса. Мировые беспрецедентные достижения были получены в области атомной энергии, ракетно-космической техники, электроэнергетики, машиностроения и в других отраслях экономики. Они хорошо известны современно-

му читателю и не требуют детализации. СССР стал одной из двух стран мира (наряду с США), способных производить любой вид промышленной продукции, доступный в данное время человечеству. Тем самым было преодолено стадиальное отставание России от передовых индустриально развитых стран. В середине 80-х гг. СССР входил в число мировых промышленных гигантов, занимая передовые места по многим показателям индустриального прогресса. К 1985 г. его промышленная продукция составляла около 85% от американской.

Под влиянием модернизации происходили значительные изменения в социально-демографической сфере. В 1960 г. произошло выравнивание численности городского и сельского населения СССР. К концу века по сравнению с его началом доля населения занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80 до 20%. Состоялся скачок в качестве жизни. За 50–60-е гг. среднедушевое потребление товаров возросло почти в 3 раза и достигло уровня, сопоставимого со стандартами среднеразвитых стран мира. Принципиально изменился рацион питания. Если в ходе довоенной модернизации при четырехкратном росте объемов промышленной продукции на душу населения производство мяса и молока снизилось соответственно на 24% и на 14%, а калорийность питания оказалась ниже уровня 1913 г., не обеспечивая медицинских норм, то за 50-60-е годы душевое потребление качественных видов продовольствия (мясо, молоко, рыба) возросло почти вдвое, достигнув устойчивого обеспечения физиологических потребностей человека. Развертывание массового жилищного строительства позволило снизить критическую остроту жилищной проблемы. Городское население в основном переместилось из подвалов и бараков в индивидуальные квартиры. Число людей, получивших новое жилье в 1951–1960-е гг. составило 84,6 млн. чел. (41%) населения, в 1916–1970 гг. – 109,5 млн. чел. (46%)[19]

Улучшение питания, жилищных условий, медицинского обслуживания, привело к резкому повышению продолжительности жизни. В 50-е гг. она увеличивалась в среднем на один год за год и к началу 60-х гг. достигла 70 лет, что соответствовало уровню высокоразвитых стран, тогда как в начале века составляла 32 года. Советская модель благосостояния в эти годы ори-

ентировалась на насыщение первичных потребностей населения при невысоком уровне потребления, относительно низкую дифференциацию доходов и потребления, высокую степень охвата населения социальными услугами преимущественно за счет государства. По советским меркам это были хорошие показатели, но они сильно уступали ведущим западным странам, которые завершили свою модернизацию значительно раньше.

Постепенно, начиная со второй половины 50-х гг., в экономике СССР стали нарастать трудности, связанные с демонтажом командной системы и непомерным ростом военных расходов, что трансформировало советскую модель модернизации, и в дальнейшем углубило ее негативные качества, среди которых в первую очередь разорение российской деревни.

Опустошенная коллективизацией, лишенная естественных стимулов развития, она неуклонно деградировала, несмотря на многомиллионные финансовые вливания. Дело доходило до массового голода. По некоторым данным с 1946 по 1948 гг. от голода и вызванных им болезней в Советском Союзе погибло около 2 млн. чел. Голод и дистрофия приводили к тому, что на Среднем Урале нередки были случаи убийства детей и самоубийства людей. В секретной записке на имя секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андрианова сообщалось о том, что колхозница села Катышки, Алапаевского района, убила двух своих детей, после чего покончила жизнь самоубийством. Другие спецсообщения содержат сведения о каннибализме и трупоедстве. В селе Черноусово, Белоярского района, люди ночью ходили на кладбище, разрывали могилы и срезали мясо с трупов, из которого делали холодец, ели его сами и продавали на рынке[20]

В последующие годы таких крайностей не наблюдалось, но продовольствие всегда было в дефиците. В результате гипертрофированного развития индустрии погибла российская деревня, что практически на нет свело успехи модернизационного перехода и поставило под угрозу продовольственную безопасность государства. Апогей наступил в середине 80-х гг., когда закупки хлеба внутри страны составили лишь 56 млн. т, тогда как его поставка из-за рубежа достигла 44 млн. т.[21] Опасаясь повторения хлебных бунтов при Хрущеве (Новочеркасск), совет-

ское правительство установило фиксированные цены на хлеб (существовали практически в неизменном виде до рыночных реформ) и тратило огромные валютные ресурсы на обеспечение бесперебойного снабжения продуктами питания городского населения. За 1974–1984 гг. только нефти и нефтепродуктов было отправлено за границу на 176 млрд. долларов. Кроме того, ежегодно продавалось не менее 200 т золота[22] После того как администрация Рейгана добилась резкого понижения мировых цен на нефть и золото, Советский Союз оказался в очень тяжелом положении. Пришлось брать хлеб в кредит. В результате страна попала не только в должники, но и в заложники западного капитала. Вследствие растущей финансовой зависимости М.С. Горбачев вынужден был идти на постоянные политические уступки Западу, что в конце концов привело к гибели Советского Союза. Конечно, здесь были и другие причины, но эта, с нашей точки зрения, стала одной из главных.

Другим негативным следствием модернизации и нарастающих трудностей СССР стал структурный перекос промышленности, что было обусловлено в значительной степени внешней угрозой. Во второй половине XX в. она в первую очередь ассоциировалась с США и их союзниками. Историческое противостояние двух сверхдержав породило горы оружия, которое базировалось на достижениях модернизации и пожирало львиную долю ее выдающихся свершений.

Военно-промышленный комплекс (ВПК) СССР, стержнем которого было ядерное оружие и средства его доставки в 80-е гг. использовал 20–25% валового национального продукта. Третья часть занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях работала непосредственно на военные нужды[23] Расходы на оборону выросли с 16,2 млрд. руб. в 1950 г. до 51,3 млрд. руб. в 1970 г. (в сопоставимых ценах). Численность занятых в ВПК увеличилась с 1135 тыс. чел. в 1946 г. до 2850 тыс. чел. в 1965 гг.[24]

В результате такого напряжения удалось добиться стратегического паритета с США. Если в 1945 г. США имели 6 атомных боезарядов, а СССР ни одного, то в 1978 г. у СССР было 25393, а у США 24424 боезарядов с соответствующими средствами доставки[25] Паритет принципиально важен, но нужен ли он на таком высоком уровне? По всей вероятности, той и другой сто-

роне достаточно было применить хотя бы десятую часть своих боеголовок, чтобы уничтожить все живое на планете. Такая гонка за лидером привела Россию к разорению, на что, видимо, и рассчитывали США.

Геополитическое противостояние СССР и США разные политики и ученые оценивают по-разному, но бесспорно то, что Россия могла достигнуть в нем успехов только благодаря мощному модернизационному рывку второй половины XX в. В тех условиях это была вынужденная и необходимая мера, обеспечивающая независимость и целостность государства. Последующие события показали что, несмотря на разрядку, новое политическое мышление периода перестройки и либеральных реформ, геополитическая обстановка в мире мало улучшалась для нашего Отечества.

Мировые достижения модернизации уживались с отставанием в важных областях. Индустриальный прогресс гражданских отраслей начал терять темпы, перестал поспевать за техническими достижениями запада, особенно на поприще высоких технологий. Снизились темпы роста производительности труда. Если за 1966–1970 гг. она выросла на 33%, то за 1971–1975 гг. – на 21%, за 1976–1980 гг. и за 1981–1985 гг. – лишь на 14%. Катастрофически падали фондоотдача и эффективность капитальных вложений[26] Достигнутое благодаря модернизации повышение благосостояния народа со временем гипертрофировалось, когда советская экономика втянулась в "потребительскую гонку" с Западом. Ей оказались не под силу две беговые дорожки одновременно – соревнование в области вооружений и массового потребления. Западная система, имея многовековой опыт модернизации, загнала неокрепшую советскую экономику в тупик.

Либеральные реформы 90-х гг. не исправили положение, не способствовали завершению модернизационного перехода, а привели к развалу страны, откату назад по многим принципиальным показателям. Возобладал поспешный курс на постиндустриальное общество, что привело к демодернизации, гибели половины индустриального потенциала государства. В результате к середине 90-х гг. промышленный сектор России не достиг и 20% американского[27] Между тем, мировой опыт указывает на необходимость завершения технологической модернизации для

продвижения крупной экономики к постиндустриальной модели развития. Подтверждением демодернизации страны является и то, что она возвращается к натуральному хозяйству, возрастанию роли личных подсобных хозяйств граждан. В 1996 г. такие хозяйства производили 90% всего картофеля, 77% – овощей, 79% – плодов и ягод, 66% – свинины, 74% – баранины, 45% – молока[28] В связи с этим России рано или поздно придется решать задачу двоякой сложности – одновременно завершать позднеиндустриальную модернизацию и осуществлять переход к постиндустриализации.

Таким образом, ключевой проблемой российской истории XX в. является не революция, не социализм с тоталитаризмом и прочие политические коллизии, не злая или добрая воля "отцов" отечества, а мощный цивилизационный прорыв в форме модернизации, которая переродила страну. На смену патриархально-деревенскому пришло индустриально-городское общество, что трансформировало весь уклад жизни народа. Модернизация состоялась, а социализм – нет. Она подняла страну до уровня ведущих индустриальных держав мира и на протяжении длительного времени обеспечивала ее безопасность.

Однако Советский Союз не сделал своевременных выводов из кризиса западного индустриализма и своевременно не успел перестроить свою модель модернизации, что в совокупности с внутренней эрозией советской власти привело к развалу государственности и краху СССР. Не завершив позднеиндустриальную модернизацию, России трудно перейти к постиндустриализму, что мучительно лихорадит ее современное развитие. Уйдя от традиционного общества, она не стала вполне современной. Отсюда одна часть населения живет прошлым, другая не может попасть в будущее, что чревато опасным социальным катаклизмом, который может спровоцировать техногенная катастрофа, как следствие практически полной изношенности основных фондов, особенно в коммунальном хозяйстве, и невозможности их оперативного обновления в связи с непреодолимыми финансовыми трудностями.

На поприще выбора путей модернизации страны велась острейшая политическая борьба, хотя ее формальным выражением считалось противостояние социализма и капитализма. Успехи и

неудачи модернизации определяли триумф и трагедию ее лидеров. Ленинская гвардия с ее несбывшейся мечтой о мировой революции была растоптана модернизационным прагматизмом Сталина, метания Хрущева между индустриальным и аграрным секторами народного хозяйства кончились крахом его политической карьеры. Брежнев в определенной степени устоял потому, что пытался максимально уравновесить промышленную и аграрную составляющую экономики, а Горбачев пал жертвой финансовой, а за ней и политической зависимости от Запада в обеспечении страны продукцией сельского хозяйства. Это несколько схематичная оценка свидетельствует о том, что политическая история государства при всем внешнем ее доминировании под флагом социализма стала заложницей модернизации – решающим фактором мировой индустриальной цивилизации.

А возможен ли был иной путь модернизации России в XX веке, классической органичной, идущий "снизу"? По всей вероятности нет, потому что, во-первых, у нее не было для этого времени, она слишком долго оставалась традиционным аграрным обществом, когда передовые страны фактически завершали свою модернизацию. Стадиальное отставание невозможно было ликвидировать без форсированного развития. В противном случае страна стала бы добычей более сильных соперников в борьбе за ресурсы в условиях мирового индустриализма. Во-вторых, классический путь модернизации прервали войны начала XX в., которые необходимо рассматривать как передел мира в условиях индустриальной цивилизации (все последующие баталии двадцатого столетия также в первую очередь были связаны с борьбой за источники сырья и энергии). Войны породили революции с их крайним радикализмом, особенно большевистским, что не оставляло возможности для спокойной, органичной модернизации.

Поэтому российскую модернизацию XX в. необходимо воспринимать такой, какой она есть без прикрас и очернений, поскольку аналогичные процессы в других странах также имели свою национальную окраску, и Россия не стала исключением. Печальным итогом XX века для нее является ошибочный отказ большевиков от основополагающей тенденции века, связанной с модернизацией, и переход к иллюзиям социализма в его начале,

а затем еще более мучительный поворот от них либерал-демократов в конце века к ценностям далеко ушедшего за это время вперед гражданского общества. Ныне страна возвратилась на стадию первоначального, примитивного накопления капитала, которое в начале века олицетворяло модернизацию и вызвало взрыв народной революции. Не исключена возможность того, что этот порочный круг замкнется в начале XXI в. и приведет к аналогичным последствиям.

Возможно, некоторые положения данной статьи покажутся кому-то слишком очевидными, или наоборот спорными. Не претендуя на особую оригинальность и бесспорность, автор тем не менее убежден в том, что ключ к пониманию Российской истории XX века лежит в цивилизационной плоскости, а не в традиционных политических и историографических трактовках.

Примечания

[1] В кратком тексте по столь масштабной проблеме нет никакой возможности остановиться на ее историографии.

[2] Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1948. С. 288.

[3] Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 57.

[4] Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 357.

[5] См. подробнее: Алексеев В.В. 100-летняя революция в России // Северная Евразия. Взгляд через тысячелетия. Урало-Сибирские исторические чтения, посвященные 275-летию Российской академии наук. Екатеринбург, 2000; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., Наука: 2000.

[6] Цит. по: Мельчунов С.П. Как большевики захватили власть. Париж, 1984. С. 246.

[7] История советского рабочего класса. М., 1987. Т. 2. С. 426–427.

[8] Там же. С. 199.

[9] Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX в. с точки зрения мировых цивилизаций. М., 1998. С. 98.

[10] Белоусов А. Становление советской индустриальной системы (1) // Россия. XXI в. 2000. № 2. С. 39.

[11] Олсон М. Возвышение и упадок народов (пер. с англ.). "Экор", 1997. С. 411.

[12] См.: Бжезинский З. Между двумя веками. М., 1972. С. 136–139.

[13] Вишневский А. Указ. соч. С. 51.
[14] Красильщиков В.А. Указ .соч. С. 94.
[15] Белоусов А. Указ. соч. (2) // Россия XXI в. 2000. № 3. С. 42–72.
[16] Семенов В.Ф. Пауперизм в Англии XVI в. и законодательство Тюдоров по вопросу о пауперах // Средние века. М., 1953. Вып. IV. С. 211; История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 3. С. 124.
[17] Белоусов А. Указ. соч. (2). С. 29.
[18] Ханин Г Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль – XXI в. 2002. № 5. С. 74–78.
[19] Белоусов А. Указ. соч. (2). С. 30–31.
[20] Мотревич В. П. Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003. С. 86–87.
[21] Народное хозяйство СССР в 1960 году. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 653.
[22] Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX в. М., 1998. Т. II. С. 394
[23] Вишневский А. Указ. соч. С. 63.
[24] Белоусов А. Указ. соч. (2). С. 49.
[25] Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999. С. 167.
[26] Аганбегян А. Советская экономика – взгляд в будущее. М., 1988. С. 109, 125.
[27] Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 268
[28] Красильщиков В.А. Указ. соч. С. 238.

Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2003 г. Вып. 1. Москва, 2003. С. 148-169.

Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы?

Системный кризис, который переживает Россия в конце XXв., объясняется чаще всего краткосрочными политическими мотивами, нередко противоположного свойства. Между тем проблема гораздо глубже. На наш взгляд, она заключается в выяснении соотношения между мировым модернизационным переходом и

Российской революцией XX в. Синонимы они или антиподы? Шла ли эта революция в фарватере модернизации или противоречила ей? А может быть эти явления никак не связаны друг с другом, что пытаются доказать некоторые отечественные и зарубежные ученые[1] От правильного ответа на данный вопрос зависит глубина трактовки российской истории XX в., оценка нынешнего состояния страны и перспектив выхода ее из кризиса. Прежде чем приступить к рассмотрению поставленного вопроса необходимо определить, что понимается под модернизацией и Российской революцией.

Модернизация — это переход от традиционного аграрного общества к современному, индустриальному. Она является комплексным процессом, который охватывает все стороны общественной жизни: экономическую, социальную, правовую, политическую, культурную. В ходе модернизации менее развитые общества приобретают черты более развитых. Она началась в западных странах с XVI в. и обеспечила в XX в. массовое потребление, высокий уровень благосостояния, демократизацию и другие ценности современного мира.

Модернизация предполагает:

в экономике — углубленное разделение труда и обмена деятельностью, появление вторичного (индустрия) и третичного (услуги) секторов хозяйства, развитие рынка товаров, капиталов и труда; неуклонный рост производительности труда и т.д.;

- в социальной области — разделение функциональных ролей, выполняемых индивидами в обществе, вытеснение отношений личной зависимости между людьми отношениями их личной независимости; смену социального критерия сословности на критерий классовых отношений; элиминацию социальных различий между полами и т.д.;

в политической сфере — образование централизованных государств и разделение властей; интеграцию широких масс населения в политический процесс и т.д.;

в области культуры — дифференциацию культурных систем и ценностных ориентаций; секуляризацию образования и массовое распространение грамотности: развитие средств трансляции информации и т.д.;

Если на Западе модернизация прокладывала себе путь как результат внутреннего развития, на своей собственной базе, то в нашей стране во многом использовался опыт других держав, который силой авторитарного режима навязывался не всегда удачно. В России модернизация началась с петровских преобразований начала XVIII в., но продвигалась очень медленно. Отмена крепостного права и буржуазные реформы 60–70 гг. XIX вв. дали новый импульс этому процессу, особенно в области индустриального развития. Советские историки долго спорили о мере завершенности промышленного переворота в стране, но этот спор, как правило, не заходил дальше выявления предпосылок социалистической революции. Вопрос же гораздо шире. Он заключается в том, чтобы выяснить, насколько Россия продвинулась к началу XX в. по пути модернизации в целом.

Не ставя задачу детального рассмотрения данного вопроса в этом тексте, приведем только некоторые итоговые данные. С 1869 по 1913 г. объем промышленной продукции в России вырос в 8,5 раза, а производительность труда в 2,2 раза, тогда как в США соответственно в 7,5 и 1,8 раза[2] По темпам индустриального развития Россия уверенно догоняла промышленно развитые страны, но еще заметно уступала им по масштабам производства.

Несмотря на очевидные успехи индустриализации в историографии утвердилась точка зрения, что в XX в. Россия вступила преимущественно аграрной страной, хотя имеются данные другого плана. По расчетам В. Сарабьянова, в 1912 г. сельское хозяйство страны дало продукции на 6,7 млрд. руб, а промышленность — на 5,6 млрд. руб.[3] Разница не столь уж разительная. Видимо, необходимо уточнить этот вопрос и разобраться в том, чем была вызвана революция XX века: недостаточными темпами модернизации или наоборот ее резким ускорением.

Революция в широком смысле этого слова есть смена общественно-экономических укладов, прежде всего форм собственности. Под Российской революцией мы понимаем перманентную серию социальных потрясений, начавшихся в 1905 г. и не завершившихся до конца XX в. Революция 1905 г. была по своему характеру буржуазно-демократической, но решить поставленную задачу не смогла и не открыла путь к полномасштабной

модернизации страны, ограничившись лишь некоторой либерализацией политического режима. С тех пор революционный процесс практически не прекращался до конца века, имея своей целью модернизировать страну. Но в разные периоды различные политические силы понимали содержание модернизации по-разному, а в конечном счете трактовали его неадекватно сущности модернизации, чем приносили огромные страдания народу и непоправимый вред государству.

Российская революция имела продолжение в 1917 г. На втором ее этапе, февральском, было свергнуто самодержавие – главный атрибут феодального строя, символ традиционного (преимущественно аграрного) российского общества. Но каких-либо реальных шагов на пути к новому индустриальному обществу Временное правительство сделать не успело или не могло. Большевики же вместо движения вперед в русле классической модели модернизации сосредоточили внимание только на классовых издержках модернизационного перехода и развернули третий этап революции, которую назвали социалистической. Его можно условно разделить на три периода.

Первый период характеризовался попытками большевиков и части западной социал-демократии использовать постсамодержавную Россию как стартовую площадку для мировой пролетарской революции. Такая линия настойчиво проводилась до середины 20-х гг., принесла неисчислимые страдания народу, на долгие годы сделала страну жупелом красной опасности для всего мира. Она не отвечала национальным интересам государства и ничего не дала модернизации. Более того, разрушила те заделы, которые были осуществлены в имперской России.

Последующий курс на построение социализма в одной отдельно взятой стране был более продуктивен, хотя и характеризовался той же революционной стратегией, но с несколько измененной тактикой, в основе которой оставалось насилие над личностью. Революция продолжалась, но иными методами. Лежащие в рамках этого курса второй и третий периоды третьего этапа Российской революции имели много общего, но и особенного.

Второй период охватывал вторую половину 20-х – первую половину 50-х гг. и характеризовался заметными успехами на

поприще модернизации, полученными неоправданно высокой ценой.

Третий продолжался с середины 50-х до конца 80-х гг. и отличался снижением темпов модернизации, эрозией советской системы.

В задачу данной статьи входит попытка проследить в основных чертах взаимодействие между модернизацией и революцией в России XX в., выяснить, в какой мере советские преобразования способствовали или препятствовали основополагающей тенденции эпохи — завершению процесса модернизации. Только ответив на этот вопрос, можно будет понять, двигалась ли Россия в колее мирового прогресса или прозябала на обочине, на каком полустанке она остановилась в конце века и в каком направлении ей идти дальше.

Революция, возглавляемая большевиками, преследовала одновременно две противоположные цели с точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу. С одной стороны, она свергала нарождавшиеся буржуазные отношения в России и тем самым нарушала естественный ход модернизационного перехода, а с другой стороны, уничтожала феодальные пережитки, которые тормозили этот переход. В первом случае была совершена историческая ошибка, во втором — историческое завоевание. Такой парадокс порождался тем, что большевики приняли побочное противоречие эпохи (классовую борьбу) за основное (переход от традиционного общества к современному). Позднее, с 30-х гг., они перешли к модернизации, более того, максимально ее форсировали, делая это искусственно, ценой огромного напряжения и жертв, а в конечном счете напрасно, потому что в 90-е гг. ее завоевания были сданы без боя.

После того, как прошла эйфория мировой пролетарской революции, перед большевиками встал вопрос: что делать дальше? Мнения разделились. Возникло множество партийных платформ, которые хорошо известны из курса истории КПСС. За ними стояли политические амбиции разных партийных лидеров, но главный водораздел борьбы пролегал между троцкистами и сталинистами. Пока Троцкий ожидал "прямой государственной помощи" со стороны пролетариата Запада, обрекал страну на зависимость от мирового хозяйства, Сталин развернул

крупномасштабную индустриализацию СССР с опорой на собственные силы. В основе его действий было не абстрактное теоретизирование из области модернизационного перехода, а реальная необходимость расширить за счет быстрого роста промышленности и рабочего класса социальную базу своей диктатуры, уберечь ее от возможных посягательств извне, что объективно способствовало модернизации России.

Стержнем преобразования страны стала индустриализация. О ней написаны горы книг, хорошо известны ее результаты. Для нас главное не переосмыслить значение индустриализации, а выяснить ее роль в процессе модернизации России. При этом важно проследить, как она перекликалась с революционными преобразованиями, какое воздействие оказала на страну, что имела общего и специфического с мировым модернизационным переходом.

Не имея возможности в кратком тексте проследить все детали этого процесса, попытаемся соотнести главные результаты, полученные в СССР, с вышеобозначенными критериями модернизации. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что с первых своих шагов советская власть пыталась опереться на технический прогресс. Ярким примером в этом отношении служит разработанный по указанию В.Ленина план электрификации страны (ГОЭЛРО). Электрификация в первой половине XX в. была важнейшей составляющей модернизационного процесса, и СССР в результате выполнения данного плана, а также последующих достижений на этом поприще, не только ликвидировал дремучую отсталость России в области электроэнергетики, но и добился выдающихся мировых достижений, что признано международным сообществом. Электрификация легла в основу технической реконструкции народного хозяйства страны и позволила приблизиться к уровню мировой экономики.

В результате первых двух пятилеток (1929–1937 гг.) СССР существенно продвинулся по пути индустриализации. К концу второй пятилетки уровень промышленного производства 1913 г. был перекрыт в 8,2 раза. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала пятое место в мире, а ее доля в мировом промышленном производстве составляла 2,6%, то СССР к концу второй пятилетки вышел по

объему валовой продукции на первое место в Европе и второе в мире, его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13,7%. В 1937 г. на промышленность приходилось 77,4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции против 42,1% в 1913 г.[4] Во второй пятилетке прирост продукции промышленного производства на 82% был достигнут за счет роста производительности труда и его глубокого разделения[5]

Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, а в 1939 г. уже 50,2%. Доля рабочих в социальной структуре выросла за эти годы с 12,4 до 33,5%[6] Индустриализация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18 % населения СССР, то к началу 1938 г. горожанами стали 30%. Город поглотил в эти годы весь естественный прирост населения страны (23,5 млн. чел.)[7] Социальный критерий сословности сменился на критерий классовых отношений.

В политической области произошла дальнейшая централизация государства, превзошедшая даже известные ранее аналоги. Состоялось разделение властей, но оно носило формальный характер и не отвечало требованиям модернизации. Широкие массы населения активно включались в политический процесс, но со временем их энтузиазм был узурпирован тоталитарной властью. Гигантские изменения состоялись на поприще культуры. Ярко выраженный характер получила секуляризация культурных систем и ценностных ориентаций, правда с однобокой социалистической ориентацией. По темпам и масштабам побили мировые рекорды секуляризация образования и распространение грамотности.

Модернизация углублялась и расширялась в 40-е – 50-е гг. К 1955 г. было произведено промышленной продукции в 3,2 раза больше, чем до войны. При этом производство средств производства увеличилось почти в 4 раза[8] За 50-е гг. энерговооруженность труда рабочего промышленности возросла в 3,2 раза[9] СССР стал одной из двух стран мира, способных производить любой вид промышленной продукции, доступный в данное время человечеству. Тем самым было преодолено стадиальное отставание России от передовых индустриально развитых стран[10]

Сравнительно быстрыми темпами росла численность рабочих сферы обслуживания. Все более активно на производство привлекались женщины. В 1955 г. их удельный вес в общей численности рабочих и служащих составил 46 %[11], что подтверждает тенденцию к социальному выравниванию полов, связанную с процессом модернизации. В связи с ростом промышленности и сферы услуг продолжалось увеличение численности городского населения. С 1939 г. по 1959 г. его удельный вес в общем количестве населения государства вырос с 32 до 48 %. В 1960 г. впервые произошло выравнивание численности городского и сельского населения СССР[12]. На селе активно распространялся городской образ жизни.

Из приведенных фактов вытекает однозначный вывод о том, что страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в сегодняшней России и за рубежом. Другое дело, что модернизация насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Она носила очевидный военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации, таких, как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости процессов модернизации.

Советская модернизация проводилась в контексте социалистических преобразований и не была их антиподом. Она шла в русле перманентной революции в стране, тесно переплеталась с ней, отражая ее суровый характер. Экспроприация дореволюционных носителей модернизации нанесла тяжелый урон не только им, но и очень сильно осложнила, увеличила жертвы советской модернизации. Индустриализация, осуществляемая в значительной степени за счет крестьянства и сельского хозяйства, привела к их деградации, от которой они не могут оправиться до сих пор.

Коллективизация и ликвидация кулачества как класса были подпроцессами советской модернизации на селе, проводились в форме настоящей революции, иначе нельзя назвать кардинальную смену форм собственности. Это дает нам основание утверждать, что революция продолжалась и после ее формального

завершения. Такой вывод подтверждают и многочисленные сталинские репрессии, от которых погибло значительно больше людей, чем в некоторых странах во время классических революций. Косвенным подтверждением продолжающейся революции могут служить также Великая Отечественная война и послевоенная ракетно-ядерная гонка, поскольку официально утверждалось, что этим защищались идеалы октября 1917 г., социалистические завоевания. На практике же осуществлялось установление коммунистических режимов в Восточной Европе и ряде стран Азии. Внутренняя революция и внешние революционные войны составляли суть рассматриваемого периода и свидетельствовали о тесном переплетении революции и модернизации.

Третий период третьего этапа российской революции отмечен безусловными достижениями на поприще модернизации. Однако для него характерны потеря темпов и нарастающее отставание от развитых стран, извращение модернизационных ценностей.

Заданный во втором периоде темп модернизации получил развитие в 50–60-х гг. Промышленное производство увеличивалось в среднем на 11,8 % в год. За десять лет объем промышленной продукции вырос в 3 раза[13] Эти годы отмечены крупными достижениями научно-технического прогресса. Мировые достижения были получены в области атомной энергии, ракетно-космической техники, электроэнергетики, машиностроения и в других отраслях экономики. Они хорошо известны современному читателю и не требуют детализации.

Сложнее обстоит дело с интерпретацией трудностей этого периода, который был крайне противоречив. Мировые достижения уживались с отставанием в важных областях. Индустриальный прогресс начал терять темпы, перестал поспевать за техническими достижениями Запада, особенно в области высоких технологий. Гипертрофированное развитие тяжелой промышленности сужало сферу потребления и услуг, ограничивало рост благосостояния народа. Набравшая высокий темп урбанизация активно распространяла городской образ жизни на село, тем самым свидетельствовала о важных шагах перехода от аграрного общества к индустриальному. Но по причине догматической

трактовки она вела к опасным социальным и экологическим последствиям. Сельскохозяйственный труд все более заметно превращался в разновидность труда индустриального, что также доказывало движение по пути модернизации, однако в связи с волюнтаристской политикой на селе последнее все более деградировало, перестав удовлетворять потребности народа в продовольствии, а промышленности в сырье.

В том же контексте необходимо отметить неоправданно затратный характер модернизационных преобразований в России и развивающуюся в геометрической прогрессии потерю качества продукции советской экономики. Трудности начального периода советской модернизации, ограничение потребления, возведенные позднее в норму, привели к тому, что у одной части общества сформировались ограниченные потребности, а у другой развилось стремление получать незаработанное. Одни не желали работать лучше, чтобы лучше жить, а другие не желали работать, потому что и так жили неплохо. Одна из важнейших закономерностей модернизационного перехода, связанная с расширением свободы личности, тоже оказалась деформированной в условиях советской системы. Формально эта свобода гарантировалась конституцией, а на деле ее не было, особенно в экономической сфере, что вело к расширяющейся пропасти между интересами личности и общества, придавало односторонность процессу модернизации.

По отмеченным причинам советская система хозяйствования становилась все менее эффективной. Правительство пыталось компенсировать это вывозом за рубеж различных видов сырья, прежде всего энергоносителей и золота. Вырученная валюта тратилась на закупки новых технологий, продовольствия и промышленных товаров для населения. В 1975 г. доля высокотехнологических товаров, проданных США СССР в общем объеме их торговли составляла 32,7 %, а в 1983 г. Америка снизила ее до 5,4 %[14]. В стране начались серьезные трудности.

Американский исследователь из Гуверовского института войны, революции и мира П.Швейцер в книге "Победа. Секретная стратегия администрации Р.Рейгана, ускорившая крах Советского Союза" подытожил технологическую составляющую модернизационного процесса в СССР: "Советы считали, что ра-

дикальные технологические изменения в прошлом создавали военные "революции" Первая произошла в 1920-х гг., когда танк и самолет заменили кавалерию. Вторая произошла в 1950-х гг., когда атомное оружие было совмещено с баллистическими ракетами, заменяя собой бомбардировщики и обычные бомбы. В обоих случаях вооружение достигло нового уровня развития. И в обоих случаях Россия сумела не отстать от Запада. Теперь наступила третья революция, и Москва нервничала. Применение вновь возникших технологий, таких как микроэлектроника и компьютеры, бросило вызов советской промышленности, в которой высокие технологии не были достаточно развиты"[15] С этим вызовом отечественная промышленность не справилась. На новом витке модернизации произошел сбой.

В результате издержек советской модернизации она оказалась менее эффективной, чем в странах западного мира, не принесла процветания стране и благоденствия народу. Уровень потребления товаров и услуг на душу населения СССР в начале 80-х гг. составил только 34% от уровня США, а по товарам длительного пользования менее 20%[16] Начатая М. Горбачевым в середине 80-х гг. перестройка и ускорение научно-технического прогресса не дали положительных результатов, не способствовали завершению модернизационного перехода, а привели к развалу страны, откату назад по многим принципиальным показателям.

В начале 90-х гг. наступил четвертый этап столетней Российской революции, идущий под лозунгом антикоммунизма. По другому назвать очередную смену собственности нельзя. Второй раз в жизни практически одного поколения идет поиск принципиально новой парадигмы развития, реверсивно меняется социально-экономический уклад, что трудно выдержать любому обществу. В условиях рыночных реформ была взята на вооружение концепция постиндустриального общества, что привело к гибели половины индустриального потенциала страны. Нам представляется, что говорить о постиндустриальном мире рано не только для России, но и для западных развитых государств. Современное общество все еще базируется на достижениях индустриальной цивилизации, а не на виртуальной реальности компьютерной техники.

Таким образом, в России наблюдалось три волны модернизации: петровская, пореформенная, советская. Последняя остановилась на незавершенной индустриальной стадии, не дотянула до массового применения современных высоких технологий, прежде всего компьютерных, не выдержала конкуренции с развитыми странами, была предана своими вождями и столкнута в пропасть зарубежными конкурентами.

В настоящее время страна переживает постсоветскую деиндустриализацию, а следовательно и демодернизацию, возвращение к временам отсталости и типичным атрибутам развивающихся государств, не осуществивших модернизационный переход. Теперь ее судьба снова будет зависеть от того, вернется ли она на путь завершения модернизации и приблизится ли к индустриально развитым державам или навсегда останется в числе отсталых государств. Революция и модернизация в России XX в. оказались синонимами, но к несчастью они таковыми не признавались. *Почти столетняя Российская революция, не решившая до конца задач модернизационного перехода, грозит продолжением в XXI в.*

Примечания

[1] См. подробнее: Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии, 1993. № 7.
[2] Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. I. С. 531; Кендрик Д. Тенденции производительности в США. М., 1967. С. 278–279.
[3] Сарабьянов В. История русской промышленности. Харьков, 1926. С. 182.
[4] История советского рабочего класса. М., 1987. Т. II. С. 426–427.
[5] Там же . С. 198.
[6] Там же. С. 199.
[7] Там же. С. 196.
[8] История социалистической экономики СССР. М., 1980. Т.VI. С. 225.
[9] История советского рабочего класса... Т. IV. С. 84.
[10] Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышление о предпосылках того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М., 1989. С. 66.
[11] История советского рабочего класса... С. 135.
[12] История социалистической экономики СССР... С. 248.

[13] Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX в. М., 1998. Т. II. С. 331.
[14] Schweizer P. Victory. The Reagean Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union. New-York. 1997. P. 139.
[15] Op. Cit. P. 137.
[16] Consumption in USA and USSR. An International comparison. Washington. 1981. P. 5.

Уральский исторический вестник. № 5–6. Екатеринбург, 2000. С. 96–104.

Парадоксы Российской модернизации XX века

Определение национальной стратегии государства требует выполнения как минимум одного условия – четкого понимания того, на каком этапе мирового цивилизационного развития оно находится. Невыполнение данного условия ведет к национальной трагедии. Попытаемся проследить это на примерах российских модернизаций начала и конца XX века. Они парадоксальны.

Парадокс первый. Хронологически он относится ко второй половине XIX – первой половине 20-х гг. XX в. Суть его в том, что ни официальная власть в лице царского самодержавия, ни оппозиция – от народников до социал-демократов не смогли правильно определить стратегию страны в условиях завершающего этапа европейской модернизации, под которой понимается переход от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному. Тупиковое положение России со всей убедительностью продемонстрировали поражение в Первой мировой войне и революция начала XX в., которая четко не ставила задач классической модернизации – создания индустриально-городской цивилизации; формирования гражданского общества; дифференциации культурных систем и ценностных ориентаций; секуляризации образования, массового распространения грамотности; в целом коренных преобразований цивилизационной значимости.

Поэтому задачей первостепенной важности является выяснение взаимодействия между модернизацией и революцией, прежде всего ее большевистским этапом. Только ответив на этот вопрос, можно будет понять, двигалась ли Россия в колее мирового прогресса или прозябала на обочине, на каком полустанке она становилась в конце века и в каком направлении ей идти дальше? Революция, возглавляемая большевиками, преследовала одновременно две противоположные цели с точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу. С одной стороны, она уничтожала феодальные пережитки, которые тормозили модернизационный переход, а, с другой стороны, свергала нарождающиеся буржуазные отношения и тем самым нарушала естественное течение этого перехода. В первом случае было историческое завоевание, во втором – историческая ошибка. Такой парадокс порождался тем, что большевики приняли побочное противоречие эпохи (классовую борьбу, острота которой впоследствии была преодолена в значительное мере за счет технического прогресса) за основное (переход от традиционного общества к современному).

Под знаменем классовой борьбы в России прошел почти весь XX в. Она унесла десятки миллионов человеческих жизней, истощила демографические и природные ресурсы страны, обанкротила ее духовно-нравственный потенциал. Начав с разрушения экономики своей страны, становящейся после буржуазных реформ второй половины XIX в. на путь модернизации, большевики замахнулись на крушение западного общества, призывая к мировой революции.

После ее краха в стане большевиков начался разлад, развернулись острейшие дискуссии о путях развития России, ее модернизации, которая оказалась в эпицентре идейной борьбы, хотя конфронтирующие стороны до конца и не осознавали этого, поскольку продолжали мыслить революционными категориями. На практике же вопрос сводился к тому, как из аграрной страны сделать индустриальную и тем самым преодолеть ее отсталость, закрепить новый режим, защитить его от посягательств извне. В ходе идейных баталий, замешанных на властных интересах, и последующих репрессий погибли тысячи партийных лидеров разного уровня, миллионы ни в чем не повин-

ных рядовых партийцев и беспартийных граждан. Об этой кровавой драме написано слишком много и нам нет смысла к ней возвращаться.

Важнее другое – правильно оценить победу курса на ускоренную модернизацию страны в конце 20-х гг. При всей его жестокости он объективно отвечал насущным интересам государства в ту эпоху и стал на три четверти века стратегией его развития, которой были подчинены все усилия народа. За первые двенадцать лет был совершен гигантский экономический рывок. Масштабы экономики страны возросли в 4 раза. Среднегодовые темпы прироста национального дохода составляли в среднем 12,2 %. Советский Союз превратился в страну с современным производственно-техническим и научно образовательным потенциалом.

Модернизация сыграла решающую роль в укреплении обороноспособности государства. В то время как производство боеприпасов для наземных систем вооружений и авиации в Германии в период Второй мировой войны в 2,6 раза превышало тот же показатель во время Первой мировой войны, объем советского военного производства в 1941–1945 гг. был в 24,5 раза выше, чем в Российской империи в годы Первой мировой войны. Именно модернизация спасла Россию от фашистского рабства, что сыграло решающую роль в ее судьбе.

Из приведенных фактов вытекает однозначный вывод о том, что страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса, и нет никаких оснований отлучать ее от этого. Другое дело, что модернизация насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Она носила военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации, таких как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости процессов модернизации, не создала механизм саморазвития.

Вторая половина века тоже прошла под знаком модернизации, ее качественно нового этапа, масштабы и темпы которого задавали уже не только внутренние, но и внешние обстоятельства. Она отмечена крупными достижениями научно-технического

прогресса, которые хорошо известны современному читателю и не требуют конкретизации. Тем самым было преодолено стадиальное отставание страны от передовых индустриально развитых государств. В 1985 г. ее промышленная продукция составляла 85% от американской. Так был разрешен первый парадокс.

Второй парадокс возник в 80–90-е гг. XX в., когда Советский Союз не сделал своевременных выводов из кризиса западного индустриализма и своевременно не перестроил свою модель модернизации, что в совокупности, с внутренней эрозией советской власти поставило страну в тяжелейшее положение и ознаменовалось горбачевской перестройкой, но она не дала ожидаемых результатов. Парадокс заключался в том, что вместо принятия конкретных мер по завершению позднеиндустриальной модернизации и поэтапному переходу к постиндустриализму страна, как и в начале века, поддалась иллюзиям быстрого решения своих проблем на этот раз с помощью либерализма.

Возобладал поспешный курс либерал-демократов на постиндустриальное общество, что привело к демодернизации, гибели половины индустриального потенциала государства, а в конце концов и к его развалу. К середине 90-х гг. промышленный сектор России не достигал уже и 20% американского. Между тем, мировой опыт указывает на необходимость завершения технологической модернизации для продвижения крупной экономики к постиндустриальной модели развития. Следовательно, ошибочная оценка места России в современной цивилизации привела к катастрофическому результату.

Таким образом, печальным итогом XX века для России является отказ большевиков от основополагающей тенденции века, связанной с модернизацией, и переход к иллюзиям социализма в его начале, а затем еще более мучительный поворот от них либерал-демократов в конце века к ценностям далеко ушедшего за это время вперед гражданского общества. Ныне страна возвратилась на стадию первоначального капиталистического накопления, которое в начале века олицетворяло модернизацию и вызвало взрыв народной революции. Не исключена возможность того, что этот порочный круг замкнется в начале XXI в. и приведет к аналогичным результатам.

Чтобы такого не случилось, необходимо соотнести требования современной цивилизации с возможностями нынешней России и оптимально определить курс ее развития, а для этого необходима четкая формулировка национальной идеи в новых условиях, которая должна отразить державность и социально-национальную солидарность на пути к национально - ориентированной экономике.

Россия в поисках национальной стратегии развития. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург; Каменск-Уральский. 24 апреля 2003 г. Екатеринбург, 2003. С. 3–6.

Модернизация России: назад в будущее?

Известно, что модернизация — это явление цивилизационного масштаба, глобальный феномен мировой истории. **Является ли модернизация при этом универсальной характеристикой всемирного исторического процесса? В какой степени она применима для анализа исторического прошлого России и определения перспектив ее будущего?** Рассмотрению этой проблемы посвящен нижеследующий текст.

Историографический контекст теории модернизации

Модернизационная школа явилась междисциплинарной попыткой освещения процессов развития в период перехода от стадии традиционного к стадии индустриального общества. Каждая дисциплина вносила свой вклад в определение ключевых проблем модернизационного перехода. Особенно активно в этой парадигме работали социологи, экономисты, политологи, историки. Социологи фокусировали внимание на изменениях типовых переменных и структурной дифференциации, "социальных реквизитах" демократического поведения; экономисты изучали технологическую, инвестиционную, внешнеэкономическую, распределительную политику, подчеркивали значимость увели-

чения производственных инвестиций для достижения самоподдерживающегося экономического роста; политологи рассматривали роли партий, элит, групп интересов в процессе политической мобилизации, придавали большое значение росту возможностей политических систем, существенное внимание уделяли влиянию традиций, ценностных установок, традиционных лояльностей, национальных символов на стремление поддерживать демократические институты; историки накладывали концептуальную схему модернизационной теории на историческое прошлое, оценивая развитие человечества с точки зрения его прогресса и перспектив, открываемых теорией. Заметный интерес к модернизационному подходу проявляли и представители других наук. Географы отмечали перемены в восприятии пространства, пришедшие с эпохой современности, социальные психологи описывали становление "современной" личности, антропологи подчеркивали различия между традиционной и современной системами мышления.

Зарубежная историография породила огромную литературу о модернизации. В мировом обществоведении создан значительный теоретико-методологический багаж изучения проблем модернизации и развития. Разрабатывались критерии, определялись фазы, этапы, типы, агенты модернизации и ее элиты, их влияние на темпы и характер общественного развития и самого модернизационного перехода (У. Ростоу, С. Эйзенштадт, Д. Лернер, Х. Даадлер, Д. Эптер, С. Блэк, Г Терборн, А. Турен, Д. Гусфильд, С. Хантингтон и др)[1]

При изучении процессов модернизации зарубежными исследователями в определенной степени привлекался и российский опыт модернизации. Многие наблюдения, высказанные в этом плане такими специалистами как А. Гершенкрон, С. Блэк, Д. Норт, М. Манн, Т. Шанин, Т. Скокпол, П. Готрелл, Д. Патнам, Т. фон Лауэ и др. представляют несомненный интерес. Однако особенности подходов, присущих указанным авторам приводили их к различным, зачастую диаметрально противоположным выводам даже по ключевым вопросам: о характере российской модернизации; роли государства; механизмах воздействия госу-

дарственных и институциональных структур на модернизацию и общество[2]

В последние годы в связи с ростом интереса отечественных обществоведов к цивилизационному подходу к интерпретации исторического процесса, усилилось внимание к проблемам модернизации и в самой России. В.А. Красильщиков, В.Г Федотова, В.В. Согрин, В.И. Пантин, В.В. Лапкин, Н.Н. Зарубина, Б.Н. Миронов и др. анализировали особенности и типичные черты модернизационных процессов в России и мире[3] Наблюдаемый ныне большой интерес российских историков к теории модернизации имеет и еще одно объяснение. Минуло десять лет с того времени, когда под влиянием внутренних разломов и цунами, обрушившихся на СССР с Запада, советский материк повторил судьбу Атлантиды. Захлестнутые девятым валом информации, ошеломленные скоростью и напором перемен, гуманитарии стремительно погружавшейся в историческую пучину социалистической эпохи, казалось, искали подходящее пристанище, где можно было бы собраться с мыслями, упорядочить идеи, осознать происшедшее с миром и вновь обрести себя в нем. Среди множества концепций, созданных в общественных науках, такой твердью обещала стать теория модернизации.

Ее основные идеи были сформулированы в конце XIX в. и активно разрабатывались западными обществоведами с 1950-х годов для объяснения социальных перемен, происходивших, в том числе, в странах Третьего мира. Теория модернизации продолжает собой линию исследовательской мысли, берущей начало от Г Спенсера, Э. Дюркгейма и М. Вебера, описывавших изменения в обществе преимущественно в терминах эволюционизма. Сторонники модернизационной перспективы при формировании подходов для исследования социальных трансформаций в "незападных" обществах во многом опирались на интеллектуальную традицию "девелопментализма", утвердившуюся в западной общественной мысли задолго до конца XIX в. Согласно ее основной идее изменения, происходящие в обществе, можно изучать по аналогии с биологическим ростом индивидуального организма. Эта традиция доминировала в западной мысли с сократовских времен. Сохранив свои позиции на протяжении XVIII—XIX вв. (теории прогресса и социальной эволюции), она перешла и в современную науку.

В рамках данной традиции эволюционная теория и функционализм оказали наибольшее влияние на формирование теории модернизации. Следы подобного влияния обнаруживаются во многих ее особенностях. Это частое использование дихотомических конструкций и таких концептов, как "социальная диффузия", "социальная система"; акцент на возможность адаптироваться к постепенным, растянутым во времени изменениям как условие стабильности; приоритетное рассмотрение внутренних источников изменений; анализ социальных изменений как линейного, упорядоченного или прогрессивного процесса. Модернизационная школа адаптировала эволюционную и функционалистскую теории. Поскольку эволюционная теория помогла в свое время объяснить переход от традиционного к современному обществу в Западной Европе XIX в., сторонники модернизационной школы считали, что она сможет пролить свет на процесс развития и в странах Третьего мира.

В своих предельных основаниях теория модернизации примечательно близка марксизму. Действительно, подобно иудеохристианским представлениям о мире, в значительной степени определившим социальные построения К. Маркса, теория модернизации относится к линейным моделям общественных изменений. "Феодализм" и "капитализм" в марксизме, трактующем историю как последовательную смену общественных формаций, аналогичны традиционному и современному обществам в теории модернизации. "Печкой", от которой "танцуют" адепты последней, является промышленная революция, в центре исследований — смена аграрной колеи на индустриальные рельсы, повлекшая за собой целый комплекс существенных и необратимых изменений во всех областях социальной жизни. Это ли не аллюзия базис-надстроечной дихотомии? Есть в ней и своего рода переход исторических предпосылок в новое качество — трансформация патриархального общества в современное. В модернизационной модели, как и в марксизме, процессы общественных перемен рассматриваются преимущественно как эндогенное развитие, а к функциям внешнего мира относится обеспечение стимулов к адаптации.

Хотя и выпестованные в одной колыбели, теории марксизма и модернизации расходятся в трактовке механизмов обществен-

ных перемен. Их основным отличием является то, что марксова социальная теория относится к конфликтным моделям, а теория модернизации — к эволюционным. В отличие от теории модернизации, торившей универсальный большак к идеалу — современному обществу западного типа, марксистская теория допускала различие путей, ведущих к заветной коммунистической цели. Тем не менее, в силу доминирующих моментов сходства, теория модернизации легко принялась отечественными обществоведами, оказавшись удобной обновленной версией объяснения исторического прошлого. Прошлого, берущего свой отсчет около пяти веков назад, и действительно радикально отличающегося от настоящего.

Теория модернизации: достоинства и критика

Теория модернизации, безусловно, обладает большим эпистемологическим потенциалом. Изучая различия между традиционным и современным обществами, она имеет своим предметом радикальные и всеобъемлющие трансформации человеческого существования и деятельности, произошедшие за последние пять столетий. В самом деле, метаморфоза свершилась. Менее десяти поколений назад люди безраздельно принадлежали все еще узнаваемому, но уже совершенно чуждому нам миру традиционной, аграрной цивилизации, мы же живем в ситуации принципиально иных качественных и количественных характеристик, определяемых индустрией. Можно признать, что и в России уходящий век ознаменовался пятью революциями, осуществившимися, несмотря на те объективные преграды, которые воздвигал на их пути традиционалистский социум: экономической, урбанизационной, политической, демографической, культурной.

Трудно не согласиться с разработчиками теории, характеризующими модернизацию как комплексный процесс, охватывающий все сферы человеческой мысли и поведения: типы и способы производства, изменения в образе жизни, социальную мобильность, урбанизацию, секуляризацию, распространение информации, грамотности и образования, широкое участие в политической жизни. Совершенно верно и то, что модернизация — это системный процесс, то есть, перемены в одной из сфер деятельности неизбежно вызывают изменения в других сферах.

А сам он является длительным, протяженным, революционным по масштабам изменений, но преимущественно эволюционным по скорости их осуществления[4]

Тем не менее, теория модернизации остается лишь одной из концепций, претендующих на универсальность в объяснении общественных перемен. Ученые не раз подвергали ее критике. Их сомнения касались, прежде всего, двух принципиальных идей, лежащих в основе модернизационной концепции: триумфализма и телеологии. Разделяя эти сомнения, выскажем еще одно. Использование даже самой великолепной теории имеет свои ограничения, прежде всего, темпоральные. Подобно тому, как навигация с помощью астролябии ушла в прошлое, уступив место новым способам ориентирования, так и модернизационные теории помогают в описании и анализе лишь определенной исторической эпохи, эпохи, которая ныне движется к своему завершению. На наш взгляд, к ограничениям применения обсуждаемой концепции относится еще одно весьма веское обстоятельство: рассматриваемая теория была создана для описания процесса **"осовременивания"** (именно в этом слове заключается истинный смысл английского понятия "modernization") **западноевропейского** мира. Применение ее к странам иных цивилизационных оснований чревато серьезными недостатками. Таковых, по крайней мере, три. Они связаны с направлением, объяснением и механикой социальных перемен.

Вектор исторического развития, задаваемый теорией модернизации

Квинтэссенцией анализируемой концепции можно считать утверждение о том, что модернизация есть переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Бесспорно, современный мир отличается от мира прошлого и совокупность изменений, сделавших его таковым, достойна глубокого исследовательского внимания. В прикладном смысле, как рабочий инструмент историка эта мысль представляется весьма продуктивной. Действительно, дихотомии традиционное — современное, аграрное — индустриальное объемлют широчайший пласт явлений, постоянная трансформация которых во всем богатстве сопутствующих этому связей и взаимозависимостей может служить несущим каркасом для понимания истори-

ческого периода, связывающего истоки и современное состояние общества к которому мы принадлежим. Однако безоговорочное принятие этого тезиса захлопывает за прозелитами анализируемой теории ловушку исторической ограниченности. В самом деле, привычная для нас трехмерная перспектива "прошлого — настоящего — будущего" сужается до прямолинейного отрезка времени "архаика — современность", причем под современностью здесь подразумевается вестернизированное общество.

"Модернизация — процесс необратимый", — утверждает теория. "Однажды войдя в контакт с Западом, страны Третьего мира не могут противостоять импульсу к модернизации. Общество, достигшее определенных успехов в осуществлении урбанизации, индустриализации, распространении грамотности на какой-то стадии модернизации, на следующей ее стадии не может опуститься на более низкий уровень развития"[5] Теоретически, да, но история богаче любой модели. Общество не всегда двигалось в направлении роста централизации, усложнения, специализации и т.д. Зачастую, в том числе, и в российской истории, наблюдались реверсивные явления, В истории можно найти массу примеров "индустриализации без модернизации" (города и заводы, соседствующие с неграмотностью и сильными общинными связями), "модернизации без "модернити"" (производство, уживающееся с сильно развитым традиционным сельским хозяйством и "традиционным" менталитетом). В этом смысле показателен пример современной Японии, а ныне все в большей степени и Китая, в которых удивительные экономические достижения, сосуществуют с ценностями и структурами очень далекими от западных.

Модернизация характеризуется ее теоретиками как безусловно прогрессивный процесс. Утверждается, что "модернизированные системы обладают гораздо большими возможностями по сравнению с традиционными системами, зло и страдания в ходе модернизации обязательно должны, в конце концов, окупиться, так как материальное и культурное благополучие современного общества неизмеримо выше в сравнении с традиционным обществом"[6]

Тезис о материальном благополучии (которое практически отождествляется с прогрессом), а вернее, о его цене и наличии, равно и убежденность в культурном превосходстве современного общества не так уж безоговорочны, как это может показаться на первый взгляд. Конечно, современный горожанин, несущийся по хорошему шоссе на прекрасной автомашине, снабженный передовыми средствами связи и окруженный в повседневной жизни электронной и электрической техникой имеет все основания быть в гораздо большей степени довольным своей судьбой, нежели средневековый крестьянин, но какова цена этого? Какой стороной оборачивается это благополучие для народов тех стран, откуда черпаются ресурсы? Хорошо известно, что, например, в США, где живет лишь 4% населения мира, потребление нефти равняется одной четверти ее ежегодного мирового производства[7] Неравномерность процветания на планете выражается и в другой цифре: после почти пяти десятилетий беспрецедентного глобального экономического роста мир вступает в XXI в. с более чем миллиардом людей, живущих в бедности[8] Даже в традиционно считавшихся преуспевающими западных странах сегодня наблюдается возрастание относительной бедности. Правда, необходимо оговориться, что там на этот процесс воздействуют уже тенденции скорее постсовременного, постиндустриального общества и связаны они с технологической революцией и сокращением потребности в неадекватной этому рабочей силе. Разумеется, этот уровень бедности находится за пределами проблем выживания, которые решены.

Современная статистика доходов подтверждает тот факт, что с середины 1970-х годов реальная заработная плата рабочих средней квалификации на Западе фактически не увеличивается, тогда как доходы относительно небольшой части высококвалифицированных работников, получивших хорошее образование, занимающихся интеллектуальной деятельностью постоянно растут. В мире в целом это различие еще более очевидно. Сегодня разрыв в среднедушевом ВНП между гражданами постиндустриального мира и остальной частью человечества достиг 15,4 тыс. долл., увеличившись с 1960 г. почти втрое. Наиболее состоятельная пятая часть человечества присваивает в 61 раз больше богатств, нежели низшая одна пятая. При этом развитый

мир, как и высший класс составляющих его стран, становится все более замкнутым[9]

Что касается культурного развития, то достаточно привести несколько цифр, характеризующих фундамент современной культуры — уровень грамотности. Из 130 стран мира, по крайней мере, в 35 более половины взрослого населения неграмотно и только 37 стран могут похвастаться высоким — более 90% уровнем грамотности[10] Бездуховность, упрощенная массовая культура, утрата традиционных морально-этических ориентиров, узость кругозора и интересов значительной части населения также не свидетельствует о радикальных положительных изменениях в ментальности homo modernis.

Было бы неверно отрицать культурное, а тем более научно-техническое развитие как таковое, очевидное, несмотря на свою неравномерность, избирательность и относительность. Не создано, и трудно представить, что будет создано бесспорное мерило, единая шкала для измерения ценностей и достижений культуры. Речь о другом. Начатый в Европе около 500 лет назад процесс секуляризации привел к ослаблению способности отвергать краткосрочные индивидуальные выгоды ради долгосрочных, родовых. В результате, сегодня и природа, и культура, уставшие от перегрузок модернизации, требуют реабилитации старых, вытесненных и подавленных в прогрессистскую, западническую эпоху форм мироощущения. В повестке дня осознание необходимости экологической аскезы.

Удовлетворение безграничных потребительских желаний, сформированных модерном, противоречит коллективному благополучию человечества. В механике идея вечного двигателя была развенчана 300 лет назад. Но метафизика прогресса до последнего времени полагала, что он способен к чудодейственной бесконечной подзарядке. Однако оказалось, что ни природная, ни социокультурная среда больше не в состоянии выносить возрастающих нагрузок прогресса. На наших глазах идет процесс изменения ценностей, требующих новой институализации. Формируются два новых типа знания, альтернативные завоевательной идеологии прогресса: экологическое знание, предостерегающее относительно экологических издержек прогресса, и историософское знание, предостерегающее от социальных из-

держек. Эти типы знания озвучивают проблемы до недавнего времени безгласных объектов, разрушаемых в ходе модернизации. Первым таким объектом выступает природная среда, терпящая невосполнимые убытки, вторым — социокультурная среда — маргинальное большинство мира.

Таким образом, перед нами две альтернативных концепции философии истории: согласно одной — "модерн — окончательный выбор человечества, которому предстоит продолжить эпопею прогресса, согласно другой, он лишь преходящая промежуточная форма между старым, традиционным и новым, грядущим типом нестабильности"[11] Необходимость окончательно определиться на этом перепутье, вновь вставшая со всей категоричностью перед Россией в конце 20 века, мучает ее интеллектуальную и политическую элиты, терзает экономические структуры, но все же дает надежду, что заклинившие жернова российской истории, перемолов и переломав столько судеб и добра, закрутятся, в конце концов, не вхолостую, а эффективно и производительно.

Интерпретация российской истории с помощью теории модернизации

Концепция модернизации, особенно в своем начальном варианте, рассматривает западноевропейские и американскую нации как идеальный ориентир по параметрам экономического благосостояния и демократической стабильности для всех тех народов, кто по мысли адептов теории, далеко отстал на пути модернизации. Это положение теории стало одним из самых спорных. Теорию модернизации не раз критиковали за этноцентризм, за то, что она поднимала западноевропейский и американский опыт развития на уровень вселенской истины, не признавая других культур. Ф. Фукуяма даже назвал обвинения в этноцентризме "похоронным звоном по теории модернизации"[12] Поэтому, ища с ее помощью объяснение российской истории, необходимо учитывать не только тот набор идей, которые предлагает указанная теория, но и те следствия, которые из них проистекают.

Рассматриваемая теория постулирует, что "модернизация — процесс глобальный. Начавшись в Западной Европе 15—16 веков, она стала со временем общемировым явлением", "...все общества когда-то были традиционными, все современные обще-

ства — или модернистские, или находятся в процессе становления в качестве модернистских"[13] Если человек — это преимущественно "экономическое животное", движимое желаниями и разумом, тогда диалектический процесс исторической эволюции должен быть относительно схожим в различных обществах и культурах. Таково заключение теории модернизации. Но как все экономические теории истории, теория модернизации ущербна. Она ограничена пониманием человека как существа экономического. Между тем, существуют другие аспекты человеческой мотивации. Сторонники теории отрицают возможность выбора отличной от западной траектории развития для других народов. Распространение идей, сформулированных для объяснения западноевропейской истории, на страны со своим самобытным прошлым, обусловленным климато-географическими, геополитическими и социо-культурными факторами, приводит к ситуации, когда применение западного опыта, например, к истории России постоянно вынуждает делать оговорки, идти на натяжки, прилаживать, в данном случае, "мерседесовские колеса к русской телеге"

Трудно не согласиться с тем, что модернизация — это стадиальный процесс[14] Однако стремление подчеркнуть, что существуют единые стадии, уровни или фазы модернизации, через которые должны пройти все общества, что на этой основе общества можно сравнивать между собой и ранжировать в соответствии со степенью их продвижения по пути от "традиционности" к "современности" насильно сводит на одной марафонской дистанции и штангистов, и альпинистов, создает впечатление гладкой и фактически автоматической последовательности этапов, как если бы общество лишь должно было ступить на эскалатор.

Из идеи ранжирования обществ логически вытекает теория догоняющего развития, общепринятая практически всеми исследователями при интерпретации истории России. Собственно, эта мысль является развитием слов Карла Маркса, который в предисловии к английскому изданию "Капитала" писал, что "более промышленно развитые лишь показывают менее развитым образ их собственного будущего" На наш взгляд, говорить о "догоняющем типе развития", в том числе, применительно к России, нельзя принципиально. Как известно, существует инва-

риантность законов природы по отношению к четырем типам преобразований, в частности, переносу в пространстве и сдвигу во времени. Примитивным упрощением было бы сказать, что ребенок догоняет в своем развитии старика. Каждый из них обладает собственным уникальным опытом жизни. Каждый имеет свой стартовый момент и свой финиш, но жизнь это достояние, а не гонка.

Следование концепции догоняющего развития сопряжено со скрытым комплексом неполноценности и вины. Теория модернизации и ее логическое следствие концепция догоняющего развития ставят народы в неравное положение перед лицом Истории. "Образцовая" чужая история, в отличие от других форм отчуждения, отчуждает не только нашу социальную, экономическую, политическую и культурную перспективу, но сам наш способ бытия в мире. Незападные народы обрекаются либо на статус маргиналов и париев прогресса, либо на статус западников, с презрением относящихся к "туземной" истории[15]

Все имеет свою цену. Нас включают в общую колонну, но при этом постоянно указывают, что мы плетемся в самом ее конце. Может быть, развиваясь в соответствии с универсальными законами, мы, тем не менее, как писал Г Торо, "слышим звуки иного марша"? Нужно обязательно учитывать специфику национальной истории и помнить, что Россия движется по бездорожью, а не по европейским парковым аллеям.

Вообще, преимущества такого рода участия в едином мировом процессе сомнительны. Почему, в самом деле, собственный опыт так мало ценится и так мало влияет на исторический процесс по сравнению с порою экстравагантными теориями? Доктринеры различных учений то и дело сетуют на народный менталитет, как на помеху их умопомрачительных идей. На самом деле, народ скорее служит хранителем реального опыта. Вся история великих переворотов и эпохальных сдвигов — это история поражения эмпирического опыта под напором новых форм веры, насаждаемых активным меньшинством. Такая история неизбежно оказывается затратной и волюнтаристичной, ибо следование чужим образцам требует интерпретации, всегда несовершенной и произвольной. Эту интерпретацию осуществляет реформаторские элиты, направляющие процесс модернизации.

Такая история сопровождается метафизическим сомнением, а в случае тяжких жертв — и периодическими протестами. Для ее творцов окружающий мир народов и культур есть не что иное, как объект переплавки в заранее определенную форму, характер которой раскрывает очередное великое учение. Учение, пересматривающее уклад, историческую традицию, менталитет, образ жизни — ценности, которые всякий возмужавший народ ставит выше материальных благ[16]

Воистину, самое страшное оружие массового поражения — не ядерное, а концептуальное и идеологическое. Пропагандисты "открытого общества" продолжают дело британских фритредеров, обосновывавших объективную необходимость и моральную оправданность открытой экономики — свободного рынка без границ и таможенных ограничений, позволявших беспрепятственно проникать на рынки более слабых стран и разорять местную промышленность. Сегодня "теория открытого общества" уже не ограничивается экономикой. Она призывает не-Запад полностью открыться влиянию Запада — идеологическому, культурному, политическому и финансовому. Теория модернизации в ее прескриптивном аспекте служит этой же цели. Разумеется, мы не призываем к автаркии. Важнейшим механизмом современного развития являются разумная открытость в отношении технологий и информационных потоков со всего мира, расширение разнообразных контактов с мировым сообществом. Тем не менее, открытость в экономико-технологическом и других видах сотрудничества, не означает прозападной политической, идеологической, культурной ориентации и уничижения собственной истории.

Теория модернизации указывает на тенденцию к гомогенизации. Утверждается, что модернизированные общества в отличие от традиционных имеют множество сходных черт, а сам процесс модернизации стимулирует тенденции к конвергенции сообществ. Модернизация влечет за собой движение "в сторону взаимозависимости между политически организованными обществами и по направлению к окончательной интеграции сообществ" "Универсальные императивы современных идей и институтов" могут вести к той стадии, "на которой различные об-

щества будут настолько однородны, что будет возможно формирование единого всемирного государства"[17]

Видимо, в этом и заключается ключевая мысль, главная цель тех, кто разрабатывает теорию модернизации как универсальное орудие о двух концах: один из них служит для описания прошлого, другой — указкой будущего. Думается, что отмеченная тенденция к мировому единству отражает лишь часть реальности. Период национальных государств, единых политических наций уходит в прошлое. "Плавильный котел" затух не только в бывшем Советском Союзе, но остывает и в США.

Возможно, анализируя российскую историю, более продуктивно рассматривать версию "защитной модернизации" предложенную Х.-У Велером при характеристике реформ в Пруссии и других германских государствах в период 1789 и 1815 гг. Аграрные, административные и военные реформы были, по Велеру, ответом на угрозу Французской революции и Наполеона.[18] Аналогично, как ответ на угрозу со стороны Запада, можно рассматривать реформаторское движение младотурков в Оттоманской империи, революцию Мейдзи в Японии, петровские и сталинские преобразования в России. Весьма плодотворна, на наш взгляд, и идея В.Г.Федотовой, называющей модель неожиданного подъема Японии на основе собственной идентичности в отличие от догоняющей модернизации, постмодернизацией[19]

Российская модернизация: механизмы реализации

В России модернизация началась с петровских преобразований начала 18 в., но продвигалась очень медленно. Отмена крепостного права и буржуазные реформы 60—70 гг. XIX в. дали новый импульс этому процессу, особенно в области индустриального развития. В начале XX в. были достигнуты некоторые успехи, но они были смяты революционным процессом, начавшимся в 1905 г. и практически не прекратившемся до конца века. Большевики начали форсировать модернизацию с 30-х гг. делая это искусственно, ценой огромного напряжения и жертв, а в конечном счете напрасно, потому что в 90-е гг. ее завоевания были сданы без боя. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала пятое место в мире, а ее доля в мировом промышленном производстве составляла 2,6%, то СССР к концу второй пятилетки вышел по объему

валовой продукции на первое место в Европе и второе место в мире, его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13,7% [20] Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, а в 1939 г. уже 50,2%. Индустриализация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18% населения СССР, то к началу 1938 г. горожанами стали 30%.[21] Модернизация углубилась и расширилась в 40–50-е гг.

Из приведенных фактов следует вывод о том, что страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса, и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в сегодняшней России и за рубежом. Другое дело, что модернизация насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Советская модернизация проводилась в контексте социалистических преобразований и не была их антиподом. Она шла в русле перманентной революции в стране, тесно переплеталась с ней, отражая ее суровый характер.

Таким образом, в России наблюдалось три волны модернизации: петровская, пореформенная и советская. Последняя остановилась на незавершенной индустриальной стадии, не дотянула до массового применения современных высоких технологий, прежде всего, компьютерных, не выдержала конкуренции с развитыми странами, была предана своими вождями и столкнута в пропасть зарубежными конкурентами.

В настоящее время страна переживает постсоветскую деиндустриализацию, а следовательно и демодернизацию, возвращение к временам отсталости и типичным атрибутам развивающихся государств, не осуществивших модернизационный переход. Почти столетняя Российская революция, не решившая до конца задач модернизационного перехода, грозит продолжением в 21 веке. **Перед страной стоит дилемма: вернуться на путь модернизации, следовательно, повторять давно пройденное западными нациями для того, чтобы не отстать от передовых стран, то есть двигаться назад в свое будущее, или идти самобытным путем, приспосабливая западные новации к своим традициям, как это сделала Япония. Второй путь**

предпочтительнее, но он длиннее и чреват опасностью оказаться в аутсайдерах.

Исследование вековой истории консервативной модернизации в России, предпринятое А.Г Вишневским, показывает, что возможности этого типа модернизации к концу столетия оказались исчерпанными, а результаты — половинчатыми. Однако, по мнению автора, проекты поисков "третьего пути", опирающегося, по сути, на все ту же традиционалистскую социальную базу, на деле не выходят за рамки того, что уже было испробовано в течение века. Бесспорны огромные изменения, которые произошли в социальных отношениях страны в течение 20 века. Однако сам ход консервативной модернизации способствовал тому, что многие традиционалистские идеалы, связи и представления были законсервированы и в основе своей пережили последнее столетие. И сегодня они являют собой достаточно мощный социальный пласт, препятствующий переводу модернизационного процесса с инструментального на более глубокий социальный уровень[22]

С этим нельзя не считаться, однако, в отличие от указанного автора, нам думается, что Россия обязательно будет двигаться своим путем, который позволит сочетать достижения модернизационного развития западного типа со специфическими особенностями российского уклада, не ломать устоявшееся веками, а строить дальнейшую жизнь, опираясь на устойчивые традиционалистские элементы социального устройства российского общества. Не случайно неприятие реформ, до сих пор шедших, скорее по разрушительному пути, сочетается с часто высказываемыми представлениями о самобытности России, которой не подходят модернизационные механизмы, выработанные в принципиально иных условиях Запада. Специфика России обусловила особенности ее модернизации. Если на Западе модернизация прокладывала себе путь как результат внутреннего развития, на своей собственной базе, то здесь во многом использовался опыт других держав, который силой авторитарных режимов навязывался не всегда удачно. Инициатором модернизаций выступало государство — наиболее активная и сильная политическая структура. Главными целями модернизации были поддержка

военно-политического влияния державы и укрепление ее позиций в мире.

Ныне необходим глубокий и тщательный анализ сочетания инноваций и традиций, позволяющий улавливать переход первых во вторые. Печально ярким примером непродуманных модернизаций являются сначала отказ от традиционных ценностей цивилизованного мира и переход к новым ценностям социализма, а затем еще более мучительный поворот от них к ценностям далеко ушедшего за это время вперед модернизированного общества.

Как следствие данного факта следует рассматривать трудности развития рыночных отношений, федеративного устройства и т.д. Вывод один — необходимо четко установить на каком этапе модернизационного перехода сегодня находится страна, для каких новаций есть условия адаптации, а для каких нет, какие национальные традиции отвечают требованиям современного развития, а какие нет.

* * *

Итак, подводя итоги некоторых размышлений о модернизации, следует сказать, что система ценностей, сформировавшаяся в Западной Европе в ходе становления цивилизации Нового времени, которая получила в современной науке общее название "модернити", занимает ограниченное место за пределами западноевропейской и североамериканской цивилизации и является преходящей. Из этой позиции логически вытекает отказ от отождествления развития и экономического роста; от абсолютизации вестернизации как социокультурной основы современных преобразований — в пользу признания позитивной роли эндогенного культурного наследия; от линейной парадигмы мирового развития — в пользу признания полиморфности мира и глубокого своеобразия институциональных, символических, идейных интерпретаций, которую разные общества дают процессу модернизации. Не перспективно противопоставлять "самобытный партикуляризм" и "вестернизированный универсализм" Самобытные и заимствованные ценности сложным и уникальным образом сочетаются в истории любого государства.

Мир сопротивляется попыткам унификации. Даже само индустриальное общество существовало в двух разных формах,

двух разновидностях: в виде рыночного индустриального развития и распределительного типа индустриального развития, который имел место в СССР и частично в странах Восточной Европы. Сегодня мы скорее, является свидетелями культурно — цивилизационного плюрализма. Все более явным становится глубокое различие нормативно-ценностных оснований хозяйственной и предпринимательской деятельности на Западе и Востоке, несмотря на очевидную интернационализацию экономической деятельности и ее внешних, стилевых атрибутов. Переходят ли, например, японцы от традиционного общества к современному или они движутся к другому состоянию, где синтезированы традиционные и современные черты? Скорее, приходится признать второе, даже если это состояние неустойчиво.

Общество может быть "модернизированным" в экономическом, научно-техническом и тому подобных отношениях, но при этом не быть "модерновым", т.е. "западным", вестернизированным по важнейшим характеристикам культуры. Пафос авторов направлен в поддержку теорий самобытности, которые отнюдь не являются идеологиями "антиразвития" Напротив, в них признается необходимость "вхождения в современность" — модернизация, но при этом подчеркивается императив сохранения самобытной культуры и природы. Следует еще раз акцентировать внимание на приоритетности высших духовных ценностей во всех сферах жизни.

В этой парадигме модернизационная модель мирового процесса развития выглядит не однолинейной и моноцентричной, а полиморфной и допускающей значительную вариативность в структуре и темпах динамики. Духовные предпосылки, необходимые для движения общества от традиционности к современности, отнюдь не тождественны западной культуре как некому идеальному типу и не включают таких ее существенных черт, как индивидуализм или универсализм, что в полной мере проявилось в опыте развития различных стран Востока. "Социальные перемены являются скорее многолинейными, чем однолинейными. К современности ведут много дорог"[23]

Примечания

1. Rostow W. The Stages of Economic Growth. Cambridge, Mass., 1960; Social Change. Sources, Pattern and Consequences. N.Y., 1964; Apter D. The Politics of Modernization. Chicago, 1966; Levi M. Modernization and the Structure of Society, Princeton, 1966; Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N.Y., 1966; Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change. New Jersey, 1967; Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 620—625; Историографический обзор по проблемам модернизации см.: Крупина Т.Д. Теория "модернизации" и некоторые проблемы развития России конца XIX – начала XX в. // История СССР. 1971. № 1. С. 191–205.

2. Development of USSR. Washington, 1964; Imperial Russia after 1861: Peaceful Modernization or Revolution? Boston, 1965; Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia. 1861–1917 // The Cambridge Economic History of Europe. L., N. Y., 1965; Crisp O. Studies in the Russian Economics Before 1914. L., 1976; Gregory P.R. Russian National Income. 1885–1913. Cambridge, 1982; Gatrell P. The Tsarist Economy, 1850—1917. L., 1986; Историографические обзоры см.: Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194—207; Роуни Д. Отношения между государством и экономикой в России в период индустриализации: взаимодействие теории и количественных методов // История. Статистика. Информатика. Материалы научного семинара "Статистическое программное обеспечение для историков" Барнаул, 29—31 мая 1994 г. Барнаул, 1995. С. 211–235.

3. Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы "круглого стола" // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40—56; Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995; Согрин В.В. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии. 1994. №11. С. 3—18; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997; Алексеев В.В. Россия в контексте теории модернизации // Российская модернизация XIX—XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа. 1997; Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998; Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К

обсуждению гипотезы // Полис. 1998. №2. С. 39—51; Зарубина Н.Н. Составляющие процесса модернизации: эволюция понятий и основные параметры / / Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1998. № 4. С. 25—37; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1—2; Алексеев В.В., Побережников И.В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ. // Уральский исторический вестник. 1999. № 5—6. С. 8—49;Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3—27.

4. Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader. Ed. by C.E. Black. N.Y., London, 1976. P. 30-31.

5. Ibid.

6. Ibid.

7. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М , 1997. С. 49.

8. Там же. С. 67.

9. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество. (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 6.

10. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век... Приложение. С. 409—414.

11. Философия истории. Под редакцией д. ф. н., профессора А.С. Панарина. М., 1999. С. 84.

12. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N. Y., 1993. P. 69.

13. Huntington S.P. The Change to Change... P. 30-31.

14. Ibid.

15. Философия истории С. 19.

16. Там же. С. 63.

17. Huntington S.P. The Change to Change... P. 30-31.

18. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgechichte. Vol. 1 (1700-1815), Munich, 1987. (Цит. по: Burke P. History and Social Theory. Cornell University Press. 1993. P.135)

19. Трансформации в современной цивилизации... // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 14.

20. История советского рабочего класса. М., 1987. Т. 2. С. 198.

21. Там же. С. 196.

22. Вишневский А.Г Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Плискевич Н.М. "Третий путь", которым мы уже прошли (о книге А.Г Вишневского) // ОНС. 1999. № 6. С. 115.
23. Burke P. History and Social Theory. Cornell University Press. 1993. P.141.

Modernization of Russia: Back to the Future? 19th International Congress of Historical Sciences Oslo, Norway. 6–15 August 2000. Ekaterinburg-Oslo, 2000. P. 21–39. (Совместно с Е.В. Алексеевой).

Трансформация собственности в условиях модернизации

(к постановке проблемы)

Проблема собственности в контексте теории модернизации изучена слабо, причем в западной и советской литературе по взаимоисключающим причинам. Для западных авторов, которые мало оперировали классовыми понятиями, трансформация собственности не представлялась доминирующим фактором в модернизационном переходе, для них важнее не изменение формы собственности, а перераспределение власти в обществе. Для советских же ученых, в первую очередь занятых классовыми проблемами на первое место выходила динамика форм собственности, без всякой связи с модернизационным переходом, поскольку они, как правило, не оперировали этим понятием.

В постсоветский период ситуация круто изменилась. Классовые проблемы отошли на задний план, а модернизационная парадигма вышла на одно из первых мест. Однако она дискутируется, прежде всего, с позиций ее применимости к российской истории. До таких сложнейших вопросов как трансформация собственности под влиянием модернизации дело еще не дошло. Не поставлена сама проблема, не говоря уже о теоретических подступах к ней. Необходимо самокритично заметить, что и в нашей последней монографии "Опыт российских модернизаций XVIII–XX века" такой подход едва намечен[1] Между тем, это один из ключевых вопросов модернизационного перехода.

Попытаемся в рамках отведенного регламента хотя бы обозначить основные направления его изучения на примере России, руководствуясь нашим пониманием исторического опыта, которое предусматривает ретроспективную оценку прошлого в его отношении к последующему развитию и итогам этого развития с позиций современной социальной практики. Для начала напомним, что по мнению большинства ученых модернизация — это переход от традиционного (аграрного) общества к современному (индустриальному) со всеми вытекающими отсюда последствиями. XX век явился апогеем мирового модернизационного перехода, в том числе и для России, хотя многие оспаривают такую оценку[2]

Собственностью принято считать исторически определенный способ присвоения людьми предметов потребления. Она всегда связана с вещью, но не является самой вещью, а отношением людей по поводу вещи. При смене характера общественных институтов отношения собственности меняются почти автоматически. Поэтому трансформация собственности под влиянием модернизации оказывается опосредованной, к тому же осложненной меняющимися правовыми нормами, что затрудняет ее изучение.

Более того, российский случай особый, поскольку здесь, в отличие от западных стран, отношения между государством и обществом перманентно принципиально различны и осложнены частой сменой правил игры. На Западе государство — "наемный агент" общества. Оно ему "платит" в первую очередь за поддержание стабильности и сохранение правил игры. В России же государство — самодовлеющая структура, и она исторически крепче связана с собственностью, чем в Европе. Оно существует не столько ради того, чтобы отвечать интересам общества, сколько ради самого себя. Его подданные нечто "низшее" по сравнению с верховной властью, ими можно помыкать. Здесь нет общественного договора и баланса, сил между государством и обществом, не говоря уже об обратной связи.

Государство в России почти всегда регулировало все, в том числе собственность, паразитируя на этом. Чем больше оно принимает решений по управлению собственностью, тем менее остается прав и возможностей у самого собственника, труднее от-

крыть новое дело или модернизировать производительный процесс. Во Франции всего несколько видов лицензионной деятельности, в России — тысячи, что служит не столько для контроля собственника, сколько для коррупции чиновников. Дело не только в том, насколько хорошо прописаны законы о правах собственности, а в том, где, когда и кем определяются границы вмешательства государства в социально-экономическую жизнь.

Российское государство не справляется с основной функцией поддержания стабильности экономических институтов. Оно постоянно пытается играть роль самостоятельного игрока на экономической сцене. А собственник не доверяет государству, поскольку в любой момент ожидает смены правил игры, воздерживается от инвестирования своего капитала в производство, модернизационные технологии, так как не уверен в гарантиях его возврата.

Беда еще и в том, что народу, особенно крестьянству, которое до середины XX в. составляло большинство населения страны, было чуждо понятие частной собственности, прежде всего на землю, как основное условие его существования. Землю крестьяне считали Божьей и расценивали как общее достояние тех, кто ее обрабатывает. Такой взгляд наложил существенный отпечаток на все модернизационные преобразования как во время великих реформ второй половины XIX в., так и в ходе социальных потрясений XX в. Его отголоски докатились до XXI в., когда ведутся острейшие дискуссии о купле-продаже земли. Конечно, крестьянство включалось в буржуазные преобразования сельского хозяйства в имперский период, усваивая мелкособственнические интересы. Однако в ходе советской модернизации, которая в деревне проводилась в форме коллективизации, оно потеряло практически всю собственность и деградировало как класс.

Безусловно, что в такой огромной стране как Россия с принципиально различными условиями ее регионов без государственного вмешательства, государственного инвестирования и государственного регулирования собственности не обойтись, но весь вопрос в оптимальном сочетании государственного и частного. В этом деле необходимо учитывать не только западные инновации, но и национальные традиции. Иными словами

трансформацию собственности в России в контексте теории модернизации никак нельзя рассматривать без учета положения самой собственности в государстве, его постоянного и кардинального вмешательства в дела собственников, а также устойчивого антисобственнического менталитета значительной части населения.

Заметная трансформация собственности под влиянием модернизации, но под жесточайшим контролем государства проявилась уже при первых шагах российской модернизации. Указом 1721 г. было введено посессионное право, предусматривающее условное владение людьми и землями для промышленных предпринимателей. Условность заключалась в неотчуждаемости рабочей силы и земель от данного предприятия, что способствовало развитию промышленности в крепостнической системе. Посессионные заводы особенно широкое распространение получили на Урале и с некоторыми модификациями просуществовали почти два века. О них написано достаточно много, но нам хотелось акцентировать внимание на посессионной форме собственности только как модели для организации крупного машинного производства в условиях модернизации феодального периода.

Монетная реформа Петра I позволила сосредоточить в руках государства крупные средства, ставшие одним из главных источников финансирования преобразований первой четверти XVIII в., особенно развития крупной отечественной промышленности. Созданная система на протяжении целого столетия в целом успешно справлялась со своими задачами. Именно с петровских времен в правительственных кругах России сталкивались позиции, с одной стороны, сторонников жесткой, исключительно фискальной линии и эксплуатации денежной регалии, с другой стороны — государственных деятелей, выступавших за переориентацию экономической деятельности казны на интересы развития промышленности и торговли.

Роль государственных финансов в развертывании отечественной модернизации, прежде всего индустриального развития, оставалась противоречивой. С одной стороны, в силу недостатка бюджета она не поднялась на должную высоту. С другой стороны — государственные финансы обеспечивали львиную

долю кредитования хозяйства, прежде всего железнодорожного строительства — свыше 60 % в первой половине 80-х годов XIX в. При этом значительную часть кредитов поставляли не представители новых предпринимателей, порожденных модернизацией, а социально близкие самодержавию титулованные промышленники-аристократы, что свидетельствует о типичном противоречии российской модернизации. Можно привести другие многочисленные примеры "раздаточной экономики" в России, которые сохранились до сих пор, что ставит вопрос об обобщении этого феномена исторического опыта и его учета в ходе нынешних реформ.

В ходе пореформенной модернизации в России не сложилось полноценной рыночной экономики, основанной на конкуренции и частной собственности. Здесь появилась прослойка богатых людей, обладающих крупной частной собственностью, но не возникло культа богачей, как в западных странах. В общественном сознании осталась враждебность к крупной собственности и торгово-промышленной деятельности, на что опирались социал-демократы и эсеры. К рубежу XX в. российская собственность очень сильно дифференцировалась. Это индивидуальная (семейная), корпоративная ("торговых домов"), акционерных обществ и мн. др. В сельском хозяйстве в пореформенный период сохранилась тройственная структура собственности: помещичьи вотчины, крестьянское частное хозяйство, община.

Остановимся подробней на последней структуре. О ней много написано в отечественной историографии, особенно в связи с реформой П.А. Столыпина, но она практически не рассматривалась сквозь призму теории модернизации. Между тем, община являлась типичным представителем традиционного общества и должна была претерпеть кардинальные изменения в ходе модернизации для того, чтобы открыть дорогу крупномасштабным переменам. Именно столыпинская "капитализация" сельского хозяйства России через разрушение общины должна была выровнять фронт модернизационного перехода между сельским хозяйством и промышленностью. Срыв столыпинской реформы затормозил модернизацию имперской России, что явилось одной из причин революционного взрыва в стране. В дальнейшем, в ходе советской модернизации, в частности коллективизации,

община все равно была разрушена, но с более тяжелыми последствиями для крестьянства, нежели по столыпинскому варианту. Правда, многие элементы общинной жизни такие как коллективизм, демократический централизм (один — за всех, все — за одного), незначительная социальная и материальная дифференциация, регламентация многих сторон жизни и др. сохранялись весь советский период. Более того, они распространились на горожан.

В ходе Октябрьской революции 1917 г. был провозглашен лозунг "Собственность принадлежит трудящимся", что означало потерю права на нее как со стороны феодальных, так и нарождающихся буржуазных владельцев. В результате она оказалась огосударствленной, а практически ничейной, хотя формально существовала в двух формах: государственной и колхозной. Хуже того, деньги потеряли цену, без товарных фондов они были почти бессмысленны. Таких парадоксов не знали страны классической модернизации. Институт собственности в условиях социализма фактически потерял свое былое значение. Поэтому применительно к советской модернизации не приходится говорить о ее трансформации, за исключением некоторых модификаций государственного и колхозного секторов. Речь может идти о другом — о влиянии левиафана госсобственности на осуществление советской модели модернизации, в которой в отличие от классической модернизации доминировала не экономика, а государство.

Это влияние было двояким. С одной стороны, национализация собственности и ее огосударствление привели к формированию неэффективной экономики, которая на первых порах оказалась неспособной обеспечить необходимые накопления для модернизационного рывка. Пришлось форсировать насильственную коллективизацию деревни, которую надо рассматривать как одну из главнейших трансформаций собственности в условиях советской модели модернизации. О самой коллективизации написано более чем достаточно, но преимущественно в классовом, а не модернизационном ключе. Не имея возможности в рамках данного текста вдаваться в подробности этого процесса, заметим, что коллективизацию необходимо оценивать не только как варварское советское преобразование, но и в мировом контексте

судьбы крестьянства на пути от традиционного (аграрного) общества к современному (индустриальному). В западных странах страдания крестьянства были растянуты во времени, но от этого они не стали меньше. Вспомним огораживание в Англии и знаменитое выражение "овцы поели людей"

С другой стороны — концентрация экономических ресурсов в руках государства позволила невиданными темпами форсировать модернизацию, на что были брошены фантастические по объему ресурсы. Государство упразднило рынки земли и прочих природных ресурсов, а также рынок средств производства, деформировало рынок труда с целью получения колоссальных скрытых налогов на трудовой доход. С 1928 по 1931 гг. национальный доход в неизменных целях увеличился в 1,5 раза, а непроизводственное потребление — всего на 7 %, тогда как реальное накопление (прирост запасов и фондов) увеличился в 3,8 раза. Доля реального накопления в национальном доходе выросла с 14,4 до 36%, а доля непроизводственного потребления *упала, с* 83 до 60%. Таким путем долгие годы перекачивались ресурсы от потребления к накоплению[3]

В СССР была достигнута норма накопления, невиданная в западных странах в период их индустриализации. В 1918–1937 гг. она составляла 25% ВНП (в Великобритании в середине XIX в. – 13, в США в 1870–1890 гг. – 20%). В 1950 г. доля накопления в национальном доходе Советского Союза равнялась 24%, в 1960 г. — 27, в 1970 г. — 29,5%. Если учесть искусственное занижение цен на средства производства, военную продукцию и жилищное строительство — главные составляющие фонда накопления, то она приблизится к 40%[4]

Такая трансформация собственности, небывалые темпы накопления резко увеличили объем инвестиций в экономику, прежде всего в индустриальный рост. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала пятое место в мире, а ее доля в мировом промышленном производстве составляла 2,6 %, то СССР к концу 30-х годов вышел по объему валовой продукции промышленности на первое место в Европе и второе место в мире. Его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13,7%[5] Это в совокупности с другими фактами, которые нет возможности здесь рассмотреть, дает ос-

нование утверждать, что Советский Союз шел по пути модернизации, и нет никаких оснований отлучать его от нее.

Модернизация, основанная на мобилизационной системе экономики, оказалась эффективной преимущественно в военной области. В других областях она оказалась менее эффективной. Уровень потребления товаров и услуг на душу населения СССР в начале 80-х годов составил только 34% от уровня США, а по товарам длительного пользования менее 20%[6] Однако в конечном итоге, несмотря на все сложности российской модернизации и неоднозначность ее результатов, она привела к значительному прогрессу в стране. За столетний период (1880–1979 гг.) национальный доход на душу населения вырос в 145 раз, в то время как в США только в 65 раз. ... Правда, в России он оставался в два раза ниже, чем в США[7] В этих расчетах, конечно, нужно учитывать разницу в исходных уровнях модернизационного процесса.

В 80-х годах XX в., по мере нарастания кризиса социализма, в недрах советской экономики, ее государственного сектора, началась обратная трансформация собственности, пробиваются ростки "теневой", частной собственности, В первой половине 80-х годов ее оборот достиг 70–90 млрд руб., а к концу 80-х годов он увеличился до 120–130 млрд руб., приблизившись к пятой части национального дохода СССР[8] Как понимать такой феномен с позиций модернизации? Что это было: прогресс или регресс? С одной стороны, наблюдался подрыв советской модернизации, что продемонстрировали события 90-х годов, а с другой стороны — такой оборот можно расценивать как поворот к классической модели модернизации, основанный на частной собственности и рыночных отношениях. Именно к ним пытается вернуться современная Россия. При этом необходимо заметить, что "теневая" экономика 80-х годов основывалась большей частью на государственной собственности, эксплуатируемой в частных интересах. Ее позиции до сих пор очень сильны в современной рыночной экономике России.

В 90-е годы концепция модернизации страны была подвергнута коренному пересмотру. Возобладал поспешный курс на постиндустриальное общество, что привело к демодернизации, гибели половины индустриального потенциала государства. Меж-

ду тем, мировой опыт указывает на необходимость завершения технологической модернизации для продвижения крупной экономики к постиндустриальной модели развития.

В ходе демодернизации и рыночных реформ произошла кардинальная смена форм собственности. Из 2,9 млн. ранее хозяйствующих субъектов только 283 тыс. (т.е. меньше 10%) остались в государственной или муниципальной собственности[9] Произошло ее колоссальное размельчение. Если в конце 80-х гг. в России было около 300 тыс. самостоятельных предприятий, из них примерно 27 тыс. — в промышленности, то в настоящее время зарегистрировано 2,9 млн. предприятий, из них 351 тыс. — в промышленности. Одновременно с ростом количества предприятий в десять раз объем производства упал примерно в два раза. В конце 80-х в среднем на предприятии работало 260 человек (в промышленности — 800). Теперь средняя численность персонала на предприятии составляет 20 человек (в промышленности — 40)[10]

Вместо роста эффективности резко сокращается рентабельность производства, падает производительность труда, сворачивается выпуск продукции. В промышленности более половины предприятий оказались убыточными, в сельском хозяйстве — свыше 2/3. Страна снова оказалась на тяжелом перепутье. К такому итогу она пришла в результате реверсивной смены собственности в ходе модернизации XX в.

Таким образом, специфика российской модернизации в XX столетии заключалась в том, что она, в отличие от западных стран, осуществлялась преимущественно на базе государственной собственности вне рыночных отношений. Если в ходе капиталистической модернизации от собственности была отлучена значительная часть населения, то в ходе советской — практически все. Она уничтожила многовековую основу российского общества — класс крестьянства, как таковой. Произошла замена иерархической системы общества, основанной на частной собственности, на бесклассовую, пролетарскую. Возникло преобладание капиталоемких производств, особенно военных, над трудоемкими.

Все эти и многие другие процессы требуют специального глубокого изучения. Особого внимания заслуживает проблема

первоначального накопления капитала. Применительно к имперской стадии модернизации она широко исследовалась марксистскими историками, но преимущественно с классовых, а не с модернистских позиций. Советское первоначальное накопление освещалось сугубо с идеологической платформы, без анализа всей его глубины, противоречий и разрушительных последствий для общества. К постсоветскому первоначальному накоплению еще не прикасалась рука исследователя. Необходимость такого изучения вызывается тем, чтобы правильно понять движущие силы российской истории в XX в., которые крылись не в идеологических догматах, а в цивилизационном процессе, называемом модернизацией.

Примечания

1. Опыт Российских модернизаций XVIII–XX веков. М., Наука, 2000.
2. См. подробнее: Алексеев В.В. Столетняя революция в России. Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Урало-Сибирские исторические чтения, посвященные 275-летию Российской академии наук. Екатеринбург, 2000.
3. Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 53.
4. Там же. С. 59.
5. История советского рабочего класса. М., 1987. Т. II. С. 426–727.
6. Consumption in USA and USSR. Washington, 1981, P. 5.
7. Рассчитано по данным: Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.) Т. 2. СПб, 1999. С. 397.
8. Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX веке. М., Т. II. 1997. С. 386, 539.
9. Львов Д., Макаров В., Клейнер Г Экономика России на перепутье веков, М., 2000. С. 61.
10. Там же. С. 84.

Собственность в XX столетии. К 80-летию академика В.А. Виноградова. М., 2001. С. 25–34.

Модернизация и региональное развитие: векторы взаимодействия

Теоретически процессы модернизации (в конечном счете, но не в реальном развитии) и регионализации (отвечающие, соответственно, парадигмам универсального эволюционизма и культурного плюрализма) следовало бы рассматривать как разновекторные. В самом деле, модернизация в идеале должна вести к выравниванию страновых уровней развития, к экономико-технологической, политической и социокультурной унификации и универсализации. Ликвидация региональных различий, подтягивание "мировой периферии" до уровня развитых индустриальных обществ составляет существо модернистского проекта и сложившейся в его лоне теории модернизации.

Очевидно, что процессы модернизации непосредственно связаны с глобализацией экономики (мировые географические открытия; колониальная экспансия и формирование гигантских колониальных империй; создание первоначально "мировэкономик" (Ф. Бродель), а затем "современной мировой системы" (И. Валлерстайн); научные и технологические заимствования; интенсификация и интеграция коммуникационных сетей и превращение их поистине в глобальную коммуникационную суперсистему; транснациональные корпорации; жесткие зависимости между центрами и периферией в рамках мировой экономической системы), общества и политики (раздел мира на сферы влияния; биполярный, а сегодня, видимо, униполярный мир; мировое сообщество; межгосударственные союзы и международные политические институты типа Европейского сообщества, НАТО, АСЕАН, Европейского парламента, Лиги Наций, ООН, Мирового банка), культуры (широкие этнокультурные взаимодействия и заимствования, создание своеобразной индустриальной, а на сегодняшний день постиндустриальной массовой культуры.

Процессы регионального развития (по крайней мере, на современном этапе), напротив, ведут к фиксации и развитию территориального разнообразия, закреплению — в противовес тенденциям унификации региональных и локальных самоидентификаций, оригинальных местных социально-политических и хозяйственных технологий, этнокультурного своеобразия, самобытных традиций. Показательно то, что модернизация практи-

чески постоянно сопровождалась и сопровождается перераспределением региональных ролей и изменением конфигурации региональной структуры. Таким образом, модернизация и региональное развитие разворачивались параллельно и, есть основания полагать, в значительной степени во взаимодействии друг с другом.

Содержание как модернизации, так и регионального развития постоянно претерпевало существенные изменения. В связи с этим вопрос о характере взаимодействия между ними (причинно-следственной направленности и степени влияния) приобретает чрезвычайную сложность. Есть основания полагать, что модернизационный переход оказывал существенное влияние на конфигурацию региональной структуры и ее трансформации. В значительной степени это обусловливалось пространственной вариацией в распределении и перераспределении финансовых, социальных и материальных ресурсов (в данном случае не имеет значения, какие механизмы – рыночные или административно-волевые – использовались с целью получить искомые результаты) в целях оптимизации модели национального развития.

Полагаем, что современные процессы регионализации и синдром регионализма в значительной степени явились как раз предохранительной реакцией человеческих сообществ на модернизационную стандартизацию. Все большее число людей в ответ на культурную унификацию старается утвердиться в своей самобытности, демонстрирует растущую приверженность традиционным нормам и ценностям. И если общество и его институты не готовы к такому повороту событий, то естественное стремление к национальному, конфессиональному и региональному самоопределению оборачивается взрывом изоляционистских и сепаратистских настроений[1] В высшей степени существенно и показательно, что сама регионализация-федерализация в условиях посткоммунистической России рассматривается как действенный инструмент демократической модернизации.

Перераспределение региональных ролей входит в качестве важнейшего инструмента в доктрину "устойчивого развития" (середина 1980-х гг.), возникшую как ответ на побочные последствия модернизации – глобализацию экономических процессов и экологического кризиса. Социальная суть доктрины заключается в перераспределении власти, богатства и ресурсов с

целью выравнивания уровней развития Севера и Юга планеты и, таким образом, совмещения процессов экономического развития и сохранения среды обитания в интересах настоящего и будущего поколений[2]

Сложнее определить формы воздействия регионального развития на процесс модернизации. Можно предположить, что сама по себе сложившаяся пространственная структура распределения властных полномочий стимулирует или тормозит модернизацию и, конечно же, оказывает влияние на ее характер. При этом вряд ли можно дать простой и однозначный ответ по поводу данной зависимости. Гипотетически можно сказать, что концентрация власти (централизация и, соответственно, дерегионализация) может дать значимый эффект при фокусировании модернизационных усилий, мобилизации сил для обеспечения прорыва на главных направлениях, в "точках роста" Также гипотетично утверждение, что расширению модернизации, ее укоренению благоприятствует дисперсионная модель распределения властных полномочий (регионализированная структура).

Примечания

1. См.: Алексеев В.В., Артемов Е.Т. Регионализм в России: история и перспективы // Уральский исторический вестник. № 3. Екатеринбург, 1996. С. 4.
2. Яницкий О.Н. Экономическая социология // Социс. 1997. № 2. С. 130–131.

Regional Development in the Context of Modernization. Ekaterinburg-Leuven, 1997. P. 21–23.

Культурные парадигмы российских модернизаций

В последние годы много говорят и пишут о возрождении России, но всяк разумеет его по своему, а чаще всего дело не идет дальше расхожего политического лозунга. Необходимо хотя бы определиться в отношении к своему историко-культурному наследию, понять, что может быть востребовано в нынешней ситуации, а что нет, уяснить соотно-

шение традиций и новаций на российской почве, определить их оптимум. Ответить сразу на все эти вопросы трудно. Попытаемся остановиться только на одном аспекте — роли культурной составляющей в модернизации России.

С определенной уверенностью можно говорить о четырех ее этапах: петровские реформы первой четверти XVIII в. (протоиндустриальная модель); пореформенные преобразования второй половины XIX в.; советская модернизация первой половины XX в.; либеральная демодернизация конца XX в. Первые три этапа, несмотря на отдаленную историческую дистанцию, имели ярко выраженное культурное сопровождение, которое, с одной стороны, прокладывало дорогу соответствующей модели развития, а с другой стороны, закрепляло ее результаты.

Петровская протоиндустриализация сопровождалась подлинной для того времени культурной революцией. Широко известны реформа письменности, календаря, образование цифирных школ, Академии наук, приглашение в Россию выдающихся ученых своего времени, отправка на учебу за границу молодежи из разных слоев общества и другие подлинно исторические культурные инициативы. Вместе с тем, петровские преобразования фактически привели к разделению отечественной культуры на "столичную" (ориентированную на европейские образцы) и "низовую", "народную", "провинциальную" (ориентированную на традиционные ценности этносов России). Подобное разделение привело в дальнейшем к формированию абстрактного представления о двух "уровнях" российской культуры: передовом, прогрессивном, евроцентристском и отсталом, консервативном, распространенном на российской периферии. Данная схема способствовала политике нивелирования культуры, подтягивания "деревенской" культуры до уровня передовой, европейской. В действительности культура России представляла богатейший спектр национальных культур, в первую очередь, русской культуры; она включала множество культур региональных и локальных.

Целой серией культурных мероприятий сопровождалась отмена крепостного права в 1861 г. Это прежде всего земская реформа с ее новым подходом к школам, больницам, путям сообщения, а также университетская реформа, реформа печати, цен-

зуры и т. д. Вообще, динамика буржуазного развития России в пореформенный период находилась в более сложном отношении к региональной культурной традиции, чем это казалось современникам. Решающим здесь являлся вопрос о господствующем типе развития капитализма. С одной стороны, форсированное, во многом насаждаемое "сверху" и покровительствуемое правительством, развитие крупнопромышленных форм капитализма преодолевало патриархальную замкнутость мест, способствовало эрозии и гибели докапиталистических хозяйственных укладов (основного условия выживания региональных культур) и в этом смысле было, безусловно, враждебно культурной самобытности регионов.

С другой стороны, спонтанно развивавшаяся в народной толще "подпочва" российского капитализма в виде мелкого кустарно-ремесленного производства, крестьянских и туземных промыслов, выходя из замкнутых рамок натурального хозяйства и из-под жестокой опеки казенной и посессионной крупной промышленности (на Урале), впервые получала возможности быстрого роста, активно формировала массовые рынки регионального масштаба. Этот тип "народного'" капитализма, напротив, опирался в своем развитии на местные культурные традиции и в свою очередь обогащал их, актуализировал, способствовал расцвету. (Местная кустарная промышленность, народные промыслы, тесно связанные с крестьянским хозяйственно-бытовым укладом, вплоть до 1930-х гг. в России являлись единственным сегментом промышленности, имевшим отчетливо выраженную региональною специфику).

Политически, в таком же отношении к региональным культурным традициям находился имперско-бюрократический централизм, систематически обрекавший русскую провинцию на периферизацию, психологически и духовно обезоруживавший ее общественные силы и развитие основ местного самоуправления в лице земских учреждений. Объединенные вокруг земств круги местной интеллигенции, профессионалов, предпринимателей и купечества составили основу консолидации "среднего класса", который активно работал на культурный подъем провинции, на развитие ее культурного самосознания. Эти общественные инициативы воплощались в создании различных куль-

турно-просветительских и исследовательских краеведческих обществ (УОЛЕ), учреждений образования (университет в Перми), творческих союзов в развитии региональных направлений в литературе (Мамин-Сибиряк) и изобразительном искусстве (Денисов-Уральский).

Советская модернизация первой половины XX в. сопровождалась беспрецедентной по своим масштабам культурной революцией, связанной с ликвидацией неграмотности, созданием эффективного среднего и высшего образования, фундаментальной науки и массовой культуры, что хорошо известно современному читателю. Конечно, культурная революция омрачалась идеологическими догмами, стандартизацией культурных ценностей, усреднением интеллектуальных запросов и другими издержками форсирования данного процесса. Однако отрицать или ущемлять ее значимость не стоит, учитывая, что именно в результате этой революции страна вышла на передовые рубежи мирового прогресса. Одни только достижения в овладении атомной энергией и космосом – яркое тому доказательство.

Отсюда можно сделать однозначный вывод о том, что каждый из вышеназванных этапов модернизации России имел свое культурологическое лицо. Культура прокладывала дорогу модернизации, сопровождала и закрепляла ее.

А как с этой точки зрения выглядит нынешний этап модернизации, связанный с либеральными реформами и попытками войти в постиндустриальное общество? Пока что реформы не обрели своего культурного лица. Они идут импульсивно, без нового культурного основания, на котором бы базировались и закреплялись преобразования. Современный период русской культуры характеризуется переплетением разнонаправленных процессов, среди которых наиболее рельефно выделяются три: традиционный исконно русский (классический), тоталитарный (советский и зарождающийся постсоветский); западный (массовая культура). Между ними идет глубокое противоборство, приведшее к заметному снижению культурного потенциала страны.

Курс на постиндустриальное общество никак не коррелируется с полным пренебрежением к науке и интеллектуальному потенциалу нации. Если в 1995 г. в США неквалифицированные работники составляли не более 2,5 % рабочей силы, то в России

их доля сегодня не опускается ниже 25 %. Удельный вес расходов на образование в бюджете Соединенных Штатов (превосходящем российский в 20 раз) превышает отечественный показатель в 2,5 раза, к 1997 г. уровень затрат на финансирование научной сферы сократился более, чем в 7 раз по сравнению с 1990 г. С 1985 по 1997 гг. из научной сферы ушли 2,4 млн. чел. Численность работающих по специальности научных кадров находится сегодня на уровне первых послевоенных лет, а выезд научных работников за рубеж в отдельные годы достигал 300 тыс. чел. Потери, вызываемые утечкой за рубеж интеллектуального капитала, составили порядка 60–70 млрд долл. за весь период реформ. Их неудача в значительной степени как раз и объясняется отсутствием соответствующей им социально-культурной революции.

Сегодня, когда остро, как никогда, встала проблема поиска новой самоидентификации россиян, особую актуальность приобретает экономическое, социальное, культурное возрождение российской провинции, регионов, сохранение и развитие традиционной народной культуры, восстановление культурно-этнической преемственности. Это объясняет историко этнографический интерес к традиционной культуре малых и средних городов, деревень.

Уникальным в этом плане является Средний Урал, одна из немногих территорий Российской Федерации, где богатые исторические традиции органично вписываются в современность и являются вдохновляющим источником местного патриотизма. В многочисленных музеях региона широко представлены уникальные коллекции русской и западноевропейской живописи, предметы старого горнозаводского быта, богатейшие этнографические собрания орудий труда и предметов домашнего быта, применявшихся в крестьянских и городских хозяйствах, шедевры камнерезного искусства и художественной обработки металлов, изделия народных промыслов, культурные реликвии уральских старообрядцев.

Необходимость возрождения региональных культур диктуется не только задачами духовного оздоровления общества, но и чисто утилитарными, прикладными, а также экономическими целями. По определению в традиционной культуре ведущей бы-

ла ориентация на актуализацию наследия. Поэтому важнейшую организационную и упорядочивающую роль в ней играла традиция. Традиция выполняла функцию сохранения, накопления, передачи социального опыта. Для традиционной культуры была характерна и определенная изменчивость, вариантность, благодаря которой осуществлялась адаптация к местным условиям, к изменениям внешней среды. Наконец, в традиционной культуре нередко обнаруживала себя тенденция к обновлению, за счет внедрения инноваций, превращения их со временем в традиции, выбракования устаревших, избыточных традиций. На протяжении столетий народная традиционная культура эффективно выполняла функции адаптации к внешним экологическим, хозяйственно-экономическим, социально-культурным условиям. В рамках региона происходил отбор рациональных форм, соответствующих местным условиям в наибольшей степени, последующее их совершенствование применительно к конкретной экологической нише. Поэтому народные традиции отражают многолетнее совершенствование навыков и приемов, в них, как правило, не содержится элементов случайности. Все вышесказанное обусловливает полезность и продуктивность использования традиционного опыта жизнеобеспечение в современных условиях.

Город Екатеринбург: историко-культурное наследие и современность. Материалы научно-практического семинара. Екатеринбург, 1996. С. 8–12.

Модернизация и наука

(стенограмма)

Мы сегодня обсуждаем проблему науки как фактор национальной безопасности России. Бессмысленно о ней говорить, не определив на каком этапе цивилизационного развития находится страна, какая ей нужна наука. Чтобы ответить на эти животрепещущие вопросы, надо подвергнуть анализу процессы, происходящие в России.

Я буду говорить с позиций теории модернизации. Напомню, что она предполагает научное решение проблем общества и переход от спорадических, эмпирических знаний к настоящей, фундаментальной науке. Важно посмотреть на то, как развивалась Россия в XX веке, как она оказалась в нынешнем положении и где выход из него. Возникает вопрос: осуществила ли Россия модернизационный переход, который совершили другие страны. Многие наши обществоведы утверждают, что нет, Россия якобы оказалась в стороне от столбовой дороги цивилизации. Я категорически с ними не согласен.

Возникает вопрос: где, на какой стадии этой модернизации сегодня находится Россия? Вот ключевой вопрос для страны и нашей дискуссии. Впрочем, на официальном уровне ответа на него нет. Мне кажется, что бесполезно рассуждать о стратегии и тактике выхода России из кризиса, не ответив на этот вопрос. И здесь возникает следующий вопрос, в каком соотношении находятся Российская революция и модернизация? Мне представляется, что он является ключевым для понимания судьбы России в XX веке, в том числе и ее науки. По моему глубокому убеждению, эти процессы находились в тесной взаимосвязи.

Модернизация в России в начале XX века была сорвана революцией, а потом большевики одумались и взялись за нее, в 30-е гг., продвинув ее далеко. Мы говорим о революции 1905 года, февральской, октябрьской революции 1917 г., а революция 1991 года – разве не революция? Это, прежде всего, смена общественно-политического режима, смена собственности. Разве у нас не произошла смена собственности после 1991 года? Произошла. Почему-то мы признаем "бархатную" революцию в Восточной Европе, а у нас ее вроде бы и не было. Была, это надо признать. И пока не признаем, то не поймем, что происходит в России. Этот революционный процесс идет от начала века и до его конца. И каждая новая генерация политиков, приходящая к власти, пытается сформулировать свои идеи модернизации, но понимает ее по разному и не совсем научно.

Теперь следующая проблема, которую необходимо обозначить: в каком обществе мы все-таки живем? Переход от индуст-

риального общества к информационному очень серьезный вопрос. Он в некоторой мере спровоцирован Западом. Одно дело – Япония и Америка, которые от индустриального общества действительно переходят к постиндустриальному. А наши молодые реформаторы возомнили, что России тоже пора кончать с индустриальным обществом и переходить к постиндустриальному. Это роковая ошибка, так же как в 1917 г. Когда была прервана раннеиндустриальная модернизация. Так и сейчас, не завершив модернизацию страны на уровне высоких технологий, мы пытаемся перескочить в постиндустриальное общества. В результате потеряна половина индустриальной мощи страны. Пока не завершим на современном уровне модернизационный переход, ни о каком постиндустриальном обществе в России речи быть не может. Да и Западная Европа, я глубоко убежден, пока находится в эпохе индустриальной, а не постиндустриальной. Россия – тем более. В этой плоскости лежит ответ на главный вопрос: где находится страна. Если она завершила модернизационный переход, то должна строить свою политику соответствующим образом, и место науке находить подобающее. Если же она не завершила модернизационный переход, тогда надо делать другие выводы и приспосабливать науку к ним.

Теперь конкретно о науке. Уровень развития науки всегда соответствует определенному уровню развития человечества. Когда форсировался модернизационный переход, то для осуществления этого перехода нужна была наука. Она поддерживалась государством и дала свои результаты. Когда решили, что переходим к другой фазе развития, и науки в России слишком много то, наука оказалась не нужна. Поймите парадокс: страна вступает в информационное общество, в XXI век, и ей не нужна наука – просто абсурд! В Америке, Японии в образование человека, в науку вкладывается значительно больше средства, чем в его материальное содержание. А мы не можем обеспечить даже минимальные потребности ученого. Поэтому в полном смысле судьба государства поставлена в зависимость от уровня образования и науки. И если в ближайшее время не будет осуществлен крутой поворот, то страна обречена. Она не способна будет ни с

кем конкурировать. Это является проблемой проблем. Не решив ее, бесполезно рассуждать о науке как факторе национальной безопасности. К сожалению, у нас путаются причины и следствия многих принципиальных, коренных проблем российского государства, в том числе и науки.

Наука спаслась только потому, что она пока не реформирована. Вопрос о том, что наука не может быть реформирована изнутри, у меня вызывает очень большие сомнения, так же как и то, что страна не может быть реформирована изнутри. Ведь этот тезис нам все время преподносили. И что получили? Такой же печальный результат будет с наукой, если возьмутся ее реформировать извне.

Мне представляется, что науку, безусловно, надо реформировать, но не политикам, а все-таки ученым. Должен быть создан государственный механизм реформирования науки. А пока идем по западному образцу: там есть фонды, там есть гранты, но разве могут наши гранты сравниться с западными? В России был произвол одной номенклатуры, теперь – другой. И если так будет продолжаться, наука сведется к нулю. Поэтому вопрос о реформировании науки очень сложен, и дело не в том, что она не реформируема, а в том, как ее реформировать. Мне представляется, что государство должно иметь ясные, определенные цели своего развития в перспективе, по крайней мере, на ближайшее десятилетие XXI века. И отсюда – какими путями эти цели будут реализовываться, и какой научный аппарат для этого потребуется. Вот из чего надо исходить. Эту задачу должны решать ученые, знающие закономерности развития науки и зарубежный опыт.

Нам придется думать о соотношении государственной и частной поддержки науки. Вот этого опыта у России нет, а его надо наживать. Совершенно очевидно, что в нынешней ситуации государство не способно обеспечить сколько-нибудь серьезный уровень развития науки. Нужно определить приоритеты и на них сосредоточить внимание. Но необходимо использовать не только государственные возможности, но и частного бизнеса. Вопрос в том, как заинтересовать этот бизнес в помощи науке?

Надо создать механизм налогообложения, который бы заинтересовал бизнес в инвестировании науки. Когда будут соединены усилия государства и бизнеса в поддержке науки, тогда она получит хороший импульс развития.

Либеральные реформы пробуксовывают потому, что они не имеют научного обоснования. Вспомним петровскую модернизацию. Ее сопровождала культурная революция, одним из главных результатов, которой стало создание Российской академии наук. Сталинская модернизация базировалась на грандиозной культурной революции (хотя и небезупречной). Она вывела отечество на передовые рубежи научно-технического прогресса, активно способствовала социально-экономической трансформации общества. Нынешние реформы не сопровождаются необходимой культурной революцией, которая бы их закрепила. Они наоборот ведут к деградации образования, науки и культуры, что ставит под сомнение их результат.

Теперь посмотрим, как конкретно Академия наук вписывалась в советскую модернизацию. Когда была поставлена задача индустриализации страны, Академия сориентировалась быстро, блестяще решила эту задачу и сумела сама в ходе ее реализации встать на ноги. Более того, наука выдвигала свои требования. Известно, заявление Курчатова о том, что "мы атомную бомбу сделаем, но не только нас физиков не трогайте, но и других ученых тоже" Когда Сталин начал преследовать кибернетиков, именно ядерщики их отстояли, а заодно и незыблемость Академии наук. И сейчас ученые сделают все необходимое, если будет поставлена конкретная задача. Академия наук найдет способы сориентироваться в правильном направлении, решить государственные задачи, и сама в ходе решения этих задач перестроится, как о том свидетельствует исторический опыт.

Россия на рубеже веков: выбор пути. Отечественная наука как фактор национальной безопасности. Стенограмма семинара. Выпуск 2. Екатеринбург, 1999. С. 30–35.

Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции

Постановка проблемы

Распад великой державы современности - Союза Советских Социалистических Республик - явился одним из важнейших событий всемирной истории конца XX в. Его активно комментируют общество, политики, ученые. Почему рухнула страна, в которой развивались производство и наука, работала разветвленная система социального обеспечения, граждане бесплатно получали новые квартиры и давали образование детям, проводили отпуск на юге, страна, в которой не было нищеты и голода? Согласно различным социологическим опросам, о распаде СССР сожалеют три четверти всех россиян, причем показатель этот практически не меняется с течением времени[1] "Кто не сожалеет об этом, у того нет сердца", - сказал через 10 лет после ликвидации СССР Президент РФ В.В. Путин.

Последствия выбора, сделанного в начале 1990-х гг., теперь очевидны. Граждане, политики и ученые признают, что для большинства бывших советских республик распад СССР стал национальной катастрофой. Падение производства и уровня жизни, рост социальной дифференциации разрушили целостность общества. Некогда могучая держава развалена. Этнические конфликты, территориальные претензии и вооруженные столкновения стали удручающей повседневностью. Шесть из пятнадцати бывших советских республик прошли через войны. За годы горбачевской перестройки, ельцинских реформ и последних преобразований на территории СССР возникло более 240 кровавых конфликтов и войн, общее число жертв которых, по подсчетам экспертов Государственной Думы, составило до 600 тыс. человек[2] Так что о мирном характере гибели советской империи говорить трудно. 10 лет деградации привели к сокращению доли России в мировой экономике почти в 10 раз - с примерно 6% в 1990 г. (доля СССР - около 9%. до 0,65% в 2000 г. Безвозвратная потеря технологического лидерства и целых научных школ лишила Россию возможности участвовать в мировой конкуренции, отбросила в положение страны "третьего мира" В целом по странам СНГ за 1992-2000 гг. валовой внут-

ренний продукт сократился на 38%, объем промышленного производства на 45, продукция сельского хозяйства на 36, инвестиции в основной капитал - на 71%. Упал культурный уровень, деформированы системы образования и здравоохранения, демографические показатели характеризуются отрицательными значениями.

Распад СССР и возникновение на его территории независимых государств нарушили политический баланс, сложившийся в мире во второй половине XX в., существенно повлияли на ход мирового интеграционного процесса, подбросив пороха в огонь десятков "горячих точек", расширив международные потоки вынужденной миграции, усложнив борьбу со всеми видами преступности. Общая нестабильность системы международных отношений резко возросла.

Так почему же все это произошло? В мировой историографии присутствует широкий спектр мнений, отражающих сложность и многомерность этого эпохального явления[4], но нам представляется, что они еще не осмыслены до конца. Одни авторы излагают *хронологию* финального периода советской истории, не обращаясь к анализу цивилизационных причин и оценке всемирно-исторической значимости гибели супердержавы[5] Своими публикациями они отвечают на вопрос: в силу каких конкретных причин и обстоятельств произошел распад СССР в декабре 1991 г.? Другие исследователи пытаются преодолеть этот par excellence эмпирический подход, выходя за рамки событийных оценок и стремясь увидеть *глубинные причины* национальной катастрофы, понять се значение для судеб Отечества и мира[6]

Продолжая двигаться в русле такого подхода, кратко обозначим некоторые полярные позиции, присутствующие в современной историографии проблемы.

1. В объяснении краха СССР значительное место исследователи отводят *внутренним причинам,* несовершенству социальной организации коммунистически ориентированного государства. Многие пишут о "самораспаде СССР", утверждая, что кризис социалистической системы хозяйствования, стагнирующая плановая экономика и автократическая политическая система обрекли его на гибель, что советская система изжила себя[7] В

этом "лагере" доминирует точка зрения, что конец империи - это во многом "заслуга наций" (прежде всего национальных элит), а СССР развалился как колониальная империя под влиянием центробежных сил, в результате внутреннего кризиса "имперской политики" и нараставшего национально-освободительного движения[8]

2. Некоторые авторы акцентируют внимание *на внешних причинах распада страны.* Патриотически ориентированные публицисты указывают, что причины происшедшего - в предательстве правящей элиты, действовавшей под влиянием заинтересованных в распаде внешних сил. Уничтожение СССР было декларированной задачей лагеря, который целенаправленно использовал ослабление СССР, потерю геополитической бдительности, вырождение идеологии, дряхление элит, разложение правящей верхушки[9]

Примечательно, что это объяснение высказывают и сами западные авторы. Американский исследователь П. Швейцер, основываясь на эксклюзивных интервью с К. Вайнбергером, Дж. Шульцем, Д. Пойндекстером, Р. Макфарлейном, В. Кларком и множестве документов, в деталях рассматривает, как секретная стратегия США, разработанная в Белом доме при Р. Рейгане в начале 1982 г., ускорила низвержение Советского Союза[10]

3. *Водораздел между исследователями* также проходит по вопросу о *неизбежности гибели* Советского Союза. В своих публикациях они ищут ответ на вопрос: явилось ли это событие итогом "исторической необходимости" или стало результатом простого стечения обстоятельств, предопределенных злой волей участников политического процесса? Некоторые из них убеждены, что кризис советского общества конца 1980-х гг. был *непреодолим* и, следовательно, с неизбежностью вел к распаду СССР[11]

4. Другие утверждают, что глобальные процессы *не вели с фатальной неизбежностью к гибели СССР,* учитывая тот факт, что Советский Союз сумел после потрясений и огромных людских и материальных потерь в первой половине XX в. не только выдержать в "холодной войне" более чем 40-летнее противостояние с крупнейшими высокоразвитыми странами капиталистического мира, но и добиться ощутимых его населением и

признаваемых во всем мире успехов в социальном, культурном и научном развитии[12] Высказывается мысль, что это была случайность, обусловленная нездоровьем последних советских лидеров, не распад, а "развал", инициированный властной элитой. Особую роль в нем сыграла борьба за власть в высших эшелонах политического руководства страны, кульминировавшая во враждебных отношениях между Горбачевым и Ельциным.

Поляризация мнений отражена и в массовом сознании: свыше 60% участников опроса общественного мнения, проведенного РОМИР, считали, что распада СССР можно было избежать, 25% полагали, что он был неизбежен[13]

5. Наконец, *ценностная шкала оценок* варьируется от осуждения развала, ностальгии по великому прошлому до удовлетворения результатами свершившегося. Отражением первой позиции является принятие Государственной Думой РФ 15 марта 1996 г. постановлений "Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года "О денонсации Договора об образовании СССР"" и "О юридической силе для Российской Федерации результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР" Как известно, позднее нижняя палата российского парламента создала специальную комиссию по рассмотрению вопроса об отрешении Президента РФ от власти. Первыми среди выдвинутых обвинений значились развал СССР и участие в Беловежских соглашениях, "которые привели народ и государство к катастрофе" Содеянное в Беловежской пуще осуждается как "самая чудовищная ошибка за всю историю Российского государства"[14]

Л. Баткин, Ю. Буртин, Вяч. Вс. Иванов в газете "Демократическая Россия", напротив, объявили, что развал СССР "можно только приветствовать", и говорили об опасности "заявки на преобладающую роль России, малейших проявлений великодержавности" Разделяя эту позицию, некоторые исследователи апеллируют к историческим прецедентам: "Пример Австро-Венгрии показывает, что распад СССР в 1991 г. вряд ли можно считать негативным последствием горбачевских реформ. Если бы многонациональная держава сохранилась, и без того не простое осуществление экономических преобразований столкну-

лось бы с еще большими трудностями"[15] Роспуск СССР оценивается как избавление от "насквозь прогнившего имперского альянса" или как спасение от потенциальной "полномасштабной национально-освободительной (или имперско - восстановительной) резни"[16]

Конечно, имеются и другие мнения по поводу крушения СССР[17], но нет возможности рассмотреть их все в краткой статье. Главную задачу мы видим в другом - попытаться теоретически осмыслить этот феномен[18]

На наш взгляд, объяснение гибели Российской (советской) империи следует искать в теоретической плоскости, координаты которой заданы *имперским* и *модернизационным* векторами. Обращаясь к России XVIII-XX вв., невозможно не заметить, что этот период ее истории отмечен разворачиванием двух необычайно важных процессов: имперского и модернизационного. Определяя суть первого из них, отметим, что в нашем понимании **империя** - это прежде всего этнически гетерогенная великая держава, стремящаяся к максимальному увеличению своей мощи и расширению идеологической, политической, экономической, культурной власти над другими территориями. С этой точки зрения, форма государственного правления оказывается второстепенным фактором. Главным выступает сущностное содержание - метаисторическая реализация доминирующей власти над крупными регионами мира. Как писал Ф.И. Тютчев, "Империя не умирает. Она передается" В этом смысле к империям, бесспорно, можно отнести и современное демократическое государство США, и канувший в Лету, традиционный в своей основе, социалистический Советский Союз. Таким образом, мы фиксируем историческую преемственность великой державы - Российской (советской) империи - и интерпретируем историю ее становления расцвета - гибели в рамках единого имперского цикла.

Любая историческая эпоха есть результат ответа человеческого общества на те вызовы, которые ставит перед ним жизнь. Главным вызовом России в XVIII-XX столетиях стала **модернизация,** понимаемая как комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций традиционного общества, происходивших в мире с XVI в. и

достигших своего апогея в XX в. в облике современности (modernity). Российские революции и застои, беды и победы являлись плодами перехода от традиционного, патриархального, сельского, аграрного общества к современному, индустриальному, городскому, демократическому. Россия вошла в XX в. аграрной страной, а вышла индустриальной. Поэтому такое значительное событие, как **крушение одной из крупнейших империй современности,** логично осмысливать **в** контексте **модернизационного перехода.**

Модернизация и жизненный цикл традиционной империи: от симбиоза к антагонизму

Если суммировать ключевые характеристики рассматриваемых понятий – империи и модернизации, то мы получим их следующие обобщенные характеристики. ,

Типичным набором признаков традиционной империи являются:

1. Авторитарное правление; сильная централизация; стремление к неограниченной гегемонии; интеграция гетерогенного в этнокультурном отношении пространства в , единый социально-политический организм;

2. Доминирование одной нации над другими; контроль имперского центра над ресурсами, идеологией, территорией и народами, удерживаемыми в рамках полного или частичного подчинения силой; дифференциация уровней политического, экономического и культурного развития территорий (метрополии и колоний, центра и периферии); ограниченность ассимиляции народов вновь включаемых в состав государства территорий, сохранение ими своих этнокультурных особенностей;

3. Ведущая роль в формировании политики, ценностей и культуры эпохи; опора на традиционную легитимацию; универсальная политическая и культурная ориентация; религиозное или идеологическое сплочение; сакральный характер власти, осуществляемой без посредства промежуточных (между правителем и народом) органов и учреждений[19]

В свою очереди модернизационный переход предстает совокупностью таких субпроцессов, как индустриализация, урбанизация, демографический рост, эрозия традиций, бюрократизация, профессионализация, демократизация, диверсификация,

плюрализм и т.д. В *качестве критериев модернизации* в различных областях общественной жизни выделяются:

1. В *экономике:* применение технологий, основанных на использовании научного (рационального) знания, высокоэффективных источников энергии; углубление разделения труда и обмена деятельностью; появление вторичного (индустрия, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйств; развитие рынков товаров, капиталов и труда; растущие уровни производительности труда, а также промышленного и аграрного производства; увеличивающаяся доля промышленного (в противоположность аграрному) сектора в валовом национальном продукте; расходование на накопление как минимум до четверти валового национального продукта;

2. В *социальной сфере:* разделение функциональных ролей, выполняемых индивидами в обществе, в частности, разделение между обязанностями в общественном производстве, политике, семье; вытеснение отношений личной зависимости между людьми отношениями их личной независимости; смена социального критерия сословности или этнической принадлежности на критерий классовой принадлежности; вытеснение традиционной сословной элиты "новыми людьми"; высокая урбанизация; растущее равенство между полами и увеличение числа женщин, работающих вне дома и получающих зарплату; низкая смертность; позднее вступление в брак; невысокие темпы рождаемости и естественного прироста населения;

3. В *политике:* образование централизованных национальных государств и разделение властей; интеграция широких масс населения в политический процесс; формирование осознанных интересов различных общественных групп;

4. В *области культуры:* дифференциация культурных систем и ценностных ориентаций; секуляризация образования и распространение грамотности; развитие средств трансляции информации; утверждение ценностей индивидуализма; рационализация сознания на основе научных знаний с отказом от поведения в соответствии с традициями[20]

Будучи сложнейшими историческими явлениями, оба процесса сосуществуют в многофакторной взаимосвязанной динамике, нередко, особенно на начальных этапах, придавая друг

другу мощные импульсы для дальнейшего обоюдного развития. В то же время теоретическая рефлексия убеждает в том, что традиционный имперский и модернизационный векторы по многим параметрам оказываются разнонаправленными. Антагонистами, оппозиционное напряжение между которыми динамизирует историю, выступают: авторитарность - демократия; зависимость - свобода; централизация - диверсификация; стремление к неограниченной гегемонии - высокотехнологичные механизмы сдерживания; интеграция гетерогенного в этнокультурном отношении пространства в единый социально-политический организм - регионализация; ведущая роль одной из наций, ее стремление осуществлять контроль над ресурсами, идеологией, территорией и народами, удерживаемыми силой, - самостоятельное развитие в рамках национальных государств; сохранение ярко выраженных этнокультурных особенностей интернационализация и космополитизм; дифференциация уровней развития центра и периферии - тенденция к сглаживанию различий в уровнях развития; опора на традиционную легитимацию эрозия традиций; религиозное или идеологическое сплочение - конфессиональный и идейный плюрализм; сакральный характер власти - рационализация сознания на основе научных знаний с отказом от поведения в соответствии с традициями, интеграция широких масс населения в политический процесс.

Переходя от понятий к явлениям, рассмотрим, на каком этапе и при каких обстоятельствах модернизация становится катализатором развития российского общества, в конечном итоге уничтожившим традиционную империю. Позиционируя российский имперский цикл на шкале модернизации, сделаем это в соответствии с градациями, предлагаемыми ее ведущими исследователями. В.А. Красильщиков и др. выделяют три модернизации, разворачивавшиеся в мировом историческом процессе[21] Адаптируя их применительно к России, авторы коллективного труда "Опыт российских модернизаций. XVIII—XX века" пишут *о доиндустриалъной модернизации, раннеиндустриальной модернизации, индустриализации 1930-1940-х гг. и позднеиндустриальной модернизации*[22] Разумеется, история не однолинейна, и говорить об отдельных империях в рамках четко очерчен-

ных циклов создания, процветания, упадка, дезинтеграции и пост-имперского существования упрощение. Тем не менее грубое деление эволюции империй на определенные стадии представляется эвристически полезным. Кратко (не разворачивая фактическую аргументацию), используя в качестве критериев лишь наиболее значимые политические, социальные и территориальные рубежи, имперскую и модернизационную эволюцию России можно представить в следующей динамике:

	Доиндустриальная модернизация (XVIII – середина XIX в.)
1. Появление предпосылок зарождения империи (середина XVI - первая четверть XVIII в.) 2. Официальное провозглашение Российской империи 22 октября 1721 г 3. Укрепление и восходящее развитие империи (1720-1760-е гг.) 4 Расцвет империи (1770-1840-е гг.)	Опираясь на результаты укрепления Русского государства в ходе социально-экономического развития и территориальной экспансии второй половины XVI-XVII в. (к концу XVII в. оно занимало уже 15,5 млн кв. км), первый российский император Петр I заложил основу глубоких модернизационных реформ, охвативших все стороны жизни общества и способствовавших превращению страны в могучую державу. С одной стороны, политика российских самодержцев была традиционно нацелена на расширение и упрочение единого централизованного государства, объединяющего более сотни народов и десятки разнородных регионов под эгидой Православия и самодержавия. С другой стороны, в течение XVIII - первой половины XIX в, в большей или меньшей степени отвечая требованиям современности, в России были преобразованы государственное и административное управление, экономика, военное дело, Церковь, просвещение, культура, повседневная жизнь. Это позволило Российской империи сплотить под своим покровительством огромные земли в Европе, Азии и Америке и па равных трать партию в европейском концерте.
	Кризис протоиндустриализации и развертывание раннеиндустриальной модернизации (вторая половина XIX — начало XX в.)
5. Появление и нарастание кризисных явлений (середина	Во второй половине XIX в. страна достигла пределов вмещения. Российская империя уже

XIX - начало XX в.)	прошла стадии зарождения, возрастания и расцвета. В то же время стали ощутимы серьезные симптомы кризиса ее традиционной имперской системы, не отвечавшей требованиям современности. Он проявился в неудачах в Крымской, Русско-японской и Первой мировой войнах, в социально-правовых потрясениях основ российского бытия, связанных с отменой крепостного права (1861), последовавшими реформами (1860-1870-е), контрреформами (конец 1880 - начало 1890-х) и политическими катаклизмами конца XIV - начала XX в.
6. Провозглашение России республикой 1 сентября 1917 г. (клиническая смерть империи)	Эти события были вызваны борьбой старого и нового укладов, требованиями модернизации социальных, политических, экономических отношений внутри страны, а именно: развитием демократических требований в обществе, необходимостью создания неограниченного рынка наемного труда, ростом национального самосознания и стремлением к более широкой реализации региональных и политических интересов, эрозией традиционного мировоззрения, достижениями в научно-технической сфере, а также борьбой за мировое влияние с более продвинувшимися по пути модернизации странами Европы и США. Реформы Александра II явились ответом на кризис доиндустриальной модернизации, возникающий на первых этапах экономического роста, который не приобрел еще устойчивый характер, однако существенно расшатал традиционные структуры и использовал весь адаптивный потенциал, которым они обладали[23] В конце XIX — начале XX в. царская Россия предприняла попытку индустриализации *(раннеиндустриальная модернизация),* однако война и революции не позволили ее завершить. В 1913 г. Россия но объему промышленного производства в 2,5 раза отставала от Франции, в 4,6 - от Англии, в 6 раз - от Германии, в 14,3 - от США[24]. В промышленности и строитель-

	стве было занято только 9% населения, тогда как в сельском хозяйстве 75%. Доля промышленности и строительства в национальном доходе составляла 29%, а сельского хозяйства 54%[25] На данном этапе разворачивается драма российских революций, расшатавших и приведших к краху династический строй Российской империи. Начался процесс интенсивного распада империи: были потеряны Польша, Финляндия, Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия, некоторые анклавы в Закавказье. Геополитическое влияние и экономическое значение государства в мире резко упало.
7. Реанимация империи (середина 1920 — середина 1930-х гг.) 8. Новый виток восходящего развития (середина 1930-х-1950-е гг.)	*Индустриализация 1930–1940-х гг.* Образование СССР в 1922 г. и дальнейшая стимуляция центростремительных процессов создали основу для восстановления положения великой державы. Движение в этом направлении стало возможным благодаря проведению сталинской *индустриализации 1930—1940-х гг.*, которую можно рассматривать как продолжение раннеиндустриальной модернизации и решение ряда проблем позднеиндустриалной модернизации. Государство, находившееся на ранних стадиях промышленного развития, перешло к модели "импортозамещающей индустриализации, предусматривающей резкое увеличение роли государства в экономике и снижение роли рыночных стимулов"[26] Категоричная система идеологического сплочения и непререкаемая вертикаль власти, соединявшая столицу *с* окраинами, несмотря на огромные издержки, способствовала победе СССР во Второй мировой войне, в результате которой была существенно расширена сфера геополитического влияния новой советской империи.
9. Расцвет советской империи	*Позднеиндустриальная модернизация* В течение отечественной *позднеиндустриальной модернизации* 1950— 1980-х гг. расширя-

(1960-1970-е гг.) 10. Появление и нарастание кризисных явлений (конец 1970-х-1980-егг.) 11. 8 декабря 1991 г., после подписания Беловежских соглашений СССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекратил свое существование 12. Утрата системообразующих признаков империи (1990-е гг.)	лись сферы применения механизированного, поточного производства, начался процесс соединения производительного труда с научным знанием в ходе научно-технической революции. Успехи на этом пути в совокупности с жесткой централизацией власти привели к серьезному укреплению позиций СССР на международной арене. Однако Советский Союз не преодолел основные барьеры на пути адаптации инноваций постиндустриальной эпохи в технико-экономической и социально-политической областях в отличие от многих других стран, устранивших эти препятствия на предшествующих этапах. Кризис ранней постмодернизации вызвал в советском государстве полномасштабную революцию, начавшуюся в середине 1980-х гг.[27] Новая социалистическая империя в очень короткий срок лишилась двух поясов защиты, в 1991 г. распалась, а ее несущий сегмент - Россия оказалась в середине 1990-х гг. перед реальной угрозой внутренней дезинтеграции. Произошло стремительное падение мирохозяйственной и мирополитической роли России (как правопреемницы распавшегося СССР).

Таким образом, в истории Российской (советской) империи можно очень условно выделить большой (1721-1991) и два малых (1721-1917 гг. и 1917-1991) цикла. Доиндустриальная модернизация, сопряженная с первоначальным вызовом, брошенным патриархальному укладу современностью, появлением и консолидацией новой элиты, началом тектонических подвижек от традиционности к современности коррелирует с восходящим периодом имперской эволюции. Первый имперский цикл реализуется на последней стадии развития традиционного общества, являясь его "лебединой песней" Индустриальная модернизация страны - основа модернизационного перехода - оказалась "разорвана" на два этапа (до- и послереволюционный) социальным взрывом. "Запал" к нему, созданный из противоречий традици-

онного и нового, имперской формы государственной организации и требований современности, был ее же (модернизации) собственным производным, а под осколками чуть было безвозвратно не рухнула империя, основанная Романовыми.

Впустив современность в распахнутое в начале XVIII в. окно, имперская Россия в течение двух столетий переживала фундаментальный кризис традиционализма. Восстав Фениксом из пепла войн и революций, в новом имперском облике она просуществовала до 1990-х гг. Первый цикл занял около 200 лет, второй - менее 100. Финал оказался предсказуемым - все империи рано или поздно распадались под напором требований перемен в обществе, неспособном разрешить накопленный конфликтный потенциал традиционными способами. (Высшая и в значительной степени не оспаривавшаяся имперская власть Рима просуществовала также около трех столетий.)

Исчерпанность традиционной империи как исторического явления обусловлена прежде всего введением в действие новых, неимперских механизмов мондиализации, наиболее адекватно описываемых теорией модернизации. "В эпоху, когда эти механизмы начинают определять государственную политику, традиционная (средневековая) имперская система перестает быть основным "орудием" созидания мировой истории, что последовательно приводит любую империю к кризису идентичности, а затем к неминуемому распаду"[28] Кризис традиционной империи реализуется на фоне интенсивных технологических, социальных, ментальных подвижек, характеризующих этапы индустриальной и позднеиндустриальной модернизации. "Системная модернизация, модифицирующая все стороны социальной действительности и приводящая к рождению качественно нового общества, влечет за собой, таким образом, крах империй..."[29]

Возрождение империи в облике СССР переплетается с индустриальным и позднеиндустриальным этапами модернизации. *Империя СССР* была воссоздана на основе советской индустрии, став уникальным примером не только евразийской, но и синтетической традиционно-современной империи, своеобразное развитие которой, ее прорывы и провалы детерминировались геополитическими, культурно-историческими социально-политическими реалиями XX в. Не сумев вписаться в постинду-

стриальный этап модернизации, социалистическая империя в очень короткий срок их лишилась и оказалась в начале 1990-х гг. в ситуации тотального социально-экономического, политико-административного и культурно-цивилизационного кризиса.

Историческая динамика развития СССР во взаимосвязи с процессами его модернизации и имперской эволюции

1. Восходящее развитие. Размышляя о причинах гибели СССР, сконцентрируем внимание на советском периоде имперской истории России. Наряду с внутренними неблагоприятными факторами ее развития (природно-климатическими, пространственными, региональными диспропорциями) действовали и внешние. Страна шла по пути модернизации в условиях, когда основные игроки на мировой политической сцене - ведущие государства Западной Европы и США - практически завершили свою модернизацию, разорвав сплетенный из традиционных запретов и условностей кокон средневековья, сковывавший семимильную поступь материальной цивилизации Запада. Дистанцию, которую компактная Европа шла около пяти Столетий, Россия, выведенная на дорогу модернизации Петром I, была вынуждена преодолеть по просторам одной шестой части земной суши за период вдвое короче. Отсюда сталинский прессинг для последнего рывка: "Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут"[30] Ценой огромных человеческих жертв эта задача была решена.

В результате двух первых пятилеток (1929-1937) СССР существенно продвинулся по пути индустриализации. К концу второй пятилетки уровень промышленного производства 1913 г. был перекрыт в 8,2 раза. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала пятое место в мире, а ее доля в мировом промышленном производстве составляла 2,6%, то СССР к концу второй пятилетки вышел по объему валовой продукции на первое место в Европе и второе в мире, его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13,7%. В 1937 г. на промышленность приходилось 77,4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции[31]

Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, а в 1939 г. уже 50,2%. Доля рабочих в

социальной структуре выросла за эти годы с 12,4 до 33,5%[32] Индустриализация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18% населения СССР, то к началу 1938 г. горожанами стали 30%. За 1929-1940 гг. среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве сократилась на 19,6 млн человек (36%), а в промышленности и строительстве выросла на 8,9 млн (в 3,2 раза)[33] Приведенные цифры советской статистики, видимо, нуждаются в уточнении, но их порядок убедительно доказывает принципиальные изменения в экономической и социальной структурах государства, что свидетельствует о крупных шагах на пути модернизации России, переходе от традиционного аграрного общества к индустриальному.

Гигантские изменения произошли в области культуры. Ярко выраженный характер получила секуляризация культурных систем и ценностных ориентиров, правда, с однобокой социалистической ориентацией. По темпам и масштабам побили мировые рекорды секуляризация образования и распространение грамотности. Число специалистов с высшим и средним специальным образованием (без военнослужащих) в 1929-1940 гг. возросло с 521 тыс. человек до 2,4 млн, т. е. с 4,8 до 7,7% всех рабочих и служащих[34]

Названные успехи позволили совершить гигантский экономический рывок. За 12 лет масштабы экономики страны возросли в 4 раза. Среднегодовые темпы прироста национального дохода составляли в среднем 12,2%, продукции промышленности – 14,5%. Советский Союз превратился в страну с современным произведет пенно-техническим и научно-образовательным потенциалом[35]

Модернизация была важна для укрепления обороноспособности страны, что имело принципиальное значение накануне Второй мировой войны, знаменовавшей собой очередную историческую схватку за лидирующее место на мировой арене. В 1937-1940 гг. темпы производства военной продукции втрое превышали общепромышленную динамику[36] В то время как изготовление боеприпасов для наземных систем вооружений и авиации в Германии в период Второй мировой войны в 2,6 раза превышало тот же показатель во время Первой мировой войны,

объем советского военного производства в 1941-1945 гг. был в 24,5 раза выше, чем в Российской империи в годы Первой мировой войны[37] Именно модернизация спасла Россию от фашистского рабства, что сыграло решающую роль в ее судьбе. Она обеспечила централизацию государства, восстановила историческую преемственность великой империи. "Изумительные достижения сталинизма" в области модернизации признает даже такой ненавистник Советской России и апологет западного мира, как З. Бжезинский[38]

2. Расцвет Советской державы. Послевоенные годы советской империи отмечены крупными достижениями научно-технического прогресса. Мировые беспрецедентные достижения были получены в атомной энергетике, ракетно-космической технике, электроэнергетике, машиностроении и в других отраслях экономики. Они хорошо известны современному читателю и не требуют детализации. СССР (наряду с США) стал страной, способной производить любой вид промышленной продукции. Тем самым было преодолено стадиальное отставание России от индустриально развитых стран мира. В середине 1980-х гг. СССР входил в число мировых промышленных гигантов, занимая ведущие места по многим показателям индустриального прогресса. К 1985 г. его промышленная продукция составляла около 85% от американской.

Советская экономика постепенно двигалась к постиндустриальному развитию. В 1989 г. в структуре производственного ВВП на долю услуг приходилось около 32% и более 60% занимало производство товаров Около 40% занятых и народном хозяйстве РСФСР имели высшее и среднее специальное образование, что вплотную приблизилось к показателям США. Советский приоритет в сфере развития образования и науки широко признавался в мире. В силу этого советская экономика на начальном этапе движения к постиндустриальному обществу была в состоянии справиться с задачами научно-технического прорыва при условии концентрации ресурсов в перспективном направлении. В 1960-1970-х гг. удалось сформировать основу такого технологического уклада в виде совокупности отраслей (электроника, аэрокосмическая и телекоммуникационная техника), который соответствовал мировому уровню, а по ряду пози-

ций (в аэрокосмической области) превосходил его[39] Что же мешало развивать эти успехи?

С середины 1970-х гг., когда новый уклад потребовал активного вытеснения отмиравших и неэффективных технологий, этого не произошло, что привело к падению темпов роста в стране. Культом советской индустриализации была тяжелая промышленность, но в ее структуре слишком большой удельный вес занимали добывающие отрасли, производящие продукцию на экспорт. Сырьевая направленность экономики, с, одной стороны, не обеспечивала должного развития высоких технологий, которые приходилось ввозить из-за рубежа, а с другой - обрекала великую страну на роль сырьевого придатка западного мира. С 1970 по 1985 гг. стоимость импортных машин и оборудования выросла почти в 7 раз, а их доля в оборудовании, связанном с реализацией капитальных вложений, увеличилась с 13 до 37%[40]

Решающее влияние на ход экономического развития СССР оказало противостояние с США. Историческое соперничество двух сверхдержав - СССР и США - вместе с возглавляемыми ими военно-политическими блоками породило горы оружия, базировавшегося на достижениях модернизации, и пожирало львиную долю ее выдающихся свершений. Военно-промышленный комплекс (ВПК) СССР, стержнем которого было ядерное оружие и средства его доставки, использовал 13-17% валового внутреннего продукта страны, что было непомерно много для хозяйственной системы, пытающейся выйти из мобилизационного режима развития. Расходы на оборону возросли с 16,2 млрд руб. в 1950 г. до 51,3 млрд руб. в 1970 г. (в сопоставимых ценах). Численность занятых в ВПК увеличилось с 1135 тыс. человек в 1946 г. до 2850 тыс. в 1956 г. и 4533 тыс. в 1965 г. (17% занятых в промышленности)[41] В 1980-е гг. на долю оборонного комплекса приходилось уже 20-25% валового национального продукта. Треть всех занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях работала непосредственно на военные нужды. Для размещения заказов ВПК существовали целые отрасли гражданской промышленности, которые обслуживали миллионы людей. В общей сложности за годы "холодной войны" на нужды обороны было потрачено около 10 млрд долларов[42] К концу 1980-х гг. Советский Союз опережал любую страну мира

по количеству производимых основных видов вооружений. На долю вывоза оружия приходилось до 20% советского экспорта[43]

В результате такого напряжения удалось добиться стратегического паритета с США. Если в 1945 г. США имели 6 атомных боезарядов, а СССР ни одного, то в 1978 г. у СССР было 25393, а у США 24424 боезаряда с соответствующими средствами доставки[44] Формальный паритет принципиально важен, но нужен ли он был на столь высоком уровне? Такая гонка за лидером привела Россию к разорению, на что и рассчитывали США. Советская империя "рухнула... потому, что... финансовый гнет из-за военных затрат оказался ей не по силам", - утверждает Р. Макфарлейн, бывший в начале 1980-х гг. помощником советника президента США Р. Рейгана по национальной безопасности и вошедший в историю американской внешней политики главным идеологом и организатором программы "стратегической оборонной инициативы" (СОИ). Макфарлейн полагает, что СОИ была "экономической стратегией, задуманной для того, чтобы разрушить экономику советского государства" "Мы победили в науке и технологии, не в количестве вооружений. Мы обременили вашу страну так, что она этого не заметила, заставили тратить денег больше, чем их было на самом деле", - считает он[45]

В тесной связи с военно-стратегическими задачами Советского Союза находилась интеграция его хозяйственной системы в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Удельный вес стран-членов СЭВ во внешнеторговом обороте СССР составлял в рассматриваемый период 53-57%. Во второй половине 1960-х гг. доля экспорта СССР в национальных доходах этих стран достигала в среднем 18-20%[46] Если учесть активные экономические отношения Советского Союза *с* азиатскими, латиноамериканскими и африканскими странами, то станет ясно, что под его влиянием находилась чуть ли не четверть мира. Это был апогей геополитического горизонта советской империи.

3. Гибель империи. В последней четверти XX в. над империей сгустились тучи. С одной стороны, их нагоняли ветры мировых перемен уходящего столетия, а с другой питал внутренний вулканизм советской тектоники, давшей глубокие трещины, из которых поднимались наболевшие проблемы. Мировые перемены проявились прежде всего в кризисах индустриализма и национальной государственности, глобализации мировой эконо-

мики и послевоенного устройства мира. Внутренние проблемы Советского Союза накапливались по мере нарастания противоречий между имперской формой его существования и углублением модернизации; гипертрофированным развитием военно-промышленного комплекса и сдерживанием прогресса гражданских отраслей, утверждения в них высоких технологий; жестким укладом командно-административной системы и требованием перемен в обществе. Все это привело к глубокому кризису империи и ее гибели.

Условно можно выделить **три главные причины распада СССР:** историческая предрасположенность; внутренняя эрозия; внешняя "мировая" агрессия. *Первая причина* связана с рассмотренным противоречием империи и модернизации. Хотя развитие империи теснейшим образом переплеталось с модернизацией, инициируя и постоянно подталкивая ее, она же и уничтожила традиционную империю. А незавершенность российской модернизации, неспособность Советского Союза выйти на постиндустриальный виток развития, в конечном счете, привели к распаду великого государства, к потере исторической возможности его трансформации в мощную современную державу.

Непосредственным поводом к этому послужило объявление, а затем и реализация принципа самоопределения наций, составлявших великую страну. Стремление формирующихся национальных государств разрушить империю яркий индикатор процесса этнополитической модернизации. Возможность распада советской империи была изначально заложена в тех основах, на которых строился СССР. Все входившие в него республики и созданные в них автономные образования были сформированы по национальному признаку, хотя в некоторых регионах нация, давшая имя республике или автономной области, составляла меньшинство ее населения. За каждой республикой признавалось право свободного выхода из Союза, чего нет ни в одной федерации мира. Право выхода из Союза подтверждалось Конституциями СССР 1936 и 1977 гг., а в последней к тому же был провозглашен безусловный суверенитет каждой союзной республики. Делалось это в пропагандистских целях, для украшения политического фасада: руководители СССР были уверены,

что этими правами никто и никогда не воспользуется вернее, не осмелится воспользоваться.

Действительно, СССР оставался нерушимым, пока существовала строго однопартийная система и страна не вошла в экономический и политический кризис. Но он не выдержал первых же испытаний демократией и свободой. Как только ослабла зависимость руководителей промышленности и сельского хозяйства от центра, директивная плановая экономика оказалась дезорганизованной. Предоставленные самим себе хозяйственники вышли из-под партийно-государственного контроля, сокрушив прежнюю систему управления де-факто, до начала рыночных реформ. Сокращение функций министерств и лишение центрального партийного аппарата властных полномочий, возможности устанавливать директивные плановые задания, лимиты снабжения, назначать цены на продукцию разрушили "нервную систему", объединявшую экономическое и правовое пространство СССР.

Административно-политическое деление по национальному принципу такой огромной многонациональной и мультиконфессиональыюй страны привело к тому, о чем еще в начале XIX в. предупреждал декабрист П. Пестель. Убежденный в неприемлемости федеративного устройства для России, состоящей из разнородных в социально-экономическом, этноконфессиональном, политико-административном плане регионов, в своем основном программном документов - "Русской Правде" - выдающийся общественный деятель России писал, что "ежели сию разнородность еще более усилить через федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже, может быть, и бытие свое между большими или главными государствами"[47]

Экономический кризис, сочетавшийся с кризисом вертикальных структур власти, усилил рост национального самосознания и стремление к самостоятельности у коренного населения республик. Сепаратизму способствовала также кадровая и национальная политика КПСС. При назначении руководителей партийных и государственных органов, общественных организаций, научных и социально-культурных учреждений преимуще-

ства отдавались национальным кадрам, что привело к появлению в республиках национальных элит. Они стали доминировать над "некоренными" национальностями и стремились уйти из-под контроля со стороны союзного центра. Многие национальные лидеры мечтали стать во главе независимых государств.

Модернизация национальных окраин страны способствовала их значительному экономическому и культурному росту, подъему национального самосознания, которое в условиях заката империи начало перерастать в национально-сепаратистские движения, пытавшиеся воскресить нереализованные национальные притязания прошлых эпох. В последний год существования СССР на его территории было зафиксировано свыше 100 таких ситуаций[48] Они имели глубокие корни, уходящие в предшествующие столетия и даже тысячелетия. Территорию СССР населяли многочисленные народы, пришедшие сюда в разные исторические эпохи с разным цивилизационным багажом. В отличие от стран Западной Европы многие из них вплоть до конца XX в. не прошли стадию формирования гражданского общества, не сложились в многонациональные государства, да и не могли этого сделать в силу уникальной пестроты этнического состава и принципиально иных социально-экономических и внешнеполитических условий.

Вторая причина, порожденная первой, связана с неуклонным нарастанием центробежных тенденций в империи по мере осложнения экономического положения государства и ослабления его политической роли, разложением центральной власти, зарождением в ней предательских элементов, криминогенных кланов, возрастанием претензий национальных элит на окраинах, стремящихся к поиску собственного выхода из затруднительного положения. Она требует более детального рассмотрения.

Долговременная ориентация на экстенсивные факторы индустриального развития привела к тому, что по мере их исчерпания страна оказывалась во все более критическом положении. Масштабы ресурсоемкого типа воспроизводства, характерные для ранних стадий индустриализации, не только не сокращались, но и возрастали, обрекая великую страну на положение сырьевого придатка Запада.

Неспособность советского руководства провести своевременно коррекцию экономического курса привела к тому, что страна споткнулась на переходе от среднеразвитого к зрелому индустриальному обществу. Позднее акцент был сделан на критике индустриальной модели социализма, в то время как кризис переживал и индустриальный капитализм. Если Западный мир нашел выход из своего кризиса на пути своевременного построения постиндустриального общества, то Россия надолго застряла в самобичевании социализма и упоении диким, давно отжившим капитализмом.

Достигнутое благодаря модернизации относительно высокое благосостояние народа со временем деформировалось, когда советская экономика втянулась в "потребительскую гонку" с Западом. Ей оказались не под силу две беговые дорожки одновременно - соревнования в области вооружений и массового высокого потребления. Западная система, имея многовековой опыт модернизации, загнала неокрепшую советскую экономику в тупик, что трагически сказалось на судьбе России в конце XX столетия.

Мировые достижения советской модернизации уживались с отставанием в важных областях. Индустриальный прогресс гражданских отраслей терял темпы, не поспевая за техническими достижениями Запада, особенно в области высоких технологий. Гипертрофированное развитие тяжелой промышленности сужало сферу потребления и услуг, ограничивало рост благосостояния народа. Набравшая высокий темп урбанизация активно распространяла городской образ жизни на село, тем самым свидетельствовала о важных шагах перехода от аграрного общества к индустриальному, но по причине догматической трактовки она вела к опасным социальным и экологическим последствиям.

Сельскохозяйственный труд все более превращался в разновидность труда индустриального, что также доказывало движение по пути модернизации, однако в связи с волюнтаристской политикой на селе сельское хозяйство все более деградировало, перестав удовлетворять потребности народа в продовольствии, а промышленности - в сырье. Индустриализация, осуществляемая в значительной степени за счет крестьянства и сельского хозяйства, привела к их деградации, от которой они не могли оправиться до конца Советской власти, когда страна, имевшая мак-

симальные посевные площади на душу населения, импортировала более 40 млн т зерна ежегодно, тратя на это огромные валютные резервы, и оказывалась неспособной преодолеть дефицит продуктов питания. Советская модернизация фактически уничтожила многовековую крестьянскую Россию.

Советская система хозяйствования становилась все менее эффективной, росла денежная эмиссия, деньги обесценивались, потребительский рынок разрушался. Темпы роста номинальных денежных доходов вышли из-под контроля. Назревала гиперинфляция, грозившая всеобщей разрухой и обнищанием. Стремительно таяли золотовалютные резервы. К концу 1991 г. золотой запас сократился до беспрецедентно низкого уровня – 289,6 т (царское правительство после двух с половиной лет тяжелой войны сохранило к февралю 1917 г. и передало Временному правительству 1,3 тыс. т золотого запаса).

Развивался процесс внутреннего разложения советского общества. Повышался экономический интерес, связанный с личными доходами и собственностью. Все большее значение приобретала близость индивида к товаропроводящей сети. Административный ресурс постепенно конвертировался в личные привилегии, а государство между тем утрачивало монополию на власть, уступая ее политическим кланам, военной и хозяйственной бюрократии. Собственность государства постепенно переходила в руки отраслевых и региональных корпораций. Расцвели "черные рынки", через которые перекачивалась все возрастающая часть государственных ресурсов[49]

Наряду с официальной формировалась теневая экономика, которая вела к постепенному перерождению советского строя и социалистических методов модернизации, усиливала центробежные тенденции. Она существовала всегда, но в годы правления Брежнева, когда возможности развития директивной плановой экономики за счет сверхэксплуатации сельского населения, распродажи нефти и газа были исчерпаны, получила невиданный размах. Многие предприятия, особенно на Кавказе и в Средней Азии, создавали подпольные производства. В те годы теневая экономика обеспечивала, по некоторым оценкам, не менее 25% доходов населения. В первой половине 1980-х гг. оборот теневой экономики достиг 70-90 млрд руб. На дефиците продуктов промышленности и сельского хозяйства вырастали

тысячи подпольных миллионеров. К концу 1980-х гг. масштаб теневой экономики увеличился до 120-130 млрд руб., приблизившись к пятой части национального дохода СССР[50], а к концу 1990-х гг. достиг 50%[51]

Подпольные буржуа ("цеховики") в условиях всеобщего дефицита и "черного рынка" сколотили солидные капиталы. Обогащались и чиновники, которые распределяли дефицитные товары и сырье, сотрудничали с "цеховиками" Чем дальше, тем больше они хотели пользоваться своим богатством не тайком, а явно, жить по стандартам западных стран. Многие были готовы создать легальные частные коммерческие структуры и поддержать политиков, обещавших благоприятные условия для коммерции. Апеллируя к либеральным ценностям, теневая экономика тем самым меняла вектор политического развития.

Горбачевская перестройка во второй половине 1980-х гг. и либеральные реформы 1990-х гг. не дали положительных результатов, не способствовали завершению модер-низационного перехода, а привели к развалу страны, откату назад по многим принципиальным показателям. После официально провозглашенного разрыва с социалистической идеологией в духовной жизни российского общества образовался вакуум. Поощрялось возрождение архаических форм социальной, экономической и политической жизни (религиозные организации, сельские сходы, казачий круг и др.).

Третья причина проистекает из поражения страны в "холодной войне" и "мирного" наступления ее главного соперника - США. "Советский Союз потерпел крах не сам по себе, - пишет П. Швейцер, - не потому, что время было на нашей стороне. Если бы Кремль не столкнулся с кумулятивным эффектом СОИ, ростом расходов на оборону, геополитическими препятствиями в Польше и Афганистане, потерей десятков миллиардов долларов в твердой валюте, поступавших за экспорт энергоресурсов, ограничением доступа к технологиям, разумно полагать, что он бы смог выдержать бурю. Советский коммунизм не был организмом, обреченным на самоуничтожение в любой международной среде. Американская политика могла изменить и изменила курс советской истории"[52]

Известны откровенные признания виднейших американских государственных и общественных деятелей, утверждающих, что

"победа США в "холодной войне" была результатом целенаправленной, планомерной и многосторонней стратегии США, направленной на сокрушение Советского Союза" В частности, Дж. Вулси во время сенатских слушаний при утверждении его директором ЦРУ сказал о бывшем Союзе ССР: "Да, это мы прикончили гигантского дракона" Тогдашний президент США Дж. Буш после развала Союза заявил, что это "наша победа, победа ЦРУ" Б. Скаукрофт (советник Буша по национальной безопасности) сообщал в своем интервью корреспонденту "Независимой газеты", что его "первой реакцией на окончательный спуск советского флага над Кремлем было чувство гордости за ту роль, которую мы сыграли в достижении этого. Мы упорно работали над тем, чтобы продвинуть Советский Союз в этом направлении..."[53]

За этим стояли специальные программы президентов Р. Рейгана, Дж. Буша, не говоря уже о широко известных директивах предшествующих администраций, начиная со стратегии борьбы с СССР, предложенной в конце Второй мировой войны А.Л. Даллесом[54] В основе всех этих планов ведения "холодной войны" против СССР лежала установка взорвать Советский Союз изнутри с помощью его разложения и старых, как мир, приемов натравливания одних народов на другие. Целью не только США, но и других стран Запада было не просто уничтожение расползающегося по планете коммунизма, но и ослабление, расчленение Советского Союза, овладение его огромными природными ресурсами в условиях глобализации мировой экономики. Следовательно, это была борьба гигантов за гегемонию в мире, имевшая геополитический, всемирно-исторический характер.

Таким образом, рассмотренные глубинные причины распада СССР имели долгосрочную тенденцию и не могут трактоваться как его автоматический крах в 1991 г. Катализирующую, роковую роль сыграла горбачевская перестройка, которая не имела четкой программы и привела к хаосу в стране. Непродуманная политика ускоренного прогресса закончилась стремительным регрессом. В результате номинальный объем ВВП России конца 1990-х гг. соответствовал 15% советского ВВП (1990) и составлял 5% ВВП современных США[55] Между тем мировой опыт указывает на необходимость завершения технологической модернизации для продвижения крупной экономики к постиндуст-

риальной модели развития. При декларации курса на постиндустриальное развитие катастрофически терялись и заделы, существовавшие до перестройки. С 1985 по 1997 г. из научной среды ушли 2,4 млн человек. Численность работающих по специальности ученых возвратилась к уровню первых послевоенных лет, а выезд научных работников за рубеж в отдельные годы достигал 300 тыс. человек. Потери, вызванные утечкой за рубеж интеллектуального капитала за годы реформ, составили порядка 60-70 млрд долларов[56] Широко известны провалы в образовании и потери квалификации рабочих на остановившихся предприятиях. С таким багажом в постиндустриальной обществе делать нечего. Вопрос о судьбе России после крушения СССР остается открытым.

Российская модернизация стартовала в начале XVIII в. как единственно возможный ответ на вызов времени и Европы, в соревнование с которой вступил Петр I, как основа для военных побед России на западе и востоке. На протяжении последующих трех столетий постоянными императивами империи выступали оборона и экспансия, что не могло не отразиться на ходе российской модернизации. Ядром имперской модернизации России было создание мощного военно-промышленного комплекса, сильной армии, оснащенной хорошим вооружением, и обслуживающих ее производств. Опыт мировой истории показывает, что только государство, сделавшее фундаментальное открытие в промышленной и военно-технической областях или быстро освоившее такое изобретение, сделанное другими, может претендовать на статус великой державы (great power) или империи[57] Россия обладала им, создав на уральских металлургических заводах победоносную артиллерию при Петре I, освоив атом в мирных и военных целях при Сталине, но она не смогла удержать империю в микропроцессорном мире конца XX столетия.

В значительной степени это произошло под давлением новой (американской) империи. Да и успехи советской модернизации не означали ее завершения. Мобилизационная экономика обеспечила беспрецедентный рывок для модернизационного перехода, но он не был закреплен необходимым механизмом саморазвития, что породило кризис системы. Несмотря на огромные изменения в мире, она двигалась в направлении, заданном в 1930-1950-е гг. Сама модернизация осуществлялась путем "ре-

волюций сверху" (реформы Петра I, Екатерины II, Александра II, сталинские преобразования) и охватывала преимущественно технологическую, военно-промышленную сферы и систему управления, не подкрепляясь в достаточной степени политическими и социальными преобразованиями[58]

В ходе процесса модернизации под влиянием демократизации, усилившейся самодостаточности регионов, атомизации общества и его региональных структур, уменьшения вероятности иноземного захвата территорий в условиях атомного противостояния узы, скреплявшие централизованное государство, ослабли. С одной стороны, это есть проявление общемировых тенденций XX столетия, распада в ходе модернизации империй и образования национальных государств, а с другой - выражение системного кризиса, потери управляемости страной. В итоге вместо многовековой тенденции к централизации Российского государства, укреплению его имперского могущества в последнем десятилетии XX в. произошли его дезинтеграция, и империя рухнула.

Примечания

1. http //www rambler ru/db/news/8.12.2001.
2. http //www.slovo.Odessa.ua/10.08.2001.
3. Вардомский Л.Б. Десять лет после распада СССР некоторые результаты и перспективы эволюции пространства СНГ // Россия и современный мир 2002. № 2. С. 112-113,
4. Брумберг А. Советология и распад Советского Союза // Куда идет Россия? Вып. 2. М., 1995; Грачев А Подлинная история распада Союза. Кораблекрушение Горбачева // Новое время. 1993. № 24; Джунусов М. Союз народов - союз сердец: Анатомия развала великой державы // Правда. 1995, 29 декабря. С. 2; Жириновский В.В. Как демократы разрушали Союз ССР // Жириновский В.В. Политическая классика. Т. 10. М., 1997. С. 83-188; Зиновьев А.А. Гибель империи зла (очерк Российской трагедии) // Социологические исследования 1994. № 10, 11; 1995. № 1, 2, 4; Златопольский Д.Л. Разрушение СССР (Размышление о проблеме). М., 1998; Кортунов А.В.

Дезинтеграция Советского Союза и политика США. М., 1993; Косолапов Н.Н. От союзного договора к распаду Союза логика дезинтеграции // СНГ: надежды иллюзии и действительность. М., 1995; Костина Р.В. О причинах распада социалистических федераций // Отечественная история. 1993. № 5; Кравчук Л.М. Крах СССР и перспективы СНГ // Независимая газета. 1998. 21 января; С. 11; Межуев В.М. Империи создают гиганты, а разрушают пигмеи // Правда-5, 1997, 28 января. С. 1, 2; Руцкой А. Кто и как развалил СССР // Наш современник. 1995. № 12; Рогозин Д.О. Формула распада. М., 1998. С. 4; Слободкин Ю.М. Кто разрушил СССР и распял Россию. Л., 1995; Челноков М Б. Россия без Союза, Россия без России... М., 1994; Тишков В.А. Самоубийство Центра и конец Союза (политическая антропология путча) // Советская этнография. 1991. № 6; Тягуненко Л.В. Причины и последствия распада югославской и советской федерации // Вестник научной информации. 1996. № 4; Уткин А.И. Почему исчез Советский Союз: Еще одна попытка ответить на вопрос, кажущийся многим банальным // Независимая газета. 1997. 31 декабря. С. 11; Чешко С.В. Распад Советского Союза этнополитический анализ. М., 1996; Яковлев А. Новый Советский Союз. М., 1995. С. 17; Кто развалил Советский Союз: история, Запад, Ельцин Горбачев? // Независимая газета. 1997. 16 января (НГ сценарии. С. 1, 4-5) и др.

5. Акопов С.С., Гуреев Н.Д. История России. 1953-1996. Личности и эпохи. М., 1997. С. 557-680; Боффа Д. От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964-1994. М., 1996. С. 236-254; Верт Н. История Советского государства. М., 1995. С. 519-528; Геллер М.Я. Глазами историка. 1990-1995. М., 1996; Пихоя Р.Г Советский Союз: история власти. 1945-1991. М., 1998. С. 702-711; Хоскинг Д. История Советского Союза (1917-1991). Смоленск, 2000. С. 433-488 и др.

6. Алексеев В.В. От централизации к дезинтеграции России // Россия на рубеже XXI века. Оглядываясь на век минувший. М., 2000. С. 8-25; Зиновьев А.А. Гибель русского коммунизма. М., 2001; Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999. С. 108-148; Бондарев В. Самораспад. Можно ли говорить о закономерностях развала СССР? // Родина. 1993. № 4; Согрин В. Политическая история современной России. М., 1994. С. 91-108; Ульянов В.М. Кризис СССР. Причины и последствия. М., 1999; Чешко С.В. Указ. соч.; Шишков Ю. Распад империи. Ошибка политиков или неизбежность? // Наука и жизнь. 1992. № 8.

7. См Афанасьев Ю.Н. Неопределенное прошлое // Советское общество возникновение развитие исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 633-657; Медведев Ж.А. Не гонка вооружений погуби-

ла СССР // Международная жизнь. 1998. № 1; Певзнер Я.А. Мировая революция великая авантюра и ее крах // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 11. С. 67; Сахаров А.Н. О причинах саморазрушения СССР // Советское общество возникновение развитие исторический финал. Т. 2. С. 615; Его же. История все расставит по своим местам // Россия и современный мир. 1995. № 4. С. 23; Его же. К вопросу о признак распада СССР // СССР и холодная война. М., 1995; Стратегия для России 10 лет. СВОП. М., 2002. С. 137-138.

8. Вдовин А.И., Корецкий В.А. Распад СССР и проблемы национально политического развития России // http://www.vybory.ru/2000. Вып. 1; Виноградская Т. Распад СССР как системный фактор национальных конфликтов // Обозреватель. 1993. № 7; Здравомыслов А. Г Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1999; Каппелер А. Россия многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000; Стратегия для России 10 лет СВОП. С. 138; Carérre d'Emcausse H. L'Enpire éclate. Paris, 1980; idem. Le Gloire des nations ou le Fin de l'Empire Sovietique. Paris, 1990; Szporluk R. The Fall of the Tsarist Empire and the USSR. The Russian Question and Imperial Overextension // The International Politics of Eurasia. Vol. 9. The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective. Ed. K. Dawisha, B. Parrot. N.Y L., 1997. P. 65-66.

9. Зиновьев А.А. Гибель русского коммунизма. С. 63, 353, 354.

10. Schweizer P. Victory. The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union. N.Y., 1994. P. 282.

10. Игрицкии Ю.И. Россия в меняющемся мире: геополитические последствия системной трансформации. М., 2000. С. 9; Сахаров А.Н. История все расставит по своим местам. С. 23. Он же. К вопросу о причинах распада СССР.

12. Затулин К.Ф. Последствия распада СССР и будущее Содружества // Независимая газета. 1996. 15 декабря; Леонов Н.С. В тени измены // Русский Дом. 1997. № 1. С. 34-37; Лигачев Е.К. Предостережение. М., 1998. С. 401, 425-433; Рыжков Н.И. Я из партии по имени Россия. М., 1995. С. 107; Шенин О.С. Родину не продавал, а меня обвинили в измене. М., 1994. С. 42; Хасбулатов Р Распад СССР не был неизбежным // Правда. 1992. 29 декабря. С. 2.

13. http://www.romir.ru/socpolit/actual/25.12.1999.

14. Бурлацкий Ф.М. Русские государи. Эпоха реформации: Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой. М., 1996. С. 333.

15. Травин Д. Новый мир старой империи. Модернизация в Австро-Венгрии // http://www.idelo.ru/213/25.html.
16. Назарбаев Н. Пять лет независимости Алматы. 1996. С. 41; Драгунский Д. Распад во спасение // Итоги. 1996. № 32. С. 11.
17. См.: Распад СССР: 10 лет спустя. Доклады и выступления на международной научной конференции 21-24 июня 2001 г. Т. 1. М., 2002.
18. Развиваемый в статье подход был апробирован нами на международных конференциях "Причины распада СССР и его влияние на Европу" (Пекин, май 2000 г.), "Распад СССР и глобальный кризис капитализма" (Варна, август 2001 г.), а также на Урало-Сибирских исторических чтениях, посвященных 275-летию РАН (Екатеринбург, апрель 1999 г.).
19. Сформулировано на основе анализа следующей литературы: Алаев Л.Б. Империя: феномен или этап развития? // Вопросы истории. 2000. № 4/5; Гатагова Л.С. Империя идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996; Дугин А.Г Основы геополитики.
М., 1997; Империя нового времени: типология и эволюция (15-20 вв.). Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике. 22-25 апреля. 1997. СПб., 1999; Каспэ С.И. Империя: генезис, структура, функции // Полис. 1997. № 5; его же. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001; Кнабе Г.С. Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр // Восток. 1991. № 4; Лурье С.В. Российская и Британская империи: культурологический подход // Общественные науки и современность. 1996. № 4; ее же. От Древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Там же. 1997. № 4; Феоктистов Г.Г Империя как тип структурного деления мира (Опыт классификации) // Там же. 2000. № 2; Яковенко И.Г От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // Полис. 1996. № 6; Chopard - Le Bras A. Empire // Dictionnaire constitutionelle. P. 39; Doyle M. Empires. Ithaca. Cornell University Press. 1986; Eisenstadt S.N. Empires // International Encyclopaedia the Social Sciences. Vol. V. N. Y., 1968; Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N. Y., 1987; Le concept de l'empire. / Ed. M. Duverger. Paris, 1980; Le Donne J. The Russian Empire and the World. 1700-1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. N. Y.; Oxlord, 1997; Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the Soviet Union. N. Y 1992; Pagden A. Lords of All the World Ideologies of Empire in Spun Britain and France. C. 1500-1800. New Haven, 1995; The End of Empire? The Trans-

formation of the USSR in Comparative Perspective. Ed. K. Dawisha and B. Parrott. N. Y.; L, 1997.
20. Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 7-9; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997. С. 88-89.
21. Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Указ. соч. С. 32-36.
22. Опыт российских модернизации XVIII-XX века. / Под ред. академика В.В. Алексеева. М., 2000. С. 8.
21. Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 59.
24. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1948. С. 288.
25. Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 57.
26. Стародубровская И.В., Мау В.А. Указ соч. С. 65.
27. Там же. С. 77.
28. Каспэ С.И. Империя: генезис, структура, функции. С. 45.
29. Его же. Империя и модернизация. С. 83.
30. Сталин И.В. О задачах хозяйственников. Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 32.
31. История советского рабочего класса. Т. II. М., 1987. С. 426-427.
32. Там же. С. 199.
33. Белоусов А. Становление советской индустриальной системы (1) // Россия XXI век. 2000. № 2. С. 30.
34. Там же. С. 35.
35. Там же. С. 39.
36. Там же. С. 41.
37. Олсон М. Возвышение и упадок народов. / Пер. с англ. М., 1997. С. 411.
38. См.: Бжезинский З. Между двумя веками. М., 1972. С. 136-139.
39. Рязанов В.Т. Кризис индустриализма и перспективы развития России в XXI в. // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 508-511.
40 Вишневский А. Указ. соч. С. 60.
41. Белоусов А. Указ. соч. (2) // Россия. XXI век. 2000. № 3. С. 49.
42. Горбачев М.С. Верх взяло революционное разрушительство (Беседа) // Постиндустриальный мир и Россия. С. 441.

43. Вишневский А. Указ. соч. С. 63.
44. Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999. С. 167.
45. Цит. по: Наумов Н.В. Исторические аспекты развала СССР // http://law.pp.ru/stt.php?rd=konstp&what=showdetail&num=1&page=0.
46. Белоусов А. Указ. соч. (2). С. 41.
47. Пестель П.И. Русская Правда. Гл. 1. § 4 // Восстание декабристов. Документы. Т. VII. М., 1958.
48 Петров Н.В. Что такое полиэтнизм? // Полис. 1993. № 6. С. 8.
49. Белоусов А. Указ, соч (I). С 57.77.
50. Платонов О.А. Указ. соч. Т. II. С. 386, 539.
51. Куликов А. Преступление и наказание // Слово не воробей.. М., 2001. С. 143.
52. Schweizer P. Op. cit. P. 282.
53. Цит. по Вдовин А.И., Корецкий В.А. Указ. соч.
54. См. подробнее: там же; Широнин В.С. КГБ-ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М , 1997. С. 77.
55. Стратегия для России: 10 лет СВОП. С. 471-472.
56. Иноземцев В.Д. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспектива. М., 2000. С. 273.
57. Запарий В.В., Личман Б.В., Нефедов С.А. Технологическая интерпретация новой истории России // Наука и образование в стратегии национальной безопасности и регионального развития. Материалы международной конференции. Екатеринбург, 1999. С. 143-150.
58. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисович М.Н., Побережников И.В. Указ. соч. С. 91-92.

Отечественная история, 2003, № 5. С. 3–20. (Совместно с Е.В. Алексеевой)

Что век грядущий нам готовит?

Приближается 2000 год, или, как теперь говорят, "миллениум" Столько слухов и домыслов связано с этой датой, столько разноречивых мнений, что редакция "Науки Урала" обратилась с просьбой прокомментировать и само это событие, и итоги уходящего века к главному специалисту по столетиям в УрО РАН — директору Института истории и археологии академику Вениамину Васильевичу Алексееву.

— Мы подошли к уникальной исторической дате — рубежу веков и тысячелетий. На какие размышления наводит Вас это?

— Для начала хочу заметить, что рубеж пока еще не пройден. Двадцатый век не завершился. Он начался 1 января 1901 г. и закончится 31 декабря 2000 г. В последнее время часто апеллируют к указу Петра I от 19 декабря 1699 г., якобы начавшему XVIII в. с 1 января 1700 г. На самом деле там речь идет о другом. Во-первых, страна переходила на новое летоисчисление, от Рождества Христова (наступал 1700 г.), а не от сотворения мира (7208 г.), как было раньше. Во-вторых, начало года переносилось с 1 сентября на 1 января.

– Как вы оцениваете значение XX века для России?

— Он был парадоксален. С одной стороны, преодолев многовековую отсталость, страна добилась выдающихся результатов в экономике, науке, культуре. С другой стороны, к концу века потеряла почти все достигнутое неисчислимыми жертвами.

— А почему?

— Это очень большой и сложный вопрос. Постараюсь ответить на него, опираясь на свою концепцию исторического опыта, которая позволяет объективно, абстрагируясь от идеологических догм, осмыслить не только пройденный путь, но и будущее.

Начало XX века со всей остротой поставило перед Россией вопрос о выборе пути: или оставаться традиционным обществом с преимущественно аграрной экономикой; или решительно переходить на путь индустриального развития. Быть самодержавной монархией, или становиться демократическим гражданским

обществом. Подобные вопросы Европа решила много раньше на пути модернизации.

— Что здесь понимается под "модернизацией"?

— Это — основополагающий исторический процесс цивилизационного масштаба, связанный с переходом от традиционного (аграрного) общества к современному (индустриальному) со всеми вытекающими отсюда глобальными последствиями.

— И как она протекала в России?

— Российская модернизация эпохи Петра I осталась незавершенной, трудно продвигалась пореформенная (после 1861 г.) модернизация, хотя определенные успехи к началу XX века имели место. Однако неспособность правящего режима сделать решительный выбор привела к революции, начавшейся в 1905 г., которая не завершилась, с нашей точки зрения, до конца века и грозит перекинуться в XXI век. В ходе этой революции политические силы и партии предлагали разные решения. В октябре 1917 г. большевики вместо классической модели модернизации навязали стране теорию и практику классовой борьбы, являющуюся издержкой модернизационного перехода. Был взят курс на мировую пролетарскую революцию, не отвечающую национальным интересам страны и ничего не дававшую для ее модернизации. Хуже того, она разрушила те заделы, которые имелись в имперской России.

— И что же большевики...

— Они осознали эту ошибку и в 30-е гг. перешли к форсированной модернизации, делая это искусственно, ценой огромного напряжения и жертв. И в конечном счете напрасно, потому что в 90-е гг. ее завоевания были сданы без боя. В ходе перестройки и либеральных рыночных реформ под давлением Запада возобладал поспешный вывод о необходимости ускоренного перехода к постиндустриальному обществу. В результате начался резкий промышленный спад, переросший в экономический хаос. Обострились региональные и национальные конфликты, приведшие к развалу СССР, к чему приложили руку и наши геополитические противники.

В настоящее время страна переживает постсоветскую деиндустриализацию, а следовательно и демодернизацию, возвращение к временам отсталости и типичным атрибутам развиваю-

щихся государств, не завершивших модернизационный переход. Второй раз в жизни практически одного поколения идет поиск принципиально новой парадигмы развития, реверсивно меняется социально-экономический уклад, что трудно выдержать любому обществу.

— Куда же мы идем теперь?

— Создается впечатление, что чуть ли не назад, к началу XX века. Это прослеживается в политической области. По Высочайшему Манифесту Императора и Самодержца Всероссийского от 17 октября 1905 г. страна получила "свободы совести, слова, собраний и союзов", а так же Государственную Думу, "чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий постав- ленных от нас властей..." Дальше этого не пошла конституция 1993 г. Формальных свобод в ней сколько угодно, а фактических прав большинство народа лишено. Государственная дума не может перешагнуть иллюзорный надзор за действием поставленных свыше властей. Пресловутый плюрализм мнений и в целом нынешнее положение в стране очень сильно напоминают 8-ми месячную ситуацию между февральской и октябрьской революциями 1917 г., с той лишь разницей, что нынешняя "разминка" тянется уже 8 лет (с момента распада СССР).

— А в социально-экономической, культурной областях?

— В экономическом отношении страна деградировала наполовину своего индустриального потенциала, а в части продовольственной безопасности перешагнула худшие рубежи первой мировой войны. Засилье иностранного капитала превзошло уровень начала века. Хуже того, российский капитал ушел за границу в невиданных ранее масштабах — 1,4 трлн долларов. Попытка вернуть романовские деньги — 1 млрд долларов, несмотря на все ухищрения с сомнительными екатеринбургскими останками, сорвалась. Наивная надежда либерал-демократов на помощь Запада провалилась: России никто никогда бескорыстно не помогал и не поможет. Разбухшее до безобразия новое российское чиновничество пожирает остатки жизненных сил страны. Если в имперской России чиновники служили определенным классам, под их жестким контролем, то теперь они сами превратились в привилегированный класс, никому не подотчет-

ный. В этом отношении страна вернулась даже не к началу XX века, а в постпетровское безвременье.

Обнищание народа достигло опасной черты. Полюса бедности и богатства разошлись дальше, чем в 1917 г. Катастрофически растет смертность, резко сокращается рождаемость населения. По расчетам Г Киссенджера в первой трети XXI века его численность вернется к 1913 г. На глазах падает уровень грамотности, культуры и нравственности.

— ***Не слишком ли мрачная оценка...***

— Как ни печально. Более того, ситуация хуже, чем в начале века, потому что тогда социально-экономическая отсталость компенсировалась богатейшими природными ресурсами, большой численностью населения, его отменным физическим и нравственным здоровьем. Теперь значительная часть естественных ресурсов израсходована, население резко сократилось, его здоровье подорвано, союзники растеряны, а современные достижения цивилизации плохо усвоены. Правда, я должен оговориться, что в черной полосе переломной эпохи надо попытаться найти просветы нового, перспективного. Они трудно различимы, но есть.

— ***Так что же ожидает Россию в XXI в?***

— Век — очень большой промежуток времени. Сегодня можно лишь предположить, что в его начале будут действовать те тенденции, которые обозначились в конце XX в. Одним махом покончить с ними никому не удастся. Нарыв, который созрел на рубеже веков, должен прорваться в первое десятилетие XXI в., подобно тому, как это случилось в начале XX в. Прогресс может наступить только после того, как будут оптимально соотнесены парадигмы нового века с национальными интересами России, а для этого важно определить, на каком этапе модернизационного перехода она остановилась. Конечно, модернизация не панацея, но без нее немыслимо развитие в современном мире. Не исключено, что Запад, исчерпав свой ресурс прогресса, начнет дрейфовать в сторону Востока. Тогда срединное положение России пойдет ей на пользу.

Наука Урала. Декабрь, 1999. № 24.

Меморандум Всероссийской научно-практической конференции "Россия в поисках национальной стратегии развития"

(Екатеринбург – Каменск-Уральский, 24 апреля 2003 г.)

I. Проблемы современного развития России

В настоящее время, с выходом России из длительной полосы трансформационного кризиса, фактором, серьезно осложняющим выработку перспективной стратегии развития страны, является острый дефицит национальной идентичности, что создает опасный, дезориентирующий общество "вакуум смысла" Приходится констатировать, что со времен Чаадаева и Достоевского Россия мало продвинулась в собственном геополитическом и духовном самоопределении. Страна по-прежнему не только слабо сознает свое место в мировом цивилизационном процессе, но и имеет весьма смутные представления о целях и ориентирах своего дальнейшего развития, о том, какие идеи и ценности могли бы сыграть консолидирующую и мобилизующую роль в построении сильной, динамично развивающейся и социально благополучной России. В результате дважды свершившегося в XX веке радикального разрыва России с собственным прошлым неясным остается сегодня и то, в какой степени ее современное развитие должно опираться на фундамент исторической преемственности, а в какой – следовать критическому переосмыслению пройденного исторического пути.

Современное международное, экономическое и политическое положение России, как и ее общее духовно-нравственное состояние, несет в себе сложные дилеммы и острые противоречия.

В сфере международной политики России фактически застыла на переходе от своего прошлого как *одной из двух супердержав* к своей новой роли – роли *региональной державы* с размытой и нестабильной сферой влияния. Драматизм положения состоит в том, что Россия, по целому ряду стратегических соображений не имея возможности отказаться от роли глобальной державы, по своим ресурсам и возможностям воздействия на решение международных проблем этой роли уже далеко не отвечает. Формируется весьма расточительный и внешне "полноформатный", а на деле совершенно *зависимый характер* внеш-

ней политики России, которой ведущими державами отводится в лучшем случае роль "младшего партнера", в худшем – носителя скрытой несанкционированной угрозы. В результате Россия имеет крайне ограниченные возможности влиять на ход событий не только в мировом масштабе, но и в зонах своих ближайших геополитических интересов.

Россия сегодня не в состоянии отчетливо идентифицировать себя и в культурно-цивилизационном отношении – ни в старой "системе координат" Запад – Восток, ни в контексте новой поляризации между Севером и Югом. Возможности компактной и уверенной интеграции России в региональные объединения и блоки крайне затруднены. С одной стороны, гигантские размеры и периферийность страны, "формат" ее исторического наследства и современных проблем делают нереальной интеграцию России в европейские структуры; с другой стороны, традиционный европеизм российской политики делает ее во многом чуждой цивилизациям Азии.

Вопрос о том, насколько Россия сегодня способна к *интегральной идентификации* себя в качестве самостоятельной цивилизационной сущности, остается открытым. Еще недавно популярный тезис о "евразийском" пути самоопределения России сегодня по многим основаниям терпит кризис. Более осмысленной в перспективе "евразийская" идентичность видится для ряда стран Азии, которые, сохраняя свою цивилизационное лицо, движутся по пути *европеизации* – построения государства и общества в соответствии с европейскими принципами. Для них европеизация во многом тождественна ускоренной *модернизации*. Что "евразийство" содержательно будет означать для России как обращенной к Азии "полу-Европы" и отторгаемой Европой "полу-Азии", до сих пор представляется неясным.

Проблематичной остается "евразийская" идея и в геополитической перспективе, которую многие сценарии мирового развития связывают с тенденцией формирования двух глобальных "мегаблоков" – расширяющейся на восток "Большой Европы" и контролируемого США Азиатско-Тихоокеанского "экономического сообщества" В такой перспективе "евразийская" идея имеет риск стать идеей воплощенной "периферийности" – как со стороны Европы, так и со стороны Тихого океана.

Не менее остра сегодня и дилемма *национально-государственного самоопределения* России. Страна вряд ли может без политических осложнений прибегнуть к *"чистой" этнической или конфессиональной идее* как основе своего национального самоопределения. *Национализм* как государствообразующая идеология, стремительно заполняя возникший после крушения коммунизма "вакуум идентичности", наглядно показал свою разрушительную силу на Балканах и на постсоветском пространстве. России в целом удалось преодолеть деструктивные последствия воинствующего национализма, но его влияние все же проявилось в торможении процесса становления *российской нации* как гражданско-политического сообщества. Понятие *"российская нация"* остается сегодня настолько же неестественным, насколько естественным является представление о французской или британской нации.

Очевидно, что построить национальную идентичность на основе одной только голой политической конструкции не представляется возможным. Однако, возможность придать российской национальной идее сколько-нибудь содержательную *"суперэтническую"* определенность до сих пор остается открытым вопросом. В то время как *имперская идея* сегодня основательно дискредитирована, российский вариант *федеративной идеи* пока что страдает известным юридическим формализмом и не дает ответа на конечный вопрос: *зачем и ради чего населяющим Россию народам необходимо жить вместе*?

Резонно допустить, что российская национальная идея может быть в своей основе только *идеей государственно-исторической* – идеей *совместного исторического пути* народов России и одновременно идеей *государственнической*. Однако, в этом случае национальная идея приобретает явно усеченный, *ретроспективный* характер, не давая рационального ответа на вопрос о целесообразности совместного развития народов России в будущем.

Есть трудности и с *государственно-политическим* истолкованием российской идеи. Гораздо проще было обосновать понятие "новой исторической общности – советского народа", когда всесильное и вездесущее государство отвечало за все и вся,

обещая воплощенное в идее социализма "избранничество" в равной мере каждому народу и каждой национальности – много труднее это сделать сейчас, когда роль государства снижается и стоит задача формирования свободного гражданского общества и свободной личности. Есть риск, что "чистая" государственническая идея станет узкой *корпоративной* идеей самого государства, тормозящей гражданское взросление российского общества.

Эти трудности предопределяют то, что в России к настоящему времени предложено немало версий российской национальной идеи, но практически все они являются *монологическими*, основанными на той или иной этнической, конфессиональной или политико-культурной доминации, а, значит, не обладают достаточным объединительным потенциалом для такого сложного по структуре общества, как российское.

Государственная идея не может охватывать всего содержания российской национальной идеи, но может стать одним из ее *важнейших компонентов*. Приходится, однако, признать, что Российское государство в его нынешнем состоянии вряд ли может считаться идеалом, достойным запечатления на национальных скрижалях. В сегодняшней России далеко еще не решена задача построения не только последовательно демократического, но и *полноценного, нормально функционирующего государства*. Под знаком ее окончательного решения с 2000 года в России проведена серия политических реформ, нацеленных на формирование единой "вертикали" власти, упорядочение системы государственной службы, усиление президентского контроля за состоянием дел на местах. В результате как будто удалось преодолеть тенденцию фрагментации государственно-политического пространства России на "полунезависимые" региональные домены.

Однако, эти реформы совершенно не затронули центральной проблемы оздоровления властно-государственных механизмов России – *предотвращения их фактической стихийной "приватизации"* Стремительно вышедшее из *тоталитаризма* российское общество, по существу, восприняло новые принципы орга-

низации жизни (рынок, свободу предпринимательства) в совершенно прежнем *тотальном духе*, распространив их на все мыслимые сферы управления. За считанные годы идеи демократии были выхолощены до состязания "больших денег" и едва ли не легальной "покупки" парламентских мест. Бюрократизация государственного аппарата, его отчуждение от граждан, профанация выборов, "олигархизация" и коррумпированность российской власти являются прямым следствием такого положения дел, при котором *место чиновника в той или иной сфере или инстанции власти становится его персональным приобретением, его собственным доходным "предприятием"* Построенное на такой основе государство не может в *равной мере* служить своим гражданам, побуждать их уважать законы и сознательно следовать им. Оно превращается в *полулегальную* самодовлеющую "корпорацию", действующую в своих собственных, а не государственно-общественных интересах. В результате, жизнь большинства российских граждан стихийно организуется на такой же полулегальной основе "понятий", а узы, связывающие гражданина и государство, превращаются в формализм, основанный на взаимном лицемерии.

Не менее проблематична попытка видения российской национальной идеи в контексте реализуемого обществом *социального идеала*, поскольку в социальном отношении Россия представляет собой пока что *разделенное, слабо консолидированное общество*. Нет ничего более иллюзорного, чем представление о России как о стране стихийного коллективизма, общинных инстинктов и "соборности" В реальности ситуация такова, что особенности исторического развития России препятствовали складыванию отношений *непринудительной*, сознательно разделяемой гражданами *общественной солидарности*, подлинного коллективизма, который естественно вытекает из фундаментальной общности жизненных интересов и ценностей россиян.

Ослабление государственного контроля при переходе к рынку наглядно выявило общую отсталость и низкие адаптивные возможности российского социума. Создается впечатление, что он может устойчиво существовать лишь в двух полярных со-

стояниях: либо в состоянии *принудительного* "коллективизма", предполагающего полную *подконтрольность* гражданина государству и жесткие ограничения личной свободы, либо в разгуле грубого, агрессивного индивидуализма, совершенно не "окультуренного" началами подлинной *общественности и взаимного уважения граждан*.

Во многом в силу этого при переходе к рынку приватизация и другие способы "первоначального накопления" в России приобрели откровенно циничные и грабительские формы, что предопределило и колоссальную криминализацию экономики, и беспрецедентную социальную поляризацию российского общества. В таком социально расколотом обществе обесцениваются не только сама идея *социальной солидарности*, но и элементарное уважение к человеческой жизни, частной собственности и честному труду. В стране практически не создано условий для формирования обладающего реальной собственностью *массового среднего класса*, способного сцементировать российское общество и стать социальной опорой преобразований. Хроническая бедность, фактическое бесправие, социальная приниженность подавляющей части россиян не позволяет им обрести подлинного человеческого достоинства, выйти из состояния социальной апатии и с уверенностью смотреть в будущее – тем более, считать Россию *социально справедливым государством*, адекватно вознаграждающим труд, знания, талант, служение обществу.

Сегодняшнее состояние российского общества во многом предопределено ситуацией в экономике. При всех положительных сдвигах последних лет, сформировавшуюся в России *модель экономики* трудно считать прогрессивной. Динамику ее развития продолжает определять узкая группа зависимых от мировой конъюнктуры экспортно-ориентированных сырьевых и топливно-энергетических отраслей. Составляющие основу высокой рентабельности этого сектора экономики и расточительно используемые национальные природно-сырьевые ресурсы служат сегодня в основном беспрецедентному обогащению узких групп олигархии, в угоду которым государство блокирует раз-

работку эффективного механизма рентных платежей от эксплуатации этих ресурсов в пользу всего российского общества. Эффективность обрабатывающего сектора экономики как главного фактора формирования полноценного и стабильного внутреннего рынка остается низкой – во многом в силу сохраняющейся низкой покупательной способности населения и недостаточного инвестиционного спроса. Сужение внутреннего спроса на отечественную продукцию делает новый "дефолт" и девальвацию рубля едва ли не единственной возможностью оживления экономики. На фоне низких темпов технологического обновления промышленности основой благополучия многих ее отраслей остается социальный демпинг. В стране делается до крайности мало для восстановления разрушенного за годы ультралиберальных реформ промышленного потенциала и более эффективного и масштабного использования для его развития ценнейшего национального ресурса – наукоемких высоких технологий.

Экономическая и социальная депрессия породила всеобъемлющую и катастрофичную по своим последствиям социальную проблему – *обесценение человеческой жизни*. Рост преступности с посягательствами на жизнь человека, терроризм, техногенные катастрофы, наркомания и алкоголизм, взаимное отчуждение, демографическая депопуляция, кризис семьи, детская беспризорность – все это воссоздает сумеречную атмосферу потерявшего смысловые ориентиры, вырождающегося общества, в которой люди не только начинают обыденно воспринимать насильственную смерть и перманентные угрозы жизни, но и с преступным безразличием относятся к своему здоровью, окружающей среде, благополучию будущих поколений. При этом социальная политика государства пока что способна врачевать лишь симптомы социальных болезней, но не их первопричину, которая лежит в отсутствии *продуманного социального механизма реформ*. Пронизывающий российскую жизнь грубый меркантилизм, расползающийся аморализм, культ наживы, безудержный гедонизм новых "высших классов", катастрофическое опошле-

ние культурной сферы в не меньшей мере характеризуют пустоту и бесцельность новой российской действительности.

Характер и острота проблем, сконцентрированных сегодня в экономике, политике, социальной и культурной сфере России, дает основания определить нынешнее интегральное состояние российского общества как *духовный кризис*. В этих условиях внешний динамизм российской действительности оставляет впечатление бесцельного хождения в лабиринте второстепенных и ничтожных вопросов, заданного какой-то внешней логикой, абсолютно чуждой самому *существу насущных российских проблем*. Именно в таких кризисных ситуациях обществу важно спросить себя, *где истина и путь*, попытаться обрести *идею* своей дальнейшей, уже осмысленной и исполненной высокого значения жизни.

II. Контуры российской национальной идеи

Участники конференции считают, что новая, постсоветская идентичность России и выражающая ее суть *российская национальная* идея, призванная определить стратегию развития страны в XXI веке, должна представлять собой синтез тех экономических и политических приоритетов, социальных и культурных ценностей, духовно-нравственных ориентиров, которые способны объединить российское общество, придать его жизнедеятельности осмысленный характер, направить его энергию на возрождение и прогресс страны.

Национальная идея должна органично связать лучшие исторические традиции России с современными универсальными критериями экономического, социального и культурного прогресса, которые будут определять развитие мировой цивилизации в XXI веке.

Современная постбиполярная система международных отношений, нарастающие темпы экономической и культурной глобализации, формирующийся постиндустриальный вектор эволюции наиболее развитых стран мира представляют собой мировые тенденции, отличающиеся принципиальной новизной и таящие множество непредсказуемых последствий. Россия сталкивается с этими реалиями в крайне сложный для нее пери-

од перехода к новой социально-экономической и политико-институциональной системе, что делает проблему самоопределения страны в изменяющемся мире вдвойне трудной. Вместе с тем, и в новой, формирующейся мировой геополитической и экономической системе у России *есть все шансы занять достойное ее исторического величия место*. Во-первых, на современном этапе России необходимо осознать свою роль в мировом развитии как особой, органически сформировавшейся *цивилизации*, самой своей сущностью призванной внести весомый, а, возможно, и *самый значительный вклад* в сближение цивилизаций Запада и Востока, мирового Севера и мирового Юга и тем самым в разрешение многих универсальных проблем человечества. Во-вторых, Россия может в дальнейшем сохранять свою роль в качестве *одного из важнейших полюсов многополярной системы международных отношений*, только конструктивно осознавая свое сегодняшнее "стратегическое одиночество" и сосредоточивая все свои силы и ресурсы не на амбициозных внешнеполитических инициативах, а на *внутренних задачах* консолидации общества, устроения жизни и укрепления своей обороноспособности. Только *сильная и единая Россия* в перспективе может стать центром интеграционного притяжения для других государств. В-третьих, прежде чем страна, опираясь на свой научно-технологический потенциал, будет способна осуществить "прорыв" в постиндустриальную цивилизацию, ей необходимо сегодня сосредоточиться на решении целого ряда внутренних проблем, проистекающих из незавершенности модернизационных процессов: в области экономики – завершения стадии *неоиндустриальной эволюции* на основе широкого внедрения в промышленное производство высоких технологий; в области социальных отношений – построения гражданского общества и создания основ для формирования массового среднего класса; в области политики – формирования социально ответственного, демократического и правового государства; в области культуры – преодоления глубоких разрывов в культурно-образовательном уровне различных страт населения, восстанов-

ления общезначимых гражданских и духовно-нравственных ценностей.

Содержательно российская национальная идея должна соответствовать таким *социальным идеалам и качествам*, которые видятся не только конечными целями развития общества, но и его *движущими силами* – эффективными средствами преодоления сохраняющихся сегодня главных препятствий и негативных сторон жизни, которые, как показывает исторический опыт, традиционно отбрасывали страну назад, тормозили ее развитие. В этом отношении национальная идея должна отличаться *обновленческим* и *критическим* пафосом.

Культурно-историческое своеобразие российской национальной идеи, ее цивилизационная сущность должны выражаться не столько в конкретных этнических или конфессиональных атрибутах, сколько в узнаваемой, национально-своеобразной конфигурации составляющих ее понятий и положений. Как полиэтничное и поликонфессиональное общество, Россия должна следовать идее правового равенства и равного достоинства всех населяющих ее больших и малых народов, объединяемых понятием "россияне" *Национальный характер* предлагаемой для России стратегии развития в современных условиях не означает каких-либо этнических предпочтений и воплощается в *общероссийской идее нации* как гражданско-политического сообщества всех россиян.

В современных условиях, при всем обилии и остроте накопившихся проблем и "болевых точек" в развитии России, национальная идея, на наш взгляд, может быть лаконично выражена формулой: ***"Просвещение. Гражданственность. Достоинство".***

Идея ***ПРОСВЕЩЕНИЯ*** как мощного процесса духовного обновления российской жизни, построения ее на разумных началах отличается значимыми историческими реминисценциями и глубоким современным смыслом.

Просвещение разума и духа знаменовало собой важнейшие вехи национальной истории России, периоды ее исторических взлетов. Идеей Просвещения, приобщения к высокой культур-

ной традиции определяет историческое значение христианизации Руси и принятия ислама народами Поволжья, Урала и Северного Кавказа.

Просвещение лежало в основе реформ Петра I, открывших собой непрерывную цепь модернизаций как попыток прогрессивного и всестороннего обновления русской жизни. Просвещение – это тот источник силы и достоинства, с помощью которого России удавалось держаться вровень с передовыми государствами Европы. Просвещение – тот единственно важный рациональный остаток, которым завершались многие тяжелейшие испытания и нравственные искания российского народа.

Сегодня идея Просвещения – это идея последовательной и целеустремленной борьбы с бездной отсталости, обскурантизма, бескультурья и неустроенности русской жизни, духовного убожества и мизерности жизненных целей. Просвещение – этот культ знаний, приоритетное развитие науки, образования и высоких технологий как основы решения нынешних задач экономической модернизации и будущего вхождения России в современную постиндустриальную цивилизацию. Просвещение – этот смысл всякой подлинной культуры, нацеленной на воспитание и нравственное совершенствование народа. Идея Просвещения способна выступить одной из цементирующих основ российского общества, отдельные социальные слои которого разделены сегодня, как и в прошлом, огромными культурными дистанциями.

Российская национальная идея в новых условиях должна неизбежно содержать в себе идею ***ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ***. В России, где полицейское, а затем тоталитарное государство традиционно подавляло гражданское общество, идея Гражданственности служила выражением того негласного нравственного кодекса, которым руководствовались лучшие люди страны в своем служении обществу. Обращение к идее Гражданственности как к национальному символу, по существу, означает основательную, но совершенно необходимую критическую инверсию национального исторического опыта.

Приоритет гражданской идеи должен видоизменить взаимоотношения общества и государства, сделав благо рядового российского гражданина *конечной целью и смыслом деятельности* Российского государства. Идея Гражданственности в широком смысле означает неуклонное повышение уровня самоорганизации и самодеятельности российских граждан, складывание основ полноценного гражданского общества, способного эффективно контролировать власть, сообщать верное направление ее действиям. Идея Гражданственности означает также примат закона над бюрократическим произволом.

В современном контексте Гражданственность не сводится только к совокупности гражданских политических прав и свобод, но предполагает ответственность государства за обеспечение *достойных социальных условий* жизни каждому гражданину, предоставление ему *реальных шансов* и *экономических возможностей* достижения материального и культурного благосостояния. Развитая Гражданственность – решающее фактор единения народа и власти, создания таких общественных условий, при которых государство становится для граждан "своим" Традиционный идеал сильного Российского государства в современных условиях немыслим вне идеи Гражданственности.

Идея ***ДОСТОИНСТВА*** – это универсальная идея, значимая в качестве нравственного императива и для отдельно взятого гражданина России, и для государственного деятеля, и для российского народа в целом.

Сегодня Россия – страна уязвленного и дезориентированного национального самосознания. Недостаток самоуважения у россиян – это то, что всегда заставляло цивилизованный мир смотреть на бедствующую Россию не столько с сочувствием, сколько с пренебрежением.

Дефицит чувства национального достоинства пронизывал и пронизывает внешнюю политику России, препятствуя ей в ответственные моменты истории последовательно бороться за национальные интересы и противостоять внешнему диктату.

Трудности трансформационного периода 1990-х гг. породили в российском обществе массовые настроения самоуничижения,

неверия в собственные силы, пренебрежения ко всему, что несет на себе печать национального. Заниженная самооценка своих сил и возможностей становится для России фронтальным препятствием практически во всех сферах созидательной деятельности.

Идея Достоинства – это российский эквивалент национализма как консолидирующей общество и государство силы. Это синоним энергии, упорства, самодисциплины, ответственности, напряженного духовного борения – качеств, которых сегодня недостает россиянам. Достоинство – это то нравственное качество, которое в перспективе должно способствовать гражданской эмансипации россиян и ускорению формирования в стране полноценного гражданского общества. Только обретший Достоинство человек способен по-настоящему бороться за свои права и интересы, как и за интересы своей страны.

Возрожденное национальное достоинство – это, фактически, обновленный и глубоко осознанный *российский патриотизм*, который несводим к слепой преданности государству и который вбирает в себя весь спектр значимых для человека социальных символов его полноценного бытия – семью, род, нацию, Родину. Национальное достоинство – это то, что научит деловых людей России верить в свою страну и доверять ей, работать на ее процветание.

Достоинство – это то, что должно в конечном счете помочь России найти свой собственный, органичный путь к экономическому процветанию и культурному прогрессу, опираясь на собственные труд, интеллект и волю.

Сопредседатели Оргкомитета конференции

Председатель Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам Уральского отделения РАН, академик РАН В.В. Алексеев

Председатель Палаты представителей Законодательного собрания Свердловской области В.В. Якимов

Публикуется впервые

III. Индустриальное наследие*

Уходящая в историю индустриальная цивилизация оставила миру уникальное наследие – оригинальную заводскую архитектуру, бесчисленное множество разных станков и транспортных устройств, железнодорожных вокзалов и морских портов, текстильных фабрик, угольных шахт, металлургических заводов, электростанций и атомных объектов. Всего не перечислишь. Пройдет не так уж много времени, когда они станут восприниматься не с меньшим интересом, чем египетские пирамиды и другие чудеса древнего мира.

Индустриальное наследие сконцентрировало в себе материальные останки величайших научных открытий грандиозной эпохи, которая принципиально изменила условия существования человечества при переходе от традиционного общества к современному. По этим останкам грядущие поколения будут изучать индустриальную цивилизацию, делать выводы теоретического и практического плана, воспитывать на них молодежь. Задача заключается в том, чтобы сохранить их для потомков, а для этого нужны не только политическая воля и материальные ресурсы, но и интеллектуальные усилия инженеров и ученых. На Западе такая работа развернулась давно, постепенно к ней подключается и Россия.

Особый интерес вызывает многовековое индустриальное наследие Урала, которое наглядно и колоритно демонстрирует основополагающие достижения мировой индустриальной цивилизации. Более того, его памятники по ряду причин сохранились лучше, чем многие западные, что требует непременного их включения в мировые каталоги, а для этого нужны добротные научные разработки и активная подготовка общественного мне-

* В связи с тем, что ряд материалов этого раздела переводились сначала с русского языка на английский, а потом снова с английского на русский, возникли заметные стилевые погрешности.

ния. Думается, что патриотизм уральцев, их гордость за свое великое прошлое будут способствовать этому.

Проблемы изучения и сохранения индустриального наследия Урала

Естественной закономерностью в развитии международного движения за сохранение индустриального наследия является то, что у его истоков стояли страны, начавшие индустриальную революцию, прежде всего Англия, Швеция, Германия, Франция. Затем к нему присоединились ближайшие последователи названных стран — Бельгия, Голландия, Дания, Италия и др. Теперь очередь дошла до третьего пояса — ранее слабо развитых в индустриальном отношении государств. Характерно, что некоторые из них, например, Япония и Россия, ныне вышли на уровень мировых индустриальных гигантов. Поэтому с позиций исторического опыта индустриальной цивилизации принципиально важно оценить их место в ее достижениях, принять необходимые меры по сохранению национального индустриального наследия, имеющего как общемировые закономерности, так и уникальные региональные особенности.

Если говорить о России, то ее одним аршином не измерить, да мы пока к этому еще и не готовы в силу неразвитости движения за сохранение индустриального наследия на территории бывшего СССР. В связи с этим целесообразно рассмотреть проблему на примере индустриального сердца страны — Урала. Он является одним из старейших районов металлургического производства на планете. В древности снабжал цветными и черными металлами громадную территорию от Передней Азии до Балкан. В индустриальную эпоху уральский металл сыграл крупную роль в становлении машинного производства не только в России, но и в ряде европейских стран, в частности в Англии в период промышленного переворота.

Велика его роль в серии побед и поражений многоликого XX в. В 30-е гг. на Урале был создан мощный бастион советской индустрии, который сыграл историческую роль в ходе второй мировой войны, как крупный арсенал вооружений держав антигитлеровской коалиции. Только один Магнитогорский метал-

лургический комбинат давал фронту в 1942–1944 гг. 25 % стали и проката, а Ижевский машиностроительный завод поставлял 93% общесоюзного производства винтовок и карабинов. В годы холодной войны на Урале сложился крупнейший в стране атомно-космический комплекс, который в ходе конверсии дает уникальный материал для понимания индустриального наследия второй половины XX в.

Каждая эпоха оставила свои памятники индустриального наследия, многие из которых являются типичными образцами своего времени. Наиболее колоритным для XVIII–XIX вв. является Невьянский металлургический завод, возникший в 1701 г. Он был одним из самых крупных и совершенных предприятий своего времени, продукция которого славилась в Европе. Не случайно через 200 лет в 1901 г. в день первой доменной плавки на этом заводе отмечался юбилей российской металлургии. По этому поводу отчеканили специальную медаль. Лучшим способом отпраздновать приближающийся 300-летний юбилей будет музеефикация завода, от которого остались интересные фрагменты и уникальные чертежи.

Первую половину XX в. олицетворяют Уралмаш и Магнитогорский металлургический комбинат, ставшие символами советской индустриализации. Вторая половина века представлена беспрецедентными по масштабам, сложности и секретности предприятиями атомной промышленности (Свердловск-44, Челябинск-65 и др.), открывающие ныне двери посторонним наблюдателям, в т.ч. и зарубежным..

Таким образом, за столетия промышленного развития Урал прошел путь, аналогичный многим старым промышленным регионам мира, таким как Рур, Эльзас, Лотарингия и др. В общей сложности на его территории находятся тысячи памятников, достойных внимания специалистов в области индустриальной археологии. Среди них не менее сотни уникальных промышленных объектов XVIII—XIX вв. Эти памятники имеют общецивилизационное значение, нуждаются в тщательном изучении, музеефикации, охране и безусловном экспонировании для мировой общественности.

Нельзя сказать, что памятники индустриального наследия Урала не изучались. Первые важные сочинения на эту тему написали их создатели в 30-е гг. XVIII в. Прежде всего,

В.И. Геннин, который по свежим следам своих творений зафиксировал многие принципиальные сведения о горнорудных и металлургических предприятиях, которые не потеряли своей актуальности до наших дней. Современные исследователи активно ими пользуются.

Вторая крупная волна интереса к уральской металлургии проявилась через 200 лет, когда во второй половине 30-х гг. XX в. вышли из печати книги Н.Б. Бакланова и Д. Кашинцева. Они тоже написаны с инженерных позиций, но представляют большой исторический интерес, поскольку содержат важные архивные документы и личные наблюдения специалистов, посетивших старые уральские заводы до их кардинальной перестройки в годы советской реконструкции. В 40–50-е гг. в исследование данной проблемы включились историки Б.Б. Кафенгауз и Н.И. Павленко, а также известный экономист С.Г Струмилин. Хотя их труды посвящены крупным экономическим проблемам, таким как металлургия России в целом и хозяйство Демидовых, там содержится значительный материал по уральским заводам.

В 60–80-е гг. опубликованы оригинальные монографические сочинения Н.С. Алферова и Л.П.Холодовой по промышленной архитектуре Урала, которые впервые подошли к промышленным предприятиям Урала как архитектурным памятникам, их книги содержат огромный фактологический и графический материал об этих памятниках, их создателях и путях сохранения.

В начале 90-х гг. появились первые публикации непосредственно по индустриальной археологии Урала. В них предпринята попытка дать краткий обзор наиболее колоритным памятникам индустриального наследия и наметить пути их изучения. В связи с подготовкой данной конференции издана большая серия работ по конкретным памятникам и большой альбом по всему Уралу. Надеемся, что эти публикации дадут зарубежной общественности представление о том, чем располагает Урал и что так долго скрывалось от иностранных специалистов.

В данной связи хотелось подчеркнуть, что вышеназванные работы выполнены в рамках специальной программы "Индустриальное наследие", которую ведет Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук. Она состоит из двух главных направлений. Первое предусматривает исследование опыта технологического взаимодействия ураль-

ской и мировой промышленности в XVIII–XIX вв. Второе напрямую связано с изучением памятников индустриальной культуры Урала. Признанием важности и результативности этой программы явилось то, что она в 1993 г. получила правительственный грант Комитета фундаментальных исследований России.

Смежно с ней институтом разрабатывается вторая программа, "Социальная организация железоделательного производства в Швеции и России", результатом которой явились два интересных сборника статей. Готовится финальная монография компаративного плана для издания на английском языке. Она содержит богатый материал о памятниках индустриальной культуры. В этом же контексте необходимо упомянуть брошюру С.В. Устьянцева и Е.В. Логунова "Английский технологический опыт и уральские горные заводы XIX века", в которой на новом архивном материале впервые в широком плане прослеживается технологическое взаимодействие европейской и уральской промышленных технологий.

Краткий историографический обзор свидетельствует, что об истории индустриального развития Урала в целом написано много, но специальные исследования по индустриальной археологии только начали появляться. Поэтому перед исследователями и практическими работниками по сохранению индустриального наследия стоят проблемы большой сложности.

Для их решения сохранились уникальные письменные источники и натурные памятники индустриальной культуры. Размеры архивных фондов огромны и практически не поддаются учету. Они хранят малоизведанный кладезь ценнейших материалов. Задача заключается не только в том, чтобы использовать их при написании соответствующих трудов, но и для создания специального банка данных на электронных носителях для более полного и оперативного использования уникальной информации.

Если обратиться к типологии этих материалов, то можно выделить чертежи и планы заводов, их оборудования, проекты отдельных цехов, мастерских, описание технологий, оборудования, последовательности операций, состава сырья, материалов и готовой продукции, рисунки, фотографии. Некоторые из них дошли до нас сложным, а подчас неожиданным путем. Только один из многочисленных примеров. В мае 1946 г. весеннее по-

ловодье размыло плотину Висимо-Уткинского пруда. Была обнаружена прикрепленная к брусу плотины железная цепь с чугунным цилиндром на ее свободном конце. Когда цилиндр вскрыли, то там оказалось еще два, вложенных один в другой — свинцовый и из красной меди. Пространство между ними заполнял толченый древесный уголь. Во внутреннем цилиндре находились документы и чертежи демидовских нижнетагильских заводов 1870-х гг. Их сопровождала следующая записка: "Сведения эти, при будущих перестройках плотины должны показать картину настоящего положения заводов, показать насколько и в чем именно будущее поколение ушло от нас вперед" Как видите, наши предки заботились о сохранности информации для будущих поколений. Мы обязаны это сделать на более высоком современном уровне.

Отличительными особенностями памятников индустриального наследия Урала являются следующие их качества:

1. Многообразие и масштабность.

2. Распространенность практически по всей обжитой территории региона.

3. Наслоение в одном и том же месте различных культурных слоев, характеризующих разные эпохи индустриальной цивилизации, причем нередко зримо переходящие одна в другую.

4. Сохранение до наших дней значительных объемов старой промышленной архитектуры и некоторых действующих раритетных технологий, а также уникальных объектов социально-бытового назначения, связанных с промышленным производством.

5. Наглядная демонстрация конвергенции западно - европейской и российской технологий, убедительное доказательство их принадлежности к единой индустриальной цивилизации европейского типа.

Попытаемся хотя бы вкратце раскрыть эти особенности. Выше уже отмечалось, что индустриальное наследие Урала охватывает все стадии индустриальной цивилизации и стержневые отрасли промышленности: горнодобывающую, металлургию (черную и цветную), машиностроение, энергетическую, производство товаров народного потребления, все виды транспорта (водный, железнодорожный, авиационный, гужевой и автомобильный, трубопроводный)

Наибольший интерес для историка представляет металлургия, которая получила широкое развитие, начиная с XVIII в. В первой половине века на Урале возникло 71 предприятие, из них 33 производили черный металл, а 38 — медь. Во второй половине века построено свыше 100 предприятий. К началу XIX в. Россия по производству черного металла стояла на первом месте в мире, при этом Урал давал 1/5 русского чугуна и железа. Причины столь быстрого развития уральской индустрии объяснялись тремя главными причинами: наличием большого количества высококачественной железной руды, залегающей близко от поверхности; обилием лесных ресурсов, которые к тому времени начали катастрофически сокращаться в металлопроизводящих странах Западной Европы; крупными запасами гидравлической энергии, удачно сочетающей в себе возможности приведения в действие многочисленных заводских механизмов и транспортных средств.

Это обусловило создание крупнейших по своему времени предприятий и отдельных агрегатов. Екатеринбургский завод, построенный в 1723 г., судя по плану 1730 г., имел около 30 отдельных производственных помещений, в т. ч. плотину с водоподводящей системой, приводящей в движение до 50 водяных колес. Часть гидротехнических сооружений сохранилась до наших дней. В свое время Невьянский завод имел одну из самых крупных в мире домен. Ее объем составлял 72 куб. м, высота 9,3 метра. XVIII век оставил уникальные заводские плотины и фундаментальные постройки. В отличие от Европы, где использовались большей частью подливные колеса, на уральских заводах применялись наливные колеса. Они приводили в действие крупные воздуходувные меха домен, кричные молоты, сверлильные станки. По данным на 1807–1809 гг. 26,3 % производственных зданий на Урале были каменными, что свидетельствовало о заметном прогрессе в промышленной архитектуре.

Наслоение в одном и том же месте различных культурных слоев, характеризующих разные эпохи индустриальной цивилизации, особенно рельефно прослеживается на примере Нижне-Тагильского металлургического завода. Он дает наглядное представление об эволюции металлургического производства от мануфактурного до индустриального типа. Это создает благоприятные возможности для изучения и демонстрации основных

этапов технического прогресса в металлургии. Вместе с тем данный объект очень сложен для изучения археологическими методами по причине многочисленных перестроек за два с половиной века его существования. Культурные слои, относящиеся к разным эпохам, сильно перемешаны.

Общая мощность напластований превышает 3 метра. Серьезной методологической проблемой является вопрос о том, какой слой считать балластным, поскольку весь слой здесь культурный, но верхняя его часть является более поздней. Предстоит большая работа по соотнесению археологического и архивного материалов.

Сохранность промышленной архитектуры, раритетных технологий и объектов социально-бытового назначения в значительной степени порождена неоднократными затяжными стагнациями индустриального развития Урала. Можно выделить две наиболее крупные из них. Первая связана с затяжным кризисом уральской экономики в XIX в. под воздействием пережитков феодализма в начале индустриальной революции. Вторая — с перекосами социалистического строительства в советскую эпоху, когда искусственно тормозилось внедрение новых технологий, выделение средств для нового строительства в области соцкультбыта, что вело к консервации отживших форм. С точки зрения технического и социального прогресса это было большим минусом, а с точки зрения сохранности исторических объектов плюсом. Пример первого рода — сохранение едва ли не единственной в мире бессемеровской технологии на Чусовском заводе в Пермской области, на Каслинском заводе производства художественного чугунного литья в Челябинской области. Пример второго рода — многочисленные города-заводы, сохранившиеся по всему Уралу, начиная с феодальных времен и до наших дней. (Невьянск, Нижний Тагил, Алапаевск, Сысерть, Кушва, Златоуст, Кыштым и др.)

Уральское индустриальное наследие является частью европейского и его необходимо рассматривать в контексте мировой индустриальной цивилизации. Примеров тому не счесть. Вот некоторые из них. Известно, что английские купцы и металлурги предприняли первую в России попытку построить доменный завод. Английские мастера Роберт Жартон, Вилим Панкерст и Кристофер Левенфейт в начале XVIII в. сыграли важную роль в

строительстве одного из первых уральских заводов — Каменского. В последующем на Урале работало много немцев, шведов и других европейцев. Очень быстро был применен здесь бессемеровский процесс, буквально через несколько месяцев после его внедрения в Англии. В 1856—1957 гг. такие опыты состоялись на Кушвинском, Нижне-Исетском, Сысертском заводах. Немало позаимствовано у английских мастеров в области применения паровых двигателей на Урале. Из многочисленных данных сам собой напрашивается вывод о том, что проблема технологического взаимодействия промышленности Урала и стран Западной Европы одна из важнейших, но не разработанных. Ее наиболее продуктивное решение возможно при кооперации уральских и западноевропейских ученых.

Из всего вышесказанного очевидно, что уральское индустриальное наследие является частью мирового и требует своего глубокого изучения, сохранения и музеефикации. Если изучение уже началось, то с сохранением, а тем более с музеефикацией дело обстоит гораздо сложнее. Мы имеем всего несколько примеров приступа к музеефикации. Это Нижне-Тагильский музей-завод, Северская домна, Исторический сквер в Екатеринбурге, мемориальные зоны на Мотовилихинском заводе в Перми и на Златоустовском заводе. Остальные ждут своей очереди. Есть опасность, что не дождутся в условиях нынешней конверсии, структурной перестройки экономики и приватизации.

Многое уже погибло безвозвратно. Во время технической реконструкции народного хозяйства в 30-е гг. уничтожен первый промышленный бессемеровский цех Урала на Нижне-Салдинском заводе. В ходе замены древесноугольных домн коксовыми печами первые практически все исчезли. Полностью уничтожено кричное и пудлинговое оборудование. Разрушается промышленная архитектура в результате неумеренной эксплуатации и использования не по прямому назначению. Постепенно искажается облик кричных цехов Верх-Исетского завода, переоборудованных под вспомогательные помещения. То же можно сказать о Северском заводе.

Самое ужасное в том, что разрушению подвергаются объекты, предназначенные для музеефикации, например, мартеновский цех Нижнетагильского завода — один из самых интересных на территории музея-завода. Основная причина — недоста-

ток средств, но надо прямо сказать и о недостатке внимания, а порой и профессионализма в решении принципиальных вопросов сохранения индустриального наследия, которое в нашей стране еще не воспринимается как история. Нет соответствующего законодательства, не созданы специализированные органы защиты, изучения и музеефикации объектов индустриальной культуры. Все это осложняется кризисом экономики, ее структурной перестройкой, приватизацией. Существует реальная опасность утраты значительной части уральского индустриального наследия. Задача нашей конференции заключается в том, чтобы наметить меры по минимизации таких потерь.

Уникальный характер и современное состояние многих объектов индустриальной культуры России с необходимостью требуют реализации масштабной программы инвентаризации, изучения, создания надежной, прежде всего юридической их защиты, конкретных практических мер по сохранению и использованию объектов индустриального наследия. Важнейшим компонентом этой программы должна по нашему мнению стать международная экспертиза индустриального наследия России с участием ведущих зарубежных специалистов, обладающих признанным авторитетом в данной сфере деятельности. Необходимость их участия определяется целым рядом причин:

— наличием тесных взаимосвязей и многовековым взаимодействием русской и западной индустриальных культур, что не позволяет рассматривать их в отрыве друг от друга;

— явным недостатком в России специалистов, владеющих современными методиками выявления и анализа объектов индустриального наследия, приемами и методами индустриальной археологии;

— уникальностью накопленного на Западе опыта изучения и использования памятников индустриальной культуры прошлого и потенциальной возможностью его переноса на российскую почву с учетом специфики российских условий;

— необходимостью обеспечения единства методик описания, фиксации состояния памятников индустриальной культуры на основе критериев, разработанных на Западе в ходе многолетней практики этой работы.

Нам представляется, что осуществление международной экспертизы может идти как по линии непосредственного участия

зарубежных специалистов в работе по выявлению и описанию памятников индустриальной культуры, так и экспертных заключений по документам, представляемым российской стороной и авторитетные международные организации. Мы надеемся на существенную поддержку наших усилий со стороны TICCIH, ИКОМОС, ЮНЕСКО, национальных ассоциаций и комитетов по сохранению индустриального наследия в различных странах, отдельных специалистов в этой области. Мы предлагаем от имени нашей конференции специальное обращение к мировой научной и музейной общественности с просьбой оказать российским ученым и специалистам, впервые приступающим к реализации столь масштабной задачи, необходимой помощи в организации этой работы.

Мы отчетливо понимаем, что решение всего комплекса вопросов по изучению и сохранению индустриального наследия России будет в значительной степени зависеть от понимания и поддержки правительственных структур и исполнительной власти на местах. Необходимо создание специальной федеральной программы не только сохранения, но спасения объектов индустриальной культуры великой индустриальной державы, решение проблемы финансирования крупномасштабных работ по описанию и введению в научный оборот хотя бы самых крупных комплексов индустриального наследия. Требуется коренным образом изменить отношение к индустриальным памятникам, существенно поднять престиж индустриальных объектов в общественном сознании. Именно эти задачи ставит перед собой только что созданная всероссийская общественная организация — Ассоциация по сохранению индустриального наследия с базой в Екатеринбурге, основные направления деятельности которой одобрены TICCIH Board в Копенгагене. Мы полагаем, что при всей сложности современной экономической ситуации в России долг ученых (Российской Академии наук и вузов), музейных работников, представителей правительственных институтов и местной власти состоит в объединении своих усилий, направленных на сохранение уникального достояния индустриальной цивилизации, которым мы располагаем. Нам не простят, если мы не сможем сохранить его для будущих поколений.

В качестве первого шага к созданию федеральной программы мы предлагаем разработать и незамедлительно приступить к реализации ее уменьшенной модели в уральском регионе, представляющем собой индустриальное сердце России и обладающем уникальными комплексами памятников XVIII—XX веков. При условии поддержки наших инициатив по линии исполнительной власти уральских областей, Министерства культуры России, общественных организаций и фондов, в т. ч. и международных, мы имеем реальные шансы в 2–3 года провести основную работу по выявлению, описанию, защите (на основе региональных законов) объектов индустриального наследия, параллельно расширяя это движение до всероссийских масштабов и разрабатывая на основе зарубежного опыта принципы музеефикации выявленных объектов, их перепрофилирования, использования в целях научного и познавательного туризма.

К числу важнейших относится также и проблема подготовки специалистов для работы в сфере изучения и сохранения индустриального наследия России. Существующая система подготовки историков, археологов, музейных работников практически полностью игнорирует специфику индустриального наследия как важнейшей составляющей историко-культурного потенциала страны. В настоящее время мы в контакте с Ironbridge Institute, рядом европейских университетов пытаемся решить проблему подготовки первой группы таких специалистов. Необходимо уже в ближайшее время решить вопрос об открытии в ряде вузов страны специализации по изучению и сохранению индустриального наследия. Базовыми для первого этапа могли бы стать уральские университеты, политехнические и архитектурный институты.

Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российский проблемы. Материалы международной научной конференции TICCIH. Нижний Тагил–Екатеринбург. 8–12 сентября 1993 г. Екатеринбург, 1994. С. 47–56.

Индустриальное наследие Урала – часть мировой культуры

Сегодня в нашем обществе очевиден все возрастающий интерес к памятникам Отечества — к российским духовным и материальным раритетам. Восстанавливаются церкви и монастыри, возрождаются давно забытые ремесла, извлекаются из запасников шедевры живописи, из архивов и спецхранов — рукописи, прежде считавшиеся крамольными. Видимо, на фоне нынешней общей неустроенности жизни все эти явления культуры, принадлежащие далекому прошлому, согревают душу, вселяют надежду. Но есть еще и наше уникальное индустриальное наследие.

Переход к постиндустриальному обществу, структурная перестройка экономики поставили на грань выживания тысячи промышленных предприятий. Многие из них закроются навсегда, исчезнут с лица земли. И есть среди этих тысяч заводов и фабрик такие, которые, создав величие и славу России, по праву являются гордостью цивилизации и принадлежат мировой культуре

Понятия "индустриальное наследие", "индустриальная археология" появились в поле зрения ученых сравнительно недавно, чуть более сорока лет назад, но уже получили вполне определенное место в мировой исторической науке. На российской почве новое научное направление только дает первые всходы. Здесь первенство принадлежит Уралу с его многочисленными памятниками индустриального прошлого. Именно на Урале — в этом древнейшем центре российской промышленности — понимаешь, как важно сохранять и изучать эти ярчайшие свидетельства великой и драматической истории человеческого труда. Пока же, к сожалению, бытует расхожее мнение о том, что индустриальное наследие России не оригинально, да и у народа оно, дескать, не вызывает патриотических и эстетических чувств. И рушатся старые заводские сооружения, имеющие историческую ценность.

А между тем в Западной Европе, США, Канаде, Австралии памятники индустриализации рассматриваются обществом как важнейшая часть национальной материальной культуры. В 1973

году создан специальный Международный комитет по сохранению индустриального наследия (TICCIH). Им разработаны методики, по которым тщательно оберегаются, изучаются, музеефицируются и экспонируются памятники промышленности и техники. Создаются индустриальные парки, например, Айронбридж в Англии, Берслаген в Швеции, Шарле-руа в Бельгии, Эмшер-парк в Германии. Всей этой огромной работой занимаются специально подготовленные люди и большая армия энтузиастов.

Такая деятельность очень и очень поощряется. Ведь нередко выгоднее сохранять старые предприятия, чем их уничтожать, — поскольку и уничтожение требует немалых средств. Здесь же, наоборот, можно получать доход от их использования. Самобытная архитектура, старинное оборудование привлекают толпы туристов. И многие старопромышленные районы Запада, исторически близкие Уралу, преобразуются. По сути на их территории возникает новая инфраструктура.

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН готовится к аналогичной работе на Урале. Уже существует научно-исследовательский проект "Индустриальное наследие Урала", предусматривающий сохранение и использование памятников индустриальной культуры региона. Мы тесно сотрудничаем с Международным комитетом по сохранению индустриального наследия, у нас налажены постоянные контакты с учеными Англии, Франции, Швеции, Бельгии и других стран. Разработки уральских историков опубликованы во многих книгах, докладывались на международных форумах. Весьма представительная по составу российских и зарубежных участников конференция состоялась в сентябре 1993 года в Нижнем Тагиле и Екатеринбурге Она сыграла важную роль в развертывании движения за сохранение индустриального наследия в нашей стране. В ходе конференции было сформировано Российское национальное представительство в TICCIH. Задача в том, чтобы распространить его деятельность на всю Россию.

Предстоит огромная работа. Надо создать законодательство по охране памятников индустриального наследия, организовать подготовку специалистов в этой области, адаптировать зарубежные методики к российским условиям, составить банки дан-

ных о памятниках, начать их систематическое изучение, музеефикацию и экспонирование, наконец, найти варианты современного их использования.

Урал, как известно, — один из старейших на планете районов металлургического производства. В индустриальную эпоху уральский металл активно способствовал становлению машинного производства не только в России, но и в ряде европейских стран. Использовался он и по ту сторону Атлантики, на территории Русской Америки и в США.

Велика была его роль в больших и малых войнах XVIII—XX веков. Уральские пушки и ядра, сабли и палаши помогли русским солдатам разгромить под Полтавой ранее непобедимую шведскую армию. Не меньшее значение уральское оружие имело в Бородинском сражении, а затем в Крымской и первой мировой войнах. А про вторую мировую войну и говорить не приходится. Тогда именно Урал стал главным арсеналом Красной Армии: до 40 процентов военной продукции страна получала с Урала. Здесь изготовлялось две трети советских танков — это превышало все танковое производство фашистской Германии. Тут же выпускалось 93 процента отечественных винтовок и карабинов. В послевоенные 40—50-е годы на Урале создавалась советская атомная и ракетная мощь.

За столетия промышленного развития Урал прошел путь от примитивных "чудских копей" до самых современных индустриальных предприятий. Его судьба напоминает судьбу многих старопромышленных районов мира, таких, как Рур в Германии, Эльзас и Лотарингия во Франции, Аппалачи в США. Его индустриальные памятники нуждаются прежде всего в надежной юридической защите, тщательной музеефикации. Пока же они мало известны, не вошли в мировые каталоги.

Однако нельзя утверждать, что памятники уральской индустрии не изучались вовсе. Первые важные сочинения на эту тему написали сами их создатели еще в 30-е годы XVIII века. Назову только одно имя — уральский первопроходец, сподвижник Петра Великого генерал В.И. де Генин. По свежим следам он зафиксировал многие принципиальные сведения о горнорудных и металлургических предприятиях, сведения, до сих пор не потерявшие своей актуальности. Достаточно много написано и об

истории промышленного освоения Каменного Пояса. Но специальные исследования по индустриальной археологии лишь начинаются. Сохранившиеся материальные памятники индустрии многообразны, масштабны и распространены практически по всей обжитой территории региона; объемы архивных фондов, в которых хранятся ценнейшие документы, огромны.

Сегодня на Урале зарегистрировано свыше ста значительных памятников индустриальной культуры XVIII—XIX веков. Я не говорю здесь о памятниках более ранних эпох, по своему происхождению они относятся к разным периодам, начиная с третьего тысячелетия до новой эры. К примеру, Каргалинские медные рудники в Оренбургской области с перерывами эксплуатировались с середины третьего тысячелетия до новой эры вплоть до середины XIX века. На площади около 200 квадратных километров осталась густая сеть горных выработок. Их историческая ценность в том, что здесь одинаково полно представлены как древние, так и более поздние (особенно XVIII века) разработки. В некоторых из них хорошо сохранились ряды подземных залов и галерей. Этот объект имеет не только историко-познавательное значение, но и производственно-педагогическое, так как является великолепным полигоном для практики студентов горных институтов.

Начальный этап освоения Урала русскими обычно связывают с деятельностью промышленников Строгановых. Они оставили после себя оригинальное индустриальное и архитектурное наследие В родовом имении Строгановых — Усолье-на-Каме — сохранились часовня Спаса-Убраса второй половины XVII века, дом промышленников, построенный в 1727 году, Спасо-Преображенский собор, сооруженный в 1730—1731 годах, и другие оригинальные творения. Часть строений "ушла" на дно водохранилища Камской ГЭС, но, к счастью, сохранился уникальный комплекс деревянных построек Усть-Боровского солеваренного завода, действовавшего в течение столетий и вплоть до 70-х годов нынешнего века.

Вторая волна освоения природных богатств Урала связана с династией Демидовых, которые вписали яркую страницу в историю не только своей родины, но и других стран. Их деятельность развивалась уже в русле технического и культурного про-

гресса Западной Европы, и это дает нам благоприятную возможность проследить взаимодействие двух индустриальных культур — Европы и России.

На территории первой вотчины Демидовых — старого Невьянского завода сохранились памятники первой четверти XVIII века, остатки доменных печей, плотины, господского дома, широко известная Невьянская наклонная башня. Первую доменную печь на Невьянском заводе построили в 1701 году. Через несколько лет была сооружена "Царь-домна" — по тому времени одна из самых крупных в мире. Объем домны составлял 72 кубических метра, а высота — 9,3 метра. В середине XIX века доменный корпус был перестроен и сохранился до сих пор. В XVIII веке завод был крупнейшим и самым передовым в техническом отношении металлургическим предприятием как России, так и Европы. Здесь плавили лучший в мире металл, освоили великолепное чугунное художественное литье, изготовляли оригинальную медную декоративную посуду. Невьянский завод был не только крупнейшим на Урале промышленным центром, но и столицей знаменитого демидовского горного царства, превосходил по числу жителей и архитектурному облику Екатеринбург, Оренбург и другие города.

Очень интересна Невьянская башня, сооруженная примерно в 1725 году и хорошо сохранившаяся. Высота башни — 57,5 метра. Она построена по типу древнерусских многоярусных башен и колоколен, но вместе с тем несет характерные черты российской архитектуры конца XVII века. Строители отмечают любопытное сочетание железочугунных балок, использованных при сооружении башни и ее купола. Применение подобных конструкций — первый опыт и в России, и в Европе. Он был повторен при сооружении куполов знаменитых соборов — Майницкого и Исаакиевского. Использовалась башня в качестве административного здания и дозорной вышки. Ее история — история своеобразного памятника роду Демидовых — обросла многочисленными легендами.

В 1725 году выдал первый чугун Нижне-Тагильский завод. К концу XVIII века на заводе функционировало 26 различных производств. Здесь был построен первый русский паровоз, внедрено много оригинальных технических усовершенствований.

До сего времени сохранились плотина и вешняк, каменная подпорная стенкам, другие объекты XVIII века. А заводская контора, кузнечный цех, железоделательная фабрика, сутуночный цех сооружены уже в первой половине XIX века. Все эти строения наглядно показывают эволюцию уральского металлургического завода, прошедшего путь от мануфактуры до предприятия индустриального типа.

Нижне-Тагильский завод — один из старейших металлургических заводов в мире, его история абсолютно типична для развития металлургического производства. Здесь есть отменные возможности для демонстрации основных этапов технического прогресса в металлургии. Многочисленные натурные экспонаты позволяют проследить полный металлургический цикл — доменное, мартеновское и прокатное производства, а также развитие литейного и механического цехов.

Карьер Высокогорского рудника — это по сути уникальная экспозиция горных работ на разных их этапах (он эксплуатировался более 250 лет). Вместо горы Высокой, два с половиной века "кормившей" заводские домны и мартены превосходной рудой, ныне перед нами огромный карьер глубиной около 300 метров, напоминающий лунный кратер.

С конца 80-х годов нашего века на базе Нижне-Тагильского завода создается музей-заповедник горнозаводского дела Среднего Урала. В заповеднике будет три десятка объектов. Часть из них уже функционирует. Главный объект — сам завод. Его основные экспонаты — доменный цех, мартеновская печь, оборудование прокатного производства, подвижной состав и, наконец, индустриальный парк — выставка крупногабаритных экспонатов металлургического оборудования под открытым небом. Сейчас стоит вопрос об организации индустриально-ландшафтного парка, о возможности привести в действие отдельные механизмы старого завода, чтобы представить этот исторический памятник "живым"

В историко-архитектурный комплекс музея-заповедника входят оригинальные образцы градостроительства на Урале периода русского классицизма. Восстанавливается прилегающий к заводу рабочий поселок. В бывшем господском доме разместилась экспозиция быта и культуры горнозаводского населения, в

доме художников Худояровых — выставка лаковой росписи по металлу, которой украшены тагильские металлические подносы. Принимает гостей и Невьянская наклонная башня.

Колоритную картину представляет индустриальный комплекс Верхне-Кыштымского завода середины XVIII века. Главное место в нем занимает заводская плотина с набором гидротехнических сооружений. Сохранились остатки системы прудов, плотин, каналов, арочного подземного тоннеля, водоотливного канала с затворными механизмами и подпорными стенками. Ждет своих исследователей и реставраторов Белый дом — господская усадьба с садом, фонтаном и сторожевыми башнями, а также Святодуховская церковь на острове — редкий памятник позднего русского барокко. Увы, этот и многие другие уникальные индустриальные комплексы Урала терпеливо ждут своего часа, то есть того момента, когда и они станут в ряд музеев, рассказывающих о становлении и развитии индустрии российского государства.

Отличительная особенность индустриальной истории Урала — тесная связь промышленного строительства с градостроительством. Еще в XVIII веке стали возникать "города-заводы" — те же Невьянск и Нижний Тагил, Алапаевск, Сысерть, Кушва, Златоуст, Баранча. Как правило, они развивались на базе металлургических предприятий. Чаще всего доминантой в городском пейзаже выступал заводской пруд. Основные улицы застраивались преимущественно деревянными домами сельского типа с типичными надворными постройками. Общественные здания и апартаменты заводчиков возводились из камня. Специфика таких поселений определялась территориальным единством с производством, четко выраженным характером занятий населения, что не только накладывало отпечаток на тип застройки, но и формировало социально-бытовой уклад жизни.

Вот как описывал в начале 80-х годов прошлого века типичный горнозаводской пейзаж замечательный писатель, уроженец здешних мест Д.Н. Мамин-Сибиряк: "Старый завод облепил своими бревенчатыми домиками подножие двух высоких гор, которыми заканчивалось одно из бесчисленных разветвлений восточного склона Уральских гор. Небольшая, но очень богатая водой река Старица образует между этими горами красивый

пруд, уходящий своим верховьем верст за пятнадцать, занимая глубокую горную долину, обставленную по бокам довольно высокими горами и дремучим лесом. Около этого пруда столпились главным образом заводские домики, точно все они сейчас только вышли из воды и не успели еще вытянуться в длинные и широкие улицы... Издали вид на Старый завод очень красив: зелень леса, синева неба, пестрота строений — все смешивается в оригинальную картину, которая целиком отражается на блестящей поверхности пруда, особенно рано утром, когда еще ни одна волна не поднята ветром и вдали пруд подернут туманною дымкой. Одна из гор, у подножия которых раскинулся Старый завод, стоит еще наполовину в лесу, от которого на самой горе остался лишь небольшой гребень; эта гора составляет главную силу и источник богатства Старого завода, потому что почти вся состоит из богатейшей железной руды. В настоящее время знаменитая гора представляет из себя что-то вроде громадной цитадели с полуразрушенными бастионами и высоким желтым валом кругом. Под горой стоит несколько высоких труб, вечно дымящихся и по ночам выбрасывающих целые снопы ярких искр: это — преддверие знаменитого рудника, бесчисленными галереями раскинувшегося под землей, на глубине восьмидесяти сажен, точно нора какого-то подземного чудовища. Длинная плотина соединяет обе горы; к ней прислонилась громадная фабрика со множеством черных высоких труб, пять доменных печей и несколько отдельных заводских корпусов, издали смахивающих на казармы. Несколько глубоких и длинных сливов проводят воду из пруда на фабрику, где, повернув бесчисленное множество колес, шестерен и валов, эта живая сила природы, наконец, вырывается из железной пасти чудовища и с глухим рокотом катится далее, разливаясь в зеленых берегах и принимая прежнее название Старицы"

* * *

Так наши предки передавали своим потомкам эстафетную палочку истории. Прошлое не может исчезнуть бесследно, оно прорастает в будущее, потому что связь времен, связь поколений непреходящи.

Наука и жизнь. 1995. №8. С. 22-29.

Уральские металлургические заводы XVIII – XIX вв. как памятники индустриального наследия

Происхождение памятников индустриального наследия Урала датируется от третьего тысячелетия до новой эры вплоть до наших дней. Они имеют принципиальное значение для всей индустриальной цивилизации. Их отличительная особенность в том, что многие включают в себя напластование индустриальных культур XVIII – первой половины XX в., например, Нижне-Тагильский металлургический завод, производивший продукцию с 1725 по 1987 гг.

Уральская металлургия изучалась с разных сторон, прежде всего с позиций ее социальной организации. Эволюция самого металлургического производства исследовалась меньше, практически совсем не применялись к нему методы индустриальной археологии. В задачу данной работы входит анализ уральских металлургических заводов XVIII–XIX вв. как памятников индустриального наследия. Он ведется на основе письменных источников и сохранившихся натурных образцов.

Наиболее ранний объект металлургического производства на Урале — Каргалинские медные рудники в Оренбургской области. Их историческая ценность заключается в том, что здесь одинаково полно представлены как древние, так и более поздние (особенно XVIII в.) разработки. Начиная с 1989 г. там ведутся раскопки силами Уральского Института истории и археологии и Московского института археологии Российской академии наук. Налажено творческое взаимодействие между археологами и историками. Есть основания надеяться, что в ближайшее время они дадут первые ощутимые результаты. Впрочем, объект настолько масштабен, что там хватит работы не на одно поколение индустриальных археологов. Целесообразно организовать международную экспедицию, которая будет представлять крупный интерес для специалистов в области сохранения индустриального наследия.

В период раннего средневековья добыча руды на Урале связывается с чудскими племенами, которые сооружали примитивные шахты, вошедшие в историю под названием "чудских ко-

пей" Эти сооружения не имели деревянных крепей и разрабатывались самыми простыми орудиями, изготовленными из кости, дерева и меди. Добытая железная руда, видимо, переплавлялась тут же у рудников. Но остатки плавильных печей в обычном понимании этого слова пока обнаружить не удалось. Не исключено, что железо плавилось в земляных печах, таких же, как у римлян и древних германцев.

По описанию российского академика П.Палласа, путешествующего по Уралу и Сибири во второй половине XVIII в., такие копи служили ориентирами русским промышленникам в поисках железорудных и медных месторождений. Лучшие рудники были основаны как раз на месте древних копей[1] Однако этот важный вопрос слабо освещен в исторической литературе. Чаще всего констатируются только факты без их глубокой интерпретации на археологическом и архивном материале. Сложилась парадоксальная ситуация, когда древняя металлургия северной Евразии (II тысячелетие до н. э.) изучена куда более основательно[2], чем раннее средневековье. Преодоление такого парадокса возможно методами индустриальной археологии, которая удачно сочетает чисто археологические приемы и архивные разыскания. Это даст возможность глубже понять генезис уральской металлургии и объяснить ее феноменальный взлет на рубеже XVII–XVIII вв.

"Чудская руда", по всей вероятности, попадала русским в XIV–XV вв., но до XVI в. железорудные ископаемые Урала им не были широко известны. Только с его середины торговые люди Строгановы пробуют их использовать. С 1574 г. им было дано разрешение царем Иваном Грозным добывать металлы, но они этим разрешением пользовались мало.

В XVII в. относительно широкое распространение получила кустарная плавка руды по обоим склонам средней части Уральского хребта, где в изобилии встречались на поверхности земли легко плавимые бурые железняки. Остатки мелкого железоделательного производства обнаружены при раскопках около старого Кунгура на р. Ирени на западном Урале и по рекам Нейве и Нице на его восточном склоне, где существовало целое поселение металлургов — Рудная слобода, жители которой издавна

копали руду и варили железо в небольшие домницах — сыродутных горнах[3]

Первым прообразом уральских железоделательных заводов феодальной эпохи стал Ницинский завод, построенный в 1630–1631 гг. Через три года возник Пыскорский медеплавильный завод, а затем целая серия предприятий подобного рода. Они, как правило, располагались непосредственно у мест добычи руды и размещались в простых деревянных постройках типа амбаров. После исчерпания руды легко переносились на новое место, что затрудняет обнаружение остатков таких предприятий в наши дни, хотя потребность в них велика для реконструкции производства и быта того времени. Более того, уральские заводы строились по образцу и подобию тех, что создавались в европейской России, а те в свою очередь возникали под влиянием германских и шведских, что представляет уникальную возможность проследить взаимосвязь технологий.

Наглядное представление о таких предприятиях дает описание Железенского или Далматовского завода, выполненное и 1692 г. монахом Черницыным, который писал: "На Железенке речке монастырский дворец, на дворце строение — изба на месте, перед избою клеть и сени, в подклети же клети закромы хлебные; изба большая поземная, к избе прирублены сени о двух жимях; на углу двора темный хлев и две стаи большие; над ними сарай под драничной крышей. Вне дворца в отставке: кузница с наковальнею, клещами и мехами; домница — плавит железо; в ней две печки с кричными клещами, с тремя поварницами; перед домницей сарай угольной прирубкой, ступа и пест, чтобы после зноя руда толчи; погреб с подпогребицею и на речке Железенке однопоставная мельница"[4] В самом конце XVII в. на этой же рудной базе началось строительство более крупного завода "на иноземный манер" для переплавки руды в чугун. В то время только в одном Кунгурском уезде насчитывалось более 70 аналогичных заводиков, вырабатывающих до 50 пудов железа в год[5]

Подлинный расцвет уральская металлургия получила в XVIII в. Ее прогрессу способствовали благоприятные условия на внутреннем и внешнем рынке. Увеличивающаяся потребность в металле для гражданских и особенно военных нужд России все

время подталкивала к росту его производства в новом железоделательном районе, тогда как старые, расположенные в европейской части страны, в силу ограниченности разведанных запасов руды и сокращения лесных угодий постепенно приходили в упадок. Спрос на внешнем рынке усиливался в связи с развертывающейся промышленной революцией в Западной Европе, особенно в Англии.

Инициатором строительства новых заводов на первых порах выступало государство. В 1701 г. пущен в эксплуатацию Невьянский и Каменский заводы, через два–три года, соответственно, Алапаевский и Уктусский. Невьянский, Каменский и Алапаевский были чугуно-плавильными и железоделательными заводами. Уктусский, кроме того имел медеплавильное производство[6] К этому же времени относится строительство Шувакишского завода в окрестностях нынешнего Екатеринбурга, который вскоре после постройки был сожжен башкирами и больше никогда не восстанавливался. Весной 1992 г. он обнаружен и раскопан екатеринбургскими специалистами в области индустриальной археологии. Открыты уникальные сыродутные горны и другое оборудование, а также образцы продукции в виде кричного железа. Завершение раскопок даст в руки ученых ценную информацию, поскольку завод не имеет напластований последующих эпох, сохранился в первозданном виде.

В общей сложности за первую треть XVIII в. на Урале было построено 33 металлургических предприятия. 13 из них принадлежали казне, 12 — крупным промышленникам Демидовым, 2 — Строгановым, 6 — другим частным владельцам[7] Особенностью заводского строительства во второй четверти XVIII в. было преобладание частных заводов, которых в этот период было сооружено в три раза больше, чем казенных.

Всего на Урале в первой половине XVIII в. было построено 71 предприятие, 33 из них производили черный металл, а 38 — медь. Он занял ведущее положение в горно-металлургической промышленности страны. Если в 1725 г. на Урале было выплавлено 0,6 млн пудов чугуна, то в 1750 г. уже 7,7 млн пудов[8] Во второй половине XVIII в. было построено свыше 100 предприятий, причем только 5 казенных. Казна активно передавала металлургическое производство частным хозяевам, которые эф-

фективней вели дело. В то время как в 1750 г. ей принадлежало 72% всех доменных печей Урала, то в 1800 г. — только 12%[9] В 1800 г. на Урале уже производилось 7,8 млн пудов чугуна и 5,3 млн пудов железа. К началу XIX в. Россия по производству черного металла стояла на первом месте в мире, при этом Урал давал 4/5 русского чугуна и железа.

Причины столь быстрого развития уральской индустрии объяснялись тремя главными причинами: наличием большого количества высококачественной железной руды, залегающей близко от поверхности; обилием лесных ресурсов, которые к тому времени начали катастрофически быстро сокращаться в металлопроизводящих странах Западной Европы; крупными запасами гидравлической энергии, удачно сочетающей в себе возможности приведения в действие многочисленных заводских механизмов и транспортных средств.

Восемнадцатое столетие стало "золотым веком" уральской индустрии. Оно дало 7/10 железоделательных и почти 9/10 всех медеплавильных заводов, возникших в уральском регионе за период двухвекового существования здесь горнозаводской промышленности. Из 116 железоделательных заводов, существующих на Урале к началу XX в. (1900 г.) 82 было основано в XVIII в. Девятнадцатый век внес лишь незначительные изменения в состав железоделательных заводов, зато принципиально изменил медеплавильные. Большинство из них было ликвидировано в XIX столетии, главным образом во второй его половине[10]

XVIII в. оставил уникальные заводские плотины и фундаментальные постройки. В отличие от Европы, где использовались подливные колеса, то есть опущенные в быстротекущую реку, на уральских заводах применялись надливные колеса, на которые вода подводилась через лари — деревянные желоба на сваях, что детерминировалось пересыханием рек летом и замерзанием зимой. Водяные колеса приводили в движение воздуходувные меха домен, кричные молоты, сверлильные станки. Такая плотина летом 1701 г. была построена на Невьянском заводе. Через год ее прорвали внешние воды, но она была восстановлена. Длина плотины составляла 102 сажени, высота 4 сажени. В дальнейшем плотина неоднократно реконструировалась в конце XVIII в., первой половине XIX в., а последний раз — в

конце 1960 — начале 1970-х гг. По рисункам, чертежам, фотографиям доперестроечной плотины можно реконструировать действующий фрагмент гидротехнического устройства XVIII в.

По данным на 1807–1809 гг. из 642 производственных зданий на 60 учтенных заводах 169 были каменными, что составляло 26,3%[11] Из камня возводились прежде всего здания основных цехов. Их остатки проще обнаружить современным исследователям, но труднее изучать, поскольку археологические раскопки крупных объектов требуют больших усилий и средств. Видимо, поэтому к данной эпохе методы индустриальной археологии на Урале практически не применялись, за исключением специфических исследований Д. Кашинцева и Н. Алферова. Первый в 1923–1934 гг. совершил ряд поездок по старым уральским заводам, собрал на местах интересную информацию о них, в том числе иллюстративную, и издал ее в конце 30-х гг.[12] Второй в начале 60-х гг. выпустил любопытную книгу об архитекторах старого Урала, в которой опубликованы планы, рисунки и фотографии ряда старых заводов[13] Иллюстративный материал этих авторов представляет собой большую ценность, поскольку часть отснятых ими объектов позднее была уничтожена.

Наиболее убедительно судить о масштабах самого производства того времени можно по материалам не только Невьянского, но и Екатеринбургского и Нижне-Тагильского заводов. Екатеринбургский завод, построенный в 1723 г., судя по плану 1730 г., имел около 30 отдельных производственных помещений, в т. ч. цеха, склады, плотину с водоподводящей системой, приводящей в движение до 50 водяных колес. Отдельные его фрагменты существуют по сей день, в частности, действующая плотина.

Нижне-Тагильский завод выдал первый чугун в 1725 г. К концу XVIII в. на нем функционировало 26 различных производств. Здесь был построен первый русский паровоз, внедрено много других оригинальных технических усовершенствований. Для индустриальной археологии этот завод интересен не только тем, что это одно из старейших металлургических предприятий мира, но и типичностью пройденного им пути, проявившемся в многослойности планировки заводской территории и находившихся на ней производственных объектов. Это создает благоприятные возможности для изучения и демонстрации основных

этапов технического прогресса в металлургии. Многочисленные натурные экспонаты позволяют проследить полный металлургический цикл, то есть доменное, мартеновское и прокатное, а также литейное и механическое производство. Карьер Высокогорского рудника воссоздает уникальную экспозицию горных работ на разных (домануфактурной, мануфактурной и индустриальной) стадиях добычи руды. Вместе с тем Нижне-Тагильский завод очень сложен для изучения археологическими методами по причине многочисленных перестроек за два с половиной века его существования. Культурные слои, относящиеся к разным периодам, сильно перемешаны. Общая мощность напластований превышает 3 метра.

На Урале есть другие памятники индустриального наследия, менее значимые, чем Нижне-Тагильский металлургический завод, но более удобные для археологических изысканий, например, Верхне-Алапаевский завод. Он пущен в действие в 1779 г. и предназначался для переработки чугуна Нижне-Алапаевского завода в железо. В начале XIX в. располагал следующими сооружениями: плотина земляная, кричная фабрика деревянная, в ней 4 горна и 4 молота, цилиндрическая воздуходувка с четырьмя чугунными мехами, водяных колес — 3. Имелось несколько вспомогательных строений. В 1826 г. при реконструкции производства в Алапаевском горном округе завод был закрыт. Любопытно, что после закрытия завода его площадка никогда не использовалась для хозяйственных целей. Следовательно, при раскопках специалисты будут иметь дело только с остатками зданий и сооружений начала XIX в. Заводская площадка в настоящее время свободна от каких-либо построек, которые могли бы мешать раскопкам, а их проведение облегчается наличием подробных планов завода за 1787 и 1809 гг.[14]

Колоритную картину представляет индустриальный комплекс Верхне-Кыштымского завода середины XVIII в., в который входит заводская плотина с комплексом гидротехнических сооружений. Раскопки и реставрация системы прудов, плотин, каналов, арочного подземного тоннеля, главного водоотводного канала с затворными механизмами и подпорными стенками даст уникальный материал для истории техники и туристического бизнеса. Ждут исследователя и реставратора Белый дом — гос-

подская усадьба в стиле русского классицизма с большим садом, фонтаном и сторожевыми башнями, а также Святодуховская церковь на острове — редкий памятник позднего барроко, являющаяся главной архитектурной доминантой индустриального комплекса.

Существенный интерес с точки зрения реконструкции административных зданий и социальной инфраструктуры представляет Невьянская наклонная башня и господский дом Демидовых. Точная дата сооружения Невьянской башни, имена архитектора и строителей до сих пор не установлены. Датировка колеблется между 1702, 1725, 1741 гг. Предпочтение отдается 1725 г. Высота башни 57,5 м, размеры основания 9,2 м х 9,2 м. Она построена по типу древнерусских многоярусных башен и колоколен, но вместе с тем впитала в себя характерные черты архитектуры России конца XVII в. А в конечном счете является оригинальным памятником архитектуры первой половины XVIII в.

Господский дом Демидовых в Невьянске построен между 1725 и 1741 гг. Он представлял собой два отдельных двухэтажных здания, поставленных под углом друг к другу, и состоял из отдельных секций, каждая из которых перекрывалась четырехскатной крышей с характерным для домов XVII — начала XVIII в. переломом. На коньке дома стоял "гребень из листового железа на ребре" с вырезанными в нем фигурами. На второй этаж вело крыльцо с чугунной лестницей. Перекрытия в доме сводчатые, расписаны фресками в древнерусском стиле. К первоначальным двум объектам господского дома позднее пристраивались другие здания разного служебного назначения. В результате получился своеобразный ансамбль построек, которые образовывали неправильной формы прямоугольный двор. Длина двора 56 саженей, ширина 35 саженей. Он был устлан оригинальными чугунными плитами. Около двора находился огород с садом и оранжереей с заморскими деревьями и травами, а также зверинец. К сожалению, все это творение сгорело в 1890 г. Сохранилась лишь одна из стен и подвальное помещение из кирпича. К счастью, сохранились планы двора, фасадов господского дома и других, построек, что дает возможность реконструкции.

Безусловного внимания заслуживают заводские поселки Урала. Их специфика определялась территориальным единством с производством, четко выраженным характером занятости населения, административной подчиненностью заводовладельцев, что накладывало отпечаток на характер и тип застройки, ее архитектуру, социально-бытовой уклад жизни. В связи с большим консерватизмом в развитии дореволюционного Урала и стагнацией бытовой среды обитания в годы советской власти многие поселения городского типа, например, Алапаевск, Воткинск, Златоуст до сих пор сохранили ярко выраженные черты прошлых эпох и представляют великолепный полигон для индустриальной археологии, способной реконструировать быт металлургов. Первые реконструкции уже проведены в Нижнем Тагиле, где восстановлен "господский дом", образцы домов рабочих и купцов.

Анализ среды обитания уральских металлургов может натолкнуть на очень важные выводы. В данной связи хотелось акцентировать внимание на двух аспектах. Первый касается взаимодействия технического и социального прогресса, причем в прямом понимании смысла этого слова, а не подмены его классовой риторикой, что превалировало последние десятилетия в трудах советских историков. Второй аспект связан с взаимодействием человека и природы. Именно на Урале в "золотой век" его металлургии проявилось столь сильное антропогенное воздействие на природу, как ни в каком другом регионе, по крайней мере, России. В окружности некоторых заводов лес вырубился дочиста. Именно к этой эпохе надо отнести начало глобальной экологической катастрофы, которую ныне переживает регион. Методы индустриальной археологии позволяют проследить это не только на базе письменных источников, но и артефактов. В 30-е гг. Д. Кашинцев наблюдал "живые" свидетельства вторжения металлургов в природу — невыкорчеванные пни под воротами и у заборов столетних домов в Катав-Ивановском и Верхнем Авзяно-Петровском рабочих поселках[15] А о массовых "угольных пожогах" в тайге и говорить не приходится.

Многие уральские заводы строились как крепости. Они обносились палисадами, обваловывались валами, окапывались рвами, сооружались бастионы и другие шансовые сооружения, но

эта сторона проблемы остается в тени многих сочинений по истории уральской металлургии, в то время как без нее не может быть полной и достоверной истории края. Поэтому в задачу индустриальных археологов входит ликвидация данного пробела, что значительно углубит понимание темы.

Примером памятников промышленного наследия Урала, достойных внимания индустриальной археологии, можно привести значительно больше. Ведь на Урале до наших дней сохранилось свыше 100 важных объектов индустриальной культуры XVIII–XIX вв. Главный вопрос в том, как подойти к их сохранению и изучению. Прежде всего необходима паспортизация, строгий и точный учет объектов металлургического производства, сохранившихся до наших дней. Эта работа выполняется силами музейных сотрудников региона под руководством специалистов Академии наук. Существенную роль могут оказать работники отрасли, особенно из числа ветеранов производства. Важное значение имеет выявление старого оборудования, в том числе зарубежного, что принципиально значимо для изучения конвергенции технологий, а также изобразительной продукции разных эпох: планов, чертежей, рисунков, фотографий, которые помогут воссоздать внешний облик предприятий, технологических процессов, социально-бытовых условий жизни рабочих.

Готовится серия рекогносцировочных раскопок с целью выяснения наиболее перспективных объектов индустриального наследия. Помимо традиционных археологических разведок необходимо провести расшифровку аэрофотоснимков, которые помогут вскрыть ушедшие из памяти поколений древние заводы и их инфраструктуру. Непосредственные раскопки помогут прояснить многие принципиальные вопросы истории уральской металлургии, прежде всего, рубежа XVII–XVIII вв., не говоря уже о более ранних эпохах, о которых не отложилось письменных источников или они были утрачены в результате войн, социальных потрясений, стихийных бедствий. Среди конкретных вопросов в данной связи можно назвать начало доменного производства на Урале и использование вододействующих сооружений, транспортные проблемы.

Предстоит провести анализы руд и шлаков старых металлургических предприятий с целью выявления рудных баз и техно-

логий производства. Такая методика отработана в Институте истории и археологии. Для ее совершенствования есть прекрасные возможности в институтах металлургического профиля Уральского отделения РАН.

Индустриальная археология способна внести свой вклад в разработку типологии металлургического производства. Известно, что, несмотря на быстрый рост количества заводов в XVIII в., большинство из них строилось по образцу, введенному в первой четверти века де Генниным. Повторяя друг друга, они мало способствовали техническому прогрессу и постепенно отставали от передовых достижений Запада. Можно надеяться, что археологический материал будет способствовать прояснению вопроса об удельном весе использования уральского металла в гражданских и военных целях. По оценке Н. Бакланова, военное производство брало около 50% всего металла[16], но точных данных на сей счет не существует. Между тем, именно в XVIII в. были заложены прочные основы превращения Урала в мощный военный арсенал на многие века русской истории, что не может не привлекать внимания к этой отечественной проблеме.

К числу важнейших проблем сохранения индустриального наследия Урала относится его музеефикация. Уникальным объектом для этого является Нижне-Тагильский металлургический завод, который представляет историю металлургии XVIII–XX вв. На его территории сохранился целый комплекс памятников истории промышленной архитектуры XIX–XX вв., дающих вместе с частично сохранившимся заводским оборудованием наглядное представление об истории металлургии и об эволюции планировки типичного уральского металлургического завода, прошедшего путь развития от мануфактурного до предприятия индустриального типа.

На этой базе с конца 80-х гг. создается музей-заповедник горнозаводского дела Среднего Урала, в который входят "города-заводы" Нижнего Тагила, Кушвы, Невьянска, Верхней Салды, Алапаевска и ряда других промышленных центров. Всего в музей-заповедник планируется включить 27 объектов, часть из них уже созданы. В его фондах насчитывается более 350 тыс. единиц хранения.

Выбор Нижнетагильского завода определяется не только тем, что это одно из старейших металлургических предприятий мира, но и типичностью пройденного им пути, проявившемся в многослойности планировки заводской территории и находившихся на ней производственных объектов, среди которых немало памятников промышленной архитектуры XVIII — начала XIX вв. Это создает благоприятные условия для демонстрации основных этапов технического прогресса в металлургии. Многочисленные натурные экспонаты дают возможность показать полный металлургический цикл, то есть доменное, мартеновское и прокатное, а также литейное и механическое производство. Карьер Высокогорского рудника позволяет создать уникальную экспозицию горных работ на разных (домануфактурной, мануфактурной и индустриальной) стадиях добычи руды.

В основу планировки музея положен "технологический" принцип, потому что исторически решающую роль в расположении завода играли гидротехнологические сооружения — плотина и водосброс. Они создавали две главные взаимоперпендикулярные планировочные оси: природную вдоль течения реки Тагил и функционально-планировочную вдоль оси плотины. Наиболее энергоемкие производства размещены в непосредственной близости от плотины, то есть там, где напор воды был наиболее сильным. Ниже располагались цехи с оборудованием, требовавшим меньшего напора. Основные производства (доменный цех, молотовая фабрика, кричная и проволочная фабрика) располагаются по обе стороны реки вдоль основного водоподводящего ларя перпендикулярно плотине. Ниже по оси рабочего ларя размещаются вспомогательные производства: литейный двор, кузницы, плющильная фабрика, лесопильная и мучная мельницы.

Основными экспозициями являются: "Доменный цех", "Мартеновская печь", "Оборудование прокатного производства", "Литейное производство", "Энергетическое хозяйство", "Подвижный состав", "Индустриальный парк — выставка крупногабаритных экспонатов металлургического оборудования под открытым небом" В настоящее время прорабатывается вопрос о возможности приведения в действие отдельных механизмов за-

вода для того, чтобы более наглядно представить этот исторический памятник.

В историко-архитектурный комплекс Нижнетагильного завода входят оригинальные черты градостроительной культуры горнозаводского Урала эпохи русского классицизма, которая представлена "заводами-поселками" и "заводами-городами" Воссоздается прилегающий к заводу рабочий поселок. В бывшем господском доме размещается экспозиция быта и культуры горнозаводского населения, в доме художников Худояровых — выставка лаковой росписи и подносного промысла. Развертывается минералогический музей в поселке Мурзинка — центре добычи уральских камней-самоцветов и мемориально-литературный музей известного писателя Мамина-Сибиряка на его родине в поселке Висим. Уже давно принимает посетителей уникальная наклонная башня в г. Невьянске. Следовательно, мы имеем дело с комплексным памятником мирового значения, в котором органически сливаются понятия "памятник истории техники", "памятник промышленной архитектуры", "памятник градостроительства" Он войдет во всесоюзный, а со временем и международный туристический маршрут "Уральское золотое кольцо" или "Каменный пояс"

Первый этап первичной музеефикации в основном выполнен. Второй предусматривает восстановление всего недостающего оборудования и построения ряда принципиально новых экспозиций. Он рассчитан на первую половину 90-х гг. На третьем, более отдаленном этапе, вероятно в пределах 2000 г., музей-завод примет свои законченные очертания.

Уникальность природных ресурсов Урала и их длительная интенсивная эксплуатация породили проблему экологических ландшафтов. Здесь опять-таки как ни в каком другом районе страны огромное количество отработанных карьеров, сведенных лесных площадей, загрязненных водоемов. Масштабы воздействия человека на природу приближаются к геологическим. Взять, к примеру, упоминаемый выше Высокорский карьер, который эксплуатировался более 250 лет. Вместо горы Высокой образовался огромный карьер глубиной более 300 метров, напоминающий лунный пейзаж. Включение его в объект показа Нижнетагильского музея-заповедника оказывает глубокое эмоцио-

нальное воздействие и призывает к защите окружающей среды. Нечто подобное можно наблюдать на Карабашском карьере в Челябинской и Ревдинском карьере в Свердловской областях, да и в других местах на Урале. Правда, последние пока не подготовлены для экспонирования туристам.

Краткий обзор памятников индустриального наследия Урала свидетельствует об их высокой ценности не только в национальном, но и в международном плане. Необходима их всеобщая инвентаризация, оценка, отбор для музеефикации и экспонирования для национальной и зарубежной общественности. Этой цели служит специальная программа "Индустриальное наследие Урала", подготовленная и осуществленная Институтом истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук. Для ее реализации есть благоприятная почва, поскольку замедление технического прогресса в последнее время способствовало сохранению в подлинном виде многих старых промышленных объектов, такого возраста и с таким набором оборудования, в том числе импортного, которого в развитых индустриальных странах почти уже не осталось. Важную роль в этом деле может сыграть международное сотрудничество специалистов по проблемам сохранения индустриального наследия.

Примечания

1. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1770. Ч. 2; 1788. Ч. 3.
2. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Евразии. М., 1989.
3. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С.189.
4. Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М.;Л., 1935. С. 14.
5. Там же. С. 15.
6. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск. 1936. С. 12.
7. История Урала. Пермь, 1963. Т. I. С. 99.
8. История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 272.
9. Там же. С. 272.
10. Сигов С.П. Указ. соч. С. 18.

11. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. Свердловск. 1956.
12. Кашинцев Д. История металлургии Урала. Т. 1. М.;Л., 1939.
13. Алферов Н.С. Зодчие старого Урала. Первая половина XIX в. Свердловск, 1960.
14. ГАСО. Ф. 59. Оп. 12. Д. 7672, 7673; Оп. 15. Д. 63.
15. Кашинцев Д. Указ. соч. С. 75.
16. Бакланов Н. Указ. соч. С. 177.

The Urals Ironworks in the XVIII–XIX Centuries – Monuments of the Industrial Heritage Conservation. Ekaterinburg, 1992. P. 3–16.

Гороблагодатский рудник на Урале – уникальный памятник горной истории

В мировой горной истории особое место занимает Урал с его уникальными природными богатствами и многовековым опытом их использования. Здесь присутствуют практически все минералы: от железной руды до золота и платины, от яшмы и малахита до изумруда. Они разрабатываются с древнейших времен до наших дней, что представляет уникальную возможность в одном и том же месте наблюдать напластование ранних эпох горного дела.

Многие памятники хорошо сохранились, причем по разным, нередко противоположным причинам. В одном случае рудник или шахта забрасывались в связи с выработкой полезных ископаемых и оставались в первозданном состоянии потому, что на данной территории ничего больше не создавалось в силу большого количества свободных площадей. В другом случае горные предприятия работали много веков подряд и продолжают функционировать до наших дней на одном и том же месторождении в связи с его исключительными запасами. Все это представляет редкий шанс для создания колоритных горных музеев в естественных условиях.

Горное дело в России начало интенсивно развиваться со времен первого Российского императора Петра Великого. 10 декаб-

ря 1719 г. он подписал Берг-привилегию, которая сообщала, что "соизволяется всем и каждому дается воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях — искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы: сиречь — золото, сребро, медь, олово, свинец, железо..."[1] Тем самым была узаконена добыча полезных ископаемых по всей империи.

Урал стал национальным центром горнодобывающей промышленности. С начала XVIII в. здесь развернулась активная работа по разведке и добыче полезных ископаемых, прежде всего железной руды. В 1701 г. пущены в эксплуатацию Невьянский и Каменский железоделательные заводы, через три года соответственно Алапаевский и Уктусский. Последний, кроме того, имел медеплавильное производство[2] К тому же времени относится строительство Шувакишского завода в окрестностях нынешнего Екатеринбурга. В течение XVIII в. на Урале в общей сложности было построено не менее 200 горных предприятий. В 1800 г. здесь вырабатывалось 125 тыс. тонн чугуна и 85 тыс. тонн железа. К началу XIX в. Россия по производству черного металла стояла на первом месте в мире, при этом металл давал 4/5 русского чугуна и железа.

Все это вызывает международный интерес к истории горнодобывающей промышленности Урала. Поскольку в одном сообщении нет возможности с должной полнотой раскрыть все проблемы, остановимся только на открытой разработке железной руды, на долю которой здесь приходится 70%, причем коснемся наиболее колоритных ее аспектов. На Урале существовало три всемирно известных громадных горы железной руды: Высокая, Благодать, Магнитная. Сегодня от них не осталось следа, более того на их месте образовались гигантские кратеры, равные по глубине бывшей высоте этих гор. Такое вмешательство человека в природу граничит с масштабами геологических процессов и представляет большой как теоретический, так и практический интерес. Разработка первой горы началась в 20-е гг. XVIII в. и завершилась в 1990 г. Запасы третьей горы разрабатываются с 30-х гг. XX в. до настоящего времени. Наибольший исторический интерес представляет вторая гора — Благодать.

Весной 1735 г. государственный шахтмейстер Ярцев ездил с приказчиком известного уральского промышленника Демидова Мосоловым на сибирскую сторону Уральских гор осматривать железные рудники. Места эти были пустынны, с непроходимыми лесами и посещались только охотниками. На пути они остановились в маленькой деревне Ватиной, где местный житель, вогул по национальности, Степан Чумпин, преподнес им куски магнитной железной руды из горы на берегу р. Кушвы (в 280 км севернее Екатеринбурга). 14 мая Ярцев, как представитель государства, объявил эту руду в Екатеринбургской Канцелярии Главного заводов Правления. В тот же день заявку на ту же руду сделал представитель частного капитала сын Демидова Василий[3]

С этого времени началось долголетнее соперничество за владение рудным местом между государством, частными горнопромышленниками и коренным вогульским населением. Через месяц после этого события на специальном совещании в Екатеринбурге было решено сначала выбрать лучшее место для добычи руды в казну, а затем делать отводы частным лицам. В дальнейшем и рудник, и построенные на его базе заводы неоднократно переходили к частным предпринимателям и обратно, Что касается местного населения — вогулов, то оно не могло конкурировать с мощными государственными и русскими частными структурами. Степану Чумпину было выдано за находку 20 руб. из казны. А его соплеменники, недовольные потерей своего жертвенного места на вершине горы, по преданию сожгли там Степана. Позднее на этом месте ему был установлен памятник.

После осмотра редкой находки начальник уральских и сибирских горных заводов Василий Татищев заявил, что "гора эта сокровище, которое доподлинно можно назвать благодатью Божиею"[4] Ее так и назвали Благодать в честь русской императрицы того времени Анны Иоанновны (Анна по-еврейски значит благодать), что и было утверждено Кабинетом министров.

Профессиональные разведочные работы Гороблагодатского месторождения начались весной 1735 г. штейгером Вейделем с шестью горными учениками. Через три года его работу продолжил бергмейстер Клеопин. Им от вершины горы в четыре сто-

роны до самой подошвы были проведены рвы. Если, пройдя два метра, руды не встречали, то глубже не копали. На концах рвов около подошвы горы выкопали четыре шахты глубиной по 4 метра со дна каждой шахты разведано вглубь большим буром еще на 7 метров. Уже эта первоначальная разведка убедила в огромной массе высококачественной руды. Через сто лет после нее геолог Архипов писал: "Несмотря на многолетний труд рудокопов, положенный у подножия горы Благодати, никто еще не знает, что скрыто под железною рудою и магнитным порфиром[6] А во второй половине XIX в. прочно сформировался вывод: "Скорее истощатся лесные запасы заводской округи, нежели рудные запасы сей горы"[7]

Гора представляла собой горный массив, высотой более тысячи английских футов над уровнем моря, с нее было видно на расстояние свыше 100 километров. Она почти сплошь состояла из магнитного железняка. На северной стороне горы преобладал плотный магнитный железняк, кое-где в соединении с бурым, на юго-восточной стороне он содержал вкрапления красного, в средней части преобладал зернистый магнитный железняк с примесью серного колчедана. В некоторых местах магнитный железняк представлял собой соединение с полевым шпатом и слюдой, иногда содержал в себе охру, встречались прожилки красного железняка с медной зеленью, лазурью, медным и серным колчеданом. Руда располагалась гнездами, весьма богатыми.

Начали разрабатывать гору с поверхности, где содержание руды было самым высоким. Через сто лет вышли на среднее содержание руды, из которой получалось от 50% до 65% чугуна. Добыча производилась разносами и только для разведки богатств горы просекались штольни. Рыхлая руда разрабатывалась кайлами и ломами. Крупные массивы взрывались порохом. Для этого бурились шпуры, в которые засыпался порох с древесными опилками, а иногда с сухим сеном. Один такой заряд отрывал до 8–10 тонн руды. Взорванные глыбы разбивались клиньями и молотами, а затем на тачках отвозились на пожоги. Это делали бригады из десяти человек каждая. Она должна была перевозить ежедневно по 10–12 тонн руды. Ее добыча обыкновенно производилась в зимнее время, а вскрыша балластных пород

— преимущественно летом. Вода мешала работам редко. При сильных и продолжительных дождях выкачивалась из выработок обыкновенными насосами. Подземные воды здесь не встречались вовсе. Единственным препятствием для работы рудника были большие отвалы пустой породы, иногда перемешанные с землистой рудой, или подрудком. Необычное богатство рудника побуждало поначалу презирать мелкую руду, которая в других местах считалась ценной. Позднее се стали использовать в смешении с крупной, что давало выход чугуна до 50%. Такой подход оказался выгодным в связи с экономией на разборке руды и ее обжиге.

Извлеченная из недр руда обжигалась на месте добычи, для чего обычно избиралось пространство от старой выработки, дабы иметь боковую защиту в виде стен, состоящих из горнокаменной породы. Вся территория обжига разделялась на несколько полос с тем, чтобы между ними шел поток воздуха. Для сообщения с атмосферой и вытягивания дыма устанавливались сухие пни, имеющие внутренние пустоты. Крупная руда укладывалась в нижние слои, мелкая — в верхние. В каждый пожог вмещалось от 5 до 10 тонн руды. Процесс шел непрерывно в течение одного-полутора месяцев. Таким путем ежегодно (в 40-е гг. XVIII в.) обжигалось около 30 тыс. тонн благодатской руды. Обожженная руда впоследствии давала более высокий выход чугуна, нежели сырцовая. Высокому качеству металла способствовало присутствие в руде хрома, титана и марганца. За первые сто лет функционирования Гороблагодатского рудника из него было извлечено 1,2 млн тонн руды. Ее себестоимость обходилась по 3–4 коп. за пуд (16 кг).

На базе Гороблагодатского рудника, в пяти километрах от него в 1735 г. был заложен Кушвинский чугуноплавильный завод[9] К концу года построены первые производственные корпуса, амбары и несколько домов для рабочих, из горы Благодать добыты первые 170 кг руды[10] Через четыре года по соседству, на р. Туре, основан второй — Туринский завод[11]

Во второй половине 30-х гг. XVIII в. в управлении Уральской горной промышленности произошли большие изменения. Она перешла под покровительство вызванного из Саксонии временщиком Бироном барона Шенберга, который получил от казны

большой кредит на ее развитие, но от этого мало выиграла. В царствование Елизаветы Петровны горное дело в 1742 г. было возвращено в казну. Вскоре началось расширение Гороблагодатских заводов. В 1749 г. пущен новый Баранчинский завод, в 30 километрах от Кушвинского. Поначалу там действовали только кричные горны и молоты, позднее появились домны[12]

В 1754 г. Гороблагодатские рудники и заводы снова переданы в частные руки на этот раз всемогущего графа Шувалова, который провел дополнительные исследования горы Благодать, в частности, началась разработка легкоплавкой руды из так называемой "графской ямы", в одном километре от основного месторождения. Число мастеровых и крестьян на Шуваловских заводах возросло до 33 тыс. чел. Однако, стремясь получить как можно больше прибыли с наименьшими затратами, управители Шувалова довели заводы до разорения. Поэтому после смерти графа в 1762 г. императрица повелела вернуть рудники и заводы в казну, теперь уже навсегда[13]

Правда, это автоматически не избавило их от прежних бед, поскольку неоднократные изменения в управлении горным делом России в тот период не способствовали его прогрессу. Назначенный в 1796 г. начальником Сибирских и Уральских заводов Никита Ярцев, сын того шихмейстера Сергея Ярцева, который впервые получил информацию о Гороблагодатском месторождении, так оценивал состояние горного округа: управители совершенно не знакомы с делом, Гороблагодатский рудник расстроен, руда самого низкого качества, доменные печи старые и нерациональные, чугуны серые, сернистые, железо красноломкое, заводское хозяйство и отчетность в совершенно запутанном виде.

Начало XIX в. ознаменовалось подъемом Гороблагодатского горного округа. Указом Правительствующего Сената от 16 марта 1801 г. на Урале были утверждены три горных начальства: Екатеринбургское, Пермское и Гороблагодатское. Первым Горным начальником Гороблагодатского округа был назначен Андрей Дерябин, человек очень энергичный и опытный, которому принадлежит главная заслуга восстановления Гороблагодатского рудника и заводов. При нем были открыты залежи бурого железняка в 90 километрах от Кушвы — Балакинский рудник,

долго служивший для выплавки литейных чугунов, необходимых для отливки ядер и бомб. В том же радиусе открыли Ермаковский рудник, руда которого да вала превосходный чугун для отливки разных изделий. В 1812 г. на Баранчинском заводе впервые началось изготовление очень качественного листового железа.

К середине века рудник и заводы были основательно реконструированы. Тогда возникли капитальные заводские корпуса, которые существовали до начала XX в., а некоторые сохранились до наших дней. Механизировались производственные процессы. Из множества оригинальных технических решений хотелось выделить одно. Инженер Рашет выработал новый тип доменных печей для разнообразных сортов руд и флюсов с целью выплавки разных видов чугунов. Печи этого типа (эллиптические), называемые Рашетовскими, получили широкое распространение не только на Урале, но и за границей. В результате названных преобразований гороблагодатское железо и чугун приобрели высокую репутацию как в России, так и далеко за ее пределами. К концу XIX в. металл гороблагодатских заводов не только пользовался широким спросом на рынке, но и вышел на международные выставки. В 1876 г. в Филадельфии он был удостоен бронзовой медали, в 1893 г. в Чикаго — большой бронзовой медали, а на выставке в Париже в 1900 г. получил высшую награду (grand prix).

Объемы выемки гороблагодатской руды нарастали с каждым годом. Если среднегодовая добыча в 1813–1879 гг. составляла 24,4 тыс. тонн, то в 1879–1890 гг. уже 46,5 тыс. тонн, в 1897–1900 гг. — 63 тыс. тонн, а в 1901–1917 гг. — 100 тыс. тонн. Естественно, что для этого требовалось совершенствование способов ее добычи и обработки. Если на протяжении XVIII–XIX в.в., как отмечалось выше, они были самыми примитивными, то в начале XX в. со всей остротой встал вопрос об их радикальном улучшении. 16 июня 1901 г. на горе Благодать вступила в эксплуатацию первая промывочная фабрика для обогащения валунчатых руд. Это был первенец рудообогащения всего Урала. Она была оснащена чашей и тремя буторами, выпускающими четыре сорта руды. Подача сырой руды осуществлялась по наземной канатной дороге, шламы уходили через отстойные за-

граждения (лабиринты) в Кушвинский пруд, на берегу которого располагалась фабрика[17] Однако ее вскоре пришлось закрыть (21 сентября того же года) в связи с опасностью загубить пруд, являющийся единственным водоемом для населения всей округи.

Вскоре (1904 г.) положение было исправлено, когда фабрику перенесли на юго-восточный склон горы с пуском шламовых вод в Салдинское болото. Она имела элеватор из 26 ковшей, чашу с периодической разгрузкой, днище которой представлял грохот с отверстиями 12 миллиметров, горизонтальные грохоты с отверстиями по 3 миллиметра с ручным перемешиванием руды, конические буторы. Общий расход воды составлял около 3 кубических метров в минуту. На ней за сезон работы в две смены перерабатывалось около 60 тыс. тонн сырой руды[18] Так было положено начало обогащению железных руд на Урале.

В 1916 г. разработан проект магнитно-обогатительной фабрики, а на следующий год заключен договор о поставке для нее оборудования из Швеции. В связи с революцией в России осуществление этого проекта затянулось до 1928 г. 1 июня этого года на горе Благодать вступила Е Действие промывочная фабрика, а 12 октября агломерационный комбинат — первый в России, который на многие годы стал не только важнейшим производственным предприятием, но научно-исследовательским полигоном[19] В дальнейшем проведена реконструкция центрального карьера с переводом его на электровозный транспорт и автооткатку, введена в действие крупная шахта "Южная", что сильно повысило роль гороблагодатской руды в металлургической промышленности СССР. В 1932 г. на ее долю приходилось 2,3% от всей рудной базы Советского Союза и 12,3% от Урала[20]

Во второй половине 30-х гг. введена зимняя промывка валунчатых руд. Узкоколейный вагонеточный транспорт заменен ширококолейным паровозным с применением большегрузных думпкаров. Все процессы открытой добычи полностью механизированы[21] Гороблагодатская руда сыграла важную роль в развитии сырьевой базы Урала в годы второй мировой войны. Она воплотилась в танковой броне, автоматах Калашникова и другой военной технике.

В послевоенные годы была проведена реконструкция старых обогатительных фабрик, построены новые. Гора Благодать стала не только крупным поставщиком железорудного сырья и полигоном испытания новой техники, но и самым настоящим музеем открытой разработки руд и их обогащения. В 1954 г. количество обогащенной руды, полученной на горе Благодать, превышало годовую добычу всей руды на Урале в канун первой мировой войны. А добыча за пять лет (1957–1961 гг.) была больше, чем во всей России накануне революции 1917 г.[22]

В дальнейшем по мере исчерпания запасов руды Гороблагодатского рудника и возрастания роли других рудных баз Урала, а также России в целом значение горы Благодать стало падать. В общей сложности за два с половиной века эксплуатации Гороблагодатского рудника здесь добыто 150 млн. тонн высококачественной железной руды. Вместо высокой горы образовывался огромный карьер диаметром в один километр и глубиной до 315 метров. Валунчатая руда, лежавшая когда-то на поверхности горы, имела до 58% чистого железа. Среднее содержание железа в руде, добываемой сегодня, 30%. Добытая руда вывозится из карьера на 40-тонных автосамосвалах и поступает на дробильно-обогатительные фабрики, затем на мокрое магнитное обогащение и спекание. Производительность агломерационного комбината в среднем 2,1 млн. тонн в год[23]

Таким образом, мы имеем уникальный памятник горного дела с многовековой историей. Он интересен с двух сторон: геологической и производственной. Нигде в мире нет больше так называемых "оспенных руд" — ярких пестроокрашенных с редким химическим и минеральным составом. Нечасто встречается такое большое количество руды с высоким содержанием железа. И уж совсем редко бывает так, что в результате многолетних выработок на месте высокой горы образуется глубокий кратер со специфическим лунным пейзажем. Производственная история рудника демонстрирует практически все этапы горного дела с их специфическими методами ведения работ и соответствующей техникой, что имеет несомненный интерес для мировой истории техники.

Гороблагодатский рудник представляет собой колоритный памятник индустриального наследия России, да и всей индуст-

риальной цивилизации. Его изучение и сохранение имеет важное научное и культурное значение. Он может быть включен в европейскую энциклопедию индустриального наследия и должен экспонироваться для мировой общественности, что собственно и происходит от случая к случаю во время визита на Урал различных делегаций. Его музеефикация не представляет больших сложностей, потому что это естественный объект, доступный взору зрителя со специально подготовленной смотровой площадки, расположенной на одном из очень высоких отвалов. К нему ведут хорошие подъездные пути.

С нашей точки зрения памятнику не угрожает опасность уничтожения, как это часто случается с объектами индустриальной археологии. Во-первых, на Урале достаточно свободных площадей и нет надобности на его месте возводить какие-то другие объекты или разворачивать сельскохозяйственные угодья. Во-вторых, такой огромный карьер невозможно уничтожить случайно ни землей, ни водой. В своем дне он имеет специальные глубинные скважины, в которые уходят любые воды. Поэтому там всегда сухо. Единственно, что требуется, так это охранять многочисленные уступы от осыпей и поддерживать элементарный порядок на его территории. При этих условиях он может существовать долго и привлекать внимание как специалистов, так и любителей старины, рядовых туристов.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. № 3464.
2. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 12.
3. Краткий исторический обзор Гороблагодатского горного округа. Составитель В.Д. Вострокнутов. Екатеринбург, 1901. С. 4.
4. Семенов-Тян-Шанский. Россия. Т. 5. Урал и Приуралье. С.-Петербург, 1914.
5. Горный журнал, 1870. Т. 1. № 1. С. 223–227.
6. Там же. С. 240.
7. Там же. С. 249.
8. Там же. 1839. Т. 2. № 6. С. 444, 457.
9. Там же. Т. 1. № 1. С. 56.
10. Краткий исторический обзор..., С. 7.
11. Горный журнал, 1839. Т. 1. № 1. С. 561.
12. Краткий исторический обзор..., С. 8–9.

13. Там же. С. 10.
14. Там же. С. 10–11.
15. Там же. С. 12.
16. Горный журнал, 1946 № 2. С. 38.
17. Козырин К.А. Гороблагодатский горнообогатительный комбинат (исторический обзор). Рукопись, хранящаяся в Кушвинском краеведческом музее. С. 4.
18. Там же. С. 5.
19. Там же. С. 7, 11.
20. Там же. С. 16.
21. Горный журнал, 1946. № 2. С. 38.
22. Козырин К.А. Указ. соч. С. 24.
23. Нестерова З.С. Устьянцев С.В. Заводы горы Благодать. Екатеринбург, 1993. С. 3.

Опыт изучения и использования памятников индустриальной культуры России. Екатеринбург, 1995. С. 19–28.

Индустриальное наследие Урала как выдающийся памятник русской культуры

Русская культура всегда привлекала внимание мирового сообщества. Однако речь шла преимущественно о духовном компоненте. Материальная часть отодвигалась на второй план или вовсе не рассматривалась, что обедняло содержание данного понятия. Между тем, материальная культура содержит в себе огромный духовный потенциал.

Значительный интерес в этом плане представляет промышленное наследие Урала — одного из древнейших районов металлургического производства. В феодальную эпоху на рубеже XVII — XVIII вв. Урал стал превращаться в важнейший центр металлургического производства не только российского, но и европейского масштаба. В течение XVIII в. здесь было построено не менее 200 горных предприятий, а к началу XIX в. производилось 2/3 российского железа и 90% меди. С середины XIX в. уральская индустрия переживала затяжной кризис, но, тем не менее прошла основные стадии капиталистического производства и преуспела в техническом прогрессе. XX век ознаменовался исключительной ролью Урала в мировых войнах, этим обу-

словлены гигантские капиталистические вложения и приток лучших интеллектуальных сил нации, трудом которых создана беспрецедентная по масштабам и высокая по уровню индустриальная культура.

Первые уральские заводы XVII в. строились по образу и подобию предприятий европейской России, а те в свою очередь возникали под влиянием германских и шведских, что дает уникальную возможность проследить взаимовлияние культур, как материальной, так и духовкой, поскольку использовались все лучшие по тому времени достижения трех наций. На сегодня это одна из актуальнейших проблем, решение которой поможет понять принадлежность России к европейской цивилизации на ранних стадиях ее становления.

Последующее развитие уральской металлургии в XVIII в. носило ярко выраженный самобытный характер. Ее масштабы, темпы, техническая оснащенность и качество продукции находились на уровне мировых стандартов того времени. В 30-е гг. XVIII в. среднесуточная производительность тагильских домен достигала 325 пудов чугуна, тогда как на лучших шведских равнялась 261, английских — в среднем 85 пудов чугуна в сутки. В Нижнетагильском горном округе был построен первый русский паровоз и внедрено много других оригинальных технических усовершенствований, за которыми стояли имена многих талантливых инженеров и самоучек из народа. На уральских заводах шла постоянная естественная конвергенция российских и иностранных технологий, опыт которой представляет исключительный интерес в современных условиях как для отечественной, так и для зарубежной технической политики.

Уральская продукция потреблялась не только внутри страны, но и далеко за ее пределами. Она пользовалась особым спросом в Европе, так как из-за дефицита леса в таких странах, как Англия и Швеция, их металлургия переживала кризис, а промышленная революция предъявляла большой спрос на металл. Уральское железо широко использовалось не только в технике, но и в архитектуре (здание английского парламента, собор Парижской богоматери, статуя Свободы в Нью-Йорке).

Его высокое качество порождало даже курьезы. В 1870 г. изношенные демидовские рельсы продавались на лом по цене на

20 % дороже новых английских. Примечательно, что сто лет спустя, не зная этого, советские чиновники выдвинули честолюбивую задачу выхода отечественной продукции на уровень мировых стандартов качества, но не смогли ее выполнить. Из таких "курьезов" не может не вытекать вывод о необходимости изучения культуры уральского производства XVIII—XIX вв.

XX век характерен прежде всего индустриальными памятниками оборонного значения, которые были сооружены на Урале перед и во время двух мировых войн, особенно последней: металлургические и машиностроительные комплексы, химические и непосредственно военные заводы. Они имеют своеобразную архитектуру и оборудование, нередко уникальное.

В годы второй мировой войны только один Магнитогорский металлургический комбинат давал стране 33 % чугуна, 25 % стали и проката, 50 % железной руды и 30 % кокса (1942—1944 гг.), а Ижевский машиностроительный завод поставлял 92,8 % общесоюзного производства винтовок и карабинов. В общей сложности во время войны Урал обеспечивал 40 % всей продукции военной промышленности СССР. Война оставила тяжелое и вместе с тем героическое наследие. Его осмысление с позиции сегодняшних реалий требует самого пристального внимания.

С окончанием "горячей войны" наступила "холодная", в которой Урал стал арсеналом современных вооружений — ядерно-космических. Именно здесь сформировалась главная база атомной промышленности страны. Сюда были привлечены лучшие интеллектуальные силы страны. Они осуществили подлинный прорыв в неизведанное, создали уникальные предприятия, новейшие образцы техники, целые города со своим производством, архитектурой и культурой, особым стилем жизни. Все это требует специального глубокого изучения как с позиции материальной, так и духовной культуры.

Таким образом, последние три века уральской истории подарили миру уникальное индустриальное наследие, которое входит важной составной частью в мировую индустриальную цивилизацию. Особенностью Урала является то, что в одном месте происходит как бы напластование разных эпох, что не часто встречается в других странах. Это дает возможность отнести Урал к эталонным регионам индустриального наследия. Само

же это наследие является не только важной составной частью российской культуры, но и мировой также. Оно требует пристального внимания к своему сохранению. Между тем, современное кризисное состояние экономики ставит под угрозу его существование. Перед культурологами стоит задача национальной важности по спасению уникального индустриального наследия мирового значения.

Российская интеллигенция: XX век. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 23–24 февраля 1994 г. С. 7–9.

Международное значение индустриального наследия Урала

В России традиционно много внимания уделялось сохранению культурного наследия. Создано множество исторических и культурных парков, опубликованы многочисленные научные труды и популярные книги, в том числе и за рубежом. Русскую народную культуру хорошо знают в мире. Но сохранение индустриального наследия – более сложная проблема. С одной стороны, существует мнение, что оно менее самобытно; для людей, трудящихся на заводе, он является лишь местом работы; в отличие от культурных памятников промышленное наследие вызывает меньше патриотических чувств и почти не развивает эстетического чувства. С другой стороны, отставание страны в экономическом развитии не способствовало интересу к промышленному наследию, заботе о его сохранении и дальнейшем использовании в постиндустриальный период.

В настоящее время в условиях радикальной структурной реорганизации экономики и ликвидации устаревших отраслей промышленности, которые очень часто располагались в зданиях оригинальной индустриальной архитектуры, проблема их сохранения для будущих поколений выходит на передний план; однако, это связано с большими финансовыми трудностями, которые сегодня испытывает государство. В стране существует

множество больших промышленных регионов, представляющих интерес с точки зрения индустриальной археологии, но Урал занимает среди них особое место.

Это один из старейших регионов металлургического производства, который снабжал черными и цветными металлами огромную территорию от Передней Азии до Балканского полуострова. На рубеже 17-18 столетий Урал превратился в важнейший центр металлургического производства как в России, так и в Европе; этому способствовало уникальное сочетание геологических, лесных и водных ресурсов. К началу 19 века примерно 2/3 объема производства черных металлов, выпускаемых в России, и 90% меди производились на Урале. Его чугуноплавильные заводы поставляли свою продукцию во многие европейские страны и даже на американский континент. Именно благодаря поставкам металлов из России стала возможной промышленная революция в Англии, стране с высокоразвитой промышленностью.

Во второй половине 19 века, в ходе разработки российских угольных и металлургических ресурсов на юге (в Донбассе) и в условиях наследия крепостного права, Урал стал играть менее важную роль в промышленном мире, но тем не менее сохранил свою значимость. Его роль вновь сильно возросла в 20 веке в связи с двумя мировыми войнами, особенно во время Великой Отечественной Войны, когда регион стал бастионом оборонной промышленности. Это был крупный производитель металлургической и машинной продукции. В 1942-1944 годах только один Магнитогорский металлургический комбинат обеспечивал 33% потребности страны в чугуне, 25% стали и листового железа, 56% железной руды и - 90% кокса. Механический завод в Ижевске производил 92,8% всех выпускавшихся в стране карабинов и винтовок. В целом Урал обеспечивал 40% мощности оборонной промышленности Советского Союза.

После войны промышленный потенциал Урала играл важную роль в процессе развития восточных регионов страны, особенно Сибири, а также в обеспечении стран третьего мира машинным оборудованием. Суровый ветер холодной войны сгустил облака секретности над Уралом и превратил его в самый большой арсенал новейшего оружия. Здесь формировалась советская атомная

и ракетная мощь. Когда начался процесс конверсии и структурной реорганизации экономики региона, некоторые оборонные заводы начали изменять характер выпускаемой продукции. Одни из них стали доступны для посетителей, другие были закрыты. Проблема их сохранения как памятников промышленного наследия стала насущным вопросом.

История промышленного развития Урала насчитывает несколько столетий, и в то же время путь этого развития типичен для многих индустриальных регионов мира, таких как Аппалачи, Лотарингия, Рур, Эльзас и др. Промышленные памятники Урала имеют большое мировое значение с точки зрения их ценности и состояния сохранности; они нуждаются в тщательном исследовании, им необходимо присвоить статус музеев, чтобы сохранить и чтобы мировая общественность могла их увидеть. Пока о них мало кто знает, они даже не занесены в мировой каталог, и зарубежные знатоки промышленного наследия не посещают их. Этот пробел должен быть заполнен в ближайшем будущем.

Целью данной статьи является краткий обзор наиболее ярких памятников, относящихся к промышленному прошлому Урала. Они очень часто упоминаются в исторических работах, но очень редко изучаются именно как памятники, и у нас очень мало опыта их сохранения как памятников, несмотря на тот факт, что 150 лет назад один из первых промышленных музеев в России был открыт на Урале, в Нижнем Тагиле, по инициативе известного промышленника Демидова.

Промышленные памятники Урала относятся к различным историческим периодам, начиная с третьего тысячелетия до нашей эры до настоящего времени. Наиболее древний памятник – каргалинские медные рудники в Оренбургской области, которые разрабатывались с середины третьего тысячелетия до нашей эры вплоть до середины XIX века. Этот объект имеет как информативную функцию, так и образовательную, поскольку является прекрасным объектом для практической работы студентов горных институтов.

Период, когда русские только начали разрабатывать горные месторождения Урала, обычно связывают с семьей Строгановых. Они оставили богатое промышленное и архитектурное на-

следие. Дом Строгановых (построенный в 1724), Спасо-Преображенский Собор (1730-1731) и другие оригинальные здания сохранились в Усолье – родовом поместье Строгановых на реке Кама.

Вторая волна разработки природных ресурсов Урала тесно связана с семьей Демидовых, которые добавили яркую страницу к российской истории и имели непосредственное отношение к техническому и культурному прогрессу в Западной Европе.

На территории первого Демидовского поместья – старого завода в Невьянске (70 км севернее Екатеринбурга) – сохранились уникальные памятники первой четверти 18 века; среди них остатки доменных печей, плотина, дом Демидовых и знаменитая наклонная Невьянская башня. До середины XVIII века этот завод был самым большим и технологически самым развитым горнодобывающим предприятием не только в России, на Урале, но и в Европе. Здесь производили металлы высочайшего мирового качества: чугун, железо, медь; выпускали также декоративную медную утварь и косы, пользовавшиеся большим спросом не только в России, но и в других странах. В то время Невьянск был самым крупным промышленным центром и столицей известной демидовской горной империи, по численности населения он превосходил Екатеринбург, Оренбург и другие города Урала, а его архитектура считалась лучшей в регионе.

С начала XVIII века стали сооружаться большие плотины. В отличие от Европы, где использовались подводные колеса (то есть колеса, погруженные в реку с быстрым течением), на уральских горнодобывающих предприятиях был введен другой тип колеса (по причине того, что летом реки пересыхали, а зимой покрывались льдом): вода, льющаяся на колесо, поступала из специальных резервуаров по деревянным желобам, возведенным на сваях. Водяные колеса приводили в движение воздуходувные мехи домны, кузнечные молоты и буровые механизмы. Плотина того же типа была построена на Невьянском заводе летом 1701 года. Через год она была разрушена наводнением, но потом вновь отстроена. Протяженность плотины составляла 102 сажени, высота - 4 сажени. Впоследствии она несколько раз перестраивалась: в конце 18 века, в первой половине 19 века и, наконец, с конца 1960-х до начала 1970-х годов. Сегодня воз-

можно восстановить рабочие фрагменты гидротехнического оборудования, относящиеся к 18 веку, по чертежам, рисункам, фотографиям.

Наклонная Невьянская башня сохранилась в своем первоначальном виде с 18 века. До сегодняшнего дня не установлены ни точная дата ее возведения, ни имена архитектора и строителей. Время ее строительства колеблется между 1702, 1725 и 1741 годами. Высота башни 57,5 метра, размер фундамента 9,2x9,2 метра. Она построена по образцу древнерусских башен или церковных колоколен, но в то же время вобрала в себя типичные черты русской архитектуры 17 столетия. Башня служила и административным зданием, и сторожевой вышкой. Она стала памятником Демидовым. Ее история представлена в многочисленных трагических и романтических легендах.

С точки зрения воссоздания социальной структуры, существовавшей в 18 веке, дом Демидовых в Невьянске (построенный в 1725-1742 годах) является предметом особого интереса. Дом состоял из двух отдельных двухэтажных строений, стоявших под углом друг к другу. Его составляли отдельные помещения; каждое помещение имело четырехскатную крышу с типичным коньком 17-18 столетия, на котором был "гребень, сделанный из железа" с резными фигурками. Чугунные лестницы вели на второй этаж. Сводчатые потолки в доме были украшены фресками в древнерусском стиле. Позднее к двум первоначальным строениям были добавлены новые помещения. В результате возник оригинальный комплекс, состоявший из различных зданий, образовавших прямоугольный двор неправильной формы, вымощенный железными плитами. Длина двора составляла 56 саженей, ширина 35 саженей. Рядом с двором был огород, фруктовый сад и оранжерея, где росли деревья и цветы из разных стран мира. К сожалению, все сгорело в 1890 году. Сохранились только одна из стен и подвал, сделанные из кирпича, но к счастью существуют планы двора, фасадов хозяйского дома и других зданий, что дает возможность воссоздать их заново.

Со второй половины 18 века Невьянский завод уступил пальму первенства заводу в Нижнем Тагиле (140 км от Екатеринбурга), который также был собственностью Демидовых. Производство чугуна началось 25 декабря 1725 года. К концу 18

века на заводе было 26 различных технологических циклов; было произведено около 1 миллиона пудов чугуна, который затем отправлялся на уральские предприятия передельного производства. Прутковое железо, производившееся в Нижнем Тагиле было хорошо известно в мире. Оно имело специальную марку – "старый соболь" – и экспортировалось во многие промышленно развитые страны Европы. Известные эксперты и изобретатели, выдающиеся ученые и специалисты работали на заводах в нижнетагильском горнодобывающем районе. Здесь были созданы первый российский локомотив и первый прокатный стан с "двойной функцией" В 1875 году впервые в России был введен бессемеровский процесс производства стали.

В настоящее время старый завод имеет международное значение, являясь уникальным памятником истории металлургии 18-20 веков. На его территории сохранен полный комплекс промышленных архитектурных памятников 19-20 веков. Вместе с частично сохранившимся рабочим оборудованием он является типичным представителем истории черной металлургии, прошедшим путь от мануфактуры до промышленного предприятия.

В конце восьмидесятых годов был учрежден парк-музей горнозаводской промышленности на Среднем Урале, включающий такие "города-заводы", как Нижний Тагил, Кушва, Невьянск, Нижняя и Верхняя Салда, Алапаевск и некоторые другие промышленные центры. Всего планируется включить в парк-музей 27 объектов, в связи с чем уже проведена определенная работа. Музейные фонды содержат более 350000 экспонатов.

Выбор нижнетагильского завода в качестве центра паркамузея обусловлен тем, что он является одним из старейших металлургических заводов в мире и в то же время история его развития достаточно типична. На территории завода сохранилось множество зданий и промышленных сооружений, датированных разными историческими периодами. Среди них много промышленных памятников 18-19 веков. В целом это создает благоприятную обстановку для создания выставки, посвященной эволюции технического прогресса в металлургии. Множество подлинных экспонатов дают возможность воспроизвести полный производственный цикл: домна, мартен и прокатный стан, а также литейные работы и механическая обработка. Открытый карьер

Высокогорского рудника дает благоприятную возможность для уникальной демонстрации различных производственных циклов и процесса добычи руды (начиная с кустарного способа производства и заканчивая промышленным).

План музея основан на "технологическом принципе", так как гидротехнические устройства, такие как плотина и специальная установка для подачи воды, сыграли историческую роль в самой планировке завода. Они сформировали две главных перпендикулярных оси: природную (вдоль реки Тагил) и функциональную (вдоль плотины). Самые энергоемкие производственные циклы были расположены рядом с плотиной, где высота напора воды была наибольшей. Ниже располагались мастерские с оборудованием, не нуждавшимся в высоком давлении воды. Главные производственные циклы (домна, кузнечные цеха, кричный горн и т.д.) располагались на обоих берегах реки (вдоль главного рабочего водохранилища) перпендикулярно к плотине. Ниже вдоль этого рабочего водохранилища располагались вспомогательные объекты (литейный двор, кузницы, фальцовочный цех, лесопилка и мукомольная мельница).

Исторический и архитектурный комплекс нижнетагильского завода вобрал в себя местные особенности традиций городского планирования на горнорудном Урале, которые отсылают нас во времена русского классицизма; этот комплекс представлен объектами "завод-поселок", "завод-город" Сейчас рядом с заводом восстанавливается рабочий поселок. Открыта выставка, посвященная укладу жизни людей, проживавших в этом районе в собственных домах. Таким образом, мы имеем дело с комплексом памятников, имеющим мировое значение, такие объекты как "памятник технической истории", "памятник индустриальной архитектуры" и "памятник городского планирования" составляют единое целое. Эти памятники будут включены в туристический маршрут по стране, а со временем и в международный маршрут, под именем "Золотое Кольцо Урала" или "Каменный Пояс"

Из краткого обзора, посвященного памятникам индустриального наследия Урала, становится ясно, что они имеют большую ценность не только с национальной точки зрения, но и с точки зрения международной. Необходимо провести их инвентариза-

цию, определить их ценность и то, какие памятники должны быть сохранены в качестве музеев, где они могут быть представлены для демонстрации российской и мировой публике. Специальная программа "Индустриальное наследие Урала" преследует те же цели. Программа инициирована Институтом истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук. Существуют очень хорошие предпосылки для реализации программы, в основном благодаря тому, что упадок производства, наблюдающийся на протяжении последних нескольких лет, способствовал сохранению многих старых промышленных участков в их первоначальном виде. Они оборудованы такими механизмами, в том числе и зарубежными, которые мы вряд ли найдем в любой другой промышленно высокоразвитой стране. Международное сотрудничество экспертов в плане сохранения индустриального наследия будет чрезвычайно важно.

Industrial Heritage' 92 National Reports. The 8th International Conference on the Conservation of the Industrial Heritage. Madrid, 1992. P.163-167.

Урал – парк – будущее региона?

В Екатеринбурге учреждается Фонд сохранения индустриального наследия Урала. Новая организация является местным представительством Международного комитета по сохранению индустриального наследия, существующим уже несколько десятилетий. Уральский фонд станет первой российской ласточкой в нем, как в свое время стал первым и до сегодняшнего дня единственным членом Международного комитета по сохранению индустриального наследия от России директор Института истории к археологии УрО РАН В. АЛЕКСЕЕВ. С ним и состоялась беседа.

ЗАЩИТА ДЛЯ СТАРЫХ ЗАВОДОВ

— Вениамин Васильевич, когда появился комитет и что послужило толчком к тому?

— Случилось это после второй мировой войны когда многие страны вступили в новую фазу развития. Научно-техническая революция грозила существованию старых производств. Вот тогда научная общественность громко и настойчиво потребовала защиты индустриального наследия. Встала проблема, что же с ним делать? Сохранять? Что именно, как и зачем? А может быть проще разрушить? Вывод был таков: в условиях современной научно-технической революции, охватившей мир есть настоятельная необходимость сберечь индустрию прошлого. Чтобы воспитывать новые поколения, прежде всего молодых специалистов, чтобы показывать образцы техники, предшествующей электронному веку, и третий, возможно, самый главный довод – социальный.

— То есть?

— Старое производство — горнометаллургическое — располагалось в тех районах, которые стали переживать стадию депрессивного развития. Истощались природные ресурсы, добыча их становилась дорогой и непродуктивной. Предприятия закрывались, назревали массовая безработица и социальный взрыв. Вот тогда и родилась идея создания индустриальных парков

— Какая красивая идея, но совершенно нереальная в наших условиях, по-моему.

— Почему же. Мне удалось побывать в таких парках в Англии, Германии, Швеции, Бельгии. Эмшер-парк в Германии — самый характерный. Находится он в крупнейшем индустриальном регионе мира — Руре, который со школы известен дымом, копотью и прочими "прелестями" индустрии. Сегодня Рур иной. Там теперь современное производство, а вместо старого — музеи. В районах Дортмунда, Эссена, Дюссельдорфа многие заводы, шахты, фабрики стали музеями. К примеру, крупный металлургический завод постройки 1952 года, который в 1980 году был признан нерентабельным и выведен из действующих. Одна из азиатских стран хотела перевезти его к себе, но патриотически настроенная общественность воспротивилась, обратилась к правительству. Сегодня это активно посещаемый музей, вызывающий огромный интерес в мире.

Вообще, в Германии развернуто мощное национальное движение за сохранение индустриального прошлого. В него вклю-

чились не только ученые, но и ветераны производства, энтузиасты Мне довелось однажды присутствовать на конференции, где обсуждались эти вопросы профессионалами и любителями. Поразил размах движения. Сотни людей были награждены за участие в нем. Созданы специальные курсы по подготовке людей в области музеефикации.

— Вениамин Васильевич, а кто же все-таки решает, быть заводу-музею или не быть? За кем остается последней слово? Ведь там историческое наследие, по-видимому, в основном находится в частном владении. А ну как хозяин сочтет за благо избавиться от старья?

— Расскажу о фирме профессора Карла Ганзера. В ней двадцать человек, которые проводят экспертизу старых объектов и выдают администрации научно обоснованное заключение о перспективах их использования. Сохранить или снести, исходя из исторической ценности экономической и экологической целесообразности.

— В каких же случаях выгодно сохранить?

— Пожалуйста пример. Бывший крупнейший цинковый завод, земля вокруг которого на метр пропитана вредными отходами. Снести завод-дело само по себе дорогое, а куда девать отравленную землю? Что делать с котлованом? Посчитали и решили благоустроить территорию, привести в порядок цеха и водить сюда туристов, приобретая валюту.

Фирма Ганзера на хозрасчете и получает приличный доход. Без ее заключения никто не имеет права что то сломать или переделать. Таков закон.

— Прекрасный закон.

— Да, закон серьезный и направлен на решительное сохранение наследия. Я жил в уютной гостинице несколько своеобразной архитектуры. Поинтересовался, что здесь было раньше. Оказывается, грязные мастерские по ремонту двигателей. Профессор Ганзер добился, что бы здание сохранили и вот так преобразовали его.

Гостиницы приносят доход, зрелищные залы, под которые модернизируют старые вокзалы — тоже. Везде сервис на очень высоком уровне.

— Коли выводится из действующих так много старых и грязных производств, значит, удается решать проблему не только экологии, культуры, но и природы?

— Конечно. Многие индустриальные парки так и называются: экопарки, экомузеи. В Швеции экомузей Берслаген объединяет семь городов, где начиналось крупное металлургическое производство, широко известное в мире. Наши уральские заводы строились по шведским образцам. Так вот, в музее Берслаген сохранены "работающие" домны, кричные цеха и другие производства. Все музеефицировано в самом лучшем виде. Этот опыт нам бы можно было перенять. В местечке Остербибрюк на заводе XVII века пришлось пережить достаточно острые моменты. Стучат горны, плавится металл - имитация работы, разумеется. Тут же мастеровые, кузнецы. Воспроизведен быт очень тщательно. Само по себе все производит впечатление, погружает в атмосферу прошлого. И последний аккорд: из закутка для отдыха, а работали они по 16—18 часов, до вашего слуха доносится храп, самый настоящий мужской храп спящего человека-куклы. Это надо видеть и слышать! Когда выходишь оттуда, на мир смотришь совсем иными глазами. Впечатление потрясающее, заставляет размышлять о прогрессе и его цене...

— Все это чрезвычайно интересно. Но насколько приемлемо для нас?

— Вот этим и должен заниматься наш фонд; в его задачу входит сохранение и возрождение индустриального наследия, научное исследование и пропаганда его, музеефикация, организация научно-познавательного и коммерческого туризма.

ПРИТЯЖЕНИЕ КРАЯ ОГРОМНО

— Знаете, мы как-то недооцениваем наше наследие, забываем о том, что Урал — уникальный индустриальный регион мира. Еще в далекой древности он снабжал черными и цветными металлами обширную территорию — от Передней Азии до Балкан. Каргалинские медные рудники в Оренбургской области функционировали — подумать только!— с третьего тысячелетия до нашей эры, то есть почти пять тысяч лет шли здесь разработки. Ничего подобного нигде в мире нет. В XVIII веке Урал стал центром металлургического производства европейского масштаба. На уральском металле совершена промышленная рево-

люция в Англии. К началу XIX века он давал 2/3 российского железа и 90% меди.

Какова концентрация! Мощная сырьевая база и огромный технический потенциал. А мы воспринимаем его как какой-то провинциальный район. Ничего подобного. Урал — один из крупнейших промышленных регионов мира и может сравниться разве что с Руром.

А почему мы молчим, что на Урале была создана первая советская атомная бомба, практически сделана межконтинентальная ракета?

Живущие тут, просто обязаны позаботиться о сохранении такого богатого индустриального наследия. Сегодня в связи с различными реорганизациями старым цехам, старой технике, а ее еще немало на иных предприятиях, грозит исчезновение.

— Во все времена именно эти объекты становились первоочередными жертвами. Спасибо музеям, в которых удается сохранить кое-какие машины и механизмы.

— А в Бельгии, узнав, что отслужившая техника у нас идет в переплавку или просто ржавеет за ненадобностью, ахнули. Они большие деньги за нее платят. Для них это реклама, престиж, национальная гордость.

Западные специалисты проявляют большой интерес, высокое уважение к нашему наследию. У них старины сохранилось значительно меньше. Когда на одной из конференций я рассказал об индустриальном Урале, то буквально поверг их шок. Ведь еще недавно Урал был за семью печатями, и они почти ничего не знали о нем.

Кроме того, у нас уникальность наследия заключается еще и в том, что на одной промышленной площадке встречаются объекты XVIII—XIX и XX веков. Такого нет нигде.

В сентябре в Мадриде состоится VIII конгресс Международной ассоциации по сохранению индустриального наследия, куда я приглашен и где должен сделать доклад об исторической значимости уральского индустриального наследия, его современном состоянии и проблемах сохранения. А в следующем году в Нижнем Тагиле предполагается провести международную конференцию по тем же проблемам. Крупные эксперты оценят чем

владеет Урал. Выработаем позиции по совместному изучению и музеефикации.

— Наш архитектурный институт всегда уделял значительное внимание старым заводам. Его первый ректор, член-корреспондент Николай Семенович Алферов, был большим поборником этого дела. Собран солидный материал, готовятся специалисты.

— Мы тесно сотрудничаем с институтом, более того подготовлена совместная программа по сохранению памятников промышленного зодчества. Она находится на рассмотрении в ЮНЕСКО и, как мне известно, вызвала живой интерес не только в этой организации, но и Европейском экономическом сообществе. То есть речь идет о практических шагах.

— Это шаги, так сказать, той стороны. А с нашей что предполагается сделать?

— Первая задача — инвентаризация всего оставшегося. Вторая — дать научную оценку уральского достояния и определить его место в мировом наследии. Для этого не так и много нужно средств.

— Вы как-то упомянули об индустриальной археологии. Такое сочетание применительно к нам я слышу впервые. Эти специалисты есть в вашем институте? Ведь судя по всему, именно им надлежит решать эти задачи.

— Индустриальной археологии в нашей стране нет вообще! На Западе ее определяют как науку, изучающую прошлое индустриального развития, начиная с промышленной революции XVIII века. Сейчас самое время и нам готовить такие кадры. Этим могли бы заняться университет, архитектурный, горный и политехнический институты.

У нас в институте создана группа из молодых ученых – специалистов по индустриальному наследию. Симпозиум в Швеции, прошедший в мае–апреле, показал высокий уровень их квалификации.

Важно не допустить разрушение старины. Мы внесли в областное правительство предложения о сохранении промышленных памятников, их музеефикации.

— Слушаю вас и думаю: неужели еще не появились русские предприниматели, которые захотели сами что-то сделать для родного края?

— Есть такие. Интерес проявляется большой, особенно от патриотически настроенных предпринимателей. Было много звонков нашим специалистам. Но дело в законах – налоги! Вот если бы правительство области внесло изменение — снизило налоги для тех фирм и организаций, которые инвестируют культуру, вот тогда бы вопрос с финансированием памятников стронулся с места.

Мне видится выход Урала из нынешней ситуации не только в структурной перестройке промышленности, но и в изменении парадигмы мышления. Урал уникальный — повторю еще раз — индустриальный край и может стать таким же редкостным туристским краем. Тем более, что он только что открыт для мира, и притяжение его огромно.

Уральский рабочий. 1992. 27 июня.

Индустриальное наследие Евразии

В начале третьего тысячелетия человечество подводит итоги своей деятельности в различных областях. Широко обсуждается и проблема становления промышленной цивилизации, являющейся основой человеческого прогресса и, одновременно, серьезной причиной нарушения равновесия в окружающей среде. В связи с этим все больше внимания привлекают к себе памятники индустриального наследия. Многие из них были детально описаны и тщательно сохраняются для будущих поколений. В этом отношении показателен пример Европы, центра зарождения новой цивилизации, перехода от традиционного общества к индустриальному.

Однако промышленное наследие не ограничивается Европой и Северной Америкой. Оно общепланетарно. Представляется интересным показать, что происходит в крупных промышленно

развитых странах, где в течение веков шло взаимодействие между западными и восточными технологиями. Типичным примером такого взаимодействия является Урал, находящийся на границе Европы и Азии и имеющий много общего со старыми промышленными регионами, такими как Рур в Германии, Эльзас и Лотарингия во Франции, Аппалачи в США. Обратимся к более подробному рассмотрению этого региона, чтобы представить крупнейшие памятники индустриального наследия Евразии.

Урал – один из старейших металлургических регионов планеты. В древности он снабжал цветными и черными металлами огромную территорию от Средней Азии до Балкан. В 17 - 18 веках здесь возникли развитые промышленные центры с различной специализацией, которые имели большое значение не только в национальном, но и мировом масштабе. Изначально регион был обязан своим развитием богатейшим запасам железа, леса и воды. В 18 веке здесь насчитывалось уже около 200 горнозаводских предприятий. В начале 19 века на Урале производилось 2/3 всего российского железа и 90% меди, которая в том числе вывозилась в различные страны Европы и в США. Уральское железо защищало от ненастья здание английского парламента и знаменитый французский Собор Парижской Богоматери. Исследователи установили, что части конструкции статуи Свободы были сделаны из металла, произведенного на Урале. Во время промышленной революции уральский металл способствовал развитию производства оборудования не только в России, но и в Европе, в том числе в Англии.

Урал сыграл большую роль в крупных и малых войнах 18-20 столетий. Пушки и ядра, сабли и штыки, произведенные на Урале, помогли русским солдатам одержать победу под Полтавой над шведскими войсками, считавшимися непобедимыми. Роль уральского оружия была также велика во время наполеоновских войн, в частности, в Бородинском сражении. Во время Первой Мировой войны Урал обеспечивал треть военного производства. Он стал играть еще более важную роль в годы Второй мировой войны. В это время Урал стал главным арсеналом Красной Армии, поставляя 40% вооружения страны, танки, произведенные на Урале, по численности превосходили немецкие. Здесь же

производилось 93% ружей и карабинов. Во время холодной войны ракеты и ядерное оружие также создавались на Урале.

В этом регионе представлены все эпохи индустриального развития. Речь идет о сосуществовании различных слоев, которые позволяют представить преемственность промышленных культур. Благодаря постоянству производства и большому количеству засекреченных военных объектов, многие здания исключительно хорошо сохранились и представляют огромный интерес для специалистов в области промышленной археологии. В настоящее время насчитывается более сотни памятников индустриальной истории 18-19 веков, не считая более древние и более современные памятники.

Все эти памятники представляют периоды производственного развития, начиная с третьего тысячелетия до нашей эры. Так, например, медные шахты Каргалинского месторождения в Оренбургской области использовались начиная с середины третьего тысячелетия до второй половины 19 века. Там до сих пор существует система шахт, занимающая 200 км. кв. с подземными залами и хорошо сохранившимися галереями. Речь идет об уникальных памятниках, которые должны стать объектом научного исследования и охраны, а также представлены широкой общественности, включая иностранцев и туристов, и внесены в список мирового наследия ЮНЕСКО.

Первый период промышленного развития Урала связан прежде всего с деятельностью Строгановых. Эта семья, владевшая многими месторождениями, оставила после себя оригинальную промышленную и гражданскую архитектуру. Среди таких памятников часовня Спасо-Убраса в Усолье-на-Каме, которая датируется второй половиной 17 века, господский дом 1727 года, Спасо-Преображенский собор, построенный в 1730-31 гг. Некоторые строения были скрыты под водой в результате возведения Камской ГЭС. К счастью, многовековой и уникальный деревянный комплекс Устьборовских соляных шахт был сохранен. Он функционировал до 1970 г.

Второй период использования природных ресурсов Урала тесно переплетен с семьей Демидовых. Их деятельность разворачивалась в соответствии с культурой и техническим развити-

ем Западной Европы, во взаимодействии между промышленными культурами Европы и России.

На невьянских рудниках, принадлежавших Демидовым, сохранились памятники, датирующиеся 18 веком: остатки доменных печей, пруд, господский дом, знаменитая наклонная Невьянская башня. Первая доменная печь была построена в 1701 г. Немного позже была создана "Царь - домна", которая была в свое время одной из самых больших в мире. Ее объем составлял 72 м. куб., а высота 9,3 м. Восстановленная в середине 19 века, она сохранилась в своем первозданном виде.

В 1901 г. широко отмечался 200-летний юбилей уральской металлургии, берущей свой отсчет от пуска первой невьянской доменной печи. Сейчас готовятся к новому юбилею, и лучшим подарком при нынешних обстоятельствах могло бы стать создание там музея. В середине 18 века это был крупнейший и современнейший комплекс как в России, так и в Европе. Там добывали лучший металл, производили лучшее литье и оригинально декорированные медные изделия. Невьянск был не только важным промышленным центром всего Урала, но и столицей демидовского горного царства. Он превосходил по численности населения и красоте зданий такие города, как Екатеринбург и Оренбург.

Промышленные здания Нижнего Тагила относятся к старейшим индустриальным постройкам в мире. Их история прекрасно иллюстрирует историю металлургии. Здесь представлены все этапы развития техники. Многочисленные экспозиции позволяют увидеть все циклы производственного процесса: доменную печь, мартеновскую печь, прокатные станы, литейный цех, сборочные цеха.

Высокогорские выработки являются уникальным памятником горнозаводской эпохи. Они действовали более 250 лет. Гора Высокая поставляла в течение двух с половиной веков первичный материал для доменных печей. Там можно также увидеть открытый рудник глубиной 300 метров, напоминающий лунный кратер.

Музей горнозаводской истории Среднего Урала, включающий в себя нижнетагильский горнозаводской комплекс, был создан в конце 80-х гг. XX века. Он должен объединить около

20 памятников, некоторые из которых уже функционируют. Важнейшими объектами являются доменные печи, печи на открытом пространстве, литейный цех и индустриальный парк, в котором представлены машины больших размеров. Сегодня обсуждается вопрос о наилучшей организации этого индустриального парка и о восстановлении некоторых механизмов. Пространство, занимаемое парком, само по себе являет оригинальный пример классического градостроительства на Урале. Сооружения, окружающие рудник, находятся в процессе реставрации. В старинном господском доме находится музей культуры и быта горнозаводского населения. В доме художников Худояровых развернута выставка живописных подносов.

Верхнекыштымский горнозаводской комплекс являет живописную панораму середины 18 века. Он сосредоточен возле плотины, на которой представлены все типы гидравлических сооружений, в том числе ларь, вешняк. Хорошо сохранились стены. "Белый дом" - прекрасный господский дом с садом, фонтаном и караульными башнями еще ждет своего реставратора. Святодуховская церковь, возвышающаяся на острове, является одним из редких памятников позднего русского барокко и также заслуживает реставрации.

Очевидно, что богатство и разнообразие промышленного наследия Урала, его редкость и международная ценность, относительно хорошее состояние делают его привлекательным не только для России, но и для всего мира в целом. Многое было сделано в архитектурном плане. Помимо нижнетагильского промышленного парка, горнозаводские музеи были открыты также в Перми, Каменске и Златоусте. В Екатеринбурге популярным местом для населения является исторический сквер. В городе Полевской была отреставрирована и представлена на обозрение посетителей доменная печь. Однако сложности переходного периода в России, связанные с проведением экономических реформ, сдерживают развитие деятельности, направленной на сохранение уникального уральского наследия.

Российская Академия Наук предпринимает в этом направлении определенные шаги. Научные сотрудники Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук работают в рамках специальной программы "Индустри-

альное наследие Урала" Уже проделана значительная работа. В 1992 году екатеринбуржскими специалистами были обнаружены развалины шувакишского металлургического завода. Построенный в самом начале 18 века, вскоре он был сожжен башкирами и так и не был восстановлен. Поскольку он находится в своем первоначальном состоянии, там можно видеть старые доменные печи и другое оборудование той эпохи.

В последние годы в Челябинской области, на Южном Урале, специалисты отдела Института истории и археологии УрО РАН изучают промышленные здания 18-19 веков. Результатом их исследований стал список, в который были включены более 160 памятников. Некоторые из них уникальны, как, например, комплекс Пороги, промышленные города Касли, Златоуст, Сатка.

Недавно были опубликованы несколько работ. К празднованию 300-летия российской металлургии готовится к выходу энциклопедия "Металлургические заводы Урала", отражающая развитие его металлургии за четыре столетия.

Результаты исследования истории уральской промышленности и ее наследия регулярно представляются в России и за рубежом. В 1993 году в Екатеринбурге и Нижнем Тагиле состоялась важнейшая конференция, кардинальным образом повлиявшая на развитие движения за сохранение промышленного наследия нашей страны. В ходе ее работы было создано российское отделение Международного комитета по сохранению индустриального наследия и были опубликованы ее доклады на русском и английском языках под названием "Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы" Российские представители участвовали в международных конференциях в Брюсселе, Мадриде, Монреале, Солониках. Их выступления пробудили большой интерес новизной темы и результатами исследований, что крайне важно для включения промышленного наследия Урала в мировой контекст.

L'archéologie industrielle en France. №31. Décembre 1997. P.79-80.

Индустриальная культура как предмет компаративного изучения

Представители разных научных школ по-разному определяют главные составляющие общественного прогресса. Одни на первое место ставят экономические факторы, другие – политические, третьи - идеологические. По нашему мнению, движущей силой прогресса является смена технологических способов производства, за которой следуют фундаментальные преобразования в социальной, политической, культурной и других областях.

Замена каменных орудий бронзовыми и появление затем железных привели к изменению условий жизни человека. Человечество переживало и более радикальные изменения, когда за революцией в материалах, из которых были сделаны орудия, последовала революция в источниках энергии, приводящей эти орудия в действие (живая сила человека и животных сначала была заменена силой ветра и водяными двигателями, а затем – паровыми двигателями и электродвигателями).

Оказалось, что сила водяного колеса превышает силу человеческих мускулов по меньшей мере в 30 раз. Водяное колесо вызвало коренные перемены в экономике, явившись энергетической основой феодального производства. Нам хорошо известно, какие изменения в обществе произошли в связи с этим открытием. В свое время водяной двигатель, жестко зависящий от источника энергии, не смог удовлетворять потребности производства, несмотря на усилия, потраченные на его усовершенствование. На пороге было уже новое открытие. В середине 18 века, был создан паровой двигатель. Промышленность приспособилась к нему относительно быстро. Заложив новые основы в энергетике, паровой двигатель внес беспрецедентный вклад в развитие промышленности. Впервые в истории люди получили мощный и относительно мобильный источник энергии, который способствовал быстрому росту производительных сил. Мировое промышленное производство выросло в этом столетии в 125 раз.

Русский академик С.Струмилин подсчитал, что в эпоху каменного века темпы технического прогресса составляли не более 1-2% за 10 тысяч лет, с переходом от каменных орудий к железным - 1% за 100 лет. В феодальный период рост произво-

дительности труда за счет использования водяного двигателя поднял это значение до 8 % за 100 лет. Внедрение парового двигателя в капиталистическую промышленность в 19 веке привело к ежегодному росту темпов технического прогресса в 4%, т.е. в 50 раз больше, чем в феодальный период.

Следующий прорыв в производстве и распределении энергии произошел во второй половине 19 века и был связан с переходом к использованию электроэнергии. Это было связано с выходом производства на новый уровень, когда из-за ограниченных возможностей передачи и невозможности расщепления паровая энергия стала причиной замедления технического процесса, тормозя механизацию и автоматизацию производства. Электрическая энергия с неограниченными возможностями деления, преобразования в любой другой вид энергии и концентрации большой мощности стала универсальным энергетическим ресурсом, основанием для развития производства и возможностью выхода на качественно новый уровень условий жизни. На начальной стадии развития общества доля энергии мускульной силы человека в экономике составляла 100 %, на сегодняшний день она уменьшилась до 1 %. Именно в этом кроется главная причина прогресса и ключ к пониманию феноменальных достижений промышленной цивилизации.

Таким образом, не впадая в энергетический детерминизм, мы можем смело утверждать, что энергетический фактор играет важную роль в историческом процессе, в существенной степени определяет изменения в технологических способах производства, является сначала катализатором технологического, а затем и социального прогресса.

Индустриальная цивилизация, основанная на постоянно возрастающем потреблении энергии, привела к радикальным изменениям на Земле, стандартизировала труд и условия жизни людей независимо от социальной системы государства, религиозных убеждений и моральных устоев населения. Ни одна политическая или религиозная революция не может сравниться с масштабом этих преобразований. Следовательно, изменения технологического способа производства являются основой всех прочих перемен.

Каждое изменение технологического способа производства несет в себе особую культуру. Нас в данном случае интересует культура индустриальная. Индустриальная культура – это определенный вид социально-экономической деятельности, сформированный на рубеже 18-19 веков на основе наемного труда и широкомасштабного механизированного энергоемкого производства, обеспечивающего рынки товаров и услуг товарами массового производства.

Классификация индустриальных культур до сих пор основательно не разработана. Она может основываться на разных принципах. Предварительно можно выделить 3 уровня. Англия, Швеция, Германия и Франция – страны, где зародилась индустриальная революция, представляют первый уровень. За ними во второй группе следуют Бельгия, Голландия, США, Россия и другие европейские государства. Третий уровень связан с подключением к процессу индустриального развития стран Азии, Африки и Латинской Америки. Каждый уровень соответствует определенной эпохе, и индустриальная культура постоянно менялось, в зависимости от времени и национальных особенностей данной страны или области. Таким образом, мы не можем рассматривать индустриальную культуру как нечто неизменное, строго ограниченное. Она может рассматриваться только в динамике, которая, в свою очередь, требует сравнительного анализа как в хронологической, так и в региональной перспективе.

Сравнение развития различных индустриальных регионов мира представляет особый интерес, поскольку дает возможность наблюдать, как процессы одного уровня происходят в разных условиях, особенности и закономерности этих процессов становятся более четкими. В качестве примера таких регионов мы можем назвать Рур в Германии, Эльзас и Лотарингию во Франции, Аппалачи в США, Урал в России. Несмотря на огромные природные, климатические и национальные различия, в своем развитии они шли в одном направлении, что свидетельствует о наличии общих закономерностей в формировании индустриальной культуры. Примерно в одно и тоже время во всех этих странах началось промышленное развитие; они прошли через одни и те же этапы своего развития, взлеты и падения. Они играли схожую геополитическую роль (особенно во времена мировых

войн) и породили похожие экологические проблемы. Существует необходимость в крупномасштабных международных программах, нацеленных на их сравнительный анализ; это крайне важно в переходный период от индустриального к постиндустриальному обществу и имеет огромное значение для сохранения индустриальной культуры.

Сравнительный хронологический анализ также имеет большое значение, т.к. дает нам возможность проследить формирование индустриальной культуры в определенном регионе поэтапно, от одной стадии к другой, а по окончании исследования представить цельную картину. Рассмотрим в качестве наглядного примера Урал.

Зарождение индустриальной культуры Урала связано с глубокой древностью, когда она начала формироваться на базе богатых залежей цветных и черных металлов. На рубеже 17-18 вв. Урал превратился в крупнейший металлургический центр не только российского, но международного масштаба. В 18 веке здесь было основано не менее 200 горнозаводских предприятий. К 19 веку Урал производил 2/3 от всего российского железа и 90% меди. Уральские заводы обеспечивали металлом многие европейские страны и даже американский континент.

Такое быстрое и стремительное развитие промышленности на Урале произошло благодаря трем главным факторам: 1) наличию многочисленных месторождений высококачественной железной руды близкого залегания, 2) огромным запасам леса, которых в то время уже не имела Европа; 3) огромным запасам гидроэнергии, которая могла использоваться как для производственных, так и для транспортных целей.

Следующие черты составляли особенности индустриальной культуры Урала данной эпохи:

специализация на широкомасштабном по тем временам производстве высококачественных цветных и черных металлов;

постоянная конвергенция восточных и западных технологий;

специфическая организация производства на основе горных и металлургических округов;

принудительный труд крепостных;

большая доля военных заказов;

экспорт готовой продукции главным образом за пределы региона и даже страны.

С небольшими изменениями эти характеристики существовали вплоть до начала 20 века, когда в ходе так называемых социалистических реформ уральская индустриальная культура претерпела коренные изменения. Хотя по-прежнему это все еще была культура металла, ее характеристики были дополнены новыми составляющими, главным образом машиностроением, энергетический и химической промышленностью, а во время второй мировой и "холодной" войны - мощной оборонной промышленностью, включая ее атомную и ракетную отрасли. Она приобрела свой законченный вид в качестве военного и промышленного комплекса. Радикальные изменения произошли в сфере социальной организации производства. В отличие от 18-19 вв. она стала контролироваться государством. Горные и металлургические округа были заменены на ведомственный диктат наркоматов, а позднее министерств. Отсутствие свободного обмена рабочей силой и конвергенция технологий приводили к автаркии и гипертрофированной секретности.

Каждая эпоха оставила свои памятники промышленной культуры. Многие из этих памятников типичны для своего времени. Например, Невьянский завод, построенный в 1701 году, является наиболее наглядным примером завода 18-19 века. Он был одним из самых больших и самых перспективных предприятий своего времени. Его продукция была известна во всей Европе. Невьянский завод был не только крупным промышленным центром, но также и столицей знаменитой горнозаводской империи Демидовых. По количеству населения и архитектуре он превосходил такие города, как Екатеринбург, Оренбург и многие другие уральские города.

Уралмаш и Магнитогорский металлургический комбинат, будучи символами советской промышленности, представляют первую половину 20 века. Они демонстрируют широкомасштабное производство, сложное промышленное оборудование и широкие экономические связи не только по стране, но также за ее пределами. Вокруг этих предприятий, как в свое время вокруг заводов Демидовых, образовалась специфическая инфраструк-

тура, которая дает возможность изучать как культуру промышленности, так и быт того времени.

Вторая половина века представлена оборонными предприятиями, которые не имели аналогов по своим размерам, сложности и секретности. В особенности это касается атомной и ракетной промышленности. В рамках этих отраслей оборонной промышленности был организован закрытый производственный цикл для создания атомных бомб. Появились такие же города-заводы, как и в 18 веке (Свердловск-44, Челябинск-40, 65, 75). Однако они очень сильно отличались от своих предшественников по характеру и организации производства. Здесь можно было наблюдать как самые новейшие технологии, так и самые опасные условия жизни и труда, что угрожало не только самим городам, но и прилегающим областям.

Среди уникальных памятников промышленной культуры Урала, являющихся визитной карточкой русской промышленности, а также мировым богатством, созданных индустриальной цивилизацией, есть и те, что являются живым упреком этой цивилизации. Они свидетельствуют о таком влиянии человека на окружающую среду, которое по своим масштабам может быть сравнимо с геологическим. Примером является Высокогорский рудник в пригороде Нижнего Тагила. На протяжении 250 лет непрерывной эксплуатации этого железорудного источника на месте горы Высокая образовался огромный карьер глубиной в 300 метров. Теперь это место напоминает лунный ландшафт. Что-то подобное можно наблюдать на Карабашевском месторождении в Челябинской области и Ревдинском – в Свердловской области, впрочем, как и в других местах. Негативное воздействие промышленной цивилизации на природу на Урале превысило все допустимые нормы.

Отличительной чертой Урала в сравнении с другими российскими и мировыми регионами является то, что на протяжении многих лет промышленного развития мы наблюдаем послойно следы различных эпох, памятники которых сохранились здесь в очень хорошем состоянии. Главной причиной этого был длительный застой в экономике. Первый период застоя ассоциируется с продолжительным кризисом уральской экономики в 19 веке, развившемся под влиянием пережитков крепостного права

в начале промышленной революции. Второй период застоя связан с диспропорциями советского периода, когда внедрение новых технологий и инвестиций в новое строительство и социальную сферу были искусственно прерваны. Таким образом, это привело к сохранению устаревших технологий. С точки зрения социального и технического прогресса это было недостатком, но точки зрения сохранности исторических объектов положительным фактором. Первый пример – это бессемеровская технология, которая просуществовала до современности только лишь на Чусовском заводе в Пермской области, также как и художественное литье на Каслинском заводе в Челябинской области. Многочисленные города-заводы, построенные на Урале, существующие со времен средних веков и до сих пор (Невьянск, Нижний Тагил, Алапаевск, Кушва, Златоуст т.д.) являются примером другого типа.

Промышленная культура Урала требует тщательного и бережного исследования. Такие исследования ведутся в рамках специальной программы под названием "Индустриальное наследие", которая была разработана под руководством Института истории и археологии Уральского отделения РАН. В этой программе два основных направления исследования. Первое направление связано с изучением закономерностей развития промышленной культуры Урала, ее взаимодействия с мировыми индустриальными культурами. Второе направление изучает возможности сохранения памятников промышленной культуры нашего региона.

В ходе осуществления этой программы были получены очень интересные результаты. Они опубликованы во множестве монографий, научных статей и докладов, представленных на российских и международных конференциях. Наиболее значительной их них является международная конференция "Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы" Она проходила на Урале осенью 1993 года. После проведения конференции был опубликован ряд книг, таких как "Индустриальное наследие Урала в фотографиях", в которой представлены оригинальные планы и чертежи, уникальные фотографии памятников промышленной культуры 18-20 веков. В этом контексте следует рассматривать и объемную монографию

"Социальная организация железоделательного производства в Швеции и России", написанную в компаративном ключе совместно уральскими и шведскими учеными. В настоящее время начата работа над публикацией Уральской энциклопедии памятников промышленной культуры.

Все вышесказанное следует рассматривать как начало систематической работы по исследованию и сохранению уникального промышленного наследия Урала. Наряду с российскими учеными иностранные специалисты также могут принять участие в этой работе для проведения перспективного сравнительного исследования, так как, по нашему мнению, это наследие должно рассматриваться в контексте мировой промышленной цивилизации. Настоящая ситуация на Урале и в России в целом создает благоприятные и перспективные условия для работы в данном направлении.

Preservation of the Industrial Heritage – Gdansk Outlook II. International Seminar. Gdansk, 1995. P.15-19.

Гидростанции Сибири – уникальные памятники энергетической революции XX века

В истории взаимодействия человека с природой выделяются три формы присвоения ее продуктов. Вначале человек присваивал готовый продукт, затем материалы и, наконец, энергию. Уже в процессе присвоения готового продукта люди, как и животные, расходовали какую-то часть биологической энергии, главным образом, в виде движения. Позднее, с начала изготовления орудий, затраты этой энергии увеличивались, вырос ее коэффициент полезного действия. Однако, развитие общества пока детерминировалось не количеством потребляемой энергии, а видом используемых материалов. Отсюда деление древней истории на каменный, бронзовый, железный века.

В дальнейшем определяющим стал вид применяемой энергии: водная, ветряная, паровая, электрическая, внутриядерная. Переход от одной доминанты к другой осуществлялся длительный период времени и не имел четко выраженных границ. Если классификация исторических эпох по видам применяемых материалов осуществлена четко, то классификации по видам используемой энергии нет, между тем как прогресс общества все больше зависит от уровня ее потребления. Важной задачей поэтому становится оценка масштабов и характера воздействия энергетического фактора на общество.

В данной связи понятен огромный интерес не только к теоретическим проблемам энергетического фактора в развитии общества, но и к сохранению, изучению и музеефикации объектов, производящих электрическую энергию. Правда, индустриальная археология, в отличие от угольной, металлургической и текстильной промышленности пока еще мало уделяла им внимания. Между тем, электростанции – очень специфические памятники индустриального наследия. Ученые могут фиксировать их архитектуру и оборудование, но никогда — продукцию, поскольку она не дана нам в ощущении. Тем более важно сохранить такие объекты для грядущих поколений. Более того, они, особенно крупные гидроэлектростанции, имеют важное районообразующее значение для промышленности и социальной инфраструктуры, окружающей среды.

Существенный интерес с этой точки зрения представляют гидротехнические сооружения Сибири, где в середине XX в. построен ряд уникальных гидроэлектростанций мирового значения, которые вошли в международную техническую литературу, но практически не учтены как выдающиеся памятники индустриального наследия человечества. Попытаемся ликвидировать этот пробел, сделав экскурс в историю сибирской энергетики с позиций индустриальной археологии.

Как это ни парадоксально звучит для западного читателя, но первые промышленные гидроэлектростанции появились в далекой и таинственной, отсталой и вместе с тем богатой стране — Сибири — практически одновременно с европейскими. В 1892 г. в Западной Сибири, на Алтае, там, где возникли паровые машины И.И. Ползунова и широко известный гидроэнергетический

каскад К.Д. Фролова, начала действовать первая в России промышленная гидроэлектростанция, построенная талантливым русским инженером Н.Н. Кокшаровым на реке Березовке. ГЭС Зыряновского рудника мощностью 150 КВт питала электрической энергией одно из первых в России предприятий по получению цветных металлов из руд электролитическим способом и электрический шахтный водоотлив на рудниках. Она положила практическое начало сезонному и суточному регулированию стока реки в то время, когда теоретически этот вопрос только дискутировался. Вслед за рудным Алтаем в 1896 г. была построена гидроэлектростанция на Ленских золотых приисках в Восточной Сибири (р. Ныгри, мощность 300 КВт). К 1915 г. здесь сформировался каскад из 5 ГЭС на реке Бодайбо. Общая мощность всех 6 ГЭС составляла 2800 КВт. Они были объединены единой высоковольтной линией электропередач — прообраз энергетических систем. Столь высокие по тому времени достижения гидротехники стали возможны благодаря большим доходам горнорудных предприятий, невозможности другими способами решить назревшие задачи производства, талантливости русских инженеров и их прочным связям с европейскими техническими центрами.

К сожалению, история мало сохранила сведений о первых промышленных гидроэлектростанциях в России, но ясно одно — впервые они появились в Сибири. Недостаток письменных источников могут компенсировать археологические раскопки. Места расположения ГЭС известны, сохранились остатки плотин, можно вычислить контуры водохранилищ и попытки реконструировать хотя бы одну из них, что будет иметь важное значение для сохранения первенцев энергетического наследия. Однако по причине зачаточного состояния российской индустриальной археологии и отсутствия средств выполнить эти работы в ближайшее время собственными силами затруднительно.

Обратным парадоксом сибирской гидроэнергетики является то, что в то время как в Западной Европе и Северной Америке в первой половине XX в. развернулось активное гидроэнергетическое строительство, а в России — мощное движение за электрификацию страны, она фактически замерла на уровне своих оригинальных достижений XIX в. Российским планом ГОЭЛРО,

разработанным в 1920 г., предусматривалось строительство крупной ГЭС на Алтае мощностью 40 тыс. КВт, но оно не состоялось. Развитие энергетики Сибири пошло по пути сооружения тепловых электростанций, обеспечивающих более быстрый ввод мощностей и отдачу капитальных вложений. Правда, тогда же была поставлена задача строительства сверхмощных гидроэлектростанций на Ангаре, Енисее и других сибирских реках, проведены крупные проектные и изыскательские работы, но их практическое осуществление задержала вторая мировая война.

Во второй половине XX в. в условиях острейшего противоборства с западным миром СССР ускорил освоение своих восточных районов с целью вовлечения в хозяйственный оборот богатейших сырьевых и энергетических ресурсов. В Сибири было запроектировано строительство 185 ГЭС суммарной мощностью почти 100 млн КВт. Так на базе крупнейших запасов гидроэнергии сложился мощный комплекс энергоемких производств. В 50–70-е гг. здесь возведен ряд уникальных гидроэнергетических станций, которые превзошли по многим показателям лучшие американские и канадские образцы, встав в один ряд с мировыми шедеврами инженерного искусства планеты. Они олицетворяют собой наиболее крупные достижения энергетической революции XX в.

Наиболее колоритные входят в состав Ангарского и Енисейского каскадов гидростанций. Первый каскад запроектирован из 6 ГЭС, идеально зарегулированных чудом природы озером Байкал. Жемчужиной этого редкого ожерелья является Братская гидростанция. Ее мощность 4,5 млн. КВт, выработка электроэнергии 22,6 млрд. КВт-часов в год. Высота плотины 127 м, общая длина 5120 м. Она удерживает водохранилище объемом в 179 млрд кубометров. Объем земельно-скальных работ при строительстве гидроузла составил 13 млн м и железобетонных 4,8 млн м, что в 18 раз превосходит объем египетской пирамиды Хеопса, которая пятьдесят веков изумляла мир своей грандиозностью. Близки к ней по основным параметрам Усть-Илимская и Богучанская, дальше — Иркутская.

В Енисейском каскаде 7 ГЭС. Из завершенных наиболее колоритная Саянская. Ее створ выбран на юге Красноярского края в шестидесяти километрах от села Шушенского. В том месте

скала полукилометровой высоты крепко сжала Енисей в узком каньоне, тогда как на просторе он разливается до 50 и более километров. Плотина гидростанции поднялась почти на 250-метровую отметку, равную стоэтажному небоскребу. Для ее возведения потребовалось вдвое больше бетона, чем для Братской, однако ее экономическая эффективность от этого не уменьшилась. Мощность ГЭС 6,4 млн КВт, в два раза больше одной из самых крупных в США Джон-Дей на р. Колумбия. Выработка электроэнергии 23,5 млрд КВт-часов в год при очень низкой себестоимости. Саянская гидростанция имеет одну оригинальную особенность: при ней сооружена Майнская ГЭС — спутник для регулирования неровностей нагрузки саянским гигантом.

Ниже по течению Енисея построена близкая по мощности Красноярская гидроэлектростанция, имеющая при себе уникальный судоподъемник, способный переносить через плотину морские суда. К северу от Красноярска, там, где в Енисей впадает Ангара, строится Средне-Енисейская ГЭС мощностью 6,5 млн. КВт с выработкой 32 млрд. КВт/ч электроэнергии в год. Еще ниже проектируется Осиповская и Игарская гидростанции аналогичной мощности.

Масштабы строительства сибирских гидроэлектростанций сравнимы с самыми крупными сооружениями человечества. Только за 20 лет их наиболее активного возведения уложено 27 млн куб. м бетона, выполнено 164 млн. куб. м земельно-скальных работ, смонтировано 463 тыс. т металлоконструкций и оборудования. Подобных объемов не знает ни отечественное, ни зарубежное гидростроение. Их можно поставить в ряд с такими грандиозными сооружениями мира, как египетские пирамиды, причем по объему работ сибирские гиганты во много раз превосходят так называемые "чудеса света" Вместе с тем, они отличаются высокой экономической эффективностью. Расход бетона и железобетона на 1 КВт установленной мощности Красноярской ГЭС в 3,5 раза ниже, чем на гидростанции Грэнд-Кули в США и почти в 8 раз меньше, чем на Грэнд-Диксон в Швейцарии. Общие капитальные вложения на 1 КВт установленной мощности Красноярской ГЭС составляют 94,5 руб., Братской — 144 руб., на лучших американских Чиф Джозеф 151 доллар, Ро-

берт Мозес — 320 долларов. Братская ГЭС, имея минимальные издержки производства, стала одной из самых эффективных гидростанций мира. В комплексе с электростанциями необходимо воспринимать высоковольтные линии электропередач, объединенные в единую энергетическую систему Сибири, которая простирается с запада на восток более чем на 3 тыс. км, охватывая несколько часовых поясов, что приносит большой экономический эффект за счет маневрирования пиками нагрузок. Конечно, ЛЭП — специфический объект индустриального наследия, но без него в XX в. не может существовать практически ни одно производство. Поэтому его надо научиться воспринимать как неотъемлемую часть индустриального пейзажа.

На базе мощных гидроэлектростанций сформировались крупные территориально-производственные комплексы, которые надо рассматривать как производные гидротехнического строительства и в тесной связи с ним. К их числу относятся Иркутско-Черемховский, Братско-Усть-Илимский, Саянский и др. Наиболее колоритным из них является Братско-Усть-Илимский. Он создан в глухой тайге почти в тысяче километров от ближайшего промышленного центра — Иркутска и включает в себя один из самых крупных в мире алюминиевых заводов, лесопромышленных комплексов, горнообогатительных комбинатов, а также ряд других крупных предприятий. Основа комплекса и стимул развития всей промышленности — Братская и Усть-Илимская ГЭС. Они вызвали к жизни целый ряд производств не только в прилегающих, но и отдельных районах. Экономическое влияние Братской ГЭС простирается на грандиозную территорию, превышающую 100 тыс. кв. км. Соответственно сложилась разветвленная социальная инфраструктура. Возникли такие известные в мире города, как Братск, Усть-Илимск, Дивногорск и др., которые являются важнейшим социально-культурным следствием гидроэнергетического строительства в ранее слабо освещенных районах Северной Азии.

Не менее существенно влияние гидроэнергетического строительства на окружающую среду: ландшафт, климат, флору и фауну, водные и воздушные бассейны. В связи с сооружением мощных гидроэлектростанций возникли крупные водохранилища, которые по площади могут сравниться с естественными во-

доемами. Для заполнения одного Братского водохранилища потребовалось удержать двухлетний сток такой мощной реки, как Ангара. По своему объему оно вышло в число самых крупных искусственных водоемов планеты и оказывает влияние на площадь около 100 тыс. кв. км. Аналогичное воздействие на южные районы области оказывает подпор плотины Иркутской ГЭС, поднявшей среднемноголетний уровень самого крупного в мире пресноводного озера Байкал на 1 метр. Большие водоемы оказывают заметное влияние на климат прибрежных зон, способствуют распространению одних видов флоры и фауны и уничтожают других. Следовательно, мы можем представлять сибирские гидростанции с их огромными водохранилищами и промышленными зонами как гигантские экопарки.

Таким образом, каскады сибирских гидроэлектростанций в совокупности с возникшими на базе их электроэнергии территориально-производственными комплексами представляют собой уникальные памятники энергетической революции XX в. Они не укладываются в традиционное понимание памятника индустриального наследия и требуют особого подхода к своей интерпретации. Пока их не надо раскапывать и музеефицировать, они действующие, но пройдет время, изменится технология производства энергии и ГЭС уподобятся египетским пирамидам. По ним наши далекие потомки будут судить о цивилизации XX в. Задачи заключаются в том, чтобы облегчить им это восприятие, всеми доступными на сегодня способами увековечить их для будущего, что вполне выполнимо в рамках TICCIH.

Siberian Hydro-electric Power Station as Unique Monuments of Power Revolution of XXth Century. VIIth International Conference on the Conservation of the Industrial Heritage. Madrid, 1992. P. 9–14.

IV. Тайна царских останков

Почти сто лет назад, в июле 1918 г., на Урале был расстрелян последний российский император Николай II, а вместе с ним исчезла почти вся династия Романовых. За это время в России реверсивно сменился общественно-политический строй, давно ушли из жизни заказчики и исполнители той кровавой акции, но тайна гибели царской семьи остается не раскрытой до сих пор. Она волнует не одних россиян, но и наших друзей за рубежом. И не только потому, что состоялась бессудная тайная расправа над бывшим властелином могущественной империи и его детьми, а потому, что и белые, и красные, как в начале прошлого, так и в начале нынешнего века не желают открыть всю правду о случившемся и тем самым не спешат подвести черту под великой смутой двадцатого века.

С тех пор, как в июле 1991 г. из болотной хляби Поросенкова лога под Екатеринбургом, были извлечены предполагаемые останки царской семьи, во всем мире не прекращается дискуссия об их подлинности. Автору этих строк с самого начала пришлось принимать в ней непосредственное участие, наблюдать ее перипетии как из глубин специальной Правительственной комиссии по идентификации царских останков, так и внутри российского общества, а также зарубежной, вплоть до Синода Русской Православной церкви за границей. У всех были и остаются сомнения, за исключением их "первооткрывателя" геолога Александра Авдонина, который на костях великомучеников сделал свою карьеру.

Сомнения идут по двум линиям. С одной стороны, по противоречивости генетических экспертиз, в детали которых мы не вдаемся по причине своей некомпетентности в данном вопросе. С другой стороны, по несовпадению исторических документов с выводами Правительственной комиссии, безоговорочно признавшей останки подлинными.

Поскольку проблема царских останков получила столь широкий общественный резонанс, не остывший до настоящего времени, предлагаем вниманию читателей свои публикации на данную тему, подготовленные по ходу этой дискуссии. В совокупности они помогут пролить дополнительный свет на тайну века.

Парадоксы жизни и гибели Николая II

Удивительным парадоксом российской истории является то, что на протяжении последних двух с половиной столетий, несмотря на крайне жестокий тоталитарный режим в стране, каждый второй верховный властитель был насильственно лишен не только трона, но и жизни.

Петр III задушен, следующая за ним Екатерина II скончалась на троне, ее преемник Павел I убит. И так через одного, за исключением Александра I и Николая I. Ту же участь разделил и последний император Николай II, несмотря на то, что отрекся от престола еще накануне Октябрьского переворота.

На вопрос — в чем же причина такой закономерности, видимо, следует искать ответ в исторической ситуации, сложившейся в России, начиная со второй половины XVII в., особенно с эпохи Петра I. С тех пор и до настоящего времени продолжается непрекращающаяся борьба между устоявшимися национальными традициями и инновациями. Она выливалась в народные бунты и революции, дворцовые заговоры и перевороты, на первый взгляд далекие от магистральной линии мирового развития, но в конечном счете ее отражающие.

Начало XX в. ознаменовалось многими новыми явлениями в русской жизни, вокруг которых развернулись страсти. С одной стороны, Россия оставалась аграрной, преимущественно с крестьянским населением страной. Накануне революции 1917 г. она производила на одну треть зерна больше, чем США, Аргентина и Канада вместе взятые. За границу вывозилось 12–15 млн т зерна ежегодно, большое количество масла, льна, яиц и т.д.[1] Только за животное масло, произведенное в Сибири и проданное за рубеж, страна получала больше золота, чем его добывалось на знаменитых сибирских приисках.

С другой стороны, начало века было периодом крупного промышленного подъема Российского государства, обеспечившего ему передовые позиции в мировой экономике по многим важнейшим показателям. За 1880–1910 гг. темпы роста промышленной продукции в России составляли более 9% в год. По данному показателю и росту производительности труда наша страна опережала США [2] Нынче мало кто знает, что в начале века Россия занимала первое место в мире по добыче нефти.

При всей противоречивости государственной политики, осуществлявшейся Николаем II, создавались благоприятные условия для развития страны. Реформы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина при условии их полного осуществления могли стать благодатной почвой для расцвета российской экономики. Относительно благополучное развитие уже тогда позволяло России иметь положительный баланс внешней торговли и устойчивую конвертируемую валюту. Однако реформы эти не были доведены до конца.

Проявились противоречия и в политической сфере. Вступая на престол, новый царь Николай II к большому неудовольствию передовой общественности заявил о своей категоричной приверженности самодержавию. Однако никто больше его самого не сделал для разрушения самодержавной власти. Он положил начало представительной власти в стране в виде Государственной Думы, разрешил существование различных политических партий, которые вскоре развернули бешеную травлю царя и привели к небывалому расколу общества. По Манифесту 17 октября 1905 г, граждане России получили право неприкосновенности личности, свободу слова, печати, собраний. В определенной мере эти свободы были уступкой пошатнувшегося трона народовластию, однако объективно они свидетельствовали о движении к правовому государству.

Аналогичное положение наблюдалось и во внешней политике. Стремясь с помощью войны с Японией заглушить революцию 1905 г., царь только усилил ее размах. Не желая воевать с Германией, он между тем вверг страну в страшную бойню, которая явилась прелюдией гибели монархии и его самого. Возможно, Николай II стал бы хорошим царем в рамках конститу-

ционной монархии, если бы, не откладывая, принял эту форму правления в самом начале первой российской революции.

Крутые повороты в управлении государством не могли оставить равнодушными ни ближайшее окружение Николая II, ни народ. Будучи человеком мягким по характеру, император склонялся то к одной, то к другой, нередко противоположным точкам зрения. Это обусловило противоречивость внутренней и внешней политики, доходящей порой до парадоксов. Двор погряз в интригах, крайним выражением которых стала распутинщина, а народ вышел на улицы. Царю пришлось отречься от престола. Отречение состоялось без сопротивления. Тем самым Николай II пытался предотвратить гражданскую войну, а фактически спровоцировал ее, поскольку полярные политические силы, унаследовавшие его власть, неизбежно должны были столкнуться. В конечном счете трагедия императора заключалась в неразрешимом противоречии между глубоким убеждением в необходимости сохранить традиционный уклад России, символом которой для него был отец Петра I царь Алексей Михайлович и пришедшими в движение различными слоями общества, связанными прежде всего с социал-демократией, исповедовавшей совсем другие ценности, более современные, но менее адаптированные к российским условиям.

Справедливости ради надо признать, что Николай II был по характеру добрым и благожелательным человеком, хорошо образованным и воспитанным. Широко известен его патриотизм, меньше — личная храбрость. Во время первой мировой войны государь часто бывал на фронтах, в непосредственной близости от передовой, иногда вместе с наследником Алексеем.

По сути своей личность и судьба Николая Романова глубоко трагичны. По свидетельствам Столыпина и Жильяра, он придавал мистическое значение тому, что родился в день Иова Многострадальнего, считал себя обреченным на страшные испытания и постоянно ожидал скорбных событий[3] Судьба Николая Романова, а в итоге и всей страны, зависела не только от характера и мировоззрения императора, но и от времени, в которое он жил. Именно оно в значительной степени предопределило противоречивость принимаемых им решений, которые воспринимаются сегодня как парадоксы той эпохи. Мучительно трудно

пробивали себе дорогу альтернативы развития России на рубеже веков.

Как ни чудовищно звучит, но парадоксальна даже гибель Николая II. То, что после отречения от престола, во время обострения политической обстановки в стране летом 1917 г. Временное правительство сочло необходимым отправить его вместе с семьей подальше от очагов революционного движения — в Тобольск, особых вопросов не вызывает. А вот дальше начинается целая серия загадок, связанных с трагической гибелью, исчезновением останков, драгоценностей и документов. В результате возникло огромное количество версий, самых невероятных, вплоть до утверждения, что Николай Романов спокойно дожил до глубокой старости под теплым небом Абхазии, не говоря уже о "чудодейственном" спасении его жены и детей[4] Появившиеся в наши дни многочисленные публикации о расстреле царской семьи в основе своей являют перепечатки старых спецхрановских изданий. Между тем, сегодня необходим не только анализ нового архивного материала, но и свежий взгляд на те трагические события. Остановимся на самых принципиальных вопросах, которые можно фундировать ранее неизвестными документами.

Начнем с миссии комиссара В. Яковлева (К.А. Мячина), которая сплошь соткана из загадок. По его собственным воспоминаниям, назначение свое он получил от Председателя ВЦИК Я.М. Свердлова, который заявил при этом: "Совет Народных Комиссаров постановил вывезти Романовых из Тобольска пока на Урал"[5] Тут же, 9 апреля 1918 г. в Екатеринбург за подписью Свердлова ушла телеграмма: "Без нашего прямого указания из Екатеринбурга никуда не увозите. Задача Яковлева доставить Николая в Екатеринбург живым и сдать Белобородову или Голощекину. Яковлеву даны самые точные и подробные инструкции. Все, что необходимо, сделайте. Сговоритесь о деталях с Яковлевым"[6] Вместе с этой телеграммой в Центральном архиве Министерства безопасности России, где она обнаружена, находится большой пакет инструкций, регламентирующих каждый шаг царской семьи и ее охранников.

Перевод семьи из Тобольска в Екатеринбург и ужесточение режима ее содержания связывались якобы с подготовкой монар-

хического заговора с целью освобождения царя и отправки его за границу. Однако ни колчаковский следователь Н.А. Соколов, ни советские исследователи не смогли это доказать. Соколов приводит многочисленные факты внимания к бывшему царю со стороны монархистов во время его тобольского заточения, но констатировать сформировавшийся заговор не решается. Более того, заявляет: "Увоз Государя из Тобольска не зависел от желания русских монархистов спасти его. Они даже и не знали об этом"[7]

Между тем 26 апреля бывшего царя с царицей и их дочерью Марией вывезли из Тобольска. Остальные члены семьи были отправлены в Екатеринбург во второй половине мая. По свидетельству ряда советских и зарубежных историков, курс был взят на Москву, а дальше мнения диаметрально расходятся. Одни считают, что там должен был состояться суд над Николаем II, другие видели в этом акте использование царской семьи на переговорах с немцами.

Соколов установил, что на пути следования между Тобольском и Екатеринбургом Яковлев вел интенсивные дискуссии с бывшим царем. Кучер, везший их до Тюмени, говорил, что "Яковлев "вертел" царя, а царь ему не поддавался" О чем велись дискуссии? Если о мире *с* Германией, то Романов занимал по отношению к нему крайне негативную позицию. Возможно, поэтому они и не поняли друг друга. Как бы то ни было, но здесь фиксируется новый романовский парадокс. Те, кто больше всего играл на обвинениях Романовых, особенно царицы, в предательстве интересов нации, попытках заключения сепаратного мира с Германией, сами как раз это и сделали.

Не исключено, что судьба царской семьи каким-то образом связывалась с событиями вокруг немецкого посла Мирбаха, но скорей всего, что прямо следует из выше процитированной телеграммы Свердлова, советская власть, в отличие от Временного правительства, передавала семью в руки наиболее радикально настроенных революционеров — уральских большевиков. Зачем? Возможно, были какие-то особые соображения, которые предстоит изучить, А пока ясно одно — семья погибла.

До трагедии оставалось более двух месяцев, 27 апреля Яковлев посадил Романовых в поезд, который двинулся на запад.

Вскоре было получено известие, что дальше Екатеринбурга их не пропустят. Тогда комиссар делает ход назад, пытается с царской семьей прорваться на восток, в сторону Омска, за что его обвиняли в предательстве интересов революции. Председатель Уральского областного Совета А. Белобородов телеграфировал Свердлову 29 апреля: "Областной Совет рабочих и крестьян Урала, обсудив поведение комиссара Яковлева, единогласным решением видит в нем прямую измену революции, стремление с неизвестной целью вывезти бывшего царя из пределов революционного Урала"[8]

Яковлевская рокировка известна в литературе, но читателю следует знать, какую позицию по отношению к ней занимала Москва. Свердлов 29 апреля телеграфировал Белобородову: "Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мною приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте. Он действует согласно полученным от меня сегодня в 4 часа утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз никакого вмешательства"[9] Следовательно, Яковлев выполнял волю Свердлова, а в его лице — центрального большевистского руководства. Не ясно, однако, какие цели оно преследовало: действительно ли хотело доставить царя в Москву, исходя из своих, особых на этот счет соображений, или готовило расправу над ним руками уральских большевиков?

В конечном счете Романовы оказались в Екатеринбурге. А. Белобородов телеграфировал В. Ленину и Я. Свердлову: "Сегодня: 30 апреля 11 часов петроградского я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова, бывшую царицу Александру и их дочь Марию Николаевну. Все они помещены в особняк, охраняемый караулом. Ваши запросы разъяснения телеграфируйте мне"[10] Самого Яковлева едва не арестовали в Екатеринбурге, но благодаря поддержке Ленина и Свердлова, признавших его действия правильными, комиссар сохранил свое положение[11] Однако через полгода он перешел к белым, и там его след на какое-то время затерялся. Позднее Яковлев (Мячин) вернулся в Советскую Россию. Жил очень противоречиво и в 1938 г. был репрессирован.

В Екатеринбурге царскую семью разместили в доме инженера и предпринимателя Ипатьева. Скорее всего это было наиболее подходящее здание, но факт этот наводит на размышления о роковом стечении обстоятельств, связанных с семьей Романовых. Дело в том, что триста лет назад в Ипатьевском монастыре под Костромой было объявлено об избрании на русский престол Михаила Романова, родоначальника династии. Ее неоднократно пытались свергнуть, а начиная с А. Радищева и декабристов, уничтожение царя стало важной доминантой российской политической жизни. Не вдаваясь в детали многолетних политических и научных дискуссий на эту тему, заметим, что в первой половине 1918 г. данная проблема перешла в плоскость практического решения.

Монархия была свергнута год назад, и в политическом плане вопрос о власти твердо решен в пользу Советов, особенно после разгона Учредительного собрания. Встала проблема царственных особ. Отпустить их с миром за границу в тех условиях вряд ли было возможно, да и зарубежные родственники не очень на этом настаивали. По крайней мере, не известны факты решительных действий с их стороны, что можно объяснить расколом Европы в ходе первой мировой войны на два враждующих лагеря, разведших по разные стороны баррикад правящие династии, с которыми кровными узами были связаны Романовы Силы внутренней контрреволюции, наблюдая упавший до нижней отметки политический имидж Романовых, не делали на них ставки. Монархические круги пытались предпринять некоторые шаги, но из этого ничего не вышло. Парадоксально, конечно, что для спасения одного из самых могущественных монархов своего времени практически ничего не было сделано.

17 июля 1918 г. Президиум Уральского облсовета сообщил Ленину и Свердлову о "раскрытии Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи... найдены компрометирующие документы, которые будут опубликованы"[12] Любопытно, что это сообщение было сделано на другой день после расстрела царя и его семьи, а документы до сих пор не опубликованы. Возникают естественные вопросы: был ли заговор вообще; если да, то насколько он был серьезен, где документы о нем?

Как это ни странно, но физическое устранение членов династии Романовых началось не с царя, а с его родственников. Первым, за месяц до Николая II, был убит великий князь Михаил Романов, отрекшийся от престола временно, оставляя окончательное решение за Учредительным собранием. Это случилось в Перми, которой в отличие от июльского Екатеринбурга не угрожали вооруженные силы контрреволюции. С какой целью это делалось, историкам еще предстоит разобраться, по крайней мере, с достоверными фактами в руках доказать мотивы этой серии расстрелов. Сегодня же очевидно, что набившие оскомину ссылки на опасность захвата членов царской фамилии монархистами и использование их в качестве "живого" знамени контрреволюции, уже никого не убеждают.

Судьбой Николая II, как явствует из вышеприведенной телеграммы Свердлова от 9 апреля 1918 г., занимался центр. Этот вопрос периодически обсуждался в Президиуме ВЦИК (1, 6 апреля) и в Совете Народных Комиссаров (2 мая)[13], а в районе 10 июля, по свидетельству Юровского, было принято окончательное решение[14] В ночь с 16 на 17 июля состоялся расстрел, а через десять дней Екатеринбург был взят белыми. Несложный расчет показывает, что за это время царскую семью можно было несколько раз свозить в Москву и обратно

Официальная версия о том, что царь расстрелян в связи с приближением к Екатеринбургу контрреволюционных сил, убеждает слабо, хотя такая опасность, конечно, не исключалась. При промедлении данная опасность могла стать реальностью, что привело бы к непредсказуемым политическим последствиям: царь мог стать не столько "живым" знаменем контрреволюции, сколько символом единой неделимой России, продолжения войны с Германией, противником Брестского мира в руках Колчака, воюющего на стороне Антанты. Такое развитие событий не устраивало ни Советскую власть, ни кайзеровскую Германию.

Как реагировала Москва на события в Екатеринбурге? ВЦИК, прослушав и обсудив 18 июля телеграфное сообщение о расстреле Николая Романова, принял резолюцию, одобряющую решение Уральского областного Совета[15] В тот же день Совнарком в присутствии Ленина, Троцкого, Чичерина и других

руководителей советского правительства по внеочередному заявлению Свердлова о казни бывшего царя постановил: "Принять к сведению"[16]

В официальном сообщении, как известно, указывалось, что "жена и сын Николая Романова в надежном месте" Фактически уже 17 июля из Екатеринбурга на имя секретаря Совнаркома Горбунова ушла телеграмма следующего содержания: "Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации"[17] Никаких сообщений о гибели семьи в дальнейшем не последовало, и советские дипломаты доказали своим западным партнерам, что она сохранена. Между тем Соколов еще в 20-х гг. опубликовал расшифровку вышеприведенной телеграммы.

Сам расстрел и сокрытие трупов до последнего времени оставались строго охраняемой тайной, хотя еще в 1920 и 1934 гг. Юровский описал эти события довольно подробно[18] Мы не касаемся рассмотрения данного сюжета, поскольку он является предметом самостоятельного исследования, изобилуя массой до сих пор не разгаданных парадоксов. Главный из них заключается в том, что даже после извлечения предполагаемых останков царской семьи летом 1991 г. под Екатеринбургом продолжают жить версии о другом их местонахождении. Наряду с многопрофильной криминалистической экспертизой обнаруженных останков, с нашей точки зрения, необходима строгая историческая экспертиза, подтверждающая или опровергающая наличие второго захоронения. Не последнюю роль в этом может сыграть обнаружение документов из многопудового баула, переданного участником расстрела Ермаковым в 1918 г. Комиссариату внутренних дел России[19]

Физическая гибель царской семьи и хитроумная дезинформация по этому поводу не исчерпали серии противоречий. Они продолжались и после их смерти. В первую очередь имеется в виду судьба царских драгоценностей, о которых практически ничего не известно широкому кругу читателей. По данным англичанина Д. Тревина, при выезде из Царского Села Александра Федоровна и великие княгини имели при себе драгоценности на один миллион рублей[20] Надо полагать, что эта сумма исчислена в твердой золотой валюте, которая многократно выросла в ходе

инфляции в период гражданской войны. Многие изделия представляли собой уникальные произведения искусства и составляли национальное достояние.

Какова судьба фамильных драгоценностей Романовых? Ответить однозначно на данный вопрос невозможно. Предстоит большая исследовательская работа историков, искусствоведов, ювелиров. Попытаемся сделать первый шаг в этом направлении. В ходе поисков документов о расстреле царя нам удалось выявить в архивах бывшего КГБ любопытные материалы о судьбе царских драгоценностей, которые считались бесследно исчезнувшими во время кровавых событий лета восемнадцатого. На самом деле большая их часть перешла в собственность Советской власти. Сразу же после расстрела организатор этой акции Юровский отвез в Москву и передал коменданту Кремля Малькову значительные ценности. Акт передачи скреплен подписями и печатями с той и с другой стороны.

В архиве сохранились списки золотых и серебряных изделий, многочисленных предметов домашнего обихода царской семьи. В перечне золотых вещей обозначено 60 предметов, среди которых мужские и дамские часы, портсигары, в том числе знаменитый платиновый с сиреневой эмалью в золотой ажурной оправе с бриллиантом белой воды и надписью "Петроград 29 мая 1897 г.", множество золотых цепочек, брошек, кулонов и брелков с драгоценными камнями, золотые карандаши с ручками из слоновой кости и т.д. В списке серебра чайники, кофейники, ложки, подносы, зеркала, кресты, портсигар с гладким рубином и сапфиром в затворе с датой 1903 г. В перечне личных вещей семьи соболиные, горностаевые, котиковые шапки, муфты, накидки, шерстяные, шелковые, кружевные и прочие платья, юбки, платки, вуали, пледы, гвардейские бушлаты, черкесские кафтаны, шинели серые и черные, ковры, одеяла и пр. [21] Судя по тщательности, с которой составлены списки, Юровский хотел подчеркнуть, что ничего не пропало, все царское достояние в целости и сохранности передается под охрану пролетарской диктатуры.

Вторая более крупная партия драгоценностей шла к подвалам Московского Кремля долго, почти детективными путями, о чем повествует трехтомное досье на 21 человека Уральского ОГПУ

за 1922-1941 гг. [22] В нем приведены данные о том, как перед отъездом из Тобольска в Екатеринбург Александра Федоровна передала кожаный чемоданчик с бриллиантами и золотом местному духовенству. По одной версии, он сначала попал к священнику Тобольской Благовещенской церкви Алексею Васильеву, совершавшему церковные обряды для царской семьи и завоевавшему ее доверие. Он же вынес шпагу наследника в золотой оправе с ручкой червонного золота, которую долгое время прятал в дымоходной трубе. В 1929 г. Алексей вместе с женой Лидией выехал из Тобольска в Омск к сыну Александру. По дороге на станции Тара Алексей умер. Оставшиеся ценности продолжали хранить родственники. По другой версии, ценности были отданы камердинером Терентием Чемодуровым игуменье Тобольского Ивановского монастыря Дружининой, которая незадолго до смерти передала их своей помощнице благочинной Марфе Ужинцевой. Возможно, эти версии где-то пересекаются, поскольку в следствии, которое вело Свердловское ОГПУ, названные в том и другом случае фамилии приводятся на очных ставках.

На допросе 29 ноября 1933 г. Ужинцева показала, что она со священником Васильевым была вхожа в дом, где размещалась царская семья. Перед отъездом Романовых в Екатеринбург Чемодуров принес ей большой сверток и попросил передать игуменье в монастырь, что она немедленно и сделала. Там ценности хранились до закрытия монастыря в 1923 г., после чего вернулись в руки Ужинцевой, которая спустила их сначала в колодец, а потом зарыла в могиле на монастырском кладбище.

Измученная тяжелой тайной, Марфа потеряла сон и аппетит. Отчаявшись, решила бросить ценности в реку Иртыш. "Перед тем, как исполнить это решение, — сообщила она следствию, — я обратилась за советом к Василию Михайловичу Корнилову — местному рыбопромышленнику, который был связан с нашим монастырем и с которым я была знакома. Когда я сказала о своем решении Василию Михайловичу, он страшно испугался и замахал на меня руками: "Что ты, что ты? Ведь установится настоящий порядок, настоящая власть, тогда с тебя отчет спросят, ведь в Иртыш тебя заставят за ценностями лезть" Я совсем растерялась, не знала, что делать. Потом попросила Василия Ми-

хайловича взять ценности на хранение к себе... Через несколько дней после разговора с Корниловым я пришла к нему на квартиру, принеся с собой ценности, две стеклянные банки и два туеска. В эти банки и туески я переложила ценности из свертка, спустилась с Василием Михайловичем в подполье, и там вместе и зарыли их"

Через некоторое время Корнилов уехал из Тобольска. В доме на протяжении почти десяти лет жили разные люди, в том числе милиционеры, ищущие царские сокровища и не подозревающие, что они у них под ногами. Марфа между тем ходила мимо и скорбела о судьбе своего тайника, пока чекисты не вышли на нее. В октябре 1933 г. ее арестовали и заставили указать место хранения драгоценностей. Туески были вскрыты, их содержимое легло на стол ОГПУ и составило перечень более чем в 150 наименований: золотые с драгоценными камнями диадемы, подвески, браслеты, цепочки, множество колье с бриллиантами, изумрудами, рубинами, жемчугом. Возможно, среди них и то, которое якобы собственноручно сорвал с шеи императрицы во время трагических событий в Екатеринбурге комиссар Войков, будущий советский полпред в Польше.

Пресса разных стран сокрушается о потерянной на Урале знаменитой броши Александры Федоровны, поистине бесценном сокровище с бриллиантом в 100 карат. Эта брошь под номером 1 значится в описи изъятых драгоценностей. Там же присутствуют царский герб из бриллиантов; уникальный турецкий подарок царю — бриллиантовый полумесяц с пятью большими камнями по 70 карат и россыпью средних бриллиантов; роскошные панагии; кресты с редкими камнями; булавки с бриллиантами по 44 карата каждый; головные бриллиантовые шпильки по 36 карат и множество других драгоценностей не только очень дорогих, но и высокой художественной ценности.

Общая стоимость обнаруженных драгоценностей составляла значительную по тем временам сумму — 3.270.793 золотых рублей. По всей вероятности, она значительно выше, если учесть их художественные достоинства. Вряд ли это могли сделать приглашенные чекистами оценщики, судя по оформлению документов, малограмотные люди — Зверев и Боровских. Первый, главный, даже не смог расписаться. Вместо подписи он по-

ставил три креста. Это еще один печальный парадокс в царской истории.

Очевидно, что органы НКВД передали царские сокровища на государственное хранение, и вряд ли имеют под собой какую-то почву рассуждения журналистов о том, что большая их часть уплыла за океан в то смутное время. Впрочем, драгоценности можно опознать. В архиве найден не только список предметов, но и их фотографии.

Конечно, не обошлось и без воровства царских вещей. В результате обыска у члена команды Дома особого назначения (Ипатьевского) Михаила Летемина было обнаружено много предметов, принадлежащих семье императора, в том числе фотографический аппарат, серебряный крест, флакон с небольшим количеством духов, жестяная коробка с монпасье и... породистая собака по кличке Джой, та самая, с которой не расставался наследник Алексей. Драгоценностей не найдено.

Часть ценностей пошла в местный бюджет. Уральская областная коллегия финансов, ознакомившись 18 августа 1918 г. с содержимым двух чемоданов с вещами царя Николая Романова, постановила: "Серебряные изделия весом в 1 пуд, 6 фунтов, 71 золотник и золотые изделия весом 1 фунт, 21 золотник, 84 доли переплавить и стоимость зачислить в доход казны. Разменную монету в сумме 7 рублей 97 коп. сдать в Народный банк для зачисления в доход казны" [23]

Подведем некоторый итог трагической истории. Если парадоксы царствования Николая II можно объяснить объективно существовавшими противоречиями российской действительности начала XX века, когда мир вступал в новую полосу своего развития, а у царя не хватило воли и решимости овладеть ситуацией, то парадоксы его гибели есть следствие субъективного произвола лидеров режима, установленного в октябре 1917 г., которые, преследуя свои политические цели, творили беззаконие, изощренно скрывая преступления под идеологическим флагом.

Нельзя не согласиться с мнением М.К. Дитерихса, который по свежим следам кровавых событий писал: "Это не были зверские убийства возмущенной толпы, разъяренной черни, ибо русский народ участия в них не принимал. Это не "казнь" короно-

ванных особ, которые знает история революций, ибо все совершалось без всякого суда и без участия народа" [24]

Драму русского царя, по всей вероятности, правильнее рассматривать в контексте мировой истории с позиций ее поступательного движения и принципов гуманизма по отношению к человеческой личности. Триста лет назад скатилась на плаху голова английского короля, сто лет спустя — французского, а еще через сто с небольшим — российского. Первые две трагедии давно стали историей без всполохов классовой ненависти с той и другой стороны. Видимо, и к третьей трагедии пора отнестись так же, предварительно сказав о ней всю правду, как в интересах истины, так и сохранения социального консенсуса в обществе.

Примечания

1. Бразоль Б.И. Царствование императора Николая II. 1894-1917 в цифрах и фактах // Воскресение: Русская независимая газета, 1990. № 13.
2. Платонов О. Убийство царской семьи. М.. 1991. С. 27.
3. Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 6
4. Dassel F. Gwssfurstin Anastasia lebt. Berlin, 1928; Gillard P. La Fausse Anastasie (Histoire d'une pretendue grandeduchesse de Russie. Paris, 1929; Botkin G. The Woman Who Rose Again. New York London, 1937; Decaux A. L'Enigrae Anastasia. Paris, 1961; Summer A., Mangold T. Le dossier Romanov, Paris, 1980.
5. Последние дни Романовых. Документы, материалы следствия, дневники, версии. Свердловск, 1991. С. 44-45.
6. Центральный архив Министерства безопасности Российской Федерации. Коллекция документов по делу Романовых.
7. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1991. С. 70.
8. ГАРФ. Ф. 601, Оп. 2. Д. 35. Л. 5.
9. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 7709. Л. 22.
10. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 21.
11. Последние дни Романовых... С. 73, 74.
12. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 35. Л. 8-9.
13. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 36. Л. 9; ГАРФ, Ф. 130. Оп. 23. Д. 13. Л. 58.
14. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 454. Л. 15.
15. ГАРФ. Ф. 601, Оп. 2. Д. 35. Л. 14.
16. Там же. Ф. 130. Оп. 23. Д. 17. Л. 62-62.
17. ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 2. Д. 79.

18. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 454. Л. 1-26.
19. Там же. Л. 7.
20. Trewin J. House of Special Purpose. New York, 1982. P. 64.
21. Центральный архив Министерства безопасности Российской Федерации. Коллекция документов по делу Романовых.
22. Архив Свердловского управления Министерства безопасности Российской Федерации. Коллекция документов по делу Романовых.
23. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 8.
24. Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Владивосток, 1992. Ч. 1. С. 17.

Гибель царской семьи: мифы и реальность (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993. С. 6–17.

Версии и факты

Гибель царской семьи вызвала волну откликов во всем мире, накаты которой не ослабевают с течением времени. Более того, они усилились в последнее время в связи с кардинальными преобразованиями в России. Сегодня важно подвести хотя бы краткий итог опубликованного ранее, отсеять фальшивые версии и со свежими фактами в руках утвердить истинные для того, чтобы в свете новых реалий правильно понять свершившееся три четверти века назад.

Первые и важные публикации появились в 20-х гг. Это книги Р. Вилътона[1], Н.А. Соколова[2], М.К. Дитерихса[3], П. Жильяра[4], С.С. Смирнова[5], Мельник-Боткиной[6] опубликованные за пределами большевистской России. Они основывались на первоисточниках, полученных в ходе колчаковского следствия по делу о расстреле Романовых, и личных наблюдениях авторов. Близки к названным по идейной направленности были точки зрения В. Гурко, В Иванова, И. Мейера, игумена Серафима и других[7], базировавшиеся на тех же источниках и, как правило, существенно их не дополнявшие.

Тогда же увидели свет первые материалы на эту тему в печати Советской России[8] В большинстве своем они были антиподами приведенным выше, ибо авторы их участвовали в тех же

событиях, но находились в противоположном лагере. Названные публикации имеют и нечто общее. Во-первых, их авторы зачастую — непосредственные свидетели и участники событий, стояли у их истоков, располагали ценными первоисточниками и документами, освещали факты фундаментально, без излишних фантазий, хотя и сквозь призму собственных политических пристрастий. Во-вторых, все эти книги вскоре после выхода из печати стали достоянием спецхранов и более полувека не были известны широкой читательской аудитории, по крайней мере в СССР. Только в 90-х гг. они вновь были переизданы в России, и наконец нашли путь к своему читателю. Попытаемся хотя бы бегло рассмотреть наиболее важные из них.

Самая содержательная — книга Н.А. Соколова, судебного следователя по особо важным делам Омского окружного суда, назначенного Колчаком для расследования обстоятельств убийства царской семьи. Он выполнил огромную работу на Урале и в Сибири, а позднее продолжал ее за рубежом до последних дней своей жизни. Автор придавал своей работе большое значение, считал ее важной для будущего Отечества, но расценивал как юридическую, а не историческую. Он писал: "Я никогда не мыслил и менее всего теперь претендую выступить в роли исторического исследователя"[9]

Н.А. Соколов сформулировал ряд принципиальных соображений по делу о расстреле царской семьи, которые до сих пор служат основой многих исследований на данную тему. Прежде всего, это вывод о том, что была расстреляна вся семья. Такой вывод имел не только юридическое, но и политическое значение. Он активно поддерживался колчаковцами и представителями ряда европейских династий и служит в настоящее время базой для исследования предполагаемых останков царской семьи, найденных летом 1991 г. под Екатеринбургом.

Несмотря на недостаток подлинных советских документов, Н.А. Соколов пришел к правильному заключению: "Нельзя думать, что Екатеринбург самовольно не подчинился Москве и сам задержал государя. Подписывая одной рукой полномочия Яковлева, Свердлов другой рукой подписывал иное. Задержала царя в Екатеринбурге, конечно, Москва. Свердлов обманывал немцев, ссылаясь на мнимый предлог неповиновения Екатерин-

бурга"[10] Собрав огромный следственный материал непосредственно о расстреле, Соколов пришел к категоричному выводу: "Судьба царской семьи была решена не в Екатеринбурге, а в Москве"[11] Этот вывод подтверждается публикуемыми нами документами.

Расследование Соколова исключает вероятность вывоза семьи или отдельных ее представителей в какое-то другое место на том основании, что в доме Ипатьева остались самые необходимые для них вещи, в частности все лекарства наследника и иконы, с которыми никогда не расставалась Александра Федоровна, в частности, Федоровской Божьей Матери. По показаниям Чемодурова: "Лишить императрицу этой иконы было бы равносильно лишить ее жизни"[12]

Вместе с тем далеко не со всеми суждениями Соколова можно согласиться. Оценивая деятельность комиссара Яковлева, вывозившего царя из Тобольска, он утверждает: "Будучи враждебен намерениям большевиков в отношении царя, он был посланцем иной, небольшевистской силы"[13] Наши материалы полностью опровергают такую точку зрения.

К числу неудач Соколова надо отнести и неспособность, точнее невозможность, обнаружить в те годы трупы расстрелянных, что не позволило доказать наличие преступления, довести следствие до конца и на долгие годы оставило в подвешенном состоянии уже добытые доказательства. Эта задача, возможно, была бы решена, если бы следствие не было сорвано военными действиями на Восточном фронте.

Материалы Соколова органично дополняет М.К. Дитерихс, который сыграл важную роль в расследовании убийства царской семьи. Боевой генерал, командующий Восточным фронтом у Колчака, он был глубоко предан старому режиму и старался сделать все зависящее от него для установления истинной причины гибели царственных особ. Дитерихс во многом повторяет выводы и материалы Соколова. Он также считает, что погибла вся семья, а решение о ее уничтожении принято в Москве[14] Убийство царской семьи и других членов дома Романовых генерал расценивает как "преступления идейные, фанатичные, изуверские, но совершившиеся скрытно, в тайне, во лжи и обмане"[15] Виновником этих преступлений он считает широкое пред-

ставительство в органах Советской власти лиц еврейской национальности, которые якобы чинили произвол по отношению к христианам вообще и их верховным руководителям, в частности[16]

Отличительная особенность работы Дитерихса и ее ценность заключается в том, что она дает богатейшие сведения по материалам расследований, предшествующих Соколову, то есть вводит читателя в круг представлений, которые стали складываться с первых дней занятия Екатеринбурга белыми и начала следственных действий, связанных с гибелью царской семьи. Например, жена свидетеля расстрела Павла Медведева рассказала автору книги со слов своего мужа, что всего было убито 12 человек, в том числе царь, царица, наследник, все княжны и слуги[17] Она привела также страшные детали, которые подтверждаются впервые публикуемой нами наиболее яркой частью исповеди организатора расстрела Я. Юровского.

Однако в это время, наряду с обнаружением реальных фактов преступления, начинают, как грибы после дождя, плодиться самые невероятные версии не только гибели, но и чудодейственного спасения августейших особ. Источником такой информации были, как правило, свидетельские показания, приводимые Дитерихсом, от имени второго или третьего лица по типу: кто-то что-то видел и кому-то о чем-то рассказал. Такому "испорченному телефону" не приходится удивляться, потому что основные участники событий ушли с частями Красной Армии, а второстепенные в силу своих возможностей сообщали то, что осталось от свидетельств очевидцев. Так зародились мифы о спасении Анастасии или других сестер, Алексея и даже самого Николая II[18] Поскольку трупы не были обнаружены, то вещественных доказательств преступления не существовало. Между тем семья исчезла. Поэтому возникла питательная среда для необузданных фантазий.

Сам Дитерихс утверждает, что у невинно убиенных Исаак Голощекин отделил головы, которые были заспиртованы и в трех тяжелых ящиках доставлены в Москву. В подтверждение такого вывода он ссылается на то обстоятельство, что в кострищах, где якобы сжигались тела, не было обнаружено зубов, которые горят хуже всего[19] С таким аргументом никак нельзя со-

гласиться потому, что в то время вообще не было обнаружено никаких останков, в том числе, естественно, и зубов. В захоронении, вскрытом в 1991 г. под Екатеринбургом, найдены не только зубы, но и черепа. Если будет доказано, что они принадлежат царской семье, то миф об отрезанных головах развеется сам собой.

Материалы Соколова и Дитерихса дополняет английский журналист Р. Вильтон, который работал вместе с ними, а позднее вывез за границу один из экземпляров следственного дела Соколова. Как и подобает литератору, Вильтон прежде всего стремился очертить характер действующих лиц романовской трагедии, и это ему удалось. Он много внимания уделяет характеристике личности Николая Александровича, Александры Федоровны и других. Причиной гибели царя Вильтон считает его несогласие сотрудничать с немцами, которые якобы готовы были восстановить его самого или сына на российском престоле с тем, чтобы мобилизовать силы для разгрома Антанты. К этому тезису он обращается неоднократно, приводя разные доказательства[20]

Вслед за Соколовым и Дитерихсом Вильтон живо рисует леденящую душу картину гибели царской семьи, сокрытия ее останков в урочище Четырех Братьев и массированную дезинформацию по этому поводу. Судя по контексту, он считает, что в Екатеринбурге погибла вся семья бывшего императора, а исполнителями приговора были преимущественно лица нерусской национальности.

К вышеназванным работам примыкает публикация П. Жильяра, основывающаяся преимущественно на личных впечатлениях от трагических событий, к которым он имел косвенное отношение. Бывший воспитатель наследника Алексея Пьер Жильяр написал интересную книгу о царской семье, но ее трагический конец он наблюдал только со стороны. По приезде в Екатеринбург его отделили от семьи, и он вынужден был жить на станции в железнодорожном вагоне, а потом уехал в Сибирь. О расстреле Николая Романова он узнал в Тюмени и вернулся в Екатеринбург только после взятия его белыми. По свежим следам событий Жильяр посетил места, связанные с гибелью семьи,

вместе со следователями собрал богатую информацию и вещественные доказательства о кровавых событиях.

Он наблюдал следы пуль и штыков в подвале Ипатьевского дома, видел обгорелые предметы, принадлежащие семье, разговаривал со многими очевидцами событий в городе и Коптяковском лесу. В результате пришел к выводу, что уничтожен не один император. Наблюдательный психолог отметил, как большевистские агенты пытались увести следствие в сторону от поисков трупов императрицы и детей. С его точки зрения, такая цель была частично достигнута, так как колчаковский следователь Сергеев потерял драгоценное время и был далек от понимания, что следует ложным путем[21] После того, как следствие перешло в руки Соколова, Жильяр много помогал ему, и они вместе пришли к выводу, что трупы надо искать в Коптяковском лесу, поскольку большевики не зря провели там три дня и три ночи и не просто жгли одежду своих пленников[22]

Ссылаясь на тома следственного дела Соколова, Жильяр утверждает, что германский кайзер склонялся к реставрации монархии в России при условии, что она примет сторону Германии, но Николай II не пожелал предавать союзников и в результате оказался в екатеринбургской ловушке[23] По мнению Жильяра, гибель семьи была предрешена в Москве. Не случайно за два дня до объявления о расстреле Юровский приглашал в Ипатьевский дом священника [24]

Судя по тексту книги, ее автор также является сторонником той версии, что погибла вся семья. Он пишет, что Великая княгиня Анастасия пала под ударами штыков. А однажды в Омске ему представили молодого человека, который выдавал себя за наследника Алексея. Учитель не признал в нем своего воспитанника и горестно заметил, что случай поставил на его пути первого из неисчислимого количества претендентов на русский престол[25]

Точка зрения Т. Мельник-Боткиной является продолжением позиции П. Жильяра. Ее мемуары в основном охватывают дореволюционный – частично Тобольский и частично Екатеринбургский — период жизни царской семьи. Особенно ценным, однако является то, что она объективно подходит к оценке участия Б. Соловьева (зятя Распутина) в попытке спасти бывшего импера-

тора из Тобольского заточения. Автор отмечает, что Соловьев вел двойную игру как с монархистами, так и с большевиками, пытаясь при этом извлечь собственную выгоду. Таким образом, он не оказал никакого содействия в освобождении царских узников[26] Достойным внимания является и тот факт, что Мельник-Боткина первая среди исследователей поднимает вопрос о судьбе царских драгоценностей. Она отмечает, что драгоценности были переданы полковнику Кобелинскому и в Ивановский женский монастырь, часть из них была извлечена из оправы и зашита в одежды великих княгинь[27]

В качестве ответа на западные публикации следует расценивать и книгу П.М. Быкова, вышедшую в 1926 г. в Свердловске, переизданную в 1930 г. в Москве и вскоре угодившую в спецхран. Будучи первым председателем исполкома Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, членом Уральского областного Совета в 1917–1918 гг., автор книги хорошо знал обстановку на Урале в те годы и располагал достоверной информацией, связанной с гибелью царской семьи. Ему не откажешь в наблюдательности, содержательности и живости повествования. Однако далеко не все его выводы и оценки событий можно принять на веру прежде всего потому, что они покоятся на безраздельно господствовавшем в те годы классовом подходе к событиям. Крушение царизма и всего связанного с ним, даже гибель безвинных детей императорской фамилии, воспевалось тогда как высшее проявление пролетарской революционности, а следовательно — целесообразности.

Четыре пятых книги посвящено событиям, связанным со свержением династии Романовых и их пребыванием под арестом в Царском Селе и Тобольске. Оценка реальных фактов дана здесь сквозь призму представлений первых послереволюционных лет и грешит не только абсолютизацией классового подхода, но и фактическими погрешностями, которые в значительной степени преодолены в последующих трудах историков. Мы не касаемся детально этой стороны вопроса, поскольку нас интересуют преимущественно сюжеты, связанные непосредственно с екатеринбургской трагедией.

В этом аспекте Быковым приведены весьма важные сведения. Он, в частности, констатирует, что, по имеющимся у него

данным, комиссар Яковлев просил у ВЦИК разрешения увезти бывшего царя к себе на родину, в Уфимскую губернию, и скрыть "в горах", но это предложение было отвергнуто[28] Между тем участники VII Уральской областной конференции РКП (б), состоявшейся в канун прибытия Николая II в Екатеринбург, высказались за скорейший расстрел Романовых, чтобы исключить попытки их освобождения и восстановления монархии в России[29]

Быков откровенно пишет о том, что на одном из своих заседаний Уральский Совет единодушно высказался за расстрел Николая Романова, но не хотел брать на себя ответственность без предварительных переговоров по этому вопросу с Центром. Тогда было решено командировать в Москву Голощекина, чтобы поставить вопрос о судьбе Романовых в ЦК партии и Президиуме ВЦИК. Последний предложил организовать суд над бывшим царем в Екатеринбурге в конце июля[30] Ко времени возвращения Голощекина в Екатеринбург стало ясно, что для организации суда нет времени, потому что город не сможет долго продержаться под натиском белых. Тогда областной Совет решил Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними, что и было сделано. В результате погибла вся царская семья вместе с приближенными, всего 11 человек[31]

В книге приводится ориентировочное место захоронения трупов — район Коптяковской дороги (урочище "Четырех Братьев", "Ганина Яма"), т.е. там, где следы преступления искал колчаковский следователь Соколов[32] Автор резюмирует кровавые события следующим характерным для того времени заключением: "Своей победой над последними защитниками монархизма трудящаяся Россия еще глубже вогнала осиновый кол в могилу династии Романовых, и какие бы меры ни принимали оставшиеся в живых охвостья этого дома за границей, покойника из могилы не воротить"[33]

Большинство последующих изданий представляло собой разного качества западные вариации на данную тему без существенного пополнения новыми материалами, поскольку получить их из Советской России было невозможно, а зарубежные источники практически исчерпались. Всю эту литературу можно условно разделить на две части. В первую входят произведения,

вышедшие из-под пера русской эмиграции[34], во вторую — разработки западных ученых и журналистов[35]

Проследим позиции авторов той и другой групп на примере конкретных публикаций. Первая группа публикаций представлена работами таких авторов как Г Боткин, П. Булыгин, С. Мельгунов и Д. Тревин, а так же трудами Архимандрита Константина и С. Позднышева. Они привлекают богатством собранного по интересующей нас проблеме материала. Публикация Боткина основывается на его собственных суждениях о семье Романовых, рассказах его родителей и впечатлениях от встреч с предполагаемой дочерью царя Анастасией в Европе и США. Его книга разделена на две части. Таким образом, она содержит описание жизни Романовых в дореволюционный и после революционный периоды, включая их пребывание в Тобольске и Екатеринбурге. Очень большое внимание уделяется судьбе Анастасии. Автор склоняется к мнению, что она сумела сбежать из Ипатьевского дома с помощью красноармейца Чайковского. Ходили слухи, что он стал ее мужем и отцом ее ребенка. Позднее Боткин заберет ее из Европы в США, и таким образом, будут разрушены ее связи с родственниками, которые могли бы подтвердить ее происхождение. Безусловно, все это очень интересно, однако страдает незначительным количеством доказательств.

П. Булыгин, как член группы, расследующей обстоятельства гибели царской семьи, представляет в своей работе наиболее ужасающую картину убийства. На формирование его образа мышления повлияли "Венгерские преступники " и "Латыши". В этом собирательном образе он увидел представителей международного коммунизма, возглавляемого людьми, слепо преданными В. Ленину, таких как Р. Голощекин, П. Войков и Г Сафаров[36] Как утверждает Булыгин, Ленин "был убийцей, а все остальные просто находились под его влиянием"[37] Подобное утверждение не подтверждается какими-либо свидетельствами.

Согласно другой версии автора, немцы якобы пытались спасти Романовых посредством подписания Брестского договора. Она также нуждается в дополнительной аргументации. Можно согласиться, что немцы были действительно заинтересованы в подписании договора, чтобы предотвратить распростране-

ние русской анархии на их территорию. Но едва ли возможно принять мнение, что "правительство Вильгельма планировало восстановить монархию в России, и если бы династия была чудом спасена, она не смогла бы впоследствии относиться враждебно к своим спасителям"[38] Не исключено, что Кайзера посещали подобные мысли, но Булыгин не предоставляет никаких свидетельств. В подтверждение своей версии он даже не может сослаться на текст Брестского договора просто потому, что там нет соответствующих статей. Кроме того, известно, что Николай II сам был против данного договора.

Масштабный труд С. Мельгунова "Судьба императора Николая II после его отречения" представляет собой историческое критическое эссе, в котором анализируются различные точки зрения Н. Соколова, М. Дитерихса, А. Керенского, В. Гурко, П. Быкова и др. относительно событий, связанных с гибелью царской семьи. Отдавая должное ряду серьезных работ, он в то же время отмечает, что в последние годы данный вопрос вызывает множество комментариев со стороны непосредственных и косвенных свидетелей событий и в их показаниях очень много "фантастического вымысла"[39]

Мельгунов разделяет мнение Булыгина о том, что, находясь в Тобольске, Николай II был под "наблюдением" немцев. Здесь было использовано старое и проверенное средство: через шпиона была получена бумага с печатью, подтверждающую это у Распутина. (?) Более того, "тактические методы" немцев настолько тесно переплетались с большевистскими, что Б. Соловьев (зять Распутина), служа по необходимости первым, служил так же и последним[40] Согласно позиции Мельгунова, царь считал, что "немцы хотели установить в России такой режим, при котором у них будет возможность использовать российские природные ресурсы для продолжения войны с Антантой. Для этого было необходимо оказать влияние на царя и обеспечить условия для передачи трона его сыну"[41] Вступая в полемику с Гурко и другими авторами относительно сути переговоров между большевиками и немцами во время июльского кризиса 1918 г., Мельгунов резко заявляет: "Помня убийство Мирбаха, немцы были более озабочены Украинским хлебом и сахаром, Кавказской нефтью, чем судьбой монарха, который должен был быть

на передовой линии национального движения, а вместо этого находился под арестом в Екатеринбурге"[42]

Он утверждает, что судьба царской семьи была неразрывно связана с хроническим кризисом, в котором пребывали большевики. По его мнению, весной 1918 г. Советская власть начала предпринимать меры по подготовке к эвакуации на Урал. И не только золотые запасы, но и пленники, включая Романовых, перевозились на Урал[43] Соответственно, он приходит к выводу, что убийства в Екатеринбурге и Алапаевске - это звенья одной цепи.

Исследования вопроса о принятии решения о расстреле царской семьи и его исполнения проводились на основе информации, полученной из признаний не совсем трезвого П. Войкова, сделанных в новогоднюю ночь 1925 г. В то время он был советским полномочным представителем в Польше, а ранее занимал пост комиссара по продовольствию на Урале. Также были привлечены комментарии бывшего председателя Уралсовета А. Белобородова. Только эти источники содержат опубликованные данные, исходящие от непосредственных участников этой кровавой драмы. Таким образом, следует, что решение о расстреле царской семьи было принято Уралсоветом, после того как оно получило подтверждение в Москве и было передано через представителей центра на Урале Якова Свердлова и Николая Крестинского. Центральные власти действовали таким способом, потому что опасались возможности попадания царя в руки Антанты через белых или чехов[44] Автор рассматривает и другие точки зрения, но в итоге приходит к единственному, на наш взгляд, правильному выводу: "Все эти предположения в одинаковой степени беспочвенны, т. к. они не основаны на фактах, которые можно было бы подтвердить"[45] Даже сейчас, полвека спустя, очень сложно установить реальные факты, и вопрос о том, кто приказал расстрелять царскую семью, остается открытым.

Мельгунов прав, привлекая внимание к тому факту, что скудная и неполная информация о гибели царской семьи от официальных советских органов и неудача попытки отряда Колчака найти тела убитых не могут не породить серию мифов о таинственном спасении некоторых, а может быть, и всех чле-

нов семьи. Может быть, он и не ошибается, предполагая, что все эти мифы были преднамеренно распространены большевистскими агентами, чтобы ослабить напряжение внутри страны и ввести в заблуждение мировое общественное мнение. В этом же контексте он трактует вопрос, связанный с головой царя, якобы доставленной в Москву в спиртовом растворе как часть материального доказательства того, что император был казнен[46] Никто из исследователей, однако, не преуспел в доказательстве или опровержении данной версии. В то же время распространяются слухи, что охота за головой царя до сих пор продолжается; считается, что тот, кто обладает головой российского монарха владеет миром.

Завершая рассмотрение работы Мельгунова, хотелось бы отметить, что хотя он весьма детально и основательно анализирует и критикует работы предшественников, к сожалению, так и не выдвигает собственной альтернативной версии случившегося. По всей видимости, это происходит потому, если принять его позицию, что отсутствуют проверенные свидетельства, раскрывающие все тайны драматической истории последних дней несчастного императора и его семьи, проведенных в "столице Красного Урала"[47]

В связи с 25-летием гибели царской семьи в Харбине в 1943 г. опубликована работа профессора и священника К. Зайцева под названием "В память о последнем императоре" Четверть века спустя, в Джорданвилле (США) был издан этот же текст в виде брошюры под авторством Архимандрита Константина. Он не содержал каких-либо новых фактов относительно гибели царской семьи, но представил интересную интерпретацию данного события. Автор пишет: "С отречением царя, с опустением трона и изгнанием династии, с мученической гибелью царской семьи Россия перестала существовать"[48] Небезынтересен и его взгляд на то, кто непосредственно исполнял приговор, вынесенный царской семье. "С большевиков как с гуся вода! Но они всего лишь произнесли последнюю букву в ужасном алфавите не собственного сочинения"[49] Но остается непонятным, чье же, в конце концов, это было изобретение. Однако перспектива для России в брошюре вырисовывается достаточно четко: "До тех

пор, пока Россия не пройдет путь духовного возрождения, она не сможет вернуться в сообщество цивилизованных стран"[50]

В это же время и по этому же случаю С. Позднышев написал работу "Негаснущий свет"; ее публикация задержалась на пять лет в связи с немецкой оккупацией. Целью работы было создание образа Николая II как личности, наделенной высокими моральными и интеллектуальными качествами, которые были проявлены в отношении к Родине и Православной церкви. По мнению автора, грех цареубийства пал на весь русский народ и никакое раскаяние, ни лживые извинения не смогут его искупить. Книга в подробностях повествует о том, как 25-летие со дня убийства царской семьи отмечалось в различных городах Европы.

Монография Д. Тревина "Дом особого назначения" вышла в свет гораздо позже вышеупомянутых работ, но также принадлежит к категории публикаций, базирующихся на воспоминаниях тех, кто тем или иным образом был вовлечен в Екатеринбургскую трагедию. Она представляет собой интерпретацию трагических событий в Екатеринбурге по материалам наставника царских детей Сиднея Гиббса, который вместе с Соколовым собирал сведения о гибели императорской семьи и переправлял эти материалы в Европу.

Тревин пишет, видимо, со слов Гиббса, о том, что ящик с вещественными доказательствами, в том числе с тринадцатью каплями крови августейших особ и пальцем царицы, помещенными в спирт, хранился в фамильной усыпальнице французского генерала Жанена[51] Он же сообщает со ссылкой на миллионера Скидельского, родственника Троцкого, что жена последнего получила в подарок от своего мужа кольцо со светло-голубым алмазом, якобы принадлежавшее дочери царя Татьяне[52]

Тревин разделяет вывод Соколова о том, что вся императорская семья погибла в Екатеринбурге, а случилось это по распоряжению Москвы, принятому под давлением немцев[53] Вместе с тем он приводит многочисленные версии о чудодейственном спасении отдельных ее представителей, причем многие из них заведомо ложные. Так, еще в конце 1917 г. в одной из американских газет появилось сообщение о том, что Татьяна Николаевна пересекла Атлантику и оказалась в Новом Свете. В действи-

тельности же она в то время сидела рядом с Гиббсом в гостиной губернаторского дома в Тобольске и читала заметку о самой себе[54] Из этого факта автор книги делает вывод, что после действительной гибели семьи появился неограниченный простор для буйной фантазии на царскую тему.

В этом ключе он рассматривает и свидетельства лже-Анастасии, которая в подтверждение своего знания мельчайших подробностей жизни императорской семьи и ее окружения сообщала, что Гиббс хромает, тогда как к этому не было никаких оснований, о чем он с сарказмом писал своим друзьям[55] Тревин резюмирует, что как только начинаются вымыслы, их уже нельзя остановить, а распространялись они, по его мнению, из Екатеринбурга и находили питательную почву в народе, считавшем царя божьим избранником, который не мог так просто погибнуть и потерять законное право на престолонаследие.

Из второй группы публикаций наиболее типичными являются книги Б. Пареса "Падение Российской монархии", Н. Франкланда "Корона трагедии. Николай II", Р. Масси "Николай и Александра", Г Ричардса "Охота на царя", Г Нулла "Заговорщик, спасший Романовых" и А. Саммерса, Т. Мэнгольда "Досье Романовых" Первая потому, что она представляет уровень разработки проблемы в 30-е гг., а вторая — в 70-е гг.

В большой книге Пареса основательно и детально прослежены главные события последнего царствования, начиная с восшествия на престол Николая II и кончая его отречением. Гибели же семьи посвящено всего несколько страниц эпилога, и то основанных на старых материалах, хранившихся у русской эмиграции. Вместе с тем автор высказывает ряд соображений, которые заслуживают внимания. Вывоз царя из Тобольска в западном направлении он объясняет требованием немцев, которые якобы после заключения Брестского мира диктовали свои условия Советскому правительству[56] У бывшего императора, по мнению Пареса, была мысль, что по приезде в Москву семью вышлют из России в Швецию или скорее всего в Данию, к родственникам[57] Надо отдать должное проницательности автора относительно того, что комиссар Яковлев выполнял указания Свердлова, а не вел собственную игру по спасению императорской семьи[58] Сцена расстрела в анализируемой монографии воспроизводится

в духе широко известных описаний Соколова и Быкова. При этом есть основания считать, что Парес склоняется к версии о полной гибели семьи[59]

Хотя у книги Н. Франкланда претенциозное название, в информационном плане она не содержит ничего нового. Он повторяет всем известные факты, но приходит к четкому выводу: "Никто не сомневается, что судьба Николая и его сына была предрешена в эту ужасную июльскую ночь 1918 г. Не остается сомнений и в том, что они разделили свою участь с царицей, на роль которой никто впоследствии не осмеливался, да и не хотел претендовать, и великих княгинь"[60] Автор ошибся только относительно судьбы Ю. Юровского, о котором после того, как он уехал в Москву, больше никто не слышал. По всей вероятности, он исчез так же безвозвратно, как он желал того царю"[61] В действительности же, и тому есть подтверждения, он никуда не исчезал, а поделился с миром тем, что он совершил, хотя и в абсолютно таинственной форме.

Известная книга Роберта Масси, посвященная семье российского императора, содержит богатый материал по истории России, но последний акт трагедии излагается схематично, видимо из-за отсутствия новой информации. Тем не менее, некоторые выводы, к которым приходит автор, заслуживают, внимания. Более того, они были приняты его последователями. Масси пишет, что "в Уралсовете никогда не было сомнений относительно того, что делать с Николаем" "Вскоре после его прибытия в Екатеринбург, Совет единогласно принял решение о его казни. Однако, не желая брать ответственность за это на себя, Совет послал Голощекина в Москву, чтобы узнать мнение центрального правительства по этому вопросу... Приехав, Голощекин выяснил, что лидеры еще не приняли окончательное решение относительно дальнейшей участи царя; они до сих пор рассматривали предложение Троцкого - устроить в конце июля публичный суд, где в качестве обвинителя выступал бы сам Троцкий"[62]

Между тем, гражданская война торопила развитие событий и заставила скорее решать судьбу Романовых. Масси отмечает, что "12 июля Голощекин возвратился из Москвы и, представ перед Уралсоветом, заявил, что партийные лидеры намеревались оставить решение вопроса судьбы Романовых за собой.

Командующего Красной Армией спросили, как долго Екатеринбург еще сможет держаться против белых. Он ответил, что чехи уже обошли город с южного фланга и не исключено, что Екатеринбург падет в течение трех дней. Услышав это, Уралсовет принял решение как можно скорее расстрелять царскую семью и ликвидировать все свидетельства данного акта"[63]

Можно счесть приемлемой предлагаемую автором интерпретацию процесса принятия решения о судьбе царской семьи, но едва ли можно согласиться с описанием их смерти и способа погребения тел. Автор заявляет, что они были полностью уничтожены в огне и кислоте[64], но доступные источники этого не подтверждают.

Гай Ричардс берет на себя сложную задачу — доказать возможность спасения Романовых. Он приводит множество подчас уникального материала и заявляет, что "существует много доказательств, что все члены царской семьи тайно бежали. По совместному соглашению с большевиками, их исчезновение было представлено как расстрел. Существуют серьезные доказательства того, что данная версия была принята выжившими членами царской семьи"[65] Г Ричардс напоминает читателю, что назначенный Колчаком следователь Соколов подтвердил гибель всех Романовых, но при этом подчеркивает, что " у Романовых была прекрасная возможность спастись не только от коммунистов, но и от расследования Соколова"[66]

Гарри Нулл развивает данную тему дальше. На первый план он выводит заговорщика Аарона Симановича, бывшего секретаря Григория Распутина и "наделяет" фантастическими возможностями, необходимыми для спасения царской семьи. Автор заявляет, что немецкий Кайзер настоял на включение в Брестский мирный договор секретного пункта, который якобы гарантировал освобождение царской семьи, но большевики его не выполнили[67] Впоследствии Симанович отправился в Берлин, чтобы договориться с Вильгельмом II о совместных действиях по освобождению семьи Романовых, и после достижения соглашения уехал в Тюмень, где в это время содержался бывший император[68] Заговорщик якобы подкупил комиссара Яковлева суммой в размере 50 тысяч рублей, чтобы последний изменил направление поезда от Москвы к немецкой границе. Поездка заняла бы

20 часов, чтобы добраться до западных просторов[69] Полагаю, что на этом месте следует прервать автора в развитии его невероятных теорий. В первую очередь, хотелось бы заметить, что поезд не смог бы добраться до места назначения так скоро. Для того, чтобы преодолеть это расстояние, понадобилось бы несколько дней. Во-вторых, поезд ехал по восточному направлению в Омск, а не по западному и, более того, по приказу Яковлева, а не Симановича. Все это было заранее обговорено с большевиками в Москве.

После провала его первой попытки Симанович решил предпринять вторую. Он внедрил своего британского сообщника Фокса в охрану Дома Специального Назначения в Екатеринбурге, где содержался царь. Фокс сумел сделать блестящую карьеру, и через две недели большевики произвели его в ранг капитана. Фокс действовал следующим образом. Он сильно напоил коменданта города, отравил пару охранников Дома Специального Назначения, освободил царскую семью, посадил ее в грузовик, который направился в Одессу, а затем в Польшу. Час спустя "лес вокруг Ипатьевского дома содрогнулся от выстрелов винтовок" и море человеческой крови разлилось по полу подвала. В это же время в нескольких милях от города в горной шахте Симанович развел костер, и бросил в яму вещи, принадлежавшие царской семье и фальшивый зуб Боткина. Когда погасли тлеющие угольки, он вылил на прах пару литров серной кислоты. В эту шипящую лужу из кислоты и грязи главный заговорщик подбросил горсть бриллиантов. "Это были подарки Распутина. Даже после смерти он служил царю"[70]

Автора этой детективной истории не смутил и тот факт, что Ипатьевский дом находился в самом центре города и был окружен не лесом, а двойной изгородью и охранялся не двумя охранниками, а целым воинским контингентом. Кроме того, кровь можно было заметить не только в подвале, но и на машинах, транспортировавших не спасшихся Романовых, а их мертвые тела. Щедрая рука Симановича должна была представлять руку гиганта, держащего несколько коробочек с царскими драгоценностями, привезенными Юровским в Москву сразу же после расстрела. Заявление Гари Нулла, что Николай II тихо умер в 1952 г. в небольшой польской деревушке Ciosanies, не может не

вызвать горькой улыбки[71] Возникает естественный вопрос: зачем тогда советское правительство взяло на себя ответственность за расстрел Николая II в 1918 г., и почему Николай II умер во второй раз в Грузии (Сухуми) в 1957 г.?

Труд Саммерса и Мэнгольда представляет собой значительный шаг вперед в разработке истории гибели Романовых и открывает новый этап в ее освещении. Во-первых, авторы обнаружили много свежих, ранее не известных материалов. Во-вторых, дали им свою альтернативную интерпретацию, заметно отличающуюся от предшествующих, опиравшихся преимущественно на известные сведения Соколова и его ассистентов.

Авторы отталкиваются от официальной версии о расстреле всей царской семьи, но ставят задачу приоткрыть полувековую завесу тайны, которая окружала это дело и питала многочисленные легенды. По значимости они ставят убийство царских особ в России в один ряд с сараевским и далласовским. Работая по поручению Би-би-си, Саммерс и Мэнгольд, по их собственным словам, постоянно находились "между историей и журналистикой" Надо сказать, что история от этого не проиграла, поскольку ей на службу было поставлено большое количество новых документов, огромный опыт сотрудников Скотленд-Ярда, принявших участие в их интерпретации, а также живое слово журналистов, донесших до читателя весь драматизм цареубийства и трудный поиск его свидетельств.

В первой половине 70-х гг. авторы объехали весь мир в поисках новых документов, знакомясь "с письмами, отчетами, свидетельскими показаниями, меморандумами, всем, изложенным полвека спустя королями и революционерами, премьер-министрами и крестьянами"[72] Записка секретного отчета заставила их отправиться в Министерство иностранных дел Японии, а датский след привел к рапорту секретных служб Вашингтона[73] Но там не нашлось достаточных аргументов для вынесения окончательного решения. Только много позже они наткнулись на документы, которые искали с самого начала: семитомное досье первоначальных свидетельских показаний по делу Романовых, на основе которых писал свою книгу Соколов, отбирая те факты, которые подтверждали его версию гибели всей императорской семьи.

В 1962 г. на чердаке парижского антиквара были найдены негативы фотографий, относящихся к Соколовскому следствию с его пометками, но сопроводительные документы исчезли. Старый царский генерал Позднышев сообщил, что досье забрали немцы во время Второй мировой войны, но другой комплект якобы оказался у нейтральных лиц[74] По всей вероятности, имелся в виду экземпляр английского журналиста Вильтона, который вручил ему Соколов перед отъездом из Сибири. Оказалось, что этот экземпляр вдова Вильтона продала на аукционе Сотбис в 1937 г. и его следы затерялись. После долгих и мучительных поисков выяснилось, что досье, пройдя через многие руки, осело в библиотеке Гарвардского университета[75]

Его анализ привел Саммерса и Мэнгольда к выводу, что Соколов при подготовке своего капитального труда резко сократил первоначальный материал, педантично использовал все, что соответствовало его версии о полной гибели царской семьи, аккуратно опуская свидетельства противоположного характера[76] Между тем они "нашли новые документы, которые ясно показывали, что не все Романовы были уничтожены в доме Ипатьева. Они позволяли верить, что только два члена семьи были убиты в Екатеринбурге... Это открытие объясняет, почему никогда не был найден ни один труп"[77]

Более того, Саммерс и Мэнгольд решились утверждать, что "большинство членов семьи Романовых были еще живы месяц после того, как их объявили мертвыми"[78] Эти доказательства обнаружены в оригинальных рапортах русских белогвардейцев, которые держались в секрете, но не уничтожались[79] В данной связи невольно приходит на ум то обстоятельство, что двое следователей, предшествовавших Соколову, были расстреляны.

В подтверждение своих выводов авторы рассматриваемой книги обращаются к другому источнику, долгое время оставшемуся недоступным исследователям. В 1936 г в Гуверовский институт при Стенфордском университете обратился неизвестный, который держал в руках сумку из черной мешковины. Он предложил подарить содержимое сумки институту при условии, что оно останется опечатанным и не будет вскрыто до 1 января 1950 г. Получив такую гарантию, незнакомец сдал сумку, а сам ушел и больше никогда не появлялся. Когда по истечении ука-

занного срока сумку открыли, то в ней оказалось досье Никандра Миролюбова, профессора криминалистики, который служил прокурором в Казани и держал под надзором дело Романовых при Колчаке. Досье Миролюбова состояло из двух папок. В одной находились заметка Соколова и несколько писем, в другой - переписка между Миролюбовым и его представителем в Екатеринбурге, прокурором Иорданским. Эта переписка содержала свидетельства основополагающей важности, не публиковавшиеся Соколовым[80]

Саммерс и Мэнгольд цитируют заявление капитана Малиновского, который прошел по самым свежим следам трагедии в Ипатьевском доме: "Моя работа по делу привела меня к заключению, что императорская семья жива. Мне кажется, что большевики расстреляли кого-то в комнате, чтобы симулировать убийство императорской семьи, затем сопроводили ее на дорогу в Коптяки ночью с намерением заставить поверить в убийство. Одели семью по-крестьянски и увезли в другое место после сожжения их одежды. Вот о чем заставляют думать мои наблюдения и размышления. Мне кажется, что немецкий императорский двор абсолютно не мог позволить подобного преступления"[81] Из высказывания Малиновского авторы книги делают вывод, что "Германия в самом деле была замешана в Екатеринбургские события"[82]

В книге приводятся свидетельства сына доктора Боткина Глеба о том, что белогвардейский комендант Екатеринбурга князь Кули-Мирза "показал ему множество секретных донесений, согласно которым императорская семья сначала была отправлена в монастырь в окрестностях Перми, а затем перевезена в Данию"[83]

Рассматривая версию Соколова, Саммерс и Мэнгольд констатируют, что он был сторонником взгляда о гибели всей семьи. При этом приводят с нашей точки зрения безоговорочные доказательства этого, в частности, телеграмму, отправленную из Екатеринбурга Белобородовым о том, что семью постигла та же участь, что и царя[84] Правда, авторы апеллируют к мнению американского адвоката Джона О'Коннора, который считает данную телеграмму условной в масштабной системе дезинформации, поскольку "все, что происходило с Романовыми, ставило

политические проблемы слишком затруднительные и слишком деликатные, чтобы быть когда-нибудь раскрытыми. Например, возможно, что большевики вывезли Романовых из Екатеринбурга и передали немцам... Это было бы глубоко оскорбительным и для большевиков и для царя"[85] После тщательного анализа телеграммы с помощью высоких авторитетов в области дешифровки Саммерс и Мэнгольд резюмируют: "Историки никогда не изучали близко этот документ. При его исследовании проясняется, что в лучшем случае его аутентичность слишком сомнительна, чтобы строить доказательство на нем одном, а в худшем, что он может быть подделкой"[86]

Не исключают они и фальсификацию ряда свидетельских показаний, даже участника расстрела Павла Медведева, поскольку информацию от него белые офицеры получили по одним сведениям в тифозной горячке, а по другим — под пыткой, после которой он скончался[87] В подтверждение своей версии авторы книги ссылаются на досье Миролюбова из Гуверовского института. Через три дня после смерти Медведева профессор писал, что сомневается в достоверности этой новости. А в информации директора тюрьмы, в которой содержали Медведева, нет сведений о его болезни. Авторы даже сомневаются: "а был ли узник на самом деле Медведевым"[88] По крайней мере, его надо "было допросить еще раз"[89] Но Соколов не получил такой возможности, так как к его приезду Медведева уже не было в живых.

Следственные действия самого Соколова в Ипатьевском доме и урочище Четырех Братьев западные критики не подвергают сомнениям. Они воспроизводят его выводы о расстреле большой группы людей в подвальной комнате дома, о перевозке трупов к шахте, сжигании их там, присутствии на месте преступления Голощекина и Юровского, цитируют заключение о том, что "вывод об этом ужасаемом преступлении основан только на результатах тщательного судебного расследования"[90] В данной связи возникает вопрос о правомерности предшествующих опровержений авторов "Досье...", поскольку они не находят возражений против итоговых выводов Соколова.

Саммерс и Мэнгольд вносят свою лепту и в толкование исходных позиций екатеринбургской трагедии как директив большевистского центра. По их сведениям, в июне 1918 г. со-

стоялось совещание в Политбюро, где Троцкий предложил провести публичный судебный процесс над царем. Ленин считал, что в ситуации хаоса, царящего в стране, этого делать не следует. Предложение Троцкого не прошло[91] Между тем начали упорно распространяться слухи о смерти царя. 27 июня комендарм Я. Берзин запросил Москву на этот счет. Ему ответил Ленин, приказав взять всю императорскую семью под свое покровительство и отвечать за нее своей жизнью[92] Из данного факта авторы книги делают вывод: "Ленин лично был заинтересован, чтобы ничего плохого не случилось с Романовыми"[93] Смену коменданта Дома особого назначения пьяницы Авдеева на крепкого характером Юровского они расценили позитивно, считая, что после этого Романовы оказались в надежных руках. А дальнейшая их судьба связывалась "с тем кризисом, который настал после убийства Мирбаха, — Ленину важно было выторговать передышку"[94]

Немцы, как явствует из приведенных в книге телеграмм, не поверили в сообщение о расстреле царя. Нарком иностранных дел Георгий Чичерин на первой встрече с германской стороной ничего не сказал о судьбе семьи, во второй раз заметил, что "царица отправлена в Пермь". С точки зрения авторов книги, такое поведение можно объяснить или незнанием существа дела, или стремлением сохранить Романовых в качестве заложников для торга с Германией[95]

Через шесть недель после исчезновения семьи Карл Радек выступил с инициативой обменять Романовых на русских пленных, а затем высказался за их обмен на лидеров польской социал-демократии. Саммерс и Мэнгольд из этих фактов делают вывод: "Следовательно, семья жива. Радек был специалистом по немецким делам и таким же реалистом, как Ленин. Если "козыри-Романовы" были уже мертвы, было бы абсурдно предлагать их обмен на свободу товарищей..."[96] Более того, немцы получили уверения от своих агентов, что женщины живыми выехали из Екатеринбурга[97] Не верить прекрасно организованной немецкой разведке было трудно.

Авторы "Досье Романовых", считая Григория Зиновьева одним из самых главных и информированных советских руководителей, ссылаются на его высказывание о том, что царь убит, а

семья живет в безопасности в одном из сибирских городов, название которого запрещено сообщать. Не исключен из списка "сохранителей" царской семьи и Феликс Дзержинский. По словам авторов, он высказывался в том смысле, что женщины Романовы не были убиты в Екатеринбурге[98]

Как относиться к таким заявлениям? По всей вероятности, это была дисциплинированная поддержка официального советского заявления, и продолжалась она до тех пор, пока в этом была надобность. По крайней мере, после революции в Германии и поражения ее в Первой мировой войне такие заявления прекратились.

Любопытна оценка авторов "Досье Романовых" международных аспектов трагедии. С их точки зрения, оказать реальное влияние на течение событий могли только два государства: Англия и Германия. Поскольку Германия находилась в состоянии войны с Россией, то преимущество оказывалось на стороне Англии, тем более, что Николай II и Георг V были двоюродными братьями и очень близкими друзьями. В 1977 г лорд Маунтбатон, самый близкий из еще живших родственников царя, так определил роль Георга V в деле Романовых: "О да! В первые дни он говорил об этом с моей матерью. Он хотел точно представить ему убежище в Англии, но правительство и премьер-министр воспротивились этому по политическим соображениям, и в тот момент войны это можно было понять. И я думаю, что было бы очень трудно пойти против их воли..."[99]

Однако досье раскрывает и другой факт именно Георг V, а не его министры, отказал царю в убежище. "Не экстремисты, не ветрянка (болезнь наследника — В.А.) решили судьбу семьи, считают Саммерс и Мэнгольд, а кульбит кузена царя, Георга V, который внезапно переменил свое мнение о предоставлении убежища... и не только по причине опасности путешествия, но и главным образом по политическим причинам"[100], но об этом никогда не говорилось публично.

В тот момент, когда Керенский и англичане спорили об отъезде царя в Великобританию, Датский двор обратился к Германии за помощью в его спасении. Вильгельм II отдал приказ вооруженным силам не противодействовать въезду императора, но по разным причинам он не состоялся[101] Тем временем между

немцами и большевиками был заключен Брестский мир, после чего распространился слух, что он содержит пункт, по которому царь и его семья должны быть освобождены. На основе скрупулезных исследований Саммерс и Мэнгольд пришли к выводу, что официально такого пункта не существовало, хотя не исключают возможности какого-то устного соглашения[102] В официальных заявлениях немецкий посол Мирбах утверждал, что "судьба царя — проблема русского народа, а дело немцев — защищать своих принцесс — царицу и ее сестру Елизавету"[103] Некоторые обстоятельства показывают, что в критические недели июля 1918 г. германский император действительно предпринял действия для спасения царской семьи. 5 июля членам Государственного совета Украины князю Александру Долгорукову и Федору Безаку позвонил немецкий дипломат барон Альвенслебен и предложил встретиться. Во время встречи он сообщил: "Император Вильгельм желает любой ценой спасти Николая II. При этом было сообщено, что между 16 и 20 июля будут распространяться слухи о смерти царя... они будут ложны... Но необходимо, чтобы они распространялись в частности для того, чтобы можно было спасти царя"[104] Не трудно представить изумление русских монархистов, когда эти предсказания сбылись.

Авторы "Досье Романовых" делают вывод: "Германия вела очень страшную игру.., Если Берлин точно знал о смерти царя, то можно прийти к выводу, что немцы были прямо замешаны в убийстве, совершенном коммунистами" [76] В чем же дело? Прояснить тайну очень трудно, потому что человек, который ее знал, по утверждению Саммерса и Мэнгольда, скончался в 1926 г., никому не сообщив о ней. На протяжении многих веков характерной чертой отечественной истории было самозванчество, а после гибели царской семьи в Екатеринбурге оно приобрело международный характер. То из Сибири, то с Украины, то из Германии, то из США, а то из Японии или Китая поступала информация о том, что там видели кого-то из этой семьи. Многие из них предъявляли настойчивые претензии на российский престол. Сообщается, как в 1920 г. толпа журналистов взяла на абордаж пассажирское судно, прибывшее в Нью-Йорк и в судовом машинисте "опознала" русского царя[106] Множество исто-

рий посвящено "чудесному спасению" детей Романовых. 31 декабря 1963 г. в США была организована даже трогательная встреча Алексея и Анастасии[107]

Самый большой успех в этой мистификации имела Анастасия, появившаяся на берлинской сцене в начале 1920 г. Она рассказала, что когда начали стрелять в подвале Ипатьевского дома, ей удалось спрятаться за одну из своих сестер, после чего потеряла сознание. Очнулась в семье солдата, который ее спас. От него она имела сына, погибшего во время ее бегства из России. Загадочной истории Анастасии на Западе посвящена серия книг и голливудский фильм.

Она поставила рекорд XX в. по длительности судебного разбирательства, которое длилось с 1938 по 1970 гг., но осталось без решения. Судьи не сочли возможным признать смерть Анастасии в Екатеринбурге историческим фактом, но и не могли утверждать, что Анна Андерсон есть Анастасия. В качестве свидетелей выступили против идентификации преимущественно представители дома Романовых. Другие люди, часто общавшиеся с царской семьей, узнавали в претендентке княгиню Анастасию, что засвидетельствовали дочь царского врача Татьяна Боткина, знаменитая балерина Матильда Кшесинская и др. То же доказывали некоторые криминалисты, сравнивая особенности отдельных частей ее тела, ранений и почерка[108] Характеризуя события июльской ночи восемнадцатого года, сама Анна-Анастасия заявила: "То, что произошло в Екатеринбурге, совершенно отлично от того, что рассказывают, но если я это расскажу, подумают, что я сумасшедшая"[109]

Специальная глава книги — "Пучок лжи" посвящена дезинформации екатеринбургского убийства. В данной связи очерк П. Быкова назван не иначе, как отчетом, написанным на материалах из досье Соколова, выкраденных у автора в Берлине и переправленных в Москву[110] Возможно, для такого заявления есть основания, поскольку в бывшем архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранилась часть документов из следственного дела Соколова. Надо полагать, сам он их туда не передавал. Авторы возмущены тем, что убийцы на страницах советской прессы долгое время выступали в качестве героев.

Несколько особняком в рассматриваемом сочинении стоит глава о миссии комиссара Яковлева. Она мало связана с основными событиями, происходившими в доме Ипатьева и их международным эхом, но содержит ряд любопытных материалов и размышлений, мимо которых пройти нельзя. Констатируется, например: "Николай знал, что монархисты вынашивают множество планов спасения, но понимал, что они не имеют шансов на удачу"[111] Во второй половине апреля один из инициаторов этих планов — муж дочери Распутина Марии Борис Соловьев был арестован в Тобольске, а через несколько дней туда прибыл во главе 150 кавалеристов Василий Яковлев, которому было поручено переправить бывшего царя в Екатеринбург.

Кто такой Яковлев, чью волю он исполнял, какие цели преследовал? Эти вопросы, начиная со следователя Соколова, не давали покоя всем, кто пытался распутать тугой узел романовской трагедии. Не смогли их обойти и Саммерс с Мэнгольдом, но и решить не сумели. Они пишут, что "Яковлев махал тремя бумажками, согласно которым он имел миссию исключительной важности и угрожал расстрелять на месте, кто осмелится ему противодействовать"[112] Внизу документов было много подписей и среди них — Свердлова, из чего следовало, что комиссар выполняет волю большевиков. Это не мешало ему очень уважительно и заботливо относиться к царю, заявляя, что "положит жизнь за его безопасность"[113] Комиссар пытался миновать Екатеринбург, чтобы не допустить передачи Николая в руки уральских экстремистов, за что был объявлен ими изменником революции.

Саммерс и Мэнгольд ставят вопрос: если изменил, то в чью пользу? С одной стороны, они приводят свидетельство того, что он "решил сам спасти царя, зная, что его хотят расстрелять"[114] С другой стороны, допускают мысль, что за ним стояла какая-то сила, стремящаяся реставрировать монархию в России, возможно, даже зарубежная[115] Позднее Яковлев перешел к белым, где будто бы его след затерялся. Отсюда делается вывод, что он изначально был против передачи царя в руки большевиков. На самом же деле оснований для таких выводов нет. С самого начала Яковлев был убежденным и активным большевиком, преданно выполнял задание партии и правительства. После своего

"грехопадения" осенью 1918 г. вернулся в лоно Советской власти и даже работал в органах НКВД, но, как и многие люди его круга, в 1938 г. был расстрелян.

Заканчивая анализ труда Саммерса и Мэнгольда, можно сделать вывод, что он вносит весомый вклад в раскрытие тайны гибели Романовых, но не исчерпывает ее. Сами авторы пишут, что они "так и не нашли окончательного решения..." "Досье Романовых" пытается распутать моток " уникальной в своем роде тайны и пролить немного света на то, что могло на самом деле произойти с Николаем, Александрой и их детьми в тот переломный момент истории, который был летом 1918"[116]

В этом же ряду публикаций следует рассматривать вышедшую в 1974 г. в Нью-Йорке книгу "Письма царской семьи из заточения", в которую вошло 227 писем Романовых, отправленных разным адресатам за шестнадцать месяцев пребывания под стражей. Большинство из них написаны царицей и ее дочерьми и только самим царем Письма характеризуют нравственный и духовный облик их авторов, дают оценку многим событиям и людям, рисуют картину духовных и физических страданий семьи. Это редкий исторический источник, позволяющий посмотреть на события как бы изнутри. При этом надо иметь в виду, что авторы понимали: их переписка находится под контролем. И осторожничали с высказываниями.

К сожалению, писем екатеринбургского периода мало по причине довольно краткого пребывания здесь узников. Письма посвящены рассказам о мучительной дороге от Тобольска до Екатеринбурга и жесткому режиму содержания в Ипатьевском доме. Часть их воспроизведена по воспоминаниям ближайшего окружения царской семьи. Например, А.А. Теглева приводит цитату из письма, полученного в Тобольске: "Уложи, пожалуйста, хорошенько аптеку и посоветуйся об этом с Татищевым и Жильяром, потому что у нас некоторые вещи пострадали", "Мы поняли, — комментирует Теглева, — что пострадали у них некоторые ценные вещи, и решили, что это императрица дает нам указание позаботиться о драгоценностях"[117]

Соответствующие разделы писем сопровождаются вводными статьями и многочисленными комментариями к ним, которые базируются на исследованиях других авторов, но несут печать

собственных оценок их составителей. Красной нитью проходят сквозь них идеи монархизма и православия, резкого неприятия большевистского режима. По оценке составителей комментариев, со времени поселения в Ипатьевском доме августейшие особы "находились в руках екатеринбургской преступной шайки", к которой они относили Шаю Голощекина, Янкеля Вайсбарта (Белобородова), Янкеля Юровского, Пинхуса Войкова и Г Сафарова[118] "Если до сих пор, — по их оценке, — царственные мученики шли тернистым путем, то здесь поистине началось восхождение на Голгофу"[119] Главным организатором убийства они называют Янкеля Свердлова, а соучастниками Григория Апфельбаума (Зиновьева), Моисея Урицкого, Льва Бронштейна (Троцкого), задача которых состояла в том, чтобы придать убийству видимость самовольного акта местных уральских властей, сняв тем самым ответственность с советского правительства[120]

В комментариях к книге писем приводятся сведения о том, что 14 июля из Москвы вернулся Голощекин, в 10 часов вечера состоялось заседание областного комитета коммунистической партии Урала и Военно-Революционного Комитета, на котором, согласно инструкциям Свердлова, было вынесено постановление о расстреле царской семьи. Здесь же публикуется его текст: "По предложению военного комиссара, а также Председателя Военно-Революционного Комитета, собрание единогласно постановило ликвидировать бывшего царя Николая Романова и его семью, а также находящихся при нем служащих"[121] Далее постановлено привести настоящее решение в исполнение не позднее 18-го июля 1918 г, причем ответственность за выполнение поручить тов. Юровскому Я. — члену Чрезвычайной Комиссии"

Вслед за Соколовым авторы, таким образом, констатируют принятие решения о смерти всей семьи, рисуя затем жуткую картину бойни, которая начинает подтверждаться современными советскими источниками.

Значительный интерес в плане нынешних дискуссий о канонизации царской семьи представляют содержащиеся в книге материалы, где подчеркивается: "Великий духовный подвиг Государя Императора Николая Александровича и его Августейшей

Семьи, воссиявший ярким светом после их мученической кончины, был глубоко осознан широкими кругами русской эмиграции"[122] С середины 20-х гг. из Сербии начали поступать предложения о причислении российского императора к лику святых. В 1936 г., при закладе в Брюсселе Храма-Памятника царской семьи, сербский митрополит Досифей, выступая от имени Святейшего Патриарха, сказал: "Сербия чтит Государя Императора Николая II как святого..."[123] Во всех странах русского расселения и храмах, посещаемых русскими людьми, совершаются панихиды по царской семье. Храмы-памятники воздвигнуты практически во всех странах света. Первым среди них считается Брюссельский храм Святого Праведного Иова Многострадального в память Николая II. Его закладка состоялась в 1936 г , а освящение в 1950 г. Величественные храмы-памятники сооружены в Шанхае, Сан-Франциско, Монморанси, под Парижем. В 1971 г на Архиерейском соборе русской православной церкви за границей официально поставлен вопрос о канонизации царственных мучеников[124]

У книги "Письма царской семьи из заточения" много общего с работой А. Алферьева под названием "Император Николай – человек железной воли" Автор считает, что "наступило время для описания жизни Святого Великомученика Царя Николая" Основное содержание работы дает основание считать, что она является попыткой доказательства, что Николай, как государственный деятель, обладал выдающимися волевыми качествами, он сумел добиться прочных связей с церковью и считался человеком с высокими моральными качествами. Выдержка из предсмертной беседы Александра III с его сыном Николаем, которую приводит автор, отражает основную идею этой части работы: "Автократия создала индивидуальный образ России. Если монархия падет и забудут Бога, вместе с ними развалится и Россия. Падение исконно русской власти повлечет за собой время бесконечной политической нестабильности и кровавых междоусобных конфликтов... Помни, у России нет друзей. Размеры России не могут не пугать. Избегай войн. В своей внутренней политике, в первую очередь, заботься о церкви. Не единожды она спасала Россию во времена бед. Укрепляй и поддерживай

семью, т. к. именно она является основой любого государства"[125]

Из-за очевидного недостатка материала автор работы рисует общие контуры тернистого пути царской семьи на Голгофу. Он отталкивается от версии выдвинутой Р. Вилтоном, в которой представляется, что приказ расстрелять Романовых был отдан Якову Свердлову самой влиятельной группой американских финансистов еврейского происхождения, возглавляемой Яковом Шиффом. Но автор не приводит в доказательство этой версии каких-либо документов[126] Алферьев считает, что убийство царской семьи было скорее ритуальным, чем политическим актом. Он пишет: "Как и Христос, забытый всеми был распят на Голгофе за грехи всего человечества, так и царь тоже всеми оставленный, был принесен в жертву за грехи всей России"[127] В связи с этим, он с удовлетворением отмечает, что в 1981 г. зарубежная русская православная церковь канонизировала царскую семью[128]

Некоторый итог этой серии работ подводит книга П. Пагануцци "Правда об убийстве царской семьи", изданная в 1981 г. в Джорданвиле (США)[129] Она имеет специфический подзаголовок "Историко-критический очерк". Автор пытается переосмыслить екатеринбургскую трагедию на неопубликованных материалах Дитерихса и Вильтона, в чем видит свое преимущество перед предшествующими исследователями и стремится дать отпор их несостоятельным, с его точки зрения, концепциям. Полемизирует он преимущественно с советскими авторами, главным образом с М.К. Касвиновым.

Проф. Пагануцци, демонстрируя крайнюю приверженность монархии, стоит на твердых антисоветских, антигерманских и антисемистских позициях. С этих позиций он освещает ключевые проблемы гибели царской семьи, не привлекая принципиально новых документов и не выдвигая оригинальных гипотез в этом темном деле, за исключением некоторых деталей. Поддерживая точку зрения Керенского о том, что переговоры Кремля с Уралом были фиктивны и план злодеяния выработали задолго до белой угрозы в интимном кругу Ленина, Пагануцци добавляет: "Может быть, в основе была месть за брата Александра, казненного за покушение на жизнь императора Александра III"[130]

Оценивая многочисленные западные публикации о "чудодейственном" спасении отдельных членов царской семьи или даже ее полного состава, автор анализируемой книги не соглашается с ними и безоговорочно принимает, по его словам, "единственную реальную версию" следователя Соколова о том, что тела убитых после предварительного осмотра с целью грабежа были изрублены на куски, по всей вероятности топорами, и сожжены на кострах[131]

В Советском Союзе долгие годы после публикации книги П.М. Быкова, а затем отправки ее в спецхран, изучением уральской трагедии не занимались. Официальная пропаганда клеймила позором царизм, восхваляла триумфальное шествие Советской власти, гордилась разгромом контрреволюции в гражданской войне и тщательно скрывала правду о гибели царской семьи, полагаясь на хвастливое заявление П. Войкова: "Мир об этом никогда не узнает, что мы сделали с ними"

Попытка вернуться к событиям, связанным *с* гибелью царской семьи, была сделана в начале 70-х гг. Ее, по всей вероятности, можно расценивать как реакцию на многочисленные публикации по данному вопросу за рубежом в связи с пятидесятилетием Октябрьской революции. В 1972-1973 гг. журнал "Звезда" опубликовал "повествование о деяниях и конце последнего царя из династии Романовых" М.К. Касвинова "Двадцать три ступени вниз"[132] В дальнейшем книга неоднократно выходила в свет отдельными изданиями и получила широкое хождение в разных слоях общества. Ее с интересом читали, поскольку она написана хорошим литературным языком, содержит сноски на многочисленные опубликованные и архивные документы и исследования, изданные в России и за рубежом. Это одна из самых известных отечественных публикаций по царской теме.

Однако с первых страниц книги автор провозглашает явно тенденциозное кредо: "История крушения и гибели династии Романовых — одна из излюбленных, постоянных тем западной пропаганды. Вот уже свыше полувека, как чернильные наймиты антисоветского промысла эксплуатируют историю казни царской семьи, соблазняемые выигрышной, как им кажется, возможностью показать на этом примере "ужас" революции и "жестокость" разбушевавшейся народной стихии. Нескончаемым

потоком идет с идеологических конвейеров международной реакции соответствующая продукция" [133] В таком духе выдержана вся книга. Однако она продолжала выходить массовыми тиражами и в начале эпохи перестройки, когда полным ходом шел коренной пересмотр подобных догматических позиций.

Касвинов, как и многие исследователи романовского дела, пытается разглядеть в нем германский след, что естественно для той исторической ситуации, но вопрос в том, как его обнаружить? Без всяких документально подтвержденных оснований он заявляет: "К началу июля берлинские домогательства в пользу Романовых становятся все более грубыми и вызывающими. Даже покушение на Мирбаха кайзер использует для маневра в пользу царской семьи. Выдвинув после 6 июля провокационное требование о допуске в Москву немецкого батальона, якобы для охраны посольства, Берлин в дальнейшем заявил о готовности снять это требование в обмен на разрешение царской семье выехать в Германию"[134] В этом утверждении реален только один факт — требование о допуске в Москву немецкого батальона. Однако он обоснован чисто дипломатической необходимостью, а тезис о разрешении царской семье выехать в Германию не доказан.

Не разобрался автор книги и в миссии комиссара Яковлева. Он рубит сплеча: "Авантюра провалилась. Дерзкое кружение по сибирским железнодорожным магистралям двойного шпиона-диверсанта, называвшего себя Яковлевым, кончилось ничем"[135] Наоборот, кончилось как раз так, как было задумано в большевистском центре в Москве, а шпиономания здесь выглядит дешевым приемом.

Расстрел в Екатеринбурге Касвинов рассматривает в традиционном для того времени ключе; Москва не имела возможности организовать суд над Романовыми, поручила это сделать уральцам, те не успели потому, что в Екатеринбурге созрел заговор для освобождения царя, а на поддержку ему подступали регулярные части белой армии. В этих условиях, "не видя иного выхода из сложившегося положения, Исполнительный комитет Уральского Совета принял решение: предать Романовых казни, не дожидаясь суда"[136] Автор не ставит под сомнение материалы мнимого заговора, уходит от вопроса о позиции Москвы в ре-

шении судьбы Романовых, мимоходом, без всяких эмоций или научных размышлений, констатирует расстрел всей семьи и конец многовековой российской династии: "Среди заброшенных шахт трупы сложили попеременно с сухими бревнами, в штабеля, облили керосином и подожгли. Когда костер догорел, останки зарыли в болоте"[137]

Так же обыденно и бесстрастно, в отличие от гневных выпадов в адрес здравствующих Романовых, сообщено в книге о расстреле Михаила Романова в Перми и остальных представителей семейства в Напольной школе в Алапаевске. "Таким образом, — подводится итог этих бесславных реляций, — четырнадцать представителей семейства Романовых нашли свой конец на Урале"[138] По убеждению автора, "это и была последняя черта под последней главой трехсотлетней истории злодеяний, совершавшихся в России под родовым знаком династии Романовых" Но не под этим ли знаком создавалось одно из самых могущественных государств в мире, не он ли реял на штандартах российского воинства, овеянного славой великих побед, не под ним ли сияли имена гениев русской науки и культуры?

В конце тех же 70-х гг. была сделана еще одна, менее рабо-лепная, а потому и менее удачная, точнее, совсем неудачная попытка вернуться к романовской теме. Тогда в уральский литературно-краеведческий сборник "Рифей" поступила статья Н. Лёшкина "Последний рейс Романовых", которая посвящалась миссии загадочного комиссара Яковлева. Автор пытался дать этому событию свое толкование, причем оно принципиально не расходилось с господствовавшей тогда идеологией. Автор только попробовал разобраться в том, как это хрестоматийное событие преломилось "в десятке кривых зеркал"[139] Но этого не позволили сделать. Цензура запретила выход в свет сборника. Он сохранился лишь в нескольких экземплярах. Только через десять лет, с приходом эпохи гласности, статья увидела свет в одноименном сборнике[140]

В 1985 г. появилась любопытная книга Ю. Курочкина Тобольский узелок", посвященная поиску царских драгоценностей. Автор назвал ее повестью, которая "не претендует на документальную хронику" Поэтому он "счел возможным прибегнуть иногда к смещению событий во времени и пространстве, к воль-

ной трактовке сцен, свидетелей которых уже нет в живых, к домыслу фактов, возможно, имевших место, но не зафиксированных в документах"[141] Если с точки зрения требований, предъявляемых к повести, книга удалась, то с позиций исторического охвата событий и их интерпретации она оставляет желать лучшего.

Судя по тексту, автор знаком с материалами операции, проведенной уральскими чекистами в начале 30-х гг. по обнаружению ценностей Романовых в Тобольске. Но использует он их выборочно, с большой долей собственной фантазии, круто замешанной на идеологических стереотипах застойных времен. Между тем сохранилось несколько томов подлинных протоколов допросов тех, кто прятал эти драгоценности. Они хорошо доносят до читателя масштабы этой операции, ее значимость и трагизм людей в ней оказавшихся. Сами по себе эти документы куда более содержательны и увлекательны, не говоря уже о достоверности, чем произведение Ю. Курочкина.

Коренной перелом в отношении к царской теме произошел в конце 80-х — начале 90-х гг. в эпоху перестройки. Начался он с журнальных публикаций известных литераторов Э Радзинского и Г Рябова в "Огоньке" и "Родине"[142] Они впервые обнародовали фрагменты из ранее тщательно скрываемых документов об екатеринбургском расстреле. Эти леденящие кровь откровения Я. Юровского, Г Никулина и других произвели ошеломляющее впечатление на общественность и дали толчок сначала к репринтному воспроизведению ранее опубликованных и упрятанных в спецхраны книг, а потом и новым произведениям.

Особенно "урожайным" оказался 1991 г., когда в центральных[143] и местных[144] издательствах вышла в свет серия книг о царской семье. В большинстве это были сборники, в которые включались полностью или частично ранее изданные произведения Н.А. Соколова, Р. Вильтона, П. Быкова и др. К ним добавлялись еще не публиковавшиеся фрагменты воспоминаний Я. Юровского, В. Яковлева, П. Ермакова, а также некоторые архивные документы и комментарии современных историков. К сожалению, принципиально новых данных и выводов они не несли.

Исключение составляет книга О. Платонова "Убийство царской семьи", в которой сделана одна из первых попыток советских авторов переосмыслить основные вехи царствования Николая II и его гибели. На основе большого фактического материала, в частности архивного, автор дает свежие оценки двух противостоящих лагерей — правящего (царского) и революционного (большевистского), приводит новые детали уральской трагедии. Гибель последнего российского царя в отличие от устоявшейся историографической традиции рассматривается не с упрощенных классовых позиций, а в широком историческом контексте.

Смело ломая устаревшие стереотипы, автор кое в чем перебирает через край. По его мнению, с убийства царской семьи берут начало величайшие бедствия нашей страны и мира — большевизм и фашизм..."[145] Судя по всему, здесь смешиваются причины и следствия. Даже школьнику известно, что большевизм возник за 15 лет до гибели Романовых. Не приведя достаточных оснований, автор берется утверждать: "Решение об убийстве царской семьи и вообще династии Романовых было принято Лениным и Свердловым"[146] Не исключено, что так оно и было, но для столь категоричного вывода нужны доказательства, а их в книге нет.

Более фундаментально выполнены два последующих издания, вышедшие в 1992 г., "Гибель императорского дома" Ю. Буранова, В. Хрусталёва[147] и "Революция и судьба Романовых" Г Иоффе[148] Первая книга написана на значительном новом материале, что подчеркивает и форма изложения. Авторы как бы говорят документами, в изобилии цитируя важные сведения, исходящие нередко от личностей исторического масштаба. В отличие от многих своих предшественников, они мало повторяют общеизвестные факты, избегают идеологических баталий и стараются сосредоточиться на конкретных эпизодах, связанных с гибелью царя и его окружения.

Авторы обстоятельно и объективно излагают эпопею вывоза царственных узников из Тобольска и доставку их в Екатеринбург, при этом вносится ясность в суть миссии комиссара Яковлева. Наиболее свежо написаны разделы книги, посвященные событиям на Урале. В них разоблачается миф о заговоре монар-

хистов, якобы готовых освободить Николая II из Ипатьевского дома, детально выписаны события подготовки к расстрелу и самого расстрела. Авторы не оставляют сомнений, что разрешение на него было получено из Центра. Любопытный материал содержится в главе об убийстве великих князей.

Вторая книга является плодом многолетнего труда известного советского историка Г Иоффе и повествует о тех же событиях, что и первая, но в более академическом стиле. В ней много новых наблюдений о развитии революционных событий в России, отречении царя от престола и ссылке его в Сибирь, но нас интересует толкование событий, связанных с Екатеринбургом. Автор уделяет много внимания попыткам освобождения царя из тобольского заточения и противодействию им со стороны урало-сибирских большевиков, но он не отвечает на главный вопрос, почему же при всем ажиотаже вокруг монархического заговора он на практике ничего не стоил.

Г Иоффе раскрыл тайну Яковлева. Как и следовало ожидать, он оказался активным большевиком, человеком близким к Ленину и Свердлову, а не загадочным агентом иностранных или монархических спецслужб, стремившихся спасти бывшего царя. Он выполнял специальное задание большевистского центра по доставке царской семьи на Урал. При этом произошло немало тактических ходов и опасных коллизий, но задание было выполнено в точности.

Анализ трагедии на Урале Г Иоффе начинает с гибели Михаила Романова в Перми, но не отвечает на один из первостепенных вопросов, по чьему указанию она свершилась. Судьбу Николая II и его семьи автор не без оснований увязывает с левоэсеровским мятежом в Москве, однако новых конкретных данных опять-таки не приводит. Поэтому германский след в романовском деле, как и у многочисленных предшественников Г Иоффе, снова повисает в воздухе. Зато он вносит полную ясность в технологию подготовки фальшивых писем мифического "офицера", которые, по утверждению Советской власти, якобы свидетельствовали о плане освобождения царской семьи белыми. Решая один из ключевых вопросов екатеринбургской истории: где и как было принято решение об убийстве царской семьи, автор приходит к выводу: "Последнее слово, видимо, все

же оставалось за уральцами: они лучше знали реальную ситуацию; они еще во время инцидента с Яковлевым официально сообщили Свердлову, что берут всю ответственность за судьбу Романовых на себя; а самое главное — они своим решением освобождали Москву от политически компрометирующего решения..."[149] Как и его многочисленные предшественники, автор не отвечает и на вопрос о месте захоронения останков царской семьи. Далеко не со всеми выводами Г Иоффе можно согласиться. "Понять трагическую судьбу узников Ипатьевского дома — значит попытаться понять, осознать весь путь России начала XX века"[150], — пишет он. Хорошо, если бы это было так. На самом деле все гораздо сложнее. Не только мы, россияне, но и весь мыслящий мир до сих пор бьется над разгадкой вопроса о том, что и почему случилось с Россией в начале нашего века, куда она идет? Попытка воздвигнуть храм в память по убиенным в Ипатьевском доме автор склонен считать "как еще один разделяющий нас рубеж"[151] Конечно, наше общество сейчас как никогда политизировано, и такая опасность не исключается. Но судя по всему история свой вердикт уже вынесла. Народ хочет знать правду, и ее не утаить. Чем быстрее и полнее она будет раскрыта, тем больше вероятности, что он отнесется к ней с пониманием, как к факту, канувшему в Лету, который может и должен быть увековечен.

Книга Анатолия Грянника "Завещание Николая II" содержит серию публикаций, сделанных в бывшем Советском Союзе о смерти царской семьи. Как отмечает сам автор, "книга – это очерк с элементами политического детектива"[152] если придерживаться его характеристики, то необходимость вступать с автором в полемику с исторической точки зрения отпадает сама собой. Но, с другой стороны, невозможно и проигнорировать ряд фактов и заключений принципиальной значимости.

Основная идея книги заключается в том, что в Екатеринбурге была расстреляна не царская семья, а их двойники (из различных семей)[153] Автор исходит из того факта, что, "следуя статьям Брестского мирного договора, граждане каждой из подписавших его сторон или их предки родившиеся на территории противоположенного государства, обеспечивались правом, основанным на договоренности между соответствующими сторонами, вер-

нуться на Родину в течение десяти лет после ратификации Договора (Договор был ратифицирован 26 марта 1918 г.)"[154] Бывшая царица и ее дети могли бы воспользоваться данным правом. Это заставляло большевиков задуматься над их судьбой. Кроме того, в августе 1918 в дополнении к Брестскому договору было заключено соглашение, "предусматривающее возврат всей собственности немцев их владельцам, оно, таким образом, было действительно и в случае с собственностью царской семьи, которую большевики уже присвоили себе"[155]

Руководимый этими предпосылками Грянник попытался доказать, что Советские власти только лишь симулировали расстрел царской семьи, а на самом деле оставили ее членов в живых. Все это произошло, когда немцы потерпели поражение на Марне 15 июля 1918 г. и полностью утратили стратегическую инициативу, Это событие похоронило возможность открытия последними второго фронта против России[156] В данной ситуации, большевики расстреляли двойников семьи и спрятали настоящих Романовых в секретном месте, чтобы позднее при необходимости предъявить их миру живыми. После тяжелых мытарств, семья, якобы, оказалась в Грузии. Гранник пишет: "В начале 1920-х в Сухуми собралось около 40 Романовых и их приближенных"[157] Случилось так, что вся семья проживала под вымышленными именами. Комиссар Яковлев так же был там[158] Николай II под именем Березкин прожил до 90 лет и умер 6 февраля 1957 г.[159] Подобное детективное развитие событий абсолютно обезоруживает не только серьезного ученого, но и доверчивого читателя, и невольно возникает вопрос: а где доказательства этой блестящей сенсации? Хотя этой истории посвящено более чем 200 страниц работы в ней отсутствуют реальные факты, документы, заключения, за исключением свидетельств случайных личностей и комбинации фотографий с лицами с промежутком в 50 лет.

Работа содержит множество неожиданных поворотов. Например, автор пытается связать спасение царской семьи с боязнью немецкого главнокомандования публикации документов о Ленине[160]; он считает, что евреи спасли жизнь Николая II из-за боязни нарушить пророчество Давида, которое гласило: "Не трогайте помазанников божьих"[161]; в Сталинские времена было

принято хранить молчание по этому вопросу, потому что его мать была еврейкой[162], после XX съезда КПСС в феврале 1956 г., когда антисталинская группировка пришла к власти, Березкин в сентябре того же года внезапно плохо себя почувствовал и вскоре скончался[163] Если между этими событиями действительно существует связь, то ее необходимо доказать, а не делать голословные заявления.

В целом, книга Грянника ставит больше вопросов достаточно сомнительного содержания, чем дает на них ответы. Поднимая проблему царских денег — 400 млн. рублей, переведенных якобы в зарубежные банки, он пишет: "Семью не должны были расстрелять, т.к. в этом случае все деньги достались бы их заграничным родственникам"[164] Он также отмечает, что: "Романовы планировали собраться в одном из русских городов 22 августа 1991 г., но путч помешал реализации данного мероприятия"[165] В его работе так же встречаются серьезные ошибки: он пишет Белкин вместо доктор Боткин и Леднев, вместо мальчика по имени Седнев[166]

Под влиянием радикальных преобразований в России и в связи с пересмотром узловых моментов ее истории в XX в. появилась новая волна литературы, посвященной царской теме за рубежом. Наиболее крупными публикациями являются книги Н. Росса, М. Ферро и Э. Радзинского[167] Книга Н. Росса вышла в свет в 1987 г. в издательстве "Посев" во Франкфурте. Она представляет собой большой том документов, подготовленных в основном на базе одного из в трех экземпляров следственного дела Соколова, вывезенного генералом М.К. Дитерихсом из России в конце гражданской войны. До смерти генерала в 1937 г. эти материалы и хранились у него дома в Харбине. Затем его вдова передала их в одну из западных стран, где они находятся до настоящего времени у частного владельца. Хотя основные факты этого следственного дела были известны по публикациям Соколова и самого Дитерихса, их полное издание представляет несомненный интерес и позволяет современному читателю на основе подлинных документов делать свои выводы о случившемся три четверти века назад.

Интерпретация судьбы царской семьи в книге известного французского историка М. Ферро "Николай II" заметно отлича-

ется от других западных и отечественных публикаций. Он пытается рассмотреть вероятность сохранения в живых ее женской части. Сопоставление российских и иностранных источников навело его на мысль, что Александра Федоровна и ее дочери (за исключением Анастасии) через Пермь были эвакуированы в центральную Россию, а затем некоторые из них попали в Западную Европу, но не были там признаны родственниками по соображениям охраны их собственных династических интересов [168] Автор приводит свидетельство о том, что якобы на той же неделе (во второй половине октября 1918 г.), когда Мария Николаевна прибыла в Германию, из тюрьмы был выпущен Карл Либкнехт. "Совпадение ли это? — задает он вопрос. — Или же первый обмен заложниками в истории отношений Запада и Востока!"[169] Ему представляется, что в тех конкретных исторических условиях ни одна из сторон: ни советская, ни белогвардейская, ни западноевропейская не были заинтересованы в прояснении данного вопроса, поскольку к тому не располагала одиозность Романовых. Для того, чтобы разобраться в этой запутанной проблеме, Ферро предлагает фронтально сопоставить материалы русских и зарубежных архивов, особенно английских, немецких, испанских и датских[170] С нашей точки зрения, такое сопоставление если и не расставит все точки над "i", то по крайней мере очень сильно обогатит наши представления о важнейшей странице русской истории.

Книга итальянского автора Мариолины Дории де Дзулиани "Царская семья. Последний акт трагедии" представляет большой интерес, т. к. это первая работа, в которой читателю предлагается информация о судьбе царской семьи взятая как из западных, так и из советских источников. Автор данной книги исследует тот же пласт вопросов, к которому обращались и предшественники: характерные черты царской семьи, обстоятельства их смерти и лица, совершившие такое преступление, исследование этого гнусного дела, дезинформация, вероятность спасения некоторых членов семьи.

Дзулиани демонстративно отвергает существование версии о спасении царя белой гвардией, характеризуя эту "офицерскую историю" как сфабрикованную мистификацию[171] Она не поддерживает то, что это "выполнялось предположительно по "сек-

ретному указу" Москвы"[172] и больше склоняется к тому, что решение о расстреле царской семьи было принято Уралсоветом[173] Автор не оставляет даже малейшего сомнения относительно подлинности телеграммы, посланной из Екатеринбурга секретарю Совнаркома Горбунову, в которой сообщалось, что все члены царской семьи разделили участь ее главы[174] По ее мнению, новости о расстреле "остались фактически незамеченными: в Москве, реакция людей была индифферентной[175]

Дзулиани отказывается верить в спасение кого-либо из царской семьи и полагает, что Анна Андерсон (Анастасия) "была элементарным инструментом в руках мошенников, очень заинтересованных в наследстве Романовых"[176] Она одна из первых исследователей, пытающихся пролить свет на судьбу царских драгоценностей. В книге есть история о том, как уральский комиссар Войков собственноручно снял с шеи императрицы колье с кольцом на нем[177] Ссылаясь на режиссера фильма Г Рябова, автор заявляет, что не существует свидетельств того, что драгоценности Романовых были отправлены в Алмазный Фонд или Гохран России. Она не исключает возможности того, что они осели где-то за рубежом[178] Дзулиани пишет: "известная брошь и фрагмент бесценного колье с бриллиантами в 100 карат спрятаны в Екатеринбурге или где-то в мире"[179] Подтверждения этому читатель может найти в книге.

Особое место среди западных публикаций занимает монография иерусалимского писателя и историка М. Хайфеца "Цареубийство в 1918", опубликованная в Москве в 1992 г. В своей публицистической работе он базируется на рукописи, найденной в Архивах Иерусалимского Центра Исследований и Документов Еврейства Западной Европы. Рукопись принадлежит перу Бер-Дов Брутскуса, занимавшего пост профессора сельскохозяйственной экономики в Иерусалимском университете и в тридцатые годы активно изучающего аграрные проблемы России дореволюционных и первых послереволюционных лет.

По мнению Хайфеца основная идея рукописи в том, что "евреи не принимали участия в этом злодеянии" (т.е. в убийстве Николая II и его семьи)[180] Данная цитата могла бы стать эпиграфом ко всей книге, сам автор озаглавливает таким образом одну из глав своей работы. Необходимо отметить со всей спра-

ведливостью, что израильский автор поднимает вопрос принципиальной важности относительно убийства русского царя, т.к. версия ритуального характера убийства муссировалась на протяжении трех четвертей столетия и даже сегодня много тайн связанных с этим варварским атом происходит именно из нее.

Хайфец приводит весомые доказательства непричастности евреев к убийству Романовых. Они основаны на пересмотре многих фактов и их дальнейшим объективном рассмотрении. Но, к сожалению, в его книги не содержится новой информации, он лишь ограничивается только логическими конструкциями, которые, однако, очень важны. С его точки зрения за гибель царской семьи действительно ответственны не те, кто исполнял сам акт убийства (среди них были представители различных национальностей), а большевистские лидеры Ленин, Сталин и Свердлов. С последним все действительно ясно. А причастность первых двух нуждается в дополнительных доказательствах. Но никто, ни даже Хайфус их привести не могут.

Заключительной в данной серии публикаций на сегодня можно считать крупную монографию российского автора Э. Радзинского "Последний царь. Жизнь и смерть Николая II", изданную в середине 1992 г. в Нью-Йорке. Она является плодом многолетних усилий автора, содержит новые документы, освещает события с современных позиций, без крайностей, ранее свойственных как советской, так и зарубежной литературе. Книга написана живо, легко и увлекательно читается. В принципе в ней прослеживаются те же события, что и в ранее проанализированной нами литературе. Но они оставляют значительно меньше недоуменных вопросов.

Миссию комиссара Яковлева Радзинский рассматривает как двойную игру Свердлова[181] Именно он "предложил кандидатуру Яковлева для отправки в Тобольск, чтобы вывезти оттуда Романовых. Троцкий, хорошо знавший Яковлева, также одобрил его кандидатуру"[182] На вопрос Свердлова о тактике действий Яковлев ответил: "Посадит семью на поезд, который отправится в направлении Екатеринбурга, чтобы не вызывать враждебность среди уральцев. Но как только он выедет из Тюмени, то повернет в направлении Омска — на восток. Он доставит царскую семью в Москву через Омск. Если вмешаются какие-либо об-

стоятельства, он отвезет царскую семью в родную Уфу, где люди настроены лояльно по отношению к нему и оттуда будет удобно продолжать путь на Москву, если это будет необходимо"[183] Свердлов согласился, не исключив возможность доставки царя в Екатеринбург.

Радзинский высказывает предположения, что екатеринбургские большевики начали собирать доказательства "монархического заговора" с первых дней пребывания царской семьи в доме Ипатьева, но "без Москвы, без... разрешения Ленина и Свердлова, ничего не могло планироваться"[184] Он утверждает, что нашел телеграмму уральского большевистского лидера Голощекина Свердлову и Ленину, переданную через Зиновьева, из которой якобы следует вывод о существовании предварительной договоренности между ним и Лениным об участи Николая II[185] Однако эта телеграмма была известна в России раньше, но из нее не делалось таких выводов. Думается, что теоретически построения Радзинского очень интересны. К сожалению, это пока только логика, но не факты.

Наряду с этим, Радзинский выдвигает любопытную версию о том, что приказ о расстреле издал главнокомандующий северным Урало-Сибирским фронтом Я. Берзин но Голощекин для страховки все-таки отправил запрос в Москву через петроградский адрес Зиновьева, который был сторонником казни. Далее писатель неожиданно аппелирует к воспоминаниям некого А. Акимова, который еще в 1957 г. в "Строительной газете" опубликовал статью-воспоминание "По совету Ленина", из которой делает вывод: "Когда Уральский областной комитет партии принял решение о расстреле — решение о расстреле семьи Николая, Совнарком и ЦИК написали телеграмму, подтверждающую это решение"[186] Такой поворот привлекает внимание, но опять-таки окончательно не убеждает, поскольку не содержит официальных данных.

Сам расстрел, сокрытие останков, белогвардейское следствие по этому поводу, появление якобы спасшихся детей Николая Романова и другие события царской истории Радзинскии описывает на основе хорошо известных документов, не дополняя что-либо существенно нового. Делается это тщательно, детально, часто с повторами рассказов разных персонажей этой кош-

марной ночи. Впечатление остается очень тяжелое. Со ссылкой на какого-то своего мифического гостя, не названного по имени, Радзинскии зарождает у читателей сомнение в гибели всех членов семьи, оставляет надежду на спасение двоих и даже пытается нарисовать картину, как это могло произойти[187] Исследователям еще предстоит разобраться в новом повороте этой истории.

Краткий анализ большого корпуса отечественной и зарубежной литературы о судьбе царской семьи дает возможность представить широкий спектр мнений по данному вопросу, проследить трансформацию взглядов на трагические события трехчетвертьвековой давности. При всем разномыслии авторов у подавляющего большинства звучат печальные ноты о случившемся, но мало кто готов дать исчерпывающие ответы на те многочисленные вопросы, которые остались со времени гибели царской семьи Следы преступления были настолько хитро спрятаны, что восстановить их очень трудно, особенно спустя более полувека До сих пор окончательно не ясно, почему царскую семью оставили на полпути между Тобольском и Москвой, какие внутри- и внешнеполитические обстоятельства ускорили ее гибель, кто дал распоряжение об этом, где сокрыты останки остался ли кто-то в живых, как случилось так, что ни одна политическая сила ни в России, ни за рубежом не смогла повлиять на судьбу если не всей семьи, то хотя бы ее женской части, куда исчезли архив и драгоценности Романовых. Все это не риторические вопросы, а важные проблемы отечественной истории на одном из самых крутых ее поворотов. Они нуждаются в основательной разработке, для чего созрели все условия.

Примечания

1. Wilton R. The Last Days of the Romanovs. London, 1920.
2. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925.
3. Дитерикс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922.
4. Gilliard C. Le Tragique Destin de Nicholas II et de sa Famille. Paris, 1926.
5. Smirnoff S. Autor de l'assassinat des Grands-Ducs. Ekaterinbourg-Alapajevsk-Perm-Petrograd. Paris, 1928.

6. Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921.
7. Гурко В. Царь и царица. Париж, 1927; Иванов В., Мученик за Россию (Памяти императора Николая II). Харбин, 1920; Мейер И. Как погибла царская семья. Лос-Анджелес, 1956; Серафим (игумен). Православный царь мученик. Пекин, 1920; Убийство царской семьи в Екатеринбурге (по данным предварительного следствия). "Русская летопись. 1925. Кн. 7.
8. Авдеев А.Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. №. 5; Быков П.М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926; Панкратов В.С. С царем в Тобольске // Былое. 1925.
9. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Москва, 1991. С. 73.
10. Соколов Н.А. Указ. соч. С. 141.
11. Там же. С. 305.
12. Там же. С. 244.
13. Там же. С. 72.
14. Дитерихс М.К. убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Москва, 1991. Часть I. С. 15, 366.
15. Там же. С. 18.
16. Там же. С. 22, 60, 107, 169-170, 306.
17. Там же. С. 97-98.
18. Там же. С. 90, 11-112, 115-116, 138.
19 Там же. С. 258.
20. Wilton R. Op. cit. Op. 29, 69-70, 149-150.
21. Gilliard C. Op. cit. C. 233.
22. Там же. С. 234.
23. Там же. С. 237.
24. Там же. С. 243.
25. Там же. С. 244, 257.
26. Мельник-Боткина. Т. Указ. соч. С. 45, 47.
27. Там же. С. 60.
28. Быков П.М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1990. С 49.
29. Там же. С. 75.
30. Там же. С. 82.
31. Там же. С. 89-90.
32. Там же. С. 90, 99.
33. Там. С. 100.
34. Speranski V. La Maison a Destination Speciale. Paris, 1929; Botkin G. The Real Romanovs. New-York, London, 1931; Константин (Архимандрит). Памяти последнего царя. Джорданвиль, Нью-Йорк, 1963; Ермолинцев В. Правда о трагедии Ипатьевского дома. Истинные виновники убийства царской семьи в Екатеринбурге. Харбин, 1933; Bulygin C. The Murder of the Romanovs. New-York, 1935; Kerensky A. La Verite sur le Massacre des Romanovs. Paris, 1936; Мельгунов С. Судьба императора Николая II после отречения. Париж, 1957; Поздышев С. Немеркнущий свет. Сан-Пауло, 1948; Trewin J. The House of Special Purpose. New-York, 1982.

35. Pares B. The Fall of the Russian Monarchy. London, 1939; Priham F. Close of a Dynasty. London, 1956; Frankland N. Crown of Tragedy. Nicholas II. London, 1960; Massie R. Nicholas and Alexandra. New-York, 1967; Bergumin J. D. The Tragic Dynasty. New-York, 1969; Null G. The Conspirator Who Saved the Romanovs. New-Jersey, 1971; Richards G. The Hunt for the Tsar. New - York, 1970 Idem. The Rescue of the Romanovs. Connecticut, 1975; Summers A., Mangold T. File on the Tsar. London, 1976.
36. Bulygin C. Op. cit. C. 235, 242-243.
37: Там же. С. 246.
38. Там же. С. 223.
39. Мельгунов С. Указ соч. С. 380.
40. Там же. С. 248.
41. Там же. С. 282.
42. Там же. С. 333.
43. Там же. С. 350.
44. Там же. С. 401
45. Там же. С. 405.
46. Там же. С. 411.
47. Там же. С. 9.
48. Константин (Архимандрит). Указ. соч. С. 3.
49. Там же. С. 12.
50. Там же. С. 38.
51. Trewin J. Op. cit. P. 137.
52. Там же. С. 135.
53. Там же.
54. Там же. С. 134.
55. Там же.
56. Pares B. Op. cit. P. 489.
57. Там же. С. 490.
58. Там же.
59. Там же. С. 497.
60. Frankland N. Op. cit. P. 185.
61. Там же. С. 184.
62. Massie. R. Op. cit. P. 489.
63. Там же.
64. Там же. С. 493.
65. Richards G. Op. cit. P. 179.
66. Там же. С. 196.
67. Null G. Op. cit. P. 156.
68. Там же. С. 157-158.
69. Там же.
70. Там же. С. 160-165.
71. Там же.
72. Summers A., Mangold T.Le Dossier Romanov. Paris. 1980. P. 5.
73.Там же. С. 6.

74. Там же.
75. Там же. С. 50.
76. Там же. С. 51.
77. Там же.
78. Там же. С. 49.
79. Там же. С. 7.
80. Там же. С. 49.
81. Там же. С. 52.
82. Там же. С. 59.
83. Там же.
84. Там же. С. 61.
85. Там же. С. 100.
86. Там же. С. 101.
87. Там же. С. 110.
88. Там же. С. 115-120.
89. Там же. С. 120.
90. Там же.
91. Там же. С. 138.
92. Там же.С. 294.
93. Там же. С. 295.
94. Там же.
95. Там же. С. 298.
96. Там же. С. 301.
97. Там же.
98. Там же.
99. Там же.
100. Там же. С. 243.
101. Там же. С. 246.
102. Там же. С. 278.
103. Там же. С. 280.
104. Там же. С. 281.
105. Там же. С. 289.
106. Там же. С. 188.
107. Там же. С. 193.
108. Там же. С. 198, 213, 222, 230, 231.
109. Там же. С. 238.
110. Там же. С. 290.
111. Там же. С. 175-181.
112. Там же. С. 261.
113. Там же. С. 262.
114. Там же. С. 266.
115. Там же. С. 267-270.
116 Там же. С. 6-7.
117. Письма царской семьи из заточения. Нью-Йорк, 1974. С. 370.
118. Там же. С. 358.

119. Там же. С. 386.
120. Там же. С. 395-396.
121. Там же. С. 398.
122. Там же. С. 491.
123. Там же. С. 492.
124. Там же. С. 499.
125. Алферьев А. Император Николай II как человек сильной воли. Джорданвилль, 1983. (издано репринтом. М., 1991). С. 24.
126. Там же. С. 115.
127. Там же. С. 144.
128. Там же. С. 142.
129. Пагануцци К. Правда об убийстве царской семьи. Историко-краеведческий очерк. Джорданвилль, 1981.
130. Там же. С. 65.
131. Там же. С. 96-97.
132. Звезда. 1972. № 8-9; 1973. № 7-10.
133. Касвинов М. К. 23 ступени вниз. Ташкент, 1990. С. 15.
134. Там же. С. 30-31.
135. Там же. С. 356.
136. Там же. С. 381.
137. Там же. С. 380.
138. Там же. С. 385.
139. Лешкин Н. Последние дни Романовых // Рифей. Челябинск, 1979. С. 93.
140. Лешкин Н. Последние дни Романовых // Рифей. Челябинск, 1989.
141. Курочкин Ю. Тобольский узелок. Свердловск, 1985. С. 3.
142. Радзинский Э. Расстрел в Екатеринбурге // Огонек, 1989. №. 21; 1990. 2-Рябов Г Принуждены вас расстрелять // Родина, 1989. № 4-5.
143. Корона и эшафот. Исторический очерк. М., 1991; Последние дни Романовых. М., 1991; Последние дни последнего царя. М., 1991; Платонов О. Убийство царской семьи.М., 1991.
144. Убийство царской семьи Романовых. Свердловск, 1991; Последние дни Романовых. Свердловск, 1991; Непеи И. Перед расстрелом. Последние письма царской семьи. Омск, 1992.
145. Платонов О. Указ соч. С. 3.
146. Там же. С. 4
147. Буранов Ю, Хрусталев В. Гибель императорского дома. М., 1992.
148. Иоффе Г Революция и судьба Романовых. М., 1992.
149. Там же. С. 311.
150. Там же. С. 4.
151. Там же. С. 286.
152. Гряник А. Н. Завещание Николая II. Рига, 1993. С. 4.
153. Там же. С. 4, 107-115, 134, 153.
154. Там же. С. 130.
155. Там же.
156. Там же. С. 134.

157. Там же. С. 95.
158. Там же. С. 97.
159. Там же. С. 9.
160. Там же. С. 179.
161. Там же. С. 180.
162. Там же.
163. Там же.
164. Там же. С. 46.
165. Там же. С. 96.
166. Там же. С. 98, 122.
167. Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи (Август 1918-Февраль 1920). Compil. N. G. Ross. Frankfurt, 1987; Ferro M. Nicholas II. Last of the Tsars. New-York, 1993; Дзулиани М. Д. Царская семья. Последний акт трагедии. Москва, 1991; Radzinsky E. The Last Tsar. The Life and Death of Nicholas II. London, Toronto, Sydney, 1992.
168. Ferro M. Op. cit. P. 242-267.
169. Там же. С. 268.
170. Там же. С. 284.
171. Дзулиани М. Д. Царская семья. Последний акт трагедии. Москва, 1991. С. 89.
172. Там же. С. 143.
173. Там же. С. 146.
174. Там же. С. 149-150.
175. Там же. С. 159.
176. Там же. С. 183.
177. Там же. С. 175.
178. Там же. С. 176.
179. Там же.
180. Хайфец М. Цареубийство в 1918 г. Версия преступления и официального следствия. Москва, 1992. С. 14.
181. Radzinsky E. Op. cit. P. 255.
182. Там же. С. 313.
183. Там же. С. 327-337.
184. Там же. С. 258.
185. Там же. С. 259.
186. Там же. С. 345.
187. Там же. С. 415-422.

The Last Act of a Tragedy (New Documents about the Execution of the Last Russian Emperor Nicolas II). Yekaterinburg, 1996. P. 20–74.

Гибель императорского дома: взгляд три четверти века спустя

Среди проблем российской государственности особое место занимает конец династии Романовых. После ее свержения в 1917 г. и почти полного уничтожения в 1918 г. в стране установился принципиально иной государственный и политический строй. Он рассматривался в тысячах книг отечественного и зарубежного происхождения, но делалось это преимущественно с позиций оценки новизны революционных преобразований. Между тем при всей радикальности этих преобразований Россия не могла в одночасье лишиться своей тысячелетней истории, в том числе влияния на нее 300-летнего царствования Романовых. Оно явственно давало о себе знать на протяжении всего трехчетвертьвекового советского периода и продолжает ощущаться сегодня, может быть, более явственно, чем вчера. Нынешние проблемы России нельзя считать порождением только большевизма. Они имеют более глубокие корни, в том числе романовские.

Поэтому важно проследить преемственность между романовской и ленинской государственностью, хотя на первый взгляд между ними не может быть ничего общего. Среди множества проблем в данной связи не последнее место занимает вопрос о гибели императорского дома. Он долгие годы был под запретом в советской исторической науке, но получил широкий резонанс на Западе, где появилось большое количество книг на данную тему. Они написаны преимущественно на материале колчаковского следствия по этому делу и отражают взгляды разных поколений русской эмиграции, а также позиции различных школ западной советологии. Не имея возможности в рамках короткой статьи дать оценку всех публикаций, мы отсылаем читателя к нашей книге, вышедшей из печати в 1993 г.[1] А здесь попытаемся очертить основные вехи событий на новых источниках, почерпнутых из ранее секретных советских архивов, подвести некоторые итоги решенных и нерешенных проблем гибели царской семьи, наметить пути дальнейших исследований.

Хорошо известно, что Николай II отрекся от престола за себя, и за сына Алексея в пользу брата Михаила, а тот в свою очередь отказался от власти впредь до решения Учредительного собра-

ния. А оно было разогнано большевиками в январе 1918 г. Вот отсюда и начинается серия загадок, связанных с судьбой Романовых. В брошюре архимандрита Константина "Памяти последнего царя", изданной в Джорданвилле в 1968 г. (США), есть любопытная мысль: "Все готовы обличить большевиков. На этом все сходятся. А разве в этом дело? С большевиков взятки гладки! Они ведь только произнесли последнюю букву страшной азбуки, которую выдумали не они! Задуматься же над тем, где начинается этот жестокий и мерзостный алфавит, мало кто хочет"[2] Судя по контексту работы, архимандрита трудно заподозрить в симпатиях к большевикам. Поэтому со всей остротой встает вопрос: на чем основывается его оценка? По всей вероятности проблема отречения Николая II, а в конечном счете и гибели императорского дома требует существенного пересмотра.

Ситуация вокруг царской семьи заметно обострилась после заключения Брестского мира. Ряд зарубежных авторов (А. Булыгин, С. Мельгунов, А. Саммерс и Т. Менгольд, а также другие) высказывают предположение, что он содержал условия освобождения Романовых. Булыгин пишет: "Вильгельм планировал реставрировать монархию в России. И было совершенно ясно, что династия, чудесным образом спасенная, не может остаться враждебной к высшим кругам германского общества"[3] Возможно, кайзер так и рассуждал, более того, он боялся распространения российской анархии на свою страну, однако Булыгин не приводит никаких доказательств на сей счет. А сам Николай II категорически отвергал этот договор. Саммерс и Менгольд на основе скрупулезных исследований договора пришли к выводу, что конкретного пункта, по которому царь и его семья должны быть освобождены, не существовало, но они не исключили возможность какого-то устного соглашения[4]

Короче, ни доказать, ни опровергнуть существование явных или тайных статей Брестского мира, которые бы предусматривали спасение Романовых, пока никому не удалось. Может быть, вопрос проще. В договоре есть статья 21, которая гласит: "Гражданам каждой из договаривающихся сторон, которые сами или предки которых являются выходцами из территорий противной стороны, должно быть предоставлено по соглашению с властями этой стороны право на возвращение на родину, из ко-

торой происходят они или предки, в течение десяти лет после ратификации мирного договора"[5] Она вполне могла относиться к царице Александре Федоровне (немке по происхождению), а возможно, и к ее детям. Если это так, то понятно, почему до разгрома Германии в первой мировой войне и аннулирования условий Брестского договора Советское правительство официально не признавало гибель императрицы и ее детей. Более того, велась активная дезинформация. Советский посол в Берлине А. Иоффе позднее вспоминал, что Ф. Дзержинский ему рассказал, как В.И. Ленин категорически запретил кому бы то ни было сообщать об этом. "Пусть Иоффе ничего не знает, — говорил со слов Дзержинского Владимир Ильич, — ему там в Берлине легче врать будет"[6]

Через неделю после ратификации Брестского мира, 1 апреля 1918 г., на заседании Президиума ВЦИК было постановлено: "Усилить надзор над арестованными, сформировать отряд в 200 чел. и отправить его в Тобольск (там находился в это время Николай II со своей семьей - *В.А.*) для подкрепления караула, а в случае необходимости перевести в Москву[7] 6 апреля Президиум ВЦИК снова слушал вопрос о бывшем царе и принял решение подготовить его перевоз на Урал[8] Еще через три дня Председатель ВЦИК Я. Свердлов направил Уралсовету телеграмму о переводе царской семьи в Екатеринбург[9]

Переезд Николая Романова на Урал широко освещался в исторической литературе, высказывалось немало фантастических версий относительно миссии комиссара В. Яковлева, сопровождавшего царя. Сегодня ясно, что он не был двойным шпионом, а, являясь заместителем Председателя ВЧК Ф. Дзержинского, выполнял волю большевистского руководства. Главный вопрос в другом: какую цель оно преследовало, перевозя царскую семью в Екатеринбург?

На пленуме ЦК РКП(б) 18 мая 1918 г. было принято решение не предпринимать пока ничего относительно Николая II[10] Отсюда можно сделать вывод, что на первых порах преследовалась цель перебазировать царскую семью из далекой и слабо контролируемой Сибири, ближе к центру под надежную охрану радикально настроенных уральских большевиков. В дальнейшем активно обсуждался вопрос об открытом суде над Николаем II, где

главным обвинителем должен был выступить Л. Троцкий. Вероятно, он бы состоялся, если бы не ухудшилось положение Советской власти летом 1918 г.

Обстоятельства сложились так, что на Урал пришлось эвакуировать золотой запас, секретные архивы и заложников, в том числе Романовых. Брат царя Михаил был поселен в Перми, сестра царицы Елизавета Федоровна, князья Иоанн Константинович, Константин Константинович, Игорь Константинович и другие родственники царской семьи — в Алапаевске. Кем и как решалась судьба Романовых, сейчас установить трудно. Существуют документы об их переселении на Урал, некоторых деталях пребывания здесь, но не о гибели. Она по-прежнему покрыта многоликими противоречиями тайны. Больше ясности по пермскому и алапаевским узникам[11] Совсем мало по екатеринбургским.

Не исключено, что пошатнувшаяся Советская власть имела единый план их уничтожения как политических противников, хотя и обескровленных, и как владельцев огромных материальных ценностей не только внутри страны, но и за ее пределами. Кампания началась с убийства в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. великого князя Михаила Александровича в Перми. Сослаться на внешнюю угрозу городу тогда было нельзя, как это потом делалось в Екатеринбурге. По-видимому, устранение брата царя, отрекшегося от престола, до решения Учредительного собрания, а его члены в тот период образовали свой комитет в Самаре, носило политический характер и вместе с тем явилось пробным шаром в последующей серии расправ.

Расстрел Николая II и его семьи в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля того же года современными историками и публицистами прослеживается едва ли не по минутам, но при этом не решаются принципиальные вопросы: почему он состоялся именно в это время; кто принял такое решение; кого конкретно уничтожили; где останки убиенных; мог ли кто-то остаться в живых; как оценивать это событие?

Время расстрела с нашей точки зрения детерминировалось тремя важными обстоятельствами. Первое связано с эсеровским мятежом в начале июля и убийством германского посла Мирбаха. Саммерс и Менгольд пишут: "Германия вела очень страш-

ную игру... Если Берлин точно знал о смерти царя, то можно прийти к выводу, что немцы были прямо замешаны в убийстве, совершенном коммунистами"[12] К сожалению, историческая наука пока не располагает документами, которые могли бы закрепить или отвергнуть такую точку зрения. Можно предположить две альтернативы развития событий. Или Германия опасалась, как бы царь не попал в руки тех белых, которые могут поднять его на щит в борьбе против немцев на стороне Антанты, или большевики боялись, что в результате июльского кризиса они могут потерять контроль над положением в стране. Поэтому поспешили исключить опасность освобождения Романовых, что могло привести к непредсказуемым для них последствиям. Возможно, эти альтернативы сходятся. Их предстоит глубоко изучить, лучше бы совместными усилиями германских и российских ученых. Второе обстоятельство отражало конкретное развитие событий на восточном фронте — приближение к Екатеринбургу белочехов и опасность захвата ими бывшего императора. Не стоит исключать и третье — обращение в государственную собственность имущества Романовых по декрету от 13 июля 1918 г.[13] Именно этим числом датирована последняя запись в дневнике Николая П.

Автора решения о расстреле пока найти не удается, несмотря на самые энергичные усилия историков. Очевидно, оно не могло состояться без одобрения центра, но понятно и то, что его попытались тщательно скрыть. Ряд отечественных ученых и публицистов, а также большинство зарубежных записывают это решение на счет В.И. Ленина. Например, А. Булыгин категорично утверждает: "Ленин был убийцей, а другие только его гончими"[14] Однако столь сильная тирада не подкрепляется никакими доказательствами. Скорей всего, это было коллективное мнение, не оформленное какими-либо официальными документами. В данной связи настораживает попытка некоторых активных деятелей большевистского режима, в частности Л. Троцкого, отмежеваться от екатеринбургской трагедии. Находясь в эмиграции и в оппозиции к советскому строю, он писал, что в один из приездов в Москву спросил у Свердлова о судьбе царской семьи. Тот ответил, что она вся расстреляна. "Он ждал моей реакции, — замечает Троцкий. — Я ничего не ответил"[15] Такая забывчи-

вость удивляет. Ведь Троцкий присутствовал на заседании Совета народных комиссаров 18 июля 1918 г., когда Свердлов доложил о казни бывшего царя Николая II. Тогда он действительно промолчал[16]

Поиск авторства команды на расстрел осложняется тем, что отсутствует решение Уралсовета по этому поводу, к которому апеллируют все советские публикации. В отечественной печати его текст никто не приводил. Он опубликован в нью-йоркском издании "Писем царской семьи из заточения" и признан на родине фальшивкой. Мы не исключаем, что это подлинник, причем единственный официальный документ в таинственной царской истории. Все остальные известные до сих пор сведения представляют собой свидетельства мемуаристов и не более. Некоторые из них, в частности, утверждают, что было два решения о расстреле. Одно принято утром 16 июля и предполагало уничтожение всей царской семьи. Второе официально оформлено вечером того же дня и содержало упоминание о расстреле Николая П. Видимо, оно и опубликовано в Нью-Йорке. На документах такого рода делать строго научные и ответственные выводы трудно. Предстоит напряженная работа по поиску достоверных источников.

Кто конкретно из царской семьи погиб в Екатеринбурге и мог ли кто-то спастись? Колчаковский следователь Соколов сделал вывод, что погибла вся семья, но он не был принят уцелевшими Романовыми, в частности, матерью Николая II Марией Федоровной. Последующие исследователи проблемы дают самые противоречивые толкования. Нам представляется очевидным только одно: расстрелян Николай II, что зафиксировано постановлениями Президиума ВЦИК и СНК РСФСР от 18 июля 1918 г.[17] В данной связи странно звучат периодически поступающие сообщения о том, что он появлялся то в Польше, то в Абхазии, то где-то еще. Трудно представить, что Советское правительство приняло бы на себя ответственность за несостоявшуюся акцию. Сложнее с членами семьи. Официального признания их гибели не последовало до сих пор. Отсюда многочисленные версии спасения то всей семьи, то отдельных ее членов. "Индустрия" фабрикации Романовых настолько продуктивна, а желание стать очередным "Алексеем" или "Анастасией" столь

велико, что нет никакой возможности всех их перечесть. Остановимся только на самых существенных моментах и постараемся сделать из них некоторые выводы,

4 ноября 1918 г. в Екатеринбургском уголовном розыске в связи с дознанием об убийстве бывшего государя императора Николая II и его семьи была допрошена официантка Екатерина Томилова, которая носила обеды в дом Ипатьева для царской семьи. Она рассказала: "Я хорошо помню и категорически это утверждаю, что в тот день, когда большевики вечером на митинге объявили о расстреле бывшего государя, я носила в тот день обед для царской семьи и лично видела в столовой Государя и всю его семью, и всех лиц, которых я видела ранее... После объявления большевиками в газете о расстреле бывшего Государя, на следующий день я опять носила обед бывшей царской семье на 13 человек и так же видела бывшего Государя и всех тех, коих видела ранее, меня это очень удивляло... Спустя один день после объявления в газете о расстреле бывшего государя, мне выдали обед для царской семьи только на девять человек, и я опять унесла в Ипатьевский дом..., но бывшего Государя, доктора и третьего мужчины я не видела, а видела лишь дочерей Государя Марию, Анастасию и бывшего наследника... 23 июля в советской столовой уже не было поваров и обед для царской семьи я не носила, так как большевики все разбежались, я решила сходить за посудой... во всех комнатах было пусто... и никого из царской семьи уже не было... "[18] Этот рассказ подтвердила хозяйка квартиры, где жила официантка[19]

Как к нему относиться: или это тщательно продуманная большевистская дезинформация, или не разгаданная до сих пор тайна? Ряд западных авторов считает, что, если не вся семья, то ее женская часть осталась в живых. А Г Ричардс категорично заявляет: "Есть все основания полагать, что Романовы не только спаслись от коммунистов, но и от смертного приговора Соколова"[20] В России аналогичную точку зрения проводит А. Грянник, который в двухтомной монографии "Завещание Николая II" доказывает спасение всей семьи и естественную смерть большинства ее членов в очень преклонном возрасте на территории Грузии. Здесь же пребывает и комиссар Яковлев[21] Поверить в такую идиллию, конечно, трудно.

Попробуем ее объяснить. Поводом для появления на свет многочисленных "детей" Романовых явилась строго продуманная дезинформация со стороны официальных властей, стремившихся до поры и времени скрыть уничтожение невинного молодого поколения, которое могло еще пригодиться в дипломатических играх с Германией. Питательной же средой для "выживания" Романовых оставалась вера многих людей в царскую династию, как помазанников божьих, а также традиционное русское самозванчество с его убеждением в высшей справедливости и заступничестве за обиженных. Реально же остаться в живых в той кровавой мясорубке вряд ли кто мог.

Вопрос о возможности сохранения кого-то из членов царской семьи тесно связан с судьбой ее останков. Дело в том, что на протяжении 70 лет со времени расстрела о них ничего конкретно не было известно. Отсутствовала медицинская констатация смерти, официальное ее признание, скрывалось место захоронения. В этих условиях плодились самые невероятные версии. В 1989 г. кинорежиссер Г Рябов заявил о готовности указать место погребения царских останков при условии их христианского перезахоронения. В июле 1991 г. 9 скелетов из 11 были извлечены из-под шпального настила на Коптяковской дороге в 18 км от Екатеринбурга. Развернулась бурная дискуссия об их подлинности, взбудоражившая весь мир. На сегодня судебно-медицинской и генетической экспертизами установлено, что это останки царские[22] Сомневаться в истинности заключений специалистов высокого класса в данных областях неэтично.

Однако приходится констатировать, что до сих пор не проведена историческая экспертиза, без которой, с нашей точки зрения, нельзя сделать окончательный вывод. Кто сегодня может поручиться, что из погребения на Коптяковской дороге извлечены именно те кости, которые туда были положены в 1918 г., и царские ли останки были тогда захоронены. Ведь могила вскрывалась дважды, с интервалом в 10 лет. В результате первого вскрытия на три четверти был нарушен первоначальный слой земли, перемешаны костяки, на продолжительное время изымались черепа, при этом они претерпели изменения[23]

Для проведения исторической экспертизы надо иметь как минимум три группы документов. Первая — официальный от-

чет исполнителей казни. По свидетельству чекиста И. Родзинского, участвовавшего в сокрытии трупов, "после расстрела коменданта Дома особого назначения (Юровского - *В.А.*) вызвали в Москву ..., с докладом вызвали... дело устным докладом, конечно, не ограничилось. Где-то должен быть документ за его подписью, с его изложением всех обстоятельств, иначе быть не могло"[24] Именно такой документ должен прояснить обстоятельства гибели царской семьи и сокрытия ее останков, а он пока не найден.

Вторая группа документов связана с прижизненными медицинскими показателями конкретных членов семьи, которые необходимо соотнести с останками. Таких данных пока мало, но они имеют принципиальное значение. Взять хотя бы такой факт, который впрямую адресован современным судмедэкспертам. В представлении прокурору Казанской судебной палаты от 26 ноября 1918 г. сообщалось, что "по заявлению доктора Деревенко (врача царской семьи - *В.А.*) характерной и неизгладимой приметой трупа Государя Николая II может служит костная мозоль на левом виске — след бывшего удара в голову во время посещения его в бытность наследником Японии"[26] Насколько нам известно, этой мозоли не обнаружено на черепе, приписываемом бывшему царю. Встает вопрос: а тот ли это череп?

Третья группа документов, точнее сопоставительный анализ двух далеко разнесенных во времени групп материалов — колчаковского и современного следствия. Они содержат огромное количество взаимодополняющих свидетельств, но вместе с тем и противоречий. Их тщательный беспристрастный анализ может дать очень многое для прояснения обстоятельств трагедии.

Наконец, необходимо убедиться в подлинности, провести источниковедческую и графологическую экспертизы "Записки" Юровского, которая послужила импульсом для пересмотра устоявшейся десятилетиями версии следователя Соколова о том, что погибла вся царская семья, а ее останки сожжены. Свидетельства Юровского известны в трех вариантах: записка 1920 г., предназначенная для историка М.Н. Покровского; мемуары, написанные в 1922 г.; подробный рассказ о расстреле царской семьи на совещании старых большевиков в г. Свердловске 1 февраля 1934 г. Они заметно отличаются друг от друга. Более того,

по некоторым позициям они принципиально расходятся со свидетельствами участника захоронения П. Ермакова. Юровский сообщает, что трупы закопаны под шпалами на Коптяковской дороге (отсюда в июле 1991 г. были извлечены скелетированные останки 9 человек). Ермаков утверждает, что трупы сожжены, а пепел зарыт. Кому верить? Прежде чем определиться в выводах, необходима серьезная исследовательская работа историков, которая поможет криминалистам, будет способствовать утверждению в общественном сознании правды о гибели царской семьи.

В данной связи не последнее значение имеет вопрос о характере уральского цареубийства. Что это: народная месть, политическая, уголовная или ритуальная акция? В советской литературе расстрел долгое время квалифицировался как заслуженная кара кровавого тирана. Такая интерпретация убийства, хотя и поддерживалась миллионами обездоленных людей в ходе революции и гражданской войны, не носит строго юридического характера. Не будучи специалистом в области права, мы не решаемся давать свою квалификацию. Заметим только, что по советским законам 1918 г. царь не мог быть расстрелян даже по суду. Поэтому-то, видимо, и была представлена возможность уральским большевикам учинить внесудебную расправу без всякой ответственности за нее. Нам представляется, что это была акция уголовно-политического характера.

Пора внести ясность в рассуждения о ритуальности убийства царской семьи. К этому вопросу в 20-е гг. обращались английский журналист Р. Вильтон, помогавший следователю Н. Соколову, сам Соколов, позднее проф. А. Пагануцци и др. Он возник после того, как следователь Соколов обнаружил на одной из стен комнаты Ипатьевского дома, где было совершено убийство, каббалистические знаки и цитату из стихотворения Г Гейне на немецком языке о царе Валтасаре, убитом своими рабами. Эти несколько строк обошли весь мир и цитировались почти во всех книгах, касающихся екатеринбургского цареубийства.

Попытка расшифровать каббалистические знаки в 20-е гг. не была поддержана, но и не отторгнута. Их ритуальный характер прочно вошел в сознание русского зарубежья. В Советском Союзе в связи с запрещенностью книг о гибели царской семьи с ними мало кто был знаком. В наши дни интерес к данному во-

просу возрастает. В начале 90-х гг. в Израиле была опубликована, а в 1992 г. переиздана в Москве книга иерусалимского писателя и историка М. Хайфеца "Цареубийство в 1918 г." В своем публицистическом труде автор отталкивается от рукописи, найденной в архиве Иерусалимского центра по исследованию и документации восточно-европейского еврейства и приписываемой профессору экономики Иерусалимского университета в 30-х гг. Бер-Дов Бруцкусу, в прошлом активному участнику разработки аграрных проблем в России дореволюционных и первых революционных лет. Главная мысль рукописи, по оценке Хайфеца, заключается в том, что "еврейский народ в этом подлом деле (убийстве Николая II и его семьи — *В.А.*) не участвовал" Приведенную цитату можно с полным основанием поставить эпиграфом к сочинению самого Хайфеца, что он и делает в названии одной из глав. Автор приводит веские доказательства против юдофобства гибели Романовых. Они основаны на переосмыслении многих известных фактов, их справедливом уточнении, но не несут принципиально новой информации, а ограничиваются только многочисленными умозаключениями. Главными виновниками гибели императорской семьи он считает не исполнителей казни, среди которых были люди разных национальностей, а большевистских лидеров: Ленина, Сталина и Свердлова. Если с последним вопрос в принципе ясен, то по первым двум еще никто не привел конкретных и веских доказательств, в том числе и Хайфец.

Решение проблемы каббалистических знаков лучше всего начинать сначала, по принципу: а был ли мальчик? На собрании старых большевиков Урала 1 февраля 1934 г. в Свердловске после выступления Юровского ему было задано много вопросов (в том числе таких, которые проливают свет на истинность его высказываний по царскому делу, но до сих пор не проанализированных). Среди них вопрос Моисеева: "По книге Соколова видно, что... на стене осталась какая-то каббалистическая надпись на немецком языке и фашистский знак на окне"[27] Ответ Юровского: "Это недопустимо, и не могло быть. Это может быть произведение белых. Может, они сами написали"[28] Если верить Юровскому, то во время расстрела никаких надписей не было. Они появились позднее и не принадлежат его организаторам

или исполнителям. В таком случае проблема снимается сама собой. Однако настораживают два обстоятельства. Во-первых, некорректность вопроса. Каббалистические знаки были сами по себе, а надпись на немецком языке тоже имела самостоятельное значение. Во-вторых, Юровский напрасно отрицает наличие фашистского знака на окне. Широко известно, что его оставила сама бывшая императрица. Правда, из ответа Юровского не ясно, все ли он отвергает, или только ритуальные надписи. Историкам предстоит большая работа, чтобы разобраться в этой очень сложной и деликатной проблеме.

Подведем некоторые итоги краткого изложения основных аспектов гибели царской семьи на Урале летом 1918 г. За три четверти века спустя после трагических событий возникла обширная литература по данной проблеме, особенно за рубежом, проведены крупные исторические, чисто криминалистические и даже генетические исследования. Они подвели нас к пониманию сущности тех кровавых событий, их движущих пружин и последствий. Однако многие вопросы до сих пор остаются нерешенными. Западная источниковая база практически полностью исчерпана, а российская должным образом не введена в научный оборот, без чего дальнейшее продвижение вперед вряд ли возможно. Предстоит кропотливая работа, особенно в ранее секретных архивах. Для проведения глубоких комплексных исследований необходимы совместные российско-германские, российско-датские и российско-английские проекты.

Примечания

1. См.: Алексеев В. Гибель царской семьи: мифы и реальность (новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993. С. 18-44.
2. Константин, архимандрит. Памяти последнего царя. Джорданвиль, 1963. С. 12.
3 Bulygin P The murder of the Romanovs. New York, 1935. P. 223.
4. Summers A., Mangold T. Le dossier Romanov. Paris, 1980. P. 280.
5. Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1957. С. 177.
6. АП РФ (Архив Президента Российской Федерации). Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 216.
7. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1235. Оп 34. Д. 36. Л. 9.

8. Там же. Л. 31.
9. Центральный архив Федеральной службы контрразведки России. Коллекция документов по делу Романовых.
10. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 280. Л. 1.
11. См.: Буранов Ю., Хрусталев В. Гибель императорского дома. М., 1992.
12. Summers A., Mangold T. Op. cit. P. 188.
13. Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 21-22.
14. Bulygin P. Op. cit. P. 246.
15. Троцкий Л. Дневники и письма. "Эрмитаж" 1986. С. 100-101.
16. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 17. Л. 62.
17. Там же. Ф. 601. Оп. 2. Д. 35. Л. 14.
18. Тамже. Д. 51. Л. 18-19.
19. Там же. Л. 19.
20. Richards G. The Hunt for the Tsar. N. Y., 1970. P. 196.
21. См. Грянник А.Н. Завещание Николая II. Ч. I, II. МФ "Кондус", 1993, 1994.
22. Известия. 6 и 23 апреля 1994 г.
23. Алексеев В. Указ. соч. С. 246-278, 263-264.
24. РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории). Ф. 588. Оп. 3.Д. 14. Л. 45.
25. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 51. Л. 35 об.
26. Хайфец М. Цареубийство в 1918 г. Версия преступления и официального следствия. М., 1992. С. 14.
27. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области) Ф. 41. Оп. 1.Д. 150. Л. 54.
28. Там же.

Уральский исторический вестник. № 1. Екатеринбург, 1994. С. 64–72.

Новые документы для идентификации предполагаемых останков царской семьи Романовых

Одна из самых загадочных страниц русской истории XX века – гибель последнего императора Николая II и его семьи более трех четвертей века волнует не только россиян, но и другие народы, особенно после сенсационных раскопок под Екатеринбургом в июле 1991 г. предполагаемых останков царственных великомучеников. Этому вопросу посвящено

около 50 книг, изданных за пределами СССР, когда в нем господствовал тоталитарный режим. Со второй половины 80-х гг. аналогичные публикации начали появляться в России. Однако ясности пока не прибавилось.

Из всего многообразия вопросов, на которые до сих пор не удается получить ответ, в последнее время внимание общественности сосредоточилось на идентификации останков. Проведены многочисленные судебно-медицинские и генетические экспертизы, но они не состыкованы с прижизненными медицинскими показаниями, вообще с историческими документами 1918 г., что вызывает сомнения в подлинности останков, найденных под Екатеринбургом.

Еще с 20-х гг. из одной публикации в другую кочевала легенда о якобы отрубленных и доставленных в Кремль головах, которые позднее были сожжены. Масла в огонь подлило то обстоятельство, что на черепе № 4 из екатеринбургского раскопа, приписываемого бывшему императору Николаю II, отмечены крупные патологические деформации стоматологического характера. В книге известного судмедэксперта профессора В.Л. Попова официально фиксируется, что "изменения зубов и альвеолярных отростков челюстей (черепа № 4 – *В.А.*) указывают на имевшийся при жизни выраженный пародонтоз и хронический воспалительный процесс в области 4–8 зубов по типу одонтогенного остеомиелита"[1]

В периодической печати, да и в научной литературе было высказано немало сомнений относительно того, что такая больная челюсть могла принадлежать императору, находившемуся под тщательным медицинским надзором. Известно, что царскую семью наблюдало 37 постоянных врачей, которые вели обязательные систематические обследования. Они будто бы не могли допустить прогрессирования тяжелого хронического заболевания в полости рта. Встал вопрос о прижизненных показаниях стоматологического статуса. Со времени обнаружения под Екатеринбургом предполагаемых останков семьи Романовых ведутся настойчивые поиски записей царского дантиста Кострицкого, но ни в России, ни за ее пределами их обнаружить не удалось.

И тут на помощь пришел сам император, который, находясь в тобольском заточении, записал 26 октября 1917г. в своем неиз-

менном дневнике: "От 10 до 11 часов сидел у Кострицкого. Вечером простился с ним, он уезжает в Крым"[2] А кто же остался наблюдать за царскими зубами? На этот вопрос опять-таки отвечает дневник, где 10 декабря оставлена запись: "До завтрака сидел у зубного врача г-жи Рендель"[3] Аналогичные записи повторяются в общей сложности 7 раз вплоть до 18 февраля (3 марта) 1918 г.[4]

Кто же это загадочная госпожа Рендель, так неожиданно вторгшаяся в жизнь царственного узника накануне его трагической гибели? Казалось, что ответить на этот вопрос никогда не удастся, не говоря уже о ее мнении относительно состояния зубов пациента Романова. Однако история сохранила нам уникальный шанс. Из научного архива Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника удалось извлечь так называемую "Папку Ренделя", которую оставил сын врача Лазарь Анатольевич Рендель. Она пылилась там с тех времен, когда говорить вслух о варварском уничтожении Романовых было не положено.

Из материалов этой папки явствует, что Мария Лазаревна Рендель была популярным в Сибири врачом-протезистом. Бедных она лечила бесплатно, а что получала от людей состоятельных, большей частью отдавала нуждающимся. Ее отличали широкие передовые взгляды, она была близка к кругам из среды политических ссыльных[5]

Когда в августе 1917 г. в Тобольск была выслана царская семья со своей свитой, в ее зубоврачебном кабинете стали появляться сановные пациенты. Одним из первых пришел высокий седоголовый, весь в черном граф Татищев – убежденный монархист, добровольно последовавший за императором в изгнание, за ним – личный врач царской семьи Боткин, который просил провести курс лечения некоторым ее членам[6] Мария Лазаревна, будучи человеком левых убеждений, задумалась, прежде чем пойти в губернаторский дом, где размещались Романовы, но врачебная этика взяла верх, и она выполнила свой долг, оказала необходимую медицинскую помощь. Первым ее пациентом оказался бывший царь Николай II. Каково же было ее изумление, когда она обнаружила у него "полон рот гнилых зубов"[7]

Этот факт долго обсуждался в семейном кругу, строились разные догадки. Для нас же он важен как прижизненное свидетельство, зафиксированное за полгода до ухода из жизни этого человека. Следовательно, диагноз, поставленный петербургским профессором Поповым по черепу, найденному под Екатеринбургом, соотносится с заключением тобольского врача в далеком 1918 г. Возможно, он принадлежал последнему российскому царю. Если это так, то острейшие дискуссии последних лет по поводу идентификации екатеринбургского захоронения с царской семьей пойдут на спад.

Примечания

1. Попов В.Л. Идентификация останков царской семьи Романовых. СПб., 1994. С. 19.
2. Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 656.
3. Там же. С. 660.
4. Там же. С. 668.
5. ТГИАМЗ (Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник). Научный архив. КП – 13774. Л. 8.
6. Там же. Л. 9.
7. Там же. Л. 10.

Уральский исторический вестник. № 2. Екатеринбург, 1995. С. 99–100.

Материалы о гибели царской семьи на Урале: из архива Гуверовского института войны, революции и мира (США)

Гибель царской семьи Романовых в Екатеринбурге летом 1918 г. не перестает занимать умы не только историков, но и широкой общественности. В последнее время на эту тему появилось немало специальных исследований, еще больше журналистских сенсаций как в России, так и за рубежом. Однако многие принципиальные проблемы этой истории не решены до сих пор. Вопрос в значительной степени упирает-

ся в недостаток документальных материалов. Одни погибли в огне гражданской войны, другие были тщательно упрятаны в спецхраны, третьи исчезли во время работы специальных комиссий по "изучению" обстоятельств Екатеринбургского расстрела. Поэтому важно появление каждого нового документа, проливающего свет на те далекие и загадочные события.

В данной связи интерес представляет досье Никандра Миролюбова, хранящееся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира. В 1936 г. в этот институт обратился неизвестный, который держал в руках сумку из черной мешковины. Он предложил подарить ее содержимое институту при условии, что оно останется опечатанным до 1 января 1950 г. Получив такую гарантию, незнакомец сдал сумку, а сам ушел и больше не появлялся. Когда по истечении указанного срока сумку открыли, то в ней оказались бумаги профессора криминалистики Миролюбова.

Никандр Иванович Миролюбов в начале 1917 г. был назначен прокурором Казанской судебной палаты. После взятия Казани большевиками он переезжает со своими сотрудниками в Сибирь, оставаясь в прежней должности. Здесь он держал под наблюдением следствие Николая Соколова, который расследовал обстоятельства гибели царской семьи Романовых. С падением Омска Миролюбов эвакуировался в Харбин, где возглавил ряд белоэмигрантских организаций, активно боровшихся против советской власти.

Теперь трудно установить, каким путем документы Миролюбова попали в Стенфорд и почему их содержание так долго оставалось в тайне. Впервые они были частично использованы английскими журналистами А. Саммерсом и Т. Менгольдом в книге "Досье Романовых", вышедшей в начале 80-х гг. в Лондоне и Париже[1] Для российских исследователей эти материалы оставались недоступными. Между тем они имеют принципиальное значение для понимания тех сторон следствия по царскому делу, которые обошел Соколов в своей книге Более того, они проливают свет на события, которые предшествовали его следственным действиям, позволяют по-новому посмотреть на них и высветить некоторые темные страницы Романовской трагедии, а самое главное – нащупать перспективные пути исследования,

поскольку выводят на неизвестные ранее линии развития событий, в частности, действия военной разведки Колчака по выявлению сведений о расстреле царской семьи.

Публикуемые документы любезно предоставлены архивом Гуверовского института и составляют только ту часть досье, которая непосредственно касается расстрела в Екатеринбурге. Оно состоит из двух папок. В одной находятся заметки Соколова и несколько его писем, в другой – переписка между Миролюбовым и его представителем в Екатеринбурге, прокурором Екатеринбургского окружного суда В. Иорданским. Далеко не со всеми суждениями авторов документов можно согласиться, но мы не вступаем с ними в полемику, поскольку она возможна только в контексте конкретных событий и в соотнесении с другими материалами как отечественного, так и зарубежного происхождения. Предлагаемые документы публикуются впервые[2]

Археографическая обработка источников осуществлена на основе общепринятых правил. Документы публикуются полностью и в извлечениях. Передача текста с извлечениями обозначена отточиями. Неисправности текста, не имеющего смыслового значения (орфографические ошибки, описки, пропуски букв и т. п.) исправлены в тексте без оговорок. Пропущенные из-за повреждения текста или его неразборчивости и восстановленные слова или их части взяты в квадратные скобки. Случаи невозможности восстановить пропуск в тексте отмечены отточием в квадратных скобках. Каждый документ имеет редакционный заголовок. Все материалы снабжены датами и местом подготовки. Легенда каждого документа исходит из его принадлежности к коллекции из архива Гуверовского института войны, революции и мира (США). Все документы подлинные, тексты рукописные на обычных листах бумаги, трудночитаемые.

Примечания

1. Summers A., Mangold T. Le dossier Romanov. Paris, 1980. P. 52–59.
2. Выражаем благодарность доктору технических наук С.А. Тимашеву за помощь в получении этих документов.

№ 1

В. Иорданский — Н. Миролюбову

Екатеринбург. 19 февраля 1919 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никандр Иванович!

Вчера г. Екатеринбург проводил Верховного Правителя, который направлялся в Пермь, оттуда на короткое время опять остановится у нас, а затем к Вам. Встреча была оказана подобающая Верховному Правителю. Я лично видел его на вокзале во время встречи, в соборе во время короткого молебна и на торжественном обеде, устроенного городом и, надо сказать, очень пышно. Обед, как водится в таких исключительных случаях был "строгий", с выдержанными речами, причем в заключение и Верховный Правитель произнес обширную, программную речь. На всех, кажется, кто его видел, он произвел очень хорошее впечатление.

Сию минуту послал Вам телеграмму о том, что убийца по царскому делу Медведев еще в дороге. Его везет под строжайшим конвоем специально занятый этим делом агент угол[овного] розыска, который телеграфировал, что везет с собою очень серьезный материал по делу. Сущность последнего я не знаю, но прибывший третьего дня из Перми один полковник передавал мне следующее. Он лично видел в Перми врача, который за несколько времени до взятия ее Сибир[ской] армией был приглашен комиссарами для подачи помощи лежавшей в постели больной. Последняя оказалась молодой девушкой. Около нее вертелись какие-то типы, из коих некоторые — евреи. Врачу было предложено осмотреть у больной только голову и верхнюю часть груди, никакого другого осмотра делать было не разрешено Он понял, что она была насилована. Лицо ее было все в синяках. Осмотр происходил в присутствии комиссаров, но когда на короткое время врач остался наедине и спросил больную, кто она, – последовал ответ: "Я дочь государя Анастасия." По словам врача она впоследствии была расстреляна. Сведения эти пока частного характера. Сведения эти немедленно по получении представляю, вообще буду осведомлять Вас немедленно обо всем, что будет добыто по этим делам. По тому плану розыска по царским делам, о котором пишите Вы, прибавить, пожалуй, нечего. Я намерен лишь на обратном пути через Екатеринбург

Верховн(ого) Правит[еля] обратиться к дежурному при нем генералу, чтобы по приказанию Верх[овного| Правит[еля] последовало распоряжение всем военным властям оказывать полное содействие в раскрытии дела. Между тем, в настоящее время сведения, которые получаются военными, они передают не следственной власти, а своему начальству и т. п., что идет к явному вреду для дела

Так, в настоящее время имеется агент Алексеев, тот самый, который перехватив письмо убийцы – Медведева, теперь везет его арестованным. Это человек пожилой, очень вдумчивый, идущий к цели до конца, охватывающий широким масштабом и при этом, по отзывам всех судейских, – исключительно честных правил. При таких условиях я представил ему право подобрать людей в тех пунктах, где требуется постоянное наблюдение. Такими являются зав.[оды] Вер[х]-Исетский и Сысертский, откуда поставлялась охрана в дом Ипатьева. Теперь здесь и находятся особые агенты. По приезде Алексеева подниму вопрос о необходимости установления агента в Перми. Вместе с тем возникает мысль написать о том официально управ[ляющему] Пермской губ.[ернии], с которым я лично знаком, о том чтобы на одного из пермских агентов розыска возложить обязанности собрания сведений по царскому делу. Вопрос этот я разрешу по приезде на сих днях агента Алексеева.

Шлю Вам, уважаемый Никандр Иванович, свой искренний сердечный привет.

Преданный Вам В. Иорданский.

Коллекция документов Н. Миролюбива из архива Гуверовского института войны, революции и мира. Подлинник.

№ 2

В. Иорданский — Н. Миролюбову

Екатеринбург, 23 февраля 1919 г

Глубокоуважаемый и дорогой Никандр Иванович!

С С.И. Бердниковым послал Вам донесение по царскому делу. Между прочим в нем Вы найдете описание версии об убийстве Вел. Кн. Анастасии Николаевны, о чем я писал Вам в последнем письме. Официальная версия эта не проверена, а лишь проверяется, причем по моей просьбе вчера была послана уполном. Командующ.[ему] армией шифрован.[ная] телеграмма о

необходимости предъявить этому врачу фотографии Анастасии Николаевны, так как мало вероятно, что это была последняя. Это совершенно неправдоподобно, если иметь в виду категоричное утверждение обвиняемого Медведева, хорошо знавшего всех дочерей государя, что все они убиты и на его глазах мертвыми сложены в грузовик. Вот почему в официальной бумаге я не упомянул об эти версии. Как только это будет проверено – представлю.

Нелегко вести наблюдение по этому делу при отсутствии должного содействия со стороны военных властей, которые сейчас играют громадную роль. Зло заключается в том, что, если они получают какие-либо сведения, то держат это в секрете от следственных властей из желания отличиться, и во вред, конечно, делу. Этого бы не было, если бы как настаивал ген.[ерал] Дитерикс, во главе дела встало бы лицо с особыми полномочиями. Искренне уважающий и преданный Вам В Иорданский.

23.11–19 г

Коллекция документов Н. Миролюбива из архива Гуверовского института войны, революции и мира. Подлинник.

№ 3

В. Иорданскии — Н. Миролюбову

Екатеринбург 12 марта 1919 г.

Пользуюсь случаем, глубокоуважаемый и дорогой Никандр Иванович, чтобы поскорее довести до Вашего сведения о своих предположениях как по вопросам деловым так и частным.

Необходимо пользоваться этим временем, приняв меры к выяснению задачи – нахождения места сокрытия трупов. В случае успеха можно рассчитывать, что до наступления тепла трупы окажутся в сравнительно сохранившемся виде. Не откажите, пожалуйста, уведомить меня или Вл.[адимира] Ник[олаевича] Казембека, какие распоряжения последуют от Вас с теми деньгами – 15000 руб., которые Вам переданы.

От Шамарина по царскому делу я не получил никаких сведений. Одновременно с ним посылаю Вам список лиц, об арестовании коих мною сделано распоряжение военным властям. Полагаю, что таким распоряжением я не допускаю превышения власти, ибо, с одной стороны, они все причастны к делу (хотя

еще и не привлечены) с другой – все они большевики и красноармейцы.

Осмотр будет касаться только корреспонденции лиц, знающих места сокрытия тел, а именно Ермакова, Леватных, Партина, Костоусов, Малышкина. Искренне Вас уважающий и преданный В. Иорданский.

Коллекция документов Н. Миролюбова из архива Гуверовского института войны, революции и мира. Подлинник.

№ 4

В. Иорданский – Н. Миролюбову

Екатеринбург. Не ранее 29 марта 1919 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никандр Иванович!

Перед самым почти отъездом А.М. Гаврилова спешу поделиться с Вами весьма прискорбным сообщением.

Несколько времени (дней) тому назад заболел сыпным тифом заключенный в тюрьму по царскому делу Медведев и 25 марта, находясь уже в тифозном бараке, умер. Перед тем как поместить его в тюрьму, камера была приготовлена по особым распоряжениям моим, несмотря на то что заболеваний в ней не было, была произведена особая обработка т. к. в самой и тюрьме по другим камерам было много заболеваний.

Кроме Медведева в этой же тюрьме в камере обособленной находятся арестован[ные] по княжескому делу Старцев и Соловьев. Оба они сидят в кандалах. Из опасения чтобы они не заболели, я по соглашению со след [ователем] Соколовым немедленно перевел их в Верх Исетский (прилегающий к городу) арестантский дом, где заболеваний почти нет. Предварительно осмотрю камеры и приму особые меры в предупреждении побега, так как охрана арест[анского] дома гораздо слабее тюремной.

Как я сообщил, Медведев умер 25 марта, между тем о смерти его было сообщено Н[ачальником] тюрьмы лишь 29 марта за № 10, о болезни же его я не был осведомлен.

Поэтому невольно возникает мысль, не было ли в данном случае какое-либо злоупотребление и не скрылся ли он при содействии кого-либо. Но это тишь голое предположение. С этой целью я дал официальное поручение Н[ачальчи]ку [...]* произвести подробное дознание, дав ему по этому поводу личные указания и затребовав метрическую запись о смерти его. Вместе с

тем, усматривая неправильность действий со стороны Н|ачальни]ка тюрьмы, через тюремного инспектора я потребовал от него объяснений о причине несообщения мне или судебному следоват[елю] Соколову о положении Медведева и о замедленности донесения о смерти его

Неприятно еще то, что, хотя он и был допрошен обстоятельно по тем данным, которые имелись в деле, но его нужно было допросить вторично уже по тем материалам (протоколам, осмотров вещест.[венных] доказательств], которые были введены в дело следователем] Соколовым). Осмотры же вещественных доказат.[ельств] он только вчера закончил.

Шлю Вам искренний привет. Уважающий и преданный В. Иорданский.

Коллекция документов Н. Миролюбова из архива Гуверовского института войны, революции и мира. Подлинник.

*В документе неразборчиво.

№ 5

Свидетельские показания Александры Кривощековой по делу об убийстве бывшего царя Николая II и членов его семьи

Чита, 29 февраля 1920 г.

29 февр. 1920 г. Я, прокурор Казанской судебной палаты Н. Миролюбов в порядке дознания, допрашивал в г. Чите, в гостинице "Даурия" (№ 22), гражданку Александру Кривощекову, временно живущую в Чите, по делу об убийстве б. царя Николая и чл. семьи – в качестве свидетельницы, которая показала и собственноручно записала следующее:

1919 г. в начале января я познакомилась в Екатеринбурге с полковником Никифоровым, который был назначен в Пермь начальником военного контроля. Он предложил мне поехать с ним в Пермь. В дороге много было разговоров об убийстве царя и царской семьи. Я спросила о в. к. Михаиле Александровиче – жив ли он? Никифоров сказал, что жив и здоров. Между прочим сказал, что не даром ему пришлось бежать из Перми пешком, где он был народным судьей. В конце всех разговоров Никифоров предложил мне, не желаю ли я служить у него именно по царскому делу. Я согласилась насколько хватит моих сил. По приезде в Пермь принялась за это дело. В половине января была в з[аводе] Мотовилиха в одном доме, услышала разговор про

белье с короной и метками Николая Александровича. А спросила, где же такое белье? Они мне говорят, разве вы не знаете, что царская семья была в Перми и жила в доме акцизного управления. Жиды, наверное, убили и поделили все, и все таки кто же видел белье? Они мне указали прачку, которая стирала это белье одному доктору жиду. Нашла прачку, которая подтвердила, что действительно стирала белье одному доктору-еврею, белье с короной и метками рубашки и кальсоны. Фамилию доктора не знает, но дом, где он жил, по Монастырской улице, дом Кусакина. Я передала Никифорову лично, как было условлено с ним, что касается царской семьи должна была говорить только с ним. В конце января прихожу к Никифорову в назначенный час, он мне говорит, пройдемте в кабинет, взял сверток, в кабинете замкнул дверь на ключ и тогда развернул сверток, а в нем, вещи. Но меня особенно заинтересовали серьги дамские овальной формы в середине сапфир крупный, а кругом бриллианты Я долго смотрела и говорю "Эти серьги царицы?" Он сказал "Да." На остальные вещи я только взглянула и перечислить их не могу. Никифоров говорит, что тут вещей миллиона на два, а то и больше. Спрашиваю, где он их достал. Никифоров говорит, что пока не скажет. А меня просил, чтобы я не оставляла этого дела и больше работала, что нам заплатят хорошо, сумма отпущена крупная.

У меня в квартире была конспиративная квартира. Собирались офицеры сотрудники военного контроля. Были заведующий и помощник. Помощник прапорщик Дягилев Эраст Алексеевич, в разговоре рассказал, что недавно нашли у одного еврея золотые и бриллиантовые вещи, фамилия их Кобчик. Я спросила, где же теперь Кобчик? Дягилев сказал, что уже отправлен, откуда возврата нет. Прошло несколько времени, встретила Никифорова, спрашивает как дела? Плохо, прихожу в отчаяние, слышу в публике много разговоров, а определенных и положительных нет, и дело не идет вперед. Он сказал: "Лучше бы вы занялись другим делом, гораздо выгоднее" Спрашиваю: "Каким?" Он: "Вы местная жительница и знаете, где и у кого произвести реквизицию", – на этом разговор кончился. Мой брат скрывался от большевиков, жил в Перми в доме Пантелеевых, приходит ко мне и рассказывает, что жена Пантелеева говорила.

"Есть у нее двоюродный брат в Екатеринбурге, служит машинистом в пассажирском поезде, фамилия его Логинов. Приезжал в Пермь и был у них и говорил, что царя убили и увезли комиссары на станцию Богданович. Пантелеева спрашивает его. "Как он знает?" Логинов говорит, что он то и увозил тело, а обратно, – когда возвращались, пьянствовали. Пантелеева возмущена сказанным. После ухода тайного гостя Пантелеева рассказала моему брату, а он мне. Да, она передавая разговор, сказала, что донесла бы кому следует или бы вызвали ее в свидетельницы, она с удовольствием все бы рассказала. Я сообщила Никифорову, что было сделано по этому делу, мне неизвестно. Весной Логинов опять приехал в Пермь, был у Пантелеевой, опять говорил про то же. Она очень возмущалась. Мой брат ей говорил, что весь разговор, который был передан куда следует, а ее не допрашивали. А Логинов служил все время, ездил машинистом от Екатеринбурга до Омска

В начале марта узнаю про одну сестру милосердия Мутных, которая говорила своим при сослуживцах, что она знает и много раз бывала в доме, где находилась царская семья, читала дневники наследника Алексея Николаевича, удивлялась их терпению и выдержке, особенно отзывалась о Анастасии Николаевне. Я передала Никифорову не лично, а написала записку, когда пришла к нему, его не застала дома. В тот же день приехал ко мне господин, отрекомендовавшись Кирста Александр Федорович. Показывает записку мою и спрашивает: "Я ли писала?" "Да, я." Он говорит, что царское дело передано ему. Полковник Никифоров и прислал, а что он говорит правду, представил мне доказательства. Я рассказала ему, что знала. Он говорит, что надо познакомиться с ней, и вы это сделаете. Я сказала, что сегодня же пойду туда. Повидавши ее должна сообщить все сказанное. Часов в пять пошла к Мутных в лазарет. Она меня приняла у себя в дежурной комнате. Там никого не было. Я ей назвала вымышленную фамилию и говорю, что пробралась от красных и пробираюсь в Екатеринбург к дочери. Назвала фамилии некоторых комиссаров пермских, которых я *знала* и указала одного, который мне советовал в случае чего обратиться именно к ней. Объяснила, что мне, пробираясь через фронт белых, пришлось изорвать свой паспорт, а дальше ехать без документов опасно.

Она поверила и говорит, что достанет мне таковой. Есть у нее знакомый в военном контроле человек, который даст, и называет фамилию Кирста А.Ф. Он уже дал ее гражданскому мужу таковой, и деньги сто пятьдесят тысяч разрешил провести в Сибирь для пропаганды. Спрашивает, где я остановилась? Я *сказала,* что только сегодня приехала, и квартиры нет и не знаю у кого могу ночевать. Она ответила, что с удовольствием бы предложила у себя ночлег, но не может, потому что у нее есть тоже приезжий, который ночует у ней, и дала адрес Малковых по 2-ой Загородней улице Дальше шел разговор о царской семье. Когда она бывала у них, удивлялась, что они слишком горды и завидовала их стойкости. Я говорю "А Вы не боитесь, может быть что-нибудь иметь у себя, за что Вас могут арестовать?" Нет, все спрятано, что было в надежных руках, да вам вот расскажут Малковы. Вдруг спрашивает меня, знаю ли я Ираиду? Я сказала, что совершенно не знаю таковой.

Она вздохнула и говорит: "Вы не провокатор?" "Почему?" – спросила ее. Да тут приходили таковые и спрашивали. Правда, когда Кирста давал мне совет, что я должна была говорить то, просил спросить про Ираиду, а кто она я не знаю, но я не спрашивала, разговаривать больше не пришлось, ей нужно было идти в палаты к больным солдатам. При прощании с ней просила зайти к ней за паспортом.

Вечером Кирста вызывает к телефону и спрашивает была ли я или нет, отвечаю, что была. Наверное провал? Не знаю, что вы называете провал. Я нахожу, что по телефону говорить неудобно. Он отвечает, что приедет. Приехал, рассказываю ему весь разговор, умолчала, что он дал паспорт ее мужу, сказала, что пойду по данному адресу завтра. Утром узнаю, что был обыск у Мутных и арестованы были Березина и Мутных. Утром пошла к Малковым, но дома их не было. Они оба служат в Земледелии государственных имуществ. Прихожу туда. Там еще никого не было. Поздоровалась и передала ей поклон от ее сына Рафаила. Она очень обрадовалась и спрашивает, где он. Я назвала место, где видела его. А разве Рафаил не уехал с царской семьей? Он все время около них. Да, кажется, собирались уехать скоро. Говорю ей, что Рафаил просил спрятать царские вещи подальше, чтобы их не нашли. Малкова говорит, что салфетки с метками и

короной у ее снохи старшего сына – Николая. Советовала ей спрятать. Она спрятала их, а стаканы у ней спрятала. Был обыск, ничего не нашли. Малков сам занимал место при управлении сторожа. Вещи им удобно были спрятаны на вышке здания, а обыск был в их личной квартире.

Я не говорила, что была у Мутных, и передала тоже, что не имею паспорта. Малкова сказала: "Это пустяки – достанем, есть человек хороший в контроле, который даст." Кто же этот человек? "Кирста А.Ф. приходит сегодня в пять часов вечера, муж отведет вас на квартиру, где вы познакомитесь с Матросом у которого есть вещи царские. С ним поговорите, что заказывал Рафаил." Я обещала быть непременно, спросила меня когда уезжаю? Как достану паспорт и поеду в Екатеринбург, и дальше буду пробираться в Казань. Она просила увезти письма сыну Рафаилу и Николаю. Разговаривать больше не пришлось. Служащие стали собираться. Рассказала весь разговор с Малковой Кирста. Он ничего не сказал на это. Иду вечером в установленный час к Малковым, чтобы ехать в новую деревню познакомиться с Матросом. Прихожу, Малкова очень сердито встретила и говорит, что был у них в 2 часа обыск, нашли одну салфетку и больше ничего. Я прошу поехать туда. Она говорит нет и больше ничего не скажет. У ней явилось подозрение. Пошла к Кирста, не застала его, а вечером узнаю, что он уехал в Омск. Когда вернулась, я написала ему, что он провалил все дело. Больше с ним не виделась и работать не стала. Никифоров перешел в штаб Пепеляева и Кирста тоже. Заменил Петелин, а я ему не доверяла и не работала. Дня за четыре перед эвакуацией Перми Кирста приехал ко мне и говорит, что будем работать вместе, я заплачу Вам двадцать тысяч. Я говорю, что уезжают все, и мне тоже надо уехать, а он говорит: "Не оставим Вас." Больше его не видела.

Вернусь к Малковой, когда говорили о царской семье, Малкова много раз бывала у них и приносила разные мелкие вещи на память, хотела мне показать после поездки к Матросу, говорила, что Анастасия Николаевна убита за то, что хотела бежать, спросила где похоронена, а где-то около Мотовилихи, а хорошо не знает, слышала от сына Рафаила, он-то хорошо все знает, все был с ними.

Александра Вас. Кривощекова. 1920 года, 28 февраля.

Кривощекова добавила, что Никифоров говорил ей, что был там тем вечером, когда увозили Михаила Александровича из Перми /...../*.

Прокурор Казанской судебной палаты Н. Миролюбов.

Коллекция документов Н. Миролюбова из архива Гуверовского института войны, революции и мира. Подлинник. Датируется по контексту документа.

* В документе последние два слова неразборчивы.

Уральский исторический вестник. № 3. Екатеринбург, 1996. С. 208–214.

Предисловие к книге Льва Сонина "Покер на костях или как скрывают правду о судьбе Николая II"

Вскоре после обнаружения предполагаемых царских останков под Екатеринбургом я находился в длительной научной командировке в США. Неожиданно меня пригласили в Нью-Йорк выступить по этому вопросу в Синоде Русской православной церкви за границей. Народу собралось много, вопросы сыпались градом. В конце четырехчасовой острейшей дискуссии ко мне подошел старый с большими отвисшими усами казачий атаман, повернул лицом к иконостасу, перекрестил со словами "Благословляю на поиск правды в государевом деле", заплакал и медленно пошел к выходу. С тех пор под впечатлением пережитого пытаюсь внести посильный вклад в разгадку великой тайны. На базе ранее строго секретных первоисточников опубликовал две книги на русском и английском языках, ряд статей, стараюсь поддержать объективные исследования в этой области. Очень настороженно отношусь к тому буму, который поднят ныне вокруг Романовых в средствах массовой информации.

Получив предложение написать предисловие к этой книге, столкнулся с тяжелой нравственной дилеммой: отказаться от

поддержки очередного опуса на модную ныне царскую тему, или рекомендовать его читателям. После мучительных раздумий выбрал второе. И вот почему. Наш народ сейчас как никогда нуждается в правде. Силы его истощены до предела, а будущее в тумане. Рухнула вера в коммунистическое будущее, с каждым днем тает надежда на справедливость и перспективность нынешних демократических преобразований. Так что же происходит с Россией, где первоисточник ее бед и страданий?

Почти сорок лет народу доказывали, что во всем виноват кровавый царизм, а в последующее тридцатилетие уверяли, что главная ответственность лежит на еще более кровавом сталинизме. В последнее десятилетие вдруг выяснилось, что царизм был не так уж и плох, а погубил нас тоталитаризм. Кто знает, какое "единственно, верное" объяснение будет дано завтра? Почему-то другие народы постепенно, год от года улучшают свою жизнь, а не ищут заветную отмычку к своему счастью или виновника, на которого можно свалить всю вину. В России проблемы накапливаются веками, а решать их пытаются в 500 дней или еще быстрее. Здоровое решение в такой ситуации не рождается, а получается выкидыш, который еще больше усугубляет положение.

В результате народ разуверился во всем, потерял точку опоры в своем существовании. Случилось так, как предсказывал великий русский писатель Лев Толстой, который предупреждал, что если в России рухнет вера, то она на долгие годы превратится в царство денег, водки и разврата. А тут еще грядет новое испытание — перезахоронение предполагаемых останков Российского императора Николая II , его семьи и слуг.

Сразу после извлечения из болотной хляби Поросенкова Лога в июле 1991 года девяти костяков, без всяких исследовании и доказательств они были объявлены царскими, между тем как почти три четверти века считались полностью уничтоженными, сожженными. Возникло множество вопросов. Дело, в конце концов не в личности самого Николая Романова, а в правде о его судьбе и подлинности найденных останков. Есть опасность "обрести" лжемощи, что станет вызовом общественному мнению, рухнут остатки веры в российскую государственность, ее руководителей и православную церковь. Последствия такого разви-

тия событий нельзя ни преувеличивать, ни преуменьшать, поскольку истории известно немало примеров, когда казалось бы не первостепенные причины, а полумистические поводы приводили к окончательному крушению вековых империй и гибели их народов.

Поэтому выход в свет данной книги как нельзя кстати. Она предупреждает об опасности непродуманного, всуе принятого решения, которое может породить искусственное напряжение в обществе, раздраженного бессмысленным ажиотажем вокруг останков. В самом деле, тот ли это повод, что бы в очередной раз раскалывать нацию на два противоположных лагеря: сначала старообрядцы и обновленцы, затем славянофилы и западники, потом красные и белые, демократы и красно-коричневые, а теперь сторонники и противники новомученников!

Вопрос о судьбе царской семьи сложный и нарочито запутанный как со стороны красных, так и со стороны белых. По этому поводу написаны десятки исследований в России и более пятидесяти специальных книг на Западе. Их авторы исповедуют разные точки зрения — от признания гибели всей семьи и полного уничтожения останков до чудесного спасения всех ее членов. Американский автор Гарри Нулл к примеру в своей книге "Конспиратор, который спас Романовых" (New-Jersey, 1971) живописует о том, как секретарь Григория Распутина Арон Симанович по договоренности с германским кайзером Вильгельмом II вывез царскую семью в Польшу. При этом пострадали только двое охранников Ипатьевского дома, на полу которого было расплескано ведро человеческой крови, разумеется не царской. А в костер, предусмотрительно разожженный в соседнем лесу, опытный конспиратор щедро бросил горсть императорских драгоценностей, что и сбило с толку маститых следователей белой армии.

Распутать сложнейшую интригу вокруг царской семьи призвана специальная правительственная комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи, которая была образована по указанию Президента РФ в октябре 1993 г. Она провела огромную работу по идентификации найденных останков.

Однако с самого начала своей деятельности и до настоящего времени комиссия рассматривает царское дело как абстрактно-уголовное преступление, без учета его 80-ти летней давности, тем самым игнорирует принципиально важный исторический аспект, конечно же не с познавательной точки зрения, а с криминально-доказательной. На первом заседании комиссии в ответ на мое предложение начинать работу с анализа исторических документов заместитель председателя комиссии, мэр С.-Петербурга Анатолий Собчак раздраженно бросил: "Коллега, любопытству ученых нет предела, исторические документы можно изучать годами, а нам нельзя откладывать похороны"

После того заседания прошло более четырех лет. Проведены супер дорогостоящие генетические и криминалистические исследования, а убедительного вывода нет до сих пор и в значительной степени потому, что выводы этих исследований не стыкуются с историческими фактами, вызывая недоумение и возмущение общественности всего мира. Вместо исправления допущенной ошибки, комиссия 3 ноября 1997 г. приняла решение вынести исторические доказательства за рамки своей работы. Естественно, что от этого нисколько не уменьшилась их значимость, в чем убеждает книга Льва Сонина.

Она написана на огромном фактическом материале. В ней использованы многочисленные публикации: сборники архивных материалов, монографические исследования, статьи, публицистическая литература, огромный массив периодической печати, наконец важные ранее не публиковавшиеся документы. Необходимо подчеркнуть, что автор умело соотнес "красные" и "белые" источники, о чем много говорилось раньше, но на практике сделано впервые.

В книге шаг за шагом на основе разнообразных и крайне противоречивых материалов рассмотрена судьба царской семьи во время ее пребывания в Тобольске и Екатеринбурге, причем сделано это на фоне общероссийских и некоторых мировых событии, что выводит данную работу на уровень современного понимания проблемы. В новом свете представлены загадочная миссия комиссара Василия Яковлева по доставке царя в Екатеринбург, борьба мнении о его судьбе в Москве, организация расправы и роль в ней известных и неизвестных ранее фигурантов, вероятные, а скорее маловероятные, версии спасения и др.

В итоге автор ставит под сомнение документы и показания свидетелей, время и место действия, количество жертв и даже сам расстрел. Из всего этого можно сделать только один вывод — проблема настолько запутана и фальсифицирована, что на основании ныне доступных данных, нельзя принимать ответственные решения.

Главная заслуга Л. Сонина заключается в том, что он сопоставил материалы колчаковского следователя Н. Соколова и современного следствия по делу о гибели царской семьи. Такая задача неоднократно ставилась в правительственной комиссии, но почему-то не решалась. Между тем, она представляет возможность существенно расширить границы изучения проблемы и приблизиться к правильному ее пониманию. В книге убедительно доказано, что то и другое следствие проигнорировало материалы предшественников Соколова от капитана Малиновского до надворного советника Карсты, выводы которых не укладываются ни в Соколовскую, ни в нынешнюю соловьевскую версии исчезновения царской Семьи. Возникает парадоксальная ситуация. Посылки Соколова и Соловьева одинаковы, а выводы диаметрально противоположны, что заставляет серьезно задуматься.

В целом предлагаемая книга вносит много нового в историю исчезновения царской семьи, отвергает или основательно корректирует устоявшиеся версии, доказывает абсолютную несостоятельность некоторых из них. Она открыла путь к принципиальному пересмотру как советских, так и антисоветских трактовок проблемы, к выходу на новое объективное изложение сути событий. Ее успех не исчерпывается чисто историографической пли публицистической важностью. Она имеет практическое значение в идентификации предполагаемых останков царской семьи. Автор сделал то, чего не смогла осуществить правительственная комиссия — начал их историческую экспертизу, без которой не может считаться завершенным комплексное изучение проблемы, а следовательно невозможно вынести объективное решение. Материалы книги неоднократно убеждают в этом.

Вместе с тем Льву Сонину явно не хватает ряда принципиально важных исторических документов для доказательства своих смелых гипотез. Это в первую очередь относится к германскому следу в екатеринбургском деле, берзинской эпопее,

"братанию" белых с красными в попытке разыграть романовскую карту и конечно же к чудодейственному спасению всей царской семьи, что сильно напоминает детектив Гарри Нулла.

Многие сложнейшие вопросы исчезновения семьи остались на уровне публицистической трактовки, без глубокой проработки. Писатель расчистил авгиевы конюшни злонамеренной долголетней дезинформации о гибели Романовых. Теперь стоит задача возведения нового светлого здания из надежных конструкций правды и православной этики. При этом лучше руководствоваться надежными источниками и строгой аналитичностью, а не многостраничным цитированием чужих текстов. Не мешало бы автору корректней обращаться с многочисленными действующими лицами своей книги: монархистами и демократами, красными и белыми, русскими и евреями, политиками и пишущей братией, сторонниками и противниками останков, потому что с нашей точки зрения, поиск правды о гибели царской семьи должен вести не к новым разборкам и расколу общества, а к его покаянию и умиротворению.

В свое время много было славословия по поводу того, что Николай II в 1905 г. расстрелял веру народа в царя. Сейчас есть опасность расстрелять веру в Россию ложью о царских останках. Поэтому целесообразно захоронить их на месте убиения как предполагаемые императорские (вместе с семьей и верными слугами) впредь до установления истины. Такой подход будет отвечать принципам человечности и православной веры. В данной связи не могу не заметить, что после одного из заседаний правительственной комиссии у меня состоялся продолжительный разговор со Святейшим Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II. Его интересовали исторические аргументы в доказательстве подлинности останков, найденных под Екатеринбургом. Выслушав внимательно все за и против, он сказал: "Я не махну кадилом на похоронах, пока вы, ученые, убедительно не докажите их принадлежность царской семье" Надеюсь, так и будет.

Л. Сонин. Покер на костях. Екатеринбург, 1998. С. I–IV.

Ключ к истине в руках историков

Уходящий XX век оставил немало трагических страниц в русской истории. Среди них — гибель последнего российского императора Николая II и его семьи. При всей полярности оценок этого факта очевидно, что он символизирует рубеж между старой и новой Россией, требует глубокого осмысления, особенно в контексте нынешней тревожной ситуации в стране.

В оценке этого события давно пора перейти от идеологических трактовок к научно-историческим. Триста лет назад скатилась на плаху голова английского короля, сто лет спустя — французского, а еще через сто лет с небольшим — российского, хотя обстоятельства его гибели до сих пор неясны. Первые две трагедии давно стали достоянием истории, без всполохов классовой ненависти. Видимо, и к третьей пора отнестись так же, предварительно сказав о ней всю правду во имя возрождения России и единства ее народов.

В данной статье не ставиться задача переосмысления последнего царствования, которое надломило судьбу отечества, это специальная проблема. Сегодня, накануне 80-летия гибели императора, важнее разобраться в ее обстоятельствах, особенно в интерпретации предполагаемых останков царской семьи, поскольку ошибка в таком деле может привести к национальному позору.

Сразу же после их извлечения из болотной хляби Поросенкова лога в июле 1991 г. без всяких исследований и доказательств они были объявлены царскими, между тем как три четверти века считались полностью уничтоженными. Естественно, что очередная непредсказуемость русской истории не могла не вызвать шока в обществе.

Вместо того, чтобы открыто объяснить народу происшедшее, специальная Правительственная комиссия установила завесу тайны над своей деятельностью. В ее недрах образовалось мощное лобби, которое любой ценой в короткий срок пыталось организовать торжественное перезахоронение, но, как известно, скоро хорошо не делается.

Изначальной грубой ошибкой была попытка проигнорировать важность исторических доказательств. На десяток своих

записок по этому вопросу руководству комиссии я, как ее член и профессиональный историк получил ответ... от директора одного из С.-Петербургских музеев Б. С. Аракчеева, поддержанный министром культуры Н. Л. Дементьевой. Автору двух книг о гибели царской семьи было тяжко читать абсолютно неквалифицированную отписку "ревнителей" русской культуры.

Неудивительно, что подобный уровень экспертизы привел к всуе принятому решению комиссии о подлинности царских останков и необходимости их захоронения в императорской усыпальнице С.-Петербурга. Слов нет, их давно пора захоронить. Еще два года назад мы предлагали это совершить на месте убиения, в Екатеринбурге, в символической могиле до выяснения спорных вопросов. А пока они не сняты, есть опасность "обрести" лже-мощи, что станет вызовом общественному мнению, рухнут остатки веры в российскую государственность, ее руководителей и Православную Церковь.

На чем основывается такое беспокойство? Дело в том, что загадка века, связанная с гибелью Николая II, обросла многочисленными гипотезами и экзотическими мифами. На западе опубликовано более 50 специальных монографий[1] и десяток в России[2]

Учесть статейные публикации нет никакой возможности. Их тысячи. В этой литературе уживаются полярные точки зрения — от признания гибели всех членов семьи и уничтожения останков до полного сохранения семьи. Есть книги, написанные на "белых" источниках, есть — на "красных", есть художественные произведения, есть сборники документов, но нет ни одной профессиональной работы, где была бы проанализирована вся совокупность фактов, относящихся к расстрелу и сокрытию останков.

Между тем, в 1918–1924 гг. и в 1991–1998 гг. проведены многочисленные следственные действия, экспертизы, в том числе генетические, которые призваны убедить общественность в том, что проблема решена с исчерпывающей полнотой: вся царская семья уничтожена, а останки идентифицированы. Беда однако в том, что общественность никак не может поверить в истинность приводимых доказательств.

Относясь с большим уважением к профессионалам в своей области, мы так же сомневаемся в их выводах. Весь вопрос в том, что громкое царское дело нарочито запутано, как со стороны "красных", так и со стороны "белых", как в начале века, так и в его конце. Как ни парадоксально, но это прослеживается даже при беглом сопоставлении книг М. Дитерихса, Н. Соколова и писаний Я. Юровского, П. Быкова, а также следует из предвзятости старого соколовского и нового соловьевского следствий.

Очевидно, что в таком сложном вопросе должны быть учтены все доказательства, в том числе и исторические, поскольку рассматриваемому уголовному делу 80 лет. Никакие суперсовременный методики не могут обойтись без элементарных исторических фактов, которые нередко противоречат результатам самых дорогостоящих экспериментов, потому что абстрагированы от реальной действительности.

В конце концов пора понять, что речь идет не о рядовом вчерашнем убийстве, а об историческом событии, которое тщательно готовилось и не менее тщательно скрывается многие годы. Прежде чем вести конкретные следственные действия по предполагаемым останкам царской семьи, необходимо было разобраться в исторической подоплеке событий, выстроить событийный ряд, установить его соответствие господствующей версии, найти медицинские показатели опознаваемых объектов, а потом уже проводить дорогостоящие экспертизы или хотя бы вести их параллельно. Такой подход позволил бы создать надежную исходную базу следствия, во много раз удешевил бы его и гарантировал доверие к нему со стороны общественности.

Поскольку ничего подобного не было сделано, то следственные эксперименты подгонялись под воображаемые исторические реалии: все обитатели Ипатьевского дома были уничтожены одномоментно; в захоронении находится семья, по полу и возрасту соответствующая Романовым; сроки захоронения адекватны времени гибели царя и т.д. Когда какие-то аргументы следствия ставились под сомнение, они тут же менялись на противоположные. Сначала было объявлено что в захоронении находится царская дочь Мария, но нет Анастасии, потом вдруг стали утверждать, что Анастасия там, а Марии нет. Можно было бы предположить, что перемены произошли вследствие уточне-

ния антропометрических показателей, но они имеют принципиально разные параметры. Прижизненные данные свидетельствуют, что по телосложению Мария и Анастасия резко отличались. Разница в росте достигала 10 см., что не заметить невозможно.

Попытаемся на основе введения в научный оборот новых документов и скрупулезного сопоставления известных фактов, с одной стороны, сформулировать те задачи исторической экспертизы, которые могли облегчить следствие и повысить его доказательность, а с другой стороны, проследить противоречия, возникшие в результате игнорирования исторических фактов. Прежде всего, необходимо осмыслить официальные документы, констатирующие смерть царской семьи. О расстреле Николая II было объявлено в советской газете "Известия" 19 июля 1918 г., что можно признать свершившимся фактом.

О гибели остальных членов семьи нигде никогда официально не сообщалось. Некоторое исключение составляет широко известная телеграмма, якобы обнаруженная белым следствием на Екатеринбургском почтамте после ухода большевиков и расшифрованная помощниками следователя Н. Соколова. Она гласит: "Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации"[3]. Поверить в такой откровенный подарок большевиков трудно. Настораживает и то, что телеграмма три четверти века без всякой проверки цитируется по Соколову. Не исключено, что за теми цифрами скрываются совсем другие слова, а сегодня это единственное свидетельство гибели всей семьи, и оно должно быть подтверждено специальной экспертизой. Что касается воспоминаний Я. Юровского, то, во-первых, они по определению не могут восприниматься как вполне достоверное свидетельство, во-вторых, доказано, что они написаны историком М. Покровским, который в расстреле не участвовал. Попытки же искать однозначную ленинскую директиву на расстрел нам представляются бесперспективными. Скорей всего, если и было какое-то решение, то письменно оно не фиксировалось, потому что за него не хотели нести ответственность. К тому же в условиях острейшего кризиса советской власти в первой половине июля 1918 г. среди большевиков не было единства, и разные

группы имели своих наблюдателей в Екатеринбурге. Следовательно, какой-либо серьезной документальной основы о гибели всей семьи Романовых нет, по крайней мере, она не обнаружена.

О самом расстреле написано много, едва ли не поминутно чуть ли не о каждом участнике, но почему-то полностью игнорируется версия о том, что узники Ипатьевского дома могли покидать его не одной партией. Приведем три из многочисленных доказательств. Первое. 4 ноября 1918 г. в Екатеринбургском уголовном розыске связи с дознанием об убийстве императора была допрошена официантка из Ипатьевского дома Е. Томилова. Она показала: "Я хорошо помню и категорично это утверждаю, что в тот день, когда большевики на митинге объявили о расстреле бывшего государя, я носила в тот день обед для царской семьи и лично видела в столовой Государя и всю его семью... Спустя один день после объявления в газетах о расстреле бывшего государя мне выдали обед для царской семы только на девять человек (раньше было 11 — В. А.), и я опять унесла в Ипатьевский дом, но бывшего Государя, доктора и третьего мужчину я не видела, а видела лишь дочерей Государя... 23 июля в советской столовой уже не было поваров, и обед для царской семьи я не носила... я решила сходить за посудой... во всех комнатах было пусто и никого из царской семьи уже не было видно" Этот рассказ подтвердила хозяйка квартиры, где жила официантка [4]

Второе. Сестра председателя Уральского ЧК Ф. Лукоянова, Вера попав в плен к белым, призналась, на основе известной ей от брата конфиденциальной информации, что убит один император, а его семья вывезена в Пермь. Правда, позднее она подкорректировали свои показания, но от этого они не утратили своей значимости.

Третье. До десятка свидетелей, в том числе известный доктор П. Уткин подтвердили следователю А. Кирсте, что за р. Камой (недалеко от Перми) при попытке к бегству была схвачена женщина которую называли великой княжной. По свидетельству доктора, она ему призналась: "Я дочь государя, Анастасия"[5]: Вообще, пермский след царской семьи, основательно проработанный в западной историографии (А. Саммерс и Т. Мэнгольд, М. Ферро), остался не замеченным в России, а зря. Он таит в

себе заряд разрушительном силы в деле с екатеринбургскими останками.

В этих свидетельствах можно усомниться, но почему тогда безоговорочно принимается на веру записка Я. Юровского и др. Их доказательность нисколько не выше. Вопрос видимо в том, что необходима генеральная проверка имеющихся данных, их сопоставление по материалам белого и современного следствий, а также многочисленных публикаций. Не исключена возможность выявления новых документов при фронтальной проверке отечественных и зарубежных архивохранилищ.

Вызывает много вопросов сокрытие предполагаемых трупов царской семьи и их последующее обнаружение. Об этом написано немало, но до сих пор документально не подтверждено, что именно они в июле 1918 г. были закопаны под мостиком из шпал на Коптяковской дороге под Екатеринбургом, а в июле 1991 г. извлечены.

Наводит на размышление и другой факт. Известны две фотографии 20-х гг. На одной из них участник уничтожения Романовых П. Ермаков стоит на настиле из шпал в том самом Поросенковом логу. На другой фотографии — группа лиц устроилась непосредственно за настилом, а прямо на шпалах лежит маузер, видимо, принадлежащий Ермакову. Мостик из шпал как бы взгорбился и похож на свежую могилу, между тем как от времени она, наоборот, должна была осесть. Не производились ли с ней какие-то манипуляции в 20-е гг.?

В 1945–1946 гг. по указанию заместителя Л Берия Б. Кобулова велось специальное расследование обстоятельств расстрела царской семьи. В печати промелькнуло сообщение о том, что при этом тревожилось Коптяковское захоронение. В данной связи любопытно, что, по оценке современного следствия этому захоронению 40–50 лет[7] Следовательно, оно относится к середине 40-х гг., что заставляет очень серьезно задуматься.

В 1979–1980 гг. предполагаемую могилу вскрывали А. Авдонин и Г Рябов, изымали оттуда три черепа и увозили их. Захоронение было разрушено почти полностью[8] Что оттуда было изъято и что возвращено назад, остается неясным.

Наконец, есть принципиально иные указания места упокоения Романовых. По свидетельству заведующего хозяйством ра-

бочего клуба Верх-Исетского завода Кухтенкова, который подслушал разговор участников расстрела, трупы царской семьи были захоронены в двух разных местах. "А екатеринбургский машинист Логинов доверительно сообщил своей пермской родственнице, что он по указанию комиссаров увозил тело расстрелянного Николая Романова на станцию Богданович[10] Возможно, это последнее сообщение и не соответствует действительности, хотя находится в корпусе авторитетных документов, но оно так же имеет право на рассмотрение, как и воспоминания Я. Юровского, на которых базируется вся Коптяковская версия.

В конечном счете, вопрос о подлинности Коптяковского захоронения остается недоказанным. Он не подкрепляется убедительными документами, но это не означает их полного отсутствия. Если внимательно, фронтально изучить необходимые архивные фонды того периода особенно красноармейские, партийные, чекистские, то представится возможность или подтвердить отстаиваемую нынешним следствие" точку зрения, или окончательно ее опровергнуть. В любом случае, это будет необходимый законченный результат, а не та неопределенность которая существует сейчас.

Теперь о прижизненных медицинских показателях. Остановимся на черепе N° 4, приписываемом Николаю II. В представлении прокурору Казанской судебной палаты от 26 ноября 1918 г. сообщалось, что "по заявлению доктора Деревенько (врача наследника. –В. А.) характерной и неизгладимой приметой трупа государя Николая II может служить костная мозоль на левом виске — след от удара в голову во время посещения его в бытность наследником Японии[11] Эта информация впрямую адресована современным судмедэкспертам, но они не придали ей должного внимания, сообщив общественности, что костной мозоли нет, да и быть не могло в связи с незначительностью ранения[12]

Между тем, из материалов консилиума русских врачей, состоявшегося 29 апреля 1891 г. (в день ранения Н. Романова) в г. Киото следует другое. В ране был найден клиновидный осколок кости длиной 2,5 см. и шириной 2 мм[13] Правда, с правой, а не с левой стороны. Видимо, при записи допущена ошибка. Вырубленный кусок кости не мог не оставить следа. По крайней, мере

этот след в течении 27 лет (1891–1918 гг.) наблюдался придворным врачом и был отмечен в описании путешествия наследника на Восток, где фиксировалось, что в черепной кости, растреснутой после удара японской саблей, "началось разрушение костного вещества, процесс шел в обе стороны"[14] Косвенным подтверждением сильного удара по голове наследника является и то, что, по воспоминаниям М. Кшесинской, он страдал после этого постоянными головными болями

Любопытно, что, когда в 1979 г. после вскрытия екатеринбургского захоронения Г. Рябов предъявил судмедэксперту С. Абрамову фотоснимки и слепки черепов, то последний установил по особенностям зубо-челюстного аппарата и следу от удара острорубящим орудием, что второй череп принадлежал Николаю II. Позднее ничего этого на черепе уже не находили. Комментируя создавшуюся ситуацию, авторитетный судмедэксперт В. Звягин констатировал: "Единственное, что здесь приходит в голову: либо Сергей Сергеевич (Абрамов. — В. А.) имел дело с другими черепами, либо слепки, которые ему предъявлялись, имели те следы, которых и имеет названный череп"

В этот вопрос пора внести ясность. Сумели же российские ученые методом исторической экспертизы восстановить полную клиническую картину проникающего ранения в голову русского полководца М. И. Кутузова. Так почему же с такой же убедительностью нельзя идентифицировать череп Николая II, расстрелянного на 131 лет позднее ранения Кутузова?

Стремление к истине побуждает нас привести другой пример, который может противоречить основной линии данной статьи, но он показателен с точки зрения возможностей исторической экспертизы. Из фондов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника нам удалось извлечь так называемую "Папку Ренделя", которая принадлежала сыну популярного в Сибири дантиста Марии Рендель. Зимой 1917–1918 гг., в период Тобольского заточения царской семьи, к М. Рендель обратился за помощью Николай II (имеется 7 записей по этому поводу в его дневнике). Каково же было ее изумление, когда она обнаружила у бывшего царя "полный рот гнилых зубов"[16]

Этот суровый диагноз имеет принципиальное значение сегодня, поскольку исследователь стоматологического статуса черепов из екатеринбургского раскопа петербургский профессор В. Попов пришел к выводу, что "изменения зубов и альвеолярных отростков челюстей (черепа № 4) указывают на имевшийся при жизни выраженные парадонтоз и хронический воспалительный процесс в области 4–8 зубов по типу одонтогенного остеомиелита"[17] Сопоставление двух диагнозов может пролить свет на идентификацию царских останков и позволит ответить на вопрос: имел ли царь больные зубы, и ему ли принадлежит череп №4?

Дополнительный свет на события в Ипатьевском доме могут пролить впервые опубликованные нами фрагменты екатеринбургского дневника бывшей императрицы Александры Федоровны. Там есть одна любопытная деталь, относящаяся к 7 июля: " Во время завтрака пришел председатель областного комитета с несколькими людьми... Двое человек затем заставили нас показать все наши драгоценности, которые мы имели с собой, и затем переписали их детально, и забрали у нас (куда, насколько, почему (??) не знаю). Оставили мне только два моих браслета, которые я не могла снять, и детям по одному браслету каждой, которые мы дарили и которые нельзя было снять, не забрали обручальное кольцо N., которое нельзя было снять"[18] Такая запись оставляет много вопросов. Остановимся на двух полярных. Если драгоценности забрали до расстрела, то что тогда снимали с трупов убийцы? Браслеты и кольцо Николая Александровича? Давно известно, что на месте предполагаемого уничтожения трупов найден человеческий палец. Может быть, он принадлежал Николаю II? Видимо, надо искать отрубленные руки женщин, с которых надо было снять браслеты? Это важные свидетельства для идентификации останков.

Перечень подобных исторических свидетельств можно умножить, Но уже из приведенных видно, что они крайне необходимы для идентификации останков царской семьи, без них невозможно замкнуть цикл исследований по этому делу. Следует подчеркнуть, что речь идет не об истории вопроса гибели Романовых, а об использовании исторических доказательств в качестве равноправных, наряду с традиционными следственными

процедурами, поскольку рассматривается убийство, состоявшееся три четверти века назад. Подобные документы могут подтвердить устоявшуюся версию гибели семьи и сокрытия останков, а могут и опровергнуть ее. На сегодня вопрос не решен. Исследования должны быть продолжены.

Они могут идти в двух направлениях. Первое — переосмысление уже имеющихся исторических материалов под углом зрения юридических доказательств преступления. Второе направление предполагает выявление новых источников, которые могут восстановить провалы в имеющихся сведениях. Для этого потребуется фронтальный просмотр одних архивных фондов, например, "Придворная медицинская часть Министерства Императорского Двора" (РГИА. ф. 4790) и ряда архивохранилищ Кирова (Вятки), куда были эвакуированы документы принципиальной важности после оставления большевиками Екатеринбурга, Перми и выборочное обследование других, касающихся конкретных вопросов темы.

Необходим доступ к архивам Президента РФ, ВЧК, ОГПУ–НКВД–МВД, в которых содержится важная информация по интересующему вопросу. Причем надо идти не путем выборочных запросов, а на основе знакомства с описями соответствующих ведомств! Там ожидаются находки принципиальной важности. Известно, что сразу после расстрела Романовых Я. Юровский увез в Наркомат внутренних дел огромный баул с их документами. Где он? В свое время была подготовлена закрытая "История уральского ЧК", в котором имелся раздел об операции по расстрелу царской семьи, подготовленной на оригинальных документах. Она отправлена в Москву. Где ее искать? Во время работы многочисленных комиссий, в частности ЦК КПСС под руководством А.Н. Яковлева (1964), из уральские архивов в столицу были затребованы важнейшие документы по царскому делу. Где они сейчас?

Не до конца исчерпаны зарубежные архивохранилища, которые содержат редкие, а в ряде случаев уникальные документы. Нам удалось получить так называемое досье Никандра Миролюбова из Гуверовского института войны, революции и мира (США). Оно упоминалось западными исследователями, но в полной мере не вводилось в научный оборот, поскольку без со-

отнесения с советскими документами мало что дает. Его ценность заключается в том, что екатеринбургский прокурор Иорданский посылал своему шефу, казанскому профессору криминалистики Миролюбову, те сведения первичного следствия, которые не нашли отражения в известном деле Соколова. Интересно, что Иорданский постоянно ссылается на военную разведку, в руки которой поступают важные документе по царскому делу, но они не становятся достоянием официального следствия. По всей вероятности, такие документы можно обнаружить в военном архиве А. Колчака. В Датском Королевском архиве хранится досье тридцатилетнего суда по "Делу Анны Андерсон" Они содержит уникальные свидетельства о всей романовской трагедии.

В заключение необходимо подчеркнуть, что историческая экспертиза гибели царской семьи может и должна существенно прояснить таинственные страницы этой трагедии. Она послужит важным фактором духовного возрождения отечества, единения народа, доказательством правды и предсказуемости российской истории, исключения самозванчества в ней. По нашим данным, в 20-е гг. только на Урале и в Сибири заявили о себе 18 претендентов на Российский Престол. Об этом повествуют увесистые тома чекистских дознаний, которые предстоит изучить и опубликовать.

Примечания

1. См. подробнее: Alekseyev V V The Last act of a tragedy. Yekaterinburg, 1996.
2. См. подробнее: Алексеев В. В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. Екатеринбург, 1993.
3. Соколов Н. А. Убийство Царской семьи. М., 1991, с. 310.
4. ГА РФ. ф. 130, оп. 23, д. 51, лл. 18–19.
5. Библиотека Гарвардского университета. Досье Вильтона № 853919. Протоколы допросов Сестры Лукоянова и доктора Уткина.
6. Сонин Л. Покер на костях, или как скрывают правду о судьбе Николая II. Екатеринбург, 1998, с. 135.
7. Новая хроника, № 44, 3 ноября 1995; Неволин Н. Исследования состояния костных останков. // Тайна царских останков. Екатеринбург, 1994, с. 61; Попов В. Судебно-стоматологические исследования останков. — Там же. с. 83.

8. Алексеев В. Гибель царской семьи, с. 247.
9. ГА РФ. ф. 601, оп. 2, д. 36, л. 27–29.
10. Алексеев В. В. Материалы о гибели царской семьи на Урале: из архива Гуверовского института войны, революции и мира (США). // Уральский исторический вестник, 19,96, № 3. с. 213.
11. ГА РФ. ф. 601, оп. 2, д. 51, л. 35 об.
12. См. интервью начальника Свердловского областного бюро судебно-медицинской экспертизы Н. Неволина "Областной газете", 26 мая 1995 г.
13. ГА РФ. ф. 677, оп. 1, д. 701, лл. 12–13.
14. Обнинский В. П. Последний самодержец. Очерк жизни и Царствования императора России Николая II. М., 1992, с. 19. (Книга впервые издана в 1912 г. в Берлине).
15. См. Звягин В. Н. Демонстрация экспертных материалов. // Государственная легитимность. Вып. 1. М.; СПб., 1994, с. 101; Алексеев В. Гибель царской семьи, с. 264.
16. Тобольский ГИАМЗ. Научный архив. КП–13774, л.л. 8–10.
17. Идентификация останков царской семьи Романовых. СПб. 1994. с. 19.
18. Алексеев В. Гибель царской семьи, с. 100.

Правда о Екатеринбургской трагедии. Сборник статей. Москва, 1998. С. 35–43.

Председателю Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и его семьи,
Немцову Б. Е.

Особое мнение

В соответствии с пунктом № 7 Регламента работы комиссии мотивирую свою позицию, занятую 30.01.1998 г. по пункту № 3. Протокольного решения, принятого комиссией на заключительном заседании. Оставляя на совести судмедэкспертов и генетиков результаты их исследований, вынужден снова констатировать, что источниковая база этих исследований крайне сомнительна. Принятое комиссией 3.11.1997 г. решение о вынесении исторических аспектов проблемы за

рамки ее работы ошибочно, более того, оно противоречит деятельности самой комиссии. В представленных на ее заседание 30.01.1998 г документах две трети текстов были посвящены тем самым историческим аспектам, но их исполнение оставляет желать много лучшего. Оно не соответствует последним достижениям науки в этой области, страдает предвзятостью, противоречит некоторым новым фактам и выводам, а потому требует существенного пересмотра. В ходе заседания значительная часть дискуссии опять таки была посвящена историческим аргументам, что вполне естественно, так как речь идет о преступлении 80-летней давности.

Пренебрежение историческими фактами не позволило четко ответить на 10 вопросов, поставленных Синодом Русской Православной Церкви. Нарушило комплексное решение проблемы Царских останков и оставило сомнение в их подлинности. Взять хотя бы такой факт. В течение 27 лет на голове Николая II существовала костная мозоль, а усилиями наших судмедэкспертов в одночасье она была дезавуирована. В противовес такому парадоксу приведу другой пример. Российскими учеными методом исторической экспертизы восстановлена полная картина проникающего ранения в голову выдающегося русского полководца М.И. Кутузова. Убедительно доказано и признано, что его глаз сохранился. Так почему же с такой же убедительностью нельзя идентифицировать череп Николая II, расстрелянного на 150 лет позднее ранения Кутузова? Еще раз хочу подчеркнуть, что речь идет не об истории вопроса, а об использовании исторических фактов в определении подлинности предполагаемых останков Царской Семьи. Пока комиссия игнорировала мой подход, предложенный на первом ее заседании, такая работа, как предупреждал, оказалась выполнена за ее пределами. Надеюсь, что в докладе Президенту будут использованы аргументы из материалов, переданных Вам на последнем заседании комиссии от имени редколлегии журнала "Урал"

Сомневаюсь в целесообразности захоронения останков в Петропавловском соборе С.-Петербурга. Напоминаю, что в анкетировании комиссии по данному вопросу я высказался за их упокоение в ближайшее Прощеное воскресение на месте убиения, как предполагаемых Царских, впредь до окончательного и

объективного решения данного вопроса. На сегодня это единственный выход из тупика, в котором мы все оказались.

Обеспокоен также готовящейся двухтомной публикацией материалов о работе комиссии. Опасаюсь, что кроме документированного позора комиссии, по вине которой останки пятый год разрушаются на столах экспериментаторов, от такого издания ожидать нечего

Академик РАН
В.В. Алексеев
31.01.1998

Правда о Екатеринбургской трагедии. Сборник статей. М., 1998. С. 184–185.

Это чревато национальным позором для России

(царские ли останки собираются захоронить в Петербурге в Петропавловском соборе?)

Через два месяца в Петербурге, скорее всего состоится большой спектакль: будут хоронить "царские останки" Берем эти слова в кавычки, потому что ряд крупнейших ученых возражает против выводов, сделанных правительственной комиссией. Так, свое особое мнение высказал директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН академик Вениамин Васильевич Алексеев.

С ним беседует наш обозреватель Николай Цветков.

– Вениамин Васильевич, с чего началась для Вас эта тема?

Останки были вскрыты сотрудниками моего института, поэтому я с самого начала был включен в этот процесс. С июля 1991 года. Сначала в составе областной комиссии - как историк и как директор института. А потом, с октября 1993 года был членом правительственной комиссии. За это время выпустил две книги. Одна из них называется "Гибель царской семьи. Мифы и

реальность" Вторая – на английском языке – "The Last Act of a Tragedy" ("Последний акт трагедии").

Эти две книги подготовлены на основе ранее секретных материалов КГБ по поводу расстрела царской семьи. Я получил доступ к этим материалам как член правительственной комиссии.

На Западе опубликовано около 50 монографий на эту тему. Но они базируются только на материалах белого следствия, вывезенных следователем Соколовым. Но ведь царя-то расстреливали красные. Нужны эти источники, а вот их-то как раз и не было. Мне их удалось в этих двух книгах опубликовать. И теперь, сложив, можно получить две стороны медали – белую и красную. С моей точки зрения сопоставление документов белого и красного следствия позволит приблизиться к истине в понимании этого вопроса.

– В чем вы ее видите?

Комиссией проведена огромная работа по экспертизе останков. Это усилия судмедэкспертов, генетиков. Я с большим уважением отношусь к работе своих коллег. Однако они отнеслись без должного уважения к работе историков. И на сегодня мы имеем такую ситуацию, когда проблема рассматривается как убийство сегодняшнего или вчерашнего дня. Но ведь расстрел произошел 80 лет назад, и забыть историческую дистанцию нельзя. Кто это делает, тот ошибается, а если сказать грубее, допускает преступление в оценке этого дела.

Сейчас, когда проведены различные следственные действия - судмедэкспертиза, генетическая экспертиза и т. д. - они приходят к выводу, что останки – те. Но документы, которыми я располагаю, заставляют меня очень серьезно сомневаться в их подлинности. С моей точки зрения, ошибка комиссии заключается в том, что она подошла к проблеме некомплексно. Она абсолютизировала современные методы, тогда как нужно было обеспечить стык сегодняшних юридических исследований с тогдашними. Провести единую линию от Соколова, вернее от первых следователей - самым первым был капитан Малиновский, через неделю после расстрела царской семьи приступивший к этому делу, до сегодняшних следователей. Этого не сделано.

Второе: не проведена историческая экспертиза. Я под ней понимаю соотнесение сегодняшних следственных действий с историческими фактами. Прежде всего - с прижизненными медицинскими показаниями.

– Можно уточнить – каких?

Приведу один пример. Идет спор об отрубленных головах. Я не утверждаю, что головы были отрублены. Но генетическая экспертиза взята с конечностей, а спор идет о головах. Так если это спорный вопрос, то надо было пробы брать с черепов. Чтобы доказать, что вот этот череп принадлежит Николаю Александровичу. Но почему-то спилы были сделаны с нижних конечностей. Это объясняют таким образом, что череп сильно разрушился и его надо было сохранить. Генетики доказывают, что ДНК везде одинакова – что ноги, что голова, что кровь. Но здесь возникает второй вопрос - очень сложный вопрос. В 1978–1979 годах Рябов и Авдонин выкапывали эти останки, брали три черепа и больше года их возили неизвестно куда. А что они потом закопали? Те, или не те черепа? Поэтому и надо было брать пробы с черепов.

Я директор Института истории и археологии. Знаю, как ведутся археологические раскопки. А здесь два гражданина... Авдонин заявляет, что он геологическими методами высчитал, где находится это захоронение. Считаю, что это чистейшая ерунда. Вот вы – не археолог – пришли, взяли лопаты и – раз! – сразу выкопали череп царя. Не бывает же так никогда! Археологи работают годами, десятилетиями, чтобы выкопать что-то интересное. Надо же сметать слой за слоем, разметать кисточкой одну кость, вторую... А они сразу три черепа достали и пошли. Я не следователь. Я – гражданин и ученый. У меня сомнения: как могло так получиться? Возникает подозрение ко всей этой истории.

Нужны исторические документы. Нужен документ, фиксирующий смерть. Говорят: нет такого документа. Поискать надо. У меня в книге опубликовано заявление Юровского о том, что щупали пульс, чтобы констатировать смерть расстрелянных. Значит, был составлен документ о смерти. Более того, мне один старый чекист, работник Свердловского управления КГБ, сейчас его уже нет в живых, рассказывал, что когда он работал началь-

ником архива в Свердловском КГБ, то видел заключение врача о расстреле этих людей. И там были поименованы все расстрелянные, за исключением Алексея. Где теперь этот документ? Его надо найти.

Нужен документ о том, кто принял решение о расстреле. Все в один голос говорят: Ленин. Наверное. Без него это не могло решиться. Но где документ о том, что Ленин дал команду? Такого документа нет. И я уверен на 99 процентов, что его и не существовало. Ленин был юрист, и он понимал, что значит загубить эту семью. Такого документа он никогда бы не подписал. Мне представляется, что было коллективное решение по этому поводу.

Более того, в самом большевистском руководстве не было единства по поводу судьбы царской семьи. Во-первых, известно, что Свердлова в Екатеринбурге представлял комиссар Голощекин. Они вместе были в ссылке, поклялись уничтожить царя и эту задачу выполнили. Но появляется любопытная фигура. Это генерал Берзин, командующий Урало-Сибирским фронтом. В ночь расстрела царской семьи он срочно уезжает в Москву, бросая фронт. Троцкий его ставит к стенке: расстрелять. В последний момент Ленин спасает, и Берзин докладывает ему о царской проблеме. Что он доложил, что он привез Ленину? До сих пор неизвестно. Но мы вправе сделать вывод, что у Ленина был свой наблюдатель за царской семьей - генерал Берзин.

Все пишут, что ЧК расстреляла. Так в ЧК-то было всего 19 человек. А у Берзина целая армия. Город находился в распоряжении военных, и всем командовала не ЧК, а генерал Берзин. Расстрел не мог случиться без военных. Фигура же Берзина вообще выводится "за скобки" всех споров.

Дальше. Была отправлена телеграмма о расстреле из Екатеринбурга почему-то в Петербург. Принято объяснять это тем, что в Москве не работал телеграф. Может быть, действительно, не работал. Телеграмма пошла Зиновьеву. А у меня есть конкретные данные, что Зиновьев тоже имел своего наблюдателя в Екатеринбурге - Аню Костину. Она ему докладывала о том, что происходит с царской семьей. И любопытно, что Аня Костина после объявленного расстрела государя императора оказалась в Перми и долгое время там находилась. Отсюда вопрос о воз-

можной переброске в Пермь кого-то из членов царской семьи. Значит, она за кем-то наблюдала и докладывала Зиновьеву.

Есть информация, что Молотова в Екатеринбурге представлял большевик Боголепов. А Молотов и Сталин уже в то время составляли определенный альянс. Из всего этого следует, что разные фигуры большевистской верхушки имели там своих представителей, которые наблюдали за царской семьей.

Это может показаться странным. Ведь принято считать, что большевики были монолитом. Да ничего подобного! Ведь это все происходило после эсеровского мятежа 5 июля 1918 года. Среди большевиков был раздрай. Они готовились к самому худшему. Переводили деньги за рубеж и т.д. Многие большевики собирали чемоданы. В частности, в портфеле Карахана, замнаркома иностранных дел, был Брестский договор, и мы сейчас ломаем голову - а было там что-нибудь о царе или нет. Не исключено, что было. Как алиби перед Западом. Ничего нет удивительного, что каждый старался наблюдать за царем, может быть, в расчете использовать его в своей политической игре. Все это было очень непросто.

Генетики сказали: да. Судмедэксперты сказали: да. А историков никто не послушал.

– Как известно, судмедэкспертиза неоднократно ставила проблему прижизненных медицинских показаний.

- Я нашел в архиве такие показания. В ноябре 1918 года под Екатеринбургом белыми было обнаружено захоронение мужчины примерно 50 лет и мальчика 14-15 лет. То следствие пришло к выводу, что это царь и наследник. Но оно было осторожно, в отличие от нашего. И нашло врача царской семьи по фамилии Деревенько.

Его заставили идентифицировать царя. Он подошел, посмотрел - вроде да. А потом пощупал голову и говорит: нет! Я нашел запись его показаний, где говорится, что труп государя Николая II можно обнаружить по костной мозоли на виске следу от удара японской сабли в Японии. Я представил этот оригинальный документ в комиссию. Когда посмотрели, этой костной мозоли - шишки - на черепе № 4, то есть у императора, не оказалось. Тогда меня начали шельмовать. Мол, Алексеев придумал костную мозоль. Так это же ерунда! Рана была незначительная,

царь, то есть тогда наследник, на следующий день встал и пошел... Никакой костной мозоли быть не может. Ну, хорошо. Я приношу воспоминания балерины Кшесинской, любовницы Николая Александровича. Она прямо пишет, что он все время держался за висок, так как у него болела голова.

Но и это не признается. И тут обнаруживается еще один исторический документ. От 29 апреля 1891 года. Заключение русских врачей по поводу ранения Николая Александровича в Японии. После того, как его рубанул мечом японский жандарм в городе Оцу, наследника привезли на русский корабль, где собрали консилиум врачей. И князь Барятинский, который сопровождал наследника в этой поездке, пишет Александру III письмо: "Прости батюшка, не уберег наследника..." К письму было приложено заключение русских врачей, в котором сказано, что рана наследника очень серьезна - перерублены четыре артерии на голове, - и если бы ему не была оказана своевременная помощь, он бы, конечно, погиб. И что интересно, вырублен участок кости длиной два с половиной сантиметра. Это не могло не оставить следа на черепе. Двадцать семь лет на черепе императора его врачи наблюдали костную мозоль-нарост. А теперь - в нашей комиссии - она вдруг исчезла. Доктор Деревенько через двадцать семь лет после случившегося в Японии констатировал наличие этой шишки. Он постоянно обследовал семью и знал, что у императора она есть.

Это одно из моих главных свидетельств того, что современное следствие не стыкуется с историческими материалами.

Второе доказательство. Когда наши археологи вскрыли захоронение, следователи констатировали, что в могиле находятся все дочери Николая, за исключением Анастасии. Теперь же, в последнем заключении указывается, что Анастасия - там, но нет Марии. Куда же она исчезла? Это же смешно Мне скажут: ну неточно замерили сначала. Теперь свели, мол, все до миллиметра, и по росту это оказалась не Мария, а Анастасия. Но исторические документы свидетельствуют: Анастасия была на десять сантиметров ниже Марии. Как же можно было не заметить десять сантиметров? Значит, опять нестыковка.

Почему это все тасуется? Я, как член комиссии, как ученый и как гражданин, не могу подписаться под такой белибердой. Ко-

му-то хочется поскорее захоронить, как господину Собчаку в свое время, а я должен подписываться. И нести ответственность. Он убежал куда-то в Париж, а я - здесь, в России. Не могу допустить, чтобы мне тыкали в глаза, как ты мог так поступить?!

– Вы, конечно, слышали об окровавленном платке Николая Александровича, который хранится в японском музее?

– Да, в японском музее сохранился платок с кровью императора. И мне казалось, что эту-то кровь и надо сопоставить с имеющимися останками. Так ведь этого не делали! Когда в прессе подняли шум, Иванов, который вместе с англичанами делал экспертизу, поехал в Японию и почему-то взял из этого платка два миллиметра. Он говорил, что японцы ему больше не дали. Я не думаю, что это правда. Японцы – благородные, доброжелательные люди. А теперь он утверждает, что на двух миллиметрах у него экспертиза не получилась. Боюсь, что она дала другие результаты, поэтому он ее отвергает.

– Чем решение Правительственной комиссии чревато для России?

- Произойти могут самые неожиданные вещи. Потому что это недоброкачественно выполненная работа. Предположим, на очередных президентских выборах появится исторический документ, который свидетельствует, что все было не так. Что расстрел происходил не так, как сейчас пишут, и что не всех расстреляли и кто-то остался жив и от него есть внуки и правнуки где-нибудь в Испании или во Франции, и они могут претендовать на русский престол. Это же может породить проблему самозванчества. На Руси сколько было самозванцев, начиная с Лжедмитрия I.

Я насчитал, только в 1923 году восемнадцать человек, которые претендовали на роль царских детей. Сейчас веду разработку этих документов. Это интереснейший вопрос! Восемнадцать человек в 1923 году привлекались Екатеринбургским ОГПУ к следствию по претензиям на российский престол.

Сейчас вот этим недоброкачественным решением вопроса мы породим новую волну самозванчества. Зачем и кому это надо?! Не надо, мне кажется, этого допускать.

У меня идет спор с генетиками. Они считают, что раз генетика доказала, то это факт. Но в мировой судебной практике гене-

тика никогда не используется как единственный аргумент. А у нас в комиссии только и говорят: ведь это же надо, какая точность? 99 целых и еще шесть девяток и там еще семерка в периоде! Большей, мол, точности быть не может. А вот меня как раз такая точность-то и настораживает. Не может быть в таком деле такой высочайшей точности!

Приведу высказывание одного священника. На одной из дискуссий в Москве я выступал со своей позицией, Иванов, о котором упоминал, - со своей позицией. И когда Иванов говорил о высочайшей точности экспертизы, встал присутствовавший священник и говорит: "Господин ученый, я поражен вашей высочайшей точностью. Но я не понимаю одного. Вот у нас в церкви, если святая вода, так она на сто процентов святая. А как это останки великомучеников могут быть не на сто процентов царскими?"

Еще один исторический факт. Юровский пишет, что "грузовик застрял, пришлось копать, бросать тела в яму, а два трупа сожгли" Рядом сожгли. Это было в ста пятидесяти метрах от железнодорожного переезда, где в результате оцепления скопилось огромное количество людей, ехавших на рынок. Так неужели никто из них не видел ничего и не слышал запаха сжигаемых тел? Это невозможно! Юровский пишет: грузовик застрял что-то в четыре тридцать. Это же июль месяц. До рассвета было всего полтора-два часа. По расчетам западной экспертной комиссии, выкопать могилу, в которой могли уместиться девять трупов, за это время просто невозможно. Тем более на глазах у публики. Как это объяснить?

Вот пресса пишет: колчаковский следователь Соколов сфотографировался у мостика. Под которым как раз Авдонин с Рябовым нашли кости. Соколов сфотографировался, а не догадался, что они - там, под этим самым мостиком. Проблема мостика - это на целый детективный роман. Я располагаю показаниями поручика Шереметьевского, который показал, что он скрывался от красных в соседней деревне Коптяки, ездил туда постоянно. И мостик был задолго до убийства. Был! Как же он вновь-то оказался уже над захоронением?

Короче говоря, я как историк серьезно сомневаюсь в истинности этих останков. С моей точки зрения, надо или более серь-

езно доказать, что это царские останки, или опровергнуть. Чтобы была ясность. Чтобы не получилось так, что на очередных, предположим, выборах будет опубликован документ, где-то у кого-то хранящийся, а может, специально скрываемый, о том, как действительно происходило дело. Ведь все же сядут в лужу! Кому это надо?

За те три-четыре года, что работает комиссия, неужели нельзя было сделать эти исторические исследования?! Ведь сотни тысяч долларов заплатили за генетическую экспертизу и ни копейки - за исторические документы.

Все это чревато национальным позором для России. В кои-то веки решили сказать правду. А - сказали, а Б - наврали. Это не дело. Это чревато также большими неприятностями для руководства страны. Президент не принял решения, принял Черномырдин. А Черномырдин - в отставке, и с кого спрашивать?

Президент вовремя остановился. Почему? Потому что патриарх не согласен с этим.

- Как Вы оцениваете позицию церкви?

- Однажды меня пригласил Патриарх Алексий II. Он не член комиссии, но ему кто-то, видимо, доложил о моих сомнениях. И он меня пригласил. Мы с ним беседовали сорок пять минут. Он выслушал, удивился многому и в заключение сказал: "Пока вы - ученые - не докажете, что эти останки - те, я не махну кадилом на похоронах" Этот разговор был два года назад. Он верен своему слову. После того, как 30 января 1998 года правительственная комиссия приняла решение, что останки - те, я сделал заявление о том, что с этим не согласен. А 26 февраля синод Русской Православной Церкви опубликовал свое мнение о том, что он, мягко говоря, воздерживается. Стало быть, Патриарх действительно не хочет махать кадилом на похоронах. Он тогда продолжил свою мысль: комиссий много создавалось и при царе, и особенно при большевиках. Они делали и хорошее, и плохое. Поступали правильно и ошибались. А Русская Православная Церковь за свою тысячелетнюю историю ни разу не ошибалась в своих святых. Мы не можем ошибиться и на этот раз.

Как этот узел развяжется к 17 июля, не знаю. У меня есть ощущение, что кому-то надо добиться позора России. Но не буду на этот счет высказываться.

Мне не нравится, что может возникнуть новая конфронтация - между сторонниками и противниками подлинности останков. Бесспорно, надо подвести черту под революцией. Но это надо убедительно сделать.

Вы скажете: останки лежат уже семь лет. Сколько еще? То, что они лежат семь лет, - это вопиющее безобразие. Если я говорю, что тут неясность, значит, я за то, чтобы тянуть с похоронами? Ничего подобного. Останки надо захоронить. Где? На месте убиения. Захоронить как предполагаемые царские останки. И тогда вопрос снимется. Кости будут похоронены, ажиотаж снят, желающие поклониться - приедут на могилу. Губернатор Россель на этом заработает для области миллионы долларов. А если через какое-то время для всех станет бесспорным, что это царские останки, пожалуйста, перенесите их в Санкт-Петербург. А теперь что получается? В Санкт-Петербурге в Петропавловском соборе рядом с Александром III будут хоронить останки Николая II. Все правильно. А лакей Трупп? Католического вероисповедания? И горничная Демидова? Они должны лежать рядом? 80 лет они лежали вместе. С одной стороны, их разделять - безнравственно. С другой стороны, как их можно хоронить в Петропавловском соборе рядом с Александром III? Там же династическая усыпальница.

Обратите внимание, в решении синода есть такая формула: сделать символическую могилу. Собственно, я об этом и говорил два года назад. Так что наши позиции полностью совпадают.

– Правительственная комиссия, как известно, закончила свою работу.

– Да. Из историков в ней работали я и руководитель архивной службы Рудольф Пихоя. Потом его сняли с этой должности и вывели, соответственно, из состава комиссии. В последствии в состав комиссии был введен Сергей Владимирович Мироненко, директор Государственного архива Российской Федерации. Он занимает позицию, что эти останки те.

Но вот еще один пример, подтверждающий мои сомнения. Они привезли из Лихтенштейна уникальные документы, было много разговоров, презентаций и т. п. Согласен, то, что документы привезли, – правильно. Это наши русские документы по

такому трагическому вопросу. Но с научной точки зрения эти документы ничего не дают. Они привезли подлинник телеграммы, которую следователи обнаружили на екатеринбургском телеграфе о том, что "семью постигнет та же судьба, что и императора" Но что это дает? Телеграмма-то давно опубликована, содержание ее известно. И то, что они ее привезли сюда... Ну и что? Как реликвия – да. Но, с точки зрения новой информации она ничего не дает.

И потом, телеграмма – шифрованная. Ее Соколов расшифровал в 1922 году таким образом, что "семью постигнет та же участь" Он расшифровал цифровой код. А может, он его совсем не так расшифровал?

– Кто, по-вашему, играл самую большую роль при определении останков?

- Это вопрос персональный, и мне бы не хотелось его касаться. Буду говорить о том, в чем я профессионал. А кто торопил с решением комиссию... Ну конечно, ее первый председатель Яров. Собчак торопил. Ну, а главным "толкачом" бы Авдонин. Тот геолог, который обнаружил останки. Он тоже был членом комиссии.

– А у кого-то из членов комиссии, кроме Вас, было еще особое мнение?

- Не знаю. Я свое мнение изложил письменно и представил Немцову. О других не знаю. Помню что представитель патриарха выступал очень осторожно.

– Вениамин Васильевич, простите наше невежество, что это за часть останков, которая хранится в Бельгии?

– Тут вот какое дело. В Бельгии, в Брюсселе, есть собор Иова Многострадального. Я был там и даже встречался с дочерью строителя этого памятника госпожой Апраксиной. Этот храм был построен на средства русской эмиграции, собранные со всего мира. На второй день после решения нашей комиссии митрополит Восточноамериканский и Нью-Йоркский Виталий сделал заявление о том, что он лично в 1936 году присутствовал при захоронении восьмидесяти фрагментов предполагаемых останков царской семьи, которые и были замурованы в стене этого храма. Вот такая ситуация. Те или не те останки замурованы в

Брюсселе – не берусь утверждать. Это те останки, которые привез Соколов. Но никаких экспертиз не проводилось.

Итак, в брюссельском храме лежат останки. Они там канонизированы. Тогда вопрос: а здесь какие? Он сталкивает Русскую Православную Церковь с Зарубежной. Получаются неприятности у Патриарха.

– Вы не называете, кому выгодна торопливость, но все-таки: к чему стремятся сторонники принятого комиссией решения?

- Давайте говорить откровенно. Во-первых, ясно, что зашли в тупик. Вопрос-то надо решать. Кости лежат на столах семь лет. Это вызывает возмущение. Особенно у верующих. Это одна сторона, и я ее понимаю. Только поспешать надо было медленнее. Надо было принимать решение о захоронении, но более продуманное, взвешенное, аргументированное.

А какая тут политическая сторона - я не берусь об этом говорить.

– Но вы чувствуете политический оттенок?

- Конечно. И политический, и экономический оттенок.

– А экономический?

- Да. Потому что в январе 1917 года Николай II отправил за рубеж, в Англию, четыре с половиной тонны золота. Оно до сих пор лежит на его счетах. Хозяева золота должны быть кровными родственниками. Если будет юридическое заключение о том, что все они погибли, тогда кто-то может претендовать на это золото. Хотя есть информация о том, что Шеварднадзе в свое время, когда был министром иностранных дел, подписал какой-то документ, после которого мы это золото уже требовать не можем. После того, как Романовы будут похоронены, то есть будет юридически признано, что никого из семьи Николая Александровича не осталось, то, конечно, встанет вопрос о судьбе этого золота. А представляете, какими процентами обросли те четыре с половиной тонны за восемьдесят лет! Это, наверное, миллиарды долларов. Так что здесь есть и экономическая сторона дела.

Здесь есть и династический вопрос. Есть вопрос политический: захоронением Николая II подвести черту под Октябрьской революцией. Я не знаю, какая тут связь с Лениным, не берусь

судить. И момент – экономический. Вот такая подоплека этого дела, почему оно так сильно и муссируется. И мне представляется, вокруг этого дела нагнетается искусственный ажиотаж. Зачем? Может быть, он выгоден тому, кто нашел эти останки. А, может быть, для того, чтобы подогреть монархические настроения.

– А как сам Ельцин относится к этому вопросу?

- Не знаю. Я с ним не разговаривал, в отличие от Патриарха. Категорически отказываюсь давать здесь какие-либо комментарии. Он пока воздержался. Комиссия вынесла решение, а президент до сих пор не принял, а предложил Черномырдину.

– Роковое решение... Черномырдин-то вскоре ушел в отставку.

А вы знаете, это дело страшное. Кто покрепче приложит руку к нему, с тем обязательно что-то случается. Вот Соколов. Непонятно, что с ним случилось. Умер - понятно. Но отчего, как – непонятно. Это большая тайна.

– Сейчас останки где находятся?

- В Екатеринбурге. В морге, в ведении областного бюро судмедэкспертизы. Правда, сфотографировать их будет, наверное, сложно. Но фотографий и так очень много. Сначала останки даже не охранялись, потом приняли меры, чтобы они охранялись.

– Губернатор Россель против их отправки из Екатеринбурга?

- Он против, об этом заявлял официально. Но он сказал, что примет то решение, которое будет названо президентом.

Ну вот еще вспомнил неучтенный исторический факт. Я обнаружил протокол допроса официантки Ипатьевского дома. Когда белые пришли и стали ее допрашивать, она рассказала, что "когда на митинге в Екатеринбурге комиссар Голощекин объявил о расстреле императора, *я* принесла обед в царский дом, и вся семья сидела за столом, в том числе император и наследник" А вот когда пришла в следующий раз - через два дня, что ли, после того, как в газете "Известия" было напечатано, что царь расстрелян, - царя за столом не было. А царица и дочери сидели за столом. И так она три раза приходила и всякий раз царя не было, а женщины сидели за столом.

Как относиться к этой информации? Можно ее игнорировать. Но почему нужно принимать на веру другие факты?

– Ипатьевский дом был снесен при Ельцине. Как люди к этому относятся?

- Пока стоял Ипатьевский дом, то в день расстрела на крыльце обязательно появлялись красные гвоздики. Это при том жесточайшем советском режиме. Кто-то все-таки приносил эти цветы. Ну а потом дом снесли за одну ночь, 16 сентября 1977 года.

А в 1978 году Авдонин начинает выкапывать черепа. Может быть, это не простое совпадение по датам.

Рабочая трибуна. 1998. 18 апреля.

Тайна века

Пролог

Двадцатый век с его удивительными открытиями оставил миру ряд великих тайн. Среди них гибель последнего российского императора Николая II. В этой монаршей и человеческой судьбе как в капле воды отразилась трагедия нашей Родины в нынешнем столетии.

Россия вступила в XX в. великой страной. С ней вынуждены были считаться ведущие мировые державы. Оставаясь преимущественно аграрным государством, она быстро набирала темпы промышленного развития, выходя на передовые позиции в мировой экономике по многим важнейшим показателям. Относительное благополучие уже тогда позволило стране иметь положительный баланс внешней торговли и устойчивую конвертируемую валюту.

Однако мир стоял на пороге крутых перемен. Передовые западные державы вступали в завершающую стадию перехода от традиционного, аграрного к современному, индустриальному обществу со всеми вытекающими отсюда кардинальными изменениями цивилизационной значимости. Россия отставала.

Получив верховную власть в октябре 1894 г., Николай II не принял должных мер по преодолению этого отставания, ограни-

чился полумерами в социально-экономической и политической областях, что проявилось в отношении к реформам Сергея Витте и Петра Столыпина, преобразованиях государственной системы. Вступая на престол, он к большому неудовольствию левых сил заявил о своей категоричной приверженности самодержавию, типичному атрибуту традиционного общества, но никто больше его не сделал для разрушения самодержавной власти. Разрешенная им Государственная Дума и политические партии начали бешеную травлю царя и привели к небывалому расколу общества. Этот парадокс до сих пор по-настоящему не изучен.

Начавшаяся в 1905 г. революция позднее переросла в гражданскую войну, которая в разных формах продолжалась до конца века и грозит перекинуться в следующий. Камнем преткновения в этой войне был выбор пути России в будущее. Различные политические силы отстаивали свое понимание модернизации страны, но толковали ее не адекватно сущности данного процесса, чем наносили непоправимый урон государству и обрекали на страдания его народ.

Во внешней политике государя тоже копились противоречия. С одной стороны, он руководствовался напутствием, данным ему за два дня до кончины отцом Александром III о том, что "у России нет друзей", и старался не вмешиваться в международные конфликты, выступал с мирными инициативами. С другой стороны, оказался втянутым в губительные для страны военные авантюры. Стараясь с помощью войны с Японией заглушить революцию 1905г., он только усилил ее размах. Не желая воевать с Германией, царь все же вверг государство в страшную бойню Первой мировой войны, которая явилась прелюдией гибели монархии и его самого. Между тем, по оценке будущего британского премьера Уинстона Черчилля, "Россия была близка к победе в этой войне, когда ее корабль пошел ко дну... Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена... Держа победу уже в руках, она пала на землю заживо" Такой парадокс пока еще тоже не осмыслен. Просчетами и неудачами русского монарха умело пользовались его противники на международной арене, которые стремились ослабить Россию в условиях передела мира на рубеже новой эпохи.

В конечном счете трагедия императора заключалась в неразрешимом противоречии между глубоким убеждением в необходимости сохранить традиционный уклад России и модернизационными изменениями в мире. Судьба Николая Романова, а в итоге и всей страны зависела не только от его характера и мировоззрения, но и от времени, в которое он жил. Именно оно в значительной степени предопределило противоречивость принимаемых им решений, которые воспринимаются ныне как парадоксы той эпохи.

Как ни чудовищно звучит, но парадоксальна даже гибель Николая II. В ходе революционных событий 1917г. он 2 марта отрекся от престола за себя и за своего несовершеннолетнего сына Алексея в пользу брата Михаила, но тот отказался от восприятия верховной власти до решения Учредительного собрания, что хорошо известно из многочисленных публикаций. Поэтому мы не видим смысла на этом останавливаться. Наша задача заключается в том, чтобы проследить дальнейшую судьбу бывшего императора, полную парадоксов и до сих пор неразгаданных тайн, которые имеют далеко не личностное значение.

Поначалу Николай Романов на основе распоряжения Временного правительства был отправлен в Царское Село и находился там под стражей вместе с семьей до 1 августа 1917 года. Затем выслан в Тобольск, где относительно спокойно прожил до конца апреля 1918 года. А после началась серия загадочных, труднообъяснимых событий, приведших к его смерти, которая до сих пор остро дискутируется во всем мире.

За рубежом издано более пятидесяти монографий, специально посвященных его гибели, десятки книг в последнее время появились в России, не говоря уже о многих сотнях статей. Большинство из них написано на материалах "белого" следствия и демонстрируют лишь одну сторону медали, что не может дать полной и объективной картины происшедшего. Мы пытаемся опираться на весь спектр источников, известных сегодня, особенно на ставшие доступными нам ранее секретные документы ВЧК, и будем стараться представить картину гибели царской трагедии возможно более емко, не отвлекаясь на второстепенные детали, потерявшие ныне принципиальную значимость.

Секретная миссия

Ситуация вокруг семьи Романовых заметно обострилась после заключения Брестского мира. Ряд зарубежных авторов (А. Булыгин, С. Мельгунов, А. Саммерс и Т. Менгольд, а также и другие) высказывают предположение, что он содержал условия их освобождения. Булыгин пишет "Вильгельм планировал реставрировать монархию в России. И было бы совершенно ясно, что династия, чудесным образом спасенная, не может остаться враждебной к высшим кругам германского общества" Возможно, кайзер так и рассуждал, более того, он боялся распространения российской анархии на свою страну, однако Булыгин не приводит никаких доказательств на сей счет. А сам Николай II категорически отвергал этот договор. Саммерс и Менгольд на основе скрупулезных исследований договора пришли к выводу, что конкретного пункта, по которому царь и его семья должны быть освобождены, не существовало, но они не исключали возможность какого-то устного соглашения.

Короче, ни доказать, ни опровергнуть существование явных или тайных статей Брестского мира, которые бы предусматривали спасение Романовых, пока никому не удалось. Может быть, вопрос проще? В договоре есть статья 21, которая гласит: "Гражданам каждой из договаривающихся сторон, которые сами или предки которых являются выходцами из территории противной стороны, должно быть предоставлено по соглашению с властью этой страны право на возвращение на родину, из которой происходят они или их предки, в течение десяти лет после ратификации мирного договора" Она вполне могла относиться к царице Александре Федоровне (немке по происхождению), возможно, и к ее детям. Если это так, то понятно, почему до разгрома Германии в Первой мировой войне и аннулирования условий договора советское правительство официально не признавало гибель императрицы и ее детей.

Через неделю после ратификации Брестского мира, 1 апреля 1918 г., состоялось постановление Президиума ВЦИК, которое предусматривало усиление надзора за Романовыми в Тобольске и возможность их перевоза в Москву. Через пять дней вышло новое постановление о переводе всех арестованных с царем на Урал. Вывоз царской семьи из Тобольска объяснялся якобы

подготовкой монархического заговора с целью освобождения Николая II и отправки его за границу. Однако ни колчаковский следователь Николай Соколов, ни советские исследователи не смогли это доказать. Соколов приводит многочисленные факты внимания к бывшему царю со стороны монархистов во время его тобольского заточения, но констатировать сформировавшийся заговор не решается. Более того, заявляет: "Увоз Государя из Тобольска не зависел от желания русских монархистов спасти его. Они даже и не знали об этом"

Тогда возникает вопрос: зачем советскому правительству понадобилось срочно это делать? Исчерпывающего ответа на него нет до сих пор. По мнению ряда советских и зарубежных историков, курс брался на Москву, а далее мнения диаметрально расходятся. Одни считают, что там должен был состоятся суд над Николаем II, другие видели в этом акте использование царской семьи на переговорах с немцами. Как бы то ни было, решение о перевозе состоялось.

Секретная миссия по осуществлению этого плана была возложена на чрезвычайного комиссара ВЦИКа Василия Яковлева, который до недавнего времени оставался загадочной фигурой. Одни считали его полномочным представителем советского правительства, другие называли предателем большевизма и пособником монархических сил. Работая в начале 1990-х гг. в секретных архивах ВЧК, нам удалось в какой-то мере приподнять завесу тайны над этим человеком. Важным источником послужили его телеграммы в Москву по пути следования царского поезда в Екатеринбург и письма 1930-х гг. Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) Иосифу Сталину, наркому НКВД Николаю Ежову, а также личное удостоверение, подписанное Феликсом Дзержинским.

Из них следует, что Яковлев (Мячин, Стоянович) был убежденным большевиком, выполнял задания партии, начиная с 1905 г., прошел эмиграцию, активно участвовал в октябрьском перевороте 1917г., а затем после небольшого зигзага в своей биографии, связанного с комитетом Учредительного собрания, вел длительную революционную работу в Китае. Возвратившись на Родину, был репрессирован, как и многие его товарищи по партии. Не остается никаких сомнений в том, что комиссар Яковлев

свято выполнял волю высшего партийного руководства. Вопрос в другом — как интерпретировать его поведение во время движения царского поезда из Тюмени в Екатеринбург?

По воспоминаниям комиссара, свое назначение он получил от председателя ВЦИК Якова Свердлова, который заявил при этом: "Совет народных комиссаров постановил вывезти Романовых из Тобольска пока на Урал" Тут же в Екатеринбург ушла правительственная телеграмма: "Без нашего прямого указания из Екатеринбурга никуда не увозите. Задача Яковлева — доставить Николая в Екатеринбург живым и сдать Белобородову или Голощекину. Яковлеву даны самые точные и подробные инструкции. Все, что необходимо, сделайте. Сговоритесь в деталях с Яковлевым" Вместе с этой телеграммой в Центральном архиве Министерства безопасности России, где она была обнаружена, находится большой пакет инструкций, регламентирующих каждый шаг царской семьи и ее охранников.

Комиссар Яковлев появился со своим вооруженным отрядом в Тобольске в 20-х числах апреля. После краткой, но упорной борьбы с местной охраной и сопротивления самого Николая II ему удалось получить бывшего царя в свои руки. Он очень торопился. Сроки вывоза "багажа" (так в секретной переписке именовалась царская семья) были жесткие. Ранним утром 26 апреля Николай Александрович с Александрой Федоровной и их дочерью Марией были посажены в повозки и по льду Иртыша, готовому в любой момент тронуться, перевезены на другой берег.

В пути следования до Тюмени, как установил следователь Соколов, комиссар вел интенсивные дискуссии с Николаем II. Везший их кучер сообщил, что "Яковлев "вертел" царя, а царь ему не поддавался" О чем шел спор? Если о мире с Германией, как предполагают на Западе, то напрасно. Николай II занимал по отношению к нему крайне негативную позицию. Здесь фиксируется новый романовский парадокс. Те, кто больше всего играл на обвинениях Романовых, особенно царицы, в предательстве государственных интересов, попытках заключения сепаратного мира с Германией, сами как раз это и сделали.

Через сутки в Тюмени Яковлев посадил Романовых в поезд, который двинулся в сторону Екатеринбурга, но после первого

же перегона изменил маршрут, пошел обратно — на восток к Омску. Яковлевская рокировка широко известна из ранее опубликованной литературы, но в чем ее смысл? Об этом гадают более 80 лет. Ультрареволюционное руководство Урала увидело в таком шаге измену, предательство интересам революции и обратилось с телеграммой к Ленину и Свердлову, в которой требовало арестовать Яковлева и вместе с Николаем II доставить на расправу в Екатеринбург. Некоторые западные исследователи в действиях Яковлева тоже усматривают предательство, его стремление увезти бывшего царя за границу. Отдельные российские авторы постперестроечного периода пытаются разглядеть в этой рокировке дьявольски хитрые замыслы центрального большевистского руководства. Возможно, что-то пока осталось за кадром, но имеющийся в нашем распоряжении обмен телеграммами между Яковлевым и Свердловым во время данного инцидента показывает, что все обстояло проще.

В самом начале своего трюка Яковлев телеграммой сообщил Якову Свердлову: "Только что привез часть багажа. Маршрут хочу изменить по следующим чрезвычайно важным обстоятельствам. Из Екатеринбурга в Тобольск до меня прибыли специальные люди для уничтожения багажа. Отряд особого назначения дал отпор, едва не дошло до кровопролития... Не добившись своей цели ни в Тобольске, ни в дороге, ни в Тюмени, екатеринбургские отряды решили устроить мне засаду под Екатеринбургом... Если это расходится с центральным мнением, то безумие везти весь багаж в Екатеринбург... предлагаем все это перевезти в Симский горный округ, где мы его сохраним как от правого крыла, так и от левого. Предлагаю свои услуги в качестве постоянного комиссара по охране багажа вплоть до ликвидации. Я вас предупредил, и теперь решайте"

В ответ на это Свердлов телеграфирует Уралоблсовету: "Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мною приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным в 4 часа утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз — никакого вмешательства" А Яковлеву сообщает: "Немедленно двигай обратно в Тюмень. С

уральцами договорились. Приняли меры — дали гарантии личной ответственностью областников (имеются в виду екатеринбургские большевики. — *В.А.*)" Комиссар выполнил данную ему директиву — 30 апреля доставил Романовых в Екатеринбург и сдал под расписку председателю областного Совета Александру Белобородову. Секретная миссия чрезвычайного комиссара Василия Яковлева завершилась, не оставив к сегодняшнему дню особых тайн.

Очевидно, что у центрального руководства был специальный план переброски Романовых на Урал, где сформировалось наиболее радикальное и надежное крыло партии, куда были перевезены многие ценности государства и секретные архивы. В 20-х числах мая бывший матрос, советский активист Павел Хохряков доставил из Тобольска в Екатеринбург дочерей Николая II Ольгу, Татьяну, Анастасию и сына Алексея со слугами. В Пермь попал брат царя Михаил, а в Алапаевск — сестра царицы Елизавета Федоровна, князья Иоанн Константинович, Константин Константинович и другие родственники царской семьи.

Уральская Голгофа

Екатеринбург встретил свергнутого императора сурово. Грозная толпа на перроне настоятельно требовала явить его народу. Должностным лицам пришлось долго маневрировать, чтобы высадить Романовых в безопасном месте. Прибывших разместили в центре города, в доме инженера Николая Ипатьева, который был обнесен высоким забором и усиленно охранялся. Комендантом Дома особого назначения первоначально был назначен Александр Авдеев, которого позднее, перед казнью, сменил Яков Юровский.

Здесь они прожили 78 дней, которые воспринимаются во всем мире как трагически-символический рубеж российской истории XX века. Начало положили февральско-октябрьские события 1917 г., а эти дни подводили под ним своеобразную черту. Здесь произошло размежевание исконной Руси и ее временного советского варианта, бесправный конец носителя законной власти и зарождение большевистского произвола, который принес неисчислимые страдания отечеству в нынешнем веке. Конечно, советская власть много сделала для перехода от традиционного, аграрного общества, символом которого было

царское самодержавие, к современному, индустриальному, но ее завоевания были преданы в конце века так же, как и православный царь в начале века, что вернуло страну в состояние почти такого же хаоса, как и в дни его гибели. Порочный круг замкнулся. Вот почему так важно объективно разобраться в глубинных причинах гибели последнего императора, как предтечи краха российской государственности XX века.

Трагические семьдесят восемь дней едва ли не поминутно расписаны многочисленными авторами различного политического толка как в России, так и за рубежом, но при этом до сих пор не решены принципиальные вопросы романовской трагедии: в чем объективные и субъективные причины гибели династии; какое значение это имело для страны; почему уничтожение семьи состоялось именно в середине июля 1918г.; кто принял такое решение; кого конкретно расстреляли; возможно ли было кому-то спастись; где останки убиенных; как оценивать последние попытки найти эти останки и увековечить их память; как отнестись к канонизации царской семьи? Ответить на все вопросы с исчерпывающей полнотой все еще не предоставляется возможным, поскольку не сохранились многие важные документы, а к некоторым нет доступа. Попытаемся кратко ответить на те из них, которые обеспечены надежными источниками, и высказать соображения по дальнейшему изучению загадочных страниц российского цареубийства.

Полтора месяца, проведенные Николаем II на Урале, были полны тревожного ожидания, что зафиксировано в дневниках его самого и его жены, а также в "Письмах царской семьи из заточения", изданных в начале 1970-х гг. в Нью-Йорке. Находясь в заключении, Романовы много читали, главным образом, религиозную литературу, страницы которой символически напоминали их положение и роковой конец.

Судьба одного из самых могущественных монархов своего времени решалась узкой группой московских и екатеринбургских партийных функционеров. Это очередной парадокс в судьбе Николая Романова. Возвращаясь из сибирской ссылки, Яков Свердлов и Филипп Голощекин поклялись застрелить "Николая Кровавого" Такой шанс представился летом 1918 года. Разумеется, что дело не только в "личных обязательствах" бывших

ссыльных. В то время советская власть оказалась в тяжелом положении, особенно в первой половине июля, когда трудности на фронтах гражданской войны осложнились лево-эсеровским мятежом в Москве. 5 июля они убили германского посла Мирбаха и спровоцировали один из самых опасных кризисов для большевиков.

В этих условиях обострилась ситуация вокруг Романовых. Стало очевидно, что провести судебный процесс над Николаем II не удастся. Между тем, с одной стороны, немцы и большевики пытались их использовать каждый в своих интересах. С другой же стороны, белая армия приближалась к Екатеринбургу, и не исключалась возможность захвата царственных узников. Романовский вопрос обострился до предела.

Решался он трудно, еще труднее три четверти века спустя разобраться в том, как это делалось, кто принимал решения и как они исполнялись? Существуют десятки версий, одна экзотичней другой. Ясно одно: все делалось в глубокой тайне. В первой декаде июля между Москвой и Екатеринбургом велись интенсивные консультации. С московской стороны ими руководил председатель ВЦИК Яков Свердлов, с екатеринбургской — военный комиссар Уральской области Филипп Голощекин. Установлено, что последний специально ездил в Москву, останавливался на квартире Свердлова и предварительно обговаривал с ним детали ликвидации царской семьи. По-видимому, существовал особо секретный план по уничтожению всех Романовых на Урале, но его пока обнаружить не удалось.

Началась эта акция с расстрела 12 июня брата царя Михаила в Перми, а закончилась зверским уничтожением 18 июля в Алапаевске великих князей. Эти два эпизода кровавой драмы, в основном, изучены и не представляют тайны сегодня. Значительно сложнее с самим самодержцем, поскольку достоверных источников очень мало. Как правило, версии строятся на воспоминаниях или показаниях второстепенных лиц, а они субъективны и противоречивы, более того, многие специально запрограммированы на отвлечение от истины. Парадокс заключается в том, что этими изъянами грешат в равной мере как "белые", так и "красные" источники. Никто не хотел говорить правду.

Делалось это по разным причинам, но вело к одинаковым результатам.

В основу нынешнего толкования екатеринбургской трагедии положена так называемая записка Юровского начала 1920-х годов. Из нее следует, что "16.VII. была получена телефонограмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых" Это была московская телеграмма, поступившая через Пермь в связи с нарушением прямой связи Екатеринбурга с Центром. Кто принял такое решение в Москве, Юровский не сообщает. И мы, скорее всего, об этом никогда не узнаем. Хуже того, Москва долго от него открещивалась, утверждая, что оно было принято уральцами. В самом деле, один из активных уральских функционеров того периода Павел Быков позднее писал, что 12 июля исполком Уралоблсовета принял решение о казни царской семьи в связи со сложным военным положением в регионе, но этого документа никто никогда не видел. Возможно, так и было. Принятое решение требовало утверждения Центра, что произошло 16 июля.

Исполнение московского приказа началось в ночь на 17 июля. Семье и слугам было предложено спуститься в подвальное помещение Дома особого назначения, где их ждала расстрельная команда, возглавляемая комендантом дома Яковом Юровским. По его рассказу 1934г., Николаю II было сказано, что "Совет рабочих депутатов постановил их расстрелять. Он спросил: "Что?" и повернулся лицом к Алексею, я в это время в него выстрелил и убил наповал. Тут началась беспорядочная стрельба. Когда стрельбу приостановили, то оказалось, что дочери, Александра Федоровна и, кажется, фрейлина Демидова, а также Алексей еще живы... Тогда приступили достреливать (чтобы было меньше крови, я заранее предложил стрелять в область сердца). Алексей так и остался сидеть окаменевши, я его пристрелил. А в дочерей стреляли, но ничего не выходило. Тогда Ермаков пустил в ход штык, и это не помогло, тогда их пристрелили, стреляя в голову. Причины того, что расстрел дочерей и Александры Федоровны был затруднен, я выяснил только в лесу... на дочерях были лифы, так хорошо сделаны из сплошных бриллиантовых и других ценных камней, представлявших из себя не только вместилище для ценностей, но вместе с тем и за-

щитные панцири. Вот почему ни пули, ни штык не давали результатов при стрельбе и ударах штыка. В этих их предсмертных муках, кстати сказать, кроме их самих никто не повинен" Это только фрагмент из циничной исповеди палача. Оказывается, бессудно расстрелянные люди сами повинны в своих мучениях. Такова логика исполнителей воли революционных директив. Всего было расстреляно 11 человек.

Утром в Москву ушла телеграмма: "Председателю Совнаркома тов. Ленину. Председателю ВЦИК тов. Свердлову. Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия чрезвычайной комиссией белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи (документы в наших руках), по постановлению Президиума Областного Совета в ночь на 16-ое июля (так в телеграмме. — *В.А.)* расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место" Она требует серьезных комментариев. Во-первых, документы о заговоре были фальшивыми. Их сфабриковали сами убийцы. Этот вопрос подробно раскрыт в нашей книге "Гибель царской семьи: мифы и реальность" Во-вторых, дата расстрела на сутки вперед дает основание некоторым исследователям доказывать гибель в ту ночь двойников и спасения всей царской семьи. В-третьих, неприятель действительно приближался к Екатеринбургу, но он был взят белыми только через десять дней. За это время царя можно было свозить в Москву несколько раз, как, например, благополучно ушел с Урала "золотой эшелон" с остатками сокровищ романовской империи. Несмотря на явные передержки, телеграмма была одобрена ВЦИКом и Совнаркомом.

Вскоре в столицу пришла другая телеграмма: "Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации" Ее шифровка была обнаружена следователем Сергеевым на Екатеринбургском телеграфе после взятия его белыми. Ее подлинность вызывает большие сомнения, трудно поверить, что при тщательной конспирации уничтожения царской семьи такой важный документ был легкомысленно оставлен на телеграфе. Телеграмма была расшифрована западными специалистами и до сих пор не дешифрована российскими. Не исключено, что за теми цифрами скрывается совсем другой смысл.

Несмотря на очень серьезные сомнения, указанная телеграмма является единственным официальным источником, подтверждающим гибель всей царской семьи. Других документов на сей счет не существует.

Закончив кровавую вакханалию в подвале Ипатьевского дома, Юровский приступил к сокрытию трупов, что подробно изложено в его записке, которая вызывает серьезные и обоснованные сомнения вплоть до отрицания ее подлинности. Об этом написано очень много. Ограничимся упоминанием полярных позиций. Юровский утверждал, что трупы расстрелянных он укрыл на Коптяковской дороге, предварительно облив их серной кислотой. Двоих — Алексея вместе с горничной Демидовой (по ошибке вместо Александры Федоровны) — сожгли и закопали останки под кострищем. Другой активный участник этой драмы Петр Ермаков перед смертью (30 марта 1952 г.) признался, что Голощекин приказал ему "в первую очередь сжечь дотла три тела: Николая II, Алексея и Анастасии, но при этом головы их в огонь не бросать. Зубной техник Голощекин лично "объяснил", что зубы не горят, поэтому головы будут уничтожены в серной кислоте. И три головы "куда-то забрал" Петр Войков (комиссар Уральского областного правительства, будущий посол Советской России в Польше, убитый русским белоэмигрантом за расстрел Романовых. — *В.А.*). Для удобства сожжения тела были разрублены... На древесном угле мы жгли. Поливали бензином и жгли" Именно использование очень калорийного древесного угля из Коптяков снимает сомнения в возможности сжечь тела на открытом огне. Оставшиеся кости "похоронная команда" сгребла в пустой кувшин из-под серной кислоты и сбросила в болотный зыбун. Аналогичным образом конец этой кошмарной истории излагал Павел Быков в своей книге "Последние дни Романовых", вышедшей в 1926 г. в Свердловске и вскоре угодившей в спецхран. Вероятно, какие-то основания для подобной трактовки были.

19 июля 1918 г. в газете "Известия" появилось сообщение о расстреле Николая П. К судьбе остальных членов семьи Романовых официальные источники никогда не обращались. Между тем, по страницам российской и зарубежной прессы покатилась волна дезинформации. Ее смысл сводился к тому, что если не

вся семья, то по крайней мере ее женская часть осталась жива. Как это ни странно, но такая информация подтверждалась выступлениями лидеров советского режима.

Сразу после официального сообщения о расстреле экс-императора немцы пытались добиться у советского наркома иностранных дел Георгия Чичерина разъяснения по этому поводу.

Поначалу он уклонялся от ответа. А потом заявил, что "царица отправлена в Пермь" Через полтора месяца после исчезновения семьи один из видных деятелей Коминтерна Карл Радек предложил обменять Романовых на русских пленных, а затем высказался за их обмен на лидеров польской социал-демократии. Член политбюро партии большевиков Григорий Зиновьев говорил, что царь убит, а семья живет в безопасности в одном из сибирских городов. Пресса не исключила из списка "сохранителей" царской семьи даже руководителя советских чекистов Феликса Дзержинского, который якобы высказывался в том смысле, что женщины Романовы не были убиты в Екатеринбурге.

Как относиться к таким заявлениям? По всей вероятности, это была дисциплинированная поддержка официального советского заявления. Такой вывод подтверждается обнаруженным нами в Архиве Президента Российской Федерации документом, принадлежащим российскому послу в Германии Адольфу Иоффе, который писал, что Дзержинский ему рассказывал, как Владимир Ленин категорически запретил кому бы то ни было сообщать о гибели царской семьи. "Пусть Иоффе ничего не знает, — говорил Ленин, — ему там в Берлине легче врать будет" Вот так и врали, пока в этом была надобность, по крайней мере до поражения Германии в Первой мировой войне и аннулирования условий Брестского мира.

А для многих авторов, разрабатывающих тему гибели царской семьи, конъюнктурные выступления советских руководителей дали повод утверждать, что если не вся семья, то по крайней мере ее женская часть осталась жива. Так, американский автор А. Ричардс категорически заявляет: "Есть все основания полагать, что Романовы не только спаслись от коммунистов, но и от смертного приговора Соколова (колчаковского следователя,

который в свое время убедил мир, что вся семья была расстреляна и сожжена. — *В.А.*)" Свой вывод Ричардс подтверждает детективной историей о том, как секретарь Григория Распутина Арон Симонович выделил крупные деньги на спасение Романовых, с помощью которых доверенные люди якобы сумели подкупить охрану Ипатьевского дома, разлить там ведро человеческой крови, бросить в костер соседнего леса горсть бриллиантов и увезти царскую семью к западной границе. Близких взглядов придерживаются известный французский историк Марк Ферро и российский писатель Лев Сонин.

Еще детективней складывалась судьба романовских сокровищ, оставленных в Тобольске и Екатеринбурге. Царская семья имела при себе огромные ценности. По данным англичанина Д. Тревина, при выезде из Царского Села только Александра Федоровна и великие княжны имели при себе драгоценностей на один миллион рублей. Надо полагать, что вся эта сумма исчислялась в твердой валюте, которая многократно выросла в ходе инфляции за время Гражданской войны. Многие изделия представляли собой уникальные произведения искусства и составляли национальное достояние.

Какова судьба фамильных драгоценностей Романовых? Ответить на данный вопрос трудно. До недавнего времени он даже не поднимался. В ходе поисков документов о расстреле царя нам удалось выявить в архивах бывшего КГБ любопытные материалы о судьбе царских драгоценностей, которые считались бесследно исчезнувшими в кровавых событиях лета восемнадцатого года. На самом деле большая их часть попала в руки советской власти, а вот куда они ушли, трудно сказать.

Сразу же после расстрела царской семьи организатор этой акции Юровский отвез в Москву и передал коменданту Московского Кремля Малькову значительные ценности. Акт передачи скреплен подписями и печатями с той и с другой стороны. В архиве сохранились списки золотых и серебряных изделий, многочисленных предметов домашнего обихода. В перечне золотых вещей обозначено 60 предметов, среди которых мужские и дамские часы, портсигары, в том числе знаменитый платиновый с сиреневой эмалью в золотой ажурной оправе с бриллиантами чистой воды. В перечне личных вещей семьи соболиные, горно-

стаевые, котиковые шапки, муфты, накидки, вуали, пледы, гвардейские бушлаты, черкесские кафтаны и прочее.

Вторая более крупная партия драгоценностей шла к подвалам Московского Кремля долго, сложнейшим и мучительным путем, о чем повествует трехтомное досье на 21 человека Уральского ОГПУ за 1922-1941 годы. В нем приводятся данные о том, как перед отъездом из Тобольска в Екатеринбург Александра Федоровна передала кожаный чемоданчик с золотом и бриллиантами местному духовенству. По одной версии, он сначала попал к священнику Тобольской Благовещенской церкви Алексею Васильеву, но в 1929 г. он умер, а ценности продолжали хранить родственники. По другой версии, они были отданы камердинером Терентием Чемодуровым игуменье Тобольского монастыря Дружининой, которая незадолго до смерти передала их своей помощнице благочинной Марфе Ужинцевой. Возможно, эти версии где-то пересекаются, поскольку фамилии, названные в том и другом случае, перекрещиваются на очных ставках.

На допросе 29 ноября 1933 г. Ужинцева показала, что она со священником Васильевым была вхожа в дом, где размещалась царская семья. Перед отъездом Романовых в Екатеринбург Чемодуров принес ей большой сверток и попросил передать игуменье в монастырь, что она немедленно и сделала. Там ценности хранились до закрытия монастыря в 1923 г., после чего вернулись в руки Ужинцевой, которая спустила их сначала в колодец, а потом зарыла в могиле на монастырском кладбище.

Измученная тяжелой тайной, Марфа потеряла сон и аппетит. Отчаявшись, решила бросить ценности в реку Иртыш. "Перед тем, как исполнить это решение, — сообщила она следствию, — я обратилась за советом к Василию Корнилову — местному рыбопромышленнику, который был связан с нашим монастырем и с которым я была знакома. Когда я сказала о своем решении, он страшно испугался и замахал на меня руками: что ты, что ты? Ведь установится настоящий порядок, настоящая власть, тогда с тебя отчет спросят. Ведь в Иртыш тебя заставят за ценностями лезть. Я совсем растерялась, не знала, что делать. Потом попросила Василия взять ценности на хранение к себе... Через несколько дней после разговора с Корниловым я пришла к нему на квартиру, принесла с собой ценности, две стеклянные банки и

два туеска. В эти банки и туески я переложила ценности из свертка, спустилась с Василием в подполье, и там вместе и зарыли их"

Через некоторое время Корнилов уехал из Тобольска. В доме на протяжении нескольких лет жили разные люди, в том числе милиционеры, ищущие царские сокровища и не подозревающие, что они у них под ногами. Марфа между тем ходила мимо и скорбела о судьбе своего тайника, пока чекисты не арестовали ее в октябре 1933 г. и не заставили указать место хранения драгоценностей. Туески были вскрыты, их содержимое легло на стол ОГПУ и составило перечень более чем 150 наименований: золотые с драгоценными камнями диадемы и подвески, браслеты, множество колье с бриллиантами и изумрудами, рубинами, жемчугом.

Пресса разных стран сокрушается о потерянной на Урале знаменитой броши Александры Федоровны, поистине бесценном сокровище с бриллиантом в 100 карат. Эта брошь под номером 1 значится в описи изъятых драгоценностей. Там же присутствует царский герб из бриллиантов; уникальный турецкий подарок царю — бриллиантовый полумесяц с пятью большими камнями по 70 карат и россыпью средних бриллиантов; роскошные панагии и многое другое.

Общая стоимость обнаруженных драгоценностей составила значительную по тому времени сумму — 3,3 млн золотых рублей. По всей вероятности, она значительно выше, если учесть их художественные достоинства и мировые цены. Вряд ли это могли сделать приглашенные чекистами оценщики, судя по оформлению документов, малограмотные люди — Зверев и Боровских.

Первый даже не мог расписаться. Вместо подписи он поставил три креста. Это еще один печальный парадокс в царской истории.

Подведем некоторые итоги. Уральская Голгофа разделила российскую историю на две неравные части: романовскую и советскую. Расстрелом законного царя без суда и следствия неузаконенная власть большевиков положила начало массовому террору в стране. По оценке одного из лидеров советского режима Льва Троцкого, "казнь царской семьи нужна была не про-

сто для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врагов, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди полная победа или полная гибель"

Думается, что трагедию Романовых надо понимать шире, чем просто большевистский произвол. В брошюре архимандрита Константина "Памяти последнего царя", изданной в Джорданвилле (США) в 1968 г., есть любопытная мысль: "Все готовы обличать большевиков. На этом все сходятся. А разве в этом дело? С большевиков взятки гладки! Они ведь только произнесли последнюю букву страшной азбуки, которую выдумали не они! Задуматься же над тем, где начинается этот жестокий мерзостный алфавит, мало кто хочет" Если задуматься, то придется пересмотреть проблему отречения императора от трона и значительную часть последующей русской истории, особенно последних ее страниц, но это не входит в задачу данного очерка. Мы рискнем только констатировать, что по своей значимости расстрел Николая II можно поставить в один ряд с гибелью английского и французского королей во время революций в этих странах, а также с сараевским и далласовским убийствами.

Не последнее значение имеет вопрос о характере уральского цареубийства. Что это: народная месть, политическая, уголовная или ритуальная акция? В советской литературе расстрел долгое время квалифицировался как заслуженная кара кровавого тирана. Такая интерпретация убийства, хотя и поддерживалась миллионами обездоленных людей в ходе революции и Гражданской войны, не носит строгого юридического характера. Заметим, что по советским законам 1918 г. царь не мог быть расстрелян даже по суду. Поэтому-то, видимо, и была предоставлена возможность уральским большевикам учинить внесудебную расправу без всякой ответственности за нее.

Необходимо внести ясность в рассуждения о ритуальности убийства царской семьи. К этому вопросу в 1920-е гг. обращались английский журналист Роберт Вильтон, помогавший следователю Николаю Соколову, сам Соколов, позднее профессор А. Пагануцци и др. Он возник после того, как на одной из стен комнаты Ипатьевского дома, где совершалось убийство, были обнаружены каббалистические знаки и цитата из стихотворения Генриха Гейне на немецком языке о царе Валтасаре, убитом

своими рабами. Эти несколько строк обошли весь мир и цитировались почти во всех книгах, касающихся екатеринбургского цареубийства.

Попытка расшифровать каббалистические знаки в 1920-е гг. не была признана, но и не отвергнута. Их ритуальный характер прочно вошел в сознание русского зарубежья. В Советском Союзе в связи с запрещенностью книг о гибели царской семьи с ними мало кто знаком. В наши дни интерес к данному вопросу возрастает. В начале 1990-х гг. в Израиле была опубликована, а в 1992 г. переиздана в Москве книга Михаила Хейфеца "Цареубийства в 1918 г." В своем публицистическом труде автор отталкивается от рукописи, найденной в архиве Иерусалимского центра по исследованию и документации восточно-европейского еврейства и приписываемой профессору экономики Иерусалимского университета в 1930-х гг. Бер-Дов Бруцкосу, в прошлом активному участнику разработки аграрных проблем в России.

Главная мысль рукописи, по оценке Хейфеца, заключалась в том, что "еврейский народ в этом подлом деле (убийстве Николая П. *В.А.*) не участвовал" Приведенную цитату можно с полным основанием поставить эпиграфом к сочинению самого Хейфеца. Автор приводит веские доказательства против юдофобства гибели Романовых. Они основаны на переосмыслении многих известных фактов, их справедливом уточнении, но они не несут принципиально новой информации, а ограничиваются только многочисленными умозаключениями. Главными виновниками гибели царской семьи он считает не исполнителей казни, среди которых были люди разных национальностей, а большевистских лидеров: Ленина, Сталина, Свердлова. Если с последним вопрос в принципе ясен, то по первым двум еще никто не привел конкретных и веских доказательств, в том числе и Хейфец.

Решение проблемы каббалистических знаков лучше всего начинать по принципу: а был ли мальчик? На собрании старых большевиков Урала 1 февраля 1934г. в Свердловске после выступления Юровского ему было задано много вопросов (в том числе таких, которые проливают свет на истинность его высказываний по царскому делу, но до сих пор не проанализиро-

ванных). Среди них вопрос Моисеева: "По книге Соколова видно, что на стене осталась какая-то каббалистическая надпись на немецком языке и фашистский знак на окне" Ответ Юровского: "Это недопустимо, не могло быть. Это может быть произведение белых. Может, они сами написали" Если верить Юровскому, то во время расстрела никаких надписей не было. Они появились позднее и не принадлежат его организаторам и исполнителям. В таком случае проблема снимается сама собой. Однако настораживают два обстоятельства. Во-первых, некорректность вопроса. Правильнее воспринимать каббалистические знаки и надпись на немецком языке автономно друг от друга. Во-вторых, Юровский напрасно отрицает наличие свастики на окне. Широко известно, что ее оставила сама бывшая императрица. Правда, из ответа Юровского не ясно, все ли он отвергает или только ритуальные надписи. Ученым предстоит большая работа, чтобы разобраться в очень сложной и деликатной проблеме.

Что касается сердцевины тайны века: кто из Романовых уничтожен, а кто, возможно, остался цел, то она не раскрыта до сих пор. Николай II расстрелян, как официально признано советской властью, а что стало с остальными членами семьи? Если они погибли, то где останки убиенных? Не стоит забывать классическое юридическое правило "нет трупа — нет убийства" До сих пор не найдены останки Алексея и Марии. Заключение об обнаруженных под Екатеринбургом костяках нуждается в серьезной перепроверке.

Эпилог

Царя расстреляли, а проблемы России остались. После его гибели гражданская война, которую он надеялся предотвратить своим отречением, заполыхала с новой силой. В ее пламени сгорели десятки миллионов людей, в большинстве так же незаконно и безвинно, как царь, а победа оказалась пирровой. Страна была отброшена на много лет назад. Курс, взятый большевиками на мировую революцию, оказался нереальным и губительным для Отечества.

С его поражением советская власть вернулась к проблеме модернизации, которая решалась поспешно, ценой огромных жертв. И хотя Россия превратилась в индустриальную державу, далеко ушла от традиционного аграрного общества, она не об-

рела благополучия на этом пути, поскольку западные теоретические постулаты плохо адаптировались к национальным традициям. Велась явная и скрытая борьба между властью и народом за выбор более оптимального пути. Гражданская война на многие годы ушла в подполье. Ее проявлениями надо считать гигантский размах сталинских репрессий, хрущевскую и брежневскую борьбу с инакомыслием, наконец, переворот 1991-1993 годов.

Параллельно с этим то затихали, то снова разгорались страсти по монаршей судьбе. Красные комиссары долго гордились участием в расправе над царской семьей, а потом притихли, когда начались массовые репрессии. Екатеринбургские палачи Александр Белобородов, Филипп Голощекин и их подельники сами стали жертвами системы, которую они с таким энтузиазмом создавали. Для остальных сталинский окрик "о Романовых ни слова" стал табу на многие годы.

В народной среде память о Романовых наиболее ощутимо проявилась в поддержке многочисленных претендентов на российский престол. Только на Урале нам удалось извлечь из ранее совершенно секретных архивов материалы о 18 самозванцах, тогда как в смуту XVII в. во всей России насчитывалось 12. Их деятельность продолжалась с 1922 по 1952 г. и охватила весь Урал, нередко выходя за его пределы, вплоть до Алтая и Украины. Здесь обнаружились "царь", "царица", "царевич Алексей", "князь Михаил", "княжны Анастасия, Мария, Ольга, Татьяна" и некий "Гриша не простого рода"

Самозванцы основывались на безусловной вере духовенства и простого народа в то, что православный царь, помазанник божий и его дети таинственным образом спаслись и рано или поздно должны вернуться на престол, избавить страну от ненавистного советского строя, "являющегося властью антихриста" Один из таких самозванцев Михаил Поздеев признался 7 апреля 1952 г. в том, что в своих выступлениях распространял ложные слухи о том, что царь Николай II будто бы жив, что он со своей семьей скрывается в пещерах около г. Верхотурья Свердловской области, внушал присутствующим, что скоро советская власть в России будет уничтожена, царь Николай займет снова свое ме-

сто. Для большей убедительности выдавал себя за брата Николая II — Михаила.

На поприще признания или непризнания самозванцев разгорелись не только политические страсти и криминальные разборки, но и семейные драмы. Когда Иван Гаинцев из Бузулука узнал, что его жена Прасковья "стала приверженкой Поздеева М.А. и украдкой снабжает его продуктами, одеждой, снабжает деньгами, я тут же не стал с ней жить. И с 1945 г. порвал с ней всякую связь как с женой"

Другая претендентка в Романовы, бывшая монашка Екатерина Шангина-Бочкарева, выдавала, себя за дочь Николая II Марию. Она убеждала уральцев в том, что царь спасся и живет за границей, наследник Алексей с двенадцати лет жил в Камышлове, там окончил школу и уехал в Читу, где проживает под вымышленной фамилией.

Подобные разговоры привлекали внимание многих. В конечном счете они выливались в антисоветскую пропаганду. В апреле 1937 г. в беседе с Феклой Евдокимовой "Мария" доказывала: "Вот советская власть скоро придет к гибели, потому что народ весь ослаб, стал бессилен, потому что не признает Бога. Скоро будет старая власть, тогда мы заживем по-старому" и продолжала: "Ведь на Советский Союз идет самая сильная воинственная страна Япония. Она, конечно, победит Советский Союз. И ты тоже, наверное, хочешь вместе с коммунистами попасть под расправу этой страны" За такие речи Шангина-Бочкарева была приговорена тройкой УНКВД по Челябинской области к расстрелу, который приведен в исполнение 30 октября 1937 г. в 18 часов. Не только подлинных, но и мнимых Романовых продолжали уничтожать через двадцать и тридцать лет после их отречения от престола. Это ли не рецидивы столетней гражданской войны в России.

Самозванчество на поприще Романовых приобрело международный характер. То из Германии, то из США, а то из Японии или Китая поступала информация о том, что там видели кого-то из этой семьи. Многие из них предъявляли настойчивые притязания на российский престол. 31 декабря 1963 г. в США была организована трогательная "встреча Алексея и Анастасии"

Самый большой успех в этой мистификации имела Анастасия, появившаяся на берлинской сцене под именем Анны Андерсон в 1920 году. Она рассказала, что когда начали стрелять в подвале Ипатьевского дома, ей удалось спрятаться за свою сестру, после чего потеряла сознание. Очнулась в семье солдата, который ее спас. Загадочной истории Анастасии на Западе посвящена серия книг и голливудский фильм. Она поставила рекорд XX в. по длительности судебного разбирательства, которое длилось с 1938 по 1970 г., но осталось без решения. Судьи не сочли возможным признать смерть Анастасии в Екатеринбурге историческим фактом, но и не смогли доказать, что Анна Андерсон есть Анастасия.

Многотомное досье рекордного суда хранится в датском Королевском архиве Копенгагена. Во время одной из командировок в эту страну меня долго "пытала" корреспондентка королевской газеты о том, что я могу добавить устно к своим публикациям по царскому делу. Удовлетворившись результатами, она предложила мне в качестве благодарности просить ее о любой услуге. Я обратился за помощью в доступе к заветному досье. Она сказала что нет ничего проще, но на следующий день сконфуженно сообщила, что документы помечены грифом строгой секретности на 100 лет. По всей вероятности, родственники Романовых скрывают от любопытных глаз какую-то очень важную информацию, что лишний раз подтверждает международный характер тайны века.

Между тем интерес к ней на Западе велик. Особенно трепетно к этому вопросу относится русская эмиграция. Как-то мне пришлось выступать с лекцией о судьбе Романовых в Синоде Русской православной церкви за границей (Нью-Йорк). В конце четырехчасовой острейшей дискуссии ко мне подошел старый с отвисшими усами казачий атаман, повернул меня лицом к иконостасу, перекрестил со словами "Благословляю на поиск правды в государевом деле", заплакал и медленно пошел к выходу. Слезы на глазах были у многих. Мучила великая тайна утраченной Родины.

В России интерес к царской судьбе долгое время был приглушен, и тем не менее в годовщину расстрела на ступеньках Ипатьевского дома появлялись красные гвоздики, что вызывало

нервозность партийного руководства. В 1977 г. по предложению председателя КГБ Юрия Андропова и под руководством Свердловского обкома КПСС, возглавляемого Борисом Ельциным, дом был снесен. Срезали даже скалу, на которой он стоял. Состоялась "окончательная зачистка" Романовых.

Но крот истории делал свое дело. Неумолимо подрывались устои советского строя. Во время горбачевской перестройки хлещущая через край гласность вынесла на своей волне проблему гибели царской семьи. Тогда страну взволновала публикация Рябова в журнале "Родина", в которой сообщалось об открытии царского захоронения под Екатеринбургом (1989 г.). Дело в том, что московский кинорежиссер Гелий Рябов и свердловский геолог Александр Авдонин еще в 1979 г. вскрывали предполагаемое царское захоронение и изымали оттуда три черепа, которые после годичного путешествия неизвестно куда были возвращены на прежнее место. В ответ на этот шаг в 1989 г. была образована Российская зарубежная экспертная комиссия под председательством Петра Колтыпина-Валловского, которая проделала большую работу по изучению подлинности утверждений Авдонина-Рябова и не признала их.

В июле 1991 г. указанное Авдониным-Рябовым погребение было вскрыто, причем в большой спешке, под дождем, в условиях особой секретности, снова за таким же высоким забором, как и расстрел. Отсутствовали духовенство и пресса. Из болотной хляби Поросенкова лога солдаты извлекли девять скелетов предположительно царской семьи и ее слуг. Эта акция вызвала двоякое чувство. С одной стороны, Россия вроде бы обрела останки своего последнего императора и приблизилась к умиротворению. С другой стороны, сама находка и сопутствующие ей обстоятельства вызывали массу вопросов, откровенное недоверие многих после того, как до завершения исследований костяки были объявлены царскими.

В том же году латвийский юрист Анатолий Грянник выступил с не менее сенсационным заявлением о том, что нашел следы пребывания царской семьи в Сухуми. Будто бы она была вывезена туда в обстановке глубочайшей секретности за сутки до расстрела в Ипатьевском доме ее двойников и прожила под теплым небом Абхазии до глубокой старости. Такая синхронность

действий Авдоника и Грянника не может не настораживать. Не исключено, что за ними стоят противодействующие политические силы.

Через два с половиной года, 23 октября 1993 г., для внесения ясности в этот вопрос была создана специальная правительственная "комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи", которая функционировала более четырех лет, до конца января 1998 года. Руководство комиссии неоднократно менялось. Первым ее председателем был вице-премьер Российского правительства Владимир Яров. Последним — тоже вице-премьер Борис Немцов. Она провела многоплановую работу, главным образом криминалистическую. Большинство заседаний начиналось и кончалось выступлениями следователя Генеральной прокуратуры Владимира Соловьева (не являющегося членом комиссии). Речь преимущественно шла о генетических заключениях. Другим вопросам, в частности исторической экспертизе, не придавалось внимания, а между тем рассматривалось не обычное убийство, состоявшееся три четверти века назад. Отсутствие такой экспертизы признано ведущими юристами как нарушение Уголовного кодекса Российской Федерации. Положенная в основу деятельности комиссии записка Якова Юровского, которая была путеводной звездой в поисках захоронения Авдониным-Рябовым, оказалась фальшивкой. Многие исторические факты противоречат выводам комиссии.

Приведем некоторые из них. В Государственном архиве Российской Федерации нами обнаружен документ, из которого следует, что узники Ипатьевского дома выводились из него не одной партией. 7 ноября 1918 г. в Екатеринбургском уголовном розыске в связи с дознанием об убийстве экс-императора была допрошена официантка этого дома Екатерина Томилова, которая показала: "Я хорошо помню и категорично утверждаю, что в тот день, когда большевики на митинге объявили о расстреле бывшего государя, я носила в тот день обед для царской семьи и лично видела государя и всю семью... Спустя один день после объявления в газете о расстреле бывшего государя мне выдали обед для царской семьи только на девять человек (раньше было

11. — В. А.), и я опять унесла в Ипатьевский дом, но бывшего государя, доктора и третьего мужчины я не видела, а видела лишь дочерей Государя... 23 июля в Ипатьевской столовой уже не было поваров, и обед для царской семьи я не носила... Я решила сходить за посудой... во всех комнатах было пусто, и никого из царской семьи уже не было видно" Это показание подтвердила хозяйка квартиры, где жила официантка.

Второй факт связан с прижизненными медицинскими показателями представителей царской семьи, которых при многочисленных разговорах о них правительственная комиссия не смогла обнаружить, тогда как они существуют, в частности, относительно черепа № 4, приписываемого Николаю Александровичу. В том же Государственном архиве хранится документ от 26 ноября 1918 г., где записано: "По заявлению доктора Деревенько (врача наследника. — *В.А.*) характерной и неизгладимой приметой трупа государя Николая II может служить костная мозоль — след от удара в голову во время посещения его в бытность наследником Японии" Эта информация впрямую адресована современным судмедэкспертам, но они не придали ей должного внимания, сообщив общественности, что костной мозоли нет и быть не могло в связи с незначительностью ранения.

Между тем, из материалов консилиума русских врачей, состоявшегося 29 апреля 1891 г. (в день ранения Николая Романова) в г. Киото, следует другое. В ране был найден клиновидный осколок кости длиной 2,5 см, а шириной 2 мм. Вырубленный кусок не мог не оставить следа. По крайней мере этот след в течение 27 лет (1891-1918 гг.) наблюдался придворным врачом и был отмечен в описании путешествия наследника на Восток, где фиксировалось, что в черепной кости, растреснутой после удара японской саблей, "началось разрушение костного вещества, процесс шел в обе стороны" Косвенным подтверждением этого является и то, что, по воспоминаниям любовницы Николая Матильды Кшесинской, он страдал от постоянных головных болей.

Число подобных исторических фактов можно многократно увеличить, однако они не воспринимались комиссией, в то время как сомнительная записка Юровского абсолютизировалась. Остается необходимость в специальной исторической экспертизе, которая бы исследовала имеющиеся документы и привлекла

новые, неизвестные. В пользу возможности существования таких документов свидетельствует хотя бы такой факт, что в печати последних лет появилась противоречивая информация о совершенно секретном подмосковном объекте № 17. Писатель Игорь Бунич в книге "Быль беспредела, или Синдром Николая II" пишет о том, что бывшему самодержцу сохранили жизнь и содержали его на этом объекте вплоть до естественной смерти. К нему будто бы не раз ездил сам Сталин.

А уральский историк профессор Иван Плотников считает, что на этом объекте содержался генерал-адъютант граф И.Л. Татищев, который был доверенным лицом императора и хранил информацию о царских ценностях. По версии Плотникова, к нему дважды, в 1933 и в 1936 гг., тайно приезжал Сталин для получения сведений о сокровищах Романовых, особенно об исчезнувшем в 1918 г. в Екатеринбурге и разыскиваемом долгие годы "пакете Николая II" с ценными бумагами и важными документами.

Из сопоставления этих версий можно сделать два вывода. Первый — сомнительный. Вряд ли Сталину лично требовалось "трясти" старого генерала. НКВД делало это не менее успешно. Если и стоило кому нанести визит, так это, конечно же, бывшему самодержцу, особенно во время нарастания угрозы со стороны Германии. Второй вывод — утвердительный. Если в открытую печать просочилась информация о суперсекретном объекте, значит, он существовал, а, следовательно, несет уникальную информацию о царском деле. Неужели же компетентные органы ей не располагают?

Судя по документам, обнародованными Буничем, хотя его произведение художественное, они имеют историческую ценность и коррелируются с опубликованными нами в книге "Гибель царской семьи: мифы и реальность" Допуск историков ко всему корпусу этих документов может сыграть существенную роль в понимании событий, связанных с судьбой Романовых.

Не спасло авторитет правительственной комиссии применение генетических методов, значение которых в данной ситуации преувеличивалось без достаточных на то оснований. В итоге она не решила поставленных перед ней задач, хуже того, усугубила

поиск истины в царском деле. Не случайно поэтому ряд ее членов не согласились с ее заключением, заявив особое мнение.

Принятое комиссией решение о признании останков, найденных под Екатеринбургом, Подлинными и их перезахоронение в Санкт-Петербурге вызвали неоднозначную реакцию в мире. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II, выслушав мои аргументы в пользу необходимости проведения исторической экспертизы, сказал: "Я не махну кадилом на похоронах, пока вы, ученые, убедительно не докажете принадлежность останков царской семье" Он так и сделал, не поехав на санкт-петербургскую церемонию. Туда не прибыл ни один представитель европейских монархов, хотя большинство из них находились в родственных отношениях с Романовыми. Церковь и европейские династии проявили обоснованную осторожность в признании екатеринбургских останков.

В середине августа 2000 г. состоялась канонизация Русской православной церковью Николая II и членов его семьи. Этот сакральный акт — не политическая реабилитация бывшего самодержца, а признание его истинно христианского смирения перед мученической кончиной. Подобно ветхозаветному Иову многострадальному (Николай Александрович родился в день его памяти, 6 мая 1868 г., всю жизнь считал себя обреченным на страшные испытания и готовился стать искупительной жертвой за Россию), церковь прославляет Николая II во благо умиротворения Отечества.

Канонизация призвана подвести черту под революцией и Гражданской войной, продолжавшихся в России почти весь XX в., как бы искупить грехи заблудших поколений, открыть дорогу к покаянию и выходу страны из самого тяжелого кризиса за всю ее историю. Благословляя накануне канонизации нашу конференцию "Династия Романовых в русской истории и культуре", Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II отметил: "Мы можем видеть, с одной стороны, слепую идеализацию старой дореволюционной русской жизни, с другой же — суровый гиперкритицизм, совершенно отказывающий нашему прошлому в положительных характеристиках... Убежден, что первопричина всех бед и несчастий, постигших нашу страну (да и весь современный мир), коренится в человеческом сердце. Без основа-

тельного анализа духовно-нравственного состояния общества нам никогда не выйти из того тупика, о котором так много говорится сегодня" Воистину мудрые слова, обращенные не только к ученым гуманитариям, но и ко всем соотечественникам.

Библейский Моисей водил свой народ по пустыне, отыскивая правильный путь, сорок лет, а россиян бездарные правители водят в поисках лучшей доли в два раза дольше. Выходу из этого лабиринта будет способствовать разгадка тайны XX века.

Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 134–145.

Гибель царской семьи: итоги и задачи изучения

На исходе второго тысячелетия от Рождества Христова Россия оказалась в трудном, критическом положении. Весь XX в. был для нее сложным потрясением. С моей точки зрения, она переживает столетнюю гражданскую войну, а, выражаясь языком наших предков, — великую смуту, которая грозит перекинуться в третье тысячелетие. Где истоки этой смуты и виден ли ее конец? Разные научные школы, различные политические силы, в конце концов каждое новое поколение отвечают на этот вопрос по-своему.

На предшествующей конференции, посвященной памяти Романовых, я пытался ответить на этот вопрос в широком диапазоне. Сегодня ставлю задачу рассмотреть его сквозь призму гибели царской семьи. В 1918 г. под корень вырубили династию Романовых, в 1977 — срезали даже скалу, на которой стоял дом Ипатьева, где был уничтожен последний Российский император и его близкие. Что это: "зачистка" династии Романовых или уж не всей ли великой России? Ведь вскоре состоялись Хельсинские соглашения, по которым она увязла в трясине так называемых "прав человека", поставивших ее в зависимость от западного политического курса, но это уже другая тема.

В нашу задачу сегодня входит подведение итогов изучения непосредственно гибели царской семьи и осмысления значения

данного события для России. Об этом написано много, слишком много и путано. Создается впечатление, что не только "красные", но и "белые" не были заинтересованы в обнародовании истины о гибели царской семьи, как впрочем и сегодня ни либералы, ни коммунисты, ни в России, ни за рубежом не желают заглянуть правде в глаза. Видимо, она настолько горька, что спустя почти век не потеряла своей политической остроты.

Всю имеющуюся литературу о гибели Романовых можно условно разделить на три большие группы.

В первую входят произведения, вышедшие из-под пера белой эмиграции и тех западных авторов, которые на них основывались (Н. Соколов, М. Дитерихс, П. Жильяр, Р. Вильтон, Р. Булыгин, С. Мельгунов, Б. Парес, Д. Ричард, Я. Тревин, Р. Мэсси, Н. Росс и др.)[1]

Вторая немногочисленная группа представлена советскими авторами, которые тоже не имели доступа к первоисточникам принципиальной важности, пытались интерпретировать события в пользу коммунистического режима (А.Авдеев, П.Быков, М.Касвинов, В.Панкратов, В.Яковлев и др.)[2]

К третьей группе необходимо отнести независимых экспертов как западных, так и российских, которые в 70—90-х гг. XX в. пытались на основе сопоставления "белых" и "красных" источников, а также открывшейся новой архивной информации представить трагические события 1918 г. в ином, более широком свете, не ограничиваясь пресловутым классовым подходом, которым одинаково грешили представители первых двух групп (Ю. Буранов и В. Хрусталев, А. Боханов, Л. Болотин. Г. Иоффе, Л. Лыкова, Э. Радзинский, П. Пагануцци, О. Платонов, Л. Сонин, А. Саммерс и Т. Менгольд, М. Ферро. М. Дзулиани, М. Хейфец, П. Лоррен, Н. Росс и др.)[3] Правда, говорить об их независимости приходится осторожно, поскольку одни не совсем отошли от советских пристрастий, другие впали в апологетику ультрамонархизма, третьи несут на себе печать определенных корпоративных интересов или личной предвзятости. Видимо, в такой сложной и противоречивой проблеме, как гибель Романовых, к тому же не обеспеченной основополагающими источниками, по-другому и быть не может.

Более подробно с характеристикой позиций вышеназванных авторов можно познакомиться в наших книгах: "Гибель царской семьи: мифы и реальность" и "Последний акт трагедии" (на английском языке), изданных в Екатеринбурге в 1993, 1996 гг.[4] Там нет только анализа последних работ: "Покер на костях. Или как скрывают правду о судьбе Николая II" Л. Сонина, "Как это было. Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия" Г. Рябова, сборника "Правда о Екатеринбургской трагедии", интригующих своей неожиданностью публикаций А. Мурзина[5]

Впрочем, краткое положительное резюме о книге Л. Сонина изложено в моем предисловии к ней. Говоря о сборнике "Правда о Екатеринбургской трагедии", хотелось бы отметить его высокий патриотический пафос, отчаянные стремления найти истину в этой трагедии, комплексный междисциплинарный подход к ее освещению. Это одна из лучших публикаций по данной проблеме. Что касается книги Г.Рябова, то она посвящена полуобоснованию, полуоправданию предполагаемых останков царской семьи, найденных в Поросенковом логу под Екатеринбургом и не вносит ничего существенно нового в понимание этой проблемы.

В данном контексте трудно обойти вниманием результаты работы Правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и его семьи, которая работала более четырех лет (октябрь 1993 — январь 1998 гг.). Мне, как ее постоянному члену, вроде бы не с руки говорить плохо об этом органе, но и хорошего сказать нечего. Свою позицию я выразил в особом мнении, которое широко публиковалось не только у нас в стране, но и за рубежом. Комиссия не решила поставленных перед ней задач. Хуже того, она усугубила поиск истины. Санкт-Петербургское перезахоронение предполагаемых останков царской семьи официально закрыло проблему. А фактически загнало ее вглубь, оставив российскую и мировую общественность в недоумении. Серьезная ошибка комиссии заключалась в том, что не была проведена историческая экспертиза материалов, связанных с гибелью царской семьи и сокрытием останков. К исчезновению семьи подошли как к классическому криминальному делу, забывая о том, что оно произошло три четверти века назад и обросло многочисленными исторически-

ми документами, которые опровергают многие традиционные криминалистические доказательства. Не спасло положение и применение генетических методов, которые необдуманно абсолютизировались, не имея надежной базы.

Оценивая в целом состояние изученности темы гибели царской семьи, можно констатировать, что за три четверти века она прошла несколько этапов. Наиболее продуктивными были периоды "белого" следствия (1918—1922 гг.) и последнего десятилетия (1990-е гг.), прошедшее под лозунгом возрождения России. Однако цунами новых материалов, и особенно версий, не внесло ожидаемой ясности в суть вопроса. Сегодня мы так же далеки от истины, как и в начале пути. Страшная тайна века остается неразгаданной. Кто принял решение об уничтожении Романовых, какие силы стояли за ним, какие тактические и стратегические цели они преследовали, кого конкретно уничтожили, где останки убиенных, мог ли кто-то остаться в живых? На эти вопросы до сих пор нет убедительных ответов.

"Да полноте, — скажут мне, — Все давно ясно. Команду дали Ленин со Свердловым, за ними стояли большевистские силы. Они боялись реставрации монархии, вся семья была убита, останки найдены Авдониным и Рябовым, захоронены в Санкт-Петербурге. Нечего больше морочить голову" А я отвечу: "Подтвердите фактами, что это сделал Ленин, таких фактов нет. Силы-то и среди большевиков были разные. Ни тактически, ни стратегически царь был нестрашен большевикам, а белые не питали иллюзий относительно реставрации монархии. Вся семья, по Л. Сонину, осталась живой и невредимой, а, по М. Хейфецу, еврейский народ в этом подлом деле не участвовал. Народ, конечно, ни причем, но отдельные-то его представители такие, как Юровский, очевидно, виноваты. По А. Авдонину, подлинные останки покоятся в Санкт-Петербурге, а, по А. Мурзину, их пепел утоплен в уральском болоте"

Так какая же это ясность? До нее далеко. Хватит плясать на костях. Пора, наконец, к проблеме гибели царской семьи подойти ответственно и строго научно. Она может быть решена только независимым органом, который бы получил право иметь все необходимые документы, подошел к проблеме комплексно, сопоставил бы все факты и версии, сделал убедительные выводы.

Только тогда будет проведена черта под столетней гражданской войной в России и страна успокоится, как это произошло в Англии и Франции после казни их королей.

Изучая проблему гибели царской семьи, необходимо видеть ряд важных последствий, вытекающих из нее. Остановимся на некоторых из них.

Первое следствие предполагает сравнение императорской и советской России. Несмотря на кажущуюся пропасть между ними, возникшую в ходе революции и гибели династии Романовых, существует много не только отличного, но и общего, что необходимо уяснить на нынешнем этапе развития страны. Это прежде всего исторический опыт экономического развития и менталитет народа, которые мало приспособлены к современному либеральному курсу.

Второе следствие проистекает из настойчивых попыток исказить правду о гибели Романовых как в начале века, так и в его конце. Широко известны маневры большевиков по этому поводу, меньше — представителей белого движения и совсем не проанализированы действия современных политиков, между тем как они имеют важное значение для раскрытия тайны века.

Обратите внимание на два, казалось бы, разновекторных, но удивительно совпадающих по времени фактора. В июле 1975 г. Ю. Андропов написал записку в ЦК о сносе дома Ипатьева (вскоре это было сделано). А в августе следующего года туда командируется Г.Рябов, который неожиданно нашел там своего сподвижника А.Авдонина, и они начали искать царскую могилу. В 1977 г. снесен дом Ипатьева, а в 1979 г. вскрыта могила, изъято три черепа, и до 1980 г. они находятся неизвестно где. В 1981 г. происходит канонизация , страстотерпцев Русской православной церковью за границей, чему предшествовали отчаянные попытки западных спецслужб разобраться в Екатеринбургской трагедии (выход в свет в 1976 г. книги А.Саммерса и Т. Мангольда "Досье Романовых"). Вскоре Г. Рябов направляется в Англию и ведет там широкие консультации по вопросу о гибели Романовых. Волей-неволей напрашивается вывод о связи советских и зарубежных инициатив в деле Романовых. Зачем? В этом еще предстоит разобраться.

Нам думается, что КГБ в ответ на какие-то западные акции предприняло попытку уничтожить следы гибели Романовых, а потом, в период перестройки, этими наработками воспользовались антикоммунистические силы, пытаясь сыграть на народном интересе к гибели царской семьи. Дело приняло иной оборот. Скорее всего, готовилась рокировка: торжественно перезахоронить Романовых и вынести из мавзолея Ленина. Вторая часть плана сорвалась. Первую пришлось доводить до конца. Вот почему в такой спешке, без должных оснований екатеринбургские останки были объявлены подлинно царскими и перезахоронены в Санкт-Петербурге, что вызвало брожение в народе и не способствовало консолидации в обществе, как было задумано. Черту под столетней гражданской войной в России подвести не удалось, а Романовский узел затянулся еще туже.

Могут сказать, что докладчик сгущает краски. А вы посмотрите последние публикации профессионалов в этом вопросе: историков С.Беляева и Ю.Буранова, юриста А.Бастрыкина, медэксперта В.Попова, даже генетика Л.Животовского — и увидите, что они пишут с такой же озабоченностью. В конце концов надо принять во внимание и тот факт, что никто из представителей европейских правящих династий не приехал на перезахоронение своих родственников Романовых в Санкт-Петербург. Они не пожелали участвовать в сомнительном деле.

Третье следствие связано с волной самозванства, возникшей после гибели царской семьи. Об этом мельком сообщалось в разных изданиях, но серьезного анализа вопроса никто не проводил по двум главным причинам. С одной стороны, оно считалось несущественным, а с другой стороны, исследователи не располагали необходимыми источниками. Сегодня, когда удалось рассекретить уникальные документы спецслужб по данному вопросу, оно предстает совсем в другом, более широком свете.

Нами обнаружены материалы о 18 самозванцах (в смутное время XVII в. было 12), претендующих на роль Романовых: "царь", "царица", "царевич Алексей", "князь Михаил", "княжны Анастасия, Мария, Ольга, Татьяна" и некий "Гриша непростого рода" Их деятельность продолжалась с 1922 по 1952 гг. и охватывала весь Урал, нередко выходя за его пределы, вплоть до Ал-

тая и Украины. Она базировалась на безусловной вере духовенства и простого народа в то, что православный царь, помазанник Божий и его дети таинственным образом спаслись и рано или поздно должны были вернуться на престол, чтобы избавить страну от ненавистного им советского строя, "являвшегося властью антихриста" Российское инакомыслие первой половины XX в. представляет огромный интерес в плане понимания глубин народного быта, его менталитета, отношения к монархической идее в то суровое время.

Таким образом, краткий анализ современного состояния изучения гибели царской семьи показывает, что эта проблема пока далека от решения. Трудно ожидать заметного продвижения вперед без доступа к новым, ранее закрытым документам. Необходим комплексный, высокопрофессиональный, междисциплинарный подход к ее исследованию, лучше на международном уровне. Очевидно, что царская семья пала жертвой грубого произвола, не имеющего никаких юридических оснований. Как это случилось, кто за этим стоял, куда упрятаны останки? В этом еще предстоит окончательно разобраться, по крайней мере, получить веские доказательства, чтобы убедить российскую и международную общественность. Постижение истины в гибели царской семьи — не самоцель. Это один из способов подвести черту под столетней гражданской войной в России и обрести общественное согласие.

Примечания

1. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925; Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922; Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991; Вильтон Р. Последние дни Романовых. М., 1991; Bulygin P. The Murder of the Romanovs. New York, 1935; Мельгунов С. Судьба императора Николая II после отречения. Париж, 1957; Pares B. The Fall of the Russian Monarchy. London, 1939; Hunt R.G. Hunt for the Czar. London, 1971; Trewin J. House of Special Purpouse. New York, 1995; Масси Р. Николай и Александра. М, 1992; Massie R. The Romanovs. The Final Chapter. New York, 1995; Росс Н. Гибель царской семьи. Франкфурт, 1987.
2. Авдеев А.Д. Николай Романов в Тобольске и в Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5; Быков П.М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926; Панкратов В.С. С царем в Тобольске // Былое. 1925; Касвинов М.К. Двадцать три ступеньки вниз. Ташкент, 1990.

3. Буранов Ю., Хрусталев В. Гибель императорского дома. М., 1992; Боханов А. Николай II. М., 1997; Болотин Л.В. Царское дело. М., 1996; Иоффе Г Революция и судьба Романовых. М., 1992; Российский архив. Т. VIII. Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919—1922 гг. / Сост. Л.А.Лыкова. М., 1998; Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. Историко-критический очерк. Джорданвилль, 1981; Платонов О.А. Убийство царской семьи. М., 1991; Попов В.Л. Где Вы, Ваше Величество? СПб., 1996; Радзинский Э. "Господи., спаси и усмири Россию. Николай II: жизнь и смерть" М., 1993; Сонин Л. Покер на костях, или как скрывают правду о судьбе Николая II. Екатеринбург, 1998; Summers A., Mangold T. Le dossier Romanov. Paris, 1980; Ферро М. Николай II. М., 1991; Дзулиани де М.Д. Царская семья. Последний акт трагедии. М., 1991; Хейфец М. Цареубийство в 1918 г. Версия преступления и официального следствия. М., 1992; Lorrian P. La nuit de l'Oural Un Assasinat des Romanov. Bartillat, 1996; Ross N. La Mort Lu Dernier Tsar. La Fin d'un Mystère? L'age d'Homme, 2001.
4. Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. Екатеринбург, 1993; Alekseyev V.V. The Last Act of a Tragedy. Ekaterinburg, 1996.
5. Правда о екатеринбургской трагедии. М., 1998; Рябов Г Как это было. Романовы: сокрытие тел, поиск, следствие. М., 1998; Мурзин А.П. О чем рассказал перед смертью цареубийца Петр Ермаков // Комсомольская правда. 1997, 25 нояб.

Династия Романовых в истории и культуре России. Материалы научно-богословской конференции. Екатеринбург, 19–21 июля 2000 г. Екатеринбург, 2002. С. 6–12.

Содержание

Предисловие 4

Введение 7

I. Исторический опыт 11

Исторический опыт как предмет изучения 11
Прогностика Ивана Ильича 29
Энергетика в истории общества: масштабы и характер воздействия 36
Чему учит русская история 46
Промышленная политика, ее исторический опыт как объекты изучения 50
Новации и традиции в российской экономике 56
Государственная служба России: исторический опыт и современность 60
Формирование современной налоговой системы России: истоки и уроки 68
Атомный комплекс в истории России 92
Гибель Советского Союза в контексте истории социализма 110
Регион – нация – культура: грани евразийской парадигмы 131
Введение к монографии «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике» 143
Заключение к монографии «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике» 160
Исторический опыт регионального развития 177
Программно-целевой подход к изучению исторического опыта индустриального развития 187
Исторический опыт управления российским городом: структура и механизмы 200
Урал в контексте национальной безопасности России 225

Освоение Сибири: исторический опыт и современность 228
Историческое наследие Югры как ресурс социально-экономического развития 244
Из сердца Азии – к порогу Европейской Арктики 259

II. Модернизация России ***265***
Ключевая проблема Российской истории XX века 273
Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? 291
Парадоксы Российской модернизации XX века 303
Модернизация Россия: назад в будущее? 307
Трансформация собственности в условиях модернизации 327
Модернизация и региональное развитие: векторы взаимодействия 337
Культурные парадигмы российских модернизаций 339
Модернизация и наука 344
Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции 349
Что век грядущий нам готовит? 381
Меморандум Всероссийской научно-практической конференции «Россия в поисках национальной стратегии развития» 385

III. Индустриальное наследие ***398***
Проблемы изучения и сохранения индустриального наследия Урала 399
Индустриальное наследие Урала – часть мировой культуры 410
Уральские металлургические заводы XVIII – XIX вв. как памятники индустриального наследия 418
Гороблагодатский рудник на Урале – уникальный памятник горной истории 432
Индустриальное наследие Урала как выдающийся памятник русской культуры 442
Международное значение индустриального наследия Урала 445

Урал – парк – будущее региона? 452
Индустриальное наследие Евразии 458
Индустриальная культура как предмет компаративного изучения 464
Гидростанции Сибири – уникальные памятники энергетической революции XX века 471

IV. Тайна царских останков ***478***
Парадоксы жизни и гибели Николая II 479
Версии и факты 493
Гибель императорского дома: взгляд три четверти века спустя 542
Новые документы для идентификации предполагаемых останков царской семьи Романовых 554
Материалы о гибели царской семьи на Урале: из архива Гуверовского института войны, революции и мира (США) 557
Предисловие к книге Льва Сонина «Покер на костях или как скрывают правду о судьбе Николая II» 569
Ключ к истине в руках историков 575
Особое мнение 586
Это чревато национальным позором для России 588
Тайна века 601
Гибель царской семьи: итоги и задачи изучения 629

CONTENTS

Preface 6

Introduction 7

I. Historical Experience 11

Historical Experience as a Subject for Study 11
Ivan Ilin's Prognostics 29
Energetic Factor in the History of Society: the Scale and Character of Influence 36
What does the Russian History Teach 46
Industrial Policy and its Historical Experience as Subjects for Study 50
Innovations and Traditions in Russian Economy 56
Russian State Service: Historical Experience and the Present 60
Forming the Modern Tax System of Russia: Sources and Lessons 68
The Nuclear Complex in the History of Russia 92
The Fall of the Soviet Union in the Context of the History of Socialism 110
Region – Nation – Culture: the Facets of the Eurasian Paradigm 131
Introduction to the book "Asiatic Russia in Geopolitical and Civilization Dynamics" 143
Conclusion to the book "Asiatic Russia in Geopolitical and Civilization Dynamics" 160
Historical Experience of Regional Development 177
Program-Target Approach to the Research into Historical Experience of Industrial Development 187
Historical Experience of the Russian City Administration: Structures and Mechanisms 200
The Urals in the Context of Russia's National Security 225
Development of Siberia: Historical Experience and the Present 228

Historical Legacy of the Yugra as a Resource for Social and Economic Development 244
From the Asian Heart to the Threshold of the European Arctic 259

II. Modernization of Russia ***265***
The Key Problem of the 20th Century Russian History 273
Modernization and Revolution in Russia: Synonyms or Antipodes? 291
Paradoxes of Russian Modernization of the 20th Century 303
Modernization of Russia: Back to the Future? 307
Transformation of Ownership in the Situation of Modernization 327
Modernization and Regional Development: Vectors of Interaction 337
Cultural Paradigms of Russian Modernizations 339
Modernization and Science 344
Disintegration of the USSR in the Context of the Theories of Modernization and Imperial Evolution 349
What does the Coming Century Have in Store for Us? 381
The Memorandum of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Russia's Search for National Strategy of Development" 385

III. Industrial Heritage ***398***
Problems of Research and Preservation of the Ural Industrial Heritage 399
Industrial Heritage of the Urals as a Part of the World Culture 410
Ural Metallurgical Plants of the 18-19th Centuries as Monuments of the Industrial Heritage 418
Goroblagodatsky Mine of the Urals - the Unique Site of the Mining Industry 432
Industrial Heritage of the Urals as an Outstanding Monument of Russian Culture 442
International Significance of the Ural Industrial Heritage 445
The Urals – Park - the Region's Future? 452
Industrial Heritage of Eurasia 458

Industrial Culture as a Subject for Comparative Research 464
Hydropower Stations of Siberia as Unique Monuments of the Energetic Revolution of the 20th Century 471

IV. The Mystery of the Tsar's Remains ***478***
Paradoxes of Nicholas II 's Life and Death 479
Versions and Facts 493
The Fall of the Emperor's House: A Standpoint after Three Fourth of the Century 542
New Documents for the Identification of the Assumed Remains of the Tsar Romanov's Family 554
Materials on the Death of the Tsar's Family in the Urals: from the Archive of the Hoover Institute for War, Revolution and Peace (USA) 557
Preface to the Book by Lev Sonin "The Poker on the Bones or how the Truth about Nicholas's Fate is Hidden" 569
The Key to the Truth is in Historians' Hands 575
A Particular Opinion 586
This is Fraught with National Disgrace for Russia 588
Mystery of the Century 601
The Death of the Tsar's Family: Results and New Tasks for Study 629

УДК 947:001

ББК 63.3

Алексеев В.В. Общественный потенциал истории – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2004. – 642 с.

ISBN 5-93053-056-4

Книга посвящена изучению общественного потенциала истории, обоснованию необходимости практического использования исторического опыта, выяснению цивилизационной значимости процессов, происходящих в России за последние три века, особенно в XX столетии, судьбе ее индустриального наследия, а так же оценке общественного резонанса дискуссии о подлинности предполагаемых останков царской семьи, обнаруженных под Екатеринбургом. Она адресована историкам, политикам разного уровня, всем, кого волнует прошлое и будущее отечества.

ISBN 5-93053-056-4

© Алексеев В.В., 2004
© Уральский гуманитарный институт
2004

В.В. Алексеев

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИИ

Компьютерная верстка: Сенько Н.В.

Методическая литература Уральского гуманитарного института

Подписано в печать 22.06.04 г. Уч.-изд. л. 37,4,1 п.л.
Формат 60x84\16. Тираж 300 экз. Зак № 1528.

Издательство УрГИ 620078, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 63, к. 111.
Т.: 375-30-48

Отпечатано с готового оригинал-макета в
ИПЦ «Издательство УрГУ»
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4